Президентский центр Б.Н. Ельцина

М.Р. Зезина
О.Г. Малышева
Ф.В. Малхозова
Р.Г. Пихоя

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕМЕН

Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина

Москва
Новый хронограф
2011

УДК 32(470+571)(092)Ельцин Б.Н.
ББК 63.3(2)64-8Ельцин Б.Н.
Ч-39

Издано при содействии Президентского центра Б.Н. Ельцина и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Авторский коллектив: проф., д.и.н. М.Р. Зезина, проф., д.и.н. О.Г. Малышева, к.и.н. Ф.В. Малхозова, проф., д.и.н. Р.Г. Пихоя.
Под редакцией проф., д.и.н. Р.Г. Пихоя

Ч-39 **ЧЕЛОВЕК ПЕРЕМЕН**
Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина. — М.: Новый хронограф, 2011. — 540 стр., ил.

Целью книги является исследование политической биографии первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Задачами исследования являются:

— выявление комплекса исторических источников, позволяющих создать научную биографию первого Президента России;

— анализ социальных, экономических, политических, идеологических факторов, влиявших на формирование и развитие политических взглядов Б.Н. Ельцина;

— исследование причин, определивших эволюцию мировоззрения Б.Н. Ельцина — от последовательной защиты и следования коммунистической идеологии к постепенному отказу от неё и переходу к антикоммунистическим воззрениям.

Авторы в максимально возможной степени стремились основывать свои выводы на документальной основе, как уже введенной в научный оборот, так и впервые привлеченной для изучения этой темы.

В книге использованы материалы проф., д. филос. н. Бойкова В.Э., проф., д.и.н. Кириллова А.Д., Каёты Г.М.

Агентство CIP РГБ.

ISBN 978-5-94881-154-3

© Ельцин-Центр 2011
© Авторский коллектив 2011
© Новый хронограф 2011

Оглавление

Предисловие ... **6**

Часть 1. **УРАЛ** ... **11**
Глава 1. **Детство** ... **13**
Хозяева ... **13**
Курс — на ликвидацию кулачества как класса ... **17**
Высылка ... **23**
Колхозники ... **24**
Запись акта о рождении ... **25**
Спецпоселенцы ... **27**
Березники ... **29**
Соцгород ... **30**
Отец ... **34**
Сын ... **36**
Глава 2. **Карьера строителя** ... **39**
Студент специальности «промышленное и гражданское строительство» ... **39**
Стройка ... **57**
Вступление в партию ... **58**
Начальник стройуправления ... **62**
Домостроительный комбинат ... **67**
Франция глазами строителя Ельцина ... **70**
Глава 3. **Свердловский обком** ... **73**
Зав. отделом обкома ... **76**
Первый секретарь обкома ... **80**
Свердловская область ... **83**
Сельское хозяйство ... **85**
Как люди жили и что ели ... **87**
Строительство ... **90**
Партийная организация области в цифрах. И не только ... **95**
Накормить. Одеть. Обеспечить. Задачи без решений ... **106**
Начало «эры открытости» ... **110**
И всё-таки идеология ... **122**
Новое назначение — в Москву ... **125**

Часть 2. **МОСКВА** ... **131**
Глава 4. **Заведующий отделом строительства, секретарь ЦК КПСС** ... **133**
Первый секретарь МГК КПСС ... **137**
XXVII съезд КПСС ... **139**
Кадры ... **142**
Проблемы Москвы ... **146**

Встреча с пропагандистами Москвы 11 апреля 1986 года 148
От Чернобыля до Гамбурга 150
Повседневная работа секретаря горкома 152
Январский пленум ЦК 1987 года 155
Встреча с «Памятью» 159
Ельцин в Политбюро ЦК КПСС («Мы тебя не поддерживаем, хотя одобряем») 160
Октябрьский Пленум 1987 года «Дело Ельцина» 164
Глава 5. **Возвращение в большую политику** 175
На новой службе 175
XIX партийная конференция 177
Прорыв информационной блокады 182
Встреча в ВКШ 12 ноября 1988 года 186
Избирательная кампания 1989 года 187
Первый съезд народных депутатов СССР 196
Поездка в США 9—17 сентября 1989 года и после 201

Часть 3. **КРЕМЛЬ** 207
Глава 6. **Председатель Верховного Совета РСФСР** 209
Подготовка к российским выборам 1990 года 209
Межрегиональная депутатская группа и российские выборы 210
«Исповедь на заданную тему». Приключения с презентацией 215
Выборы Председателя Верховного Совета РСФСР 216
Декларация о государственном суверенитете РСФСР 225
Ельцин и КПСС: начало департизации 226
Итоги российского съезда 226
«Программа 500 дней» 227
Российский суверенитет. Экономический аспект 233
Как не приняли новую Конституцию РСФСР 236
«Восстание заместителей» 239
Третий внеочередной съезд народных депутатов 244
На путях к Новоогаревскому соглашению 246
Глава 7. **Президент РСФСР** 250
Выборы президента России 250
Августовский путч 1991 года 259
После путча. Запрет КПСС 271
Беловежское соглашение 272
Глава 8. **Президент в условиях политико-конституционного кризиса** 279
1992 год. Начало воссоздания государственности России 279
Команда Президента 279
Нужна ли новая конституция? 283
VI съезд народных депутатов 285

Федеративный договор 287
Оппозиция 288
Политический конфликт на VII съезде народных депутатов Российской Федерации 290
«Обращение к гражданам России» 297
Отставка Е.Т. Гайдара. Председатель Совета министров — В.С. Черномырдин 301
Спор о референдуме о принятии Конституции: Президент и Съезд 303
Несостоявшийся импичмент 306
Конституционное совещание: подготовка президентского варианта Конституции 314
Указ 1400. Попытка силового преодоления политико-конституционного кризиса 321
X Чрезвычайный съезд народных депутатов 327
Принятие Конституции 1993 года 334
Глава 9. **Между битвами: 1994—1995 годы** 337
Обманчивое затишье 337
Президентская команда: новые люди 339
Трудный путь к согласию и взаимодействию 341
Экономические реформы на словах и на деле 344
Как вернуть «прежнего Ельцина»? 346
Испытание Чечней 350
Состоятся ли новые выборы? 356
Парламентские выборы 1995 года 358
Глава 10. **Президентские выборы 1996 года** 361
Выдвижение кандидатов 361
Мартовский кризис 366
Проблема урегулирования чеченского кризиса 369
Предвыборная кампания 371
Состоятся ли выборы? 375
«Коробка из-под ксерокса» и цена победы 376
Глава 11. **«Осень патриарха». Второй срок Президента** 378
После выборов: болезнь и перестановки в команде 378
Политические баталии в отсутствии «хозяина» 381
«Младореформаторы» в правительстве 384
На пути к финансовому банкротству 388
Дефолт и его последствия 392
Операция «наследник» 395
Глава 12. **Президент на пенсии** 402

Послесловие 413

Именной указатель 414

Предисловие

Целью книги является исследование политической биографии первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Задачами исследования являются:

— выявление комплекса исторических источников, позволяющих создать научную биографию первого Президента России;

— анализ социальных, экономических, политических, идеологических факторов, влиявших на формирование и развитие политических взглядов Б.Н. Ельцина;

— исследование причин, определивших эволюцию мировоззрения Б.Н. Ельцина — от последовательной защиты и следования коммунистической идеологии к постепенному отказу от неё и переходу к антикоммунистическим воззрениям.

Авторы в максимально возможной степени стремились строить свои выводы на документальной основе, как уже введенной в научный оборот, так и впервые привлеченные для изучения этой темы.

Нами проанализированы документы по истории семьи Ельциных в период с конца XIX в. до начала 30-х гг., до времени раскулачивания и высылки семьи, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Шадринском государственном архиве Курганской области (ШГАКО). В фондах ГАСО хранятся документы о работе Б.Н. Ельцина как инженера-строителя, а также о влиянии Б.Н. Ельцина как секретаря Свердловского обкома КПСС на деятельность многочисленных государственных и общественных организаций и предприятий Свердловской области.

Ценнейшие сведения о деятельности Б.Н. Ельцина как заведующего отделом строительства, секретаря и первого секретаря Свердловского обкома КПСС хранятся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Этот комплекс документов отражает практически все стороны деятельности и обкома КПСС как политического и государственного центра управления областью и проведения общегосударственной политики в её региональном аспекте.

Период деятельности Б.Н. Ельцина как заведующего отделом строительства ЦК КПСС, секретаря ЦК, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС и первого секретаря Московского горкома нашел свое отражение в документации секретариата и Политбюро, находящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), в том числе в рабочих записях заседаний Политбюро, отразивших позицию высшего политического руководства страны по отношению к Ельцину.

Большое количество документов о практической деятельности Ельцина как первого секретаря Московского горкома КПСС отложилось в фондах Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ).

Обстоятельная документация о ходе выборов на Съезд народных депутатов РСФСР, о деятельности Съездов и Верховного Совета Российской Федерации, Президиума, комитетов и комиссий Верховного Совета хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Существенно хуже документирован период деятельности Президента в 1994—1999 гг. Исследователю придется иметь дело с публикациями указов и распоряжений Президента, статистикой Госкомстата, материалами Центризбиркома, Посланиями Президента. Значительный и важный для понимания мотивов принятия решений комплекс документов, отразивший деятельность Президента, хранится в Архиве Президента Российской Федерации. Эти материалы (стенограммы заседаний Совета Безопасности, совещаний, проводимых Президентом и его Администрацией, аналитические записки) в соответствии с действующим законодательством пока недоступны исследователям.

Исследователю приходится привлекать периодическую прессу как источник, содержащий разнообразную информацию, отражающую «злобу дня», актуальную в конкретный момент для данного издания. Информация, содержащаяся в периодической печати, как правило, «партийна», не обязательно в прямом организационном смысле (хотя и подобные ситуации нередки). Пресса отражает различные спектры общественных настроений, существующих в стране[1], в том числе и по отношению к Президенту Ельцину. Тем она и важна как исторический источник, отражающий не столько конкретные факты, сколько стереотипы, представления, бытовавшие тогда в обществе по отношению к власти.

Феноменом новейшего состояния историографии и источниковедения стало появление огромного, небывалого в отечественной истории потока мемуарной литературы. Самая потребность «действующих лиц и исполнителей» политического процесса зафиксировать в мемуарах свою причастность к недавнему прошлому свидетельствует о понимании важности, грандиозности изменений, которые произошли в нашей стране в конце XX в.

Мемуары стали не только рассказом о прошлом. Они могли служить орудием политической борьбы, стать частью избирательной программы. Эта особенность мемуаров была использована Б.Н. Ельциным в 1989 г. при создании «Исповеди на заданную тему», что не снижает важности авторского видения состояния страны, его анализа системного кризиса в СССР в конце 80-х гг., как и публикацию в этой книге важнейшего документа — письма М.С. Горбачеву с просьбой об отставке, датированной сентябрем 1987 г.

Большой массив мемуарных документов был издан руководителями Советского правительства в 90-е гг., после крушения СССР[2]. При несхожести мно-

[1] Достаточно сравнить позиции таких изданий, как «Советская Россия», «Завтра», «Известия», «Московский комсомолец», «Московские новости».

[2] *Яковлев А.Н.* Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992; *Оников Л.А.* КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата КПСС. М., 1996; *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005; *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995; *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 1995; *Гришин В.В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996; *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993; *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. *Шахназаров Г.* Цена свободы. М.: Россика, 1993; *Медведев В.А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994; *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995; *Прокофьев Ю*. До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2005; *Лукьянов А.* В водовороте российской смуты. (Размышления, диалоги, документы). М., 1999; *Лигачев Е.К.* Перестройка: замыслы, результаты и поражения и уроки. М., 2005 и др.

гих оценок недавнего прошлого, сведения мемуаристов позволяют полнее понять позицию союзного руководства в его противостоянии с российскими властями, сформированными после выборов 1990 г.

«Российская оценка» событий конца XX в. изложена, прежде всего, в мемуарах Президента Ельцина[1], а также сотрудников его Администрации[2]. В «Эпохе Ельцина», написанной помощниками Президента Ельцина, рассматривается ход событий российской политической истории, начиная с конца 80-х гг., непосредственными участниками которых были сами авторы. Это взгляд изнутри людей пристрастных, которые не были просто исполнителями, а имели каждый свою позицию, были командой. Они сознают и признают упущения и ошибки власти и лично Ельцина, сожалеют о том, что не удалось сделать. Особый интерес представляет информация о том, как вырабатывались политические решения, как вел себя Ельцин в тех или иных ситуациях, как строились его взаимоотношения с политическими оппонентами, каким был стиль работы и отношений в ближайшем окружении президента.

Непростое становление демократической государственности, начавшееся на волне перестройки, нашло отражение в работах одного из ключевых российских политиков конца 80-х — середины 90-х гг. Сергея Александровича Филатова. С начала 90-х он работал в Верховном Совете РСФСР, затем возглавлял Администрацию Президента, затем общественное движение поддержки Б.Н. Ельцина на президентских выборах в 1996 г. Диапазон рассуждений С.А. Филатова очень широк: от общих вопросов парламентаризма, взаимоотношения политики и экономики, власти и оппозиции, связи с регионами, искусства управления и утверждения согласия в обществе — к более частным, но весьма актуальным, например, о работе в «команде» президента и др.[3]

Позиция политических противников Президента представлена большим количеством мемуарных публикаций. Р.И. Хасбулатов, сначала — союзник Б.Н. Ельцина, позже ставший его ярым противником, представил 7-томное издание, в котором он изложил собственный взгляд на развитие страны с 80-х гг.[4]

О деятельности Ельцина на посту руководителя Верховного Совета Хасбулатов пишет только в негативных тонах. Рассказывая о совместной работе с Ельциным, автор не может сдержать накопившиеся обиды и неудовлетворенные амбиции.

Пожалуй, наибольшую ценность среди мемуарной литературы, принадлежащей политическим противникам Б.Н. Ельцина, стали дневники В.Б. Исакова[1]. Эта ценность обусловлена, по нашему мнению, двумя обстоятельствами. Во-первых, дневниковый характер изложения запечатлел конкретные обстоятельства факты подготовки первого Съезда народных депутатов, споры на Президиуме Верховного Совета РСФСР. Во-вторых, В.Б. Исаков опубликовал в своих мемуарах большое число документов, относящихся к политической истории 1990—1993 гг.

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990; его же: Президентский марафон. — М., 2000; его же: Записки президента. М., 2006.

2 *Суханов Л.Е.* Три года с Ельциным. Записки первого помощника. Рига, 1992; *Костиков В.* Роман с Президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997; *Филатов С.А.* На пути к демократии. М., 1995; *Он же.* Совершенно несекретно. М., 2000; Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001; Авторы — помощники Ельцина 1992—1998 гг.: Ю.М. Батурин, А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий, В.В. Костиков, М.А. Краснов, А.Я. Лифшиц, К.В. Никифоров, Л.Г. Пихоя, Г.А. Сатаров.

3 *Филатов С.А.* На пути к демократии. М., 1995; Он же. Совершенно несекретно. М., 2000.

4 *Хасбулатов Р.И.* IV Республика: от недогосударства Ельцина к государству Путина. В 7 кн. Кн. 1.: «Рыхление» Советской империи — СССР. М., 2009; Кн.2: Операция «Гром». Прелюдия к падению СССР. — М., 2009 (издание еще не завершено).

Нельзя не отметить также мемуары А.В. Коржакова, руководителя личной охраны Б.Н. Ельцина, близкого ему человека, который с 1996 г. оказался в рядах его противников. Избавляя читателя от оценки моральных качеств «прикрепленного» адъютанта, в профессиональные качества которого входит и сохранение тайны личной жизни «охраняемого лица», обязательство, бесспорно, нарушенное Коржаковым, констатируем и то, что его воспоминания содержат ряд фактов, важных для реконструкции политической биографии Б.Н. Ельцина[2].

Анализ источникового потенциала мемуаров во всех случаях предполагает критику источника, учета всей совокупности факторов, которые оказали воздействие на авторов, на выработку их оценки событий прошлого.

Авторы сознательно уходят от оценки историографии по теме — Б.Н. Ельцин как политический деятель. Причина проста. Историографический очерк, предваряющий текст, воспринимался бы как способ навязать точку зрения авторов. Поэтому ограничимся простым перечнем важнейших исследований по этой теме, отнюдь не исчерпывающим огромное количество публикаций по этой проблеме[3].

Авторы убеждены, что эта книга лишь открывает научные исследования биографии Б.Н. Ельцина и, без сомнения, появятся новые книги, посвященные истории первого Президента России, как и связанных с ним большим количеством тем — назовем лишь некоторые:

1 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990—1991. Екатеринбург, 1997.

2 Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997.

3 *Aron L.* Yeltsin. A revolutionary life. N.Y. 2000; Colton T. «Moscow politics and the El'tsin Affair» The Harriman Institute Forum 1, no/6 (June 1988), Pp.1—8; *Colton T.* Yeltsin. A Life. N.Y. 2008; *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю 1985—1991 гг.: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2002; *Барышников В.* Китайские политологи об «эпохе Ельцина». Проблемы Дальнего Востока №1. 2001; *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994. М., 1996; *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996; *Кириллов А.Д.* Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990—1997 гг.). Екатеринбург, 1997; *Кириллов А.Д., Попов Н.Н., Кириллов Б.А.* Урал политический: история и современность: Партии. Выборы. Депутаты. Екатеринбург, 1999; *Литвин А.Л.* Ельцины в Казани. Казань, 2006; *Минаев Б.Д.* Ельцин. М., 2010; *Мороз О.* 1996: Как Зюганов не стал президентом. — М., 2006; Перестройка. Десять лет спустя. (апрель 1985 — апрель 1995). М., 1995; *Пихоя Р.Г.* Москва, Кремль, власть. 40 лет после войны. М., 2007; *Пихоя Р.Г.* Москва, Кремль, власть. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000; *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России. Кризис коммунистической власти и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008; *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М. 2001; *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М., 1992; *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999; *Шевченко В.Н.* Повседневная жизнь Кремля при Президентах. М., 2005; *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005.

— причины крушения идей коммунизма и КПСС в России;
— обстоятельства, приведшие к распаду СССР;
— рыночные реформы в России: причины и следствия;
— советская и российская политическая элита на рубеже веков;
— судьба Советской Армии и силовых структур в условиях политической трансформации российского государства и общества;
— путь от государственного атеизма к сотрудничеству с церковью. Особенности «российского конкордата»…

Перечень проблем можно множить и множить.

И еще.

Не сомневаемся, что книга вызовёт споры и дискуссии.

Мы предлагаем свое видение политической биографии. Оно основано на приёмах и принципах профессиональной исторической науки.

Надеемся, что и наши последователи будут сохранять приверженность этим принципам.

Часть 1

УРАЛ

Глава 1
Детство

Хозяева

Род Ельциных происходит из Зауралья, из южных местностей Тобольского уезда, земель, освоенных во второй половине XVII в. по преимуществу крестьянами — выходцами из Верхотурского уезда[1]. По социальному составу — это черносошные крестьяне XVII в., позже — приписные к казённым заводам, с начала XIX в. — государственные крестьяне не знавшие крепостного права.

«Земли вообще хлебородны..., оба уезда (Камышловский и Шадринский — авт.), — писал в начале 40-х гг. XIX в. исследователь Сибири П. Словцов, — наиболее Шадринский, волнуются между возвышенных и веселых равнин... Уезды сии считаются житницами заводов, и в случае неурожая в западных уездах Тобольской губернии, уделяют ими от своих избытков... Урожай там бывает, следовательно, и бывал, в 7—10 крат более против посева»[2].

Житель Шадринского уезда, корреспондент Русского географического общества в пореформенные годы А.Н. Зырянов отмечал, что этот уезд был по преимуществу земледельческим, «исстари славящимся богатством почвы и хлебородием... неурожаи составляют лишь исключительное и редкое явление. Плодородием обязаны наши земли, без сомнения, тучному рыхлому чернозему, преобладающему во всех местностях по Шадринскому уезду. ... Чернозём здесь до того хорош, что, несмотря на вековую деятельность его под рукою земледельца, не утратил своей силы и тем особенно приковал к себе внимание своего обладателя»[3].

Ельцины жили в нескольких селах Басмановской волости Шадринского уезда, вокруг Буткинской слободы, основанной в 1676 г.[4]

Сохранявшимся чертам традиционного хозяйства соответствовало и широкое распространение среди жителей уезда старообрядчества[5]. При сравнительно небольшой абсолютной численности населения в Шадринском уезде в 1913 г. насчитывалось 22 127 старовера.

Ельцины (другое написание фамилии, встречающееся до начала 30-х гг. XX в. — Елцыны, Ельцыны) упоминаются в переписных книгах и ревизских сказках с середины XVIII в. как жители Басмановского уезда Шадринского уезда

1 *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII века. М., 1972. С. 78—81.

2 *Словцов П.* Историческое обозрение Сибири. Кн. вторая с 1742 по 1823 год. Спб., 1844. С. 250. Урожайность сам-7 — сам-10 в Шадринском и Камышловском уездах означает, при обычной норме высева по 2 центнера семян на один га урожайность составляла от 14 до 20 центнеров с гектара.

3 *Зырянов А.Н.* Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии. Шадринск, 1997.

4 Адрес—календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 год. Пермь, 1905. С. 74.

5 Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 109. В Буткинской слободе и селах, её окружавших, произошли массовые самосожжения староверов в середине XVIII в. См.: *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест уралосибирских крестьян — старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 235, 237, 242—243.

Ельцины жили в нескольких селах Басмановской волости Шадринского уезда, в 20 верстах от Буткинской слободы[1].

В документах Государственного архива Свердловской области, сохранивших данные о местном самоуправлении пореформенного Басмановской волости, сведения о Ельциных немногочисленны[2]. Самые раннее сообщения о прямых родственниках Б.Н. Ельцина обнаружены мной в списках должностных лиц волостного и сельского управлений Басмановской волости за 1893 г[3]. Среди десятских упоминаются Игнат Екимов Ельцын, 28 лет, будущий дед Президента, и двоюродный брат Игната Ельцина Петр Саввин Ельцин, 25 лет.

Заслуживает быть отмеченным, что и волостной старшина, его заместитель (кандидат), волостной заседатель, восемь волостных судей были неграмотны[4].

Более подробные сведения о родственниках Б.Н. Ельцина содержатся в списке домохозяев Басмановского сельского общества. Всего в селе было учтено 324 двора[5]. В документах сельского схода в 1908 году среди домохозяев, имевших право голоса, указаны Еким Саввич Ельцын и его сын — Игнатий (дед Б.Н. Ельцина) Петр Саввич, Петр Лукич, Илья Лукич Ельцыны, Виктор Евдокимович, Михаил Евдокимович и сын его Петр, а также Андрей Митрофанович и Михаил Григорьевич Ельцыны.

Уральское село пережило революцию и гражданскую войну, понеся тяжелые потери. На Урале посевная площадь сократилась в 1922 г. по сравнению с 1916 г на 68%, численность лошадей уменьшилось на 48%, крупного рогатого скота на 63%, мелкого рогатого скота на 68%, а свиней даже на 90%. Изменилась и ухудшилась структура посевных площадей, сократились посевы пшеницы[6].

1 *Панов Д.А.* Поколенные росписи крестьянских родов Ельциных и Старыгиных. 1996. Рукопись. С. 2—4. (Из собрания Уральского Центра Б.Н. Ельцина).

2 Обычная для отечественной архивистики проблема — «макулатурные кампании», помноженные на экспертизы ценности документов, когда массово уничтожались кажущиеся неважными массовые источники, осложняется, при исследовании семьи Ельциных, тем, что в XX в. село Басмановское постоянно меняло свою административную подчиненность. На 1918 год с. Басмановское было центром Басмановской волости Шадринского уезда Пермской губернии, в июле 1919 г. — в Шадринском уезде Екатеринбургской губернии. В конце 1923 г. Шадринский уезд был упразднен и часть его территории вошла в состав Шадринского округа Уральской области. Часть бывшей Басмановской волости вошла в Буткинский район. Село Басмановское стало центром Басмановского сельсовета Шадринского округа Уральской области. Постановлением ВЦИК от 17 января 1934 г. Уральская область разделена на три — Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую, и село Басмановское вошло в Окуневский район Челябинской области. В октябре 1938 г. село Басмановское, уже в составе Буткинского района, было передано Свердловской области. Позже Басмановское вместе с Буткой стало частью Талицкого района Свердловской области. Для историков и архивистов это означает, что актовые документы о крестьянской семье Ельциных за сравнительно короткий период, связанный с осуществлением политики коллективизации, оказались, как минимум, в трех областях — Свердловской, Курганской, Челябинской, а также в Казани, Перми, Березниках и ряде московских архивов. См.: Административно-территориальное деление Курганской области (1917—2004 гг.) Курган. 2005. С. 10—12, 14, РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1972 г. М., 1972. с. 291.

3 Государственный архив Свердловской области. Далее — ГАСО, ф. 203, оп. 1, д. 388, л. 28.

4 Там же, л. 44 об.—45 об.

5 Там же, л. 19—22 об.

6 Материалы по районированию Урала. Т. 4. Перспективные пятилетние планы развития

Судя по сохранившимся документам, Ельцины не воевали ни за красных, ни за белых. Большая семья Игната Екимовича Ельцина была вполне зажиточной. В списке 1920 г. плательщиков государственного натурального налога Шадринского уезда Басмановской волости с. Басмановского записан Ельцын Игнатий Екимов, в его семье значилось 7 человек. И.Е. Ельцын засевал 6 десятин, должен был платить налог в 20 пудов ржи или 15 пудов — если уплата будет пшеницей. Замечу, что размер налога И.Е. Ельцина был одним из самым больших в Басмановском. Налог И.Е. Ельцын[1] должен был оплачивать полностью, его имущественное положение определено как «зажиточный». Впрочем, материальный статус И.Е. Ельцина — деда Президента — соответствовало среднему обеспечения сибирского крестьянства на рубеже веков. По подсчетам новосибирского исследователя Л.М. Горюшкина, с посевом от 4 до 9 десятин насчитывалось 35,1% крестьян, с посевом 9 и более десятин — 26,7%[2].

Хозяева должны были расписаться в том, что они ознакомлены с размерами налога. И.Е. Ельцин был неграмотен. Вместо него расписался его односельчанин Иван Берсенев[3].

Позже, уже в 1934 г., председатель Басмановского сельсовета сообщал по запросу ОГПУ, что Игнат Екимович Ельцин, отец арестованных в Казани Николая и Андриана Ельциных, владел в прошлом водяной и ветряной мельницами, молотилкой, жаткой, пятью рабочими лошадьми, четырьмя коровами, владел до 5 га земли, арендовал и засевал до 12 га. Он же сообщал, что в 1924 г. Игнат разделил хозяйство на три части — по всей вероятности — между двумя взрослыми сыновьями Иваном и Дмитрием и собой[4].

О том, что Иван Ельцин стал около 1924 г. обзаводиться собственным, отдельным от отцовского, хозяйством, есть косвенное свидетельство. В протоколах президиума Буткинского районного исполкома Шадринского округа Уральской области 1925 г. учтены десятки крестьян, оштрафованных за самовольную рубку леса. Среди них — Феоктист Екимович Ельцин, дядя Ивана Ельцина, и сам Иван Игнатьевич Ельцин. Хронологическое совпадение данных о разделе имущества Игната Екимовича Ельцина и сведений о заготовке леса его сыном Иваном могут быть истолкованы, как начало строительства Иваном своего дома[5].

Отмечу и то, что Иван Ельцин работал в Басмановском сельсовете с 1924 по 1928 гг. и даже замещал должность председателя сельсовета, когда тот в 1926 г. был в отпуске[6]. Он сумел получить начальное образование.

главных отраслей народного хозяйства Уральской области 1922—23 г. — 1926—27 г. Екатеринбург, 1923. С. 4.

1 С этого времени фамилия Ельцыны стала писаться в документах как Ельцины.

2 *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX—начало XX в. Новосибирск, 1967. С. 161.

3 ГАСО, ф. р.—718, оп.1, д. 14.

4 *Литвин А.Л.* Ельцины в Казани. Казань, 2006. С. 24—26.

5 Шадринский государственный архив Курганской области. Далее — ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 329. Л. 363—365.

6 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 2. Д. 51. Л. 79. См. также: Автобиография Н.И. Ельцина. 22 марта 1953 г. Из коллекции документов Уральского центра Б.Н. Ельцина.

Итак — дела Игната Ельцина и его семьи в первые послереволюционные годы шли определённо неплохо.

Отмечу, что во многочисленном клане Ельциных были жители Басмановской волости Василий Петрович Ельцин, член волостного совета, неграмотный, бедняк, земледелец, беспартийный, служебный стаж с 9 ноября 1923 г[1]., в деревне Поротниково Ельцин Федор Степанович, Ельцин Степан Николаевич, Ельцин Киприан Спиридонович, Ельцин Никита Иванович, Ельцин Степан Дмитриевич, Ельцин Яков Михайлович; в деревне Коновалово Ельцин Степан Дмитриевич, Ельцин Филипп Васильевич, Ельцин Еремей Иванович, Ельцин Александр Спиридонович[2], Ельцин Иван Михайлович[3].

Имущественное положение представителей этого рода было различным. Среди жителей Поротниковского сельсовета Никита Иванович, Степан Дмитриевич и Александр, Федор Степанович Ельцины были лишены избирательного права, но оно было возвращено им октябре 1925 г., и тогда же и Яков Михайлович Ельцин был лишён избирательного права[4].

В зауральской деревне периода НЭПа продолжали сохраняться элементы местного самоуправления, уходившие своими корнями в прошлое. Другое дело, что эти традиции реализовывались уже в советской форме. Практиковались выездные сессии Буткинского райисполкома, на заседании которых присутствовали десятки местных жителей. На одной из таких сессий, происходившей 19 декабря 1926 г. в деревне Поротниково, кроме районного начальства и членов Поротниковского сельсовета присутствовало 67 человек «неорганизованного населения деревни Поротниковой», «общества», как по старинке обмолвился председатель Буткинского райисполкома Овчинников.

Овчинников отчитывался перед населением об агротехнических мерах, сообщал, что лошадей и крупного рогатого скота у жителей достаточно, но лошади в основном старые, а коровы малодоходны, сельхозинвентаря недостаточно, так как он дорог и необходимо добиться в округе на получение долговременных кредитов для покупки техники. Овчинников сетовал, что «наш район по лесистости в округе почти первый, первый и по лесохищениям тоже. В особенности в Поротниковском сельсовете деревни Коноваловой», что обществу необходимо нанять лесную стражу. По словам Овчинникова, неудачно прошла коневодческая выставка, на которую выставили только 18 лошадей.

Он рассказал, что кредитные товарищества работают плохо, они мелкие.

Обсуждение продолжили другие члены «общества». Они жаловались на плохую работу фельдшера, на нехватку средств для ремонта школы в деревне Коновалово.

Депутат сельсовета С.Д. Ельцин задавал вопросы: «Интересно узнать скидку сельхозналога по погибшим посевам, и как таковая производилась? Так как одним гражданам представляли скидку, а другим — нет. В отношении облагаемого единым сельхозналогом посева в 43 рублей десятину. ... По моему,

1 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 73. Л. 46—46 об.
2 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 205 л. 309—310.
3 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 205. Л. 143.
4 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 329. Л. 24—27 об.

это не совсем верно. Возьмем, к примеру, Смолинские и Катарацкие земли дают гораздо больше урожаю, чем наши, Поротниковского сельсовета. В дальнейшем необходимо через агронома произвести проверку грунта земли нашей пашни по урожайности (и сравнить) с другими сельсоветами».

Другой сотрудник райисполкома — С.К. Самохвалов — тоже говорил о недостатках в налогообложении. «Необходимо отметить не вполне правильное обложение единым сельхозналогом кустарей, так как таковые от кустарного производства дохода получают больше, чем крестьяне от сельского хозяйства». Он поддержал Ельцина: «Некоторые граждане Поротниковского сельсовета обижаются на недоходность своих земель. Я с этим согласен, и скажу — верно, никогда не получить урожайности с Поротниковских земель столько, сколько получают граждане Катарацкого сельсовета».[1]

Шла обычная жизнь зауральской деревни со своим тяжёлым крестьянским трудом и своими радостями. В 1925 г. Урал заготовил и сдал государству такое количество хлеба, которое превосходило объёмы поставок из всех регионов страны, за исключением Украины. Николай Игнатьевич Ельцин участвовал в хлебозаготовках, был заведующим хлебозапасными магазинами (складами) при Басмановском сельсовете с 1926 по 1928 гг.[2]

Но эта жизнь заканчивалась.

Курс — на ликвидацию кулачества как класса

В декабре 1927 г. состоялся ХУ съезд ВКП(б), провозгласивший курс на коллективизацию. Обстоятельства, обусловившие перемену правительственного курса по отношению к деревне, имеют огромную историографию. Отмечу здесь прежде всего исследования и важнейшие публикации документов В.П. Данилова.[3]

ХУ съезд ВКП(б) поставил задачу наступления на кулачество. На этом этапе основным способом этого наступления стало новое налогообложение. Для так называемых кулацких хозяйств вводилось прогрессивный налог от 5 до 25% дохода. Кулаки должны были платить с одного гектара в 8 раз, на наёмного работника в 21 раз, на своё хозяйство в 30 раз больше, чем бедняки или середняки.

Изменение налогообложения способствовало началу деградации экономики деревни. Крупные хозяйства начали сворачивать производство из-за его невыгодности. Практически немедленно стало сокращаться производство сельскохозяйственной продукции.

Следствия такой оказалось вполне предсказуемым. Началось «самораскулачивание». *(См. табл. 1)*

1 ШГАКО. ф. Р—209. Оп. 2. Д. 51. Л. 66—67 об.
2 Личный листок по учету кадров Н.И. Ельцина. 11 октября 1948 г. Из коллекции документов Уральского центра Б.Н. Ельцина.
3 *Данилов В.П.* Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. М., 1989. (Соредактор и составитель); Коллективизация сельского хозяйства СССР // История СССР. 1990. № 5; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы в 4 томах. / Т.I—3. М., 1998 — 2003. (Соредактор и составитель); Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927—1939. / Т. I — 5. М., 1999—2004. (Соредактор и составитель).

Табл. 1. Состояние сельского хозяйства Урала в 1926—1929 гг.[1]

в %% к предыдущему году	1926—27 хоз. год	1927—28 хоз. год	1928—29 хоз. год
Посевная площадь вся	107,1	99,1	95,3
Весь скот (крупный)	106,1	102,8	101,6

Статистики Уральской области констатировали: «в истекшем 27—28 гг. ... определенно выявился ряд отрицательных моментов замедленности, простановки роста, а в зерновом хозяйстве даже сокращения». Сокращение посевных площадей отмечалось прежде всего в тех хозяйствах, которые владели от 8 гектаров и больше. Наибольшее снижение посевных площадей в 1928 г. произошло именно в центральном и южном Зауралье — на 8, 3%, отмечали статистики[2].

«Посевная площадь и крупный рогатый скот за последние два года дают снижение, которое объясняется, главным образом, сокращением производства зажиточной верхушки деревни и общей неблагоприятной рыночной конъюнктурой для зернового хозяйства и маслоделия» — констатировали авторы статистического отчета.

Для того, чтобы переломить нараставшие негативные процессы в селе, нараставший дефицит хлеба, власть резко усилила репрессивные меры воздействия на крестьян. В январе 1928 г. Сталин лично отправился в Сибирь для проведения хлебозаготовок. Там Сталин утвердился во мнении, что трудности в хлебозаготовках связаны с противодействием кулачества, с «кулацким саботажем». В телеграмме ЦК ВКП(б) 14 января 1928 г. об усилении мер по хлебозаготовкам, подписанной И.В. Сталиным, он требовал: «надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен... Без такой политики мы не добьемся изоляции спекулянтов и кулаков на рынке, не добьемся решительного перелома на фронте хлебозаготовок».

С весны 1929 в практику налоговых служб внедряется так называемый урало-сибирский метод самообложения. Его реализация происходила под прямым контролем и давлением местных партийных и советских органов, но маскировалась решениями местных сходов, требованиями бедняков и середняков. Параллельно с этим происходит лишение зажиточных крестьян избирательных прав, изгнание их из кооперативных и местных советских органов[3].

То, что происходило в стране, было и в зауральской деревне.

Шадринский окружком ВКП(б) 16—17 февраля 1929 г. проводил совещание партактива округа.

Главной темой стали заготовки хлеба. Годовой план за 1928 год был выполнен на 11 февраля лишь на 55%. По отдельным районам положение было еще хуже. В Каргапольском план был выполнен на 43,08, в Шадринском — на 52,26, в Буткинском — на 53,90%%[4].

1 Контрольные цифры хозяйства Урала на 1928—1929 гг. Свердловск, 1929. С. 17.
2 Конъюнктурный обзор хозяйства Урала за 1927—28 год. Свердловск, 1928, С. 1—2, 19.
3 *Гущин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928—1934 гг.): Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. См.: memorial.krsk.ru/Articles/1996Guscshin/02.htm.
4 Центр документации общественных объединений Свердловской области. далее — ЦДООСО ф. 4, оп. 7, д. 221, лл. 17—21.

В процессе обсуждения столкнулись различные подходы к тому, как должна осуществляться политика хлебозаготовок в деревне. Что важнее — экономическая заинтересованность или политическая целесообразность?

Каргапольский секретарь Тимофеев жаловался, что беднота агитирует хлебозаготовителей, но это не помогает. Финансовые рычаги не действуют. Хлеб есть, но крепко держится и медленно сдается. Зажиточные говорят: дай вам 5 пудов, а потом приедет другой и его надо удовлетворить.

Буткинский секретарь Патракеев возражал: «Я думаю, что если мы методы работы по хлебозаготовкам на 75% будем пересыпать чрезвычайными мерами, то далеко не уйдем». Но и штрафов, по мнению Патракеева, крестьяне не слишком боятся. «В Буткинском районе финансовые рычаги ничего не дадут по хлебозаготовкам, так как крестьяне деньги имеют от побочных работ». Экономический бойкот на крестьян, по мнению Патракеева, не действует, так как «он (крестьянин) продаст в городе 20 пудов и получит товаров».

Патракееву вторил шадринский партийный деятель Фоминов, сетовавший, что вместо сдачи хлеба крестьяне везут на шадринский рынок гусей, продают и из полученных денег платят налоги.

Огурцов, представлявший на этом совещании Уральский обком ВКП(б) указывал на то, что крестьянам просто нечего купить в местной кооперации, а следовательно у них нет и стимула продавать хлеб здесь, на месте. « Когда я приехал из Округа, — говорил он, — то мне ... сказали, что на места промтовар заброшен, а на самом деле в низовках, в лавках потребительского общества только крысы бегают (Басманке, Калиновке). Работники кооперации за последнее время совершенно опустили руки...»

Да и «вербовка хлеба», по его словам, производится комсомольцами годов по 14—15. «По-моему это не верно, ибо крепкие крестьяне и нас уже слушают плохо. ... Есть тенденция к размычке бедняков с середняками, особенно со сдатчиками хлеба.»

Журналист Белоглазов, редактор газеты, был самым радикальным. «Тов. Гендель неправ, когда говорит, что лишение кулака промтоваров на него не влияет. Надо только лишить его всех товаров и везде... Красные обозы надо пока что решительно осудить, ибо под маркой обоза, везя 5—10 пудов, скрывается кулак». Досталось от него и кооператорам, которые, по его мнению, только пьянствуют.

Попытки запретить хлебную торговлю, оставить город без хлеба и при этом устранить парткомы от организации «красных караванов», вызвала решительный протест одного из участников совещания. Берюхов (Четкарино) говорил, что он не согласен с Белоглазовым, что красные обозы не должна организовывать партячейка. Что, кулаки должны организовывать? — задавал он вопрос, ответ на который был очевиден.

Тут же он пожаловался, что округ планировал 16% для изъятия хлебных излишков, то для нашего района он спланирован в 31%.

Берюхов поднял еще одну тему, которая также оказалась в центре обсуждения — отношение к кадрам. Он говорил, что к коммунистам, имеющим крупные запасы хлеба, надо применять самые решительные меры, вплоть до отобрания партбилета.

Ему возражали. Нужно оказывать поддержку низовому работнику. В прошлом году сняли 38 работников, если так продолжим, то совсем останемся без работников.

Спор продолжался. Другой выступающий рассказывал про председателя сельсовета в Каргопольском районе. Это коммунист, имеет 6 лошадей, 5 коров, 14 десятин посева, не сдал государству ни фунта, дискредитирует власть...

Подводя предварительные итоги, председатель Уралоблисполкома М.К. Ошвинцев ввел уральские проблемы в общесоюзный контекст. Он сообщил, что в 1928 г. «Украина и Кавказ имели ... прошлый год большой неурожай..., в силу чего план хлебозаготовок по Уралу с 42 увеличен до 49 млн пудов». Он говорил о важности хлебозаготовок для индустрии, требовал мобилизовать актив деревни, предупреждал о предстоящей чистке кадров, призывал не рассчитывать на административные меры.

Установки вышестоящего руководства оперативно воплощались на местах. Уже 29 марта 1929 г. состоялось внеочередное заседание Буткинского районного исполнительного комитета. Оно началось с констатации, что «... принимая во внимание полное отсутствие хлебных продуктов на местном рынке, снабжение продовольствием (мукой) рабочих и служащих продолжать из Буткинского кредитного товарищества.

О изложенном довести до сведения Окрик и Окторготдела»[1].

На этом же заседании рассматривался вопрос об утверждении постановлений общих собраний земельных обществ о принятии самообложения.

Президиум РИК утвердил эти постановления. «Принимая во внимание, что нарушений закона допущено не было, постановления общих собраний, о принятии самообложения, земельными обществами Даниловским, Береговским, Боровушкинским, Поротниковским, Непеинским, Казаковским, Булатовским — утвердить. Земельной части проследить за выполнением». Здесь невольно обращает на себя внимание формулировка — «нарушений закона не было» — похоже, что члены РИКа сами себя пытались успокоить.

В длинной повестке этого заседания содержался пункт о рассмотрении ходатайств граждан о восстановлении в избирательных правах. Среди людей, уже лишенных избирательных прав, значились жители деревни Коноваловой Иван Игнатьевич Ельцин — в прошлом — один из депутатов Басмановского сельсовета, и Степан Дмитриевич Ельцин — совсем недавно — депутат сельсовета, активно интересовавшийся в 1926 г. порядком налогообложения. В ходатайстве о восстановлении избирательных прав им было отказано[2].

В июле президиум Буткинского РИК оштрафовал десятки крестьян за укрывательство посевов от налогообложения. Среди них был Филипп Васильевич Ельцин, оштрафованный на 7 рублей за укрытие посева размером в 0, 25 га[3].

Летом 1929 г. власть приняла несколько ряд решений в области сельского хозяйства[4]. Кулакам было запрещено вступать в колхозы, созданные с их участием колхозы объявлялись «лжеколхозами».

1 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 674. Л. 81.
2 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 674. Л. 83.
3 ШГАКО. Ф. Р—209. Оп. 1. Д. 674. Л. 132—133.
4 См.: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) 1923—Т.3. 1938 гг. М., 2007. С. 83—118.

Программные положения политики по отношению к кулачеству и коллективизации И.В. Сталин сформулировал в своей речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.

«Вот почему мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

Ну, а как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации? ... Смешной вопрос! ... Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-середняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. ... Вот почему смешно и несерьёзно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут.

Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пустить кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения.

Кажется, ясно.»[1]

Острие государственной политики оказалось повернутым против зажиточного крестьянства — кулаков. Спешно началась подготовка документов по «ликвидации кулачества как класса», определяли темпы коллективизации в различных регионах страны. Была создана комиссия Политбюро под руководством Молотова «для выработки мер в отношении кулачества». В состав этой комиссии вошёл первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабаков. Общее число кулаков, выселяемых по первой и второй категориям, по всей стране было увеличено до 210 тыс. семей[2].

Однако с точки зрения Уральского управления ОГПУ «уральская квота» на высылку была явно недостаточной. «Считаем необходимым выдвинуть перед вами вопрос об увеличении цифры выселяемых с Урала до 15 тыс. семейств, так как 5 тыс. семейств, данных на Урал, ни в коем случае не соответствуют действительной потребности чистки области от кулацкого и контрреволюционного белогвардейско-бандитского элемента ... Уралобком в соответствии с имеющимися у него материалами по изучению деревни, также категорически настаивает на увеличении цифры выселения до 15 тыс. семейств»[3].

Требования свердловских товарищей были удовлетворены. 5 февраля 1930 г. было принято постановление бюро Уральского обкома ВКП(б) о ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией.

В развитие союзных политических решений Уральский обком ВКП(б) принял специальное постановление о ликвидации кулацких хозяйств в Уральской области[4].

1 *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1947. С. 292—293.
2 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., С. 15.
3 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 144.
4 ЦДООСО, ф. 4, оп.7, д. 445, лл. 103.

Все кулаки были разделены на три категории:

1 категория — контрреволюционный кулацкий актив, подлежащий немедленному аресту;

2 — наиболее зажиточные кулаки и полупомещики, которых должны были выслать на север области;

3 — остальные кулаки, которых расселяли на плохих колхозных землях.

По первой категории предполагалось выслать до 5 тысяч, по второй — 15 тысяч[1].

Третью категорию не считали.

Власть создавала юридическую базу для раскулачивания. 16 января 1930 г. в один день было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 января 1930 г. (СУ РСФСР 1930, № 3, ст. 34) «О мерах борьбы с распродажей сельскохозяйственного инвентаря, рабочего и пользовательского скота, крестьянскими хозяйствами, вступающими в колхозы и другие сельскохозяйственные производственные объединения» и Постановление ЦИК И СНК СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», ставшие инструментом и обоснованием репрессий. Исполкомам райсоветов разрешили отбирать у обвиненных землю, скот, сельскохозяйственный инвентарь. Кулаков следовало кроме этого привлекать к судебной ответственности, «причем суд применяет к ним лишение свободы на срок до двух лет с выселением из данной местности или без выселения»[2].

Именно это Постановление сыграло роль орудия истребления зажиточного крестьянства. С появлением этого Постановления начинается и крушение крестьянского клана Ельциных, как и самостоятельного, самодеятельного крестьянства Зауралья.

2 февраля 1930 г. на заседании Буткинского РИКа началась кампания по раскулачиванию.

Сначала отбирали имущество.

Первым вопросом заседания президиума значилось: «Описи имущества кулацких хозяйств на предмет отчуждения за неуплату налогов и сборов». «Постановили: — гласит стенограмма президиума, — Принимая во внимание, что нижеуказанные хозяйства упорно не сдают причитающиеся с них налоги и сборы, передать часть имущества согласно описей в колхозы через райкредитное товарищество.

Дальше следовал длинный перечень крестьян Зарубинского, Катарацкого, Буткинского, Смолинского, Горокинского, Казаковского сельсовета.

Затем последовали судебные преследования.

Отдельным пунктом было утверждено:

«Нижеуказанные хозяйства за умышленное уничтожение скота, семян, имущества и свертывание своего хозяйства и отказ от проводимых мероприятий соввластью, привлекаются к ответственности через суд на основании Постановления ЦИК и СНК от 16 января 30 г. с конфискацией всего или части имущества».

1 ЦДООСО, ф. 4, оп.8, д. 54, лл. 104—107.
2 История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917—1958 гг. Т. 1. 1917—1936 гг. М., 1959. С. 163.

В «нижеуказанных» были перечислены крестьяне, с которых началось раскулачивание. Приведу этот список полностью. По Нижне-Деревенскому сельсовету — Иван Савич Заверткин, Федор Матвеевич Кокшаров; по Басмановскому сельсовету: Филипп Алексеевич Аксенов, Тит Павлович Шабунин, Глебов Александр Ан., Василий Егорович Старыгин, Игнатий Екимович Ельцин, Глебов Василий Степанович; по Калиновскому — Микушин Гурьян Хрисанфович, Степанов Савва Лукьянович; по Буткинскому сельсовету — Земеров Иван Федотович, Сорокин Андрей Юдич, Рыжков Иван Яковлевич, Земеров Димитрий Видонович, Земеров Афанасий Прокопьевич; по Зарубинскому сельсовету: Обласов Федор Наумович, Тельминов Иван Емельянович, Саночкин Филарет Евстигнеевич, по Поротниковскому сельсовету — Ельцин Никита Иванович, Поротников Андриян Филиппович, Поротников Марк Вавилович[1].

Специально отмечу — раскулачили Игната Екимовича Ельцина и его свояка — Василия Егоровича Старыгина. Их дети — Николай Игнатьевич Ельцин и Клавдия Васильевна Старыгина стали мужем и женой.

А далее началось выселение крестьян. Выдерживалась следующая процедура. Сначала было решение бедняцкого собрания сельсовета, утверждалось протоколом президиума Буткинского райисполкома, а далее — Шадринским окрисполкомом[2].

Всего из Шадринского округа предполагалось выслать 1300 семей.

Судя по информации Уральского обкома ВКП(б) «О ходе работы по ликвидации кулачества, как класса. (За январь, февраль месяцы)», датированной 7 марта 1930 г., уже после знаменитой статьи Сталина о «Головокружении от успехов», при раскулачивании происходили бесчисленные злоупотребления. Имущество не учитывалось, его грабили, (так было, в частности, в Буткинском районе), вещи присваивали члены комиссий по раскулачиванию, отнимали валенки, шубы, шапки, еду, раздевали даже детей в сильные морозы, пьянствовали в домах раскулаченных, грабили все — от золотых часов до последних детских рубах[3].

Высылка

Высылка из Шадринского округа началась в феврале 1930 г.

Судя по отчетам ОГПУ, было отправлено в ссылку 844 семьи, 3 489 человек, 1177 мужчин и 1173 женщин, 1139 детей[4].

В.П. Бирюков, известнейший краевед, житель Шадринска, человек, всегда и всячески доказывавший лояльность к Советской власти, записывал в феврале 1930 г. своём дневнике: « Опять возвращусь к питанию. Картошки для еды почти нет... Почти нет также и корму для скота...

... Раскулаченных оставляют в одном тряпье и отправляют в Шадринск для дальнейшего выселения. Я ни от кого не добьюсь, куда же выселяют.

1 ШГАКО, ф. р—209, оп. 1, д. 806, лл. 91—95.
2 ШГАКО, ф. р—209, оп.3. д. 93, л. 59.
3 ЦДООСО.Ф. 4. Оп. 8. Д. 241. Л. 2—7.
4 Сведения об отправке кулацкой ссылки по Шадринскому округу см.: ЦДООСО, ф. 4, оп.8, д. 101, лл. 14.

... Жена моего брата Аркаши ... передавала, как она подслушала возмущение начальника Шадринского отдела ГПУ, Мовшензона, по поводу отправки ребят и женщин в стужу.

... По словам Лизы, несмотря на протест одной беременной женщины, которой надо было уже родить, её все-таки повезли. Дорогой она родила, ребёнка оставили в ближайшей деревне, а сама уехала в Шадринск в больницу. Это уж совсем жутко. Не менее жутко и то, как рассказывал С. С-ч, что при отправке раскулаченных из д. Мишагиной в Шадринск привезли четырех замороженных ребят. Очень возможно, что замороженных по округу вообще много, так как отправляют нередко почти голых»[1].

Семью Игната Екимовича Ельцина раскулачивали в соответствии с классификацией Уральского обкома по второй категории как «наиболее зажиточных кулаков и полупомещиков», и в соответствии с этим они «должны были высланы на север области». Сам Игнат Ельцин был сослан в Надеждинск, на север Урала был сослан его свояк — Василий Егорович.

Колхозники

Сыновья Игната Ельцина — Иван, Дмитрий, Николай, Андиан и их сестра Мария остались в ссылке «по третьей категории» — в своём районе, но должны были оставить всё имущество. Из владельцев мельницы они стали работниками, обязанными чинить её и обеспечивать помол. Они числились в буткинском колхозе «Красный май»[2].

В новообразованных колхозах тоже было несладко. В декабре 1929 — январе—феврале 1930 от организации животноводческих и зерновых товариществ местные власти перешли к созданию коммун, существовало убеждение, что в Шадринском округе главный путь движения является коммуна[3].

В хозяйствах колхозников запрещали держать не только скот, но и птицу. Дело дошло до того, что в некоторых колхозах женщин насильственно стригли, для того, чтобы сдавать волосы во вторсырье[4].

Понятно, что такие действия властей вызывали протест. В докладной записке Шадринского окружного комитета ВКП(б) об антисоветской деятельности, поджогах и террористических актах, проявляемых кулачеством, датированной 25 апреля 1930 г. сообщалось, что «со стороны кулачества и антисоветски настроенных элементов за последнее время , особенно весь апрель месяц, стала замечаться особо (вписана от руки) активная деятельность против колхозов, представителей власти на селе и крестьян—активистов». 6 апреля при попытке командированными правлением коммуны — увести скот — последние были изгнаны толпой женщин, а 8 апреля при повторной посылке 9 коммунаров и один милиционера за скотом, собрались около 100 женщин, возглавленных женами раскулаченных, которые при выводе скота отобрали лошадей, плевали в глаза коммунарам и кричали: «Вас надо всех перестрелять, грабителей, оборванцев, арестантов и т. д.». (По этому поводу арестовано 5 человек раскулаченных — дело ведет ГПУ). В деревне распространялись слухи, что скоро конец Советской власти, Сталин испугался и изменил свою политику, но всё же к нам скоро придут казаки и они покажут тем, кто активно принимал участие в раскулачивании»[1].

1 ГАСО, Ф. Р.—2266, Оп.1. Д. 1373. Л. 11—14.
2 *Colton T.* Yeltsin. A Life. N.Y. 2008. P.20.
3 ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д., д. 492, л. 1 об.
4 ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 8. Д. 104. Л. 30.

Начинался голод. Уже летом 1930 г. органы ОГПУ информировали, что «в Троицком, Ишимском, Курганском, Челябинском, Шадринском и Тюменском округах, в прошлом году пострадавших от недорода, испытывается сильная нужда в продовольствии. Запасы продовольствия на местах совершенно недостаточны для удовлетворения потребности нуждающихся. Регистрируются многочисленные случаи употребления в пищу суррогатов, заболевания и опухания на почве голода. В ряде мест зарегистрированы факты убоя молочного скота и размола семзерна на питание»[2].

На следующие, 1931 —1932 гг. положение стало еще хуже. По сводке ОГПУ на Урале «в декабре продзатруднениями было охвачено 20 колхозов в 10 районах, в январе 146 колхозов в 18 районах, в феврале 202 колхоза в 22 районах. Отмечен ряд случаев употребления в пищу суррогатов, трупов павших животных, травы, в результате — опухание колхозников и отдельные случаи смерти. На почве продзатруднений в 5 районах отмечается массовое нищенство»[3].

Не случайно именно в 1932 г., 7 августа 1932 г. был принят знаменитый «Закон о трех колосках» — Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Голод толкал бежать из колхозной деревни в города, где нужны рабочие руки. К этому времени в семье Николая Игнатьевича Ельцина родился сын Борис. С грудным ребенком Николай, его жена Клавдия Васильевна, брат Николая Андриан бегут в Казань, на строительство авиазавода. Там, на стройке, платят зарплату, дают паек. Опытные плотники (а мельник не мог не быть опытным плотником) они находят там работу. Это было только начало долгого и мучительного процесса раскрестьянивания старинного крестьянского рода[4].

Запись акта о рождении

Так называется первый документ, который получил Борис Ельцин. 14 февраля 1931 г. сотрудник Буткинского ЗАГСа заполнил стандартный бланк под номером 26/11. Там было написано: фамилия: Ельцин. Имя — Борис. Пол — мужской. Время рождения — 12 февраля 1931 г. Сведения о родителях: отец: Ельцин Николай Игнатьевич, возраст — исполнилось 24 лет (так!). Национальность — русский. Профессия (должность, занятие, ремесло и пр.) земледелие. Социальное положение (1. рабочий, 2. служащий, 3. хо-

1 ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 135, л. 4—6.
2 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 473—474.
3 Документы и материалы Том 3. Конец 1930 —1933. М., 2001. С. 319—320.
4 Документов, непосредственно сообщающих о высылке, пока не выявлено. Подробности о ссылке были получены Б. Минаевым в интервью с Н.И. Ельциной. См.: *Минаев Б.* Б.Н. Ельцин. М., 2010.

зяин, 4. член семьи, 5. свободной профессии или 6). Здесь подчеркнуто — 3. хозяин. Мать — Ельцина Клавдия Васильевна, исполнилось 22 лет, русская, профессия — земледелие, социальное положение — хозяйка.

Этот стандартный документ поражает внутренним несоответствием между его формой и содержанием, как моментальная фотография фиксирует то, что меняется, преображается или исчезает через несколько мгновений. Николай Ельцин и его жена были хозяевами только в упоминании в старой статистической форме. Хозяева были упразднены, ликвидированы как класс. Поэтому и место рождения Бориса — не родное родительское село Басмановское, где его родители были хозяевами, а Бутка. Профессия — земледелие — сменялась другой — колхозник.

День рождения Бориса определён со всей точностью — 12 февраля[1]. Однако в семье, а позднее во всех других документах — от паспорта, партийного билета до официальных биографий называется другое число — 1 февраля.

Как такой перенос мог произойти? Мне представляется, этому есть своё объяснение. Кроме официальной советской справки факт рождения в зажиточной крестьянской семье всегда фиксировался в главной семейной книге, которая была практически в каждом доме лежала в красном углу под иконами, прикрытая вышитым платком — псалтырь с восследованием, с месяцесловом-календарём, куда хозяин дома регулярно записывал на полях — когда в году впервые выпал снег, в какой день случилась сильная гроза, произошли важные семейные события — свадьбы, рождения, смерти. Эти записи на листах псалтыри с восследованием были семейной летописью-хроникой, надёжно служившей для памяти крестьянского рода[2].

Система записи семейных событий на листах церковного календаря дала сбой уже в первый советский год — в 1918 г. Тогда 24 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял «Декрет о введении в Российской республике западно-европейского календаря». По этому декрету датой, следующей за 31 января, было не 1, а 14 февраля. В свою очередь, чтобы перевести день рождения с советского на церковный календарь, надо было проделать определённые пересчеты. Они были необходимы для того, чтобы обозначить церковный день рождения. Эти пересчёты производили не специалисты по исторической хронологии, а крестьяне, не слишком сведущие в переходе с грегорианского на юлианский стиль. Ошибки были почти неизбежны. Так появилось 1 февраля как

1 В один день с ним родился еще один ребенок — Анатолий Гомзиков. Сведения об его рождении были записаны на один бланк с Борисом Ельциным.

2 И не крестьянского только. В шутливой пушкинской «Истории села Горюхина» содержится рассказ об обнаружении дворянином, отставным офицером Иваном Петровичем Белкиным старинных календарей. «Оставшись наедине, я стал рассматривать свои календари, и скоро мое внимание было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цепь годов от 1744 до 1799, то есть ровно 55 лет. Синие листы бумаги, обыкновенно вплетаемые в календари, были все исписаны старинным почерком. Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только замечания о погоде и хозяйственные счеты, но также и известия краткие исторические касательно села Горюхина. .. Сверх сего заключали они неистощимый запас экономических, статистических, метеорологических и других ученых наблюдений».

день, который считался церковным днём рождения Бориса Ельцина, его семейным днём рождения, который позже стал его официальным днем рождения.

Спецпоселенцы

О положении раскулаченных, выселенных на север Урала (то есть и о сосланных Игнате и Анне Ельциных и Василии и Афанасии Старыгиных — дедов и бабушек новорожденного Бориса Ельцина), можно судить по материалам комиссии под руководством члена коллегии Наркомзема РСФСР и заместителя Наркомзема В.Г. Фейгина, которая посетила посёлок Гремячий в районе поселка Усьва Кизеловского района и Усьвинские копи.

Докладывая 4 авг. 1931 г. об итогах работы комиссии в Уральском обкорме ВКП(б), Фейгин постарался расставить новые акценты в положении спецпереселенцев. По его словам, их «посылали «под углом изоляции, а не хозяйственного использования». А теперь «стоит вопрос о наиболее рациональном хозяйственном использовании»[1].

Спецпоселенцы рассматривались прежде всего как рабочая сила. Из неё следовало извлечь максимум. Следовательно, необходимо было исключить нерациональное использование. Именно хозяйственная целесообразность стояла во главе угла оценок Фейгина и его комиссии. Поэтому недопустимо, по его мнению, когда здоровые люди не работают на лесозаготовках, а вместо них посылают стариков и больных. Плохо, что зарплату не платят по году и больше. Люди живут за счет пайков, «поэтому нет стимула для большой выработки.... Никакого стимула для выработки не создается»[2]. Деньги пойдут «не туда, куда следует». «Тут ошибка не только хозяйственников, а это было запрещение комендатуры, что это спецпереселенцы и ничего учитывать не следует».

Исключительно плохо с жильём. Ссыльным запрещают самим заготавливать лес, чтобы построить своё жильё. В области жилищного строительства дело обстоит отвратительно. Запрещают в лесных районах самозаготовки для самостроя. Для ссыльных на севере(!) строили избы без печей. На копях Усьвы строят двухэтажный барак, на 420 человек, на который предусмотрено две печи, две плиты, четыре уборных. «Вообразите положение, когда 210 человек должны готовить пищу на одной плите!» — возмущался Фейгин[3].

По мнению комиссии, целесообразно перевести ссыльнопоселенцев на самообеспечение. Поэтому следует разрешить ссыльным иметь огороды — а то власть «опять должна мучаться со снабжением продовольствием и т. д., при неиспользовании детей(!)». Дети постарше должны работать на огороде.

С маленькими — хуже. «Маленькие дети перемерли, остались только 6—8 летние дети, которые могут питаться хлебом, которым не столько нужно молока, как маленьким детям, они живут, хотя вид очень тяжелый. От любой царапины развиваются опухоли ...слепота, трахома и другие заболевания. — Фейгин продолжал: На распределительном пункте, куда прибывают новые партии, где мы видели маленьких детей, они несомненно умрут, нет молока, у них жуткий вид».

1 ЦДООСО, ф. 4, оп. 9, д. 53, л. 19.
2 Там же. Л. 19.
3 Там же. Л. 20.

Нет медицинского обслуживания. Фейгин уточнял: «Я ставлю вопрос не только с точки зрения опасения жизни, а с точки зрения производства». До 30—40% ссыльных, по его сведениям, превратились в инвалидов, руки и ноги в чирьях[1].

Не кормили, не лечили, но заставляли работать, в прямом смысле под страхом смерти. При невыполнении нормы мужиков при минус 30 сажали ночевать на 30 суток в нетопленную баню, баб — на 8 суток, а днем отправляли работать. За то, что норма не выполнена, даже расстреливали[2].

Замечу, что эти ужасы бесстрастно сообщает руководитель правительственной комиссии, сообщает об этом в обкоме партии, и главное, что его заботит — то, что ресурс — человеческий труд — используется недостаточно эффективно!

Другой участник совещания в обкоме — Разказчиков — позволил себе более эмоциональные и, если угодно — человеческие оценки. По его словам, за одно нарушение ссыльного наказывают многократно — лишают пайка, переводят на паёк нетрудоспособных, отбирают продукты «по линии комендантов», лишают выходных дней. «Выходит, человек должен работать, как скотина, скотина и та имеет отдых и за ней ухаживают»[3].

В ходе совещания была предложена своего рода классификация ссылки и ссыльнопоселенцев.

Первая группа — это ссыльные, которых заставили заняться сельскохозяйственным трудом. Они «очень недурно ведут своё хозяйство».

«Есть другой вид переселенцев — на лесозаготовках. Это самое тяжелое дело. Тут хуже всего обслуживание и хуже всего снабжение и малоизвестная отрасль нам. …

И, наконец, *спецпереселенцы в промышленности. Это привилегированная группа. Сюда за счастье считают попасть.* (Курсив наш. *Авт.*) На новостройках есть спецпереселенцы, живущие лучше, чем основные рабочие на рудниках»[4].

Из спецпоселений бежали. В 1934 г. числился в бегах Игнат Ельцин[5]. Борьба с побегами стала постоянной заботой власти, ОГПУ Урала сообщало 12 июня 1930 г., что

«1) Во всех пунктах кулацкой ссылки среди кулаков введена круговая порука с выделением от каждого десятка ответственного старшего с обязательством вести наблюдение над вверенным десятком и немедленно сообщать обо всех случаях и попытках к бегству. В связи с введением круговой поруки установлено отобрание подписок как с группы кулаков, так и у старших десятков.

1 Там же. Л. 21—21.
2 Там же. Л. 22.
3 Там же. Л. 22 об. Сведения комиссии Фейгина полностью подтверждаются спецсводками ОГПУ на лето 1931 г. — жилья нет, спецпереселенцев размещают в овощехранилища, кирпичные сараи, еды нет, едят траву, кору, древесину, охрана пьянствует, насилует, грабит спецпереселенцев. См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 50-х годов. Том 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 156—160.
4 ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 9. Д. 53. Л. 53.
5 *Литвин А.Л.* Ельцины в Казани. Казань, 2006. С. 26.

2) В округах с кулацкой ссылкой приняты меры к привлечению населения к заинтересованности поимки бежавших кулаков с выдачей единовременного вознаграждения до 30 руб. Причем с пойманных кулаков устанавливается штраф за побег в размере 100 руб»[1].

По сравнению с этим, положение семьи Николая Игнатьевича Ельцина, по сути бежавшего в Казань на «стройку социализма» — Казанский авиационный — будущий туполевский завод — было куда как лучше. Во-первых, стройка отчаянно нуждалась в рабочих руках, а это создавало какую-то защищённость (иллюзорную, как станет ясно позже), Во-вторых, ему и его брату Андриану как хорошим плотникам выделили по комнате в бараке на Авиастрое. Правда, окна были не застеклены, а двери не навешаны — но это дело наживное. В третьих, на стройке платили и кормили. В четвертых, большая стройка требовала квалифицированных, умных рабочих, и Николай Ельцин стал бригадиром плотников, причем бригада его работала хорошо[2]. Николай Игнатьевич Ельцин в Казани поступил на учёбу в вечерний строительный техникум, работал и учился.

Но Николаю и Андриану Ельциным, как и их товарищам по бригаде, по большей части таким же раскулаченным, не довелось стать жителями Казани. Их забрали, как говорили тогда в России. В апреле 1934 г. братья Ельцины были арестованы. Арестованы были и другие члены бригады. На них донесли, что в бригаде велись «антисоветские» разговоры, а именно — жаловались на плохое качество еды в столовой, на нежелание подписываться на займы. Но главное — они были раскулаченными.

Арестованные виновными себя не признали, были осуждены Особым совещанием по статье 58—10 УК РСФСР, братья получили по три года исправительно-трудовых лагерей и были направлены на очередную великую стройку социализма — на строительство канала Волга—Москва, в Дмитлаг, прямой наследник Беломорско-Балтийского канала[3] — к 190 тысячам заключенных.

Ужас положения для жены Николая Ельцина был в том, что она осталась с трехлетним ребенком буквально на улице. Еще недавний мощный род Ельциных—Старыгиных был разметан по лагерям и ссылкам. Ехать туда, в ссылку — это обрекать на смерть её сына — трехлетнего Бориса. Её спас фельдшер, оказавшийся в одной камере с Николаем Василий Петрович Петров, 1878 г. рождения. Он, по просьбе Николая, приютил Клавдию Васильевну Ельцину и её сына Бориса. Они прожили у Петровых три года — до возвращения Николая Ельцина из Дмитлага[4].

Березники

В 1935 г. был арестован, осужден и отправлен в ссылку старший брат Николая Ельцина — Иван. Его обвинили в «саботаже» и отправили из колхоза в ссылку на строительство Березниковского химического комбината[5].

1 История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 50-х годов. Том 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С.124—127.
2 Эта тема была подробно исследована в кн : *Литвин А.Л.* Ельцины в Казани. Казань, 2006. С. 22—62.
3 Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства. Под ред. М. Горького и дпр. М., 1934. С. 582.
4 *Литвин А.Л.* Ельцины в Казани. Казань, 2006. С. 53—57.
5 *Aron L.* Yeltsin. A revolutionary life. N.Y. 2000. P. 6.

О Березниках начала 30-х гг. оставил свои воспоминания Варлам Шаламов, попавший туда в ссылку ещё в 1929 г. «Вскоре Березники были затоплены потоком заключенных разного рода — и ссыльных, и лагерников, и колхозников-переселенцев — по начавшимся громким процессам... Сам содовый завод, бывший Сальвэ, стал частью Березниковского химического комбината, влился в одну из строек-гигантов первой пятилетки — Березникхимстроя, вобравшего сотни тысяч рабочих, инженеров и техников — отечественных и иностранных. На Березниках был поселок иностранцев, простых ссыльных, спецпереселенцев и лагерников. Только лагерников в одну смену выходило до десяти тысяч человек. Стройка текучести невероятной, где за месяц принималось три тысячи вольных по договорам и вербовке и бежало без расчета четыре тысячи. Стройка эта еще ждет своего описания»[1].

Один из доносчиков на Н. Ельцина, бывший батрак, сообщал сотруднику ОГПУ: кулаки в бригаде заняли руководящие посты, а бедняков не пускают. Им, кулакам, чаще доставались талоны на усиленное питание. Ему вторили сводки ОГПУ — раскулаченные чаще становились десятниками, бригадирами. Работящие, умные, люди в конце концов оказывались востребованными системой, вынужденной использовать их труд. Становились, вопреки официальной политике, которая и там, в лагерях, продолжала преследовать раскулаченных как «классово чуждых», противопоставлять им так называемых «классово близких» власти «тридцатипятников» — людей, осужденных по уголовным статьям[2].

Новой «точкой притяжения» для Ельциных становится стройка Березниковского химического комбината — еще одна «великая стройка социализма». Первым там оказался старший из сыновей Игната Ельцина — Иван. Сюда переезжает после смерти Игната Ельцина его вдова — Анна. Сюда едут Дмитрий, Николай и Андриан Ельцины. Сюда перебирается выжившие в ссылке отец и мать Клавдии Васильевны Ельциной — Василий и Афанасия Старыгины.

Именно там, в круговороте людей, стройки, дел — укрылись Ельцины.

Крестьянский род пресекся.

В заключении книги «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства», посвященной XVII съезду ВКП(б), изданной под редакцией и непосредственном участии Максима Горького, содержатся замечательные слова: «Практика Беломорстроя — одно из свидетельств того, что мы вступили в эпоху бесклассового общества»[3].

Лучше не сказать.

Соцгород

В 1937 году большая семья Ельциных собралась в Березниках. У шестилетнего Бориса вновь появился отец, отсутствовавший почти три года, Борис

1 *Шаламов В.* Галина Павловна Зыбалова//Собр. соч в 4-х тт. Т. 2. М., 1998. С. 307—320.

2 Так, в соответствии с приказом ГУЛАГ № 190736 о применении зачетов рабочих дней в лагерях. 30 июня 1931 г., уголовникам, выполняющим нормы, 3 дня ссылки засчитывались за 4, а раскулаченным — 4 дня за пять. См.:История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х—первая половина 1950-х годов. Том 3. Экономика ГУЛАГа. М., 2004.

3 Беломорско—Балтийский канал им. Сталина. История строительства. Под ред. М. Горького и др. М., 1934. С. 604.

впервые увидел своего деда Василия, бородатого столяра и плотника, своих бабушек — по маме — бабушку Афанасию, по отцу — бабушку Анну. Узнал своих дядей — Ивана, Дмитрия и Андриана.

Березники этого времени стремительно развивался не только как крупнейший в стране центр химической промышленности, но и как образцовый социалистический город, один из тех новых городов, само существование которых должно было продемонстрировать достижения социализма, нового быта его жителей.

Березники-город и новый, и один из самых старых на Урале. Этот город «собрали» в 1932 г. постановлением ВЦИК из старинных, основанных в XVI—XVII вв. городов. Да каких! Из города Усолья, столицы «именитых людей Строгановых» — богатейших людей России XVI—XVII вв., происходивших из сословия черносошных крестьян, строгановского же Орла-городка — того самого, из которого начался в 1580 г. поход казаков под предводительством Ермака. Отсюда начиналось покорение и освоение Сибири. Рядом с ними — горный город Дедюхин, уютный, устойчивый, со сложившимися многими десятилетиями городскими обычаями его жителей[1]. А ещё — гирлянды рабочих поселков, возникших вокруг месторождений соли — Веретье, Ленва, Усть-Зырянка, Чуртан, железнодорожная станция Березники, давшая название новому городу.

Рядом с Березниками находился Соликамск, откуда воевода в XVI—XVII вв. именем царя управлял Приуральем, там высились древние храмы и каменные палаты соликамских богатеев, наживших состояния добычей и торговлей солью.

На рубеже XIX—XX вв. к традиционным уже богатствам этого северного края— соль, лес, рыба — добавляются новые. В 1883 г. здесь был построен первый в России содовый завод купца И.И. Любимова. Рядом с заводом был построен поселок с жилыми домами, училищем, гостиницей и театром. В окружении древнерусской архитектуры и усадеб XIX в. городок, о котором Б. Пастернак, побывавший там в 1916 г., назвал завод и поселок при нём «маленькой промышленной Бельгией».

Колоссальные месторождения калийных солей, возможность организовать производство аммиака и азотной кислоты, удобрений для сельского хозяйства, а кроме этого — добычи магния, натрия предопределили развитие города, названного Березниками.

Главной стройкой нового города стало строительство Березниковского химического комбината. Комбинат должен был стать в полном смысле гигантом индустриализации. Его строительство непосредственно курировал нарком промышленности Серго Орджоникидзе. С самого начала эта стройка шла под контролем и при непосредственном участии органов ОГПУ.

К. Паустовский, оказавшийся в Березниках как корреспондент РОСТА в 1931 г., вспоминал: «На строительстве работали заключенные. Строительство показалось мне непомерно огромным. Состояло оно из разных заводов — сернокислотного, каустического и нескольких других, из тепловой электроцентрали и целого государства больших разноцветных труб.

1 Замечательный очерк особенностей жизни и быта горожан Приуралья в середине XIX в. см.: *Петухов Д.* Горный город Дедюхин и окольные местности//Зап. Русского географического общества. СПб, 1863. Кн. 4. С. 17—80.

Стояла полярная ночь. Первое время я долго плутал в темноте среди котлованов, навала кирпичей, цементных плит, подъездных путей, железной арматуры для бетона, гигантских станин, ферм, недостроенных зданий, тепляков и экскаваторов.

... Стоял декабрь — самый темный месяц на Севере. Вначале эта долгая ночь мне нравилась. Особенно звонко в утреннем морозе перекликались голоса на разных языках (среди строителей комбината было много английских и немецких специалистов, выписанных из-за границы), свистели полозья саней, изредка в свете сильных фонарей из небесного мрака валил ливнями снег.

Иногда красноватым заревом горели непрочные и ускользающие северные сияния. Местные жители звали их сполохами и всполохами. Это последнее слово очень подходило к этим всполошенным, беспорядочно пульсирующим огням.

А за рубежом строительства ночь лежала так тяжело и беспробудно, что напоминала огромного зверя, который завалился на зимнюю спячку по диким увалам, буреломным лесам, по откосам гор. Там, как черные пагоды, стояли уральские гигантские ели и в звездные ночи дотрагивались своими вершинами до звезд.

Но звездное небо в ту зиму редко открывалось над строительством, — слишком много на земле было чада и дыма всех цветов и оттенков, — от канареечно-желтого "лисьего хвоста" до фиолетовых, бурых, красных, белых и иссиня-черных дымов. Небо всегда было в дыму»[1].

Новый город строился по единым планам. Уже в 1932 г. разработка проекта соцгорода Березники была поручена институту «Уралгипрогор». В 1935 г. научно-технический совет наркомата нефтехимии определил основные параметры будущего города. Он был запланирован на 135 тысяч жителей и должен был стать крупнейшим городом в Пермском округе после его столицы — Перми. Для строительства создавались специальные строительные учреждения — Химстрой и 2-го калийного рудника, подчиненные главку Главхимстрой.

Нужно отдать должное и высоко оценить качество проектирования. Проектировщики стремились организовать жилую застройку так, чтобы она в минимальной степени испытывала негативное воздействие производственных выбросов. Областная санитарная инспекция требовала учесть негативный опыт ряда уральских заводов — (Карабаша, Кировограда, Красноуральска), уже тогда, в 30-е годы, столкнувшиеся с загазованностью, отравлением окружающих лесов отходами производств.

Город должен был быть по преимуществу 1—2 этажным, и на этом фоне должны были появиться мощные общественные здания — Дворец культуры, пищекомбинат, больницы и поликлиники, городской узел связи, стадион «Химик», общеобразовательные школы. — № 1 им. Пушкина, № 2 им. Горького, № 3 им.Калинина и № 4 им. Островского. Ряды 3—5 этажных кирпичных домов выстроились вдоль главной оси города — от Химкомбината до Дворца Культуры. В городе появились площади, парки, в том числе обязательный для областного, но не районного города — Центральный парк культуры и отдыха. На каждого жителя Березников предусматривалось до 30 кв. м. зеленых насаждений.

1 *Паустовский К.* Повесть о жизни. Кн. 4—6. М., 2007.

Не были забыты водопровод, канализация, энергоснабжение, удаление бытовых отходов — то, что делает город городом[1].

То, что хорошая архитектура сочеталась и в определённом смысле обеспечивалась невольным трудом заключенных, воспринималось как дело обыкновенное, обычное.

Жизнь на новом месте. У семьи Николая Ельцина наконец-то появилось своё жильё. После спасительного, но чужого угла в казанском доме Петровых появилась своя комната в бараке. У Бориса вскоре появился брат — Михаил. В 1944 г. родилась сестра. «Поселили нас в барак — типичный по тем временам, да и сохранившийся кое-где ещё и сегодня, — деревянный, дощатый, продуваемый насквозь, — вспоминал в 1989 г. Б.Н. Ельцин. — Общий коридор и 20 комнатушек, никаких, конечно, удобств, туалет на улице, на улице же и вода из колодца. Дали нам кое-что из вещей, мы купили козу. Уже родился у меня брат, родилась младшая сестрёнка. Вот мы вшестером, вместе с козой, — все на полу, прижавшись друг к другу, и спали»[2].

Но у отца — работа. Николай Ельцин, человек, обладавший и опытом, и квалификацией, работает нормировщиком, мастером, прорабом. Имеет значение и то, что он закончил три курса строительного техникума. Работы для строителей было много.

Жизнь становится лучше. С 1935 по 1937 гг. денежные доходы населения в стране выросли в 1,5 раза. В 1937—1938 гг. правительство снизило цены на 80—90% промышленных и продовольственных товаров от 5 до 16%%. Резко упали цены в так называемой колхозной торговле[3]. Была отменена карточная система.

Жили, как все. И все были, как они. «Как это ни странно, — вспоминал Ельцин, — народ в таких трудных условиях был как-то дружен. Учитывая, что звукоизоляции... — впрочем, тогда такого слова не знали, а соответственно, её и не было, в общем, если в любой из комнат было веселье — то ли именины, то ли свадьбы, то ли ещё что-нибудь, заводили патефон, пластинок было 2—3 на весь барак, как сейчас помню, особенно «Щорс идёт под знаменем, командир полка...» — пел весь барак. Ссоры, разговоры, скандалы, секреты, смех — весь барак слышит, все всё знают»[4].

Как все, дети идут в первый класс школы. Они одинаковы. Они равны. У них учителя, которые рассказывают о светлом будущем социалистической Родины. Они смотрят фильмы о Чапаеве. Они слушают о полете Чкалова — сталинского сокола — через океан на советском самолете — в Америку. Они знают, что красный флажок на Северном полюсе — из-за того, что там, на полюсе — советские полярники, первые в мире.

Борис пошел в школу в 1939 году, восьмилетним, на год старше сверстников. В этом возрасте один год имеет большое значение. Крупный, сильный мальчишка обречен на то, чтобы стать заводилой детских шалостей, зачастую граничивших с нормами дозволенного.

1 *Гайсин О.Д.* Опыт проектирования соцгорода Березники (1930—1940-е гг.)
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990.
3 *Левичева И.Н.* Проблемы денежного обращения в СССР в конце 1920-х—1930-х гг.//Вестник Банка России. М., 2007.7 марта (№ 13(957). С. 37—43.
4 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990.

С начала войны семья не могла не переживать трудности военного быта. Отец оставлен на стройке. Производство расширяется. Березники — это один из важнейших центров отечественной военной промышленности. Без азотной кислоты, нитратов, селитры — нет взрывчатых веществ, нет порохов для армии. Березники производят боеприпасы, здесь организовано производство металлического натрия, делали гранаты... Ушёл на фронт и погиб младший брат — Андриан Игнатьевич Ельцин.

В Березники приезжают 30 тысяч эвакуированных, там оказался замечательный Ленинградский театр юного зрителя. Сюда переводят строительные батальоны — «стройбаты», состоявшие из поволжских немцев, родственников репрессированных, латышей, литовцев, эстонцев, которых на брали в действующую армию. С 1945 г. в Березниках был размещен большой лагерь немецких военнопленных.

Семья существует за счет пайков. Отцу, как человеку, работающему на предприятии химической промышленности и поэтому имевшему право на снабжение «по первой категории», полагалось 800 граммов хлеба в день и 800 граммов сахара в месяц. Иждивенцам — матери и детям — каждому — по 400 граммов хлеба в день и по 600 граммов сахара в месяц[1]. Это — в теории. На практике могли быть задержки выдачи пайков, нормы выдачи могли быть уменьшены. Купить хлеб можно на рынке, но там килограмм хлеба стоил 200—250 рублей, при зарплате отца 800—1000 рублей в месяц.

Подспорье для семьи — коза и козье молоко для детей. Летом мать с Борисом косили сено для колхоза, получали часть заработанного сена и для своей живности, и для продажи, чтобы купить хлеб.

Отец

Отцу удалось почти невозможное — в 1944 г. он смог построить собственный дом, в 8-м квартале Березников, по улице Садовая, 27. Свой дом — это огород, картошка, зелень, возможность накормить детей и поесть самим. Учитывая, что самыми голодными годами во всей стране, и в Березниках в частности стали 1944—1946 гг., обзаведение собственным огородом было делом спасительным. И это был свой дом, который появился у Николая Ельцина после пятнадцати лет скитаний по баракам.

Николай Ельцин был человеком талантливым.

Он смог вырваться из раскулаченной деревни, из лагеря, вычеркнул эти страницы из своей биографии. Вычеркнул в прямом смысле слова. Ни в личном листке по учету кадров, заполненном в 11 октября 1948 г.[2], ни в своей автобиографии, написанной 22 марта 1953 г.[3] нет упоминаний об аресте, суде и работе в Дмитлаге. В личном листке он указывал, что с 1930 по 1935 гг. он работал на строительстве казанского авиационного завода, а с 1935 по 1937 г.

1 Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М., 1943.

2 Личный листок по учету кадров Н.И. Ельцина. 11 октября 1948 г. Из коллекции документов Уральского центра Б.Н. Ельцина.

3 Автобиография Н.И. Ельцина. 22 марта 1953 г. Из коллекции документов Уральского центра Б.Н. Ельцина.

был прорабом в Кинопромстрое в той же Казани; в автобиографии время работы на стройке авиазавода продлено до 1936 г., а с 1937 г. он указал, что стал трудиться в Березниках, в Химстрое. Благо, что до начала 1939 г. в стране отсутствовали трудовые книжки (их ввели только с января 1939 г.), и поэтому записи о трудовом стаже в 20-х — 30-х гг. было трудно проверить.

На вопрос личного листка по учету кадров — «привлекался ли к судебной ответственности» — отвечал — «нет», в своей автобиографии написал: «репрессиям не подвергался».

Кому положено было знать, тот знал, а зачем «подставлять» себя и своих близких под доносы «бдительных граждан»?

У строителей есть грубоватая шутка — своя, профессиональная. На вопрос — «кем работаешь?» — следовал ответ — «собакой», то есть мастером. Собакой, потому что надо бегать по стройке, ругаться с рабочими, смежниками, с плановиками... Николай Игнатьевич Ельцин был человеком нужным для строительства. Он работал мастером, нормировщиком, прорабом, старшим прорабом, то есть непосредственным организатором строительного процесса. Н.И. Ельцина наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Фотография Николая Игнатьевича Ельцина была помещена в Книгу почета треста № 1 «Севуралтяжстроя» Пермского совнархоза.

Молодой инженер И.А. Неверов, попавший в подчинение Н.И. Ельцина в 1958 г., когда Ельцин был прорабом в СУ—4 треста «Березникихимстрой», вспоминал: «Когда я пришёл на стройку, Ельцин был уже тёртый калач с огромным опытом жизни. Он был требовательным, даже очень».

Но Н.И. Ельцин был не только знающий организатор и требовательный руководитель.

Он к своей работе относится как к своему, личному делу. Он всё время придумывал, усовершенствовал, добивался снижения затрат труда, материалов, средств. В 1952 г. Н.И. Ельцина, как изобретателя и рационализатора наградило Министерство строительства[1]. Его посылали на Выставку достижений народного хозяйства СССР как прораба—рационализатора в конце 50-х гг. Сохранились сведения о его многочисленных рационализаторских предложениях, внедренных в практику в 50-х — начале 60-х гг. Он предлагал изменить фундаменты под арки складов, усовершенствовать кровлю... Экономия только по этим предложениям — около 6 тысяч рублей в ценах 1961 г, вознаграждение — около 250 рублей.

Его сын — Борис Николаевич Ельцин — вспоминал: «Отец все время что-то изобретал. Например, мечтал изобрести автомат для кирпичной кладки, рисовал его, чертил, придумывал, высчитывал, опять чертил, это была его какая-то голубая мечта. До сих пор такой автомат никто не изобрёл, к сожалению, хотя и сейчас целые институты ломают над этим головы. Он мне все рассказывал, что это будет за автомат, как он будет работать: и кирпич укладывать, и раствор, и затирать, и передвигаться как будет — все у него было в голове задумано, в общих схемах нарисовано, но в металле осуществить идею ему не удалось»[2].

1 Производственная характеристика на старшего производителя работ участка «Химстрой» треста «Севуралтяжстрой» Ельцина Николая Игнатьевича. Из коллекции документов Уральского центра Б.Н. Ельцина.

2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990.

Сын

Строгий на работе, Николай Игнатьевич был крут дома, в особенности в отношении старшего сына Бориса. «У отца главным средством воспитания был ремень, и за провинности он меня здорово наказывал».

При непедагогичности этого средства воспитания следует заметить, что Борис часто давал повод для отцовского гнева. В военные годы школьная вольница позволяла себе много такого, что заставляло отца хвататься за ремень — за то, что травили несчастную учительницу немецкого языка. (О бедные учителя немецкого языка! Сколько им доставалось по всей России от своих жестоких учеников, путавших немецких солдат с учительницами немецкого!)

А смертельные игры с плаваньем в реке Зырянке во время лесосплава? А драки квартал на квартал? Опасные игры с боевым оружием, попадавшим на ремонтные предприятия, в заводскую шихту на переплавку, эксперименты с утащенными со складов боеприпасами, которые производились здесь же, в Березниках?

Чего стоили опыты с гранатой, подвергнувшейся разборке. Это любопытство едва не стоило Борису жизни. Взрыв запала гранаты повредил его левую руку, вызвал заражение и ампутацию двух пальцев на левой руке[1].

Стоило его за это выпороть?

Но учился Борис Ельцин хорошо. В 1945 году он, школьник 6 класса, вступил в комсомол. Школьное детство совпало с войной, с ощущением достоинства своей Родины, чувства долга перед ней — «всё для фронта, всё для Победы» — это не только лозунг, это еще и часть социальной психологии юного поколения. Чувство собственного достоинства, отголосок поведения фронтовиков, отцов и матерей, круглые сутки работавшими на Победу. И вера в справедливость. Заметим, что каждая из этих характеристик вполне поддерживалась тогдашней пропагандой,

Вера в справедливость, в честность, помноженные на чувство собственного достоинства толкнули 15-летнего Бориса Ельцина на едва ли не политический поступок, первый в его жизни. В 1946 г., на выпускном собрании после окончания 7 класса в присутствии родителей, преподавателей, школьников Борис попросил слова. Вместе с ожидавшимися благодарностями в адрес школы и учителей, Борис стал говорить о их прежней классной руководительнице. Он говорил, что она оскорбляла учеников, унижала их, заставляла работать у себя дома.

Это был скандал.

Наказание последовало незамедлительно. Его отчислили из школы, выдали «волчий билет» — справку об окончании 7 классов с припиской — без права обучения в 8 классе.

Но комсомолец Борис Ельцин считал себя правым, и полагал: то, что он сделал — соответствует тому, как должен вести себя комсомолец. Разве в тогдашних фильмах не вставали молодые комсомольцы и не обличали недостатки? Разве не призывали к борьбе с недостатками и пережитками прошлого газеты? Он пошел в районо, гороно, в горком партии — и добился своего. Его восстановили, но перевели в другую школу — в школу № 1 имени Пушкина.

[1] *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990.

Ельцину повезло. Это была хорошая и, для молодого города — старая школа.

В его классе была прекрасный классный руководитель — Антонина Павловна Хонина, которую и спустя сорок лет Борис Николаевич Ельцин вспоминал с теплотой и благодарностью. Это была мужская школа, одна из тех, которые появились в стране после войны.

Его классный руководитель А.П. Хонина вспоминала: «Я пришла в школу им. Пушкина осенью 1946 года. В ней обучались только мальчишки. Как интересно с ними было работать! Тут уж не зевай, будь готов к ответу каждую минуту. Доверили мне классное руководство в 8 «А» до выпуска в 1949 году. Ребята один лучше другого, бойкие, смышленые, языкастые. Вот мои ученики того первого мужского выпуска: Марк Белов, Виктор Николин, Сережа Молчанов, Роберт Зайдель, Виталий Щербаков. Боря Блох, Слава Кукушкин, Леня Суслов, Вася Наседкин, Володя Титов, Игорь Довгий... И среди них Борис Ельцин, высокий, статный, серьезный юноша. Взгляд прямой, внимательный, умный. Хороший спортсмен. Правил школьной жизни ни в чем не нарушал, Борис не терпел лжи, спорил горячо, доказательно. Много читал, любил стихи. Когда отвечал, смотрел чуть-чуть из-под бровей. Говорил убежденно, подчеркивая основное, без пустых слов.

Уже тогда чувствовался характер крутой, темперамент горячий. Был искренен, доброжелателен по отношению к товарищам. Тогда ведь дети были другими. Время послевоенное, тяжелое, но они были добрые, смешливые, без раздражения и злобы. Вспоминаются собрания, которые они сами назначали, проводили, разбирали свои промахи! А какие интересные вечера устраивали! Ставили пьесы, читали стихи, спорили о книгах. Из женских школ им. Островского и им. Горького всегда охотно приходили к нам девочки, отношение к ним было у мальчиков очень уважительное»[1].

В классе учились хорошо. Была традиция, очень важная для этого учебного коллектива — хорошо учиться. Из 19 выпускников этого класса четверо закончили школу с медалями — два — с золотыми и два — с серебряными[2]. Борис медали не получил — у него было две четверки.

Учеба в школе имени Пушкина дала и иное, очень важное в жизни Б.Н. Ельцина — спорт. Спорт поглощал неуёмную энергию, вводил соперничество в формы спортивного состязания. Борис Ельцин яростно, истово занимался спортом. «Меня сразу пленил волейбол, — писал в своих воспоминаниях, — и я готов был играть целыми днями напролёт. Мне нравилось, что мяч слушается меня, что я могу взять в неимоверном прыжке самый безнадёжный мяч. Одновременно занимался и лыжами, и гимнастикой, и лёгкой атлетикой, десятиборьем, боксом, борьбой, хотелось все охватить, абсолютно все уметь делать. Но в конце концов волейбол пересилил все, и им я уже занялся совсем серьёзно».

Волейбольная команда школы имени Пушкина стала чемпионом города. Капитаном этой команды был Борис Ельцин. В качестве приза каждому члену

[1] Из воспоминаний А.П. Хониной. См.: http://www.perm1.ru/perm/YWhg67pTq7/info.html

[2] Из воспоминаний С.Ф. Молчанова, одноклассника Б.Н. Ельцина. См.: http://www.perm1.ru/perm/YWhg67pTq7/info.html

команды-победительницы подарили часы. «Для послевоенных мальчишек это было все равно, что если бы сейчас их сверстникам подарили автомобили», — вспоминал одноклассник Ельцина С.Ф. Молчанов.

Летом 1948 г. ребята-одноклассники отправились в поход по берегу реки Яйвы. Северная тайга, где глухой лес переходит в болота, где на земле лежит слой из стволов старых упавших полусгнивших деревьев и каждый шаг требует усилий, где нет внешних ориентиров — стала слишком серьезным испытанием. Путешественники заблудились, попали на болота, пили воду, процеживая болотную жижу через тряпки. Начался тиф.

Ребят, к счастью, нашли, но они проболели почти всю первую четверть, не ходили в школу. Для ученика выпускного класса Бориса Ельцина, вполне успешно освоившего учебную программу, неожиданно возникла новая проблема, о которой он не догадывался. По нормативам Министерства народного образования самостоятельное обучение без посещения школы — экстернат — было запрещёно. «Пришёл в школу сдавать экзамены, а мне говорят, что нет такой формы — не бывает экстерна в выпускном классе, и что я могу гулять. Опять пришлось, учитывая, что дорожка уже знакомая, идти по проторённому пути: районо, гороно, исполком, горком. Тогда я уже выступал за сборную города по волейболу. К счастью, знали меня как чемпиона города среди школьников по нескольким видам спорта, чемпионом области по волейболу. Короче, разрешили сдать экстерном, — правда, всех пятёрок мне не удалось получить, по двум предметам поставили четвёрки. Вот с таким багажом я должен был поступать в институт», — так вспоминал этот эпизод своей жизни Б.Н. Ельцин.

Борису Ельцину 18 лет. Он был первым в роду Ельциных, получивший полное среднее образование. Его дед был неграмотен, у отца — незаконченное среднее специальное. Он жил в городе, который менялся, хорошел на глазах. Его отец — уважаемый человек, строитель, трудами его и его товарищей растет город, строятся заводы и шахты. Власть дала ему образование, возможность заниматься спортом. Эта власть — справедливая. Именно там он нашёл защиту в трудные для себя времена.

Да, он знал о том, что родных раскулачили и помнил своё казанское раннее детство. Но это была несправедливость, ошибка, признанная властью. То, что такие ошибки были в прошлом, было написано и в «Кратком курсе ВКП(б), и в учебниках по истории СССР, и в «Поднятой целине» Шолохова. Сейчас-то эти ошибки были исправлены! Никаких противоречий и сомнений в справедливости целей и задач не возникало. «Я искренне верил в идеалы справедливости, которые несёт партия», — вспоминал Б.Н. Ельцин.

Предстояло выбрать, где учиться дальше. Мальчишеская мечта о судостроительном институте сменилась осознанным выбором — поступать на строительный факультет Уральского политехнического института. Было много аргументов в пользу этого. Отец — строитель, и сыну эта профессия известна. Березники связаны прямой железнодорожной связью со Свердловском — это тоже в пользу такого выбора.

Борису Ельцину предстояло первым в роду получить высшее образование.

Глава 2
Карьера строителя

Студент специальности «промышленное и гражданское строительство»

Свердловск предстал перед провинциальным юношей необъятной строительной площадкой. Возводились дома рядом с железнодорожным вокзалом, в центре города, хоботы башенных кранов маячили на его окраинах. Трамвай доставил Бориса в восточную часть. Пройдя под железнодорожным мостом, он увидел панораму возвышающегося на пустыре Втузгородка. В глаза, прежде всего, бросалось огромное здание на пригорке, завершавшее широкий проспект им. Ленина. Здание было украшено портиком с колоннами и гербом СССР на фронтоне.

Сам институт родился в соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР, подписанным В.И. Лениным 19 октября 1920 года. По этому документу в городе, тогда ещё называвшемся Екатеринбургом, учреждался государственный университет в составе шести институтов, в том числе политехнического. Весьма сложная финансово-экономическая обстановка в стране заставляла в 20—30-е годы менять форму и профили университета и составляющих его частей. Скудность финансирования сказывалась и на количестве обучаемых студентов, хотя год от года оно росло. Если в 1925 году из стен УПИ вышло 17 выпускников, то в 1928 году было 64 молодых специалиста.

Огромная потребность в специалистах строительного дела заставила создать в 1929 году специальный факультет. Его начальной задачей являлась ускоренная переподготовка техников и рабочих для заполнения вакантных мест инженерно-технических работников среднего и высшего звеньев стройиндустрии. Необходимы были специалисты для строительства Урало-Кузбасского металлургического комплекса, создания металлургических и машиностроительных заводов на Урале. Прост был и набор студентов: в первую очередь и без экзаменов на факультет принимались те, кого «делегировали» на учёбу партийные, комсомольские и профсоюзные комитеты. Среди этих «направленцев» встречались такие, кто не знал математики, не говоря уже о физике, иностранном языке и других общеобразовательных предметах.

В 1930 году УПИ разделили на девять отраслевых институтов, среди которых был и строительный. Спустя пять лет правительство осознало ошибку раздробления, все институты превратили в факультеты единого УПИ, но теперь уже не политехнического, а индустриального, это слово, видимо, лучше отражало политику ВКП(б) той поры.

Объединению, в определённой мере, способствовало начавшееся строительство специального комплекса зданий на восточной окраине Свердловска. Завершилось оно в 1939 году. В учебных корпусах разместились факультеты со своими аудиториями и лабораториями. Рядом находились общежития для студентов и сотрудников вуза. Были тут комбинат общественного питания, студенческий клуб, спортивные залы. Комплекс назвали Втузгородком, что, по сути, соответствовало истине. Владения Уральского индустриального института вы-

зывали зависть у коллективов других свердловских вузов, причём не только в 30-е, а и в последующие годы.

Новый этап в развитии института начинается после войны. В 1948 году он получил новое название — Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова — УПИ. В институте появились новые факультеты, олицетворявшие самые современные отрасли науки и техники — физико-технический (в 1949 г.) радиотехнический (в 1952 г.) факультеты. Появился в структуре УПИ и архитектурный факультет (в 1947 г.)

К этому времени стройфак был уже вполне традиционным. Туда, как вспоминают однокурсники Б.Н. Ельцина, практически не было конкурса. Факультет не считался престижным. Стипендия его студентов в 280 рублей являлась самой низкой в УПИ. Совсем незавидными виделись будущие оклады мастеров и прорабов. Иное дело — металлурги, химики, машиностроители, на эти факультеты претендентов было предостаточно.

Помимо результатов экзаменов на стройфаке решающую роль играли оценки в аттестате зрелости. Ельцин имел средний балл по аттестату — 4, 57, а по математическим дисциплинам — 5.

Нелишне заметить, что стройфак, отмечавший в том году своё 20-летие, обучал ещё по двум специальностям: «Водоснабжение и канализация» и «Отопление и вентиляция». Однако специальность «промышленное и гражданское строительство» должна была выглядеть в глазах сына прораба из Березников как главная, самая «строительная».

17 июля 1949 года Ельцин сдал документы в приёмную комиссию. Абитуриентам стройфака предстояло сдать девять(!) экзаменов.

Экзаменационный марафон открыло сочинение. 1 августа — хорошо.

3 августа — математика — алгебра письменно — отлично.

5 — математика — геометрия письменно — отлично.

Математика устно — отлично.

Общая оценка по математике — отлично.

10 августа — рисование — хорошо.

12 августа — черчение — хорошо.

14 августа — русский устно — отлично.

16 августа — физика устно — хорошо.

17 августа — иностранный язык устно — отлично.

Экзамены сданы успешно. 25 августа 1949 года Борис написал заявление директору УПИ (так тогда называлась должность руководителя института) с просьбой принять его на строительный факультет по специальности ПГС (промышленное и гражданское строительство).

Борис Ельцин зачислен.

Каждый, кто был студентом, знает, какие чувства вызывает вердикт приёмной комиссии «принят». У тебя как будто вырастают крылья за спиной, на которых хочется взлететь повыше и кричать: «Я уже студент!» Но так же, как после всякого праздника, наступают будни, весь пафос улетучивается уже после первых занятий. Институт — не школа — это студенты поняли с самого начала. «Мы же в школе привыкли, что каждый день тебя могут вызвать,

спросить, а тут всё на самоконтроле, и что получилось: у нас при поступлении было 15 медалистов, а после первых двух сессий большинство их вылетело, осталось только двое», — вспоминает однокурсник Бориса Николаевича Ю.Я. Пермяков[1].

«Школьная болезнь» Ельцина не затронула. Первый семестр он закончил с одной четвёркой, а второй, третий и четвёртый круглым отличником. «Учился он хорошо, — подтверждает однокурсница Н.А. Вилесова, — давалась учёба ему легко, и, тем не менее, он много занимался. Был трудоголиком, спал по четыре — пять часов»[2].

Памяти и трудолюбия Борису, безусловно, не надо было занимать. Но ещё и по своему характеру он не мог плестись в числе середняков и тем более отстающих. В довершение к субъективным существовали причины объективные. Даже один «трояк» за семестр лишал права получать стипендию, зато отличникам полагалась повышенная стипендия. К успеваемости товарищей пристрастно относилась группа, иметь в своём составе троечников и «хвостистов» расценивалось на факультете как «позорное явление». Поэтому отстающему немедленно оказывали помощь в овладении той или иной темой.

Декан стройфака был легендарной фигурой для своих студентов. И не только потому, что Станислав Андреевич Рогицкий, доктор технических наук считался учёным с мировым именем и в эти годы стал членом-корреспондентом Академии строительства и архитектуры СССР. Студенты видели в нём отца и друга. В своих мемуарах «Команда молодости нашей» А.Н. Юзефович отмечает: «Стипендии нам, конечно, не хватало. И как-то на семинарском занятии Станислав Андреевич обращается к группе:

— Чегой-то вы у меня сегодня какие-то грустные?

— Не грустные мы, Станислав Андреевич, а голодные. До стипендии два дня, а в кармане пусто, поесть не на что.

Староста! Зайдите после занятий ко мне. И на полном серьёзе выдал в долг из своих денег нашу стипендию»[3].

Другой ученик Рогицого П.М. Богдашин так отзывается о своём учителе: «Лекции по строительной механике, теории упругости и сопротивлению материалов он читал самозабвенно, как глухарь на току, никого и ничего не замечая. С искренним наслаждением, доходчиво излагая самый сложный материал, покрывая доску бесконечной вязью формул, он мурлыкал себе под нос песенку, периодически отскакивая от доски, восхищённый красотой теоретического решения, восклицал: «О, к—к—как эффектно!» или «О, к—к—как интэр—р—рэсно!»... Казалось бы, отрешённый от всего на свете во время лекции, он прекрасно видел и чувствовал аудиторию. Ни с того, ни с сего он мог, вдруг обернувшись, привлечь внимание сидящей где-то на десятом ряду, заболтавшейся с соседками Риты Бучельниковой одной фразой: « Бучельникова, вам всё понятно?» Рите, да и всем нам, конечно, всё становилось понятно. И неловко»[4].

1 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. Екатеринбург, 2009. С. 58—60.
2 Там же. С. 58.
3 *Юзефович А.Н.* Команда молодости нашей. Пермь, 1997. С. 23.
4 *Богдашин П.М.* Что наша жизнь? Б/м. 1998. С. 21—22.

Получив дипломы, став высококлассными специалистами и руководителями, они всегда будут утверждать, что им «здорово повезло на преподавателей». У профессора Константина Трофимовича Бабыкина не было учёных степеней, зато его знал и глубоко уважал мир архитекторов. Он спроектировал в Свердловске несколько зданий, ставших памятниками архитектуры, само центральное здание УПИ — его работа. Студенты видели в этом профессоре «педанта и аристократа». На свои лекции по архитектуре Константин Трофимович приходил «в строгом чёрном костюме с жилеткой и безукоризненно белой сорочке. Всегда вежлив, спокоен, несколько медлителен, он с изяществом держал «архитекторский» толстый карандаш». Кстати, свои занятия он начал с «практики правильной заточки карандаша». А ещё Бабыкин запомнился безупречно чистой, без словпаразитов и вульгаризмов, речью и уважительным отношением к ученикам.

Всегда на «вы» и только по имения отчеству обращался к студентам профессор Борис Александрович Сперанский, читавший лекции по металлическим конструкциям. Не у него ли эту привычку перенял студент Ельцин? Борис Николаевич на любых постах в разговорах с людьми различного ранга и возраста не переходил на панибратское «ты» и одноимённое обращение. Было в нём и что-то от Бабыкина — строгая, элегантная одежда, аккуратная причёска, стремление к чёткой речи без вульгарных выражений.

Незабываемым остался преподаватель геодезии Николай Николаевич Мазуров, который «очень гордился тем, что в юности работал у знаменитого В.К. Арсеньева, этнографа, писателя, исследователя Дальнего Востока». Он был очень щепетилен, требовал от студентов исключительной точности в расчётах, не терпел малейшей халтуры. «Мазуров был настолько принципиальным и бескомпромиссным в своём деле, что неоднократно выпроваживал с экзаменов и свою дочь, учившуюся на нашем факультете»[1], — замечал в своей книге «Что наша жизнь?» П.М. Богдашин. Вот и эти мазуровские черты принципиальности и отказа от компромисса замечали у Бориса Николаевича его соратники.

Строгость и доброту сочетала в себе заместитель декана Е.В. Воронина. Вспоминают, как однажды она «воспитывала» студента, получившего тройку по теоретической механике, из-за чего терявшего стипендию. «И отца его помянула, который не вернулся с войны, и то, что на шее у матери сидит. А потом протягивает разрешение на пересдачу экзамена и говорит с угрозой: «Попробуй, не пересдай!»[2]

Чего греха таить, были у них и «горе-преподаватели», и нелюбимые предметы, как, например, «Основы марксизма-ленинизма» и «Военное дело». Однако хороших примеров в памяти осталось больше. «Высокообразованные, внимательные к собеседнику, безукоризненно владеющие русской речью и технической терминологий — такой образ оставили о себе наши преподаватели, — уверяет в своей книге «Это было со мной и страной» А.Н. Могильников, ещё один из сокурсников Б.Н. Ельцина. — Если в нас осталась хоть небольшая доля того нравственного и культурного богатства, мы должны быть благодарны судьбе за то, что она свела нас с такими людьми»[3].

1 *Богдашин П.М.* Что наша жизнь?. С. 28.
2 Там же.
3 *Могильников А.* Это было со мной и страной. Екатеринбург, 2000. С. 17.

Ну, а разве у отличных учителей не бывает плохих учеников, не зря же существует народная поговорка «В семье не без урода». Удивительно, но к коллективу, с которым учился Борис Николаевич, она не подходит. Парни и девушки, неизбалованные жизнью, понимали, что сейчас для них главная задача — приобрести знания, чтобы стать настоящим инженером. Конечно, они не могли быть «стандартными», у каждого свой характер, собственные интересы и талант. В отличие от других факультетов, где студентами стали вчерашние воины, испытавшие себя на фронте, их курс состоял практически из сверстников, пришедших со школьной скамьи. Единственный из первокурсников — Феликс Плеханов — успел окончить техникум и имел небольшую практику строительного дела. Вот только «теория давалась ему трудно, и карандаш плохо удерживался в его большой руке».

Чуть постарше сокурсников был Шура Рейфшнейдер. Удивлял он тем, что наизусть знал популярные повести Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок», почему у товарищей ассоциировался с Шурой Балагановым. Между тем, Рейфшнейдер принадлежал к роду поволжских немцев, депортированных на север Свердловской области. Александру, в виде исключения, разрешили учиться в УПИ, но обязали ежемесячно являться в органы с докладом «о наличии своего присутствия» в Свердловске. По причине «неблагонадёжности» его не допустили к обучению военному делу. Зато «Шуру уважали студенты и преподаватели за степенность, солидную внешность, умение доброжелательно пошутить, за педантичность в учёбе. Учился он очень хорошо и часто получал повышенную стипендию».

Второй «подозрительной личностью» являлся Алексей Дьяков, сын русских эмигрантов из Китая. Его отца, журналиста, осудили по печально известной 58-й статье за написанную им книгу о судьбах соотечественников в Гражданскую войну и в эмиграции, в лагере он и умер. Алёша хорошо знал английский язык, много читал, главным образом, техническую литературу, которую товарищи брали в руки только во время сессий. Уже на первом курсе Дьяков сдал экзамены по всей высшей математике. «Выяснилось, что он владеет знаниями по ядерной физике на более высоком уровне, чем студенты недавно открытого в УПИ физико-технического факультета, ужасно модного и ужасно секретного. Владея всеми без исключения техническими дисциплинами, Алексей постоянно потрясал нас фантастическими проектами, расчётами, вроде, например, какого-то космического аппарата (это в пятидесятые-то годы!), при помощи которого он, Дьяков, может разнести вдребезги солнце. Часто он, используя вроде бы достаточно аргументированную цепочку доказательств (что мы подтверждали), шаг за шагом приводил нас к выводу, что в треугольнике все внутренние углы тупые, «как в нашем факультетском», добавлял он, имея в виду треугольник «парторг—комсорг—профорг». Бывало, что он доказывал, что дважды два — пять, вытворял прочие подобные вещи, явно и нагло используя, конечно, при этом зияющие бреши в наших познаниях». Такое впечатление о факультетском феномене осталось у П.М. Богдашина. Вместе с тем, он замечает: «Это был тишайший студент, не обидевший муху, всецело поглощённый наукой, не участвовавший ни в спортивных соревнованиях, ни в раз-

грузках вагонов, ни в студенческих вечеринках, ни в подделке билетов на новогодний вечер в институте. Над обидчиками и остряками он снисходительно и не зло подшучивал...»[1]

Без остряков, шутников не бывает студенческих коллективов. Весёлыми проделками отличался Яша Ольков. Однажды он объявил о распродаже лишних билетов на концерт «ведущих солистов итальянской оперы: колоратурное сопрано Каниафора Церибелла, теноры Мирулиус Лакриманс, Пориа Вапарариа и других». Естественно, увидеть зарубежных музыкальных светил захотели многие, не пожалев последних рублей. На следующий день Ольков заявился в аудиторию с билетом... нарисованным на фанере. Тут и вскрылось, что Яков «прикупил» тех, кто пропустил последнюю лекцию по деревянным конструкциям. Имена «итальянских певцов» были ничем иным, как названием грибков, разрушающих дерево.

Знаменитостью не только курса, а и всего института все считали Пашу Богдашина. Правда, слава к нему пришла не сразу. С первого курса стала заметной самозабвенная тяга Павла к мотоспорту. Всё свободное время он пропадал в институтских мастерских, создавая мотоциклы собственной конструкции. Как вспоминал Павел Михайлович, сотворённые им «мощные, маневренные машины, необычные по тем временам», позволили ему «резко уйти от спортивных соперников и за три года пройти путь от дикого новичка до мастера спорта, стать очень популярной в институте и за его пределами личностью». Начав с побед на городских соревнованиях, Богдашин добился призовых мест на всесоюзных и международных. С первенства ДОСААФ он вернулся в звании чемпиона и двумя завидными призами — телевизором и мотоциклетным кожаным костюмом. Телевизор КВН—49 был шестнадцатым по счёту приобретённых в Свердловске. Можно представить себе, какую ценность он тогда представлял, а Павел, долго не раздумывая, отдал его «на алтарь группы», поскольку сам жил в общежитии. «Установили его в нашей аудитории (потрясающий воображение студентов факт: «У строителей — телевизор!»), пишет в своей книге Богдашин. Антенну необычной конструкции изготовили сами и установили на крыше строительного факультета. Экран телевизора был размером 100х140 миллиметров, поэтому сообща купили и установили перед ним специальную, наполненную глицерином линзу размером с экран современного телевизора. На первый сеанс собралась полная аудитория народу во главе с профессором Бабыкиным, с опаской и недоверием усевшимся на подготовленный ему перед телевизором высокий чертёжный стул. Потом ажиотаж стих, главным образом из-за низкого качества передач любительского в то время телецентра, а телевизор куда-то исчез»[2].

В один из дней группа шла сдавать экзамен по сопромату. Оглушительный треск мотоцикла заставил всех оглянуться на дорогу. Мимо них пронёсся Богдашин. И вдруг у всех на виду мотоцикл врезается в дерево, и Павел взлетает в воздух. Группа бросается к нему. Первое, что бросается в глаза, разорванная кожаная куртка и окровавленные руки. Павла привели в чувство, отвели в медпункт, убрали мотоцикл, который почти не пострадал. Переживая за товарища,

1 *Богдашин П.М.*. Что наша жизнь?... С. 49—50.
2 *Богдашин П.М*. Что наша жизнь?.. С. 71.

пошли на экзамен. Вскоре туда, к всеобщему удивлению, явился Богдашин с перевязанными руками. Узнав о случившемся, сердобольный профессор Рогицкий предложил «бедняге» четвёрку без сдачи экзамена. А вечером группа узнала, что Павел прямо из института отправился на своём мотоцикле на Уктус, где проходили городские соревнования, и вернулся оттуда победителем.

А чем выделялся на общем фоне студент Ельцин? Примерной успеваемостью и высоким ростом? Да, его называли «длинным», на что Борис отвечал: «Я не длинный, а высокий». Но не это привлекало к нему внимание сокурсников. Рассказывает Н.А. Вилесова: «С первых дней в нём проявился явный лидер. При этом он не потерял обаяние, естественность, умение быть всегда весёлым, даже озорным каким-то. Уверенность в правоте дела, которое он делает, — это привлекало к нему людей моментально. И преподавателей, и соучеников. И в то же время он всегда внимательно выслушивал замечания в свой адрес и не боялся признать свои ошибки. Выслушает, подумает, оценит и признает»[1]. А вот отзыв друга Бориса Николаевича М.Л. Карасика: «Боря хороший человек был, доброжелательный, дружественный. Я никогда не видел, чтобы он курил, Он никогда не матерился. Не был жадным до денег... Когда учились, трудно было с подарками, позвали нас как-то на день рождения, он берёт свой радиоприёмник (а у него одного был такой) и понёс, и подарил. Всё у него было от души, он никогда ничего не делал опрометчиво, всё было продумано»[2].

В своих воспоминаниях П.М. Богдашин показывает Бориса Ельцина так: «Нынешний президент России был обычным деревенским парнем с типичной для большинства из нас судьбой... Отличительной чертой его характера всегда была активность действий, врождённое стремление к лидерству. Сказать, что это его стремление к лидерству было самоцелью, нельзя, просто его целеустремлённость, энергия, подвижность, работоспособность, неприхотливость к условиям, просто его здоровый, требующий динамичного развития организм естественным образом приводил его в группу лидеров в тех делах, которые его привлекали. Это всегда был "моторный парень", как сейчас принято говорить, и лидерства он добивался не агитацией, словесами или использованием поддержки каких-то официальных органов, нет, он просто, засучив рукава, с жаром отдавался делу или идее, увлекавшим его в тот момент»[3].

Почему Павел Михайлович называет Ельцина «обычным деревенским парнем»? Возможно, это описка. А, может, он, свердловчанин, как часто случается, считал провинциалов «деревенщиной». Безусловно, Борис Николаевич в начальную пору своего студенчества чувствовал, насколько он отстаёт в интеллектуальном развитии от сверстников из большого города. Не случайно же он решился на затраты из более чем скудной стипендии, подписавшись на дорогостоящую Большую советскую энциклопедию, и стал штудировать её статьи. Сдав на пятёрку экзамен по основам марксизма-ленинизма, студент Ельцин, кажется, на том ограничил своё проникновение в политику. Эта сфера деятельности его ничуть ни притягивала. Сокурсники вспоминают, как их привлекали

1 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 58.
2 Там же. С. 62.
3 *Богдашин П.М.* Что наша жизнь?. С. 54—55.

к выступлениям с лекциями и докладами в рабочих коллективах, но такие поручения обычно выполняли девушки, ребята старались увильнуть под различными предлогами.

Естественно, о каких-либо диссидентских настроениях никто тогда не помышлял. Когда умер «вождь всех народов и времён», вместе со всем народом скорбели и студенты. В день этого общего горя «профессор Бычков читал лекцию по сборным железобетонным конструкциям срывающимся голосом, с полными слёз глазами. Ломая мел, писал на доске неразборчивые формулы при гробовой тишине в аудитории и всхлипываниях девчат»[1].

После группа самостоятельно приняла решение: в день похорон товарища Сталина возложить к его гробу венок. Тут же скинулись на приобретение венка и покупку двух билетов до Москвы. Поехать хотели все, кинули жребий. «Счастливыми» оказались Зина Шабалина и Рая Ахтямова. Тем временем прозорливый ректор УПИ издал приказ, категорически запрещающий поездки в столицу на время похорон вождя. Нарушителям грозило исключение из института. Группа восприняла действия ректора «как посягательство на самое святое — отдать последний долг любимому вождю», и делегаты тайно отправились поездом в Москву. Ждали их с тревогой и нетерпением. Больше всех, наверное, волновался староста группы Володя Фомичёв, ему пришлось скрывать отсутствие двух студенток. Вернувшись, Зина и Рая рассказали, как им с невероятными усилиями удалось протиснуться с венком на Красную площадь, где они слышали все выступления с мавзолея Ленина, из которых больше всего им понравились речи Молотова и Берия.

О культе личности Сталина никому и в голову не приходило. Всех волновало одно: кто станет следующим вождём? Об этом можно было думать и тихонько рассуждать, понимая, что решение вопроса нисколько не зависит от тебя, да и всего советского народа. Лучше уж заниматься «своими делами». На их отсутствие студент Ельцин не мог сетовать. С одной стороны — учёба, с другой — спорт.

Увлечение спортом в школьные годы возможно бы угасло, попади он в иную среду, но его усилила обстановка, царившая в Свердловске и институте. В городе кипели страсти вокруг футбольной команды «Уралмаш», хоккеистов Дома офицеров, все болели за победы на всесоюзных и международных соревнованиях своих конькобежек Татьяны Карелиной и Риммы Жуковой, тяжелоатлетов Аркадия Воробьёва и Николая Самсонова, боксёра Александра Засухина, легкоатлета Сергея Суханова, гимнастки Лилии Низмутдиновой и других местных «звёзд». Культ спорта процветал и в УПИ. Команды «политехов» и студенты-спортсмены представляли серьёзную угрозу сильнейшим спортивным коллективам города и области. Занятие спортом в УПИ считалось делом престижным. И увлекался им не один Борис.

Спортивная подготовка — обязательная вещь для советского студента, и Ельцин быстро стал организатором всех спортивных мероприятий своего факультета — кроссов и лыжных пробегов, эстафет, заплывов и, конечно, волейбольных матчей.

[1] *Юзефович А.Н.* Команда молодости нашей. С. 46.

Поначалу его не хотели брать в волейбольную секцию — все-таки нет двух пальцев на левой руке. Однако, фанатично тренируясь, он попадает в сборную курса, затем факультета, а потом и всего Уральского политехнического. Становится одним из лучших волейболистов института[1].

С командой он побывал в Прибалтике, Поволжье, Москве, Ленинграде, Грузии, Азербайджане. Почему именно волейбол? Борис Минаев в своей книге о Б.Н. Ельцине предлагает свой вариант ответа на этот вопрос. «волейбол — командная игра, где роль лидера на площадке неоценима. Кто-то должен обязательно «заводить», волевым усилием изменяя ход игры. Этим «кем-то», лидером команды, конечно, всегда был он. Его магнетическое присутствие на площадке — а не только высокий рост, хорошая реакция, мощный прыжок, «подкрученные» удары — становилось главным фактором победы[2].

«Волейбол был массовым, — вспоминает многолетний ректор УГТУ—УПИ С.С. Набойченко. — Около каждого общежития была волейбольная площадка, где "на высадку" всегда играли 2—3 команды. Была и градация площадок: для массовых команд и элитных команд — у 5, 9 и 10-го корпусов. Даже на любительские игры здесь собирались толпы болельщиков. А что было на официальных соревнованиях!.. В спортивном календаре соревнований по волейболу в институте были обязательными "Кубок 7 ноября", "Майский кубок", первенство между факультетами в зачёт спартакиады. Это были самые популярные у болельщиков игры: сколько эмоций, криков за родной факультет. Я это всё пережил на своей "шкуре": выиграешь встречу — на руках тебя несут до общежития, пропустят без очереди в душ, в буфет, девчонки угостят чаем с вареньем... Проиграешь — крики "позор", насмешки, умыться не пустят в общежитие»[3].

Это впечатление можно продолжить комментарием болельщика Павла Богдашина: «Мы любили ходить на соревнования, когда играли Борис, Нолик и Володя Дорофеев из старшей группы, так как кроме моральной поддержки, необходимой нашим бойцам, сами получали истинное наслаждение от этих поединков, от созерцания самих спортсменов, этих мечущихся по площадке в невероятных прыжках, сгустках энергии... В волейбол Борис играл красиво, с азартом, с несокрушимой волей и стремлением победить. Рослый, упругий, как пружина, возбуждённый, с горящим взглядом, он был в эти моменты прекрасен... естественно, группы болельщиков, кроме шума и гама, одобрения и поддержки своих команд, изощрялись в остроумии, не стесняясь в выражениях в отношении команд противной стороны... Борис, как капитан и самый сильный игрок, получал основной заряд ироничных и обидных реплик, имеющих целью "завести" и деморализовать его. Но, надо сказать, результат получался обратный: Борис буквально свирепел хорошей спортивной злостью, собирал всю свою волю и концентрировал её на победу, заражая азартом и увлекая своих товарищей по команде. Когда он выходил к сетке, атаки его, сопровождавшиеся каким-то "хрякающим" возгласом, были неотразимы. Удары у него были "пушечными", бил он прицельно, и если такой удар вместо площадки

[1] Подр. см.: *Минаев Б.Д.* Ельцин. М., 2010. С.27.
[2] Там же. С. 28.
[3] *Набойченко С.С.* Встречи с Б.Н. Ельциным. Екатеринбург, 2009. С. 43.

адресовался не в меру разошедшемуся болельщику, тот буквально "слетал с копытков"»[1].

Ельцина безоговорочно признавали игроком №1 факультетской команды. Не случайно противники перед игрой ставили себе задачу: «выключить» Бориса из игры, не дать ему «завестись». Существовала целая тактика борьбы против Ельцина: когда он на задней линии, мяч подавать в его зону; если он на первой линии, максимально осложнить приём подачи и доводку мяча ему на удар; максимально набирать очки, пока он у задней границы площадки[2].

Многим казалось, что Борис воспринимает игру как «цель своей жизни». Он весь горел на площадке, и, говорят, «был очень требователен к качеству передач, устраивал разносы (вплоть до оскорблений) за ошибки. Горе пасующему, если он не добросил, укоротил, сделал ему передачу мяча далеко от сетки».

Но вот однажды, когда он учился уже на третьем курсе, случилось несчастье: «... мой любимый волейбол, — писал Ельцин, — чуть не свёл меня в могилу. В какой-то момент, тренируясь по шесть—восемь часов и занимаясь предметами по ночам — хотелось в зачётке иметь только оценку "отлично", — видимо, я перенапрягся. А тут, как назло, заболел ангиной, температура сорок, а я все равно пошёл на тренировку, ну и сердце не выдержало. Пульс 150, слабость, меня отвезли в больницу. Сказали лежать и лежать, тогда есть шанс, что месяца через четыре минимум сердце восстановится, а иначе — порок сердца. Из больницы я сбежал уже через несколько дней, ребята организовали мне из простыней что-то типа каната, и я с верхнего этажа спустился, и уехал в Березники, к родителям...»[3]

Короче говоря, 27.03.1952 г. студент группы С—370 Б. Ельцин был отчислен по болезни в академический отпуск, а 13 сентября того же года приказом ректора УПИ Пруденского восстановлен на третий курс, в группу С—376. От однокашников он отстал. Но урок не пошёл впрок. Борис продолжал жить в прежнем режиме. Он не только играл в волейбол, но и тренировал факультетские команды, за что к его стипендии добавилась небольшая зарплата тренера-почасовика.

У комсомольца Ельцина была и общественная нагрузка, он возглавлял спортивное бюро стройфака. Не в его характере считаться формальным руководителем, отлынивать от поручения. Да и как такое возможно, когда между факультетами шла напряжённая борьба за первенство?! Сокурсницы Л.А. Видинеева и М.Х. Бацулова едины во мнении: «Борис, обладая способностью собирать вокруг себя, заряжая энергией, энтузиазмом, вовлекал всех в спортивную, общественную жизнь факультета»[4].

Пожалуй, главным спортивным событием в институте являлась легкоатлетическая эстафета на приз многотиражной газеты УПИ «За индустриальные кадры», которая проводилась ежегодно 9 мая — в День Победы. Подготовка к ней носила «тотальный» характер, поскольку оргкомитет учитывал не только

1 *Богдашин П.М.* Что наша жизнь? С. 55.
2 *Набойченко С.С.* Встречи с Б.Н. Ельциным. С. 44.
3 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему... С. 36—37.
4 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 62.

победу на финише, а и массовость участников. На стройфаке не все занимались в спортивных секциях, поэтому решили ввести ежедневную утреннюю зарядку для обитателей общежития. Начиналась она в 7 часов утра с побудки горнистом. Резкий бодрый сигнал прерывал сладкий сон, что некоторым не понравилось. Тот же Шура Рейфшнейдер, далёкий от спорта, не выдержал и «провёл с горнистом беседу с последней фразой «убью как собаку». Пришлось «нарушителю тишины» переместиться на этаж ниже, однако звук трубы проникал повсюду. Спасаясь от него, Шура и Павел Богдашин перед наступлением утра навешивали на дверь комнаты свои матрасы и спали на голых пружинах.

Задачей спортбюро была не только «всеобщая мобилизация». Требовалось сделать правильную расстановку членов команды первого состава на этапах. Для этого важно знать планы «противников», и к ним засылали своих «разведчиков». На главный забег, сильнейших, Борис выставлял самого себя. У строителей был сильный женский состав. Только и другие факультеты обладали сильными и опытными бегунами и бегуньями. Зато почётный приз «За массовость» традиционно вручался стройфаку.

Победы отмечались всеобщим ликованием, к ним были причастны многие. «У стройфаковцев, — вспоминала Н.А. Вилесова, — была своя форма — жёлтые майки и белые трусы. Наши девушки, в том числе Наина Гирина, ночами вышивали на каждой майке эмблему команды». В ходе эстафеты сборную команду ободряли группы поддержки во главе с преподавателями, они стояли на каждом этапе и, не жалея голоса, настраивали своих спортсменов на победу. При её достижении хвалили всех, но отмечали, что «очень многое сделал Боря»[1].

Если сравнить семестровые оценки, полученные Ельциным, то в глаза бросается спад успеваемости после четвёртого семестра. На пятом, шестом и седьмом среди «отлично» появилось по одной «хорошо», а на последних — восьмом и девятом — четвёрки уже преобладали. Виной снижения явился волейбол. В 1954 году Бориса зачислили в сборную команду «Буревестник» (Свердловск), выступавшую в классе «А» (высшая лига) чемпионата СССР. Начались поездки на матчевые встречи в различных городах Союза, из-за которых пошли систематические разрывы учебного процесса. В результате преподаватели повышали требования к студенту Ельцину, считая, что волейбол отвлекал его от учебы. Они считали, что из студента Ельцина может получиться «отличный учёный». Ещё на третьем курсе, как утверждает С.С. Набойченко, «Б. Ельцин пробовал свои силы на начальных стадиях приобщения к науке, занимаясь в студенческом научном обществе (СНО). Ему нравилось решать сложные, нестандартные задачи по строительной механике, теории упругости, рассчитывать балки. Под руководством доц. А.А. Антипина им совместно с однокурсником А. Лавочкиным предложен вывод формул для определения планировочной отметки и объёмов выемок и насыпей»[2].

Но победила не наука. Победил волейбол.

Нам трудно судить об отношении Бориса Николаевича к военной подготовке будущих инженеров. Студенты традиционно «военку» — военную кафе-

1 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 52.
2 *Набойченко С.С.* Встречи с Б.Н. Ельциным.. С. 15—16.

дру не жаловали, хотя она избавляла их от срочной службы в армии. Некоторые его сокурсники отрицательно отзывались об «учении в окопах» и военной кафедре института, «отнимавшей у студентов целый день в неделю». Их заставляли зубрить воинские уставы, гоняли строевой. В ежегодных летних лагерях жили в палатках, на деревянных нарах. Кормили в солдатской столовой, и «настолько скудно и некачественно, что постоянно были заняты мыслью, где бы и что раздобыть съестного, хотя студенты вовсе уж не гурманы», — писал П.М. Богдашин. И всё же он признаёт: «Надев поношенное обмундирование, научившись наматывать портянки и козырять, мы почувствовали, что приобщились к чему-то великому, важному и неодолимому»[1].

Вначале из парней готовили офицеров запаса — сапёров. «Работа сапёра была интересной для нас и в то же время вызывала чувство какого-то внутреннего протеста и возмущения... Помимо полуголодного существования и рабской зависимости от командиров, наше положение осложнялось тем, что офицерами были вчерашние выпускники военных училищ, молодые лейтенанты. Это наши сверстники, ребята не шибко грамотные, но уже вкусившие опьяняющее чувство власти и беспредельную силу армейской дисциплины...»[2]

Острые на язык студенты уязвляли «солдафонов» своим интеллектом, даже требовали от них объяснений по поводу «незаконных действий». Однажды ночью их подняли по тревоге. В темноте началась суматоха, кого-то ткнули штыком, да так, что его пришлось отправить в медсанбат. А для остальных начался многокилометровый марш-бросок при всей солдатской амуниции. Многие стёрли ноги. Когда у каких-то окопов прозвучала команда «привал», казалось, мучения закончились. Но минут через пятнадцать приказывают привести окопы в порядок, возможна танковая атака. «Сил у нас уже не было, — вспоминал П.М. Богдашин, — с голоду и от усталости тряслись руки, и мы, кто, сидя на дне окопа, кто, лёжа, покрикивая, постукивая чем-нибудь, бросая изредка наверх комья земли, продолжали "укреплять оборону"... Танки "противника" всё-таки появились. Впечатление, надо сказать, не из приятных, а точнее — жутковато. Ползут железные чудовища, бухают холостыми выстрелами в нашу сторону, чёрный дым, рёв дизелей, тучи пыли. Шла, видимо, танковая рота...»[3]. Атаку отбивали несколькими взрывпакетами. Танки свободно прошли окопы, засыпая комьями земли сидевших там сапёров. Через несколько минут они развернулись в тылу и вновь «проутюжив» их позиции, скрылись за горизонтом. Неужто, наконец, всё закончилось? Нет, звучит команда: «Заминировать танкоопасное направление!» «Поскольку поднять нас из окопа можно было только домкратом, — пишет П.М. Богдашин, — командиры решили эту задачу очень просто: забросали окоп взрывпакетами со слезоточивым газом... Как ясны соколы, вылетели мы из окопов и начали минирование, проклиная "противника", командиров, войны, вражеское окружение социалистического лагеря, решив посвятить всю оставшуюся жизнь борьбе за мир».

Потом, на следующем курсе, по чьей-то воле сапёров решили «перековать» в танкисты. Эту идею они восприняли с удовольствием, им доверяли мо-

1 *Богдашин П.М.* Что наша жизнь? С. 3.
2 Там же. С. 32.
3 Там же. С. 34.

гучие машины с интересными механизмами, вооружением, системами связи. Да и командиры им понравились — «люди опытные, немногословные, они с уважением относились к нашему проявляющемуся уже инженерному подходу к решению возникающих проблем, анализу возникающих явлений и ситуаций, не делали попыток их подавлять»[1].

На занятиях все старались запомнить теорию, но практика была увлекательнее. На танковом полигоне под Нижним Тагилом их обучали стрельбе из танкового орудия и пулемёта в дневных и ночных условиях. По пересечённой местности они водили грозные машины. Когда сформировали боевые экипажи, Борис Ельцин стал командиром танка. Однажды его экипаж в составе Могильникова, Сахарова и Лавочкина ушёл на трассу и не вернулся. Потом оказалось, что они по оплошности загнали машину в ров, наполненный водой, и застряли. «Ещё повезло, — вспоминает А.Н. Юзефович, — что они её совсем не утопили, поскольку корма танка оставалась на берегу. Здесь и пришлось проявлять полную самостоятельность. Благо помогли товарищи на других машинах, вернувшиеся за пропавшим экипажем. Три танка, запрягшись цугом, выдернули неудачников из рва, как редиску из грядки»[2].

Вот так знакомился с «суровыми армейскими буднями, тяготами и лишениями» будущий член Военного совета Уральского военного округа и Главнокомандующий Вооружёнными Силами Российской Федерации. А тогда кто мог об этом подумать?! Из летних лагерей они возвращались полные впечатлений, с массой воспоминаний и рассказов, с новым студенческо-армейским фольклором, вызывавшим хохот в общежитиях и курилках.

УПИ обладал одним из лучших зрительных залов в Свердловске. Там для студентов бесплатно демонстрировались кинофильмы. Помимо концертов студенческой художественной самодеятельности выступали именитые артисты, такие, как А. Вертинский и Г. Виноградова, а также студенты Свердловской консерватории Б. Штоколов, И. Архипова, Ю. Гуляев и другие. Со сцены институтского клуба не раз выступал известный симфонический оркестр Свердловской филармонии под управлением М. Павермана. Знаменитый скрипач И. Безродный исполнял концерт Кабалевского для скрипки с оркестром. «Не очень искушённый студенческий зал был потрясён и заставил скрипача под гром аплодисментов несколько раз повторять финал», — вспоминает А.Н. Могильников.

Нередко, особенно после получения «стипешки», устраивались культпоходы в театры города. В драматический их притягивала игра народного артиста СССР Б. Ильина, артистов М. Токарева, Б. Молчанова и К. Максимовой. С особым удовольствием Борис Ельцин посещал театр оперетты с его классикой в прекрасном исполнении А. Маренича, М. Викс, Г. Дыбчо, П. Емельяновой, А. Матковского и других.

В фаворе была эстрада, правда, она приходила к ним на патефонных пластинках или на «рёбрах» — использованных для грамзаписи рентгеновских плёнках. Кумирами студентов были К. Шульженко, Л. Утёсов, Ив Монтан, а также опальные на ту пору А. Вертинский и П. Лещенко. Под мелодии их песен

1 *Богдашин П.М.* Что наша жизнь?. С. 41.
2 *Юзефович А.Н.* Команда молодости нашей. С. 34—35.

проходили танцевальные вечера, устраиваемые по субботам на втором этаже общежития. Почитали институтских бардов Сенченко и Оборина. Большой популярностью пользовалась песня «Огоньки», сочинённая студенткой стройфака И. Филатовой.

«Весной, когда уже было тепло, и мы собирались прогулять всю ночь, — вспоминает А.Е. Павлова, — вначале шли в столовую, заказывали себе лакомства — пончики с повидлом, оладьи. А потом шли слушать соловьёв. Вот где сейчас президиум УрО РАН, там был лес, в нём пели соловьи...»

Ну, а разве можно представить себе студенчество без дружеских вечеринок?! Поводом для них обычно становились дни рождения. Звучал призыв «сбросимся в общий котёл», ребята шли в магазин, девушки готовили нехитрые закуски. Ныне сокурсники Бориса Николаевича так вспоминают о своих застольях:

« — Пили в праздники, но не до чёртиков. Просто повеселиться и всё. "Сливянка" тогда была в продаже, "Волжское крепкое", водка была, шампанское. Икру ели, сёмгу — это была обычная еда, её даже студенты могли покупать. А вот колбаса была проблемой...»

«— А с пивом как было — когда студентом отмечал свой день рождения, то не покупал водку, только пиво. Мы жили на 4—5-м этажах, а первые два этажа были семейные. Мы брали у них коромысло, три ведра. Шли на кольцо трамвая — там были пивные павильоны "голубые дунаи", как мы их называли. Покупали три ведра пива, шли в 6-й корпус, и отмечали... Пива в те годы было, хоть залейся...»

Вообще, собирались не напиться, а повеселиться: «подурачиться», попеть, потанцевать. Тогда-то Борис освоил аккомпанирование на деревянных ложках, ставших его любимым музыкальным инструментом на всю последующую жизнь. «Делал он это неплохо, — вспоминает студенческую пору Н.А. Вилесова... Как-то в один из моих дней рождения, когда дело дошло до чая, я принесла с кухни трёхлитровый чайник. Борис заявил: "Мне этого мало, я буду пить тринадцать стаканов, но только с лимоном". И когда я принесла пятилитровый чайник, он плотно вогнал в стакан целый лимон и стал наливать. Пить и отсчитывать стаканы. Так он нас обманул... А почему это получилось — я рассказывала ему, как мой дед пил чай, он вешал на шею полотенце и пил тринадцать стаканов... Страшную тайну вам открою. Из всех конфет Боря любил больше всего бело-розовую помадку. Она была для него самым большим подарком»[1].

Разумеется, у парней существовали свои, мужские интересы. Порой они позволяли себе «шикануть» в ресторане, а при истощении средств пойти в баню «попить пивка и заодно попариться».

С деньгами всегда была «напряжёнка», несмотря на то, что удавалось подрабатывать на разгрузке железнодорожных вагонов.

Борис Николаевич рассказывал, как однажды он загорелся идеей путешествия по стране, до того времени он даже моря не видел. И в летние каникулы, «не имея ни копейки денег, минимум одежды, только спортивные брюки,

1 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 39, 64.

спортивные тапочки, рубашку и соломенную шляпу», он выехал из Свердловска. Известного сегодня «автостопа» тогда никто не знал. Ельцин продвигался «в основном на крыше вагона, иногда в тамбуре, иногда на подножке, иногда на грузовике. Не раз, конечно, милиция снимала, спрашивают: куда едешь? Я говорю, допустим, в Симферополь, к бабушке. На какой улице проживает? Я всегда знал, что в любом городе есть улица Ленина, поэтому называл безошибочно. И отпускали меня... А задачу я себе такую поставил: ночь еду, приезжаю в какой-то город — выбирал, естественно, города известные — и осматриваю целый день, а иногда и два. Ночью где-нибудь в парке, на вокзале, и дальше в путь на крыше вагона...»[1].

Ему повезло в Запорожье. Случайно встретившийся полковник поведал путешественнику о своём стремлении поступить в институт, да вот беда — «ни бельмеса не понимаю в математике». Студент тут же предложил свою помощь, но поставил два условия: работать по 12 часов в сутки и хорошо его кормить. Стороны честно выполнили договор. Репетитор «впервые за всё время наелся, и даже прибавил в весе»[2].

А «заказчик» выдержал заданный темп занятий, и как Борис узнал позже, сдал вступительный экзамен по математике, стал студентом. Сам же «репетитор» выполнил свою задачу и вернулся в институт, переполненный впечатлениями, лично убедившись в том, что «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек». Но насколько в ней человек дышит вольнее, чем в других странах, он не узнал.

Зато Борис убедился ещё в одном: где бы и как бы хорошо не было, душа тянет домой, Скучает она по привычным занятиям, по друзьям-товарищам. За время учёбы институт с его «общагой» стал вторым домом, а коллектив курса — второй семьёй. В отношениях главенствовала взаимовыручка. Делись всем, чем можно: голодного накормят, нуждающемуся отдадут последнее, унывающего ободрят, скучающего развеселят.

Общежитие № 6 по улице Коминтерна они никогда не забудут. Вспоминая его, А.Н. Юзефович пишет: «Вдруг вы слышите в коридоре шарканье ног, чьи-то попытки исполнить на балалайке похоронный марш Шопена. Выскакиваешь в коридор и видишь небольшую процессию, впереди несут подушку, а за ней "Оркестр" в составе одного балалаечника.

Что случилось?

Идём клопа хоронить!

Невольно пристраиваешься к этой процессии, ждёшь остальных любопытных, предвкушая, каким весельем всё это должно закончиться»[3].

Общность не мешала формированию дружеских компаний, причём небольших, чаще из трёх человек с обязательным включением девушки. Так. Например, сложились «треугольники»: Фёдоров — Таран — Чипушатанов, Рейфшнейдер — Горбунова — Богдашин, Ельцин — Гирина — Лавочкин. Конечно, они не замыкались сами в себе. Вспоминают, как однажды в кругу, включавшем Арнольда (Нолика) Лавочкина, Володю Анисимова, Наю Гирину, Люсю

1 См.: *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 30.
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 31.
3 *Юзефович А.* Команда молодости нашей. С. 50—51.

Видинееву и Риту Бацулову, Борис решительно предложил: «Давайте жить "колхозом". Хватит девчонкам кормить нас! Мы, мальчики, будем вкладывать деньги на питание». Его все присутствующие поддержали, ну и по пословице «назвался груздем, полезай в кузов» председателем «колхоза», который назвали «Шкодник», избрали Ельцина. Борис разработал устав, подлежащий исполнению всеми «колхозниками»:

«1. "Колхоз" создаётся добровольно на основе дружбы и симпатии. Общее число членов — 6 человек.

2. Распределение обязанностей:

председатель — Боря;

казначейша — Люся;

сангигиеничка — Ная;

секретарь — Рита;

бригадир — Нолик;

расхититель колхозного добра — Вова.

3. Посещать лекции без пропусков.

4. Посещать кино, театры, спортивные мероприятия — не реже одного раза в неделю.

5. По субботам ходить в баню.

Выделять деньги на это мероприятие. Мальчики пьют пиво, девочки — крюшон.

6. Отмечать праздники и дни рождения членов «колхоза» и близких друзей.

7. И т.д.

Принято на общем собрании "колхоза". Ноябрь 1952 г.»[1]

Автор устава шутливо назвал В. Анисимова «расхитителем колхозного добра» не без основания. Володя посмел без разрешения, в одиночку съесть булочку из набора, купленного для «Шкодника». Он и Арнольд сопровождали казначейшу Люсю при закупке продуктов в магазине, картошки и овощей — на рынке. На Нае лежала ответственность за чистоту и порядок в комнате. Рита занималась организационными мероприятиями и отражала их в протоколах.

О «Шкоднике» на факультете знали все, однако инициативу никто не поддержал. Наверное, другим удавалось выживать в одиночку или же не находилось инициаторов, подобных Ельцину.

Сегодняшнему студенту не понять жизни, которая руководила его сверстниками в 50-е годы прошлого века. С его точки зрения, они не знали «сладких плодов цивилизации». Да, молодёжь того времени была совсем иной. Оглядываясь на далёкую теперь юность, сокурсники Б. Ельцина Л.А. Видинеева, М.Х. Бацулова, М.Л. Карасик, Ю.А. Пермяков вспоминают:

«Всё для нас было ново, интересно: учиться, отдыхать, заводить знакомства с сокурсниками в группе. На старшекурсников мы смотрели с опаской, а они перед нами задирали нос. Как-то к нам в комнату пришли два красивых, высоких парня. Это были Миша Устинов и Боря Ельцин. Они пришли проведать своих землячек из Березников — Риту Ерину и Алю Козневу. Познакомились.

1 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 31.

Мы вначале их стеснялись, скромничали. Со временем, кроме них, к нам приходили и другие мальчики, было интересно и весело». «Вот сейчас даже удивляюсь, какая была у нас чистая дружба. Без всяких выгод, без всего — просто на хорошем отношении друг к другу»[1].

«Раньше, если парень с девушкой дружил, то это была на самом деле настоящая человеческая дружба, а не то, что сегодня под этим подразумевают… У нас так было: подошёл парень к девушке: "Давай дружить". — "Давай". Вот так и продружили три года»[2].

«Троица — Рейфшнейдер, Горбунова и Богдашин просидела за одним столом до самого диплома, причём почему-то очень плотно. Лиде Горбуновой, миниатюрной, изящной свердловчанке, всегда со вкусом и по моде одетой, нравились эти два общежитских здоровяка, чуть не вдвое выше её ростом. Да и она, очевидно, не была им безразлична. А парни, как собаки на сене, до самого окончания вуза ограничивались лишь дружеским отношением, отваживая от Лиды своим гренадерским видом других ребят, имевших, возможно, более решительные намерения»[3].

И всё же никто из них не страдал от отсутствия природного чувства. Симпатии перерастали в любовь. С третьего курса начались свадьбы. Втайне от всех женился Рейфшнейдер на своей ленинградской подруге. Другие находили себе пару на факультете, в институте. Первыми «доморощенными» молодожёнами стали Саша Юзефович и Рита Раздьяконова. Сами свадьбы готовились общими усилиями и, конечно же, со студенческой выдумкой сценариев и действий. На свадьбе у Павловых холостяк Борис Ельцин выступал в роли посаженного отца. Роль свата он успешно выполнил у другого своего друга М. Карасика. К финишу учёбы многие обзавелись семьями, и все ждали такого шага от Бориса.

Избранница Ельцина училась параллельно в группе будущих специалистов водоснабжения и технологии воды (водоочистки), которую строители окрестили «фекальной шпаной». По этому поводу А. Юзефович в своей книге сокрушается: «… мы ещё не понимали, что группа сантехников — букет потенциальных невест, она почему-то состояла в основном из девушек». Так вот в том «букете» Борис нашёл для себя Наю, Наину Гирину, девушку из Оренбурга. Чем она его зачаровала?

По словам подруг, «Ная отличалась дружелюбием, приветливостью, чистоплотностью. Её нельзя было вывести из себя, и все конфликты в женском коллективе (у нас была девичья группа) она могла погасить. Всегда аккуратно одета и причёсана. Могла пожертвовать часом лекции в институте, чтоб придти на занятия привлекательной. Она любила танцевать, ходила на танцы, где не было отбоя от партнёров. Сокурсники симпатизировали ей, но она оставалась верна «колхозу». Дружить с ней было легко»[4].

А вот объяснение нашего героя: «В водовороте бурной студенческой жизни у нас сложилась своя компания: шесть ребят и шесть девчонок. Жили рядом, дву-

1 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 34.
2 Там же.
3 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 29.
4 *Сутырин В.* Борис Ельцин и Уральский Политехнический. С. 30.

мя большими комнатами, встречались вместе почти каждый вечер. Само собой, в девчат кто-то влюблялся, мне тоже кто-то нравился, но постепенно в нашей большой дружной студенческой компании я всё больше и больше стал замечать одну — Наю Гирину. Родилась она в Оренбургской области и при рождении была записана Анастасией. Но родители и все звали её Ная, Наина. Поэтому к своему наречённому имени она не привыкла... Наверное, надо было привыкнуть, а она пошла в ЗАГС и поменяла в паспорте имя на Наину. А мне больше нравилось имя Анастасия. Я её очень долго потом звал не по имени, а вот так — "девушка".

Всегда была скромная, приветливая, какая-то мягкая. Это очень подходило к моему довольно неуёмному характеру. Наши взаимные симпатии нарастали постепенно, но виду мы не подавали и даже если с ней целовались, то, как со всеми девчатами, в щёчку. До каких-то пылких объяснений дело не доходило. И так наши платонические отношения продолжались долго, хотя я внутренне понимал, что влюбился, влюбился крепко, и никуда тут не деться. Помню, первый раз мы объяснились друг другу в любви на втором курсе на галёрке фойе перед актовым залом института. И поцеловались у одной из колонн, и уже не в щёчку, а по-настоящему...»[1].

Такие отношения назывались «чистой любовью». На этом крепкие семьи воспитывали сыновей и дочерей, к этому призывали классики литературы, этому учили фильмы, спектакли, песни. Чистая любовь становилась залогом крепкой семьи, не распадавшейся до конца дней жизни супругов. Навсегда остались преданными друг другу не только Ельцины, а и их однокашники.

Борис и Наина имели разные характеры и интересы, но это был как раз тот случай физического свойства, когда соединялись не плюсы с плюсами, не минусы с минусами, а противоположные поля, дающие энергию. Энергичному, моторному, горячему, доходящему порой до кипения, увлечённому делами Борису требовалась спокойная, приветливая, рассудительная, домашняя Наина. Они поженятся несколько позже, после окончания института и будут верны друг другу всю жизнь. Оба никогда не забудут ту колонну в УПИ, за которой они, прячась от чужого взгляда, отважатся на первый поцелуй.

Казавшаяся вначале долгой пора лекций, экзаменов и практики подходила к концу. В зачётной ведомости Ельцина значилось 7 зачётов, 21 отличная и 11 хороших экзаменационных оценок[2]. На очередь встала защита дипломного проекта. А эту работу, по признанию Бориса Николаевича, ему пришлось делать за один месяц вместо положенных трёх с половиной: «был всё время в разъездах, шло первенство страны, самый его разгар, команда переезжала из города в город. Когда вернулся в Свердловск, остался месяц до защиты»[3]. В общем, руководителю его дипломного проекта, главному инженеру треста «Уралстальконструкция», доценту С.С. Крупенникову пришлось поволноваться за своего подопечного. В своём отзыве ему пришлось отметить: «К проекту приступил с большим опозданием, но большая умственная одарённость, хорошая подготовка и трудоспособность позволили ему закончить работу и представить проект к защите своевременно». Вывод: «Б.Н. Ельцин может с успехом

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 74—75.
2 *Набойченко С.С.* Встречи с Б.Н. Ельциным. С. 23.
3 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 33.

работать на производстве и в проектных организациях. Общая оценка проекта — отличная»[1]. Аналогичным образом работу «Проект воздушно-канатной дороги породного отвала угольной шахты и проект организации работ по её сооружению» оценила государственная экзаменационная комиссия.

Еще до выдачи диплома всем выпускникам выдали характеристики, обязательные для предъявления по месту будущей работы. Как и полагалось, их подписал «треугольник»: декан строительного факультета, секретарь комсомольской организации и председатель профсоюзного бюро. Ельцина они оценивали следующим образом: «... За время своего обучения в институте имел только отличные и хорошие оценки по всем учебным дисциплинам. Тов. Ельцин Б.Н. активно участвовал в общественной работе и много содействовал успешному развитию спортивной работы среди студентов факультета; инициативный, серьёзный и способный студент; не всегда работал систематически. После окончания института тов. Ельцин Б.Н. может самостоятельно руководить производством строительно-монтажных работ при возведении гражданских и промышленных зданий».

Читая данный документ, нельзя не зацепиться за фразу «не всегда работал систематически». Скорее всего, авторы имели в виду факт случая с Ельциным на пятом курсе, когда он после производственной практики несвоевременно сдал зачёт, за что его лишили стипендии. А, возможно, указывали на частые его отрывы от занятий в связи с поездками на соревнования.

Важно ли это? Главное, в руках диплом, он инженер! Ему предложили остаться работать на кафедре: почётно и перспективно — аспирантура, диссертация, степень, должность педагога УПИ! Ельцин без колебаний отказался.

У него было другое предложение — перейти в профессиональный спорт.

С известием о нём Борис пришёл к декану стройфака Г.П. Доросинскому в тот момент, когда уже шло распределение выпускников на работу. Выслушав, декан откровенно отчитал «дезертира», дескать, учат вас, деньги тратит государство, чтобы получить специалистов, а им, видите ли, хочется играть! Одним словом, Борис понял: надо идти на стройку, оправдывать полученный диплом.

Он уходил из Уральского политехнического не только с дипломом. Институт дал ему вместе со знаниями большую жизненную закалку. Силу духа, непременный настрой на достижение победы воспитали в Ельцине занятия спортом.

Институт — это новая, ставшая для него своей среда, приобщившая к городской культуре с театрами, филармонией. В стенах института Ельцин познал настоящую цену коллективу и дружбе, которым он останется верным до конца, так же, как и его однокашники, не бросавшие Бориса в любых ситуациях на протяжении всей жизни.

Однако все испытания были ещё впереди.

Стройка

Летом 1955 г. студент строительного факультета Уральского политехнического института Борис Ельцин защитил на «отлично» дипломный проект на

1 *Набойченко С.С.* Встречи с Б.Н. Ельциным. С. 31.

тему «Проект воздушно-канатной дороги породного отвала угольной шахты и проект организации работ по ее сооружению». В отзыве на работу рецензента главного инженера свердловского управления треста «Уралстальконструкция» К.А. Мухамедеева отмечалось, что «объем и качество выполненных работ по дипломному проекту показывает высокий уровень теоретических знаний автора». В отзыве научного руководителя доцента Крупенникова помимо высокой оценки проделанной работы говорилось о том, что «Б.Н. Ельцин может с успехом работать на производстве и проектных организациях». Это означало, что ряды уральских строителей вливается хорошо подготовленный специалист. Ни о какой политической карьере, по его собственному признанию, в тот момент молодой выпускник-строитель и не помышлял, его целью было серьезное овладение практическими навыками строителя.

Первая запись в трудовой книжке Бориса Ельцина была сделана в Нижне-Исетском строительном управлении треста «Уралтяжтрубстрой». Однако уже здесь он проявляет свой характер, отказавшись от предложенной ему должности мастера. Сам он позже так объяснит этот поступок: «...сразу руководить стройкой, людьми, не пощупав все своими руками, я считал большой ошибкой... Поэтому я решил для себя , что год посвящу тому, чтобы освоить 12 строительных специальностей. Каждый месяц — по одной»[1]. В результате упорства и настойчивости ему удалось достичь задуманного: Ельцин получил профессию каменщика, бетонщика, плотника, столяра, стекольщика, штукатура, маляра, машиниста башенного крана и некоторые другие.

Совсем как герой сказа П.П. Бажова — самого уральского из писателей и необычайно популярного в эти годы — Ельцин перебирал специальность за специальностью, пытаясь поймать «живинку в деле».

Служебный рост Б. Ельцина впечатляет. 1955—57 гг. — мастер, 1957—58 — прораб, 1958—60 гг. — старший прораб строительного управления № 11 треста «Южгорстрой» в городе Свердловске.

Вступление в партию

В 1960 г. в служебной карьере Ельцина происходит важное событие. Его назначили главным инженером, а вскоре — начальником стройуправления. Кроме понятного повышения по служебной лестнице строителя, менялся его политический статус, хотел он этого или не хотел. Главный инженер стройуправления — это номенклатура. Номенклатура не Бог весть какая — районная — но номенклатура!

Главного инженера назначали в тресте «Южгорстрой», но полагалось и собеседование в райкоме партии. Дальнейший рост предполагал уже членство в партии. Начальника стройуправления утверждали на бюро райкома. Чем больше должность — тем выше уровень утверждения — учетная или основная номенклатура обкома, а дальше — уже соответствующие уровни номенклатуры ЦК КПСС... Партийность становилась необходимым фактором профессиональной управленческой деятельности. Партийные комитеты внимательно следили за тем, чтобы перспективные руководители становились членами партии.

[1] *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 37.

Но что тогда происходило с партией? Сделаю несколько предварительных замечаний.

В 50-е гг. в партии и государстве прошли важные, знаковые перемены. 5 марта 1953 г. умер, а 9 марта — похоронен Сталин.На траурной церемонии с трибуны Мавзолея выступили Хрущев, Маленков, Молотов и Берия, каждый на свой лад клявшийся в верности делу Ленина—Сталина. Однако в июле 1953 г. Берия был объявлен шпионом, преступником. Его осудили сначала на Пленуме ЦК КПСС, затем судили закрытым судом и расстреляли. Маленков и Молотов, вместе с членами Политбюро Ворошиловым, Кагановичем, Булганиным, а эти имена в СССР знал каждый школьник, вместе с рядом своих товарищей были объявлены «антипартийной группой» летом 1957 г.

Досталось и Сталину. 25 февраля 1956 г., на следующий день после официального закрытия XX съезда, с так называемым «секретным докладом» выступил Н.С. Хрущев. В докладе, потрясшем делегатов съезда, первый секретарь ЦК КПСС сообщал о незаконных репрессиях, преследовании невинных людей, бессудных расстрелах, ответственность за которые лежала на Сталине и его ближайшем окружении. 5 марта Президиум ЦК принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н.С. "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС», где указывалось:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н.С. "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом "не для печати", сняв с брошюры гриф "строго секретно"»[1].

Текст «секретного доклада» читали по всей стране. Обсуждать его было запрещено. Однако во многих организациях соблюсти это требование не удалось. Стихийно вспыхивали споры — почему это стало возможным в нашей стране? Где было Пролитбюро? Какие уроки собирается извлечь партия из горького опыта прошлого?

В Свердловске, в УПИ, эту дискуссию затеял на комсомольской конференции студент Немелков. Его поддержали многие студенты, а партийное руководство не смогло дать отпор. Политический скандал был столь велик, что сведения о событиях в Свердловске попали в письмо ЦК к партийным организациям с характерным заголовком «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов»[2]. Письмо было подготовлено комиссией Президиума ЦК КПСС под руководством секретаря ЦК, кандидата в члены Президиума ЦК Л.И. Брежнева.

В указанном выше письме ЦК содержались следующие определения: «вражеские действия прикрывают фальшивыми словами о критике и самокритике, лозунгами борьбы «за демократию»». ... Более того, есть и такие «коммунисты», которые, прикрываясь партийностью, под флагом борьбы с последствиями культа личности, скатываются сами на антипартийные пози-

[1] *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 37.
[2] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 1.

ции, допускают демагогические выпады против партии, подвергают сомнению правильность ее линии. ... Опасно и недопустимо, когда партийные организации ведут себя пассивно, нередко проходят мимо этих фактов, ... не дают организованного отпора антипартийным и демагогическим выступлениям и не принимают решительных мер к пресечению деятельности антисоветских, враждебных элементов».

События в Свердловске прокатились по всем вузам — обсуждения на грани демонстраций шли в Уральском университете, Свердловском педагогическом институте. Десятки студентов были исключены с «волчьими билетами», без права дальнейшего обучения.

Ельцин к этому времени уже был мастером на стройке. Невольно подумаешь — ему повезло, что он закончил УПИ в 1955, а не в 1956 г. и не мог Борис Ельцин быть участником споров о Сталине в родном институте.

Вряд ли Ельцин задумывался над тем, что с 1958 г. первый секретарь ЦК КПСС Хрущев стал одновременно и Председателем Совета Министров СССР. Это означало, что партийный аппарат оказывался главнее, важнее, чем органы государственного управления.

Но бесспорно и другое. Критика Сталина и репрессий 30-х гг. стала своего рода политической реабилитацией, непоследовательной — но реабилитацией за преследования его семьи и миллионов раскулаченных в 30-е гг. Страна переживала период экономического роста. Это годы советского лидерства в космосе, создания новых промышленных предприятий, освоения новых технологий.

Меняется социальная политика. Впервые власть провозглашает лозунг — каждой семье отдельную квартиру. Поколение, выросшее в бараках и коммуналках, надеется получить отдельные, свои квартиры, с горячей водой, ванной, кухней. Эту задачу будут решать строители. И Ельцин — один из них.

В 1960 г. главному инженеру Ельцину предложили стать членом КПСС. Самому попасть в партию было не просто. Основными источниками пополнения партии были, во-первых, рабочие и крестьяне. Исторически КПСС считалась партией рабочих, но их удельный вес в партии был невелик, рабочие не шли в партию, так как им это не давало никаких благ и преимуществ[1]. Другим каналом ускоренного вступления в партию была Советская армия. Солдаты второго—третьего года службы достаточно легко могли стать членами партии, а это, соответственно, помогало им при поступлении в высшие учебные заведения. Однако основным путём получения партийного билета была работа на выборных должностях в комсомоле. Комсомол — «верный помощник партии» — открывал путь в партийный аппарат, стал важнейшим источником рекрутирования партийного чиновничества.

Ельцин никогда не работал «на комсомоле». Он не использовал возможность подать заявление в вступлении в партию тогда, когда заканчивалось его пребывание в комсомоле, накануне того срока, когда ему должно было исполниться 28 лет, то есть в 1958—1959 гг.

1 Позже уже первый секретарь Свердловского обкома Б. Ельцин сетовал в 1977 г., что «недостаточно принимают в партию рабочих — Верх-Исетский, Октябрьский и Кировский райкомы». — ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 84. Д. 3. Л. 54.

Предложение вступить в ряды членов КПСС последовало ему именно по должности и с учетом ожидавшегося карьерного роста перспективного руководителя-строителя.

Его приняли кандидатом в члены КПСС в марте 1960 г. Сам Ельцин позднее утверждал, что искренне верил в идеалы справедливости, которые несла партия[1].

На собрании коммунистов управления и на заседании парткома треста в марте 1960 г. будущего кандидата в члены КПСС Ельцина оценивали по его делам и поступкам. И, надо сказать, говорили о нем только хорошее. Даже управляющий трестом «Южгорстрой» Н.И. Сытников, с которым у Бориса Николаевича, по его признанию, с первых дней сложились весьма «странные», отношения[2], признал: «Товарищ Ельцин Борис Николаевич к нам прибыл после окончания политехнического института в 1955 году. О работе товарища Ельцина можно говорить только положительное, начинал он у нас мастером, сейчас главный инженер строительно-монтажного управления. Товарищ Ельцин — молодой, растущий товарищ». Правда, он не преминул заметить: «Кроме положительного, нужно ему подметить, что он немного резковат и грубоват по возрасту. Нужно, чтобы он это учел. Предлагаю принять его кандидатом в члены КПСС»[3].

Предложение Н.И. Сытникова поддержал Н.С. Джаненко, отметивший у Ельцина качества хорошего специалиста, и Е.Н. Бостанджиева, которая хорошо характеризуя Бориса Николаевича, тем не менее пожелала ему, чтобы «зазнайства за ним не наблюдалось»[4].

Рекомендовавший Ельцина П.Д. Рыбаков отметил, что в стройуправлении «Борис Николаевич успешно возглавляет работу по внедрению передового опыта в производств, занимается в университете марксизма-ленинизма». Решение было принято единогласно[5].

Вступление в кандидаты в члены КПСС ознаменовалось для главного инженера Ельцина залпом партийных взысканий. Уже через три месяца Ельцин получил выговор за несчастный случай, в результате которого травмировались трое рабочих. А причина состояла в том, что ни мастер, ни прораб не проверили сделанные плотниками строительные леса, на беду, они рухнули при ходьбе каменщиков. Спустя месяц ему «ставят на вид за недостатки в производственно-хозяйственной деятельности». Судя по приказу № 77 от 10 июня 1960 г., эти недостатки выражались в том, что главный инженер Ельцин Б.Н., как и начальник управления Мухин Г.А. «не могли конкретно доложить о природе убытков и причинах, вызвавших ухудшение показателей управления по себестоимости работ против данных отчета за 1959 год».

В ноябре того же года оба руководителя получают по два выговора «за допущенный срыв срока окончания работ» и «за допущенный перерасход материалов».

1 Там же. С. 43.
2 Подр. см.: *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 41—42.
3 ЦДООСО. Ф. 2992. Оп. 6. Д. 527. Л.8.
4 ЦДООСО. Ф. 2992. Оп. 6. Д. 527. Л.8.
5 Уральский центр Б.Н. Ельцина. (УЦБНЕ). Личное дело Б.Н. Ельцина. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. С. 12.

Наказания раздали поровну, но спрос с них был разный. Начальника СУ № 4 Г.А. Мухина (непосредственного начальника Ельцина) уволили. Начальником стройуправления был назначен Б.Н. Ельцин.

Начальник стройуправления

Поток выговоров, обрушившийся на Ельцина, был своего рода вводом в этику советского управления, государственного и партийного. Его не только (и не столько) наказывали, но и воспитывали, учили, как следует управлять самому.

Это был управленческий стереотип, который молодой коммунист Ельцин усваивает на самом себе.Спустя месяц после того, как его повысили, истек его кандидатский стаж и он написал стандартное заявление в парторганизацию: «Прошу принять меня в ряды Коммунистической партии Советского Союза, так как я хочу быть в активных рядах борцов за построение коммунизма в нашей стране. Считаю себя для вступления подготовленным»[1].

В марте 1961 г. бюро райкома КПСС приняло Б.Н. Ельцина в ряды партии. В торжественной обстановке молодому коммунисту Ельцину был вручен партийный билет. Уже первые дни пребывания его в рядах КПСС были омрачены партийным наказанием: строгим выговором с занесением в учетную карточку. Бюро Свердловского городского комитета партии, при подведении итогов года решило за срыв сроков строительства школы интерната (за что, собственно и был снят предшественник Ельцина на посту начальника стройуправления) «чтобы другим неповадно было — объявить Ельцину строгий выговор с занесением в учетную карточку».

На этот раз Ельцин пытался опротестовать такое несправедливое, на его взгляд, решение. В своих воспоминаниях он писал: «Я вышел на трибуну и говорю: «Товарищи члены бюро..., поймите, вчера только мне вручили партийный билет. Вот он, еще горячий. И сегодня вы предлагаете мне, как коммунисту со стажем всего в один день, строгий выговор с занесением в учетную карточку за несдачу интерната. Тут строители есть, они подтвердят — сдать его было просто невозможно. Нет, уперлись: пусть другим будет неповадно... Это был серьезный удар»[2]. Сам он тяжело переживал этот случай. И хотя через год выговор сняли, в учетной карточке коммуниста Ельцина запись оставалась вплоть до обмена партийных документов в 1973 году.

Читая «Исповедь на заданную тему», складывается впечатление, что больше всех ее автору досаждал управляющий трестом М.И. Сытников (в книге фамилия искажена буквой «и» — Ситников). Ему посвящено почти три страницы воспоминаний, причем с самой нелицеприятной характеристикой, носящей оттенок личной обиды. Видимо слишком болезненными для Ельцина был характер взаимоотношений с ним.

Справедливости ради отметим, что люди, хорошо знавшие Михаила Ивановича, далеко не во всем согласны с Борисом Николаевичем. Сытникова они знали как «крепкого хозяйственника, державшего крепкую дисциплину». По их мнению, Михаилу Ивановичу не нравилось поведение Ельцина — его пре-

1 Уральский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. С. 13.
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 43.

рекания, постоянное «личное мнение», самоволие, непочтительный тон в разговоре со старшими.

Так или иначе, видимо, управляющий «Южгорстроем» хотел сломать своего подчиненного. Однако, как говорится, не на того напал! Как покажет дальнейшее развитие событий, Ельцин уже тогда был непокорным окрикам, человеком с «плохо гнущейся спиной».

Не беря на себя смелость выступать судьей в этих сложных взаимоотношениях, заметим, что М.И. Сытников, обладая, как теперь принято говорить, немалым административным ресурсом, использовал его против Ельцина в полную меру. А как иначе можно объяснить, что только в течение одного года управляющий объявил молодому дерзкому руководителю 17 выговоров. Ельцин вспоминает, что не согласившись с таким предвзятым отношением 31 декабря очередного года собрал эти своеобразные «итоги работы за год», пришел к нему, хлопнул ими об стол и сказал: «Только первый выговор в следующем году объявите, и я устрою скандал. Имейте в виду». Второго января я уже имел выговор за то, что мы не работали первого. Первое января — праздник, выходной, но тем не менее, по мнению управляющего, надо было работать. Я решил бороться с этим выговором, пошел по всем инстанциям. Мне его отменили. И после этого он был уже более осторожным»[1].

Сытников М.И. пытался «подвести» Ельцина под суд за неточную финансовую отчетность, и снять его с должности с помощью горкома партии, однако не нашел в этом поддержки[2], что свидетельствует о предвзятом отношении руководителя к подчиненному. Обвинения не нашли подтверждения.

И тем не менее, «необъявленная война» продолжалась. В ход вступила «независимая» на тот момент пресса. Тринадцатое строительное управление, которое возглавлял Ельцин, стала мишенью для обстрела со всех сторон. Лидером была многотиражка «Свердловский строитель».

Корреспондент газеты Р. Мизин в своем репортаже «Просто дом» весьма едко высказался о строительстве СУ—13-м показательного дома. В частности, он, упрекая руководство стройки в неумении наладить своевременную поставку бетона и раствора, пишет: «Управление № 13 ухитрилось прожить всю жизнь, не имея своего хотя бы небольшого растворного узла. Все время здесь говорят о срывах поставок и плохом качестве раствора с Нижне-Исетского завода. Плачутся на это, конечно, во всех управлениях. Но другие при этом понастроили небольшие узлы и, жалобы—жалобами, а при нужде потихоньку качают себе раствор. А здешние строители, даже начиная строительство большого массива, не позаботилось о небольшом подсобном хозяйстве, которое иной раз, ой-ой, как выручит...»[3]. Не будем комментировать тон и язвительную критику автора статьи в адрес руководителей СУ—13, заметим лишь, что статья носила явно заказной характер.

Подтверждением тому, что критические обвинения автором явно «высосаны из пальца» служит то, что вскоре высказывания журналиста были весьма аргументировано опровергнуты лицом незаинтересованным — начальником

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 41—42.
2 См. там же.
3 «Свердловский строитель» от 28 февраля 1962 г.

планового отдела И. Семухиным. В статье, опубликованной в той же газете сделан следующий вывод: «Существенным резервом дальнейшего снижения себестоимости строительства является ликвидация мелких, полукустарных бетонорастворных установок, убытки от эксплуатации которых в 1961 году составила 357 тысяч рублей»[1].

Критика, разумеется, не добавляет комфорта. Однако больше всего она раздражает тогда, когда она некомпетентна. Результаты кустарщины Ельцин предвидел и настаивал на наведении порядка в централизованных поставках строительных материалов. Рост производительности труда представлялся ему не в выжимании пота из рабочих, а в широком применении техники, и в первую очередь, новой. Об этом свидетельствуют и факты. Именно за успешное внедрение новой техники СУ № 13 получило самую большую трестовскую премию — 300 рублей, а его начальника (Ельцина) поощрили пятьюдесятью рублями.

Приказ по тресту от 6 марта 1962 г. гласил: «За выполнение мероприятий по внедрению новой техники на полносборочном, поточном и показательном строительстве, по освоению перекрытий в бесчердачных домах в третьем квартале 1962 года премировать: начальника стройуправления № 13 тов. Ельцина Б.Н. — 75 руб...». Двадцатью рублями и благодарностью был отмечен его вклад в «достигнутые лучшие показатели по снижению производственного травматизма»[2].

Однако указанные достижения руководителя-Ельцина вовсе не означали, что его, наконец, вычеркнули из «черного списка». Вскоре, в очередной статье «Халатность, помноженная на безалаберность» ему было предъявлено очередное обвинение. Авторы статьи: старший инженер Стройбанка г. Свердловска В. Чураков и старший инспектор Стройбанка Ц. Аксельрод буквально громят руководство СУ № 13: «То, с чем мы столкнулись, проверяя работу строительного управления № 13 (начальник тов. Ельцин, главный бухгалтер т. Рабинович), выходит за рамки обычных представлений о халатности и небрежности. Приписки, растранжирование средств, безобразное отношение к строительным материалам стали здесь стилем работы, а огромные убытки — системой, к которой привыкли и начальник управления, и его подчиненные».

От такого обвинения могут побежать мурашки по коже — уголовщиной пахнет. Но обвинения сводятся к тому, что в стройуправлении существовали недостатки в оформлении документации по списанию израсходованных стройматериалов. «На одном из участков пропали 23 кубометра сборного железобетона. Оказалось, что безалаберный прораб, который должен был их списать еще в прошлом году, попросту забыл это сделать. Так же нашлись в сложном хозяйстве тов. Ельцина 185,2 кубометра стеновых панелей, из которых давным-давно смонтированы дома №№ 34 и 6, буквально в двух шагах от управления... В длинном перечне перерасходованных материалов значатся, например, 458 килограммов белил и 610 килограммов олифы. Их, действительно, уже не найти. Эти материалы ушли на перекрашивание полов и стен в общежитии интерната и в доме № 12...»[3].

1 «Свердловский строитель» от 13 июня 1962 г.
2 Уральский центр Б.Н. Ельцина (УЦБНЕ). Личное дело Б.Н. Ельцина. Ф.1. Оп.1. Д. 12. Л. 21.
3 «Свердловский строитель» от 16 июля 1962 г.

Перечень подобных «безобразий» длинный, но, читая его, невольно задаешься вопросом: из-за чего весь сыр-бор разгорелся? Никто ничего не разворовывал, потери объясняются объективными причинами. Да, с учетностью в управлении не все дружили, с этим надо согласиться. Бухгалтерские просчеты дали повод руководству для привлечения начальника СУ № 13 к суду.

Борис Николаевич так вспоминал это судебное разбирательство: «Истцом со стороны треста выступал главный бухгалтер, а я, соответственно, ответчик. Сижу на скамеечке в районном суде, доказываю, что ничего здесь ни подспудного, ни криминального нет. Умный судья, к счастью, оказался, лет, наверное, сорока—сорока пяти. Он в заключение, когда объявлял решение суда, сказал буквально следующее: «В действиях каждого руководителя может или должна быть доля риска. Главное, чтобы эта доля риска была оправданной». В данном случае в действиях Ельцина риск был как раз оправдан. Потому решение суда — Ельцина полностью оправдать, а все издержки суда отнести за счет истца, т. е. за счет треста «Южгорстрой». Это был сильный удар и по главному бухгалтеру, и по управляющему, этот суд вдохновил как-то и меня»[1].

Следует задуматься: если такая массированная атака продолжалась на руководителя одного из строительных управлений крупного промышленного города в течение длительного времени, как он мог совмещать все эти «объяснения», «дачу показаний» и т. д. с исполнением своих прямых обязанностей?

Он выдержал все эти выпады и удары молча, в одиночку, скрипя от возмущения зубами. Не жаловался жене — зачем еще ей портить настроение? А его Ная без его слов понимала, что творится на душе у мужа. Выдавали лицо и настроение. В таких случаях она находила слова, действующие как успокаивающие лекарства. Настроение главы семейства поднималось, семья излечивала ему полученные на работе раны.

Поддерживал своего начальника и коллектив строительного управления, веривший в его планы и действия. Ему Борис Николаевич отдавал себя больше, чем семье. Часто, бывало, в ночные смены приезжал на объекты и не только ради контроля, а чтобы народ подбодрить, поговорить по душам. О тех случаях он вспоминал: «...вроде бы мелочь — приехать в женскую бригаду в ночную смену и вместе с ними поболтать о том о сем, поработать — обои поклеить, окна покрасить, а поднимало это настроение и мне, и девчатам очень сильно. Да и делу помогало — я узнавал детали, мелкие вроде бы проблемы, которые, если руководитель не в курсе, перерастали в большие, неразрешимые. Зеркала в женские бытовки, отрезы на платья за хорошую работу, какие-то другие подарки, купленные на профсоюзные, да, бывало, и на свои деньги, — все это создавало совсем другую атмосферу между начальником и подчиненными»[2].

Нужды работников он хорошо знал, но, к сожалению, далеко не во всем мог помочь. Жилья не хватало, с местами в детских дошкольных учреждениях (впрочем как и сегодня) была острейшая проблема. Кто-то не мог уехать в отпуск, потому что билеты на поезда в период отпусков было не достать, кому-то не было времени стоять в длиннющей очереди в мебельный магазин и т. д. Чем мог помочь начальник строительного управления, разве только сочувстви-

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 42.
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 46.

ем? А вот в том, что иногда задерживалась выплата зарплаты, он признавал себя виновным — не уломал вовремя управляющего банком, в котором часто не хватало дензнаков.

К тому же стиль ельцинского руководства, формировавшийся в те годы, нельзя назвать мягким. Это признавал и он сам. «Вообще мой стиль называли жестким. И это правда. Я требовал от людей четкой дисциплины и выполнения данного слова... Хорошая профессиональная, качественная работа не останется незамеченной, и точно так же не останутся незамеченными брак и разгильдяйство. Если дал слово — сдержи, а не сделал — отвечай перед людьми»[1]. В этом весь Ельцин с его максимализмом в требованиях к подчиненным и себе.

Уважительное отношение к людям и строгая требовательность к ним — не взаимоисключающие методы руководства, их разумное сочетание неизменно приводит к успехам. Документальное подтверждение тому — характеристика, подписанная 16 августа 1963 года начальником управления «Свердловскгорстрой» В. Бушковым: «Работая в должности начальника стройуправления тов. Ельцин Б.Н. показал себя с положительной стороны, честно и добросовестно относился к порученной ему работе. Руководимое им управление из отстающих вышло в число передовых. Это управление в 1962 году план по генподряду выполнило на 105, 5% и собственными силами — на 106%. В первом полугодии 1963 г. план по генподряду выполнен на 136%, а собственными силами — 112%, производительность труда составила 103, 4%.

Тов. Ельцин принимает активное участие в общественной жизни, является депутатом Чкаловского райсовета. Лично дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, идеологически выдержан, морально устойчив, пользуется авторитетом среди коллектива»[2]. И пусть читателя не смущает набор стандартных, может быть в чем-то казенных фраз, это был традиционный язык того времени. При этом даже эти формулировки характеристики Ельцина соответствовали истине.

Может возникнуть вопрос почему эта характеристика подписана не непосредственным начальником Бориса Николаевича, а его вышестоящим начальником? Причина проста: М.И. Сытников по-прежнему стремился любыми способами избавиться от слишком самостоятельного подчиненного. Об этом же говорил тогдашний секретарь парткома строительного треста А.И. Виноградов: «Мне часто приходилось разрешать их конфликты. Несколько раз вставал вопрос об увольнении Ельцина. Мы, члены парткома, были против. Мы считали его перспективным молодым человеком. Дело приняло такой размах, что на меня пожаловались в обком партии. Однако там решили, что прав я, и дело на том закончилось»[3].

Случай для разведения двух конфликтующих руководителей представился в августе 1963 г., когда Ельцина освободили от исполнения обязанностей начальника СУ № 13 в связи с назначением главным инженером Свердловского домостроительного комбината. А это предприятие с многотысячным коллективом стояло в одном ряду с крупными строительными трестами.

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 45.
2 Уральский центр Б.Н. Ельцина (УЦБНЕ). Личное дело Б.Н. Ельцина. Ф.1. Оп.1. Д. 12. Л. 15.
3 Из фильма «Борис Ельцин. Становление лидера».

Домостроительный комбинат

Перевод на «новый этаж» своей карьеры Борис Николаевич воспринял не как какое-то поощрение, а как испытание. Он знал, что действующий директор треста ДСК находился в предпенсионном возрасте и ему готовили замену. Ельцин, которому тогда было 31 год, в качестве главного инженера становился в ближайшем будущем его естественным преемником.

В «Главсредуралстрое» и «Свердловскгорстрое» полагали, что именно Ельцин годится на роль одного из руководителей самой крупной в областном центре строительной организации. Начальство «Главсредуралстроя», опытнейшие люди, знали цену выговорам. Ельцин был самостоятельным, квалифицированным, успешным. Он прошел школу советского управления и вполне овладел её методами. Он был битым, а за одного битого, как известно, в России двух небитых дают.

Комбинат выполнял весь комплекс домостроения от изготовления сборных железобетонных деталей на заводе ЖБИ до монтажа, отделки и сдачи домов в эксплуатацию. В его состав входили, кроме завода, 4 строительных управления (в том числе СУ—13), из них одно специализированное по монтажу коробок жилых домов. Сама структура была организована в 1962 году и считалась молодой, еще окончательно не оформившейся. Однако ДСК должен был стать новым лицом строительной отрасли. Домостроительный комбинат должен был внести индустриальные технологии в строительную отрасль, существенно ускорить жилищное строительство в Свердловске

На новой должности Борис Николаевич Ельцин подчинил себя прежнему режиму работы — «от рассвета до заката», не исключая ночных «экскурсий» по стройкам. Он по-прежнему придерживался принципа «все видеть и знать».

Бывший редактор «Свердловского строителя» В.Ф. Дворянов описывал такой эпизод: «Впервые мне с ним довелось встретиться лицом к лицу, когда он был уже в должности главного инженера домостроительного комбината. Мне, работавшему тогда литературным сотрудником, понадобилось взять у него интервью. Предстояло рассказать читателям о том, как организованный сравнительно недавно на базе треста крупнопанельного домостроения и завода железобетонных изделий домостроительный комбинат повышает качество строительства, ведет борьбу с браком, бесхозяйственностью и переделками.

Предварительно позвонив Борису Николаевичу, договорился о встрече с ним, которую он назначил на 7 часов утра. Тогда меня удивило, что руководитель начинает свой день в столь раннее время. Но позднее, поближе узнав этого яркого, самобытного человека, понял, что таков его стиль работы»[1].

Оставим в стороне личные впечатления корреспондента об этой встрече, позволим лишь привести сказанные ему в ходе этой беседы слова Б.Н. Ельцина: «Если копнуть поглубже, то есть одно обстоятельство, о котором нельзя не сказать. В наше сознание внедрили вредное, на мой взгляд, понятие простых решений. Это означает, что бригадир прав, и так по ступенькам. Все в жизни нашего человека как бы рассчитано, ему не надо думать о своей судьбе, его приучили к системе простых решений. Нас отучили думать своей головой...»[2].

1 *Дворянов В.Ф.* Вехи судьбы. Екатеринбург. 2006. С. 196.
2 Там же. С. 196.

Согласитесь, озвучить в те времена такие «крамольные» мысли, да еще представителю средств массовой информации мог далеко не каждый руководитель. Ельцин смог. Видимо «думать своей головой» было отличительной особенностью Бориса Николаевича. Этого каждодневно требовала его работа, должность. В противном случае какой из него руководитель? И кто бы мог заменить его при решении массы разнообразных проблем?

Другой собеседник Ельцина — в 1964 году — преподаватель УПИ, специалист по экономике строительства О.В. Минюхин, ставший позже крупным инженером-проектировщиком, вспоминал, что его и доцента Е.П. Рожкова, экономиста в области строительства, когда-то преподававшего Ельцину, были приглашены главным инженером недавно созданного ДСК Ельциным для проведения анализа потерь домостроительного комбината вследствие некачественных заводских сборных конструкций. Исследование было закончено в 1965 году. Ельцин лично изучал научный отчет. (Кстати, встреча заказчика с исполнителями происходила в здании управления ДСК, в 11 часов ночи).

Предложения ученых были внедрены в практику работы ДСК[1].

Между тем положение дел в ДСК было сложным. За 1963 год город ожидал от ДСК 104 тысячи квадратных метров жилья, а за 10 месяцев было сдано всего 40 тысяч квадратных метров. Путем несложных расчетов видим, что оставшиеся 60 тысяч метров нужно было «сделать» за два оставшихся зимних месяца. Задача практически невыполнимая. Но можно ли делать план любой ценой? «Тяп-ляп не пройдет, — заявлял Ельцин. — Разве это порядок, если строительные управления до 30% жилья сдают с оценкой «хорошо» и ни одного на «отлично»?[2]

На 1964 г. под руководством главного инженера были разработаны мероприятия по улучшению качества крупного домостроения. В соответствии с ними были созданы бригады конечной продукции, внедрены прогрессивные методы монтажа. За этот год с оценкой «хорошо» коллектив в целом сдал 70% домов, а его родное СУ—13 достигло 90%[3].

1965 г. стал еще одной ступенькой вверх в хозяйственно-управленческой карьере Бориса Николаевича Ельцина. Он был назначен начальником Домостроительного комбината (ДСК). И здесь, уже в новых условиях, он начинает активно бороться за внедрение новых, передовых методов организации управления и труда. Опубликованная по этому поводу в многотиражке строителей большая статья за подписью Б. Ельцина, Е. Копылова, главного инженера, В. Имшенецкого, главного технолога и М. Кузнецова, начальника отдела труда и заработной платы получила широкий резонанс. Предложенные авторами методы научной организации труда (НОТ) позволили в 1965 году увеличить выпуск деталей домостроения с 4, 6 до 7 домов в месяц (в 60-квартирном исчислении). В результате было сдано 120 тыс. квадратных метров жилья, из них свыше 80% с оценкой «хорошо». Выработка увеличилась на 23, 7%[4].

1 Из архива Уральского центра Б.Н. Ельцина.
2 «Свердловский строитель» от 18 января 1964 г.
3 Там же. 11 января 1965 г.
4 «Свердловский строитель» от 16 апреля 1966 г.

В новой должности, получив больше полномочий и возможностей, Ельцин сумел развернуться. Годовые итоги за 1965 г. получились прекрасные — при государственном плане 120 тыс. квадратных метров комбинат сдал значительно больше — 132, 5 тысячи! Но вместо почивания на лаврах Ельцин выступил со статьей «Итог хороший, урок тяжелый». «Ритмичности в работе, писал он, — и тем более в сдаче жилья мы не добились в этом году, как и в прошлые годы. Вот цифры. Начинается 1966 год. В первые два месяца мы не сдаем ни одного дома. В марте, перед окончанием квартала сдает сразу 12 домов. Второй квартал. Апрель — 5 домов, май — ни одного. Июнь, конец квартала — 9 домов. И дальше та же история... Это, конечно, не работа. Тем более, ни условия для работы. Люди в условиях такой штурмовщины трудятся с колоссальным перенапряжением, которое долго продолжаться не может...[1]

Изменение ритма работы по строительству жилых домов станет личной задачей для Ельцина на следующий год. И не привыкший отступать он этого сумеет добиться. В том же «Свердловском строителе» уже в ноябре 1967 г. он сообщал: «К празднику Октября[2] мы ввели в строй 80% жилья от общего объема жилой площади, которую предстоит построить в течение года. За 10 месяцев свердловчане получили почти 109 000 квадратных метров жилья. Это тем более отрадно сознавать, что в оставшиеся полтора месяца нам не придется, как в прошлые годы, штурмовать, чтобы справиться с государственным планом. Успешной работе способствовало то, что нам удалось выдержать взятый с начала года ритм. Семь домов в месяц — с таким ритмом мы шли все это время. А в последние перед праздником 50-летия Октября дни собрали 60-квартирный дом за пять суток».

Ельцину удалось существенно оптимизировать работу ДСК — в структуре комбината появилось специальное подразделение, обеспечивавшее нолевой цикл строительства. Именно эта начальная стадия строительства была прежде «узким местом», которое удалось «расшить». В ДСК были привлечены архитекторы, которые смогли несколько оживить стандартные типовые дома, внимательно изучался опыт московского ДСК № 1, отдельные приёмы организации производства были перенесены в Свердловск.

Одновременно с этим директор ДСК строил для своего коллектива базу отдыха на Белоярке, спортклуб при одном из общежитий, три детских комбината, здравпункт[3].

Свердловский ДСК под руководством Ельцина становился лидером массового жилищного строительства не только в области, но и в стране. В начале 1966 года, как всегда после окончания очередной пятилетки, настала пора поощрения отличившихся, бюро горкома партии выдвинуло кандидатуру Ельцина на награждение орденом Ленина — высшей государственной наградой в СССР. Обком это предложение поддержал.

Но произошло непредвиденное. В дни работы XXIII съезда КПСС в ночь на 30 марта 1966 г. в Свердловске ночью разрушился почти готовый пятиэтажный

1 «Свердловский строитель» от 11 января 1967 г.
2 Праздник Октября — главный государственныйпраздник СССР, установленный в честь Октябрьской революции 1917 г., отмечавшийся 7—8 ноября.
3 Копылов Е.В. (воспоминания). В кн. *Липатников В.* Борис Ельцин и ДСК. Екатеринбург, 2007.

крупнопанельный дом, который строил ДСК, где директором был Б. Ельцин. Как выяснила специальная комиссия, причиной обрушения стали некачественно выполненные фундаменты. Эту работу выполнял не ДСК, а субподрядная организация. Бетонировали зимой, раствор не схватился, а весной поплыл, а вместе с ним и подъезд недостроенного дома. Ни жертв, ни травм, к счастью, не было. Не было и прямой вины директора ДСК. От него потребовали усилить контроль за работой субподрядных организаций[1].

В списке награжденных Ельцин остался. Но орден Ленина был заменен на орден «Знак Почёта» — низший в иерархии советских орденов.

В 1968 году ДСК начал переход на серию «Б», которую Госстрой СССР признал годной для застройки городов только в середине 70-х годов. Ельцин поставил задачу закончить переход к этой системе в 1969 году. И наряду с выпуском железобетонных изделий прежнего типа на заводе ЖБИ началась замена формующейся оснастки.

Франция глазами строителя Ельцина

Случилось почти невероятное. В мае 1966 года Ельцина направили во Францию. Фирма «Консорциум по строительству Парижа-2» пригласила в гости группу советских строителей. Начальник Свердловского ДСК, Борис Николаевич Ельцин, оказался в составе приглашенных.

Возвратившись домой, Ельцин рассказывал в статье в газете «Свердловский строитель»: «Сутки у нас были наполнены до предела. Спать ложились в три часа ночи, а в семь нам уже подавали завтрак и начинались разъезды. Программа была составлена заранее и предусматривала знакомство с Парижем, с его культурой, архитектурой и, разумеется, прежде всего, с фирмой "Консорциум". Наши попытки подробнее ознакомиться со строительство, с бытом рабочих и опытом других строительных фирм встречались хозяевами без всякого энтузиазма и вежливо отклонялись».

Но дальше Ельцин уже писал как организатор строительства, как инженер, с уважением и интересом изучавшего опыт своих французских коллег. «Работы на каждом объекте ведут примерно 20 узкоспециализированных фирм, заключивших договор с фирмой-подрядчиком, которая сама работ не ведёт. Срыва сроков не бывает. Большую роль в этом играет строгая система санкций. Если работа выполнена на день позже срока, субподрядчик получает оплату на 10 процентов меньше. Если на два дня — на 30 процентов. Такой же порядок соблюдается и в обеспечении фирм-субподрядчиков материалов.

Заказывают они их сами (генподрядчика это вообще не касается) и безжалостно штрафуют поставщиков за малейшее отставание... Оплачивается труд строителей повременно и, разумеется, норма должна быть выполнена.

Рабочий получает ежемесячную премию, которая фактически является составной частью его зарплаты... Труд строителей хорошо механизирован. Особенно нам понравилась механизация отделочных и земляных работ. Все механизмы содержатся в образцовом порядке и даже окрашиваются в специальные «строительные» цвета: жёлтые и красные.

[1] *Рябов Я.П.* Мой XX век. М., 2000. С. 33.

Отделочные работы никогда не ведутся вручную. И краска, и шпаклёвочные составы наносятся на поверхность специальными пневмомеханизмами. Интересно, что для каждого вида земляных работ применяются специальные механизмы. Один для рытья кабельных трасс, другой для их засыпки, третий для рытья траншей и т. д.». Такие вот «диковинки» поражали тогда начальника крупнейшего на Среднем Урале домостроительного комбината.

Борису Николаевичу «удалось ненадолго вырваться из рук гостеприимных хозяев и познакомиться с руководителями знаменитой фирмы «Камю», которая ведёт крупнопанельное жилое строительство во Франции и ещё в шести странах». Ельцин писал: «в районах будущих новостроек фирма сооружает домостроительные комбинаты, которые выпускают все без исключения железобетонные изделия, необходимые для монтажа»; «на монтажных площадках фактически нет никакой штукатурной доводки изделий — все они поступают туда с достаточно высокой степенью заводской готовности»; в отличие от нашей практики французы не вывозят со стройплощадок вырытую землю, а используют её для создания искусственного ландшафта; никакой спецодежды для строителей во Франции не полагается.

Что ещё удивило? «Французские монтажники, имея всегда под рукой все необходимые материалы, монтируют этаж за 5—7 дней, а жилой дом в целом сооружается в течение трёх—восьми месяцев, и такие сроки вполне устраивают руководителей фирмы».

В Свердловске к тому времени строили быстрее. Невозможно было представить, чтобы искусственно затягивалась сдача дома уже потому, что каждый дом, каждая квартира были расписаны очередью в профкомах, месткомах, утверждены парткомом и администрацией. Коммунист Ельцин делает свой вывод, — «здесь проявляется капиталистическая сущность предприятия, которая зависит целиком от спроса, рыночных цен и т. д.»[1]

О собственных впечатлениях он рассказывал в коллективах комбината. Народ откровенно завидовал ему, увидевшему своими глазами «дикий Запад». Даже как-то не верилось в его рассказы: «Когда вы подходите к входной двери, она распахивается перед вами. Вы проходите, и дверь также автоматически закрывается. Фотоэлементами оборудованы даже рукомойники. Напрасно мы искали на них привычные краны, оказывается, надо просто протянуть руки под трубку и вода польётся сама... Квартиры в Париже-2 тоже великолепные — двухкомнатные, трёхкомнатные, шестикомнатные площадью от 49 до 220 квадратных метров. Стены в спальнях драпируются материей, квартира заранее обставлена уютной, со вкусом подобранной мебелью, так что хозяева, впервые отворив дверь, уже смогут расположиться со всеми удобствами».

Сказка, да и только! «Но, — поднимал палец рассказчик, — на кого всё это рассчитано? Сможет ли поселиться в Париже-2, в этом царстве комфорта, французский рабочий? Мы поинтересовались стоимостью новых квартир. Трёхкомнатная, хотя и в рассрочку на двадцать лет, продаётся за 35 тысяч рублей на наши деньги, шестикомнатная — за 65 тысяч. Ясно, что весь этот рай-

[1] Газета «Свердловский строитель» от 11 и 15 июня 1966 г.

ский сад рассчитан не на среднего парижанина, который останется жить в своём перенаселённом квартале»[1].

Для советского директора иметь социальную инфраструктуру своего предприятия было делом чести. Свои дома культуры, базы отдыха, пионерские лагеря — это норма. То, что содержание этого хозяйства ложилось на себестоимость продукции — всерьёз не считалось. И тем более не было понятно, как капиталисты, которые могут хорошо и быстро строить, не торопятся сдавать дома. Могут закончить стройку за пару месяцев, а тянут семь, пока не найдутся покупатели.

Конечно, в Советском Союзе вообще и в Свердловске в частности, где люди десятилетиями ждали от государства бесплатные квартиры, представить себе, что стоят пустые, незаселенные дома, было трудно.

За десять лет Ельцин прошел путь от мастера — молодого специалиста — до директора крупнейшего и передового строительного предприятия. Он стал закалённым человеком системы, с него спрашивали сурово, и он также требовал с подчиненных. Он много работал и этого же требовал с других. Но он знал, зачем он строит. Он хотел, чтобы дома строились быстро и хорошо, чтобы рабочие зарабатывали и имели нормальные условия для жизни.

Он был человеком идеи, будучи практиком.

1 Газета «Свердловский строитель» от 11 июня 1966 г.

Глава 3

Свердловский обком

В апреле 1968 года Ельцина пригласил на беседу первый секретарь Свердловского областного комитета партии Яков Петрович Рябов.

Я.П. Рябов сделал Ельцину следующее предложение: «Борис Николаевич, мы с вами знакомы не первый день. Признаюсь, что кандидатуру вашу обком изучал всесторонне. Руководитель вы примерный, коллектив настроили хорошо, производственные показатели отличные. В общественной жизни показываете себя с положительной стороны, являетесь членом городского комитета партии и депутатом городского Совета. Мы посоветовались и решили предложить вам перейти на партийную работу с профессиональным, так сказать, уклоном. Эта должность называется заведующий отделом строительства Свердловского обкома КПСС».

«Сильно этому предложению не удивился, — писал в воспоминаниях Б.Н. Ельцин, — я постоянно занимался общественной работой. Но согласился без особого желания. Работа начальником комбината у меня получалась: коллектив постоянно выполнял план. В общем работалось хорошо, плюс была приличная зарплата... И все-таки я пошел. Захотелось попробовать сделать новый шаг»[1].

Сделаем два замечания — зарплата зав. отделом обкома партии была существенно ниже, чем у директора ДСК. Как показывают исследования, в 60—70-е гг. оплата ряда категорий работников партийного аппарата (инструкторов, зав. отделами) сравнялась со среднемесячной оплатой рабочих или даже стала меньшей. Это значительно снизило интерес у широкого круга потенциальных претендентов на должности в партаппарате с точки зрения материальной[2].

Это так. Но, во-первых, отказаться от предложения было трудно. Он — в номенклатуре. Отказ мог повлечь серьёзные неприятности, партвзыскание и снятие с работы, тем более, что при желании «всяко лыко было в строку» — выговоров в прошлом хватало. Во-вторых, работа в обкоме почетна. Кроме невысокой зарплаты и «лечебных» — пособия к отпускным в размере месячной зарплаты — появлялась возможность карьерного роста. Соревновательность и честолюбие было в характере Ельцина, как и его способность работать много, целеустремлённо. И работать на благо людей. Это тоже стало частью его характера. Впрочем, это соответствовало целям, провозглашённым КПСС.

Да и по житейски — переход в обком позволял получить квартиру побольше, а семья росла.

Характеристику Ельцину — руководителю для перехода на новое место работы — подписал секретарь Свердловского горкома КПСС Ф.М. Морщаков,

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 46.

2 *Кузнецова П.Ю.* Эволюция регионального аппарата КПСС как социальной группы. (1965—1985 гг.). 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Пермь 2007. Сам Ельцин через двадцать лет вспоминал, что его зарплата «... в Верховном Совете меньше, чем тогда», в Свердловском ДСК.

который хорошо знал Бориса Николаевича, высоко ценил за деловые качества и не раз в трудных ситуациях оказывал ему поддержку. Из характеристики узнаем, что Ельцин «...показал себя способным и грамотным инженером, хорошим организатором производства. Коллектив домостроительного комбината, руководимый товарищем Ельциным Б.Н., работает устойчиво, систематически выполняет планы жилищного строительства в городе... Тов. Ельцин Б.Н. внес большой личный вклад в техническое совершенствование крупнопанельного домостроения. По его инициативе и при его непосредственном участии разработана и внедрена прогрессивная технология поточного строительства крупнопанельных жилых домов, обеспечивающая ритмичную сдачу объектов в эксплуатацию, значительное улучшение условий труда и экономию материальных ресурсов...

Тов. Ельцин принимает активное участие в общественной жизни коллектива, избран в состав парткома комбината, систематически выступает на политические и производственные темы перед рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими... Тов. Ельцин является членом Свердловского горкома КПСС, депутатом городского совета»[1].

Так в тридцатисемилетнем возрасте жизнь Бориса Николаевича круто переменилась. Хозяйственную карьеру ему пришлось поменять на партийную, которая впоследствии и выведет его на самый высокий уровень — главы российского государства.

В коллективе домостроителей весть о повышении их начальника встретили без восторга. Расставание выглядело грустным. На прощальном ужине с работниками управления Борис Николаевич оглядел присутствующих и сказал: «Я думал, что все будут рады моему уходу, а вы так тепло говорите... »[2]. Да, в этот вечер никто не лукавил тогда, это видно из воспоминаний коллег Ельцина уже в 2000-х годах. Каким он запомнился им?

Вспоминают ветераны.

Светлана Андреевна Зиновьева, работавшая в аппарате управления ДСК со дня его основания: «Прямо скажу: мы боготворили Бориса Николаевича. Он выгодно отличался от всех руководителей. И высокий, и красивый, и, главное, большой эрудит в вопросах строительства. Ему невозможно было что-то соврать, увести в сторону. Да, его боялись, но уважали за справедливость и внимательное отношение к людям. Он знал всех бригадиров в лицо, по именам. Он требовал дисциплинированности от всех, он заставлял каждого работать с полной отдачей, он и сам трудился, себя не жалея... Если увидит на стройке разлитый бетон, разбитое стекло — пощады не будет, вычет из зарплаты прорабу обеспечен. И благодарить за труд Борис Николаевич умел. И, впрочем, не только за счёт ДСК, а порой из личного кармана. Слово своё он держал крепко: если обещал бригаде квартиру, — всё, эта квартира будет выделена в конце квартала»[3].

Валерий Семёнович Нудель, заслуженный строитель России, лауреат премии Совета Министров СССР: «Мы познакомились в 1964 году: Борис Николаевич был главным инженером комбината, а я — начальником цеха завода ЖБИ, который вошёл в состав ДСК. Он часто приезжал на завод, ходил по цехам, причём, не вопросы задавал, а ставил задачи, но всегда спрашивал: «А что вам для выполнения нужно?» И если, что обещал, то слово своё сдерживал... В 1967 году меня назначили главным инженером завода, а Ельцин уже был начальником ДСК, поэтому по вопросам производства наши встречи стали регулярными... Как минимум, дважды в неделю в его кабинете проходили совещания по заводской проблематике. Засиживались порой до 10—11 часов вечера. Обсуждали все тонкости технического перевооружения заводского производства. Честно говоря, эти вопросы по статусу и уровню относятся к компетенции главного инженера, но Борис Николаевич хотел быть лично в курсе всех узловых вопросов, и в этом его отличительная черта — во всём дойти до сути... Или такой пример. Вокруг завода формировался микрорайон «Комсомольский», а клуб у нас был деревянный, здание барачного типа. Куда мы только не обращались, всё без толку. Борис Николаевич принял твёрдое решение: строить клуб на 320 мест за счёт капремонта. Это было явное нарушение, но он взял всю ответственность на себя»[1].

Галина Дмитриевна Чернушкина, бывший начальник отдела труда и зарплаты ДСК: «Борис Николаевич лично подбирал кадры. Мне запомнился его пронзительно внимательный взгляд и его вопросы: где работала, что и когда закончила, где проживаю? Сразу почувствовала строгость и высокую требовательность нового руководителя... Он беседовал с каждым, старался брать людей с высшим образованием, практиков отправлял на учёбу. Устроиться на работу в ДСК было престижно... Правду скажу, некоторые мастера, узнав, что он едет на их объект, элементарно прятались от него. Знали, что «рыльце в пушку», на прошлой неделе обещали закончить, скажем, отделку в подъезде и не сделали, а Ельцин об этом помнил...»[2].

Анатолий Александрович Волынский, ветеран ДСК, заслуженный строитель России: «Свердловский ДСК не случайно стал серьёзной школой воспитания кадров строительного и промышленного производства. Как и Борис Николаевич, многие инженерно-технические работники успешно двигались по служебной лестнице. Бывший главный инженер Е.В. Копылов стал главным инженером объединения "Союзстройконструкция", Н.Л. Биевец возглавил главное управление стройиндустрии Минтяжстроя СССР. Заместителем генерального директора АОЗТ "Высокодисперсные металлические порошки" трудился В.С. Нудель, генподрядным управлением "Укксстрой" руководит А.А. Копачев. В УГТУ—УПИ воспитывают молодую смену зав. кафедрой "Технология строительного производства" Г.С. Пекарь и доцент кафедры В.Б. Ежов. Список можно продолжать...»[3].

Говоря о личных качествах Б.Н. Ельцина, А.А. Волынский отмечал, что тот «много работал над собой, и, как я заметил, не только в профессиональном плане, но и в культурном отношении. Потрясающая работоспособность, на мой взгляд, достигалась за счет сна. Уже тогда было ясно, что этот целеустремленный

1 ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 41. Д. 145. Л. 11—12.
2 *Липатников В.* Борис Ельцин и ДСК. Екатеринбург. 2007. С. 27.
3 Там же. С. 26.

1 *Липатников В.* Борис Ельцин и ДСК. С. 31—32.
2 *Липатников В.* Борис Ельцин и ДСК. С. 63.
3 Там же. С. 51.

человек пойдет далеко вперед». Отмечал он, как впрочем и многие другие, феноменальную память Бориса Николаевича: «...о ней уже тогда ходили легенды, — он помнил все фамилии, все цифры. Он мог воспроизвести по памяти любой отчет с любым количеством экономических показателей»[1].

Сергей Иванович Перетрутов, бывший начальник СУ №13, сменивший на этом посту Ельцина: « Борис Николаевич был точен, ни на одно совещание не опаздывал и другим не позволял. Помню, однажды к нему в кабинет заходит главный бухгалтер комбината и говорит: «Борис Николаевич, дайте машину до банка съездить». А Ельцин сам собирался ехать на какое-то совещание. Он достаёт из кармана кошелёк и подаёт деньги главбуху: «Съездите на такси»[2].

Часть карьеры Ельцина закончилась.

Строителю домов предстояло стать строителем области.

Зав. отделом обкома

12 апреля 1968 г. Борис Николаевич Ельцин вошел в здание областного комитета партии директором Домостроительного комбината, а вышел из него заведующим строительным отделом областного комитета КПСС.

Началом партийной карьеры Б.Н. Ельцин обязан партийному руководителю области — Якову Петровичу Рябову.

Я.П. Рябов — второй секретарь обкома — тоже новый человек в аппарате обкома. Он, без сомнения, был замечательной личностью. Тремя годами старше Ельцина, крестьянин родом[3], он с 1942 года, мальчишкой, начал работать токарем, фрезеровщиком, сверловщиком, карусельщиком на Уралмаше, главном заводе по производству знаменитых танков Т—34.

Подвигом этого мальчишки стало то, что он умудрился учиться в вечернем машиностроительном техникуме по специальности «Проектирование, производство и испытание танковых дизельных моторов».

После окончания техникума, уже после войны, в 1946 г. он был переведен на работу на завод № 76 , позже — Уральский турбомоторный завод, предприятие тогда высочайшего технологического уровня. Там он работал в конструкторском бюро, учился на вечернем отделении Уральского политехнического института, который закончил в 1952 году, работал начальником отдела специального конструкторского бюро, заместителем начальника цеха, начальником цеха.

Дальше началась его партийная карьера, где главным достоинством Рябова были его качества производственника и организатора. Для Свердловской области, перенасыщенной промышленными, по преимуществу оборонными предприятиями — это было необходимостью. Его карьера — секретарь парткома завода (с 1958 года), 1-й секретарь райкома, 1-й секретарь Свердловского горкома КПСС, а с 1966 года 2-й секретарь Свердловского

1 *Липатников В.* Борис Ельцин и ДСК. С. 17—18.
2 Там же. С. 42.
3 Полагаю, что семье Рябова, как и семье Ельцина, пришлось помыкаться в годы коллективизации. Косвенным свидетельством этому служат расхождения в анкетных данных о месте рождения — в одном случае — родился 24.03.1928 в селе Шишково Рузаевского района Мордовской АССР, в другом — в деревне Сальково Первомайского района Ярославской области. Да и то обстоятельство, что родители оказались в 30-е гг. на строительстве Уралмаша, тоже походит на березниковский период Ельциных.

обкома КПСС. В 1971 году он сменил Константина Кузьмича Николаева, ветерана партаппарата, руководившего оборонным отделом Свердловского обкома в войну, после войны — председателя облисполкома, на посту первого секретаря обкома КПСС.

Рябов был в прошлом спортсменом, мастером спорта, чемпионом области по борьбе. И это тоже сближало их с Ельциным. Прошедший работу в войну и суровую школу партаппарата, Я.П. Рябов славился крутым характером и несдержанностью на язык.

Позже, отвечая на вопрос корреспондента, почему он выдвинул Ельцина на партийную работу, Яков Петрович отвечал: «Он чем-то был похож на меня. Энергичный, упорный. Я познакомился с ним в 1963 году. Он был начальником стройуправления, строил очистные сооружения для производств и города. Работал хорошо, настырно. Мы его выдвинули главным инженером домостроительного комбината, а года через полтора — директором ДСК. ...Когда меня избрали вторым секретарем обкома, я почувствовал, что завотделом строительства не тянет: и возраст давал о себе знать, и болезни. Я пригласил Бориса».

По воспоминаниям Якова Петровича, ему тогда пришлось выдержать не одну «атаку» своих друзей и окружения. «Они мне прямо говорили о его властолюбии, амбициях, устремлениях к власти любым путём... На это я отвечал: "Спасибо, что вы мне это сказали, значит, у человека есть желание отличиться и стремление быть впереди, но для меня это новая информация. А как вы его расцениваете с точки зрения дела?" Задумались. А потом: "Здесь вопросов нет — сделает всё, что угодно, разобьётся, но выполнит поручение начальства".

— В таком случае я беру его под своё начало, а у меня достаточно знаний и опыта, силы и воли, чтобы заставить его работать так, как надо. А если я замечу, что он будет "выпрягаться из оглобель», поставлю на место..."[1].

Полезной оказалась для него и школа Рябова, который строго спрашивал с подчиненных. Первый секретарь Свердловского обкома Рябов умел заставлять других работать и сам работал много.

Итак, Б.Н. Ельцин на семь лет стал партийным руководителем строительства во всей Свердловской области. Строительный азарт его распространился как на столицу Среднего Урала, так и на область. Сам он позднее в статье газеты «Уральский рабочий» с гордостью за результат писал: «Есть в Свердловске (и не только в Свердловске) новые здания, которыми гордятся горожане. Киноконцертный театр «Космос», Дворец культуры «Урал», Дом политического просвещения, Дворец культуры в Первоуральске, Дворец культуры строителей в Нижнем Тагиле... Современные по стилю, отличающиеся тщательностью и красотой отделки, они нравятся всем и свидетельствуют о высоком уровне профессионального мастерства уральских строителей»[2].

Но Ельцину нередко приходилось заниматься и проблемами, связаными с некачественным строительством, с невыполнением планов промышленного строительства — словом, он был партийным прорабом. По признанию

1 *Рябов Я.П.* Мой XX век. С. 35.
2 «Уральский рабочий» от 11 июня 1971 г.

Я.П. Рябова, Борис Николаевич «в любой момент мог доложить, как обстоят дела на той или иной стройке, причём детально, в цифрах»[1].

Ельцин в свои 37 лет оказался самым молодым в руководящем звене аппарата обкома. Но разницы в возрасте не ощущалось, из заведующих отделами только один успел отметить «золотой юбилей», остальные были не старше 45 лет.

Аппарат есть аппарат. В нём всегда есть группы, симпатии и антипатии, противоречия и соперничество. Так было и так будет.

То же было и в Свердловском обкоме. Влиятельными людьми были сорокалетний заведующий организационным отделом Борис Маркович Маркушкин, Константин Алексеевич Сотников, заведующий общим отделом, ветеран аппарата, двадцать третий год работавший в обкоме. Эти два отдела занимали особое место в структуре обкома, организовывали его работу, вели учёт номенклатуры со всеми связанными с этим проблемами, готовили проекты документов и отвечали за выпуск многочисленных решений обкома.

С 1959 года заведовал отделом машиностроительной промышленности Вячеслав Яковлевич Баев, оборонщик и эрудит, которого прозвали «ходячей энциклопедией».

Ельцин дружил с заведующим отделом науки и учебных заведений Алексеем Афанасьевичем Добрыднем. Они одновременно закончили УПИ, правда, разные факультеты. Инженер-металлург Добрыдень после окончания института ушёл в науку, стал кандидатом технических наук, доцентом кафедры теории металлургических процессов. Как и Борис Николаевич, Алексей Афанасьевич пришёл в обком, не имея и дня стажа партийной работы. В нём угадывались широкая эрудиция и не показная интеллигентность. Беседовать с этим человеком было интересно и поучительно.

Заведующие отделами обкома составляли свой «клан». Собственно весь партаппарат неофициально делился на четыре категории: секретари, зав. отделами и их заместители, заведующие секторами и инструкторы, обслуживающий персонал. Это прослеживалось даже в столовой, имевшей три обеденных зала, один из которых принимал инструкторов, обслугу и гостей, в два других посторонние не допускались. Нижние звенья по пятницам получали в столовой заказанный «паёк», верхним продукты доставлялись по домам. Секретари арендовали для своей семьи дачи на озере Балтым, заведующим отделами выделялись комнаты в посёлке Малый Исток. У двух этих групп было принято отмечать праздники и дни рождения своим кругом[2].

Между первым секретарем областного комитета партии Я.П. Рябовым и Б.Н. Ельциным установились хорошие, деловые отношения. В Рябове Ельцину, вероятно, импонировали деловитость, напористость, тяга к новациям.

Важнейшим событием для Ельцина в 1971 году, когда Рябов был назначен первым секретарем обкома, стала подготовка выездного заседания Государственного комитета по гражданскому строительству при Госстрое СССР и Госстроя РСФСР. На этом заседании был рассмотрен и одобрен новый генеральный

1 Из беседы Г.М. Каёты с Я.П. Рябовым.
2 Из беседы Г.М. Каёты с Ф.М. Елохиным, бывшим зав. отделом организационно-партийной работы Свердловского обкома КПСС.

план Свердловска. Он не допускал слияния городов-спутников с областным центром в будущем и превращения его таким образом в «город-гигант», «обычно приносящий массу неудобств жителям». Предполагалось строить новые промышленные предприятия в 60—100 километрах от Свердловска. Учитывая будущие транспортные проблемы, планом намечалась организация скоростных магистралей, идущих в обход густонаселённых районов города, строительство метрополитена в виде двух диаметров: север — юг, юго-запад — северо-восток. В юго-западной части областной столицы планировалось создание «крупнейшего в стране научного центра и университетского комплекса».

По расчётам проектировщиков, к 2000 году население Свердловска должно было возрасти до 1 350 000 жителей, для расселения которых потребуется возвести 11 миллионов квадратных метров жилья, 5,7 миллиона из них — в старой части города. Половина всех новых домов будет девятиэтажными, 10 процентов — 12—16 этажными и 40 процентов — пятиэтажными. «Причём пятиэтажные здания будут разительно отличаться от тех, что сооружались в 60-х годах. Они привлекательны по архитектурному облику, имеют мусоропроводы, удобную планировку квартир, увеличенную площадь кухонь, ванн, подсобные помещения и встроенные шкафы»[1].

За воплощение этого плана в действительность ещё предстояло серьёзно постоять не только Рябову и Ельцину, но и их смене, а что-то вообще останется как «сказка» до наших дней. А тогда инициаторы верили в реальность идей и в собственные силы.

С годами чувствовалось, что Борис Николаевич засиделся на одном месте, а выдвинуть его в аппарате обкома некуда. Как вспоминал Я.П. Рябов, «первый секретарь Костромского обкома Ю.Н. Костромин пригласил Ельцина на пост секретаря. Ельцин советовался. Я ему сказал: «Если хочешь — иди, но что тебе рваться из такого обкома, как наш, у тебя и здесь есть перспектива роста». Второе предложение сделал И.Т. Новиков, председатель Госстроя — на должность своего зама. Я сказал: — Смотри, как хочешь, но я на тебя имею виды»[2].

В январе 1971 года Константина Кузьмича Николаева по достижению пенсионного возраста отправили на заслуженный отдых. В резерве на пост первого секретаря обкома стояли второй секретарь Рябов и секретарь обкома Г.В. Колбин. Возраст и карьера обоих практически совпадали. В ЦК КПСС отдали предпочтение второму секретарю. Геннадий Васильевич занял кабинет Рябова, а в 1975 году его повысили, направив в Грузию вторым секретарём республиканского ЦК.

На место Колбина Рябов предлагал избрать заведующего отделом машиностроения В.Я. Баева, но тот категорически отказался от предложения. Вторым секретарём обкома стал Е.А. Коровин. На освобожденное им место секретаря пленум обкома 15 апреля 1975 года избрал Б.Н. Ельцина и ввёл его в состав бюро областного комитета. Ему поручили курировать все строительство, благоустройство области и дороги, строительную, деревообрабатывающую и лесную промышленность. На новой должности он уже стал самостоятельной политической фигурой.

1 «Уральский рабочий», 23 июня 1971 г.
2 *Я. Рябов.* Мой XX век. С. 38.

Ещё в 1971 году Рябов предложил Борису Николаевичу подобрать себе нового заместителя с перспективой на должность заведующего отделом. Ельцин назвал кандидатуру главного инженера проектного института О.И. Лобова. Спокойный, рассудительный, немногословный Олег Иванович понравился первому секретарю обкома. Возраст хороший — 34 года, кандидат наук. Одним словом, товарищ перспективный. А товарищ встал на дыбы: не хочу на партийную работу! Рябову позвонил председатель Госстроя СССР Новиков и попросил не трогать Лобова: «Знайте, я его не отпущу». Последняя угроза подтолкнула своенравного Якова Петровича к решительным действиям. Он подключил к решению вопроса отдел ЦК, и Лобова перевели в аппарат обкома. За три года Олег Иванович зарекомендовал себя лучшим образом, поэтому никого лучше на место Ельцина в отделе строительства не просматривалось.

Назначение оказалось удачным. Уже в 1975 году строители области сделали заметный рывок вперёд, достигнув наиболее высоких темпов роста за всю девятую пятилетку.

Секретарь обкома Ельцин, отвечавший за строительство, продолжал относиться к строительным делам как к своим личным, по словам Рябова, очень болезненно воспринимает замечания в адрес строителей, особенно Главсредуралстроя, как обиду для себя... Он делал выводы, но не надолго. На одной стройке, оставшись вдвоём, Ельцин сам заговорил: «"Яков Петрович, ну, действительно, может быть, я зарываюсь и веду себя не очень тактично к тем, кто проваливает дело. А их пробивает только нажим. Но нажим мой, может быть, не всегда бывает корректен". Вот этим Борис меня подкупал и успокаивал. Он вновь отрегулировал свои отношения»[1].

При этом было и другое мнение — одного из первых секретарей райкома КПСС: «Необходимо заметить, что в кресле отраслевого секретаря обкома Борис Николаевич старался сдерживать свои эмоции и о его тяжёлом характере, кажется, мало, кто догадывался»[2].

Первый секретарь обкома

В 1976 году Я.П. Рябова назначили секретарем ЦК КПСС и поручили курировать оборонную промышленность. Это создавало прецедент для Свердловской партийной организации. В 1962 году из Свердловска в Москву был переведен первый секретарь Свердловского обкома А.П. Кириленко на должность первого заместителя Бюро ЦК по РСФСР и члена Политбюро.

Перед Я.П. Рябовым встала непростая задача: кого рекомендовать на пост первого партийного руководителя области. Сам он позднее вспоминал: «Выбор был небольшой. Колбина назад не отдадут. Коровин — отличный, честный и добросовестный, но слабохарактерный и проблемы со здоровьем. Есть еще А.А. Мехренцев»[3]. Пройдя по небольшому кругу несколько, раз Яков Петрович остановился на Ельцине: «он хочет и может работать, достаточно волевой и сумеет заставить работать кого угодно. Он знает область, и его там знают. ... Ельцин — это человек, с которого можно спросить. Человек, который может

1 *Я. Рябов.* Мой XX век. С. 40.
2 *Потапов И.И.*. У нас судьба была иная, с. 171.
3 Там же.

заставить работать, который сам работает. И человек, который прошел у меня хорошую школу. Я сам его воспитывал»[1].

В те дни Борис Николаевич находился в Москве на месячных курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Во время одной из лекций заведующий курсами Королёв объявил о том, что Ельцина приглашают к 11 часам в Центральный комитет. Такая неожиданность могла говорить только об одном: его ждёт какой-то поворот в жизни, а уж хороший или плохой, станет известно позже.

Ельцина пригласили на Старую площадь в ЦК КПСС, для собеседования с секретарями ЦК — по кадровым вопросам И. Капитоновым; по промышленности — А. Кириленко и по идеологии — М. Сусловым. Никто из них ничего конкретно Ельцину ничего не сказал. Его расспрашивали, к нему присматривались. Это были смотрины[2].

Генеральный секретарь ЦК КПСС, как вспоминал позднее Я.П. Рябов, — удивился его выбору. Он спросил: «Почему вы рекомендуете Ельцина. Он ведь не второй секретарь, не депутат Верховного Совета, мы его в ЦК не знаем. И.В. Капитонов дал мне объективку на второго секретаря вашего обкома товарища Коровина»[3].

Рябов привел свои доводы и Брежнев дал свое согласие.

Наконец, Ельцина привезли в Кремль к самому Брежневу. Генеральному секретарю высокий и надежный Ельцин понравился и он известил Ельцина о том, что Политбюро рекомендовало его на должность первого секретаря обкома партии. «Все это было, конечно, неожиданно для меня, область очень крупная, большая партийная организация... Я сказал, если доверит Политбюро и коммунисты области, буду работать в полную силу, как могу»[4].

Мало кто в те дни знал, что на Старой площади в Москве рассматривалась ещё одна кандидатура на вакантную должность в Свердловске. В ЦК вызывали также Леонида Фёдоровича Бобыкина, руководителя партийной организации города Свердловска. В отличие от своего соперника он досконально знал партийную работу, пройдя райком и горком партии.

Вспоминая об этом, В.М. Манюхин, работавший тогда вторым секретарём Свердловского горкома, пишет: «Я получил сигнал: встретить Бобыкина в аэропорту и об этом никому не говорить. Приезжаю в аэропорт — у "депутатской" (зал для депутатов, — *ред.*) стоит машина О.И. Лобова, здесь же он сам. Спрашиваю, кто же назначен по решению Политбюро нашим первым... Пытаю Олега Ивановича и дальше, чувствую, что и он не знает. Тогда я предлагаю вариант: кто первый выйдет из самолёта, тот и первый. Приземлился самолёт, подогнали трап, открыли дверь, и в проёме показался... Л.Ф. Бобыкин. Я посмотрел на Олега Ивановича — лицо его побелело. А дальше Бобыкин, выйдя на трап, поправил плащ и боком встал к выходу. И вот Борис Николаевич мощно, с раскачкой солидного "боцмана", пошёл по лестнице вниз. За ним Бобыкин. Лицо моего компаньона стало меняться, в итоге озарилось ясной улыбкой. Мы по-

1 *Млечин Л.М.* Борис Ельцин. С. 44.
2 См.: *Млечин Л.М.* Борис Ельцин. С. 44.
3 *Рябов Я.П.* Мой XX век. С. 54.
4 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 51.

здравили Бориса Николаевича с назначением, хотя тот и не очень откровенничал, считая, что пленума обкома ещё не было»[1].

Буквально через несколько дней 2 ноября 1976 г. состоялся пленум Свердловского обкома партии, где обсуждался вопрос о первом секретаре Свердловского областного комитета партии. Я.П. Рябов в своем выступлении перед собравшимися отметил, что «за последнее время Центральный комитет при замене руководящих кадров, как правило, ориентируется на выдвижение местных работников. Такая практика себя оправдывает. На местах сейчас выросли кадры хороших организаторов, из числа которых можно выдвигать на руководящие посты. Для Свердловской партийной организации это особенно верно и правильно. Известно, что она является хорошей кузницей кадров для замещения важных постов на партийной, советской, хозяйственной работе. Достаточно вспомнить, что за нашу с вами работу членами областного комитета партии, буквально за полтора-два года, выдвинуто много наших хороших активистов, членов обкома КПСС, — это т. Колбин Г.В. — второй секретарь ЦК компартии Грузии, тт. Рыжков Н.И., Овчинников Г.Е., Неуймин М.И. — заместители министров крупных отраслевых министерств СССР, т. Башилов С.В. — член коллегии Госплана СССР и другие»[2].

Заметим, что сам Я.П. Рябов к этому времени был избран секретарем ЦК КПСС.

Предлагая кандидатуру первого секретаря обкома КПСС Я.П. Рябов подчеркнул: «Центральный Комитет КПСС при рассмотрении вопроса о первом секретаре областного комитета партии исходил также из того, что нужно подобрать достойного, авторитетного, знающего руководителя здесь, на месте. Бюро областного комитета партии рассмотрело этот вопрос и единодушно рекомендует на должность первого секретаря обкома партии т. Ельцина Б.Н...». Он выразил уверенность в том, что « Б.Н. Ельцин оправдает доверие, не подведет областную партийную организацию и своей беззаветной преданной работой оправдает оказанное ему доверие»[3].

По словам участника пленума И.И. Потапова, решение Политбюро ЦК для всех «явилось неожиданностью. Обычно на этот пост выдвигался человек, прошедший "партийную лестницу", а в данном случае человек не знал, что такое первичная, районная, городская парторганизация, и в должности отраслевого секретаря обкома только год, но коли Ельцина рекомендует Центральный комитет, значит, так надо.

Совсем немногие из них ведали о содержании состоявшегося накануне пленума разговора на бюро. Некоторые его члены, например, секретарь обкома по идеологии Л.Н. Пономарёв, категорически возражали против предложения Я.П. Рябова, указывая на неуживчивый характер Бориса Николаевича, его неподготовленность к роли "первого". Яков Петрович не послушался своих товарищей»[4].

В ходе пленума никто не осмелился выразить сомнение в правильности выбора, сделанного Политбюро ЦК КПСС.

1 *Манюхин В.М.* Прыжок назад. 2002. С. 34—35.
2 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 88. Д. 12. Л.4.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 88. Д. 12. Л.4.
4 *Потапов И.И.* У нас судьба была иная. С. 171—172.

Борис Николаевич Ельцин был единогласно избран первым секретарем обкома КПСС. В своей первой речи в новом качестве он озвучил свою тезисную программу на будущее. «Главная мысль, — вспоминал Борис Николаевич, — была предельно проста: надо прежде всего заботиться о людях, а на добро они всегда откликнутся с повышенной отдачей. Это кредо осталось у меня и сейчас».

Тем же днём секретарь ЦК Рябов передал занимаемый им ранее кабинет со всем в нём содержимым своему преемнику и отбыл в столицу. И остался Борис Николаевич Ельцин, как тогда говорили, «на хозяйстве», огромнейшем, большем, чем иные государства. Отныне он, по собственному признанию, был «за всё в ответе». Что бы не произошло в области — первый спрос с него.

Заметим, однако, что задачи его на посту первого секретаря обкома партии были неизмеримо шире. Ельцин начал свою деятельность на этом посту с кадровых перестановок, целью которой было создание «своей команды».

Ельцин оказался в числе примерно трех тысяч человек, которые и были реальной властью в стране[1].

Свердловская область

Для того, чтобы представить круг обязанностей первого секретаря областного комитета партии Б.Н. Ельцина, дадим общую характеристику Свердловской области в системе народного хозяйства СССР.

Край, руководить которым доверили Б.Н. Ельцину, в географии именуется как Средний Урал, а в административно-территориальном делении назван Свердловской областью.

Свердловская область в середине 70-х гг. занимала площадь 195 тысяч квадратных километров. На 1 января 1976 г. численность населения составляла 4 416 тыс. человек. В области насчитывалось 44 города и 95 рабочих поселков. Городское население составляло 84,4%. Население Свердловска — 1 211 тыс. чел., Нижнего Тагила — 396 тыс., Каменска-Уральского — 188 тыс.[2]

По мощности промышленного потенциала Свердловская область занимала третье место в стране после Московской и Ленинградской, здесь работали крупнейшие в стране горнодобывающие, металлургические и машиностроительные предприятия.

Промышленность. Основу экономики Свердловской области составляла тяжелая индустрия. Из промышленных отраслей крупнейшее общесоюзное значение имело машиностроение, черная и цветная металлургия, промстройматериалы, лесная и деревообрабатывающая промышленность.

В области насчитывалось свыше восьмисот промышленных предприятий. Они производили 80% союзного выпуска асбеста, 40% грузовых вагонов, 17% стальных труб. В области выплавлялось 11 млн. тонн стали. Промышленная продукция экспортировалась в 82 страны мира. Годовой объем капитальных вложений превышал 2 млрд. руб[3].

Но производственные мощности устаревали. При 250-летней истории уральской промышленности, крупнейшие уральские заводы были построены

1 *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. 2000. С. 6—8.
2 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 67.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 67; Оп. 87. Д. 225. Л. 1.

в 30-е гг., в период индустриализации, тогда же на заводы поступило закупленное за границей — в Германии и США — оборудование. В годы Великой Отечественной войны на Урал были эвакуированы станки из западных областей страны. Третья крупная волна обновления техники прошла в конце 40-х гг., когда в СССР пошли поставки техники из Германии по репарациям.

Годы шли и техника старела. Требовались новые инвестиции. Задача обновления промышленного потенциала выходила на первый план экономического планирования.

Другая проблема — это ухудшение сырьевой базы для промышленности. Если в 1965 г. 85% потребностей металлургических заводов Урала удовлетворялось за счет местных запасов, то в 1980 — лишь на 50%. Руду везли из Казахстана, Курского месторождения, Кольского полуострова. Дорога занималась 8—10 суток.

Схожая ситуация сложилась и в цветной металлургии. Медеплавильные заводы Урала в 70-е гг. обеспечивались рудой лишь на 10—30%. Сырье завозили из Средней Азии, Алтая и Северного Кавказа, даже из-за границы. Оказались в основном выработанными месторождения угля на севере Свердловской области.

Не хватало электроэнергии, несмотря на то, что были введены новые мощные энергоблоки на Челябинской ТЭЦ, Южно-Уральской, Троицкой ГРЭС. В Свердловской области введена Рефтинская ГРЭС. На Белоярской АЭС в середине 70-х гг. введен самый крупный в мире блок с реактором БН—600 на быстрых нейтронах. Строились и мелкие электростанции, но электроэнергии не хватало. Существовал устойчивый дефицит энергоресурсов[1].

Уральский регион продолжало отличать наличие крупнейшего в мире горно-металлургического комплекса. Уровень концентрации промышленного производства в 2—3 раза превышал средний по стране. Это имело свои издержки. Как ни в одном другом регионе здесь были сосредоточены предприятия, оказывающие наиболее негативное воздействие на окружающую среду, а также потенциально опасные производства, включая предприятия оборонного комплекса. По совокупности радиационной и техногенной нагрузок Уральский регион не имел аналогов в стране и мире...[2]

По выбросам в атмосферу Урал занимал первое место в России. На каждого жителя региона приходилось свыше 450 кг/год газодымных отходов, в том числе в Свердловской области 600 кг/год. Промышленные центры Урала входили в число городов страны с наиболее высоким уровнем атмосферных загрязнений[3].

Отвечать за состояние промышленности области должен первый секретарь.

В конце 1968 — начале 1969 гг. был упразднен Уралплан — орган, координирующий хозяйственно-экономическую деятельность уральского региона. Одновременно при Госплане СССР и Центре экономического научно-исследовательского института (ЦЭНИИ) был организован сектор по развитию производительных сил Уральского экономического региона.

1 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. л. 67—69.
2 Инженерно-экологические проблемы Урала. «Инженерная экология». 1995. № 1. С. 46.
3 См.: там же. С. 49.

Ликвидация совнархозов, переход от территориального к отраслевому принципу управления, объективно повысил роль обкомов партии и облисполкомов в координации вопросов регионального развития предприятий, подчинявшихся многочисленным центральным ведомствам[1].

В известной мере научно-координационные функции в подготовке предложений к планированию взял на себя недавно созданный Институт экономики Уральского научного центра. Институт возглавил бывший секретарь обкома (до 1971 г.) М.А. Сергеев, ставший в 1976 г. членом-корреспондентом АН СССР. Институт готовил для обкома и для последующей передачи в правительство «Предложения к генеральной схеме развития и размещения производительных сил Уральского экономического региона на 1976— 1990 гг.», «Перспективы развития минерально-сырьевой базы Урала».

Сергеев был убежденным сторонником реконструкции промышленных предприятий Урала, и это убеждение было поддержано обкомом.

В целом в 70—80-е гг. на Урале, как и по всей стране шло неизменное снижение темпов экономического развития. Деятельность предприятий регламентировалась десятками показателей, сотнями нормативных актов, спускаемых сверху. Оплата труда не была напрямую связана с его результатами. Экономическая система, ориентированная на экономический рост, отвергала научно-технические усовершенствования, делая невыгодными их использование.

В этих условиях обком, партийный аппарат выступали как органы не столько политического, сколько экономического управления. В «Исповеди на заданную тему» Б.Н. Ельцин пытался найти ответ на вопрос — хорошо это было или плохо? Он писал: «Вообще же это только в последнее время мы стали размышлять о негативной роли вмешательства партии в хозяйственные дела. Тогда и хозяйственники, и тем более партийные работники считали это совершенно в порядке вещей. И я так считал, и для меня было совершенно естественно, когда я получал вызов одновременно в несколько райкомов партии на совещания, правда, естественно, пытался увернуться от всех этих заседаний, но то, что они проходили, то, что там с помощью накачек, выговоров и так далее решались многочисленные хозяйственные и прочие проблемы, — это было сутью существования системы и никаких вопросов или возражений не вызывало»[2].

Хорошо или плохо — это вопрос из другой жизни. Было так, и не могло быть иначе.

Сельское хозяйство

Свердловская область — промышленная. В сельском хозяйстве в 1977 году числилось 153, 8 тыс. человек, то есть всего 3, 8% населения области. Сельское население быстро сокращалось. За 1960—1970 гг. жителей села стало на 85 тыс. человек меньше. Хронической стала нехватка специалистов, механизаторов, животноводов[3].

1 Областные исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся, выборные органы.
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему... С. 43.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. л.77.

Официальная статистика не учитывала того, что в Свердловской области, как и по всей стране, сельским хозяйством в той или иной мере занималась большая часть населения.

Рабочие и сотрудники проектных институтов участвовали в заготовке сена, студенты 1—3 курсов десятилетиями направлялись в сентябре на уборку картошки, в районных центрах «на картошку» посылали школьников с 5 класса и старше. Ритуалом стали выезды городских организаций — от прокуратуры и милиции до преподавателей вузов — осенью на уборку капусты, моркови, других овощей. Автомобильную технику вместе с водителями учреждений и организаций мобилизовывали на сельхозработы.

Как и в других регионах страны, большинство работающих и учащихся в городах так или иначе вынуждено было заниматься «продобеспечением». Практически круглый год тысячи людей самых разных профессий по команде снимались со своих рабочих мест и выезжали на поля и овощебазы «спасать урожай»[1].

Размах использования трудящегося населения страны в «битве за урожай» принял такие масштабы, что вышло постановление ЦК КПСС «О фактах необоснованного отвлечения трудящихся с производства» от 30 января 1984 г.

Свердловский областной комитет партии провел в ноябре 1983 г. анализ по отвлечению трудящихся с производства и работам в сверхурочное время. Результаты показали, что трудящиеся области привлекались к работам по оказанию шефской помощи в заготовке кормов и уборке урожая, сдаче пусковых строительных объектов, по благоустройству и наведению чистоты и порядка, по закладке овощей на хранение. В среднем на всевозможные отвлечения расходуется около одного процента годового рабочего времени всех трудящихся области (6, 9 млн. человеко-дней)[2].

Все, кто имел так называемые «сады», пригородные участки, сажали для своей семьи картошку, овощи, смородину, малину с тем, чтобы использовать заготовки, сделанные летом, долгой уральской зимой.

На каждом сколько-нибудь крупном промышленном предприятии были подсобные хозяйства, которые нередко имели статус заводских цехов. Практика такого рода сложилась еще в годы войны, когда самоснабжение становилось условием выживания. Она сохранялась и позже. Это те же картофельные поля, большая часть работы на которых осуществлялась работниками завода, теплицы, урожай из которых — свежие огурцы — могли порадовать хозяек на 8-е Марта, если их родные могли получить их в своем предприятии. Купить свежие огурцы зимой в обычном свердловском магазине — это было из области фантастики в 70-е — 80-е гг.

Однако мяса и мясных продуктов не хватало. Это был постоянный дефицит, и Свердловская область напрямую зависела от тех фондов на мясо, которые следовало получить из союзного центра, а так, как эти фонды были невелики, то их следовало «вышибать».

«Вышибать» фонды на мясо должен был обком.

Вся эта «шефская помощь», сопровождавшаяся огромными потерями, нервотрепкой, встречала глухое сопротивление на местах и вынуждала прибегать к испытанным традиционным методам партийного руководства: «вызовам на ковер», «разносам», «накачкам». Грозные приказы и директивы формально исполнялись, но продовольственная ситуация с каждым годом становилась все более удручающей.

1 Подр. см.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 38—39.
2 См.: ЦДООСО. Ф. 279. Оп. 106. Д. 59. Л. 10—12, 21.

За период руководства Борисом Николаевичем Ельциным Свердловской областью (1976 — апрель 1985 гг.) состоялось свыше 200 заседаний бюро обкома партии. 175 раз на заседании бюро обсуждались вопросы, касающиеся сельского хозяйства (только в 1976 г. такого рода вопросы 33 раза стояли в повестке работы бюро обкома КПСС). Для сравнения: за тот же период вопросы идеологической работы обсуждались 146 раз, промышленности — 118, науки, культуры, здравоохранение — 58, строительства — 36, транспорта — 23[1].

Как люди жили и что ели

На Урале удельный вес капитальных вложений, направляемых на развитие социальной сферы, то есть в образование, здравоохранение, культуру, торговлю был ниже, чем в среднем по РСФСР и имел тенденцию к снижению. В общем объеме инвестиций в области доля социальной сферы составляла в 1971—1975 гг. 18, 5%, а в 1976—1980 гг. — 16, 4%. По РСФСР цифры составляли соответственно 20, 7% и 18, 2%. В Уральском экономическом регионе (УЭР) капитальные вложения в социальную инфраструктуру в 70—80-е гг. в расчете на 10 000 чел. составлял 80% от среднереспубликанского уровня.

Статистическая справка статистического управления, направленная в августе 1977 г. в Свердловский обком КПСС «Об основных показателях жизненного уровня населения Свердловской области», сообщала, что средняя зарплата в 1976 году составляла 160 рублей в месяц. На 100 семей статистики насчитали 64 швейных машинки, 79 телевизоров, 62 холодильника и 70 стиральных машин[2].

Отъезд в Москву Я.П. Рябова означал для области осложнения в продовольственном снабжении. Рябов успешно выбивал фонды. С его уходом позиции области в союзных снабженческих организациях ослабли. Результат не замедлился сказаться. Если в 1975 г. в среднем на одного жителя области приходилось 60 кг мяса и мясопродуктов, то в следующем — 1976 г. оно сократилось до 57 кг[3].

Кажущееся незначительным сокращение воспринимается иначе, когда прочитаешь другую справку, подготовленную для обкома и датированную 1978 годом. Процитирую. «Торговля мясом в области не производится.

В продаже имеются колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных промышленных городах торговля ими производится с перебоями. Расход мясопродуктов в 1977 г. в области составил 190, 4 тыс. тонн, на 1978 год выделено столько же»[4].

Если сделать элементарные пересчеты — поделить так называемый «расход мясопродуктов», равный 190, 4 тыс. тонн на численность населения обла-

1 Подсчеты сделаны авт. по: Перечни вопросов, рассмотренных на заседаниях бюро Свердловского обкома КПСС (1976—1984 гг.). Екатеринбург. 2006. С. 4—47.
2 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 88. Д. 207. Л.2.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 88. Д. 207. Л.12.
4 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 67, 81.

сти в 1977 г., равную 4416 тыс. человек, то получится, что на каждого человека придётся 41, 3 кг. в год. А это означало, что поставки мясопродуктов сократились, по сравнению с 1975 г., едва ли не на треть.

Продолжу цитировать справку: «Торговля молоком и маслом во многих городах области производится с перебоями, их не хватает на полный день. Практически отсутствует творог, крайне недостаточно молочнокислых продуктов. Вместе с тем, выделенные фонды на 1978 год ниже фактического расхода 1977 года по животному маслу — на 3234 тонны, по сычужным сырам — на 4550 тонн. Фонды на рыбу свежемороженую достаточны, торговля ею производится повсеместно. Однако ассортимент ее крайне ограничен (мойва и мелочь), что не позволяет удовлетворить спрос населения... В торговле и общественном питании недостает сахаристых кондитерских изделий и особенно глазированных шоколадных конфет... В 1978 году области значительно уменьшены по сравнению с 1977 годом фонды на ряд промышленных товаров...»[1].

Поэтому не удивительно, что каждый командированный в Москву в последний день своего пребывания в столице (благо, что поезд в Свердловск уходил вечером), с утра отправлялся по магазинам, чтобы купить пару килограммов мяса, если не было — то замороженных бройлеров, сервелат — если попадется, московской карамели, а если дело было накануне праздников — то апельсины или диковинный ананас, то есть то, что было невозможно купить в Свердловске, как и в большинстве российских областных городов.

Из создавшегося положения с обеспечением жителей области у обкома и его первого секретаря Ельцина было, по меньшей мере, два выхода.

Первый — вполне традиционный и ожидаемый от руководства области. Требовать, выпрашивать в Москве фонды на продовольствие (прежде всего — мясо) и промышленные товары для населения.

В том же 1977 г. Ельцин пишет письма Председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину с просьбой об увеличении поставок мяса. В этом письме была не только просьба о помощи и сообщение о мерах, которые область сама принимает для улучшения положения[2]. Письма шли в адрес Председателя Совмина РСФСР М.С. Соломенцева[3], заместителя Председателя Совмина СССР Н.К. Байбакова[4]...

Однако было ясно — надо создавать производство мяса у себя в области, и Ельцин решительно взялся за создание новых производств. Традиционное сельское хозяйство не могло обеспечить быстрый прирост, поэтому было решено строить животноводческие и птицеводческие комплексы.

В ноябре 1977 г. первый секретарь обкома Ельцин и председатель Свердловского облисполкома А.А. Мехренцев обратились с письмом А.Н. Косыгину с предложением начать строительство птицефабрик, по образцу латвийской птицефабрики «Кекава», для выращивания бройлеров[5]. Первую птицефабрику

1 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 81.
2 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 58. Л. 78—79.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 58. Л. 94—95; Ф. 4. Оп. 92. Д. 110. Л. 68—69; Ф. 4. Оп. 92. Д. 110. Л. 70—71.
4 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 92. Д.110. Л. 5.
5 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 80. Д. 76. Л.107.

предполагалось построить в Нижнем Тагиле, средоточии металлургической и оборонной промышленности.

Такие птицефабрики стали появляться не только в Нижнем Тагиле, но и в других городах области.

Обком КПСС добился возобновления финансирования строительства молочных комплексов на 800 коров — в совхозе «Логиновский», и на 1200 голов — в совхозе «Режевской»[1].

Был выстроен Лайский свинооткормочный комплекс под Нижним Тагилом.

Обком требовал, чтобы крупные заводы за свои средства строили подсобные предприятия. Результаты сказались через 3—4 года. В продаже появились бройлеры. Улучшилось обеспечение молочными продуктами. По прежнему трудно было купить в магазине говядину. Но продовольственное снабжение жителей области стало заметно лучше. Наглядным свидетельством этому стали поездки жителей Челябинской и Пермской областей в Свердловск за продуктами, за теми самыми бройлерами.

Это был успех. Жители области заметили и оценили это.

Ельцин старался вникнуть и в традиционные сельскохозяйственные технологии. Еще до своего назначения первым секретарем, в августе 1976 г. он знакомился с опытом работы Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства (УРАЛНИИСХОЗ), с опытными полями института, расположенными недалеко от Свердловска.

Г.А. Романов, в тот момент заместитель директора УралНИИСХоза по науке, вспоминает: «Во время посещения института Борис Николаевич обстоятельно ознакомился с результатами работы отделов земледелия, зерновых культур, кормопроизводства, а также прогрессивными технологиями заготовки кормов для животноводства. Особое впечатление на Б.Н. Ельцина произвели производственные посевы люцерны с урожайностью более 360 центнеров зеленой массы с гектара. ... Не меньшее впечатление произвели на них и посевы ячменя сорта "Луч" устойчивого к полеганию с урожайностью до 70 центнеров с гектара. ... С опытных полей он заехал в опытно-производственное хозяйство (ОПХ) "Исток", известное своим стадом молочных коров, дававших невиданные для Урала надои — 6 000 литров молока в год»[2].

Проблема продовольственного обеспечения оставалась самой мучительной вплоть до последних дней его руководства областью. Да, он выбивал из Москвы тонны масла и мяса «к ноябрьским праздникам» или «Первомаю», но ведь это — не выход. Не помогали прямые поставки овощей и фруктов с юга.

Пришлось прибегнуть к нормированию и распределению мяса для населения. Если уж говядины в открытой продаже нет, то пусть она распределяется между всеми жителями поровну, по талонам. Это было хоть честнее и снимало разговоры о том, что тот, у кого больше времени — сможет купить, а те, кто работают, этой возможности не имеют.

Вместе с тем, что мясо птицы в продаже было.

1 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 58. Л. 42.
2 Из интервью с заслуженным работником сельского хозяйства Г.А. Романовым.

«Ручное управление», как принято говорить сейчас, продолжало оставаться важнейшим средством воздействия на то, что происходило в области. В памяти жителей области запомнились события осени 1978 г. С конца августа начались сильнейшие дожди. В сентябре дожди продолжились На разбухшей от воды земле вязли трактора. Картофелекопалки не могли заехать на поле.

Чтобы спасти урожай, картошку надо было копать вручную, вилами. А это требовало огромного количества рабочих рук.

Можно было действовать обычным путем. Разослать разнарядки в райкомы, те — на предприятия, создать штабы и так далее.

Ельцин поступил иначе. За день радио и телевидение объявили, что по областному телевидению будет выступать первый секретарь Ельцин и будет говорить об уборке картошки. Замечу — тогда не существовало практики выступлений по неритуальным поводам. На экране телевизора руководители появлялись, как правило, лишь на 1 мая и 7 ноября. Впервые по телевизору партийный начальник должен был говорить о том, что действительно беспокоило всех.

За два часа до начала выступления на экранах телевизоров появилась картинка: раскисшие поля, укутанные в плащи и полиэтиленовые накидки фигурки людей, еле достающие свои сапоги из грязи, застрявшие трактора. И дождь, дождь, дождь...

Выступление Ельцина было коротким. Он сказал, что область может остаться без картошки. Что если сами не поможем себе, то помочь будет некому. Он попросил, чтобы жители области вышли на поля, чтобы помочь самим себе.

На следующий день дождь сменился снегом. Но в субботу и воскресенье, в дни, когда Ельцин призвал жителей области на помощь, на поля вышли почти 90 тысяч человек.

Ельцину поверили. Это был результат его трехлетней работы во главе области.

Строительство

Среди дел первого секретаря Ельцина оставалось и строительство. В области дислоцировалось более 50 крупных подрядных строительных организаций, в том числе Главсредуралстрой Минтяжстроя СССР с программой более 600 млн. рублей строительно-монтажных работ, трест «Уралэнергострой» Минэнерго СССР, 6 трестов Минмонтажспецстроя СССР. В области размещалось подрядных строительных организаций на уровне треста и специализированных управлений более 30 министерств и ведомств СССР и РСФСР.

В Свердловской области сложился особый стиль партийного руководства строительством еще в середине 70-х гг. Бюро обкома партии в начале каждого года определял перечень важнейших строек (как правило, не более 15). В него включались крупные промышленные, сельскохозяйственные комплексы, а также в целом жилье и соцкультбыт[1].

Самое серьезное внимание уделялось совершенствованию организации и управления строительством. Постепенно партийное руководство накапливало определенный опыт и делало выводы о причинах, тормозящих дальнейшее совершенствование капитального строительства.

[1] См. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 225. Л.18.

Причины эти были как внутреннего порядка, так и внешние, которые не соответствовали современным условиям работы строительных организаций.

В качестве примера назывался процесс проектирования крупных промышленных комплексов. «Он длится зачастую 5—8 лет, при этом на начало строительства выявляется, что морально устарели строительные конструкции, а иногда и весь технологический процесс. И уже в ходе строительства начинают проектные организации выпускать индексированные чертежи, изменяется стоимость объектов, а что самое важное, это препятствует нормальной работе строителей»[1].

Партийное руководство области поднялось до критики и пожеланий в адрес Госстроя СССР, утверждая, что «Госстрой СССР должен пересмотреть сам подход к вопросу качественной оценки проектных решений, а также обязать проектные институты предусматривать в своих решениях включение в проекты документации, необходимой для сетевого планирования и управления с использованием ЭВМ, проекты производства работ на строительство крупных промышленных комплексов»[2].

Были названы и иные проблемы. Одной из них была «...порочная практика несбалансированного планирования». Стало системой, когда фонды на металл, лесоматериалы, цемент и другие ресурсы выделялись на уровне 85—95% к плановым объемам. Это вынуждало областной комитет партии во главе с его секретарем Б.Н. Ельциным ежегодно решать вопросы по дополнительному выделению арматуры, труб, хвойного пиловочника и т. д.

Большой ущерб капитальному строительству наносила ведомственная разобщенность строительных организаций. Это вело к распылению сил, дроблению производственной базы строительной индустрии, большим непроизводительным затратам»[3]. Ельцин искал выход и нашел его: так у него появилась идея создания в области на базе определяющей организации Главсредуралстроя — единого строительно-монтажного объединения.

Как следует из обстоятельной записки, подготовленной обкомом партии «Опыт партийного руководства капитальным строительством в Свердловской области» «...поднятые проблемы, казалось бы и не имеют отношения к партийной работе, но при анализе структуры кадров, экономических показателей работы строительных организаций явственно просматривается их, конечно относительно других отраслей, деградация по квалификации, образованию, заработной плате и т. д. А это не может не волновать и заставляет искать причины этого явления»[4].

Б.Н. Ельцин использовал любые возможности для коренного улучшения качества и сроков капитального строительства во вверенной ему области, в том числе стремился заручиться поддержкой «центра». Так, он добился встречи по этому вопросу с заместителем председателя Совета Министров СССР Вениамином Эммануиловичем Дымшицем. По итогам беседы обком подготовил

[1] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 225. Л. 48.
[2] Там же.
[3] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 257. Л. 118—119.
[4] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 257.. Л. 50.

некоторые предложения по улучшению деятельности Главного управления по строительству на Среднем Урале («Главсредуралстрое») Минтяжстроя СССР.

Главным поводом для беспокойства было то, что при ежегодном увеличении объема капитальных вложений, развитие строительных организаций «Главсредуралстроя» не происходило, что приводило к срыву плановых заданий по строительству. Назывались и причины этого явления «...исчерпание резервов производственной базы, недостатки материально-технического снабжения, большая текучесть кадров среди строителей и ряд других»[1].

Обеспокоенные создавшимся положением, Свердловский обком КПСС просил рассмотреть предложения о развитии и укреплении строительных организаций Главсредуралстроя, что позволило бы создать на его базе образцовой строительной организации[2].

Дымшиц поручил министру Минтяжстроя т. Голдину «рассмотреть поставленные Свердловским обкомом КПСС вопросы и о результатах сообщить т. Ельцину»[3].

Ответ, подписанный первым заместителем Министра А.А. Бабенко был достаточно формальным. Наряду с общими обещаниями «рассмотреть», «продолжить работу с соответствующими организациями по решению вопросов дополнительного выделения...» и т. д. в ответе выражалось несогласие с утверждением Главсредуралстроя о том, что «...причиной ухудшения показателей деятельности Главка в 1976—1977 годах были только нерешенные вышестоящими организациями вопросы. Одновременно содержалась рекомендация направить все усилия на максимальное использование внутренних резервов»[4]. Иного трудно было ожидать, тем более, что свердловчане осмелились критиковать вышестоящие организации, что было довольно нечастым явлением по тем временам.

О размахе строительства в Свердловской области в тот период свидетельствуют следующие факты: за годы X и XI пятилеток (1976—1985 гг.) было освоено столько же средств, сколько за все предыдущие годы Советской власти. Огромная область представляла грандиозную стройплощадку. Расширялась и реконструировалась уральская индустрия, улучшался соцкультбыт, сельское хозяйство остро нуждалось в новых объектах.

Сам Б.Н. Ельцин с гордостью вспоминал: «Только за семидесятые годы [в Свердловской области] введено в строй 900 новых мощностей... освоено около 25 миллиардов рублей капитальных вложений. В строй вошли первая очередь системы водоснабжения Свердловского промышленного района из реки Уфы; дал первую продукцию Богдановический завод керамзитового гравия, состоялось опробование рабочей линии универсально-балочного стана НТМК, свердловчане получили уникальное здание государственного цирка и много других объектов.

Для многих самой большой проблемой оставалась проблема личного жилья. В обком партии поступала масса жалоб и просьб именно по этой про-

1 ЦДООСО. Ф 4. Оп. 89. Д. 76. Л. 74.
2 См.: там же.
3 См.: там же. Л. 71.
4 ЦДООСО. Ф 4. Оп. 89. Д. 76. Л. 70.

блеме. Достигнув в начале 80-х годов рекорда в жилищном строительстве — более 2 000 000 квадратных метров в год, область с трудом отрывалась от прошлого — неблагоустроенных бараков 30—40-х годов.

Б.Н. Ельцин, досконально знавший проблемы строительной отрасли, много лично сделал для принятия оптимальных и своевременных решений. Чего только стоит его известная «борьба с бараками». Сам Борис Николаевич «к этим ветхим, продуваемым отовсюду лачугам» относился крайне отрицательно. По его признанию, прожив в них десять лет жизни, воспоминания о деревянных домиках на 10—15—20 семей, вызывали у него тяжелые чувства. Так человек в двадцатом веке жить не может[1].

О невыносимых условиях жильцы бараков писали во все инстанции. В одном из таких писем, от жителей барака с Химмаша, адресованном депутату Верховного Совета от этого района, секретарю ЦК КПСС А.П. Кириленко, содержатся поистине вопиющие факты. *«Мы, жильцы барака № 13 по ул. Шлакоблочной живем в отвратительных условиях. В настоящее время в бараке проживает 29 семей на одной кухне, с одним краном и одной раковиной. Барак построен в 1945 г. военнопленными. В настоящее время барак пришел в негодность, состояние ужасное. Штукатурка с потолка падает, в дождливое время и весенний период вода течет в комнаты, косяки и рамы прогнили, полы с огромными щелями... Из раковины вода течет прямо на пол, пол всегда сырой... А самое страшное: в бараке живут около 20 детей в возрасте от 2-х до 14-ти лет... Сколько же мы будем мучиться в этом бараке в таких условиях, маленьких комнатах ухитряются жить по 2 семьи на 13-ти метрах...»*[2]. Многочисленные обращения жителей в разные инстанции, в том числе в печать, ни к чему не привели. Это подтолкнуло их обратиться за помощью к своему депутату.

Письмо было взято в ЦК на контроль и направлено в Свердловск для рассмотрения на месте. Сохранилась резолюция на письме, написанная собственноручно Борисом Николаевичем: «Выезд на место 21 марта в 10.00. Пригласить руководителей города, района, завода, треста, главка. Б. Ельцин»[3]. С этим бараком и другими бараками по ул. Шлакоблочной вопрос был решен положительно. Все жильцы (356 человек) получили благоустроенное жилье[4]. Однако проблема для тысяч семей оставалась.

Существовала государственная программа переселения из бараков, рассчитанная на десять лет. Ельцин поставил перед собой более высокие обязательства: покончить с этим делом раньше, раз и навсегда.

Из расчетов, подготовленных по его поручению, выяснилось, что для окончательного расселения из бараков жителей Свердловской области необходимо около 2 000 000 квадратных метров жилья, столько, сколько область строила в год.

Решение далось непросто. Сам Борис Николаевич признавал: «Не раз в жизни руководителя мне приходилось принимать тяжелое решение, когда и

1 См.: *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 64.
2 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 161. Л. 18, 20.
3 Там же. Л.16.
4 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 16. Л.14.

так вроде не очень хорошо, и так — плохо. Что важнее — вытащить людей из бараков и заморозить на год все очереди за жильем или еще в течение десяти лет мучить людей в нечеловеческих условиях, но при этом очередникам жилье давать?»[1]

Бюро обкома партии приняло решение заморозить очереди на жилье и в течение года переселить в новостройки жителей бараков. Мера была крайне непопулярной, появились тысячи обиженных, в том числе директора предприятий, посыпались жалобы во все инстанции. Ельцин же твердо стоял на своем. Ему удалось заручиться поддержкой у своего предшественника, секретаря ЦК КПСС А.П. Кириленко и председателя правительства А.Н. Косыгина.

«Все именно так и случилось, — напишет он позднее.— Директора жаловались, протестовали, писали на меня письма, а мы сносили один барак за другим, наступали на барачные районы, ломали, уничтожали их, и через год все бывшие обитатели бараков переехали в новые, благоустроенные квартиры»[2].

Сам он, позднее, с нескрываемой гордостью говорил об этой своей «победе местного значения». Так, в материалах первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцина для газеты «Советская Россия», читаем: «Решение наше было рискованным: предстояло вне плана переселить в новостройки почти две тысячи семей. Исхитрялись, как могли: просили кредиты у правительства, строили жилье хозспособом, перенесли на год новоселье тем, кто еще мог потерпеть... Шли на это, потому, что иначе, не рубанув решительно, так и не смогли бы расправиться с бедой сорокалетней протяженности. Были, ясно и слезы, и споры. Пережили. И выиграли у нашей неустроенности шесть тысяч душ. Так же, самым решительным образом намерены перейти в атаку и на прочее. Только так! Иначе Уралу не справиться, не преодолеть тех застарелых недугов, что мешают с прежней гордостью считать себя «опорным краем державы»[3].

В этом весь Ельцин: «рубанув», «в атаку!», «только так!». Непростой характер «хозяина области» ковался и закалялся в суровых условиях уральской действительности.

Облик столицы Урала постепенно менялся. Возводились новые здания государственного цирка, Дворца шахмат, был реконструирован Театр оперы и балета, отреставрирован памятник архитектуры — кинотеатр «Октябрь».

Началось строительство метро. Борис Николаевич не являлся его инициатором, оно задумывалось по генеральному плану развития Свердловска. Однако одно дело — план, другое — жизнь. Денег на строительство метро Госплан не давал. Где взять миллионы рублей? Их могли выделить только по решению Политбюро ЦК. Оно же противилось всяким «излишествам». Борис Николаевич напрямую обратился к Брежневу. Генсек согласился выслушать. Об этой встрече Ельцин напишет: «Я, зная стиль его работы в тот период, подготовил на его имя записку, чтобы ему оставалось только наложить резолюцию. Зашёл, переговорили буквально пять — семь минут ... резолюции он сам сочинить не мог. Говорит мне: «Давай диктуй, что мне писать». Я, естественно, диктую: «Ознакомить Политбюро, подготовить проект постановления Политбюро о строительстве метро в Свердловске». Он написал то, что я ему сказал, расписался, даёт мне бумагу. Но, зная, что даже при этом документы потом где-то терялись, пропадали, я ему говорю: «Нет, вы пригласите помощника». Он приглашает помощника, и я говорю: «Дайте ему поручение, чтобы он, во-первых, зарегистрировал документ, а, во-вторых, официально оформил ваше поручение: «Разослать по Политбюро». Он тоже молча это сделал, помощник забрал бумаги, мы попрощались, и скоро Свердловск получил решение Политбюро о строительстве метро»[1].

1 См.: *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему... С. 64.
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 65.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 106. Д. 97. Л. 147.

28 августа 1980 года метростроители начали работы, а 19 апреля 1984 года завершили проходку первого тоннеля между станциями «Калининская» и «Орджоникидзевская».

Ельцин думал о преобразовании областного центра в современный город, пусть не с небоскрёбами, но с высотными зданиями. Первым из таких стала многоэтажная «свеча» на Октябрьской площади, куда намечалось переселить аппараты обкома КПСС и областного Совета. Её возведение задумали раньше. Проект Бориса Николаевича не удовлетворял, только изменить план он не мог. Зато смог ускорить строительство. С его одобрения словам бывшего главного архитектора Свердловска Г.И. Белянкина, первый секретарь обкома партии со знанием дела «вмешивался» не только в ход строительства, но и в создание архитектурного облика города. По его инициативе регулярно проходили выездные заседания градостроительного совета с участием членов бюро обкома партии, на котором рассматривались текущие и перспективные задачи. «Когда Б.Н. Ельцин осмотрел уже отстроенные свердловские кварталы жилых домов в районе ул. Жукова, он, вопреки мнению авторов застройки центра города, предложил остановить строительство. Многие, в том числе и отдельные руководители области и города, это предложение не поняли, но после некоторых колебаний строительство всё-таки остановили. Сегодня же ни у кого нет сомнений, что то решение Ельцина было правильным»[2].

С подачи первого секретаря обкома решались некоторые «мелочи», такие, как например, облагораживание моста на городской плотине, обустройство «галереи славы» Уралмаша, возведение памятника легендарному разведчику, Герою Советского Союза Н.И. Кузнецову. Достопримечательностью Свердловска стал Литературный квартал с музеем уральских писателей и оригинальным Камерным залом.

Нереализованной осталась одна мечта Бориса Николаевича — строительство мемориала, посвященного героизму уральцев в годы Великой Отечественной войны, помешал его перевод в Москву.

Партийная организация области в цифрах. И не только

Прежде чем перейти к вопросу о «команде» и партийном аппарате Свердловской партийной организации, дадим самые общие характеристики отряду коммунистов области. С 1938 г. (года установления границ Свердловской области) до назначения Ельцина руководителем областной партийной организации численность партийной организации области увеличилась в шесть раз, а число

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 67.
2 *Белянкин Г.И.* Я и мой город. Екатеринбург, 2005. С. 172.

рабочих в ее рядах выросло в 8, 5 раз. Резко повысился общеобразовательный уровень коммунистов: число их с высшим и средним образованием выросло с 17 до 62%[1].

На 1 января 1980 г. областная партийная организация насчитывала 236 668 членов и кандидатов в члены КПСС (для сравнения в 1960 г. — 138 319, т.е. больше на 58, 5 %), объединенных в 4630 первичных и 6068 цеховых организаций, 7463 партийные группы[2]. Ими руководили 63 городских и районных комитетов партии[3].

Социальный состав партии рабочих и крестьян по области выглядел в 1980 г. так[4]:

Социальная принадлежность	Численность	%
Рабочих	78 370	33,1%
Колхозников	3 145	1, 3% в т.ч. 675 (21,5%) пенсионеры
Служащих	106 897	45,2%
Учащихся	2 200	0,9%
Неработающих	46 056	19,5% в т.ч. пенсионеров 45 937

Образовательный уровень коммунистов области на 1980 г. выглядел так[5]:

С высшим образованием	52 686
С незаконченным высшим	4 731
Со средним образованием	100 113
С неполным средним образованием	48 074
С начальным образованием	28 046
Не имеющим начального образования	3 018
Докторов наук	302
Кандидатов наук	2231

Из таблицы видно, что число членов партии с высшим и незаконченным высшим образованием было менее, чем 25%, а со средним и незаконченным средним — свыше 62%, почти 12% имели начальное образование, а 1, 2 % не имели образования вовсе.

Свыше 55% коммунистов были в возрасте от 26 до 50 лет, а вот старше — почти 40%[6]. Партийная организация старела. Это не могло не беспокоить партийных руководителей.

Отряд коммунистов области был поистине многонациональным. Партийные билеты были у представителей 80 национальностей. Причина очевидна: многие предприятия в годы первых пятилеток строили жители из разных угол-

1 См.: ЦДООСО. Ф. 4, Оп. 89. Д. 1. Л.3.
2 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 131. Л. 84.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 114. Л.7.
4 Составлено авт. на основании: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 190. Л. 5.
5 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 190. Л. 5.
6 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 190. Л. 5.

ков страны, плюс массовая эвакуация в годы Великой Отечественной войны...[1] Заметим, что ни в среде коммунистов, ни среди беспартийных национальных трений в Свердловской области не возникало.

Сопоставление данных о парторганизации Свердловской области с данными в целом по стране, также выявляют некоторые ее отличительные особенности[2].

К примеру, в Свердловской области медленнее, чем по стране росла численность коммунистов (6,8% и 8,4% соответственно), меньше принималось кандидатов в члены партии (3,4% и 3,7% соответственно), крайне слабым в союзных параметрах было представительство в партии колхозников. Если в целом по стране колхозников-коммунистов было 12,8% членов партии, то в Свердловской области эти показатели были почти в десять раз меньше — 1,3%. Партийная прослойка по всем категориям граждан (рабочих, колхозников и интеллигенции) в области была меньше, чем по партии в целом. Она составляла 4,8% против 6,5%, 8,2% против 8,7% и 18,2% против 22% соответственно[3]. Особенно тревожным было то обстоятельство, что партийная прослойка среди рабочих и колхозников неуклонно снижалась. В 1971 г. она составляла 9,9% и 6,2% соответственно, в 1977 г. 9,5% и 6,0% соответственно[4]. А ведь именно этим категориям советских граждан отдавалось предпочтение при приеме в члены КПСС.

Меньше, чем по стране в 1980 г. была партийная прослойка среди представителей науки, образования, здравоохранения. Меньше комсомольцев Свердловской области, чем в среднем по стране стремились связать свою жизнь и карьеру с коммунистической партией. В два раза меньше было партийное ядро в комсомоле, а вот средний возраст принимаемых в партию был выше, чем в СССР. Сильно разнилось и число коммунистов — пенсионеров области и в целом по стране (19,4% и 13,8% соответственно). Меньше, чем по стране (на 4,3%) коммунистов области имело высшее, незаконченное высшее и среднее образование.

Настораживали и цифры отсева из партийных рядов области. Причины были различными: пьянство, хулиганство, морально-бытовое разложение, хищения, растраты, нарушения партийной и государственной дисциплины. Среди исключенных и выбывших из партии рабочие области составляли до 60%[5]. Все это, несомненно, давало основания для критики партийного руководства области из партийного центра — ЦК КПСС.

И хотя по некоторым показателям область несколько превосходила общие показатели (приему в партию рабочих, численности рабочих в рядах КПСС, числа коммунистов, занятых в народном хозяйстве и даже такому показателю, как численность женщин в рядах КПСС), положение в целом это не сильно меняло.

Нельзя не вспомнить об объективных обстоятельствах, которые вольно или невольно снижали авторитет партии в массах и их стремление влиться в

1 Данные см.: там же.
2 Данные приводятся за период с 1975—1979 гг. См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 192. Л. 12—13.
3 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 98. Д. 192. Л. 12.
4 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 89. Д. 1. Л. 8.
5 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 89. Д. 1. Л. 13.

ряды передового отряда. Здесь и перманентное понижение жизненного уровня жизни, и хронический дефицит продовольствия и предметов первой необходимости, и известные многим факты злоупотреблений и аморального поведения партийных руководителей. Авторитет партии снижался.

Партийная организация продолжала стареть. Если в 1956 г. средний возраст коммунистов составлял 41 год, то к 1977 г. он поднялся до 45 лет и продолжал расти[1].

С особой озабоченностью в одном из выступлений первый секретарь областного комитета партии говорил о том, что снижаются требования к вступающим в ряды КПСС, в том числе благодаря лицам, дающим рекомендации кандидатам в члены КПСС. Партийным организациям было важно обеспечить «план» приема рабочих, поэтому на «некоторые недостатки» они закрывали глаза[2].

Еще одним тревожным симптомом, своего рода «лакмусовой бумажкой», свидетельствующей об утрате партией влияния на массы, был показатель исключения и выбытия из членов КПСС. При этом, если кого-то исключали в соответствии с параграфом 8 Устава КПСС (за неуплату членских взносов), то примерно же столько же исключали по параграфу 16 (в связи с отказом в приеме). Число таких случаев год от года росло. Это было очень тревожным сигналом, свидетельством снижения авторитета КПСС.

Б.Н. Ельцин пытался, по его словам, говорить об этих проблемах прямо и откровенно с первыми секретарями горкомов и райкомов партии. По его признанию это была не инструкция о том, как нужно действовать в той или иной ситуации, а «беседа, которая очень многое дала мне, как первому секретарю обкома. Все пришли к мнению, что такие встречи взаимно обогащают»[3].

Заметим: «нащупав» такую важную форму контакта с единомышленниками, как «неформальное общение», Ельцин возьмет его на вооружение и будет использовать в дальнейшей работе. Ельцин издевался над показушной активностью некоторых партийных организаций, вроде верхне-пышминского горкома, создавшего «для ремонта бани городской партийный штаб во главе с первым и вторым секретарями горкома КПСС. Членами штаба утверждены почти все руководящие работники города. В одиннадцати пунктах постановления содержится разнарядка на выделение людей, материалов и т. д. и т. п. Неужели, — спрашивал Ельцин, — нельзя было поручить этот вопрос горисполкому, его службам и хозяйственным организациям города? Ясно, что можно и нужно было это сделать… А горкому партии… следовало бы сосредоточить внимание на главных вопросах»[4].

Были и примеры иного плана, когда партийные комитеты брали на себя чисто хозяйственные функции, утверждали задания советским и хозяйственным руководителям.

Это было обычной практикой. Её использовал и сам Ельцин, хотя и критиковал её применение по пустякам. Так, при обсуждении вопроса о работе

1 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 89. Д. 1. Л. 10.
2 См.: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 89. Д. 1. Л. 11.
3 См.: там же. Л. 22.
4 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 89. Д. 1.. Л 23.

Североуральского городского комитета партии на заседании 20 апреля 1979 г. Ельцин попенял местную партийную организацию за то, что та занималась вопросом «О неудовлетворительном выполнении кассового плана городским отделением Госбанка СССР в 1978 году». Ничего партийного в этом решении не было. «Да и сказать было нечего, — говорил Ельцин, — потому что этот вопрос полностью относится к компетентности горсовета»[1].

Формировалась «команда» нового первого секретаря. Вторым секретарём обкома был избран Л.Ф. Бобыкин, с которым, кстати, у Ельцина были непростые отношения в его бытность директором ДСК. Идеологическое направление возглавил В.А. Житенёв, в прошлом первый секретарь Свердловского обкома комсомола. Первый секретарь Нижнетагильского горкома партии Ю.В. Петров занял пост секретаря по строительству, который занимал прежде Ельцин. Секретарём по сельскому хозяйству остался Н.М. Дудкин

Постепенно заменили девять из пятнадцати заведующих отделами. На прежних постах остались В.Я. Баев, Ф.М. Елохин, В.С. Кашпуров, А.И. Летов, В.П. Мазырин, В.И. Цепенников. К руководству другими отделами пришли партийные и советские практики А.Г. Жданович, И.А. Осинцев, В.А. Титов, Ю.А. Томашёв, Н.М. Тишкин.

Бывший зав.отделом строительства обкома О.И. Лобов был назначен на самую важную должность в строительном комплексе Среднего Урала — начальником Главсредуралстроя.

Сменилось и руководство Свердловского облисполкома. На эту должность был избран генеральный директор завода имени Калинина А.А. Мехренцев. Кандидатура Анатолия Александровича являлась безупречной: боевой лётчик времён Великой Отечественной войны, инженер, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии, Герой Социалистического труда. В свой «Исповеди» Борис Николаевич признаётся: «Я знал о его высоких человеческих качествах, о его эрудиции, умении быстро схватывать обстановку, не теряться в любой ситуации, и относительно молодого. Предложил ему эту должность. Сначала он отказался, потом пообещал подумать. А я нажимал на него! В общем, он согласился, и стал работать». Ельцин был убежден в том, что он не ошибся в этой кандидатуре. … «Я считаю, что это было самое правильное решение. Постепенно он набирал обороты, а потом, думаю, стал самым сильным председателем облисполкома из всех областей нашей республики»[2].

Вообще такая практика — расстановка на ключевые посты своих людей, была обычным делом. Это правило управленцев высшего уровня — окружать себя теми, кто не был еще вчера твоим руководителем, кто не сомневается в твоем превосходстве, кто с первого дня привык смотреть на тебя снизу вверх.

Позднее Борис Николаевич вспоминал: так постепенно сложилась первая «ельцинская команда» — сильная, творческая. «Мощное бюро. Разработали мы программы по главным направлениям — серьезные, глубокие, проработанные. Каждую послушали на бюро обкома партии и приняли к действию. У нас проходили открытые бюро и закрытые. На закрытых было принято, чтобы каждый высказывал те претензии, которые имелись, в том числе — ко мне. Я

1 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 89. Л. 46.
2 Там же.

преднамеренно создавал такую деловую, открытую обстановку, чтобы любые критические замечания в мой адрес были нормальным, рабочим явлением, хотя сам я не всегда был согласен с критикой, как-то это задевало самолюбие, но старался себя переломить»[1].

После перевода на работу в Москву Бобыкина по сложившейся традиции вторым секретарём избрали первого секретаря Свердловского горкома КПСС В.М. Манюхина. Виктор Митрофанович был человеком с богатым опытом производственной, профсоюзной и партийной работы. У Ельцина сложились с Манюхиным хорошие и личные, и деловые отношения.

В.М. Манюхин писал в 2002 г.: «...учитывая мой длительный опыт совместной работы с Борисом Николаевичем, могу честно сказать..., с ним работать было трудно, но работать он умел. Не опекал по пустякам, не подчёркивал положение нижестоящей организации, смело шёл на решение вопросов, особенно социально-экономического развития полуторамиллионного Свердловска. Не помню случая, чтобы он не поддержал хотя бы одну инициативу города... Борис Николаевич... считал вопрос подготовки кадров одним из главных. Особенно на первом этапе своей работы. Старался внести свои принципы в устоявшийся порядок и стиль партийной кадровой работы...

Он считал, что чтобы уметь работать на должности в партийной организации, не обязательно проходить, как тогда говорили, школу практической и теоретической партийной подготовки. Не надо так долго растить секретаря обкома: сначала секретарь парткома, потом райкома, горкома, а уж потом обкома. Эти ступеньки он считал лишними. Надо брать, считал он, толкового хозяйственного руководителя, уважаемого на заводе человека, главным образом из занимающих должности директора, главного инженера и их замов, и двигать на секретаря парткома, райкома и т. д.»[2]

Легко сказать — «двигать», на деле же сам Б.Н. Ельцин испытывал трудности. Когда вставал вопрос о смене первого секретаря городского или районного комитета, он выезжал на место. Являлся туда уже с конкретным предложением. Однако на это предложение кандидат обычно давал отказ. Главную причину называли редко, но Ельцин угадывал её безошибочно: товарищ на посту директора имеет оклад в 500—700 рублей, а ему предлагают добровольно перейти на 250. Собеседник намекал: «поищите других дураков».

Только Бориса Николаевича никому не удавалось переубедить. Нажимая на «партийный долг», он «ломал» любого строптивца. Убедив кандидата, первый секретарь обкома обязательно встречался с местными активистами, изучал их мнение о том, кого они хотят видеть во главе партийного комитета. Бывало, что в этих разговорах вообще не упоминалась фамилия уже подготовленного кандидата, но и в таких случаях Ельцин не отступал, и пленум «прислушивался» к его предложению.

Между секретарями существовало строгое распределение обязанностей. Так, первый секретарь Ельцин курировал отдел организационно-партийной работы (ответственный за личные дела коммунистов и подбор кадров), общий отдел (ведущий всю документацию) и партийную комиссию. Помимо это-

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 52—53.
2 *Манюхин В.М.* Прыжок назад. С. 26.

го первый секретарь руководил «оборонной работой»[1], осуществлял «общее руководство областным Комитетом государственной безопасности, а также предприятиями «секретных» городов Свердловск-44 и Свердловск-45.

По своей значимости за первым секретарем областного комитета партии, разумеется, следовал второй секретарь. Он отвечал за тяжелую и оборонную промышленность, транспорт, связь, машиностроение и финансово-хозяйственную деятельность, а также за работу органов планирования и штабы во время кампаний помощи селу.

Следующим в иерархии шел секретарь по пропаганде и агитации, опекавший учреждения науки, учебные заведения, культуры, административных органов, филиал Академии наук, спорт, здравоохранение и социальные вопросы.

Четвертый секретарь заведовал строительством и производством строительных материалов, общественными работами, распределением жилья, лесной и бумажной промышленностью.

И, наконец, пятый секретарь, отвечал за сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность, предприятия сельскохозяйственного машиностроения и торговлю.

К концу 70-х годов в областной партийной организации (областной, городские и районные комитеты) насчитывалось почти две тысячи освобожденных партийных работников, 1192 из них — ответственные работники партийных аппаратов[2]. Партийное руководство обращало самое серьезное внимание на улучшение качественного состава ответственных работников партийных аппаратов. Значительно улучшился качественный состав. Особенно большие изменения произошли среди инструкторов — основных исполнителей решений партийного аппарата. Число инструкторов с высшим образованием за период 1969—1979 гг. выросло в два с половиной раза, почти вдвое увеличилось количество специалистов народного хозяйства[3]. Аналогичные задачи по формированию аппарата обком предъявлял и к районным и городским партийным комитетам.

Однако там дела обстояли несколько иначе. И если все секретари горкомов и райкомов партии области имели высшее образование, то только 90% заведующих отделами и 78% инструкторов имели высшее образование. В шести партийных комитетах области были ответственные работники, не имевшие даже среднего образования[4]. Повышение образовательного и профессионального уровня ответственных работников партийного аппарата станет предметом постоянной заботы Ельцина. В результате уровень этот будет постепенно повышаться.

Следует, правда, признать, что большинство «выдвиженцев» недолго задерживались на своём посту. Отработав два—четыре года (выборные сроки), они просили отпустить их на производство. Удерживать таких «временщиков» посредством партийной дисциплины не имело смысла. Ставка делалась в пер-

1 В этой связи Б.Н. Ельцин, член Военного совета Уральского военного округа в 1978 г. получил звание полковника.
2 См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 89. Л. 5.
3 См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 95. Д. 89. Л. 5.
4 Там же. Л. 8—9.

вую очередь на людей, для которых партийная работа становилась профессией. В эту команду входили первые секретари горкомов Л.Т. Белавин (Асбест), М.И. Хомяков (Богданович), И.С. Махмутов (Верхняя Салда), С.А. Жданов (Каменск-Уральский), В.Ф. Тренихин (Карпинск), А.И. Савченко (Красноуральск), А.И. Хабаров (Красноуфимск), Н.М. Тишкин (Краснотурьинск), П.И. Сергеев (Кушва), Э.Б. Исхаков (Новоуральск), Н.А. Матвеенко (Ревда), С.А. Виноградов (Североуральск), Н.К. Чеченин (Серов), из первых секретарей райкомов — М.П. Репенко (Октябрьский р-н г. Свердловска), В.К. Васильев (Артинский), П.З. Сысолятин (Ачитский), П.Д. Мингалёв (Слободотуринский), В.А. Шилин (Сысертский), В.Д. Сюкосев (Шалинский), В.В. Малышкин (Талицкий).

Особое место в области и её партийной организации занимали Свердловск и Нижний Тагил. Их руководители сменялись часто по одной причине — отсюда черпались кадры на выдвижение в областные и центральные органы.

Нижний Тагил — это второй по численности город на Среднем Урале — 450 тыс. жителей. Мощнейшие промышленные предприятия. Многотысячный коллектив строителей. Везде свои руководители с немалыми аппаратами управления плюс парткомы, профкомы, комитеты комсомола.

Пользуясь своим высоким постом, особенно когда стал депутатом Верховного Совета РСФСР, первый секретарь Нижнетагильского горкома Н.А. Талалаев обращался в центральные ведомства и министерства с просьбами о помощи, и многое тогда удавалось решить. Когда о том узнал первый секретарь обкома партии Б.Н. Ельцин, он стал строго отчитывать тагильчанина, такое-де своеволие недопустимо. Прежде, чем выходить на Москву, следует хотя бы посоветоваться с обкомом. В ответ Николай Александрович, виновато улыбаясь, схитрил:

— Борис Николаевич, я же вижу, какие огромные заботы лежат на плечах обкома, на вас лично. Ну, зачем же ещё мне добавлять к ним тагильские проблемы, если сам могу их решать?[1]

Ельцин, видимо, такой подход понимал и принимал.

Нередко, встречаясь с партийными руководителями городов и районов, первый секретарь обкома не просто интересовался состоянием дел и насущными проблемами, он вёл своеобразный экзамен. И не всегда удовлетворялся знаниями «экзаменующихся». Вот один из его выводов: «многие первые секретари не знают или знают очень плохо вопросы экономики, принципы работы с кадрами, вопросы приёма в партию, новое, передовое в сельхозпроизводстве. Как ни странно, секретари не владеют вопросами торговли, трудовой дисциплины и потерь рабочего времени (в том числе и секретари по идеологии)»[2].

Ельцин был скор на взыскания, в этом смысле он вполне усвоил уроки своего партийного ученичества.

Но и своих старался в обиду не давать. Хотя даже у первого секретаря обкома возможности защитить оказывались иногда ограниченными.

Председатель Совмина СССР Н. Тихонов невзлюбил директора Уралмаша Ю.Н. Кондратова. По всей вероятности, раздражали многочисленные просьбы директора завода, поддержанные обкомом, о реконструкции предприятия.

1 См.: Генералы индустрии. Сборник очерков. Екатеринбург, 2009. С. 368.
2 ЦДООСО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 136. Л. 38.

Эти трения переросли в личное неприятие Тихоновым директора Уралмаша, да и тот не оставался в долгу. В итоге Ельцин вызвал Кондратова к себе и напрямую заявил:

«Юрий Николаевич, вы чем-то здорово не понравились Тихонову, он настаивает снять вас с поста директора. Думаю, нет необходимости объяснять, что означает мнение члена Политбюро ЦК КПСС. В этой ситуации хочу предложить вам почётный переход на должность заместителя председателя облисполкома»[1].

Отметим на будущее — этот конфликт Тихонова был не только с Кондратовым, но, как это проявится в 1985 г., и с Ельциным, когда Тихонов будет единственным из членов Политбюро высказывать сомнения в назначении Ельцина в ЦК на должность зав.отделом строительства.

Кондратову ничего не оставалось, как согласиться.

Вскоре ему же на новой должности пришлось решать проблему, которая могла коснуться каждого жителя Свердловской области. Конец 1978 г. ознаменовался небывалыми морозами. Накануне нового, 1979 года, столбики термометров упали ниже 40 градусов. От морозов едва не случилась катастрофа на Белоярской атомной станции в сорока километрах восточнее Свердловска. От замыкания электрокабелей загорелась крыша здания турбинного зала Белоярской АЭС. Вспыхнул пожар. Возникла угроза атомной катастрофы — это задолго до чернобыльской трагедии. Ельцин и Мехренцев поручили руководство ликвидацией аварии именно Кондратову. Он непосредственно, на месте был вынужден принимать рискованные решения. Скрытно началась подготовка к эвакуации населения.

Технические меры, предложенные Кондратовым вместе с инженерами Белоярской АЭС, не имели прецедента в СССР. Узнав об этом по телефону, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин предупредил: «Если будут жертвы, Кондратов будет отвечать». «Это мне передал Гуляев, — вспоминает Юрий Николаевич. — Я ему сказал, что Косыгин далеко, а мы здесь, близко к реактору. И если мы не будем его охлаждать, всех нас ждут большие неприятности»[2].

Около восьми часов утра предновогоднего дня температура в реакторе стала падать. А к 24 часам новогодней ночи опасность была снята. Средний Урал радостно встречал Новый год, совсем не подозревая, что его ожидало.

За умелое руководство по ликвидации аварии Кондратова наградили орденом Октябрьской Революции.

Вместе с тем, в Свердловске, как и в других областях, руководство обкома стремилось соблюдать «столичный протокол», особенно, когда речь шла о встречах московских и иностранных визитёров. Как и в Москве, первого секретаря обкома стал провожать в аэропорт и встречать по прилёту кортеж автомобилей с его коллегами. Для поездок по области использовался вертолёт. На улице Софьи Ковалевской построили специальную гостиницу-люкс и назвали её так же, как и цековскую — «Октябрьской». В профсоюзном Дворце спорта выгородили ложу для членов бюро обкома партии.

1 См.: Генералы индустрии. Указ. соч. С. 194.
2 Генералы индустрии. Указ. соч. С. 187.

В предание вошли требования Ельцина к соблюдению своеобразного «дресс-кода». Хозяйственники, приглашённые впервые в обком на встречу с «первым», а потому не знавшие установленного «этикета», являлись без галстуков, пиджаков. Увидев такую «вольность», Борис Николаевич тут же отправлял их «одеться, как положено». На заседание бюро обкома нельзя было появиться в расстёгнутом пиджаке. Одновременно Ельцин оставался весьма требовательным к руководителям советских и хозяйственных органов любого уровня. Посещая как-то Карпинскую хлопкопрядильную фабрику, он беседовал с её директором. А тот по своей привычке стоял перед первым секретарём обкома, держа руки в карманах. Борис Николаевич счёл это «расхлябанностью» и резко потребовал «принять пристойный вид». Растерявшийся директор стал невпопад отвечать на задаваемые ему вопросы, что ещё более усилило гнев высокого гостя.

И вместе с тем, никто не мог обвинить Б.Н. Ельцина в том, что он «отгораживается от народа». Народ не видел в главе коммунистов области какого-то вождя или, хуже того, барина. Он охотно и уверенно «шёл в массы», не уходил от любого вопроса простых рабочих.

Не допускал Борис Николаевич и каких-то поблажек для его семьи. Один из врачей специальной больницы, обслуживавшей руководство области, признался, что жёны больших начальников, не желая работать, убеждали медиков дать им справку об инвалидности не ниже второй группы. Давали. И вот однажды, когда заболела Наина Иосифовна, лечащий врач «предложила Борису Николаевичу: может, сделаем инвалидность вашей супруге? Будет дома сидеть. Ельцин (я живой свидетель) строго ей заявил: "Если Наине Иосифовне по болезни что-то положено — оформляйте. Если нет — ни в коем случае". Ельцин оказался единственным секретарём обкома на моей памяти, который не пожелал "инвалидности" своей жене»[1].

На «ленинские» и сельскохозяйственные субботники первый секретарь приходил в рабочей одежде и работал с другими. Объект для аппаратного субботника Борис Николаевич выбирал сам. В апреле все шли на стройплощадку будущего больничного комплекса. В 80-е годы таковой являлся госпиталь инвалидов и ветеранов войн. Его главный врач, известный в области руководитель С.И. Спектор пишет: «Я часто и с удовольствием приводил в пример первого секретаря обкома КПСС Бориса Николаевича Ельцина, который сам когда-то участвовал в субботнике, когда мы строили основной госпиталь... Это нравилось людям. И это нравилось ему самому. Он был вместе с людьми и, наверное, ощущал себя сопричастным этому необыкновенному чувству единения ради слабых уже тогда физически и таких духовно сильных ветеранов-победителей...»[2]

Существовала ещё одна неформальная форма развития коллективизма, внедрённая Ельциным. Спортсмен-волейболист решил приобщить к любимому занятию секретарей, заведующих отделов, инструкторов обкома. Нужно поправить некоторых авторов, утверждающих, будто заниматься волейболом он заставил всех поголовно. Ничего подобного не случалось, в спортзал ходили только желающие заниматься этим видом спорта. Их интерес состоял и в том,

1 См.: Комсомольская правда, 25 ноября 1997 г.
2 *Спектор С.И.* Я люблю вас, люди! Екатеринбург, 2010. С. 195.

чтобы побороться с ельцинской командой состоящей из секретарей и членов бюро обкома. А команда, на самом деле, была сильной, ведь её члены «набивали руку» не только в этом спортзале, но и дополнительно на Балтымской даче. Проигрывали «секретари» редко, и в таких случаях расстроенный Борис Николаевич мог очень и очень рассерчать.

Вообще о свободном времени секретари обкома, в особенности первый, могли только мечтать. Весь рабочий день, каждая неделя расписывались по часам: где быть, что сделать, с кем переговорить... Официальным началом работы считались девять часов утра. Борис Николаевич приходил в восьмом часу. Начинал с парикмахерской — вид первого секретаря должен быть безупречным. Заметим, что эта привычка к опрятности останется у него навсегда. Позднее, пресс-секретарь Президента Российской Федерации В. Костиков вспоминал: «Обычно Президент очень заботился о том, чтобы достойно и даже элегантно выглядеть. Прическа — предмет особых, я бы даже сказал чрезмерных его забот. И, проходя в Кремле мимо зеркала, он не преминет полюбоваться на себя»[1].

В восемь сектор печати доставлял «сводку» публикаций центральных газет о Свердловской области с кратким содержанием. Если среди них встречалось нечто «горячее», читал в оригинале. А далее начиналась «суматоха» — заседания, совещания, беседы, телефонные звонки... Всё должно было заканчиваться в 18 часов, но уходить домой, как правило, приходилось не ранее девяти—десяти вечера. Кабинетным занятиям Ельцин предпочитал выезды в область, там он видел «живую жизнь». От поездок его не останавливало даже болезненное состояние.

Ельцин не давал спуску работникам партийного и государственного аппарата, уличенных во мздоимстве, злоупотреблениях, использовании служебного положения в личных целях[2].

К началу 80-х годов партийная система Советского Союза, в том числе его аппарат все больше давали сбои. Начиналось то самое разложение «сверху», которое породило вседозволенность и массовые злоупотребления для отдельной части партийного аппарата, которое, в конечном счете, приведет партию к потере авторитета в массах и, в конечном счете, к краху всей советско-коммунистической системы.

На этом этапе Борис Николаевич Ельцин еще пытался противостоять негативным тенденциям разложения руководящего и партийного состава. Так, в феврале 1983 г. на партийном собрании аппарата областного комитета партии он выступил с большим докладом «О моральном облике, личной ответственности и дисциплинированности руководящих кадров в свете требований XXVI съезда КПСС и задачах коммунистов аппарата обкома партии».

С предельной откровенностью на собрании он говорил о том, что «какую бы задачу мы ни решали, за какое бы дело ни брались, перед нами прежде всего встает вопрос о кадрах»[3].

1 *Костиков В.* Роман с Президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 166.
2 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 95. Д. 13. Л. 16, 66, 68; Оп. 92. Д. 269. Л. 63; Ф. 279. Оп. 1. Д. 130. Л. 127, 24, 25, 30; Ф. 279. Оп. 1. Д. 136. Л. 33, 34.
3 ЦДООСО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 136. Л. 24.

Сам Ельцин, не утративший пока надежды путем повышения качества кадровой работы изменить ситуацию с руководящими работниками партийного и государственного звена, пытался использовать все возможности партийного руководства. Так, в 1981—1982 гг. на пленуме областного комитета партии эти вопросы обсуждались 9 раз, рассматривались на 35 пленумах и заседаниях бюро городских и районных комитетов партии, многих собраниях коммунистов области[1]. Серьезного результата эти усилия не имели. Партию продолжала разъедать коррозия разложения как в верхнем эшелоне, так и среди рядовых ее членов.

В целом за 1982 г. органами прокуратуры области за обман государства, нарушение законов об охране социалистической собственности, выпуск недоброкачественной продукции были привлечены 573 должностных лица[2].

Ельцин продолжал настаивать на том, что «все большее значение приобретает нравственная зрелость кадров (подчеркнуто Б.Н. Ельциным — *Авт.*). Чтобы требовать порядочности от других необходимо прежде всего самому обладать этим качеством. Хорошо сказал, — продолжал он, — один из секретарей райкома партии: "О нас, секретарях судят не столько по тому, что мы говорим с трибуны, а как ведем себя в быту". Это целиком и полностью относится к любому руководителю»[3].

Борис Николаевич Ельцин был правильным секретарем обкома КПСС.

Он талантливо и увлеченно занимался организацией работы партийного аппарата.

Он смог сохранить и несколько улучшить продовольственное снабжение области в тех условиях, когда в большинстве областей России это не удалось.

Он последовательно отстаивал перед союзным руководством тезис, что социальное обеспечение жителей должно соответствовать вкладу Свердловской области в экономику страны — третьей после Москвы и Ленинграда.

Он защищал «идеи коммунизма» при всяком подходящем случае.

Он увлекался охотой и частенько ездил пострелять вместе со своими товарищами по обкому.

При этом он был человеком здравого смысла и осознания личной ответственности.

Такой секретарь был удачей для жителей области и предметом зависти для соседей.

Накормить. Одеть. Обеспечить. Задачи без решений

Вертикаль управления, выстроенная советской номенклатурной системой, помноженная на планово-распределительную систему, отводила первому секретарю роль «крайнего» в области за снабжение населения. Выбить фонды, организовать собственные производства товаров народного потребления — за это отвечает аппарат облисполкома, горисполкома, райисполкомов и соответствующих партийных органов — но организовать всю эту бюрократическую машину, проверять и контролировать, а при крайней необходимости запросить помощь у соседей и в Москве — это его забота, с него и спрос.

1 ЦДООСО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 136. Л. 25.
2 Там же. Л. 31.
3 Там же.

В 1976 году на душу населения приходилось мяса и мясопродуктов — 57 кг., молока и молочных продуктов — 321 кг., яиц — 257 штук, хлебопродуктов — 119 кг., картошки — 130 кг., овощей — 82 кг.

Посчитать-то посчитали, да как купить?

Очереди стали неотъемлемой частью жизни. Покупали не тогда, когда хотели, а когда в магазине «выбрасывали» мясо и иной продовольственный дефицит. А так как эта процедура случалась в разгар рабочего дня, то возможность купить появлялась лишь у тех, кто мог днем быть у витрин магазина. Те, кто работал, уже не могли достать ни мяса, ни творога, ни сметаны, ни сыра. Отсюда повсеместное требование к власти — вводите карточки, талоны, чтобы работающий человек мог купить свой гарантированный килограмм мяса в месяц!

Не хватало самого необходимого. В Свердловской области приходилось на одного человека меньше, чем в среднем по России: кожаной обуви — на 9 руб. 54 коп., одежды и белья — на 12 руб. 47 коп., верхнего трикотажа — на 4 руб. 82 коп[1].

Б.Н. Ельцин писал председателю Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцеву от 14 ноября 1978 г., что «реализация кожаной обуви в области сократилась на 3, 9 %. Сократилась также реализация одежды и белья, бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий, мыла хозяйственного, легковых автомобилей, кондитерских изделий, рыбы, а по таким товарам, как ткани шелковые, верхний трикотаж, мебель, ювелирные изделия реализация возросла в размерах значительно меньших, чем в целом по РСФСР. От населения области поступают справедливые нарекания на отсутствие в продаже предметов женского туалета, постельного и детского белья из хлопчатобумажной ткани и ряда других изделий массового спроса»[2].

Ельцин, прося помощи в увеличении объемов фондов промышленных товаров, обращал внимание руководителей партии на то, что «за последние годы выделяемые области фонды на ряд промышленных товаров удовлетворяет потребность населения на уровне 50—60 процентов. Торговля тканями хлопчатобумажными и льняными, бельем детским и бельевым трикотажем, предметами женского туалета, чулочно-носочными изделиями, постельным бельем и рядом других товаров производится с большими перебоями. От населения области поступают многочисленные жалобы на отсутствие в продаже этих товаров»[3].

Письма писались как под копирку. Менялись только цифры. Дефицит наступал.

Не спасали подсобные предприятия промышленных предприятий. Всего таких подсобных хозяйств было около 400. Вложены огромные силы в строительство молочных и свинооткормочных комплектов, о чем мы писали выше. На их строительство были брошены строительные подразделения Минсредмаша, отвечавшего за создание атомного оружия и родственные им предприятия Минэнерго.

1 Подр. см.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп.92. Д. 110. Л.68.
2 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 92.Д. 110. Л. 68.
3 Там же.

Постоянно под контролем находилось обеспечение сельскохозяйственного производства области рабочими руками из городов.

Но положение, улучшаясь в деталях (в частности, стало легче купить мясо птицы), не менялось в главном. В письмах в Совмин РСФСР с выразительными названиями «Об улучшении снабжения мясными и молочными продуктами населения Свердловской области», «Об улучшении снабжения продуктами животноводства населения Свердловской области» и др. сообщалось, что «свыше 700 тыс. человек (около 30% трудящихся области) работают в черной и цветной металлургии, на шахтах, железнодорожном транспорте, в нефтехимической и некоторых других отраслях с вредными и тяжелыми условиями труда. Кроме того, население Среднего Урала из-за сурового климата и высокой загрязненности воздушного и водного бассейнов, находится в менее благоприятных условиях проживания. В связи с этим, Академией медицинских наук СССР рекомендуются повышенные нормы потребления мясных продуктов. Однако в силу специфических условий развития народного хозяйства области, без увеличения дотации из республиканского фонда улучшить обеспечение населения не представляется возможным».

Это был крик областной власти с просьбой о помощи.

Создавалось впечатление, что областные власти, выстроив и подчинив аппарат управления, последовательно и умело стремясь улучшить положение населения, попало в заколдованный круг. По мере нарастания усилий власти, решение проблем снабжения отодвигалось, как линия горизонта.

Б.Н. Ельцин в обращении в ЦК КПСС не случайно упоминает о многочисленных жалобах населения в адрес власти по жизненно важным проблемам. Вообще анализ обращений граждан и полученная из них информация были для него важным источником для объективной информации о положении вещей. Писем этих сохранилось великое множество. В некоторых звучит буквально крик о помощи, отчаяние, жесткая критика в адрес властей всех уровней. Изучение их содержания, как и общественных настроений того периода в целом, предмет самостоятельного исследования. Мы же, позволим себе остановиться на одном из них.

Автором письма был некий Илья Игнатьевич Иванов, свердловчанин. Письмо это представляет для нас интерес, прежде всего, по той причине, что адресовано оно было на домашний адрес Бориса Николаевича. Автор знал только улицу и номер дома, где проживала семья первого секретаря областного комитета КПСС. Заботливой рукой почтальона карандашом был проставлен номер квартиры и «письмо нашло адресата». Домашние не выбросили его, хотя оно явно носило неофициальный характер, а передали его по назначению. Сам Борис Николаевич не просто прочел это тяжелое письмо, наверняка задевшее его за живое, но и принес его в обком, зарегистрировал и направил на рассмотрение. На конверте сохранился номер домашнего телефона адресата, что дает основание предположить, что с ним связывались по поводу его обращения. Попросим читателя набраться терпения и приведем текст письма полностью[1].

[1] Орфография письма сохранена в оригинале.

«Уважаемый Борис Николаевич!

Что делается? Куда мы катимся? О каком коммунизме может идти речь? Кто верит в этот коммунизм? Абсолютно никто! Мы, будучи молодыми так верили в светлое будущее! Так надеялись на что-то хорошее! Ну и что теперь? Все хуже и хуже мы живем. Сплошные проблемы. От трудящихся только и требуют — работы, работы, производительности труда. А что люди получают взамен? Да ничего! Деньги обесценились, ничего не купишь на них. Можно составить огромный список бытовых товаров, которые исчезли из продажи. А о продуктах питания и говорить не приходится.

Что мы видим тут, на Урале? Продукция, которая делается нашими руками идет во все концы света! И трудится народ хорошо! Так почему этот народ должен постоянно терпеть такие трудности? Почему вы сами не ходите вечером после работы по магазинам? Неужели вы не видите, что совсем есть нечего? А какие огромные очереди за тем небольшим, что иногда поступает в продажу! Почему не оформляете договора на поставку фруктов из южных республик? У них же столько фруктов и овощей пропадает. Где же наши дети будут здоровыми? Они не получают полноценное питание…

Если бы Вы знали, какие анекдоты сочиняет народ про Брежнева, про наше правительство! И ведь понимаете, все правильно, все верно подмечено! Брежнева народ ненавидит, молодежь его не уважает, смеется над ним. В печати и по радио сплошная говорильня, сплошные призывы и фразы. Если совершенно честно и правдиво расписать как живет у нас народ-труженик, то на нашем языке это будет «антисоветская пропаганда». Столько у нас безобразий и беспорядков, что со стороны это может показаться вымыслом, наговором на советскую действительность. А ведь все это из-за безответственности нашего руководства.

А как плохо, когда человек заболел! Как трудно к врачам на прием попасть! Все приемы в дневное время, вечером после работы не попадешь, это постоянные уходы с работы, что создает нервотрепки.

Вот Вы сейчас думаете, что нытик пишет, который видит все в черном цвете. Представьте, это не так. Все то, о чем я написал здесь, говорят все люди. Все это можно услышать на работе, в кругу друзей, на транспорте. И говорят, что социализм наш липовый показуха, что всю планету растравили своим дутым социализмом, а у самих бардак в стране…

Неужели Вы своей властью не можете проявить заботу об уральцах? Ведь как нас называют «Урал — опорный край державы», «рабочий Урал», и т. д. Так надо же заботиться о людях. У нас неважные климатические условия, мало солнца, тепла, фруктов. От нас продукция тяжелой индустрии — нам продукты питания фрукты, теплая одежда. Почему в южных и западных республиках страны народ живет гораздо лучше? Они и считают, что мы тут не живем, а существуем, ничего хорошего не видим, один труд, да забота… Совсем перестали привозить нам фрукты. А та малость какая сюда поступает, расходится еще с баз, минуя прилавки магазинов.

И я хорошо понимаю, что прочитав мое письмо, Вы досадно поморщитесь, только и всего.

Многие уже говорят, что нужно вторую революцию делать. Как жить дальше? Почему не ввести распределение основных продуктов питания по карточкам? Ведь выделяют же в Тюмени мясо по карточкам. А у нас одни в три горла его едят, другие же не видят мяса.

Неужели нашу систему уже не изменить?

Написал Вам на домашний адрес, потому что на работу к Вам такие письма не проходят.

С уважением. И. Иванов.»[1]

Карточки ввели. Ельцин добился организации сезонных ярмарок сельскохозяйственной продукции из Средней Азии в Свердловской области, и эти ярмарки стали проводиться. Письмо И. Иванова тут как бы и не причем, да и на самом деле — не причем. Оно достаточно честно отразило то общественное мнение, которое родило грустный анекдот: «в 1980 году обещали коммунизм, а организовали Олимпийские игры».

Менялись настроения людей. Ельцин просто раньше начал это слышать.

Наверное, самым нестандартным ходом областной власти стало разрешение открыть на железнодорожной станции Шувакиш недалеко от Свердловска, на пути между двумя крупнейшими городами области — Свердловском и Нижним Тагилом — вещевого рынка — колоссальной барахолки, куда со всего Советского Союза везли всё, что имело спрос (а спрос имело всё) — от радиоаппаратуры, западных пластинок, японских курток-анораков, индийской мохеровой шерсти, польской косметики, вьетнамских джинсов... Каждое воскресенье электрички до Шувакиша шли битком забитые людьми, а на поляне, отведённой для рынка, толклись тысячи людей.

Начало «эры открытости»

Если выделить основные этапы в деятельности первого секретаря Свердловского обкома Б.Н. Ельцина, то эта деятельность без труда разделяется на два этапа. Первый — вживание в должность, деятельность по решению важнейших проблем области и, прежде всего — продовольственной, создание своей устойчивой системы управления, замкнутой номенклатурными механизмами на него, первого секретаря. В принципе этого вполне достаточно на весь срок секретарства. В начале 1981 г. на XXVI съезде КПСС Б.Н. Ельцин стал членом ЦК КПСС. Но с 1981 г. начался новый этап его деятельности, абсолютно нетипичный для партийного руководителя столь высокого ранга.

Началась его карьера политического деятеля. Вряд ли он, давая поручения отделам науки, пропаганды и агитации обкома КПСС готовить встречу со студентами города Свердловска, собирать вопросы от студентов и преподавателей и — готовить ответы, понимал, что с этого времени он становился не просто партийным, но и народным лидером. Лидером — пока в области.

Что же произошло? На первый взгляд, ничего особенного. Партийные руководители всегда выступали с докладами на пленумах, конференциях, торжественных собраниях и встречах с общественностью по разным, по преимуществу юбилейным поводам. Они выезжали на предприятия, колхозы

[1] ЦДООСО. Ф. 4. ОП. 98. Д. 149. Л. 96—97.

и совхозы, стройки и воинские части и там встречались с более или менее широким кругом руководителей и, если случалось — то и с рядовыми гражданами. Задавали вопросы, слушали ответы. Задавали вопросы и им. Областная газета «Уральский рабочий» в течение десятилетий готовила для обкома обзоры писем, поступавших в редакцию и содержавших разнообразные жалобы и вопросы. Лекторам обкома КПСС прямо предписывалось собирать вопросы информировать своё партийное руководство. Наконец, до сотни писем с жалобами ежедневно приходило в обком и обрабатывалось отделом писем.

В апреле 1981 г. стало известно, что первый секретарь будет встречаться с преподавателями и студентами. В зданиях университета, УПИ, горного института, пединститута, консерватории, лесотеха, сельхозинститута и других вузов появились большие коробки, оформленные как почтовые ящики для вопросов первому секретарю.

Ельцин вместе со своим помощником В. Илюшиным объезжал вузы, заехал в университет, зашёл в аудиторию, где читалась лекция по философии, прослушал её до конца, потом вместе с ректором университета появился в музее древней книги, где долго и с удовольствием рассматривал старинные, по преимуществу старообрядческие книги, с удивлением и чувством явного удовлетворения, едва ли не с хозяйского — узнал, что в Свердловске хранятся несколько редчайших старопечатных изданий, появившихся в свет на несколько лет раньше знаменитого Апостола Ивана Федорова 1564 г., сходил в студенческую столовую — где, к великому удивлению ректора, — мгновенно появились скатерти на столах, побеседовал в парткоме с ректоратом о задачах университета — и уехал. Так было и в ряде других вузов, с той лишь разницей, что везде показывали своё.

Если не считать экзотики, вроде лекции по философии, это тоже более или менее укладывалось в шаблон посещения вузов министром или большим руководителем — свердловским или московским.

Но дальше пошло не по накатанной десятилетиями схеме.

Вопросы собрали. Этих вопросов было без малого тысяча. Аппарат обкома должен был сгруппировать, проанализировать, подготовить проекты ответов, в том числе предложить решения этих вопросов.

В мае 1981 г. во Дворце молодёжи собралось полторы тысячи студентов и преподавателей из 16 свердловских вузов. Б.Н. Ельцин начал со слов вполне ритуальных: «50-тысячный отряд студентов — это наше будущее, это большая сила, сила, которая завтра пополнит ряды специалистов народного хозяйства, станет главной, решающей в развитии технического прогресса, науки, культуры, нашего общества в целом. Вы будете в расцвете сил, когда наступит XXI век. Так что можно сказать, из зала сейчас сюда смотрят глаза, как из следующего века...».

После этой преамбулы началось самое интересное — ответы на вопросы. К заранее приготовленным вопросам посыпались новые. Из зала в президиум посыпались новые записки. Как подсчитали позже, всего было 1074 вопроса[1].

[1] Студенческий меридиан. 1981. № 11.

Встреча длилась пять с половиной часов. Произошло открытие Ельцина как полемиста, как человека, способного держать аудиторию во внимании и вызывать несомненную и очевидную симпатию. Он отвечал на вопросы, он думал над ответами прямо на глазах аудитории, и люди чувствовали, что он подыскивает для них свой собственный ответ, а не только заготовленную заранее на этот случай бумажку.

Ему прощали корявые ответы, входили в понимание его официальной должности и соответствующих ей ограничений, прекрасно прочитывали «двойное дно» в его словах. Процитирую фрагмент стенограммы:

«*Вопрос.* Почему у нас в сельской местности не желает жить молодежь?

Ответ. Б.Н.Ельцин. Так категорически наверное не очень правильно, уж не желает…вся не желает…не вся не желает. Молодежь все-таки остается на селе, конечно есть проблемы девчат, серьезные проблемы. Ребятам есть где остаться, механизаторы, а профессий для девчат, к сожалению, таких которые бы привлекали, маловато. Уходят девчата, за ними конечно уходят и ребята. Вот как их приблизить к друг другу, как нам приостановить отток девчат, а соответственно осядут и ребята, думаем пока над этой проблемой, но она не так проста.

Вопрос. В магазинах продается некачественная и некрасивая обувь предприятия «Уралобувь», а на экспорт оно дает прекрасную продукцию. Выходит, что мы можем ходить в более худшей обуви, чем люди за границей?

Ответ. Б.Н.Ельцин. Ну во-первых, должен сказать, что я тоже в «уралобувской», но обычного серийного производства. Между прочим, неплохие ботинки, по крайней мере — добротные и не заграницей покупал, а здесь в универмаге. Объединение «Уралобувь» выпускает в год 11 млн. пар обуви, половина ее продается в нашей области, 55% изделий детской обуви. За последние годы расширен ассортимент и несколько, так скажем, улучшено качество, несколько…Более 400 моделей были переаттестованы и изготовлялись с государственным знаком качества, это 15% от общего выпуска, это те сапожки, которые и сейчас не найдешь.

Вопрос. Что намечается сделать по улучшению работы Шувакишского рынка? *(смех в зале)*

Ответ. Б.Н.Ельцин. Я уже изучил, что студенты называют это место «тучей». Это действительно язва на теле трудового Свердловска. Надо попробовать навести порядок на Шувакишском рынке. Построить туда дорогу, сделать платную стоянку (смех в зале), усилить изгородь и сделать специальный пропускной режим. Ликвидировать там радиотовары, которые незаконно продаются, дальше, специально, чтобы каждый, кто продает, по закону должен указать цену, на грудь повесить, 30 рублей, 20 рублей и т. д. Дальше, раньше было очень тяжело судить, потому что, пока в Свердловск довезут, он или сбежал или судья передумал, или тот, милиционер, который задержал, решил прямо там на месте судить, и сейчас там выездной суд работает. Прямо сразу, как только две пластинки обнаружили, спекулянт, суд, все…посадили *(аплодисменты и смех в зале)*.

Вопрос. К Вам обращаются студенты СИНХа[1]. В нашей столовой очень грязно, часто на продуктах можно увидеть мух, по полу и столам ползали тараканы.

[1] СИНХ — Свердловский институт народного хозяйства.

Пища готовится некачественно, неаппетитно, выбора в блюдах нет, постоянные очереди, обслуживают медленно, порой одинаковые обеды.

Ответ. Б.Н.Ельцин. Я сегодня вместе с товарищами был в этой столовой в СИНХе, но сделал, видимо, тактическую ошибку, вчера, уже в одиннадцатом часу ночи, все-таки предупредил товарищей. То, что здесь написано, близко ничего нет. Тараканов нет, смотрели, ходили, мух нет, выпечки горой навалено, горячая, потрогал. Соки, чай, огурцы, помидоры *(громкий смех в зале)*[1], первых блюд три, вторых блюд три, в том числе такие, как бефстроганов. Как религию, специально взял меню. А я не буду показывать, среди вас здесь сидит Областного управления общественного питания, товарищ Пятыгин Борис Степанович».

Выступление Ельцина и, в особенности, его ответы на вопросы из зала стали в полном смысле сенсацией в Свердловске в небогатое на сенсации время.

На первый план выходило то, что во главе области стоит нормальный человек, которого не трудно отождествить с собой. Он знает, как люди живут, он понимает, что есть дефицит, что существует жульничество в торговле и общественном питании. Он пытается сделать так, чтобы жизнь была лучше. Ему поверили. И вообще он классный мужик!

Второй план — первый секретарь намерен лично встретиться со всеми основными группами населения: рабочими на заводах, писателями, партийными пропагандистами, журналистами, пенсионерами… Это ставило перед аппаратами обкома и облисполкома огромное количество проблем. Надо было проанализировать тысячи вопросов, подготовить заготовки для ответов и, главное — найти позитивные решения тех проблем, о которых сообщали Ельцину и которые, с этого времени, оказывались под его личным и жёстким контролем. Понятно, что это не радовало аппарат, получавший новые и хлопотные обязанности.

Находкой Ельцина стало и то, что он, признавая свою ответственность, публично называл человека, который, по его мнению, не доделывал, работал плохо.

Было и другое. Ельцин впервые открыто разговаривал с огромной аудиторией — как-никак полторы тысячи человек. Опыт спортсмена помог ему быть вполне органичным на сцене, как прежде на спортивной площадке. Знания управленца, первого секретаря, властный импульс, то, что принято называть харизмой, позволяли ему управлять настроениями людей. Это едва ли не стало открытием для него самого. Он становился лидером — не только по должности, но и по своей сути, не только вследствие номенклатурного назначения, но и потому, что он говорил о том, что беспокоило миллионы людей, не скрывал проблемы, как это делала официальная пропаганда.

Сразу же замечу, что с момента начала ельцинских встреч с населением начал нарастать, сначала не очень заметный, а далее всё более явственный его конфликт с другими секретарями обкомов, которые не хотели, не могли, а иногда и боялись подобных встреч. Обвинения в демагогии, популизме повисли в воздухе партийного аппарата уже тогда.

[1] Причина смеха в том, что найти свежие помидоры в Свердловске в апреле 1981 г. было не проще, чем фиалки в январском лесу в сказке Е. Шварца. Управлению общественного питания это удалось.

Почему Ельцин пошёл на явное — не нарушение, а отступление от норм поведения партийного секретаря? Почему его аудиторией стал не «партийно-хозяйственный» или «партийно-комсомольский» актив? Пожалуй, это важнейший вопрос, ответ на который даёт понимание его дальнейшей политической деятельности.

Нам представляется, что уже тогда, в самом начале 80-х гг., Ельцин почувствовал — раньше, чем понял, чем сформулировал для себя — что нельзя управлять областью, полагаясь только на послушный ему аппарат. Что только массовая поддержка населения обеспечивает если не избавление от бесчисленных трудностей, то, по крайней мере, понимание людьми поведения власти. А то, что его (и партии) планы — планы народа, он вряд ли сомневался.

Но сомневались другие. И эти сомнения выплёскивались при встречах с первым секретарём. Неожиданно острые и принципиальные вопросы были заданы Б.Н. Ельцину 7 апреля 1982 г. на встрече с заведующими кафедрами общественных наук и преподавателями, идеологическим активом высших и средних специальных учебных заведений области, словом, теми, кто по тогдашей терминологии находился на «передовой идеологического фронта».

Пожалуй, самым трудным и неожиданным оказался вопрос — за что Свердловская область получила переходящее знамя в социалистическом соревновании, посвященном 60-летию создания СССР, была признана лучшей среди всех областей Урала? Если у нас, в Свердловской области, куча проблем с обеспечением населения, талоны и карточки, хронический дефицит всего — значит, у других еще хуже?

И это итог шестидесятилетнего развития СССР? — следовало из этого вопроса.

Вопросы были разные, но неудобные, не укладывавшиеся в стандартные схемы ответов. «Почему наблюдается постоянная диспропорция в нашем народном хозяйстве?», то есть почему заводы работают на себя, на промышленность, а не на удовлетворение нормальных потребностей людей?

«Почему XXVI съезд КПСС угодничал перед Л.И. Брежневым и почему Ельцин никак не прореагировал на безмерные восхваления генсеку, расточаемые руководителем из Краснодара С. Медуновым»?

Студенты часто задают такой вопрос: «За что Узбекистан награжден орденом Ленина, а т. Рашидов орденом Октябрьской революции, тогда как в Узбекской ССР каждое четвертое предприятие не выполняет план по реализации продукции?»

«Почему не была создана компартия Российской Федерации»?[1]

Это были вопросы от того самого партийного актива, который должен был объяснять политику партии и того актива, который отчётливо видел противоречия между словами, идеологическими догмами и реальной жизнью.

Есть в этих вопросах и еще одна сторона. Задавая их, преподаватели доверяли Ельцину. Их можно было задать только тому, кто сам был обеспокоен судьбой страны. И их можно было задать только в той атмосфере, которая складывалась в Свердловской области после знаменитой встречи со студентами.

1 ЦДООСО. Ф.4. Оп. 101. Д. 87. Л. 11—14.

Ельцин последовательно, месяц за месяцем, встречался с людьми, принадлежавшими к различным социальным, профессиональным и возрастным группам населения. Оставались пенсионеры. Оставались жители небольших городов и деревень. И тогда появилась идея — организовать встречу «в прямом эфире» посредством областного телевидения со всеми жителями области. Она была назначена на 18 декабря 1982 г.

Журналист Г. Каета, тогда главный редактор газеты «Уральский рабочий» и член бюро обкома впоследствии вспоминал: «Мне пришлось быть непосредственным участником подготовительного периода и потому до сих пор ощущаю тот "ужас", который тогда охватил аппарат обкома и советские службы области. 4090 писем с 1037 различными вопросами! Как на все отвечать конкретно, четко и, главное, коротко? Сколько нужно собрать сведений, перерыть бумаг? Дым стоял коромыслом. ... Построили ответы по группам однопланов вопросов, самые острые из них решили "отложить в сторону". Ельцин тут же воспротивился: "Острые в первую очередь!"»[1].

Г. Каёта писал: «Вечером 18 декабря, кажется, вся область сидела перед телевизором, те же, кому не довелось, потом потребовали повторной передачи. Более откровенного разговора с первым руководителем области доселе никто не слышал».

Ельцин начал своё телевизионное выступление со слов: «Вы, видимо, обратили внимание по средствам массовой информации, что в последнее время областным комитетом партии проводится много встреч ... с рабочими промышленности, бригадирами строительства, животноводами, зоотехниками, доярками, с пропагандистами, со студентами, с преподавателями кафедр общественных наук, с пионервожатыми, с работниками народного образования, здравоохранения. Эти беседы имеют различный характер и различную аудиторию: 12—15—25 человек, иногда полторы тысячи, как, допустим, со студентами. Но их объединяет одно, что они проводятся в очень доверительной обстановке и они очень откровенны. Отвечается практически на все вопросы, которые товарищи задают».

И первым вопросом, на который он начал отвечать, был тот самый: «у нас много в области недостатков, упущений, проблем, признаться надо, и промахов и так далее. ... И вдруг после этого Свердловская область признается победителем в общесоюзном социалистическом соревновании в честь 60-летия образования СССР и ей присуждается Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Спрашивается, как же так? С одной стороны, столько недостатков, с другой стороны, мы на Урале единственная область, которая получает Красное знамя. Я думаю, что, товарищи, все-таки так ставить вопрос нельзя. Во-первых, это соревнование, и все показатели соревнующихся областей они именно сравниваются между собой. Это значит, что Политбюро, Центральный Комитет партии, правительство и ВЦСПС, и Совет Министров, и ЦК ВЛКСМ признали наши показатели лучшими, чем в других областях, скажем, Урала».

Ответ не совсем по существу. Лучше — потому что у нас показатели лучше. Но заметил же он этот вопрос, и начал с него!

1 *Каета Г.* Борис Николаевич Ельцин. Уральский период жизни. Екатеринбург. 1996. С. 22—23.

«Короче говоря, — продолжал Ельцин, — я хотел бы сказать, что считаем, что Красное знамя зря никогда не присуждается, мы ни в коем случае не скрываем недостатки. Я об этом буду подробнее говорить, отвечая на конкретные ваши письма. И мы, конечно, всей своей работой, в том числе областной комитет партии, стараемся прежде всего обратить внимание на устранение этих недостатков, чтобы действительно вот этот самый сердцевинный 1983 год, чтоб он был бы лучше двух предыдущих лет — 1981 и 1982, поскольку он во многом предопределит успехи в целом по пятилетке».

Дальше последовали ответы на самый злободневный вопрос — о «продовольственной программе».

Ельцин сообщил, что в области принята собственная продовольственная программа. «Безусловно, при разработке этой программы была учтена особенность нашей области, она действительно особенная. Во-первых, это по объему промышленной продукции самая крупная область в стране. Объем концентрации промышленного производства в 4, 6 раза превышает уровень концентрации Российской Федерации и в стране, 4, 5 миллионов человек проживает на территории области, которая составляет 194 тыс. кв. км. ... Но самое главное при такой концентрации промышленности, а у нас имеются предприятия абсолютно всех министерств и ведомств, она и в этом тоже уникальна. Но она уникальна в области в том, что у нас ... в сельском хозяйстве занято лишь 6 процентов трудоспособного населения. В соседних областях 20—25—30—40—50. Здесь только 6. И вот эти 6 процентов должны как-то максимально принять усилия, чтобы в основном решить Продовольственную программу для всех 4, 5 млн. человек, проживающих в области. Это нелегкая задача, прямо надо сказать».

Нового, если судить формально, Ельцин не сказал ничего. Этими аргументами он и его предшественники пользовались тогда, когда запрашивали в Совмине и ЦК дополнительные фонды продовольствия. Однако они, эти аргументы, прозвучав с экрана телевизора, невольно принимали другой смысл — почему область, производя железо и титан, танки и ракеты, приборы и трубы для нефтяников, столь нужные тогда стране, не получает из союзного бюджета в соответствии со своим вкладом в экономику, в том числе и продовольствия?

Первый секретарь обкома самым подробным образом рассказывал о том, что делается в Свердловской области для смягчения продовольственной проблемы. Это и строительство новых животноводческих комплексов, и подсобные хозяйства на промышленных предприятиях, и помощь селу за счёт горожан. Но положение, по словам Ельцина, остается сложным.

Процитирую стенограмму телевизионного выступления:

«Вот многие свердловчане спрашивают, какие перспективы конкретно на 1983 год по улучшению снабжения Свердловска и других городов мясо-молочными продуктами?

Обеспечение молоком будет в 1983 году — это я вам твердо заявляю, будет улучшаться. Что касается обеспечения мясом. Здесь вопрос сложнее. Он сложнее еще и в том, что мы только 40 процентов обеспечиваем себя мясом, которое производим на территории Свердловской области, а 60 процентов нам дают по дотации. В этом, конечно, много сложностей и трудностей. И чем

больше мы будем поднимать производство мяса, тем больше возможности снижать нам дотацию. Вот в этом как раз и ключ к тому, что не только от нас зависит обеспечение мясопродуктами населения Свердловской области. Мы, безусловно, должны повышать, потому что это улучшает нам обеспечение ресурсами, но это не решает вопрос по фондам. Мы в этом году съедим 215 тысяч тонн мяса и мясопродуктов. 215 тысяч тонн. Хочу вам напомнить: в 1970 году — 140, 140 тысяч тонн».

Ельцин цитировал письмо, поступившее из Артемовского района, автор которого писал: «Держим корову, без нее нам бы было тяжело».

Это письмо и вопросы, заданные в нём о положении личных подсобных хозяйств стали поводом заявить с экрана: «Надо прямо сказать, что в 60-е годы этому вопросу не уделялось достаточного внимания. Считали, что за счет государственного сектора мы сможем в ближайшие, допустим, 20 лет, обеспечить основными продуктами питания все население страны. Но сейчас, в последние годы, Центральный Комитет партии принял ряд постановлений, направленных на то, чтобы активизировать работу и обратить особое внимание на личные хозяйства граждан. У нас в области кроме последних 2 лет постоянно падало поголовье у населения: коров, свиней, овец и т. д. ... Сейчас уже у нас поголовье коров немножко выше в этом году, чем в прошлом году у населения.

Население дает значительную прибавку из своих личных подсобных хозяйств».

«Следующий, товарищи, раздел нашей передачи, — говорил, обращаясь к телезрителям Ельцин, — это ваши очень и очень трудные для меня вопросы, связанные с торговлей».

Дальше он перечислял, ссылаясь на поступившие письма, чего нет в продаже и чего не хватает. Не было хлопчатобумажных тканей, постельного белья. В письмах просили организовать продажу постельного белья «по заказам», то есть попросту по карточкам. «Вопрос больной, очень острый, — говорил Ельцин. — Нам его задают везде, где бы мы в коллективах не были, в цехах, на фермах, на предприятиях, в организациях, бываем в магазинах и там иногда окружат и допытывают». После длинных рассуждений о том, что значительная часть хлопка идет на нужды промышленности, в больницы, детские учреждения, первый секретарь признался: «Возмущаться, конечно, и я тоже возмущаюсь и очень настойчиво ищу нашу вину областных органов, свою лично вину перед вами, что мы не можем этот вопрос решить и тем не менее пока решить его не представляется возможным... В отношении продажи хлопчатобумажных тканей и постельного белья по талонам. Мы несколько раз обсуждали, настолько мало будет, просто неудобно продавать..., у нас нет возможности перейти на продажу по талонам в том числе постельного белья».

Ельцин отвечал и объяснял, почему нельзя купить батарейки «Крона», обыкновенные ножницы, заварные чайники...

Он сообщал, что «снято напряжение в торговле туалетным и хозяйственным мылом, зубными щетками, пастами, лучше с электролампочками, некоторыми предметами женского туалета, увеличилась продажа товаров массового спроса, даже по губной помаде, это для женщин, особенно, сняли проблему».

Это, с одной стороны, свидетельствовало о том, что глава области знает о проблемах населения и пытается с ними, этими проблемами, бороться, но, с другой, невольно появлялось убеждение, что дело не в ошибках начальства или злокозненности торговли. За перечнем решительных мер по производству заварных чайников на Богдановической и Сысертской фабриках[1] возникала простая мысль — а может, ошибка — в самой экономической системе, становящейся неподвластной людям, которым полагалось управлять этой экономикой...

Приходилось искать самые простые ответы на сложные опросы, тем более, что его слушатели в большинстве своём этого и ждали.

Не хватает капусты, картошки, моркови в продаже? Согласиться с предложением коллективного письма сотрудников Свердловского приборостроительного завода — закупать картофель, свеклу, морковь, капусту в Белоярском районе, где приборостроительный завод (замечу — выпускавший сложнейшую электронику для армии) ежегодно убирал урожай. «Возвращаясь после работы, многие бы не отказались купить овощи прямо с поля. Соответственно привезти в том транспорте, на котором они приехали.

Что можно сказать, очень правильное предложение, очень правильное, причем оно не противоречит никаким постановлениям нашим и законам, и мы воспользуемся этим предложением и постараемся в 1983 году такую продажу организовать».

«Товарищи (следует длинный перечень фамилий) просят организовать продажу мясо-колбасных изделий по заказу, как это делается по животному маслу. Долго вчера в соответствии с вашими письмами мы обсуждали этот вопрос. И все-таки решили пойти на это.С первого февраля 1983 года в гор. Свердловске вводится продажа колбасы по заказам на каждого жителя по 1 кг. в месяц».

Есть злоупотребления в домоуправлениях, распределяющих талоны на сливочное масло — «Мы сейчас меры такие срочно с городом примем, об этом уже сказано Свердловскому горкому, партии, горисполкому, установлена будет более тесная связь между органами внутренних дел и домоуправлениями».

Я просил бы вас высказаться как можно быстрее в феврале месяце, что же у нас получилось. Надо нам продолжать дальше такую систему, или мы все-таки поступили неправильно. Вам решать об этом.

[1] Процитирую этот раздел выступления. Он вполне типичен. «Первое — заварные чайники. Ну действительно, вроде построили огромный фарфоровый завод в Богдановиче, есть фарфоровый завод в Сысерти, прекрасные сервизы выпускают, а заварных чайников, они тоже в сервизе..., но поскольку они ломаются быстрее, потом их не купишь. И до обидного причина, я бы сказал, даже несерьезная. Предприятию выгодно выпускать в целом сервиз, чем 1 чайник, который в 3 раза по трудоемкости больше, чем тарелка, а по стоимости — одно и то же, что тарелка, что чайник. После ваших вопросов, ну, я должен сказать, и в выражениях иногда и не очень приятных, специально рассмотрим этот вопрос, я бы сказал, он не доведен пока до конца, но мы его доведем. В этом году 500 тыс.чайников будет выпущено Богдановичским фарфоровым заводом, в т. ч. 50 тыс. Сысертским заводом. Наметили минимум, мы еще вернемся к этому вопросу, выпустить в 1983 году 700 тыс. чайников, к 1985 году в год их выпускать миллион. Я думаю, что миллион чайников в год должен удовлетворить потребности».

Ельцин рассказывал о масштабах жилищного строительства в области, действительно впечатляющих, о строительстве детских садов, школ, больниц и поликлиник, о том, что в Свердловске были построены цирк и театр юного зрителя, Дворец молодёжи и многие плавательные бассейны...

При этом он детальнейшим образом отвечал на критические замечания об организации транспорта в районы новостроек, проблемах благоустройства новых районов, с экрана телевизора давал поручения председателю Свердловского горисполкома.

Сообщая о начале работ по строительству метро, Ельцин сказал, что «утвержден технический проект, что первая линия пойдет с Уралмаша до площади 1905 года, что строительство развернулось, что создан специальный мостоотряд, мы уже спускались в первую шахту, работают мостостроители очень напряженно, выполнен будет план этого года. На следующий 1983 год выделяется примерно 5,5 млн. рублей, которые, безусловно, будут переосваиваться». И не без ехидства заметил: «Мы бы, конечно, хотели, чтобы оно сооружалось быстрее, чтоб мы успели на нем проехать еще до выхода на пенсию, но это будет зависеть от того, как нам будут выделяться централизованно средства правительством и Госпланом СССР».

Установка телефонов и телефонных станций, обращения ветеранов и инвалидов, извечные проблемы с ожиданием и получением жилья, состояние трудовой дисциплины и борьба с пьянством — это далеко не полный перечень вопросов и ответов в телевизионном выступлении Б.Н. Ельцина, длившемся два с лишним часа телевизионного времени[1].

Первый секретарь обкома не отказал себе в удовольствии процитировать и такое письмо: «Товарищ Ельцин, в год вашего вступления на пост первого секретаря не стало в области ни футбола, ни хоккея. Что Вы предпринимаете, чтобы в Свердловске был футбол и хоккей?»

«Я понимаю, — отвечал Ельцин, — что, как говорил Леонид Ильич в своих воспоминаниях, первый секретарь за все в ответе — за маленькое, за среднее, за большое — за все в ответе, значит, в ответе за то, что у нас «Уралмаш» с футболом провалился, и за то, что «Автомобилист» из высшей лиги вылетел. Надо признаться, что, наверное, недостаточно лично занимался, те работники областного комитета партии, которым непосредственно поручено руководить этим участком. Мы внимательно разобрались, в том числе сейчас с тренерами, ответственными работниками обкома партии, облисполкома, облсовпрофа. Думаем так: в два года «Автомобилист» — в высшей лиге, в два года «Уралмаш» — в первой группе. Хотя это будет сделать непросто. Вопросов здесь очень и очень много».

Это звучало нахально и не слишком ответственно[2]. Но по-болельщицки и по-спортивному задорно.

И еще одна тема, на этот раз — вовсе не шутейная. Это проблема ответственности руководителя за результаты его деятельности, проблема нрав-

[1] Стенограмма выступления на телевидение 18 декабря 1982 г. цитируется по записи, авторизированной тогдашним помощником первого секретаря Свердловского обкома КПСС В.В. Илюшиным. Стенограмма хранится в собрании Центра Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге.

[2] В первую союзную лигу футбольная команда «Уралмаш» попала только в 1990 г.

ственного облика руководителя. После приличествующих этой теме сведений о росте образовательного уровня «руководящих кадров», перечисления людей, уважаемых в области, заявления, что «для подавляющего большинства наших руководителей присущи самостоятельность, смелость, инициатива, скромность, забота об общегосударственных вопросах» Ельцин перешел к главному.

«Не скрою, — заявил он с экрана телевизора жителям области, — ... за последнее время почта областного комитета партии, в том числе лично ко мне, значительно выросла по вопросам злоупотребления служебным положением руководителей, их личным поведением, зазнайством, проявлением бюрократизма, нескромности, грубости...

К большому сожалению должен сказать, что у нас привлечено к ответственности за обман государства 573 человека должностных лица, то есть руководителей. ... Привлечено к строгой партийной ответственности 43 человека-руководителя, как не справившихся с работой освобождено 88 руководителей, исключено из партии 117 руководящих работников только в прошлом и в этом году. ...

Конечно, очень неприятно читать такие слова, что вы разъезжаете на черных "волгах" с нолями, но вы еще ладно, а вот разъезжают ваши жены, родственники, дети и так далее.

Я недавно встречался с группой директоров школ. В кабинете здесь было 14 человек, и они с большой горечью говорили мне, что просто очень неприятно, не говоря уже о том, что вредно, многих школьников подвозят черные «волги», которые закреплены за их отцами. Просто огромный моральный ущерб ребенку, во-первых, которого подвозят, да и всем остальным школьникам, которые видят, что почему-то его подвозят, а я должен ехать на трамвае. Огромный моральный ущерб. И я считаю, что мы должны в области повести такую линию: недопустимо, если на прикрепленной легковой автомашине едет кто-нибудь, если нет с ними вот руководителя, за которым закреплена машина. Недопустимо».

«Товарищи, — завершал своё телевизионное выступление Ельцин, — я понимаю, что не все вы удовлетворены моими ответами. Я сделаю все для того, чтобы удовлетворенность возросла в течение декабря-января месяцев, может быть, февраля, когда отдельные вопросы будут решаться, и вы будете получать ответы. А, может, они будут решаться, и вы без ответов поймете, что они решены. Все-таки я в конце должен отметить, что вот из всех этих писем, из 4090 подписей складывается образ уральца, образ свердловчанина. Образ человека, вы знаете, твердого в своих намерениях, крепкого, безусловно, болеющего за дело, за родной край, за родное предприятие, за улицу, за двор, за город... Желающего, конечно, сделать все, чтобы лучше жилось свердловчанам. И уверен, что уральцы настолько крепко стоят на ногах, что любые какие-то, тем более, незначительные ветры любого характера, в том числе идеологического, никогда уральца, свердловчанина не пошатнут».

Полагаем, что это телевизионное выступление носит программный характер.

Демонстрируя идеологическую верность, Ельцин, тем не менее, на практике выходил за принятые в то время границы поведения носителя власти.

Перечислим эти отступления от нормы.

Он позволил познакомить граждан области с теми аргументами в защиту социальных и экономических прав, которые раньше использовали только сами власти области. Таким образом население вовлекалось в обсуждение вопросов о месте Свердловской области — третьей по промышленному потенциалу — в системе распределения социальных благ.

Он откровенно назвал проблемы, указал, как власть намерена их устранять, определил уровни ответственности — что обязан делать и делает обком, что делают или не делают другие органы местной власти (не забыв назвать персонально ответственных), ясно намекнул, где кончаются возможности области и начинается ответственность госплана, Совмина и ЦК.

Он призвал граждан самих принять участие в решении некоторых проблем, указав, что обком будет содействовать этой самодеятельности.

Люди власти, по его словам, должны находиться под постоянным контролем как самой власти, так и граждан, для которых они служат.

Он заявил о необходимости и полезности постоянного контакта между властями области и людьми.

И, наконец, он, скорее всего нечаянно, открыл, какую силу представляет телевидение как средство агитации и мобилизации людей.

Нетрудно увидеть продолжение этих положений, впервые сформулированных в Свердловске, уже позже, в деятельности Ельцина как первого секретаря Московского горкома КПСС.

Справедливости ради отметим, что такого рода откровения первого секретаря обкома КПСС нравились далеко не всем. Так, когда-то секретарь ЦК КПСС, бывший партийный руководитель Свердловской области Я.П. Рябов позднее писал: «...он почувствовал, что стал *Хозяином* (выделено в тексте — *Авт.*) области и начал фальшивую игру, фарисейски заигрывая с народом, по 1,5—2 часа маячил на телеэкране, отвечал на вопросы и публично "драл розгами" руководителей области, городов и районов»[1].

Сам Яков Петрович в своё время «драл розгами», да так, что клочья летели. Но делал это в узком кругу непосредственных исполнителей. Хозяином и он осознавал себя не меньше. Он был сильный человек с сильной волей, такой, что открыто спорил с членом Политбюро маршалом Устиновым по вопросам обеспечения обороноспособности страны. Да и проблемами повышения статуса Свердловской области он занимался много и вполне искренне.

Но не смог он опереться на поддержку граждан. И отставка его — несправедливая и незаслуженная — стала не более чем эпизодом в истории поздней советской истории и сложным временем его личной биографии. И забыть, и простить своему более удачливому, да и скажем прямо — лучше чувствовавшему время преемнику он не смог.

Начало «эры открытости», положенное Ельциным, будет иметь существенное значение для него, как политика. О нем узнают в стране. С.А. Фила-

[1] *Рябов Я.П.* Мой XX век. С. 56.

тов, руководитель администрации первого Президента России, впоследствии признавался: «Впервые я обратил внимание на Ельцина, когда он работал еще в Свердловском обкоме КПСС. На телевидении тогда открыли новую программу — встречи телезрителей с первыми лицами регионов. По тем временам это было что-то новое, прогрессивное, и с Ельцина началась серия таких передач. Видно было, что на экране — партийный функционер, но вместе с тем многим импонировали его подкупающая открытость, энергия, хорошее знание предмета, о котором он свободно говорил»[1].

Свердловский первый секретарь Ельцин становился политической величиной российского уровня.

И все-таки идеология

Свердловская область была не только крупнейшим индустриальным центром, культурным центром с театрами и филармонией, полутора десятком высших учебных заведений, Уральским научным центром, мощным книжным издательством, литературными журналами. Журнал «Урал» имел в конце 70-х гг. тираж около 100 тысяч экземпляров. Там часто печатался Виктор Астафьев, Борис Ручьев, Людмила Татьяничева. Журнал последовательно вел литературно-критический раздел, один из лучших в стране[2].

В мае 1980 г. секретарь Свердловского обкома КПСС по идеологии В.А. Житенев пригласил на беседу в обком преподавателя философского факультета Уральского университета В.П. Лукьянина, известного критика и одного из постоянных авторов «Урала». Секретарь обкома предложил возглавить журнал, стать его главным редактором. Лукьянин отбивался, ссылался на то, что он не администратор, что он не знает технологии издательского дела.

Житенев возражал — вся техническая работа по публикации журнала ложится на книжное издательство.

Процитирую эту любопытную беседу по статье В.П. Лукьянина.

«Владимир Андреевич, ну зачем вам меня назначать? Ведь через два-три месяца все равно же придется снимать, только зря репутацию мне испортите...

— А во-вторых, — гнул я свою линию, — я же наделаю идеологических ошибок...

Он засмеялся:

— Что вы! Мы же понимаем, что сейчас мыслить догматически нельзя, нужны новые, смелые подходы. Мы вас будем поддерживать.

Вот такой он был прогрессивный. Но поначалу мне показалось, что и это его обещание выполняется: мы с первых же номеров, которые я подписывал, кое-что себе «позволяли», и никто претензий к нам не предъявлял»[3].

При явной иронии В.П. Лукьянина остается правдой, что ему как главному редактору удалось изменить редакционную политику журнала, сделать региональное издание по настоящему интересным для страны. В журнале появилась серия повестей и романов, затрагивавших проблемы личной ответственности человека в условиях давления на него власти, поднималась проблема границ компромисса с властью — это были повесть А. Ромашова «Диофантовы уравнения», где действие переносилось в эпоху поздней античности, роман Н. Шюта «Крысолов», предложенный редакции «Урала» переводчицей Норой Галь. В центре сюжета романа оказалась судьба человека, с угрозой для жизни спасающего детей из оккупированной Франции 1940 г. Можно согласиться с мнением, высказанным в литературе, что и повесть А. Ромашова, и роман Н. Шюта в известной мере предвосхитили «покаянные настроения» в отечественной литературе 80-х гг[1].

1 *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 421—422.

2 *Быков Л.П., Лейдерман Н.Л.* Литература Урала в 1960—70-е годы // Литература Урала. — Екатеринбург, 1998. — С. 268.

3 *Лукьянин В.П.* Время ледолома. Урал накануне перестройки// Урал, 2008, № 1.

Однако настоящая, хотя и не лишённая скандальности слава пришла журналу в 1982—1983 гг., когда в трех последних номерах журнала за 1982 г. был издан роман тюменского писателя К.Я. Лагунова «Бронзовый дог», а сразу вслед за тем, в январском номере 1983 г., — повесть Н.Г. Никонова «Старикова гора».

К. Лагунов был постоянным автором «Урала», часто публиковал там очерки о трудовых подвигах нефтяников и газовиков[2]. Однако новый роман, хотя и использовавший прежние материалы, был совершенно о другом. Главными действующими лицами «Бронзового дога» стали «газовые и нефтяные генералы», те люди, которых через десять лет станут называть олигархами и «новыми русскими», со своей, особой моралью, с практической вседозволенностью, с подчинением этим людям всей и всяческой местной власти. Ничего подобного в литературе не было! Это был, в известном смысле, роман-пророчество.

Романом зачитывались, журнал рвали из рук в руки.

Дополнительную скандальность, уже «местного значения», роману К. Лагунова придавали реалии романа, которые легко прочитывались и «привязывались к местности» — Гудым — центр повествования — и Надым, центр добычи газа в Ямало-Ненецком округе, прочитывались и угадывались не только места, но и люди. Понятно, что Тюменский обком был в ярости и обращался «инстанциям» с просьбой навести идеологический порядок.

Повесть Н. Никонова «Старикова гора»[3] вполне укладывалась в контекст «деревенской прозы» Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева.

Это было лирическое повествование о художнике, который приехал в куда-то в Зауралье, в деревню за тишиной, покоем и деревенским бытом, а нашел там полностью разрушенную прежнюю жизнь — спившихся людей, орущие магнитофоны, запущенную, едва ли не брошенную скотину... А единственный человек, который пытается сохранять элементы деревенского быта — это бывший раскулаченный старик, которого ненавидит вся деревня.

Напомню: эти публикации появились в свет в 1982—начале 1983 гг.

Именно тогда началась новая кампания по «укреплению идеологической дисциплины». 30 июня 1982 года в «Правде» было опубликовано постановле-

1 *Ходов С.Б.* Эстетическая позиция российского регионального журнала (на материале журнала «Урал» (1958—1998).Специальность 10.01.01. — Русская литература.Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Екатеринбург 1999.

2 К. Лагунов был также автором первого в отечественной литературе романа о крестьянских восстаниях в Западной Сибири

3 *Лукьянин В.* Как писатель Николай Никонов покушался на советский строй //Урал, 2006, № 12.

ние ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства». В постановлении были подвергнуты критике публикации в журналах, где «события отечественной истории, социалистической революции, коллективизации изображены с серьезными отступлениями от жизненной правды. Отдельные публикации содержат предвзятые, поверхностные суждения о современности... авторы которых обнаруживают мировоззренческую путаницу, неумение рассматривать общественные явления исторически, с четких классовых позиций»[1].

Раз появилось такое постановление, то обком партии был **обязан** обсудить вопрос о работе литературных журналов.

24 мая 1983 г. бюро Свердловского обкома партии обсудило вопрос: «О работе редакции по повышению идейно-художественного уровня журнала «Урал» в свете требований 26-го съезда партии и постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства».

Постановление вполне соответствовало партийным традициям — с одной стороны, с другой стороны.

С одной стороны — журнал «Урал» «проводит определенную работу по выполнению решений XXVI съезда партии, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС, постановления Центрального Комитета КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982 г.), стремится к художественно-публицистическому осмыслению проблем современности, социально-экономической жизни и коммунистического воспитания трудящихся», что и подтверждалось длинным перечнем публикаций».

С другой стороны, «редакция журнала «Урал» допускает серьезные недостатки и просчеты в определенной тематической направленности публикаций, нет должной требовательности в работе с авторами по повышению идейно-художественного уровня произведений».

Но главными объектами критики стали «ряд материалов, не имеющих четких идеологических позиций, слабых в художественном отношении».

Это были роман К. Лагунова «Бронзовый дог» и повесть Н. Никонова «Старикова гора».

«Герои романа К. Лагунова, и прежде всего руководители строительства магистрального газопровода, — записано в постановлении бюро Свердловского обкома, — изображены как люди ущербные, морально нечистоплотные, стяжатели, пьяницы. Рабочих автор рисует скупо и не жалеет красок для описания банды "бичей". В произведении Н. Никонова подвергаются сомнению результаты коллективизации. Жизнь современного села подается в красках, далеких от оптимистического настроя, от решаемых обществом созидательных задач».

Первым пунктом бюро Свердловского обкома было записано: «Признать, что работа редакции журнала «Урал» по повышению идейно-художественного уровня публикуемых произведений не соответствует требованиям XXVI съезда партии и постановления ЦК КПСС».

[1] Правда. 1982. 30 июля.

Однако после столь суровой оценки не последовали оргвыводы. «За допущенные просчеты и недостатки в работе, публикацию ряда идейно порочных материалов главный редактор коммунист т. Лукьянин В.П. и секретарь партийной организации т. Горбунов Ю.А. заслуживают строгого партийного взыскания, но, учитывая обсуждение на бюро обкома КПСС и то, что главный редактор осознал свои ошибки, ограничиться предупреждением».

Из всех возможных — наименьшее наказание. Главный редактор В.П. Лукьянин остался, редколлегия журнала сохранена. Позже история с заседанием бюро обкома обросла легендами, В.П. Лукьянин, талантливый журналист и редактор, приобрел своего рода «ореол мученичества», об этой истории в 90-е гг. писала испанская журналистка Пилар Бонет и известинский журналист Павел Гутионтов.

Но остается фактом, что журнал сохранился, что обком, пригрозив, никого по существу не наказал.

Идеологические проблемы решались вполне вегетариански, без тех репрессивных мер, которыми и достигалось «идеологическое руководство» в недавнем прошлом.

Новое назначение — в Москву

Переезд в Москву

После смерти Леонида Ильича Брежнева в высшем звене партийного аппарата начались долгожданные перемены. Старшее поколение сверстников Брежнева уходило из жизни, на их места стали назначать новых. Начиная с 1983 года, в течение нескольких лет было заменено около 90% секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик[1].

В Москве следом за Горбачевым оказалась целая команда выходцев из Ставрополья — Мураховский, Разумовский, Полозков. Из Свердловска в Москву на должность заведующего экономическим отделом ЦК был направлен Н.И. Рыжков, из Томска — первый секретарь Томского обкома КПСС Е.К. Лигачев, которому в ЦК предстояло отвечать за подбор руководящих кадров.

Е.К. Лигачев в своё время был назначен в Томск с поста первого секретаря Советского райкома КПСС г. Новосибирска. Так на официальном языке назывался Академгородок. Область была, по сравнению со Свердловской, слабее в промышленном отношении, но там были и своя нефть, и секретный в то время ядерный центр, и старейший в Сибири университет. Назначение оказалось удачным. Он деятельно помогал томским физикам, занимался охраной деревянного зодчества старинного Томска, ввёл едва ли не в обязательную практику для всего томского чиновничества лыжные соревнования и обязательные походы на лыжах. Был известен своим неприятием пьянства. Он относился к числу тех секретарей обкомов, которых уважали граждане области.

Теперь в Москве он подбирал в аппарат ЦК тех секретарей обкомов, которые бы отвечали его требованиям. Уралец Ельцин явно заинтересовал сибиряка Лигачева.Особенно должна была привлечь ельцинская требовательность

[1] *Рыжков Н.И.* Десятьлет великих потрясений. М., 1995. С. 75.

к аппарату, проявленная Ельциным еще при Брежневе. При новом генсеке — Ю.В. Андропове — это качество оказалось очень востребованным.

В январе 1984 г. Лигачев был почетным гостем отчетно-выборной партийной конференции Свердловской области. Доклад первого секретаря заканчивался вполне в духе времени: призывами к каждому члену партии «... свято помнить, что он — боец партии, что для него нет ничего выше общих интересов, что он призван задавать тон и служить примером во всем».

С целью оценки качеств Б.Н. Ельцина, (члена ЦК КПСС с 1981 г.) и «прояснения сомнений» относительно целесообразности его перемещения, доверенный человек нового Генерального секретаря, человека «нового мышления» М.С. Горбачева — Е.К. Лигачев отправился в Свердловск. Кроме того, секретарь ЦК КПСС Я.П. Рябов, проработавший с Ельциным длительное время, тогда предлагал М.С. Горбачеву его кандидатуру для приглашения в Москву.

Для Ельцина это предложение могло показаться неожиданным, но в кулуарах Старой площади вопрос о его переводе в Москву вставал еще до прихода к власти Горбачева. В дневнике В.И. Воротникова есть упоминание о том, что в разговоре с ним 2 июня 1984 Горбачев говорил о необходимости укрепить в ЦК руководство строительством и транспортом, и может быть иметь секретаря ЦК, курирующего эту сферу, как это есть в крупных областях[1]. Фамилия Ельцина не упоминалась, но вероятно, что Горбачев имел в виду именно его, профессионального инженера-строителя с большим опытом руководящей работы в отрасли и в партии, к тому же хорошо знакомого.

Как водится, Лигачеву показывали достижения области. К таковым относилась и реконструкция Свердловского оперного театра. Обкомовская машина остановилась у театра. Из неё вышли Ельцин и Лигачев. Егор Кузьмич обратился к первой прохожей — благо, что место было бойким. Он спросил, показывая на Ельцина:

« — Знаете, кто это?

Та ответила, что конечно знает, что это — Ельцин и добавила:

— Что? Вы его забирать в Москву приехали?»

Слухи о возможном переводе Ельцина в Москву уже бродили в городе и особой радости не вызывали.

Не выказал никакой радости и Ельцин[2].

Положение его было непростым. С одной стороны, он — руководитель области, где знает если не всё, то многое. Где у него проверенный деятельный аппарат, коллеги, друзья. Где есть поддержка населения.

Перевод в Москву в определённом смысле почти неизбежен. Ушли в столицу его предшественники Кириленко и Рябов. Но они шли на должности не ниже секретаря ЦК КПСС. Соглашаться на иное — это потеря статуса.

Москва — это неопределенность. Другие люди, иные отношения. Первый человек области становился лишь частью, винтиком другой бюрократической машины. Не могла не вызывать тревогу и беспокойство судьба Я.П. Рябова, по-

1 *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С.43.
2 См.: Интервью с С.Д. Алексеевым. [Видеозапись]. Цит. по: Снегирева Л.Н. Указ. соч. С. 35.

павшего в тяжелейшие переделки в столице, при очевидном его, Я.П. Рябова, желании сделать лучше для страны.

Но Ельцину — 55 лет. Он многое может и умеет. Он честолюбив. Он понимает, что ключи, которыми отмыкаются замки проблем, находятся, большей частью, не на местах, не в областях, а в Москве, в пределах Садового кольца.

И кто, если не он?

В начале апреля 1985 г. ему позвонил кандидат в члены Политбюро В.И. Долгих. Выполняя поручение Политбюро ЦК КПСС, он предложил Борису Николаевичу переехать работать в Москву в Центральный Комитет партии заведующим отделом строительства[1]. Ельцин от этого предложения отказался. Уровень заведующего отделом ЦК явно не соответствовал уровню секретаря партийных организаций одной из самых крупных областей России.

На следующий день Ельцину последовал звонок члена Политбюро, «политического тяжеловеса» Лигачева. Разговаривал он напористо и решительно, призывая Ельцина к партийной дисциплине. Против этих аргументов последний возражать не мог[2]. Решение о переводе в Москву было принято. 12 апреля 1985 г., на самой заре «перестройки» Ельцин стал членом новой «команды», провозгласившей новый курс.

В лучших традициях принципа «демократического централизма» (еще одно подтверждение того, что большая политика «делалась» в Кремле, а до мнения «рядовых членов» не было никакого дела), только 19 апреля 1985 г. члены партийной организации Свердловской области, участвовавшие в работе VII пленума Свердловской областной организации КПСС, узнали о новом назначении Б.Н. Ельцина.

Первым вопросом на пленуме был организационный вопрос. Докладывал П.А. Смольский — заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. В своей речи он озвучил мнение о целесообразности повышения Б.Н. Ельцина. Имеет смысл привести его выступление полностью, чтобы снять возможные кривотолки о причинах перевода Ельцина в Москву, часто встречающиеся в многочисленной мемуарной литературе. Он, в частности, сказал: «Позвольте мне по поручению Центрального Комитета партии и бюро обкома КПСС доложить существо организационного вопроса, который нам с вами предстоит сегодня рассмотреть и решить. Речь идет о первом секретаре Свердловского областного комитета партии. Решением Политбюро ЦК от 11 апреля 1985 года Борис Николаевич Ельцин утвержден заведующим отделом строительства ЦК КПСС.

Пост этот, как вы сами понимаете, высокий и весьма ответственный. Проблема капитального строительства, а объем его в нашей стране огромный, требует к себе постоянного внимания и серьезного партийного воздействия.

В этой связи учитывалось, что Б.Н. Ельцин хорошо подготовленный, опытный и самоотверженный работник. Важно, что он инженер-строитель, более 13 лет работал по специальности на инженерной, руководящей работе здесь, у вас в Свердловске, с 1968 года — это уже 17 лет — он на партийной работе. Был заведующим отделом строительства, секретарем обкома партии, 9 лет

1 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С. 70.
2 См.: там же. С. 71.

возглавляет вашу Свердловскую партийную организацию. Организация одна из самых крупнейших в партии и является боевым и надежным отрядом КПСС, Борис Николаевич долгие годы работал в вашей организации, много сделал для развития экономики, науки, культуры, области и, можно сказать, внес достойный вклад и в работу партийной организации, и в общие ваши дела. Он член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза СССР, что также имеет важное значение. Можно не сомневаться, что опыт, который он здесь получил, станет для Бориса Николаевича хорошим фундаментом в его дальнейшей работе. Можно сказать, что то большое доверие, которое Центральный Комитет, Политбюро ЦК оказали Б.Н. Ельцину, это доверие и всей вашей партийной организации, вашим кадрам»[1].

Решение об освобождении Б.Н. Ельцина с поста секретаря областного комитета партии по существующим правилам было принято единогласно. Московский чиновник, говоря на пленуме заготовленную речь, вряд ли мог предположить, что в одной части его речь окажется едва ли не пророческой. Это касается опыта, полученного им на Урале, который должен стать фундаментом в дальнейшей деятельности Ельцина.

Сам Борис Николаевич увозил в Москву опыт строителя, созидателя, руководителя, для которого нет и не может быть «мелких» вопросов. Разумеется, тот стремительный взлет, который ждал его в столице, те масштабные задачи по переустройству России на посту Президента, несоизмеримы с тем, чем ему приходилось заниматься в Свердловской области. Однако качества руководителя — напористого, порой жесткого, умеющего просчитать шаги наперед, признать просчеты и ошибки — сформировались именно на Урале.

Еще до начала «московского периода», готовя рабочие материалы к публикации «И пронести через годы верность» в «Советской России», по наитию угадывая свою будущую трудную политическую судьбу, он доверительно напишет: «Столкновение старого с новым всегда конфликтно. Но мне, кажется, сегодня было бы уже неправильно делить людей по традиционной схеме — на «прогрессивных» и «консервативных». Наша жизнь требует от человека совмещать в себе и беспокойство преобразователя, и постоянного созидателя. Немного пользы принес бы новатор, не умеющий вовремя притормозить, закрепить победу, как, впрочем и человек основательный, стабильный, который не чувствует момента, когда его дело себя исчерпало. Поэтому столкновение старого с новым происходит теперь чаще не в отношениях между людьми, а в душе одного и того же героя, выбирающего, ринется ли он вновь в бой, или будет длить, сколько может, достигнутый покой... И, чего греха таить, не всегда еще в этом столкновении верх берет новое, прогрессивное».

И добавил: «Говорят, уральцы самолюбивы... Мы не спорим: ведь самолюбие самолюбию — рознь, а наше, уральское — это гордость мастеровых, знающих настоящую цену себе и своему умению. Таким можно только гордиться...»[2].

Перед Борисом Николаевичем открывалась дорога в Москву, которая станет новой страницей в его жизни. Позади останется малая родина, детство,

1 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 4. Л. 2—3.
2 ЦДООСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л.155, 159.

юность, опыт становления как личности. Вместе с ним в столицу отправится багаж его опыта руководителя, стиля и методов руководства.

...

После пленума обкома, освободившего Б.Н. Ельцина от должности первого секретаря обкома, состоялся ужин — проводы секретаря обкома. Собрались близкие Б.Н. Ельцину люди. По обычаю, выпили. Михаил Григорьевич Крюков, первый секретарь нижнетуринского горкома партии, секретного Свердловск-45, обратился к Ельцину: «Ну, Борис Николаевич, или ты революцию в Москве устроишь, или голову свою не сносишь». «Лучше бы первое» — смутившись, сказал Б.Н. Ельцин[1].

1 По воспоминаниям второго секретаря нижнетуринского горкома Н.А. Волгина.

Часть 2

МОСКВА. От ЦК КПСС до I Съезда народных депутатов СССР

Глава 4

Заведующий отделом строительства, секретарь ЦК КПСС

12 апреля Ельцин приступил к работе в Москве. Он хорошо знал строительную отрасль, имел большой практический опыт работы. Но для него, лидера по натуре, вхождение в новую должность было непростым. Вместо реальных проблем крупной области, он вынужден был заниматься в основном бумажной работой. Общение с Генеральным секретарем ограничивалось телефоном. Он не привык быть в подчинении, с первых лет работы на стройке он был руководителем — начальником участка, затем управления, директором домостроительного комбината. После девяти с лишним лет в должности «хозяина области» он оказался в положении винтика могучего аппарата управления, в котором, по его словам, «механизм подчинения, строгой партийной иерархии доведен до абсурда»[1].

Ельцину трудно было вписаться в эту новую систему отношений, порой его поведение могло показаться вызывающим. Лишь сознание, что должность эта временная, избавляло его от конфликтов.

Ждать нового назначения пришлось недолго. Уже 29 июня на заседании Политбюро ЦК произошли серьезные перестановки. Прежде всего, была определена судьба поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, остававшегося вакантным после смерти Черненко. Горбачев предложил на этот пост А.А. Громыко. Он сохранял свой статус члена Политбюро, но в связи с новым назначением освобождал пост министра иностранных дел, который занимал с 1957 г. Министром иностранных дел был рекомендован Э.А. Шеварднадзе.

Тогда же было принято решение об освобождении от должности члена Политбюро и секретаря ЦК Г.В. Романова, который считался потенциальным соперником Горбачева. Формально его отправили на пенсию, согласно его заявлению «по состоянию здоровья». На место Романова, курировавшего оборонные отрасли промышленности, был рекомендован Л.Н. Зайков.

Аргументируя назначение Ельцина на пост секретаря ЦК по строительству, Горбачев говорил о проблемах отрасли, огромных объемах незавершенного строительства и замороженных капиталовложениях: «За решение этой проблемы мы взялись, принят ряд известных вам крупных постановлений. Укрепили этот участок, взяв сюда в Москву заведующим отделом строительства т. Ельцина, работавшего первым секретарем Свердловского обкома партии и имеющего хороший опыт в области строительства. Может быть, посмотреть его секретарем ЦК КПСС, который, оставаясь заведующим отделом, на уровне секретаря ЦК КПСС занимался бы вопросами строительства?» Атмосферу согласия вдруг нарушил Н.А. Тихонов.

Тихонов. А как он себя покажет в новой роли?

Горбачев. Вопрос понятный. Но у товарища Ельцина есть хороший опыт: он работал прорабом, главным инженером, начальником строительного трес-

[1] *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.93.

та, был главным инженером, а затем начальником Свердловского домостроительного комбината. Затем работал в Свердловском обкоме партии. Так что он знает эту отрасль и имеет опыт партийной работы.

Тихонов. Но я как-то его не чувствую.

Лигачев. Тов. Ельцин активно взялся за дело, был в ряде министерств, к нему потянулись люди.

Долгих. Тов. Ельцин правильно строит отношения с министрами. У него хорошая связь с обкомами партии. Поближе познакомившись с ним, я не обнаружил у него слабых мест.

Горбачев. В области строительства очень многое нужно сделать. Требуется энергичный человек.

Тихонов. Строительство — наше самое слабое место.

Соломенцев. Нужно рекомендовать т. Ельцина секретарем ЦК. Он будет расти. Данные для этого у него есть: образование, инженерная практика в области строительства. В общем, это человек с перспективой.

Горбачев. Я специально поднял этот вопрос для того, чтобы обменяться мнениями. Хотел проверить себя и узнать мнение товарищей? Тогда как будем поступать? Будем рекомендовать т. Ельцина на пленуме избрать секретарем ЦК?

Члены Политбюро. Да, нужно оформить это решением Политбюро[1]».

Критика Тихоновым Ельцина на этом заседании скорее всего стала фактором «за» Ельцина. Сложные, конфликтные отношения Тихонова с Горбачевым были хорошо известны членам Политбюро. Он был наиболее последовательным противником усиления позиций Горбачева и расценивал бывшего секретаря Свердловского обкома как ставленника и сторонника Генсека.

Недовольство Тихонова могло иметь и еще одно основание — давний конфликт между Ельциным и Тихоновым по поводу директора Уралмаша, о котором мы писали выше.

Следом за назначением Ельцина решался вопрос о выборах секретарем ЦК и заведующим отделом оборонной промышленности первого секретаря Ленинградского обкома партии Л.Н Зайкова. На его место назначался Ю.Ф.Соловьев, работавший в это время министром промышленного строительства СССР. Тихонов раскритиковал и это назначение, что опять-таки не помешало Зайкову.

Время Тихонова кончалось. 26 сентября 1985 г. на Политбюро было принято решение о его отставке «по состоянию здоровья». Его пост — пост председателя Совета Министров СССР — занял Н.И. Рыжков.

Вхождение Ельцина в состав высшей партийной элиты ознаменовалось заметными переменами в жизни семьи. Из дачного дома, который они делили с Лукьяновым, тогда тоже заведующим отделом ЦК, Ельцины переезжают на дачу, которую ранее занимал Горбачев. Дача поражала своей роскошью. Появляется обслуга — три повара, три официанта, горничная, садовник со своим штатом, охрана. Старший группы охраны исполнял обязанности порученца.

Ельцины, как и другие семьи, принадлежащие к спецконтингенту, должны лечиться в специальных поликлиниках, оборудованных по последнему

1 АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1985, 29 июня. С. 1—9.

слову науки и техники, обслуживаться в спецмагазинах, шить одежду в спецмастерских, получать «Кремлевский» паек, который оплачивался половиной его стоимости. За главой семьи был закреплен ЗИЛ со спецсвязью, за членами семьи — «Волга».

За короткий период пребывания на посту секретаря ЦК Ельцин много ездил по стране — Московская и Ленинградская области, Дальний Восток, Туркмения, Армения, Тюменская область. Эти поездки не прошли бесследно. Он лучше узнавал страну, расширял кругозор, завязывал новые знакомства, накапливал личные впечатления, опыт. Руководитель областного масштаба постепенно выходил на новый, союзный уровень.

Поездка в Ташкент на пленум ЦК партии Узбекистана больше всего запомнилась и на многое раскрыла глаза. Ельцин приехал в республику в разгар расследования по так называемому «хлопковому делу». Начатое еще при Андропове, расследование привело к разоблачению взяточников, занимавших высшие посты в республике. 20 марта 1985 г. был арестован бывший заместитель министра внутренних дел Узбекистана Кахраманов. Начались аресты, затронувшие по существу всю партийно-государственную элиту Узбекистана. Республика бурлила. Как только стало известно о приезде из Москвы секретаря ЦК, в гостиницу потянулись люди. Охрана не пускала, но Ельцин сказал, что будет принимать всех.

За два дня он услышал множество, казалось бы, неправдоподобных, но на самом деле более чем реальных историй о взятках в высшем партийном эшелоне республики. Открывшаяся картина произвела на Ельцина шокирующее впечатление. Более того, он получил документы свидетельствующие о взяточничестве нового первого секретаря компартии республики Усманходжаева. Прилетев в Москву, Ельцин отправился с этими документами к Горбачеву и подробно рассказал обо всем, что услышал. Реакция Горбачева была неожиданной — он рассердился и заявил, что Ельцин не разобрался, Усманходжаев — честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, и старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами[1].

Ташкентский эпизод во многом характерен для Ельцина. Вне зависимости от должности — секретарь обкома или секретарь ЦК — он никогда не был кабинетным руководителем. Поездка на пленум ЦК Узбекистана вовсе не предполагала никакого «приема населения», но если люди хотели с ним встретиться, Ельцин не отказывал. Он доверчиво и эмоционально воспринимает услышанное и сразу готов действовать. Возможно, что помимо документов, разоблачавших Усманходжаева, сработала и знаменитая ельцинская интуиция. Впоследствии, Усманходжаев, как и многие другие руководители республики, был смещен со своего поста и привлечен к ответственности[2].

22 декабря 1985 г. последовало новое назначение. Ельцина вызвали на заседание Политбюро и предложили возглавить московскую городскую партийную организацию. Впоследствии Ельцин вспоминал: «Соглашался я на тот

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.102—103.

2 Информационная записка следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т.Х. Гдляна и Н.И. Иванова в ЦК КПСС от 11 ноября 1986 г. См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 24. Д. 18.

пост с трудом. И не потому, что боялся трудностей, я отлично понимал, что меня используют, чтобы свалить команду Гришина»[1]. Нужен был новый человек, не связанный с Москвой, достаточно решительный и смелый.

В период краткого правления К.У. Черненко В.В. Гришин рассматривался как его потенциальный преемник на посту генерального секретаря. После прихода к власти Горбачева были предприняты немалые усилия, чтобы подорвать позиции Гришина. Подготовка к свержению всесильного московского лидера велась на протяжении почти года. Особенно усердствовал в этом Е.К. Лигачев. По его указанию в печати, особенно на страницах «Советской России», развернулась критика положения в торговле, жилищном и бытовом обслуживании населения Москвы. В 1985 г. началась замена руководителей Московской области. Первый секретарь Московского обкома В.И. Конотоп и председатель областного исполкома Пестов были отправлены на пенсию.

Как вспоминает В.И. Воротников, 13 декабря 1985 г. Горбачев жаловался ему, что в ЦК поступает много писем с жалобами на Гришина, на партийных собраниях, в коллективах идут разговоры, осуждающие Гришина за барство, показуху, за его увлечение лозунгами вместо дела. Горбачев сообщил, что он уже разговаривал с другими членами Политбюро о необходимости заменить Гришина[2]. О Гришине ходило много слухов, его пытались обвинить в различных махинациях, но никаких компрометирующих материалов против него работники правоохранительных органов не обнаружили. Когда Ельцин пришел в МГК, сейфы в кабинете первого секретаря были пусты[3].

23 декабря 1985 г. за полчаса до начала очередного заседания Политбюро Гришина вызвал Горбачев[4]. (В своих воспоминаниях Гришин приводит дату — 19 декабря, а Ельцин — 22 декабря. Скорее всего, было две встречи Горбачева: первая — только с Гришиным, вторая — с Ельциным и членами Политбюро). Сказав Гришину, что на работу московских организаций, горкома поступают жалобы, Горбачев предложил подать ему заявление об уходе на пенсию. Предложение выглядело неожиданным, так как до городской партконференции оставалось полтора месяца. Но вопрос о назначении первого секретаря горкома был решен Политбюро[5].

На заседании присутствовали только члены Политбюро, секретарь ЦК Разумовский, отвечавший за партийные кадры и Ельцин. Горбачев сообщил, что у него состоялся тяжелый разговор с Гришиным, и тот был вынужден написать письмо, в котором он просит о переводе на пенсию и назначении в группу советников при ПВС СССР.

Горбачев продолжил: «Если у товарищей нет возражений, то в работе пленума Московского горкома КПСС [формально освободить от должности первого секретаря Московского горкома мог только пленум этого горкома] можно было бы принять участие мне. Теперь о кандидатуре на пост первого секретаря

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.109—110.
2 *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 80.
3 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.111.
4 АПРФ. Ф.3. Оп.73, Д.1242Л.1—3
5 *Гришин В.В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 294—296.

Московского горкома КПСС. Речь идет о столичной партийной организации. Поэтому целесообразно рекомендовать на этот пост человека из ЦК КПСС, с опытом работы в крупной партийной организации, знающего вопросы экономики, науки и культуры. Есть предложение рекомендовать т. Ельцина Б.Н... Я беседовал с т. Ельциным. Он понимает место и значение московской партийной организации, трудность и сложность работы на посту первого секретаря... Столица есть столица. Это и административный, и экономический, и научный, и культурный центр».

Будущий помощник Горбачева А.С.Черняев записал в своем дневнике 23 января: «Сегодня день ликования всей Москвы: сняли, наконец, Гришина, заменили Ельциным»[1].

Первый секретарь МГК КПСС

Уже на следующий день, 24 декабря 1985 г., на пленуме МГК Ельцин был избран первым секретарем. Обсуждения кандидатуры не было. Ельцин возглавил самую крупную в стране городскую партийную организацию. На 1 января 1986 г. столичная парторганизация насчитывала 1 млн 120,4 тыс. человек, из которых 58,6% были служащими, 45,0% — рабочими. В целом по СССР число членов партии превысило 19 млн[2]. Москва лидировала и по удельному весу коммунистов в составе населения. В целом по стране 9,7% взрослого населения были членами партии, а в Москве — 16,5%[3].

Руководить такой парторганизацией было почетно, но и бесконечно сложно, тем более, что столица находилась под пристальным вниманием Кремля. В качестве первого секретаря Московского горкома партии Ельцин столкнулся с бесчисленным количеством проблем этого гигантского города, многие из которых были для него неожиданными. За 18 лет управления городом Гришин добился того, что в московские дела никто не вмешивался. Официально у Москвы не было проблем, это был почти «образцовый коммунистический город». И это было правдой, если говорить о жизни нескольких процентов москвичей, относившихся к «номенклатуре» — не только к официально узаконенному списку партийных и государственных чиновников, чье назначение на должность в обязательном порядке согласовывалось в партийных органах, но и связанных с ними не слишком заметными, но прочными связями небольшой части работников искусства и науки, милиции и торговли. У них были хорошие, по советским меркам, квартиры, медицинское обслуживание, торговый «дефицит».

Но была и многомиллионная Москва, отделенная от той, другой Москвы, постами милиции и консьержками в подъездах, «персональными» служебными автомобилями и «залами официальных делегаций», как именовали советскую разновидность залов VIP на вокзалах и аэропортах. Была та Москва, в которой каждый четвертый житель официально стоял в очереди на получение жилья, сотни тысяч рабочих-лимитчиков, нанятых на самую непрестижную работу в столицу и по десять-пятнадцать лет дожидавшихся самого права считать-

1 *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 63.
2 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1363. Л.37.
3 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1365. Л.80.

ся москвичами, получить пресловутую «прописку». Для этой, другой Москвы, были плохие поликлиники и больницы, очереди в магазины, нечищеные улицы, коммуналки и «хрущевские» квартиры с кухнями в 3, 5 квадратных метра.

В Москве, как и во всей стране, люди ждали и хотели перемен, поэтому приход Ельцина с его достаточно четкими позициями, с его резкой оценкой существующего положения в стране и в Москве, с предложениями по изменению ситуации был воспринят с надеждой.

Работа Ельцина на новом посту началась с подготовки к очередной 26-ой городской партийной конференции. Хотя в декабре на пленуме МГК Горбачев в целом положительно оценил работу Гришина, была дана установка ЦК провести конференцию в духе острой критики недостатков работы прежнего руководства горкома, чтобы показать пример перестройки.

Новый политический год для Москвы начался 24 января 1986 г. городской партийной конференцией и выступлением Ельцина. Работая над докладом, Ельцин встретился с десятками людей, ездил на предприятия столицы, анализируя обстановку, вместе со специалистами пытался найти оптимальный вариант выхода из кризисной ситуации. Его доклад на конференции продолжался два часа. После долгих лет гришинского правления с трибуны городской партконференции впервые звучали горькие слова правды о ситуации в столице: «среднегодовые темпы промышленного производства против 8-ой пятилетки упали в 3 раза. Среднедушевой прирост промышленной продукции сократился с 5% до 1, 3% — в несколько раз ниже, чем в стране. ... провал по жилью — в 1985 г. не возведено почти 300 тыс. кв.м.». Ельцин говорил о фактах очковтирательства и приписок, из-за чего ряд объектов пришлось исключить из статистической отчетности[1].

Помощник Горбачева Черняев записал в своем дневнике: «Доклад по симптоматичности, по отражению глубины и масштабов перемен можно поставить вровень с XX съездом КПСС. То есть это уже по духу, по слову, по подходам действительно новые нормы жизни и деятельности. У киосков, где продавалась «Московская правда» [газета с текстом доклада Ельцина], выстраивались огромные очереди»[2].

Как вспоминал Ельцин, «Горбачев после его окончания сказал мне: «Подул сильный свежий ветер». Но сказал без ободряющей улыбки, с бесстрастным выражением лица»[3].

Горбачев беспокоился, как пройдет голосование. Как он пишет в воспоминаниях, «московский партактив был немало раздосадован тем, что не нашли достойного кандидата в столичной парторганизации, подыскали «варяга» со стороны. Но избрание прошло без помех»[4].

После конференции на заседании Политбюро 30 января 1986 г. было принято решение по ее итогам, в котором в резком тоне говорилось «о серьезных недостатках в работе горкома партии и городской парторганизации». Гришин просил сделать оценки более объективными — Московская организация как

1 Московская правда 25 января 1986.
2 *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 63—64.
3 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.111.
4 *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн.1. С.292.

никакая другая находилась под постоянным контролем ЦК, и критика МГК косвенно была обращена и на ЦК. Но предложение было отвергнуто[1]. После конференции в СМИ началась широкая критика всего, что делалось в Москве при Гришине.

XXVII съезд КПСС

Через месяц новый партийный лидер Москвы выступил на партийном съезде. XXVII съезд КПСС открылся 25 февраля 1986 г. Съезда ждали, ждали программы Горбачева. Доклад, с которым выступил генсек, в целом оправдывал эти ожидания. Он открывался непривычным для таких документов признанием проблем и недостатков в деятельности партии: «В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и по причине, прежде всего, субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества стали проступать застойные явления. Ситуация требовала перемен, но в центральных органах, да и на местах, стала брать верх своеобразная психология: как бы улучшить дела, ничего не меняя. Но так не бывает, товарищи... Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии. И давайте скажем об этом в полный голос!»[2].

Текст доклада не был лишен внутренних противоречий, создавал временами впечатление «лоскутного одеяла», в котором старые, традиционные оценки сочетались с попытками осмыслить мир по-новому.

В области внутренней политики стратегия развития страны связывалась с ускорением социально-экономического развития. Новым стал провозглашенный Горбачевым курс на союз с прессой. «Принципиальным для нас, — заявил он на съезде, — является вопрос о расширении гласности... Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении... Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать призывы поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях, о трудностях, неизбежных в любой живой работе. Ответ тут может быть только один, ленинский: коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда... Поэтому нам надо сделать гласность безотказно действующей системой»[3].

В повестке обсуждения доклада Генерального секретаря выступление Б.Н. Ельцина значилось третьим, после председателя Совета министров РСФСР В.И. Воротникова и первого секретаря ЦК компартии Украины В.В. Щербицкого. Показатель высокого статуса первого секретаря столичного горкома — он шел сразу после представителей двух самых крупных союзных республик.

Выступление Ельцина многим запомнилось.Он задавал вопросы, которые вставали перед каждым человеком, задумывавшимся о положении в стране:

1 *Гришин В.В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 299.
2 Материалы XXVII съезда КПСС.М., 1986. С. 4.
3 Там же. С. 60.

«Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось явно чуждое слово «застой»? Почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом?»

Ельцин видел причину в кадрах: «...нет у ряда партийных руководителей мужества своевременно объективно оценить обстановку, свою личную роль, сказать пусть горькую, но правду, оценивать каждый вопрос или поступок — и свой, и товарищей по работе, и вышестоящих руководителей — не конъюнктурно, а политически».

Смело прозвучала критика ЦК: «структура отделов ЦК стала чуть ли не копией министерств. Многие в отделах просто забыли, что такое истинно партийная работа. Идет сплошное дублирование Госплана, Совета Министров. В согласованиях, которые по простым вопросам длятся годами, захлебываемся ... отдел организационно-партийной работы явно перегружен. Чем он только не занимается — и вагоны, и корма, и топливо. Все, конечно, важно. И все же важнее всего кадры. А как раз эта работа и была упущена. *(Аплодисменты.)* Партийные кадры в отделе знали плохо. Контроль за их работой осуществлялся слабо. Вовремя принципиальной оценки многим не давалось. А иначе чем объяснить те провалы, которые допущены в ряде партийных организаций областей, краев и республик страны? Неужели в ЦК КПСС никто не видел, к чему идут дела в Узбекистане, Киргизии, ряде областей и городов, где шло, прямо скажем, перерождение кадров? *(Аплодисменты.)*»[1].

Ельцин прямо заявил об ошибках руководства страны: «...напрашивается вопрос: каковы причины, кто же виноват? А кто, как не мы, члены Центрального Комитета партии? Видимо, временами просто теряем партийную бдительность. ...Непререкаемость авторитетов, непогрешимость руководителя, «двойная мораль» в сегодняшних условиях — нетерпимы и недопустимы»[2]. Прозвучали и конкретные предложения: выработать в ЦК систему периодической отчетности всех руководителей и на всех уровнях, включая отчеты секретарей ЦК КПСС на Политбюро или пленумах Центрального Комитета партии, а также отменить «блага руководителей всех уровней» там, где они «не оправданы»[3]. Последняя оговорка по сути сводила на нет идею ограничить привилегии номенклатуры. Ведь что оправдано, а что нет, определяет само руководство. Но и в таком виде слова Ельцина, сказанные со съездовской трибуны, прозвучали вполне революционно.

Сразу же после съезда состав Политбюро был обновлен: кандидатами в члены Политбюро стали Б.Н. Ельцин, секретарь Ленинградского обкома партии Ю.Ф. Соловьев и первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Н.Н. Слюньков.

1 XXVII Съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года Стенографический отчет т.1 М., 1986 С.142

2 XXVII Съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года Стенографический отчет т.1 М., 1986 С.143.

3 XXVII Съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года Стенографический отчет т.1 М., 1986 С.144.

Секретарями ЦК КПСС были избраны А.П. Бирюкова, многие годы проработавшая в руководстве советских профсоюзов, А.Ф. Добрынин, многолетний посол СССР в Вашингтоне, В.А. Медведев, назначенный еще и заведующим отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, Г.П. Разумовский, сохранивший пост заведующего отделом организационно-партийной работы. А.Н. Яковлев стал секретарем ЦК КПСС по вопросам идеологии.

13 марта 1986 г. на заседании Политбюро было закреплено новое распределение обязанностей в высшем партийном руководстве. Горбачев подчинил себе вопросы организации работы Политбюро, основные вопросы внутренней и внешней политики, расстановку кадров, общие вопросы экономики, оборону и госбезопасность, внешнюю торговлю, а также ряд отделов ЦК: организационно-партийный, общий, экономический, административных органов, международный, отдел по связям с компартиями социалистических стран, по работе с заграничными кадрами, управление делами. Горбачев шел гораздо дальше Андропова — тот оставлял за собой только организацию работы Политбюро, основные вопросы внешней и внутренней политики, оборону и внешнюю торговлю, перепоручив многие вопросы своему второму секретарю Черненко.

Лигачеву, второму секретарю, в отличие от Черненко, досталось меньше: организация работы секретариата ЦК КПСС, идеологическая работа, вопросы науки и культуры, руководство агропромышленным комплексом. Он должен был осуществлять контроль за отделами пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, сельского хозяйства. Человек крутой и самолюбивый, привыкший командовать, оказывался в двусмысленном положении: идеологией одновременно занимались два секретаря ЦК — Зимянин и Яковлев, причем последний входил в ближайшее окружение Горбачева, и мнение Лигачева для него не было важным. То же самое происходило со сферой науки и культуры, прежде возглавлявшейся Медведевым, тоже человеком из ближайшего окружения Горбачева. А сфера агропромышленного производства и вовсе относилась к прежним многолетним занятиям секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Подобное распределение обязанностей означало только одно: Горбачев не хотел иметь около себя сильного второго секретаря и потенциального соперника.

Решением Политбюро вопросы развития машиностроения, оборонной и химической промышленности, строительства были закреплены за Зайковым; тяжелая промышленность, энергетика, транспорт и связь — за Долгих; легкая промышленность и торговля — за Бирюковой. Добрынин руководил работой международного отдела ЦК; Замянин отвечал за вопросы науки и образования и здравоохранения; Медведев — за связи с социалистическими странами; секретарь ЦК Никонов — за сельское хозяйство; Разумовский — за работу с партийными кадрами; Яковлев — за идеологическую работу в партии, внешнеполитическую пропаганду, развитие культуры и искусства[1]. В распределении обязанностей обращает на себя внимание очевидное дублирование функций. Это не ошибка, а, скорее, принцип кадровой политики Горбачева, предпочи-

1 АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 13 марта 1986 г.

тавшего создавать конкурирующие между собой структуры в управлении. Сам по себе этот принцип предполагал наличие сильного лидера во главе всей вертикали управления.

Тогда же, на этом заседании Политбюро, Горбачев затронул два других важных вопроса. Во-первых, он отстаивал право на существование негосударственного сектора экономики: «У нас по-прежнему сохраняется боязнь перед индивидуальной трудовой деятельностью, страхи по поводу личного хозяйства,— заявлял Горбачев. — Не подорвем мы этим колхозы! Видите ли, социализм под угрозой окажется!.. Надо включить нестандартные подходы. Где-то прорвется частник. Ну и что? Что, у нас уже ничего не осталось от ленинской мудрости, чтобы с этим справиться?».

Второе соображение, сильно беспокоившее Горбачева, это вынужденное признание распределения ответственности между центром и регионами. «На местах у всех пусть голова болит. И чтоб не валили все на советскую власть. И чтоб не было так, что Москва виновата, если в магазинах такого-то города ничего нет...»[1].

Кадры

Самое главное и трудное для человека со стороны было подобрать надежную команду. Своих людей у Ельцина в Москве не было, и он опасался, что Гришин будет пытаться через подставных лиц сохранить своих ставленников. Ельцин не был искушен в аппаратных интригах, но делал все возможное, чтобы полностью очистить аппарат горкома от людей, работавших с Гришиным.

Как вспоминает Ю.Прокофьев[2], уже в середине февраля 1986 г. Ельцин обвинил его в мягкотелости по отношению к кадрам и сказал, что надо более активно проводить замену московских работников[3].

Помощников он заменил быстро. Из Свердловска в Москву был переведен В.В. Илюшин, работавший с Ельциным с 1980 г.[4] Другим помощником стал А.Н. Царегородцев, работавший в этой должности еще со Свердловска[5]

1 *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 72.

2 Прокофьев Юрий Анатольевич — в момент прихода Ельцина в МГК заведующий орготделом МГК, с 1986 г — секретарь Исполкома Моссовета, с 1988 г. — секретарь, второй секретарь, с 1989 г. — первый секретарь МГК, с 1990 г. член ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

3 Прокофьев Ю. До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2005. С. 64.

4 Ви́ктор Васи́льевич Илю́шин (р. 4 июня 1947 г. в Нижнем Тагиле). После окончания в 1971 г. Уральского политехнического института — на комсомольской работе в Нижнем Тагиле, с 1975 г. — в Свердловском обкоме ВЛКСМ. С 1980 г. — заместитель заведующего орготделом Свердловского обкома КПСС, помощник первого секретаря обкома Б.Н. Ельцина. В августе 1985 г. переведен в Москву. В 1986 г. окончил АОН ЦК КПСС. С 1987 г.— инструктор в аппарате ЦК КПСС, с марта по октябрь 1988 г. — советник в аппарате ЦК Народно-демократической партии Афганистана. С 1990 г.— руководитель секретариата Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина и один из его близких помощников, с июля 1991 г. — руководитель секретариата Президента в Администрации Президента России. С мая 1992 г. — первый помощник Президента. 1996—1997 гг. — первый заместитель Председателя Правительства РФ по социальной политике. С 1997 г. — председатель Совета директоров ОАО «Газпром-Медиа».

5 Алексей Николаевич Царегородцев (р. 1950) Выпускник УПИ, с 1973 г. на комсомольской

Помощники выполняли функции спичрайтеров, писали тезисы выступлений. Первому секретарю МГК полагалась охрана из трех человек. С одним из телохранителей, А.В.Коржаковым[1], установились дружеские отношения, сохранившиеся надолго.

Ельцин заменил всех секретарей МГК, их число сократилось с 7 до 6. (что позволило Ельцину в одном из выступлений говорить о сокращении на 14, 3%)[2]. На должность второго секретаря горкома Ельцин пригласил В.Г. Захарова[3]. Секретарями горкома были избраны О.А. Королев по промышленности, А.А. Низовцева — по социальным вопросам, И.Д. Писарев, Л.И. Матвеев, Л.Н. Спиридонов. Членами бюро МГК были избраны Ю.С. Карабасов, М.Д. Полещук, В.В. Ширяев, В.Т. Сайкин, Н.Е. Челноков, А.В. Малышев, Л.В. Петров, кандидатами — Ю.А. Прокофьев и С.А. Смирнова[4].

Кадровые вопросы решались жестко. Так на первой же встрече с председателем исполкома Моссовета В.Ф. Промысловым Ельцин потребовал на следующий день к 12.00 принести заявление об отставке. Когда тот не пришел, последовал звонок от первого секретаря горкома:«я предлагаю уйти по-хорошему, а можно ведь и по-другому...» Через 20 минут заявление Промыслова лежало на столе у Ельцина[5]. Подобный стиль резко контрастировал с «бережным отношением к кадрам», принятым в брежневскую эпоху, и, конечно, вызывал глухое недовольство в номенклатурной среде. Строго говоря, первый секретарь МГК выходил за рамки своих полномочий, председатель исполкома Моссовета — должность выборная. Но он действовал не в нормах формального права, а в рамках сложившегося порядка, при котором руководитель городской парторганизации фактически был руководителем города. Так было в

работе, с 1980 — первый секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ. С июля 1984 г. — помощник первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцина (с апреля 1985 г. — Ю.В. Петрова). С июля 1985 г. — секретарь Секретаря ЦК КПСС Б.Н. Ельцина. С января 1986 г. — помощник первого секретаря Московского горкома КПСС Б.Н. Ельцина. С сентября 1986 г. — заведующий общим отделом МГК КПСС. С ноября 1987 г. — заместитель проректора по административно-хозяйственной работе Института общественных наук при ЦК КПСС. С июня 1990 г. — помощник Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина. С июля 1991 г. — руководитель секретариата Вице-президента РСФСР А.В. Руцкого.

1 Коржако́в Алекса́ндр Васи́льевич — в 1980 г.окончил Всесоюзный юридический заочный институт; с 1970 по 1989 гг. — сотрудник девятого Управлении КГБ (охрана высших партийных и государственных деятелей). После увольнения из КГБ охранял опального Б. Ельцина. После избрания Б. Ельцина депутатом, перешёл на работу в приемную председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры (Б.Ельцина). Затем служил в личной охране Ельцина. С 1990 г. — начальник отдела безопасности Председателя ВС, начальник Службы Безопасности Президента, С 1992 г. —генерал-майор. 20 июня 1996 г.уволен со всех постов. 1997—2000 гг. — депутат Государственной Думы РФ. Автор книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката» (М., 1997). С января 2000 года — член депутатской фракции «Отечество — Вся Россия», зам. председателя Комитета Государственной Думы по обороне. Кандидат экономических наук.

2 Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее ЦАОПИМ) Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.16.

3 5 октября Захаров был снят, вместо него был избран Ю. Беляков. В «Исповеди на заданную тему» Ельцин, видимо, ошибочно, дает инициал А. Захаров. (см. *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 112.). В материалах пленума, опубликованных в «Московской правде» — В.Захаров.

4 Московская правда. 1986. 26 января.

5 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.112.

Свердловске, где он был хозяином области, так было в Москве при Гришине и в любом советском регионе.

Чтобы полностью разрушить сложившиеся в гришинскую эпоху связи в партийно-государственном аппарате, Ельцин прибегал к нестандартным мерам. Так он отверг все четыре кандидатуры на пост председателя Моссовета, предложенные различными группировками в московском руководстве, а подходящую кандидатуру нашел сам. Как вспоминал позже Ельцин, он поехал на ЗИЛ, с 8 утра до 2 часов ночи ходил по цехам, встречался с рабочими, специалистами, партактивом, конструкторами, руководителями подразделений, познакомился с генеральным директором В.Г. Сайкиным, старался не упустить ни малейших деталей — как он разговаривает с рабочими, с подчиненными, руководством. После согласования новой кандидатуры с Горбачевым, 4 января 1986 г., Сайкин стал председателем Моссовета. Секретарем исполкома Моссовета стал Ю. Прокофьев.

По распоряжению первого секретаря МГК почти всех секретарей райкомов отправили в командировки в разные города перенимать опыт[1]. Из тридцати трех первых секретарей райкомов партии Ельцин заменил двадцать три, т.е. 70% (в «Исповеди» он пишет о 60%). Большинство уходили с партийными взысканиями, как например второй секретарь Октябрьского райком Данилов, снятый с работы за то, что построил для себя «барскую квартиру» в многоквартирном доме[2].

Смена кадров партийно-государственного аппарата проходила не только в Москве. Кадровая революция охватила всю страну. Всего по стране сменилось 66 % первых секретарей обкомов. Но в масштабах одного города, тем более столицы, смена кадров шла особенно болезненно.

Известия о новых отставках партийных руководителей звучали как сводки фронтовых потерь. На каждом заседании бюро МГК выносили по 5-6 выговоров. 24 июля уволен первый секретарь Брежневского райкома Тихоньков, 27 августа — первый секретарь Фрунзенского райкома Грязнов, сменены руководители УВД, УКГБ, начальники главков. Большой резонанс в номенклатурной среде имело самоубийство первого секретаря Киевского райкома Коровицына, который 23 июля 1986 был освобожден от должности со строгим выговором.

Порой райком вступался за своего руководителя, но Ельцин шел напролом. О таком случае с первым секретарем Ленинградского райкома партии И.В. Шахмановым вспоминает Ю. Прокофьев. Ельцин поставил вопрос об освобождении Шахманова от работы, а райком его не поддержал. Тогда все работники горкома были брошены в район собирать компрометирующие материалы на Шахманова для того, чтобы убедить членов райкома в необходимости его отставки. И опять райком не освободил Шахманова. Тогда Бюро МГК партии под нажимом Ельцина объявило, что пленум Ленинградского райкома партии «еще не созрел, чтобы принимать самостоятельные решения», и поэтому Бюро МГК партии своей волей освобождает Шахманова от занимаемой должности. Подобная истории случилась с Графовым, секретарем Тимирязевского райкома партии[1].

1 РГАНИ. Ф.2. Оп.5. Д.34. Л.74.
2 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.25.

Ельцин начал работать в Москве так же, как он привык в Свердловске. И этот стиль работы резко отличался от гришинского. В отличие от своего предшественника Ельцин стремился к публичности, живому общению с народом, большое внимание уделял средствам массовой информации. Побывал в редакции газеты «Московская правда», после чего произошла смена главного редактора. Вместо В. Маркова из «Правды» пришел М.Н. Полторанин[2], с которым сложились хорошие неформальные отношения. При поддержке первого секретаря МГК «Московская правда» стала публиковать острые материалы, которые насторожили и испугали многих. Много шума наделал очерк «Кареты у подъезда» о персональных машинах, на которых школьников их сановные родители подвозили до школы, а потом, после уроков, родители развозили детей начальников по домам.

Бурную реакцию вызвали публикации в «Московском комсомольце» о наркомании, проституции, об организованной преступности. Популярность газеты и ее тираж выросли от ста тысяч до миллиона.

Позже в интервью М. Полторанин вспоминал: «Что меня удивило в Ельцине? Откровенность. Мне пришлось много общаться с партийными боссами... Всегда они держали других на расстоянии, отгораживались от чужаков, даже в откровенной беседе чувствовалось: вот рубеж, дальше идти нельзя. У Ельцина этого не было. С ним можно было в ту пору идти до конца, можно было все двери его распахивать...»[3].

Об особенностях ельцинского стиля писал в своих воспоминаниях сотрудник аппарата МГК Ю.Прокофьев: «...если с ним говорили откровенно, то и воспринимал это более позитивно, чем когда хитрили, изворачивались: он, как дикий зверь, чувствовал неточность, не ту тональность и был всегда настороже. Даже если медлишь с ответом, он сразу: «А что ты так долго думаешь?» Бывало, отвечал: «Борис Николаевич, лучше дать точный ответ, чем непродуманный». Если на его вопрос, кого назначить на тот или иной пост, называешь фамилию сразу, на следующий же день человека назначают. Если говоришь, что надо подумать, думать начинает он сам: назначать или нет»[4].

Работников горкома впечатляла феноменальная память нового первого секретаря, импонировала его независимость. Как вспоминает Ю. Прокофьев, Ельцин не страшился авторитетов. Он мог принимать неординарные решения, не считаясь с тем, кто и как на это посмотрит «сверху». Он искал и находил выходы из ситуаций, которые обычным, накатанным путем нельзя было решить[5].

1 *Прокофьев Ю.* До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2005. С. 66—67.
2 *Полторанин М.Н.* — в 1990—1992 гг. — министр печати и информации в российском правительстве, в 1992 г. — заместитель председателя правительства.
3 Цит.по: *Андриянов В., Черняк А.* Одинокий царь в Кремле. Борис Ельцин и его команды. Книга 1. М., 1999. С.51.
4 *Прокофьев Ю.* До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2005. С. 65.
5 *Прокофьев Ю.* До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2005. С. 66.

В ближний круг первого секретаря вошли секретари горкома Ю. Беляков, Ю. Карабасов, начальник управления ГБ Челноков, председатель Моссовета Сайкин, начальник ГУВД, и Полторанин. Каждый понедельник они собирались с утра в кабинете Ельцина на планерку[1].

Столица восприняла нового первого секретаря неоднозначно. Москвичи — с энтузиазмом и надеждой на скорые перемены. Сообщения о его поездках на общественном транспорте, посещениях магазинов широко обсуждались, обрастали подробностями, в сознании горожан формировался образ народного заступника, борца с привилегиями и чиновничьим беспределом. В номенклатурной среде Ельцина встретили настороженно и с неприязнью. Он был чужим, непредсказуемым, ломал устоявшиеся традиции работы, беспощадно выгонял тех, кого считал «тормозом перестройки».

Проблемы Москвы

По многим показателям Москва все больше отставала от областных центров. Если по объему капиталовложений в 1975 г. столица была на пятом месте по стране, то к 1985 г. оказалась на 44-м. По вводу жилья Москва скатилась со второго на 58-е место[2].

Одной из наиболее острых проблем в Москве было жилье. Численность населения города составляла 8,7 млн. чел., что на миллион сто тыс. превышало расчетные данные генплана, утвержденного вначале 1970-х. Это было связано с притягательностью столицы, более высоким уровнем снабжения, а также с привлечением рабочей силы по лимиту.

Иногородних рабочих стали привлекать в Москву с 1970-х гг. в связи с дефицитом рабочей силы на некоторых предприятиях с наиболее тяжелыми условиями труда, куда столичные жители шли неохотно. Каждый год по лимиту в Москву приезжало 70—80 тыс. чел[3]. Лимитчики получали временную московскую прописку и место в общежитии. Это были преимущественно молодые люди, оторвавшиеся от привычной среды, бессемейные, малоквалифицированные, мечтающие о том, чтобы закрепиться в столице. Для столичных жителей это были люди второго сорта. Но большинство из лимитчиков всеми правдами и неправдами сами становились москвичами, вставали в очередь на жилье.

Очередь на получение квартиры достигла 2 млн.чел. Из них 512 тыс. были очередниками райсоветов, (т.е. имели меньше 5 кв.м. на человека), 300 тыс. стояли в очереди по месту работы (менее 7 кв.м. на человека). Около 1 млн. чел., главным образом коренные москвичи, жили в коммунальных квартирах. Особенно тяжелым было положение с коммуналками в центре, в них проживали до 65 % москвичей. 28 тыс. чел. имели квартиры в ветхих домах, подлежащих немедленному сносу[4].

Помимо постоянных жителей Москва принимала в летние месяцы около трех, а зимой — двух миллионов человек. Городской транспорт не выдержи-

1 *Андриянов В., Черняк А.* Указ. соч. С.53
2 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л. 19.
3 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.21.
4 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.4.

вал этой нагрузки. Средняя загруженность метро при норме 4,5 пассажиров на 1 кв.м составляла 7,5, а в час пик еще выше[1]. Строительство новых линий метрополитена отставало от плана. Не было построено 60 км. предусмотренных генпланом. В 1985 г. ухудшилось продовольственное снабжение города. До 60% заготовленного картофеля шло в отходы из-за плохой организации хранения и переработки картофеля, а также из-за того, что под Москвой выращивались сорта картофеля, не выдерживающие длительного хранения. По уровню механизации и технологии хранения картофеля московские базы лет на 15 отставали от ленинградских. Низким, зачастую хуже, чем в других регионах, было качество московских продуктов. Потребление сухого молока в среднем в Москве составляло 37%, летом — до 60%. В то время как по РСФСР этот показатель был на уровне 8,5% . Торговой площадью столица была обеспечена лишь на 54%, без учета 2-3 млн приезжих[2].

Гришинское руководство испортило отношения с областным. Поэтому Москва получала больше продуктов из соседних областей, чем из Подмосковья. Существенным подспорьем в продовольственном обеспечении москвичей могли стать садово-огородные кооперативы, но они развивались медленно. В Москве было зарегистрировано 637 тыс. чел., желающих получить участки. В 1985 г. было выделено 2 тыс. га, при потребности — 50 тыс., в 1986 г. — 5-6 тыс. га[3].

Большинство московских проблем были отражением общей ситуации в стране и решить их в рамках одного города было невозможно. Но какие-то перемены происходили. Было принято решение о переводе из Москвы предприятий, загрязняющих город, выпускающих продукцию, вывозимую из столицы. Разрабатывались планы по выселению из центра многочисленных учреждений, с тем чтобы отдать освободившиеся помещения под магазины, театры, музеи, рестораны.

Прекратился ввоз в столицу рабочей силы, были открыты 1, 5 тыс. новых магазинов, регулярно проводились торговые ярмарки, сократилась преступность. Еженедельно организовывались санитарные пятницы — из-за нехватки дворников специалистов выводили на уборку города[4].

Была организована «чистка» города от криминальных элементов. Силами правоохранительных органов проводились рейды по районам с обходами дворов, подвалов, чердаков, заброшенных домов. Ликвидировались притоны, места сбора алкоголиков, тунеядцев, наркоманов, были пойманы несколько преступников, находившихся во всесоюзном розыске.

Усилия Ельцина по борьбе с коррупцией наталкивалась на глухую стену сопротивления. Фактов было много, в МГК потоком шли письма о взятках в торговле, милиции. Их расследовали, меняли руководителей, Ельцин лично ездил в магазины и столовые, контролируя завоз и распределение продуктов. Но «ручное управление» было мало эффективным. Методы, работавшие в Свердловской области, где он был полновластным хозяином, не действовали в столице, где первый секретарь горкома, кандидат в члены Политбюро был

1 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.7.
2 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.12.
3 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.15..
4 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М. 1992. С.67—68.

одним из представителей высшего эшелона власти, но отнюдь не первым. Разрушить годами складывавшиеся связи и отношения столичной номенклатуры он был не в состоянии. В то время он еще не осознавал, что ломать надо систему, порождающую дефицит и коррупцию.

Характерен эпизод из воспоминаний Ельцина. «Продовольственный магазин, в кабинете директора несколько свертков с деликатесами. "Кому?" — "По заказам". — "Может заказать каждый?" Молчание. Тогда с директором начинаем разбираться. Вынужден признаться, что заказы по иерархии распределяются райисполкому, МИДу, райкому партии, городским ведомствам и др., и все разные — и по весу, и по ассортименту, и по качеству».

Результатом борьбы с коррупцией было привлечение к уголовной ответственности за год с небольшим около 800 руководителей торговли[1]. Были сменены руководители управления внутренних дел, КГБ, их заместители, многие начальники главных управлений и т. д.

Чистки затронули и «касту неприкасаемых» — работников министерств иностранных дел и внешней торговли, а также МГИМО. Это было связано со сменой руководства МИДа, который с июля 1985 г. возглавил Э.А. Шеварднадзе

Встреча с пропагандистами Москвы 11 апреля 1986 года

Одно из первых публичных выступлений Ельцина в Москве состоялось в Доме политпросвещения 11 апреля 1986 г. перед пропагандистами. Это была наиболее массовая должность в партийных организациях. В Москве насчитывалось 122 тыс. пропагандистов и 250 тыс. агитаторов[2]. В партии существовала целая система «идеологического воспитания», основой которой была широкая сеть разнообразных кружков, семинаров по изучению работ классиков, партийных документов, внешней и внутренней политики. Руководство кружками и семинарами поручалось обычно наиболее образованным партийцам, для которых эта работа была постоянным партийным поручением. Таким образом, на встречу с первым секретарем МГК пришли в основном представители московской интеллигенции из самых разных отраслей.

Этому мероприятию придавалось большое значение, и оно тщательно готовилось. Работала группа консультантов, включавшая секретарей и заведующих отделами МГК, руководителей Мосгорисполкома, начальников ГУВД, УКГБ. Накануне провели стыковочное совещание и репетицию. Кроме Ельцина приняли участие секретари МГК Писарев, Королев, Низовцева. В зале собралось около двух тысяч человек.

Ельцин выступил с докладом о положении дел в Москве, но кульминацией встречи должны были стать ответы на вопросы. Около 200 вопросов было подготовлено заранее, примерно столько же прозвучало из зала. Ельцин умел расположить к себе аудиторию. С самого начала задал откровенный и непринужденный тон разговора, заявив: «Обещаю ответить на все вопросы честно. Или я вас перестою, или вы меня пересидите»[3]. Вообще, он умел и любил выступать, хорошо улавливал настроение аудитории и умел быстро перестроить-

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.117; ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.25.
2 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л. 2.
3 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.4.

ся по ходу выступления. Помогал свердловский опыт общения — «хождения в народ».

Доклад Ельцина свидетельствовал, что за три с небольшим месяца на посту первого секретаря МГК он успел хорошо вникнуть в проблемы города. Побывал на 29 промышленных предприятиях города, встречался с интеллигенцией (Ю. Бондаревым, Н. Михалковым, Д. Кабалевским и многими другими — перечислил полтора десятка фамилий).

Подробно и со знанием дела он говорил о насущных делах — жилье, транспорте, дачных кооперативах, торговле. Ельцин говорил, что сам ходит в магазины, бывает на рынках, ездит городским транспортом на городские окраины, где расположены крупные предприятия. Общий его вывод — «жить так больше нельзя»[1] — практически дословно совпал с названием известного фильма С. Говорухина, вышедшего в 1990 году.

А как надо? Ельцин подробно рассказывал о том, что уже успел сделать, чтобы улучшить снабжение города продуктами и наладить работу транспорта. Прежнее руководство Моссовета запрещало строить в городе лотки под предлогом, что они портят внешний вид города, а Ельцин предлагал организовать ярмарки для летней торговли овощами и фруктами. Договорился с секретарями всех союзных республик о строительстве в Москве торговых центров. Выпросил у союзного правительства для столицы два новых современных колбасных завода, обещал, что колбаса, производимая на этих заводах, «будет пахнуть мясом». Добился подписания контракта на строительство завода замороженной продукции на 200 тыс. блюд в смену. (В Москве было подобное предприятие мощностью в 10 раз меньше)[2]. Предлагал развивать кооперативную торговлю, чтобы сбить цены на московских рынках. Уже была разработана программа строительства 33-х кооперативных магазинов, по одному на район, последний должен был вступить в строй в 1988 г. Говорил о необходимости ввести в строй в 12-й пятилетке 45 км. линий метро и открыть 20 новых станций, о решении горкома отказаться от лимитчиков.

По манере и стилю работы новый партийный лидер столицы резко контрастировал с предшественником.По каждому направлению работы назывались персонально ответственные секретари МГК: вопросы торговли — Низовцева, транспорт — Королев. Заметив, что кресла в зале не оборудованы пюпитрами и, следовательно, сотрудники МГК ничего не записывали из того, что говорилось на совещании, Ельцин тут же вызвал на сцену управляющего делами МГК Чубарова и потребовал заменить кресла до конца года.

90% записок, поданных на сцену, были анонимными, тем не менее, Ельцин обещал ответить на все. Отвечал свободно, уверенно, шутил. На записку — «Говорят Ельцин ездит на метро. Но мы его там не видели...» — ответил: «... я еще "молодой" москвич, не все еще знают меня в лицо. Если бы знали, возможно, стеснялись бы у меня просить в автобусе передать пятак или закомпостировать билет»[3].

1 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.9.
2 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.13—14.
3 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.10.

В общем, Ельцин был воспринят как партийный руководитель новой формации, энергичный, деятельный, твердый, готовый к общению с аудиторией. Столичной интеллигенции он мог показаться провинциальным, с примитивными художественными запросами, немного наивным. В театр он ходил редко и только по служебной необходимости, из последних прочитанных книг назвал «Берег» Ю. Бондарева, «Суд» В. Ардаматского, «Победу» А. Чаковского. Отвечая на вопрос о режиме дня, Ельцин сказал, что с 8 утра до 12 ночи работает, 4 часа спит, а с 5 до 7 утра работает над собой[1].

Эта «работа над собой» стала предметом шуток столичных снобов.

Такие встречи с первым секретарем МГК в Доме политпросвещения проводились неоднократно. Каждый раз Ельцина забрасывали вопросами и всякий раз он терпеливо и подолгу на них отвечал.

От Чернобыля до Гамбурга

1 мая Ельцин впервые поднялся на трибуну Мавзолея. На газетных фотографиях его высокая статная фигура в светлом костюме заметно выделяется среди других партийных руководителей. А уже вечером того же дня он летит в Гамбург для участия в работе Восьмого съезда Германской компартии. Эта была его вторая поездка на Запад (первая — в Париж в 1966 г. в составе делегации советских строителей) и первая — в столь высоком партийном ранге и в качестве главы маленькой делегации. Вместе с ним летит известная на всю страну ткачиха, дважды Герой социалистического труда В.Н. Голубева (в 1986 г. она стала директором Ивановской ткацкой фабрики) и первый зам. зав. международного отдела ЦК В.В. Загладин[2]. Поездка оказалась нелегкой.

За неделю до этого в СССР произошло событие, которое надолго затмило все мировые политические новости — 26 апреля 1986 г. в час 23 минуты 50 секунд ночи в 100 километрах от столицы Украины Киева произошел взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции.

Начала работать правительственная комиссия, в срочном порядке было эвакуировано население города Припяти, построенного рядом со станцией[3]. Почти двое суток советская пресса, радио, телевидение, и центральное, и местное, хранили полное молчание. Лишь вечером 28 апреля после заседания Политбюро появилось первое официальное сообщение об аварии на Чернобыльской АЭС, не дающее никакого представления о том, что там в действительности произошло. Информация под заголовком «В Совете Министров СССР», опубликованная на следующий день, состояла всего из 19 строк.

Сообщалось, что «... авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальные энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека. Приняты первоочередные меры по ликвидации аварии. В настоящее время радиационная обстановка на

1 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1362. Л.29.
2 Московская правда 1986. 2 мая.
3 *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений. М. 1995. С. 165—167.

электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь...»[1].

«Некоторая утечка радиоактивных веществ» была равна по содержанию цезия-137 тремстам атомным бомбам, каждая из которых была эквивалентна той, которую американцы взорвали над Хиросимой. Председатель Государственного комитета по метеорологии и контроля над окружающей средой СССР Ю.А. Израэль сообщил позже ВС СССР, что с первого дня аварии реальная радиационная обстановка ежедневно передавалась в Политбюро, в ЦК КПСС, в СМ СССР и республик, в областные исполнительные комитеты. Но это не помешало празднованию 1 Мая. В Киеве, Чернигове, Минске, Гомеле, Смоленске и Курске, в городах и районах состоялись многочасовые и многотысячные демонстрации, народные гуляния под лучами теплого весеннего солнца. Горбачев выступил с сообщением о Чернобыле по телевидению только 14 мая 1986 г.

Информационная блокада порождала массу слухов и домыслов. В ряде европейских стран был зафиксирован повышенный уровень радиации, что вызывало настроения близкие к паническим. В газетах печатали сообщения о тысячах жертв. Выступая на съезде в Гамбурге, Ельцин, конечно, не мог обойти молчанием этот вопрос. Еще больше о Чернобыле ему приходилось говорить в ходе многочисленных интервью. Его комментарии выходили за пределы официальной информации.

Ельцин оказался первым высокопоставленным советским руководителем, приехавшим на Запад после чернобыльской аварии, и стал главным источником информации для западной прессы. Журналисты ведущих телекомпаний, крупнейших информационных агентств, газет и журналов забрасывали его вопросами на пресс-конференциях. В целом Ельцин выступал согласно установкам Политбюро, заявляя, что на Западе масштабы аварии преувеличены. Советское руководство опасалось, что западные страны потребуют компенсации за экологический и материальный ущерб, причиненный чернобыльским взрывом. Как писала «Интернэшнл Геральд Трибюн», 5 мая он выступил с речью, «резко критикуя идеологических противников Москвы за сочинение ложных слухов вокруг аварии». Вместе с тем, многие газеты отмечали, что ответы Ельцина расходятся с сообщениями ТАСС. По заключению еженедельника «Обсервер» (4 мая 1986 г.), «ни одно из замечаний Ельцина еще не было обнародовано советскими средствами массовой информации»[2].

Поездка в Германию стала первым опыт международной деятельности. Кроме съезда компартии, пресс-конференций, недельная поездка включала встречи и переговоры с политиками: с премьер-министром земли Северный Рейн-Вестфалия Й. Рау, председателем организации СДПГ Нижней Саксонии Г. Шрёдером, бундестага ФРГ Ф. Еннингером, руководителями ряда общественных организаций и партий[3]. Западногерманские политики с интересом знакомились с новым выдвиженцем Горбачева, а Ельцин приобретал навыки участия в международных встречах, что впоследствии оказалось небесполезным.

1 Правда 29 апреля 1986.
2 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.220. Д.1695. Л.5.
3 Московская правда 1986. 8 мая.

Повседневная работа секретаря горкома

График работы первого секретаря МГК был напряженным. Помимо рутинных обязательных заседаний, бюро МГК, Политбюро и секретариата ЦК КПСС, Ельцин постоянно ездит по городу, знакомится с работой предприятий. В октябре 1986 г. в интервью югославскому журналу «НИН» он говорил, что за 3—4 дня до конца каждого месяца составляет график, в котором по часам расписаны все обязанности на следующий месяц. За неполный год побывал почти на 60 предприятиях[1]. Среди них — Филевский автобусно-тролейбусный парк, машиностроительный завод им. Хруничева, конструкторское бюро «Салют», НПО «Научный центр» Зеленограда, швейное объединение «Москва», Московский завод автоматических линий им. 50-летия СССР, производственное объединение «Колос», киностудия Мосфильм, Московский мясокомбинат, МНТК «Микрохирургия глаза», Московский станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе, НПО «Борец», металлургический завод «Серп и молот», Московский электромеханический завод им. Владимира Ильича, автозавод им. Ленинского комсомола, Институт сердечно-сосудистой хирургии и многие-многие другие.

Ельцин окунулся в привычную стихию, хорошо знакомую по обкому. По сути, работа первого секретаря горкома сводилась к обеспечению жизнедеятельности города. Приходилось решать массу практических вопросов, связанных с работой городского транспорта, со строительством жилья, организацией медицинского обслуживания, поставкой продовольствия и организацией торговли. Бывая на предприятиях, Ельцин стремился вникать во все детали. Каждое его посещение тщательно готовилось аппаратом горкома совместно с руководством предприятия, вырабатывались рекомендации по совершенствованию работы, выполнение которых строго контролировалось.

Многие поручения первого секретаря по результатам посещений предприятий выполнялись быстро. Когда в мае 1986 г. Ельцин повторно объезжал предприятия торговли и общепита ряда московских районов, он замечал некоторые изменения к лучшему[2]. Исполнялись и конкретные разовые поручения. Так, СПТУ № 178 Октябрьского района было закреплено за базовым предприятием «Продтовары». Филиал гастронома № 8 выделен в самостоятельное предприятие. Был изменен график доставки колбасных изделий в магазины с увеличением их завоза во второй половине дня[3]. В микрорайоне, прилегающем к ГПЗ, была улучшена работа транспорта, налажена торговля хлебобулочными изделиями[4]. По просьбе работников Московского электромеханического завода им. Владимира Ильича в мае 1987 г. на заводе была организована продажа немецких миксеров из магазина «Лейпциг»[5]. В июле 1987 г. по указанию первого секретаря горкома были выделены и установлены в магазине № 6 Гагаринского ОРПО электронные весы в количестве 2 штук[6].

1 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.220. Д.1695. Л.27.
2 Московская правда 18 мая 1986.
3 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.39. Л. 63, 80.
4 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.40. Л.1.
5 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.67. Л.66.
6 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.67.Л.88.

Однако такое «точечное» решение вопросов не меняло общей ситуации в городе. Трудности со снабжением города нарастали. Еще в 1970-е гг. в связи с ростом дефицита на предприятиях и в учреждениях были введены столы заказов. По идее они должны были облегчить покупку дефицитных товаров, избавить от очередей. Наполнение этих заказов сильно зависело от близости руководства к советской распределительной системе, иначе говоря, — от блата. По мере нарастания дефицита заказы для рядовых граждан стремительно «худели». К тому же их было мало, и на всех не хватало. На заводе «ЗИЛ» в Москве, например, выделялся один продовольственный заказ на трех работников. По данным Главторга, на март 1987 г. продовольственные магазины еженедельно изготавливали миллион заказов, но это составляло лишь около половины потребности[1].

Большинство проблем, которые нуждались в решении, выходили за рамки компетенции городского руководства или же были узко производственными.Так, при посещении одного из лучших обувных предприятий страны фабрики «Парижская коммуна» в феврале 1986 г. на встрече с первым секретарем МГК обсуждалась необходимость внедрения автоматизированного раскроя кожи, обеспечения фабрики качественным картоном требуемой толщины для изготовления тары[2]. Предлагалось создать международное объединение по пошиву обуви с участием фабрики «Парижская коммуна». Московские швейные фабрики просили помощи в закупке чехословацких ножниц, жаловались на поставщиков. В марте 1987 г. в МГК поступило письмо от руководства «Вымпела», в котором говорилось о невозможности МПШО выполнить план первого квартала из-за того, что поставки тканей, воротников и фурнитуры по некоторым позициям выполнены всего на 25%[3].

Анализ отчетов по реализации поручений первого секретаря показывает, что большинство было не выполнено или не выполнимо. Так, после посещения трамвайного депо им. Апакова 26 августа 1986 г., Ельцин предложил расширить территорию депо с выходом трамвайных путей на ул. Мытная и проезд Апакова. Из ответа ГЛАВАПУ Москвы следовало, что такая реконструкция нецелесообразна — затраты на перекладку коммуникаций и снос жилых построек были бы слишком велики[4].

С предложением Ельцина о внедрении системы бескассовой оплаты проезда на городском пассажирском транспорте Исполком Моссовета согласился, но счел это в ближайшее время преждевременным, так как требовалась большая подготовительная работа[5].

Единственным практическим результатом визита Ельцина в трамвайное депо была передача предприятию отселенного жилого дома, находящегося в стадии капремонта и вводимого в IV квартале 1987 г.[6] Но и это было весьма иллюзорной перспективой улучшить жилищные условия работников депо —до сдачи дома надо было ждать больше года. Еще более туманными выглядели

1 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.66. Л.19.
2 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.5.
3 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.66. Л.53, 57.
4 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.24.
5 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.43.
6 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.33.

обещания улучшить работу МСЧ № 32 и расширить торговлю в депо промтоварами[1].

На всех встречах Ельцина с рабочими московских предприятий ставились вопросы строительства жилья: во время посещения 11 марта 1986 г. Первого московского завода радиодеталей, на встрече в Институте атомной энергии 4 апреля 1986 г., на агрегатном заводе «Наука» 19 мая того же года[2].

Все-таки некоторые сдвиги в жизни города при Ельцине были. Впервые в Москве началось строительство детских садов с бассейнами. Первый такой детсад должен был вступить в строй в Кунцевском районе в первом квартале 1987 г.[3], было открыто 5 магазинов союзных республик[4]. Расширялась выездная торговля. В 1985 г. она была организована на 133 предприятиях. 15 апреля 1986 г. был принят приказ Главторга «О порядке организации выездной торговли на промышленных предприятиях Москвы», предусматривавший охват 244 предприятий (218 — промышленных, 11 транспортных, 8 строительных и 7 — научных)[5]. 17 сентября 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по улучшению качества медицинской помощи населению и совершенствованию работы учреждений здравоохранения г. Москвы»[6].

Еще больше было планов: построить два мясоперерабатывающих завода на импортном оборудовании, завод быстрозамороженных блюд, развивать сеть фирменных магазинов. По решению исполкома Моссовета от 20 января 1987 г. в Москве в 12-й пятилетке должно было быть построено 17 колбасных цехов мощностью 5 т. в смену каждый и 3 аналогичных цеха на действующих предприятиях[7].

На протяжении года после ухода Ельцина из МГК заведующие отделами писали справки о ходе выполнения его поручений по результатам посещений предприятий Москвы. Большей частью это было бумаготворчество, как, например, принятая ВНИИ мясной промышленности совместно с объединением Мосмясопром «программа организационно-технических мероприятий по повышению качества колбасных изделий»[8].

При всей энергии и напоре первого секретаря МГК выполнить намеченные планы не удавалось. Ельцин верил, что, смена кадров, персональная ответственность, требовательность, критический настрой помогут изменить обстановку в управленческих структурах и добиться первых заметных результатов в решении проблем города. Кадровая революция, охватившая не только органы управления, но и различные организации и учреждения, перерастала в кадровую чехарду. В Первомайском районе в 1986 г. сменилось 3 директора райпищеторга, 36 директоров школ и их заместителей, из них треть — как не справившиеся с работой[9].

1 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.47.
2 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.117, 124, 130.
3 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38. Л.7.
4 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38.13.
5 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.40. Л.84.
6 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.66. Л.118.
7 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.65. Л.1.
8 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.39. Л.79
9 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1364. Л.20.

Но замена гришинского аппарата на новый не принесла реальных результатов. Новые веяния в работе аппарата сводились к обновлению лексики и лозунгов, расширению обязательных критических разделов в аппаратном бумаготворчестве и в выступлениях. Знакомясь с материалами пленумов райкомов, Ельцин видел, что они проходят по старому, критиковались одни и те же недостатки, а не виновные в них. Персональные замечания сводились к мелочам: одному в «общении с людьми не хватало уравновешенности и чуткости», другой партработник «не обращался за советом к рабочим», третий «забывал об индивидуальной работе с людьми». Вне зоны критики оставались секретари райкомов[1].

Выступая на совещании в ГУВД 25 июля 1986 г. Ельцин констатировал, что за полгода работы ничего не изменилось. Реального сокращения преступности не произошло. По городу возникали стихийные рынки, «толкучки». В МГК поступало много писем о бездеятельности работников милиции в отношении нарушений. Причину он видел в том, что «руководство медленно перестраивает работу в свете современных требований». [2]

В масштабах города Ельцин сталкивался с теми же проблемами, что и генсек в масштабах страны.В августе 1986 г. во время поездки на Дальний Восток Горбачев публично обвинил среднее звено управленческой системы страны в недостатках и саботаже. Позже в воспоминаниях он написал, что «чиновная знать инстинктивно или сознательно игнорирует перестройку»[3]. Выступая перед членами Политбюро после своего возвращения с Дальнего Востока, Горбачев провозгласил лозунг «бить по штабам»[4].Он жаловался, что печать замалчивает недостатки, народ с тоской вспоминает об Андропове, что кадры партии должны перестраиваться. «Люди готовы участвовать в перестройке, — говорил он, — но уже говорят, не пойдет ли на спад. Стиль местных организаций не меняется, остается консервативным»[5]. Горбачев подверг резкой критике союзные министерства, экономические службы правительства, партийный аппарат. По его мнению, в стране нет политической оппозиции со стороны противников перестройки, но есть консерватизм, косность.

Январский пленум ЦК 1987 года

Вопрос о кадрах был вынесен на январский пленум ЦК 1987 г. 19 января, накануне пленума проект доклада Горбачева обсуждался на заседании Политбюро. Главных новости было две. Первая — возможность прямых и альтернативных выборов коммунистами «первого» руководителя: от секретаря первичной организации до секретарей обкомов и республиканских организаций. Теоретически выборы эти существовали всегда. На практике же руководителя любой организации, начиная с первичной, выбирали не прямым голосованием, а, в зависимости от масштаба партийной организации, на заседании партбюро, парткома, бюро обкома или на Политбюро, «согласовывая», а по

1 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1364. Л.22—23.
2 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1365. Л.27.
3 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 305.
4 Там же. С. 109.
5 Воротников. В.И.Указ. соч. С. 108—109.

существу предрешая это избрание-назначение утверждением в вышестоящем партийном органе. Второе новшество состояло в том, что процесс выборов попадал в зону общественного контроля. Допущение открытой критики стало способом проверки кандидатов на партийные должности соответствию идеям «перестройки». Руководство КПСС надеялось опереться на общественное мнение, воплощенное в прессе, на голоса рядовых коммунистов как на средство проведения кадровой «чистки», и осуществлять ее посредством альтернативных выборов.

На заседании Политбюро вспыхнул спор по поводу формулировки доклада, что «ЦК КПСС, руководство страны, прежде всего, в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме понять необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе...»[1]. Субъективные причины — какие? Кто были те люди в ЦК КПСС, которые были непонятливы и просмотрели необходимость перемен? Вопросы эти были отнюдь не риторическими, и перевести их в философскую плоскость рассуждений не удавалось.

Серьезные замечания по докладу были у Ельцина. Процитируем запись его выступления:

«*Ельцин:*

Первое. Несколько завышены оценки состояния перестройки. Состояние кадров таково, что опасно поддаваться оптимизму. Некоторые не готовы к революционным переменам. Лучше нынешний период оценить как период новых форм работы, ведущих к перестройке.

Второе. Оценка 70-летия. Ее ждут. Надо иметь мужество до конца сказать, что в торможении виноваты и Политбюро того состава и ЦК[2]. Оценки хода перестройки лучше давать конкретно, адресно: по территориям, крупным организациям.

Третье. О гарантиях успеха. Гарантии, которые перечисляются, — это социалистический строй, советский народ, партия. Но они были и все эти 70 лет! Поэтому никакие это не гарантии невозврата к прошлому. Это скорее база для гарантий. А гарантии вытекают из тех тем доклада, которые в его конце. И главная среди них — демократизация всех сфер жизни.

Четвертое. Очень большой контраст в оценках доапрельского (до апреля 1985 года) и послеапрельского периодов. А в послеапрельском отсутствует самокритика в адрес руководства партии и страны. Стоит сказать, что кадры глубоко поражены... И не произошло во многих эшелонах ни обновления, ни перестройки. Критика в докладе направлена только вниз»[3].

Перечень замечаний составил более десяти пунктов, Ельцин выступал долго, и Горбачев даже пытался его остановить. Критические стрелы Ельцина попадали в самого Горбачева и его «перестройку».

1 *Медведев В.А.* В команде Горбачева.С. 45.
2 Напомним, что из того, «застойного» Политбюро, в новом составе были и сам Горбачев, и Громыко, Щербицкий, Алиев, Соломенцев, Воротников, кандидатами в члены Политбюро тогда были Шеварднадзе, Долгих, Демичев, Чебриков.
3 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) Сост. А.Черняев. Изд. 2-е. М., 2008. С.124—125

Естественно, последовал отпор. Э.А. Шеварднадзе не без ловкости попытался увести себя и своих коллег по Политбюро от ответственности, заявив, что «в Политбюро в те годы не было коллегиальности, решения принимались узкой группой, минуя Политбюро»[1]; в начавшемся обсуждении последовали советы «не ворошить прошлое».

Сам Горбачев высказался против того, чтобы в оценке прошлого сводить дело к оценке членов руководства и членов ЦК прежних составов. «Для нас важны политические выводы и извлечение уроков на будущее», —заявил он. По мнению Горбачева, причина того, что перестройка идет медленно —в ошибках кадровой политики, управленческих структур[2].

В заключительном слове, обращаясь к Ельцину, Горбачев сказал замечательную фразу: «Мы тебя не поддерживаем, хотя одобряем твою деятельность»[3]. Эта абсурдная по сути фраза была оговоркой по Фрейду, обнажившей суть отношения к Ельцину. Он нужен был в качестве метлы для расчистки Москвы от людей Гришина, но в Политбюро его требовательность и напор были лишними.

Конечно, Горбачев не принял ни одного из принципиальных замечаний Ельцина. А его заключительное слово звучало как нотация провинившемуся школьнику. Именно так его Ельцин и воспринял. Он был подавлен, смущен: «Я молодой в Политбюро. Для меня это урок. Думаю, что он не запоздал»[4]. Нелегкое признание для амбициозного самолюбивого человека. Тут прозвучала реплика Лигачева: «Это самое трудное — привыкать, что и тебя могут огреть»[5]. Привыкать к оплеухам было не в характере Ельцина. И теперь он не собирался сдаваться и отказываться от своих взглядов.

Горбачев не простил Ельцину его выступления. На следующий день после заседания Политбюро он позвонил Воротникову и сказал ему, что методы Ельцина — заигрывание с кадрами, обещания, перетряска кадров, что положение в Москве не меняется к лучшему..[6]. Спор в Политбюро неожиданно приобрел принципиальный характер. Если до последнего времени наибольшими радикалами там был сам Горбачев и его «интеллектуальный штаб» во главе с Яковлевым, то теперь в составе Политбюро оказался человек, который позволил себе критиковать их подходы, настаивая на еще более радикальных мерах. Горбачеву пришлось вести борьбу на два фронта. Тандем Горбачев—Ельцин начал разваливаться. Ельцин терял опору и политического союзника.

Но он не собирался идти на попятную. Выступая на пленуме, Ельцин по сути повторил то, что говорил и на заседании Политбюро: «Считаю, что после отчета и всестороннего анализа надо дать оценку способности вести перестройку абсолютно всем, вплоть до членов Центрального Комитета, особенно руководителям... надо обязательно давать принципиальную оценку за допущенные крупные ошибки». Он предложил «установить для хозяйственных

1 *Медведев В.А.*Указ. соч. С. 45.
2 *Горбачев М.С.*. Указ. соч. С. 309.
3 В Политбюро ЦК КПСС... С.129.
4 В Политбюро ЦК КПСС... С.129.
5 В Политбюро ЦК КПСС... С.130.
6 *Воротников В.И.* Указ. соч. С. 46.

и других руководителей всех уровней возрастной ценз и продолжительность пребывания в одной должности», включая работников аппарата[1].

Пленум 27—28 января 1987 г. «О перестройке и кадровой политике» ознаменовал одно из крупнейших политических событий времени. Именно на нем были приняты решения о проведении выборов на альтернативной основе — как в партии, так и в Советах, и о проведении первой после войны партийной конференции. Произошли и кадровые изменения: из состава Политбюро был выведен Д.А. Кунаев; из секретарей ЦК — М.В. Зимянин. Кандидатом в члены Политбюро стал А.Н. Яковлев, секретарями ЦК КПСС — А.И. Лукьянов и Н.Н. Слюньков.

В то же время у Ельцина все больше нарастает ощущение, что перестройка буксует: обстановка в Москве мало изменилась, новые условия хозяйствования и госприемка не спасают, ряд предприятий, перешедших на самофинансирование, терпят крах. Выступая на сессии Моссовета, он с горечью констатировал: «Нет заметных перемен ни в распределении жилья, ни в торговле, ни в здравоохранении, ни на транспорте»[2]. Причины провалов видятся в низкой компетентности кадров, отсутствии системы в работе райкомов с предприятиями, пассивности многих депутатов[3].

После январского пленума критическая волна в московской парторганизации превращается в цунами. Больше всего доставалось секретарям райкомов, перепадало и членам бюро МГК, которым приходится выступать с персональными отчетами на пленуме горкома. Завершая публичную проработку членов бюро МГК И.Д. Писарева и В.П. Щербакова на пленуме 30 мая 1987 г., Ельцин дает им совет — «воспринимать разговор без обид, стрессов и амбиций»[4]. Пройдет всего несколько месяцев и этот совет будет актуален для него самого.

Первому секретарю МГК казалось, что персональная критика подхлестнет городских и районных руководителей. Но у привыкших за годы «застоя» к спокойной жизни чиновников повышенная требовательность нового «хозяина города» вызывала раздражение и глухое сопротивление. Выступая на сессии Моссовета, директор НИИ Е.О. Адамов говорил «В Москве сейчас не остается зон вне критики, но некоторые зоны уже превратились в зоны сплошного артиллерийского обстрела, и даже, если там появляется хороший человек, и есть надежда, что этот человек будет эффективно действовать, мы слишком быстро ждем от него результатов, и не даем ему проявить себя»[5].

Москва стала объектом критики центральных СМИ, что не могло не задевать Ельцина. На пленуме МГК 8 августа 1987 г. он говорил, успокаивая себя: «Горько, конечно, все это читать и слушать. И все же постоянно мы должны настраивать себя на то, что, это в сегодняшней обстановке нужное, нормальное явление. Болячек в городе много, нарывы надо вскрывать, легче заживать будут»[6].

1 РГАНИ. Ф.2. Оп.5. Д.34. Л.75.
2 Московская правда 15 марта 1987.
3 *Ельцин Б.Н.* «Действовать настойчиво и решительно». Доклад на пленуме МГК 21 февраля 1987 г. //Московская правда. 23 февраля 1987.
4 Московская правда 31 мая 1987.
5 Московская правда.15 марта 1987.
6 Московская правда 9 августа 1987

Он видел, что теряет поддержку как в Кремле, так и в МГК. В этой ситуации любой неверный шаг мог быть использован против него. Катализатором событий стал первый массовый несанкционированный митинг историко-патриотического объединения «Память», состоявшийся 6 мая 1987 в Москве на площади 50-летия Октября (Манежной).

Встреча с «Памятью»

Общество «Память» было незарегистрированной общественной организацией националистического толка[1]. На митинг собралось примерно 300—400 человек с лозунгами «Долой саботажников перестройки», «Статус историко-патриотическому объединению "Память"», «Требуем Ельцина или Горбачева», «Возродить Поклонную гору». На площадь приехал председатель Моссовета Сайкин, но демонстранты не расходились, требуя встречи с Горбачевым или Ельциным.

Толпа росла, руководители УВД не решались ее разогнать. Решение первого секретаря было нестандартным — он согласился на встречу с демонстрантами и даже предложил им на выбор три места встречи: Дом Советов, горком партии или Дом политического просвещения. Лидеры «Памяти» выбрали Дом Советов. Встреча с Ельциным состоялась в большом зале, почти на тысячу мест. Участники демонстрации говорили об уничтожении исторических памятников в Москве, об американизации культуры, о том, что архитекторы в своем стремлении водрузить новый памятник фактически уничтожили Поклонную гору, служившую одним из исторических символов столицы. Любопытно, что лидеры «Памяти» обвиняли во всем этом «противников перестройки».

Некоторые идеи и мысли Ельцину показались вполне здравыми — о необходимости бережного отношения к русскому языку, о проблеме извращения русской истории, о необходимости охраны памятников старины и т. д. Ельцин признал, что по Генеральному плану развития Москвы в 1935 г. было уничтожено свыше 2 тысяч исторических памятников, но спорил с демонстрантами, доказывая, что в Москве охраняется около 9 с половиной тысяч памятников, что объемы реставрационных работ выросли в два раза. Он размышлял и сомневался — что делать с Поклонной горой и с памятником Победы, который там задумали создать, говорил, что Моссовету следует определить порядок проведения митингов[2]...

Эта встреча, на которую пресса откликнулась лишь короткой заметкой в «Московской правде»[3], имела большой резонанс в Москве. Впервые первый секретарь горкома услышал требования улицы, впервые представитель власти пошел на прямой контакт с протестующими[4].

1 Общество «Память» возникло в 1982 г. на базе «Общества книголюбов» Министерства авиационной промышленности СССР, с 1986 г. историко-патриотическое объединение «Память» (в честь романа В.Чивилихина «Память»). Во главе общества с 1985 г. Д.Д. Васильев.
2 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М., 1992. С. 59—62.
3 Название общества «Память» не упоминалось. Говорилось лишь о встрече первого секретаря МГК Б.Н.Ельцина с «группой москвичей, собравшихся на площади 50-летия Октября, а затем в Моссовете». См.: Московская правда 7 мая 1987.
4 Пожалуй, последний случай общения партийного лидера с протестовавшими людьми относился к поездке А.Микояна в Новочеркасск в 1962 г. Это общение закончилось, в конце

Встреча с активистами «Памяти» делала положение Ельцина очень уязвимым. Создавался опасный прецедент. Один из официальных залов столицы оказался местом для проведения незапланированной дискуссии, причем с людьми, не скрывавшими своих оппозиционных настроений. Репутация «Памяти» в кругах московской интеллигенции как организации националистической и антисемитской (репутация, заметим, вполне оправданная) бросала тень и на Ельцина.

По мнению В. Соловьева и Е. Клепиковой, авторов одной из первых биографий Ельцина, встреча Ельцина с «Памятью» была его тактической ошибкой. Он переоценил значение этой организации, которой фактически манипулировал Комитет госбезопасности. Требование демонстрантов встречи с Ельциным и отказ вести переговоры с Сайкиным были прямо связаны с указаниями, полученными от покровителей. Расчет строился на том, чтобы подмочить репутацию Ельцина, скомпрометировать его. Провокацию с «Памятью» Соловьев и Клепикова рассматривают в контексте конфликта Ельцина и Горбачева, начавшегося весной 1987 г.[1]

Эта интерпретация представляется не слишком убедительной. Если митинг на Манежной площади был спровоцирован органами госбезопасности с целью подорвать репутацию Ельцина, то его организаторы скорее могли ожидать, что первый секретарь горкома даст санкцию на силовой разгон толпы. Тем более, что все правовые основы для этого были — незарегистрированная организация, несанкционированный митинг, помехи движению.

К встрече с Ельциным лидеры «Памяти» были совсем не готовы. Требуя встречи с Горбачевым или Ельциным, они вряд ли могли рассчитывать, что к ним кто-либо из высокопоставленных руководителей выйдет. Ведь никаких требований к партийным лидерам сформулировано не было. Вопросы, которые поднимались на встрече — о бережном отношении к русскому языку и русской истории, об охране памятников, — это скорее попытка втянуть Ельцина в дискуссию, а не требования к власти.

Ельцин согласился на встречу с демонстрантами, потому что не боялся говорить с большой аудиторией. Как «хозяин города», он считал своей обязанностью выслушать людей, не думая о том, что это его как-то скомпрометирует.

Ельцин в Политбюро ЦК КПСС («Мы тебя не поддерживаем, хотя одобряем»)

После избрания секретарем ЦК, а затем кандидатом в члены Политбюро Ельцин взошел на политический Олимп и окунулся в жизнь советской политической элиты. Еженедельно по четвергам проходили заседания Политбюро. Они начинались с 11 часов утра и продолжались от 5 до 9 часов.

В Политбюро существовала строгая иерархия, которая определяла всю систему отношений в высшем партийном органе, а также формальный порядок прохождения в зал заседаний, место в зале заседаний и даже место за обеденным столом во время перерыва. Ельцину, привыкшему к более демократическим обкомовским порядкам, это не нравилось, тем более, что как секретарь ЦК, он принадлежал к третьей, низшей, категории «небожителей», а, став кандидатом в члены Политбюро, вошел во вторую.

концов, безжалостным применением оружия против демонстрантов, гибелью многих людей, судом и казнями.

1 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М. 1992. С.65—66.

Заседания Секретариата, которые вел Е.К. Лигачев, проходили каждый вторник. Разделение между Политбюро и Секретариатом было достаточно условным. Обычно Секретариат рассматривал менее важные вопросы, наиболее серьезные вопросы обсуждали на совместном заседании Секретариата и Политбюро ЦК. Ельцин, проработавший почти полгода заведующим отделом ЦК и видевший аппаратную работу изнутри, считал, что, всем ведал аппарат, а члены Политбюро зачастую чисто формально участвовали в обсуждении.

На первых порах Ельцин на заседаниях больше слушал, но постепенно стал подавать голос. Если, по его мнению, вопрос решался ошибочно, возражал, и достаточно настойчиво. Возникали споры, в основном, с Лигачевым и Соломенцевым.

В своих воспоминаниях Ельцин дал характеристики коллегам по Политбюро. На них стоит остановиться, так как они говорят не только о том окружении, в котором ему пришлось работать, но и о самом Ельцине.

Ельцин ощущал себя представителем нового, молодого поколения. Действительно, 55-летние Горбачев и Ельцин, 57-летний Н.И. Рыжков были молодыми рядом с 77-летним А.А. Громыко и 73-летним М.С. Соломенцевым. Большинство из членов Политбюро представлялись Ельцину осколками старой брежневской гвардии. А.А. Громыко, как считал Ельцин, «плохо представлял ситуацию в стране, доживал свой век в каком-то им самим созданном, изолированном мире». «Продуктами старой системы» в глазах Ельцина, были генералы В.М. Чебриков и Д.Т. Язов. Последнего Ельцин характеризует как ограниченного и усердного вояку. Пребывание в составе Политбюро первого секретаря компартии Азербайджана Алиева и первого секретаря компартии Украины Щербицкого, как считает Ельцин, демонстрировало нерешительность и половинчатость действий Горбачева.

Среди представителей молодого поколения Ельцин также не видел сильных ярких личностей. Довольно высоко оценивая деловые качества Н.И. Рыжкова, Ельцин считал его слабым организатором, особенно в условиях нарастания экономического хаоса в стране.

Ельцин хорошо отзывался о В.И. Долгих, как одном из наиболее профессиональных, эффективно работающих секретарей ЦК. По его мнению, Долгих отличали системность, взвешенность в принятии решений, относительная самостоятельность. На заседаниях Политбюро они сидели рядом (скорее по алфавиту, а не по дружбе) и часто откровенно обсуждали возникающие в стране проблемы и то, как они решаются.

Наиболее лестную оценку Ельцин дал А.Н. Яковлеву, как «наиболее умному, здравому и дальновидному политику». [1]

Конечно, ельцинские характеристики даны три года спустя после его ухода из Политбюро, и разнос, устроенный ему на октябрьском пленуме 1987 г., повлиял на отношение Ельцина к бывшим коллегам. Исключение составляет

1 Подробнее см. *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.140—146.

Яковлев, который также выступал с осуждением Ельцина в октябре 1987 г. Вместе с тем, очевидно, что мнение о коллегах Ельцин составил уже в процессе совместной работы.

Ельцин не мог не замечать противоречий между членами Политбюро. Эти противоречия были всегда: спорили о том, как и что нужно было делать, было соперничество за влияние и власть, споры между теми членами Политбюро, которые возглавляли СМ СССР и РСФСР и их «партийными кураторами», бывали, наконец, сложные межличностные отношения. На заседании Политбюро 27 октября 1986 г. при обсуждении вопроса о письмах, которые получал ЦК КПСС, вспыхнула настоящая политическая дискуссия, в ходе которой резко обозначились различия во взглядах на перестройку «старшего поколения», в лице Громыко и команды Горбачева [1].

Перебравшись из областного Свердловска в Кремль, добравшись до вершины политического Олимпа, Ельцин (возможно, вопреки ожиданиям) не встретил там ярких мощных личностей. За редким исключением, коллеги по Политбюро не заслуживали даже его уважения. На этом фоне уверенность в своих силах росла, он вел себя все активнее, хотя чувствовал себя чужим в Политбюро. Не вступая в дискуссии по идеологическим вопросам, он остро ставил вопросы преимущественно практические и политические. Далекий от закулисных интриг, прямой и открытый по натуре, Ельцин не стремился завязать неформальные контакты, вербовать сторонников, а ждал, что его работа в Москве будет оценена. Рассчитывать он мог только на поддержку Горбачева.

Однако постепенно Ельцин, по натуре своей очень хорошо чувствовавший психологический климат отношений, стал ощущать напряженность и какую-то отчужденность от своих коллег по Политбюро. На заседаниях Горбачев все чаще вскользь стал говорить о том, что в Москве не все в порядке.

Было несколько серьезных стычек со вторым человеком в партии — Лигачевым — по вопросам льгот и привилегий, по поводу постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Лигачев потребовал закрыть в Москве пивзавод, свернуть торговлю всей группы спиртных напитков, даже сухих вин и пива. Позже, в «Исповеди на заданную тему», Ельцин осуждал кампанию против алкоголизма как «безграмотную и нелепую», ведущуюся без учета экономических и социальных последствий[2]. Однако саботировать ее проведение в Москве он, разумеется, не мог. В столице был полностью прекращен выпуск крепких ординарных вин, на 40% по сравнению с 1985 сокращено производство сухих, десертных и марочных вин[3].

В дискуссиях на Политбюро Лигачева поддерживал Соломенцев, Горбачев занимал выжидательную позицию. Напряжение в отношениях с членами Политбюро добавило выступление Ельцина на заседании 9 января 1987 при обсуждении проекта доклада Горбачева к январскому пленуму по кадрам.

В июне 1987 г. готовился пленум ЦК КПСС по экономической концепции «перестройки». Предварительно в загородной резиденции в Волынском работала группа ученых и работников аппарата ЦК, куда вошли известные эконо-

1 АП РФ, Рабочая запись заседания Политбюро. 27 октября 1986 г.
2 *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. С.126
3 ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.218. Д.38.Л.9.

мисты Аганбегян, Абалкин, Ситарян, Петраков, Попов. Суть готовящихся экономических преобразований состояла в повышении экономической самостоятельности предприятий, что становилось возможным, по мнению его авторов, после принятия закона о предприятии, что, в свою очередь, должно было привести к существенным изменениям в управлении экономикой. Одновременно предполагалось отказаться от централизованного государственного снабжения, начать конверсию оборонных предприятий, реорганизовать банковскую систему. Разрешалось создание кооперативов.

На заседании Политбюро 22 июня, накануне пленума, высказывались различные мнения о предстоящей экономической реформе. Резко прозвучало выступление Ельцина, заявившего, что пленум и особенно конкретные правительственные постановления недостаточно подготовлены. Вспоминая об этом, В. Медведев пишет, что внутренне был согласен с Ельциным, но откладывать проведение пленума было нельзя[1].

Ельцин не промолчал и на пленуме. В отличие от других выступавших, говоривших главным образом о конкретных экономических проблемах, Ельцин вновь поставил вопрос о необходимости реформирования всей системы партийно-государственного управления: «Прошло два года с начала перестройки, а вглубь она не пошла... В работе Секретариата ЦК ничего не изменилось — обилие бумаг, администрирование. Необходимо создание политорганов и ликвидкомов по сокращению аппарата министерств и ведомств, ввести институт парторгов ЦК. Нужна перестройка партии в целом, а не только лично каждого»[2].

Июньский пленум ничего не изменил. Экономические проблемы нарастали, настроения в обществе все больше политизировались. Вот некоторые надписи на избирательных бюллетенях на выборах в Москве в местные Советы народных депутатов летом 1987 г., первых альтернативных выборах за последние шесть десятилетий советской власти:

— Когда кончится словоблудие? Когда начнутся дела согласно постановлениям ЦК КПСС?

— Наказ один — на руководящие посты назначать беспартийных, а коммунисты показали себя, от мала до велика, жуликами.

— До тех пор, пока будет одна партия, ничего хорошего ждать нельзя.

— Просим выступить в защиту патриотического движения общества «Память».

— Власть должна принадлежать Советам, а не партии. Вывести войска из Афганистана.

6 августа на заседании Политбюро после того, как были рассмотрены все вопросы повестки дня, Ельцин поднял вопрос о том, что «экстремистски настроенные лица» пытаются организовывать в Москве демонстрации и митинги под разными предлогами, требуют от Моссовета определить порядок их проведения. Поводом для постановки этого вопроса стала стихийная демонстрация крымских татар. Заседание Политбюро заканчивалось, и никакого решения по этому вопросу принято не было. Горбачев лишь бросил реплику: «В

1 *Медведев В.А.* В команде Горбачева. С.51—52.
2 В Политбюро ЦК КПСС... С.195—196.

принципе надо. Готовьте предложения»[1]. В записях А. Черняева, В. Медведева и Г. Шахназарова слова Горбачева переданы более подробно. Генсек сказал, что «право на проведение демонстраций и правила обеспечения порядка их проведения» нужно определить на уровне местных Советов. И, что немаловажно, не называя Ельцина, фактически поддержал его действия во время демонстрации «Памяти»: «надо выходить к народу и таким образом изолировать экстремистов»[2].

В начале сентября правила проведения митингов были приняты Моссоветом. Этот первый в советской истории документ, который на практике позволил реализовать записанное в Конституции право, был принят по инициативе Ельцина. Ему же за это и досталось. Московская инициатива вызвала крайнее недовольство в Кремле.

На заседании Политбюро 10 сентября резко выступил Лигачев: «Почему Ельцин не рассмотрел этот вопрос на бюро МГК? Кто обсуждал их и с кем?» Вина Ельцина, с точки зрения членов Политбюро, поддержавших Лигачева, была очевидной: в обход Политбюро он посягнул на создание нормы для всего СССР, так как Москва, конечно, создавала такой прецедент.

Была сформирована комиссия в составе Воротникова, Ельцина, Лукьянова и Разумовского, которой поручалось обсудить вопрос со специалистами из Минюста и МВД и подготовить проект Указа Президиума Верховного Совета «О порядке проведения общественно-политическими организациями массовых мероприятий: митингов, демонстраций, шествий»[3].

Октябрьский Пленум 1987 года. «Дело Ельцина»

В Политбюро Ельцин чувствовал себя в изоляции, работать становилось все труднее. Выступления против него Лигачева воспринимались уже не как нападки, а как скоординированная травля. Последней каплей стало заседание Политбюро 10 сентября 1987 г., когда обсуждался вопрос о несанкционированном решении Моссовета о порядке проведения митингов.

12 сентября Ельцин обратился к генсеку, отдыхавшему на юге, с письмом, в котором попросил об отставке. В истории КПСС это был, вероятно, первый и единственный случай, когда партийный руководитель такого ранга, находясь в работоспособном состоянии, добровольно отказывался от своего поста. Если за этим неординарным и эмоциональным поступком и был расчет, что Горбачев его не отпустит, а обещает поддержку, то он был по-детски наивным. Как бы то ни было, это был поступок отчаянья. В случае отставки Ельцин сжигал за собой все мосты, и мог рассчитывать только на возвращение к прежней специальности — строителя.

Ельцин писал: «...Я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее — я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро... Партийные организации оказались в хвосте всех грандиозных со-

1 *Воротников В.И.* Указ. соч. С.152.
2 В Политбюро ЦК КПСС... С.217.
3 *Воротников В.И.* Указ. соч. С.153—154.

бытий. Здесь перестройки... практически нет... Задумано и сформулировано пореволюционному. А реализация, именно в партии — тот же прежний конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход. Вот где начало разрыва между словом революционным и делом в партии, далеким от политического подхода... У Егора Кузьмича [Лигачева], по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать... В отношении меня после июньского пленума ЦК и с учетом Политбюро 10 сентября, нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля. Решение исполкома по демонстрациям —это городской вопрос, и решался он правильно. Мне непонятна роль созданной комиссии.

...Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны и, прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобными и Вам...

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос... Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы... Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением. Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к пленуму ЦК КПСС.

С уважением, Б. Ельцин

12 сентября 1987 г.»[1].

Письмо было не просто просьбой об отставке, это был политический документ. Ельцин мотивировал свою отставку несогласием с политикой партии, на словах громко ратовавшей за перестройку, а на деле, по его мнению, оставшейся неизменной, а Лигачев выступал, прежде всего, как символ этой неизменности, неколебимости партийного аппарата. Это документ разочарования, не оправдавшихся надежд на реформирование страны, расплаты за веру в Горбачева. Это был документ личного мужества, мужества безоглядного, граничившего с отчаянностью. Достигнуть высших партийных должностей было невероятно трудно. Но потерять их, оказаться выброшенным из тесного круга «соратников по партии» означало превратиться в изгоя, в политического отступника, на избиении которого долго будут практиковаться правоверные карьеристы.

Отметим, что, сжигая за собой мосты, Ельцин использовал ряд аргументов, которые лично должны были задевать самого Горбачева. Двусмысленно звучало утверждение Ельцина, что он со «своей прямотой, своей биографией» не хочет работать в составе Политбюро. Это был скандал. Горбачев попытался превратить его в скандал «семейный».

Ельцин звонил в Крым, спрашивал Горбачева о судьбе своего заявления, тот уходил от ответа, предлагал вернуться к нему после октябрьских праздни-

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 12—14.

ков, просил не поднимать вопроса об отставке[1]... В кругу своих помощников Горбачев возмущался: «Недоволен ходом перестройки, работой Секретариата и многим другим. Ставит вопрос об его освобождении от работы в Политбюро. Наворочал дров в Москве, а теперь ищет, на кого свалить»[2]. Ответа от Горбачева не было. Развязка откладывалась.

Все шло по-прежнему. Ельцин продолжал работать. 19 сентября 1987 г. впервые с размахом отпраздновали День города[3]. Ельцин возложил цветы к мавзолею и поднялся на трибуну. Это не осталось незамеченным, трибуна мавзолея предназначалась для высших руководителей страны, но не города. 25 сентября прошла встреча с пропагандистами Москвы. 4 октября Ельцин провел заседание партгруппы перед сессией Моссовета. Остро критично прошла сама сессия.

15 октября на заседании Политбюро, когда обсуждался проект доклада Горбачева о 70-летии Октября. Ельцин выступил очень спокойно. Все его замечания сводились к необходимости подробнее сказать о деятельности партии между Февралем и Октябрем, о завоевании большевиками власти в Советах, уточнить оценки соратников Ленина по Политбюро, сильнее сказать об организаторской деятельности партии. Похоже, что Ельцин не собирался ограничиваться исторической частью доклада и хотел продолжить выступление. Его последняя фраза: «А потом сказать — с чем же мы пришли к 70-летию?». Но Горбачев, почуяв неладное, перебил его: «По правильному пути идем: вот итог 70-летия!... Иначе забредем не туда»[4]. Словесный поток генсека увел обсуждение в сторону от опасной черты, к которой подвел Ельцин.

21 октября 1987 г. открылся пленум. В повестке дня значилось: «Вопросы, связанные с 70-летием Октября и некоторые текущие задачи»[5]. С докладом выступил Горбачев. Этот доклад был, пожалуй, одним из лучших в его политической карьере. Мощное историческое начало, построенное, в значительной степени, не только на новых документах архива Политбюро, но и на попытках нового понимания исторического развития страны, было продолжено вполне уместными для такого жанра выступлений критическими нотами «скромных пока успехов перестройки», конкретными замечаниями в адрес руководителей министерств и ведомств, секретарей обкомов и аппарата ЦК.

После доклада Лигачев, председательствовавший на пленуме, спросил: «Есть ли вопросы? Нет». Сидевший тогда в президиуме Воротников вспоминал следующее: «В первом ряду, где сидели кандидаты в члены Политбюро, как-то неуверенно поднял руку Б.Н. Ельцин, потом опустил. Горбачев: "Вот у Ельцина есть вопрос". Лигачев: "Давайте посоветуемся, будем ли открывать прения?" Послышались голоса: "Нет". Лигачев — "Нет!" Ельцин было привстал, потом сел. Вновь подал реплику Горбачев: "У товарища Ельцина есть какое-то заявление"».

1 *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М. 1993. С. 175.
2 *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачева. — М. 1995. С. 326—327.
3 Решение о его проведении принято МГК 7 января1987 г. по предложению Ельцина. С тех пор День города ежегодно отмечается в Москве в первые выходные сентября.
4 В Политбюро ЦК КПСС... С.249—250.
5 Стенограмма пленума опубликована. См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 209—287. Рабочие варианты стенограммы см: ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1790.

Лигачев заканчивал заседание. Это не входило в планы Горбачева. Он **настоял** на выступлении Ельцина. Хотел ли Ельцин выступить на пленуме? Позволим высказать свое мнение — **не хотел.** Более того — **он не был готов к выступлению,** не собирался выступать, так как Горбачев специально предупредил его, что заявление Ельцина об отставке будет рассмотрено **после** пленума. И именно поэтому Горбачев вытолкнул Ельцина выступить, полагая, что ельцинский экспромт будет неудачным, а критика Ельцина — убедительной.

Лигачев, под давлением Горбачева, предоставил слово Ельцину.

Выступление Ельцина, во многом сумбурное, в основном повторяло многое из того, что он писал Горбачеву:

«...прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем было сказано на июньском Пленуме ЦК партии. Я должен сказать, что после этого, хотя прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата ЦК, стиля работы т. Лигачева».

«...сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм — подъем... после июньского пленума ЦК стала вера какая-то падать у людей... Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных итогов перестройки в следующие два года».

«В последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо... Мы этого допустить просто не можем. Нельзя этого допустить. Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то определенным, уже недопустимым, так сказать, перекосам, но, тем не менее, первые какие-то штришки, вот такого отношения есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить. И последнее (Пауза). Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии»[1].

Ельцин позволил себе давать оценку хода перестройки, более того —он был последователен в утверждении, что перестройка не приносит ожидаемых результатов. В контексте ожидаемого праздника — 70-летия Октябрьской революции и после пафосного доклада Горбачева это выглядело просто как контрреволюция. На этот результат, видимо, и рассчитывал Горбачев, который хотел устроить Ельцину публичный разнос.

1 ЦАОПИМ Ф.4. Оп.220. Д.1790.Л.1—2.

Все выступление Ельцина занимает **менее двух страниц** опубликованной стенограммы[1]. Обсуждение его — **48 страниц обвинений**. Первым начал Лигачев, утверждавший, что все, что говорил Ельцин, не соответствует действительности, а его заявление о падении у советских людей веры в перестройку — грубая политическая ошибка. Председатель комитета народного контроля С.И. Манякин, объясняя выступление Ельцина его политической незрелостью, напомнил, что и в партию-то он вступил поздно, что случившееся не следует драматизировать, «это естественный процесс и закономерный финал» Ельцина[2], что надо «закручивать гайки». Астраханский первый секретарь Л.А. Бородин, с удовольствием напомнив, что свою партийную карьеру начинал еще при Сталине, объявил Ельцина дезертиром. Секретарь Московского обкома В.К. Месяц грехом Ельцина считал его «оригинальничанье», и пленумы он в горкоме вел не так, как было принято, и с иностранными журналистами и дипломатами встречался. Не пожалели обвинений в адрес Ельцина его земляки, вместе с ним работавшие в Свердловске: Я.П. Рябов, Н.И. Рыжков, Г.В. Колбин.

Председатель КГБ Чебриков выступал основательно, продуманно, бил умело. Его выступление производило впечатление подготовленного заранее. Видимо, так оно и было, и председатель КГБ заранее знал сценарий пленума, предусматривавший избиение Ельцина.

Там было и сакраментальное: Ельцин думает больше о себе, чем о партии, о стране, о Москве. «Не полюбил, Борис Николаевич, ты москвичей. Если бы полюбил Москву, то ты бы никогда бы не позволил себе сегодня произнести такую речь с этой трибуны». Чебриков обвинил Ельцина, что тот не разобрался в московских проблемах, и вообще его выступление льет воду на мельницу сотням и тысячам аналитиков на Западе[3].

Похоже, с заранее подготовленным текстом выступал и А.Н. Яковлев. Яковлев дал четкую квалификацию выступлению Ельцина: «ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Политически неверно потому, что исходит из неверной оценки обстановки в стране, из неверной оценки... позиций, которые занимают Политбюро, Секретариат ЦК КПСС... А безнравственно... потому, что поставил свои личные амбиции, личные интересы выше общепартийных...». Ельцин, по его мнению, увлечен левореволюционной фразой, собственной личностью[4].

Шеварднадзе, найдя выразительные и красивые слова, чтобы похвалить доклад Горбачева, нашел и определения для выступления Ельцина. «Как его охарактеризовать? Здесь употреблялись разные термины, например — консерватизм. Я бы добавил — примитивизм. Но скорей всего — и это, пожалуй, наиболее концентрированная оценка — безответственность. Безответственность перед партией, перед народом, перед друзьями и коллегами, товарищами по Политбюро». «Но вам, — обращаясь к Ельцину, говорил Шеварднадзе, — не удастся столкнуть Центральный Комитет с Московской городской партийной

1 Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239—241.
2 Там же. С. 243.
3 Там же. С.261—262.
4 Там же. С. 262—263.

организацией. Нет, не удастся!», —и сорвал на этом аплодисменты участников пленума[1].

Окончательные итоги подводил Горбачев. Он предоставил было слово Ельцину, но не утерпел, перебивал его и в конце концов начал выступать сам. В своем выступлении он сообщил, что Ельцин прислал ему письмо об отставке на юг, но они условились вернуться к этому вопросу после октябрьских праздников. Горбачев уверял, что Ельцин нарушил договоренность, выступив на пленуме. Дальше следовал многословный поток обвинений в адрес Ельцина[2].

В результате выступление Ельцина на пленуме было признано специальным постановлением «политически ошибочным». Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии поручалось «рассмотреть вопрос о заявлении товарища Ельцина Б.Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом мнений состоявшегося пленума ЦК»[3].

Поток обвинений, обрушившийся на Ельцина, был серьезным ударом для человека, переживавшего тяжелый внутренний кризис. На пленуме ЦК в заключительном слове он повторил просьбу об отставке, но после одумался. Пленум МГК откладывался до завершения юбилейных мероприятий. Ельцин как первый секретарь МГК проводил заседания бюро горкома. 28 сентября обсуждали ход подготовки столицы к 70-летию Октября[4]. 29 сентября, Ельцин, как руководитель московской парторганизации и депутат, выступает на сессии Верховного Совета РСФСР[5]. Продолжалась привычная жизнь, но это было только внешне.

Его внутренне состояние отразилось в выступлении на очередном заседании Политбюро 31 октября. Он растерян, непривычно не уверен в себе: «...Я готов дальше работать, надо держаться курса на перестройку. Признаю, что очень много брал на себя, что виноват. В чем именно виноват, еще не увидел, по-настоящему не нащупал. С середины 1986 года чувствую сильные психологические перегрузки. Надо было открыто идти с этим к товарищам в горкоме, в Политбюро. Но мешало самолюбие. И это главная моя ошибка. Готов отдельно поговорить и с Егором Кузьмичом, и с Александром Николаевичем, и с Георгием Петровичем (Разумовский). Товарищи в горкоме от меня не отвернулись, просят остаться, хотя и осуждают за выступление»[6].

Состояние Ельцина хорошо почувствовал помощник Горбачева А.С. Черняев. В записке Горбачеву, написанной под впечатлением заседания Политбюро 31 октября, он писал: «Прежде всего это эмоциональный всплеск: я, мол, выкладываюсь, себя не жалею (и это ведь действительно так), пытаюсь что-то сделать в этой облепившейся и зазнавшейся застойной Москве, а получаю одни тумаки, да еще в грубой форме, да еще прилюдно, на Секретариате. А что касается амбиций, то, в общем-то, они простительны....»[7]. По мнению Черняева, подавая на пленуме в отставку, Ельцин рассчитывал на то, что «не осмелят-

1 Там же. С. 265—267.
2 Там же. С. 280—286.
3 Там же. С. 287.
4 Московская правда 29 октября 1987
5 Московская правда 30 октября 1987
6 В Политбюро ЦК КПСС... С.269.
7 *Черняев А.С.* Указ. Соч. С. 176.

ся» ее принять, он полагался на свою популярность в Москве и учитывал нежелательный резонанс на Западе, где его отставка будет изображена как «откат» в деле перестройки. Черняев считал, что отставка Ельцина в обществе будет воспринята как победа консервативных сил и ударит по авторитету Горбачева. Так в конце концов и получилось.

Ельцин написал письмо Горбачеву с просьбой сохранить за ним пост секретаря горкома партии[1], но было уже поздно. Решение было принято, но объявить о нем не спешили. Несмотря на «гласность», тексты выступлений на пленуме замалчивались. По стране поползли слухи.

Между тем партийное руководство шумно праздновало 70-летнюю годовщину Октябрьской революции. 2 ноября в Кремлевском Дворце съездов прошло торжественное заседание, на котором Горбачев выступил с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается». 5 ноября торжественное заседание провело московское руководство. Ельцин открывал его и выступал с юбилейным докладом[2]. А тут подошла и очередь кульминации праздника: 7 ноября состоялся большой военный парад в честь праздника, демонстрация москвичей, вечером — прием в Кремле. Ельцин как кандидат в члены Политбюро (решение о его освобождениибыло принято позже) поднимался вместе со всеми руководителями на трибуну мавзолея, принимал участие в праздничном приеме, хотя настроение было, как он позже напишет, «архиневажное»[3]. Нетрудно догадаться, что стояло за этим словом. Находясь на людях, в праздничной суете, он ощущал себя изгоем. После всего, что было сказано в его адрес, коллеги по Политбюро с ним не разговаривали, сторонились. Холодность коллег несколько компенсировала теплая встреча с В. Ярузельским и Фиделем Кастро[4]. С Фиделем они были хорошо знакомы с марта 1987 г., когда по дороге в Никарагуа Ельцин останавливался в Гаване[5].

Две недели, прошедшие после злополучного октябрьского пленума ЦК, были для Ельцина, наверное, самыми тяжелыми в жизни. Он потерял почву под ногами. Сожалел о происшедшем, но исправить ничего не мог. Ожидание приговора на фоне праздничной атмосферы делало состояние невыносимым.

9 ноября, в первый рабочий день после череды праздничных, стало известно о попытке самоубийства Ельцина. В своем кабинете, точнее — в комнате отдыха рядом с кабинетом — он нанес себе удар в грудь ножницами. Ножницы для разрезания конвертов с длинными острыми лезвиями попали в ребро и скользнули по груди, оставив глубокую рану и вызвав большую кровопотерю. Горбачев в своих мемуарах утверждал: Ельцин «симулировал покушение на самоубийство»[6]. Оставим это заявление на его совести.

Горбачев срочно собирал членов Политбюро. Ельцина госпитализировали и накачивали седативными препаратами. Но опасности для жизни, по мнению врачей, не было. Обсудив всю эту информацию, члены Политбюро решили, что

1 *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М. 1995. С. 328.
2 Московская правда 6 ноября 1987
3 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.180.
4 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.180.
5 Московская правда 5 марта 1987, 7 марта 1987.
6 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 374.

вопрос о работе Ельцина надо ставить немедленно. «Разговор с ним по телефону, — писал Горбачев, — я провел сам. Чтобы снять малоприятную для него тему о том, что произошло, сразу же сказал, что обо всем знаю, догадываюсь и о его состоянии. Поэтому нужно наметить день и провести пленум МГК»[1].

Именно тогда, в разговоре с Ельциным, Горбачев заявил ему, что в политику его, Ельцина, уже не пустят. На следующий день, 10 ноября, на Политбюро был решен вопрос о преемнике Ельцина на посту первого секретаря Московского горкома. Им стал Л.Н. Зайков. Процитируем Горбачева по рабочей записи заседания Политбюро:

«*Горбачев*. Во-первых, надо сказать, что Ельцин предпринял, по сути дела, атаку на перестройку, проявил непонимание ее темпов, характера. Более того, с демагогических позиций поднял вопрос о деятельности Политбюро и Секретариата. И в связи с этим надо сказать, что пленум единодушно это все осудил. Наверное, это все будет изложено полней, чем я говорю. В общем, отделить то, что подлежало политическому осуждению, а потом перейти ко второй части, к тому, что касается его, так сказать, подачи в отставку. Отметить, что его не поддерживают, хотя вначале поддержка была, на начальном этапе, когда провозглашались лозунги. А когда дело дошло до исполнения, не хватило пороху. Вот две такие уравновешивающие позиции. И вот еще один вопрос для совета. Мы оценили выступление Ельцина как атаку на Политбюро и попытку внести сумятицу в работу пленума, дезориентировать его относительно того, как действует Политбюро. Как вы думаете, надо ли об этом говорить в изложении?

Демичев. Не надо.

Горбачев. А я думаю, это как раз покажет его авантюризм. Но тогда возникает вопрос —почему мы так остро провели пленум ЦК. Все же понимают, что он мог вопросы, какие у него есть, поставить на Политбюро. А он вышел на пленум с такими намеками. Это у членов ЦК вызвало возмущение, и они ему дали бой. Поэтому обходить в информации этот вопрос не стоит, чтобы не показалось, что есть какая-то могучая оппозиционная сила. В общем, это просто авантюрист. Значит, все это даем в изложении?

Члены Политбюро. Согласны»[2].

Исключение Ельцина из высшего партийного руководства получило, однако, совершенно не тот политический смысл, на который рассчитывали организаторы этой кампании. Еще недавно подобная расправа действительно устраняла человека из политики. Сейчас же произошло противоположное. Отставленный, уволенный Ельцин стремительно превращался в политическую фигуру, действующую вне правил политической жизни, существовавших в стране.

Уже 10 ноября в Москве и Свердловске начались первые демонстрации людей, недовольных отставкой Ельцина. Появились листовки, плакаты в его защиту; 17-го в МГУ была предпринята попытка собирать подписи за возвращение Ельцина и издать его выступление на пленуме ЦК КПСС; 19 ноября МГК КПСС начал консультации с лидерами неформальных движений о прекращении кампании в защиту Ельцина[3]; митинги, забастовки прокатились по Уралу.

1 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 374.
2 АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 12 ноября 1987 г.
3 Современная политическая история России. (1985—1997 гг.). Т.1. Хроника. М., 1997. С. 116—118.

Выступление Ельцина стало стремительно обрастать легендами, самыми правдоподобными и живописными подробностями, появились апокрифические тексты, приписываемые Ельцину. Эти тексты, от 2 до 30 страниц, переписывались от руки, перепечатывались на пишущих машинках, передавались из рук в руки, даже продавались. Различные варианты «речи Ельцина на пленуме» были опубликованы в эмигрантских и некоторых западных газетах, «Le Monde», (Париж), «Observer» (Лондон), «US News and World Report» (Нью—Йорк), «Die Zeit» (Гамбург).

«Речь Ельцина» стала современным фольклором. По всем законам социальной психологии в уста Ельцина вкладывалось то, что хотели от него услышать:

— «Мне трудно объяснить рабочему завода, почему на семидесятом году его политической власти он должен стоять в очереди за сосисками, в которых крахмала больше, чем мяса, а на наших, товарищи, праздничных столах есть и балык, и икорка, и другие деликатесы, полученные без хлопот там, куда его и близко не пустят»;

— «... численность нашей бюрократии в большинстве ведомств не снизилась, в Агропроме даже возросла! Вот где тормоз! Вот где буксует перестройка! Вот где вязнут в чиновничьем болоте все благие замыслы.... Не улучшаются дела и в торговле. Я вам докладывал, товарищи, как здесь, в Москве, обстоят дела. С тех пор мало что изменилось, и те же чиновники из министерств покрывают ворюг от прилавка.»[1]

Ельцину приписывали критику в адрес жены Горбачева Раисы Максимовны, везде и всюду сопровождавшей мужа, вплоть до посещения боевых кораблей, на которые по русским военным традициям вход женщин был запрещен. Будто на пленуме он лично просил Горбачева избавиться от вмешательства в свою работу, от ежедневных указующих звонков Раисы Максимовны. Ельцину приписывали слова о необходимости вывести советские войска из Афганистана.

Среди московской интеллигенции обсуждались различные версии экстравагантной выходки Ельцина. Некоторые предполагали, что он действовал по предварительной договоренности с другими недовольными членами Политбюро, но в последний момент они струсили и отмолчались. Другие считали, что договоренность была мнимой, а заговор фиктивным, от Ельцина просто хотели избавиться. Третьи утверждали, что Ельцин сошел с ума или у него рак[2].

Ельцин превращался в лидера всех недовольных в стране, политического противника той партии, в руководстве которой он совсем недавно состоял. В стране, где не существовали оппозиционные партии, Ельцин становился лидером будущего движения. Лидер оппозиции появился. Были недовольные, готовые уйти в оппозицию. Так закладывались важные предпосылки острой политической борьбы и политической конфронтации ближайших лет, тех политических процессов, о которых и не догадывались организаторы «дела Ельцина».

1 Референдум. Журнал независимых мнений 1987—1990. М., 1992. С.159—160.
2 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М. 1992. С. 76.

На пленум Московского горкома, открывшийся 11 ноября 1987 г., Ельцина привезли из больницы. Как он пишет в воспоминаниях, самочувствие было отвратительным — «голова кружилась, ноги подкашивались, я почти не мог говорить, язык не слушался»[1].

Вел пленум сам Горбачев. Проступок Ельцина квалифицировался им как попытка в ответственный политический момент увести работу пленума ЦК в другом направлении, заявив о своей особой позиции по ряду вопросов. В выступлениях членов МГК звучали оценки и похлеще: «далеко не ошибка, а рассчитанный в том числе и по времени, удар в спину Центрального Комитета партии и его Политбюро с целью получения амбициозных политических дивидендов», «измена делу перестройки» (Ф.Ф. Козырев-Даль); «политический авантюризм, предательский удар в спину партии, рассчитанный по месту, по времени и по цели» (Л.И. Матвеев); «удар по руководству партии, по Московской партийной организации, по ее авторитету», «ставка на раскол» (В.А. Жаров).

Даже Горбачев, позже написал, что атмосфера на пленуме была тяжелой, «в ряде выступлений явно сквозили мотивы мстительности и злорадства», «все это оставило неприятный осадок». При этом генсек не мог не признать, что «Ельцин проявил выдержку», «вел себя как мужчина»[2].

Ельцин выступил в покаянном духе, признал, что его «поступок просто непредсказуем», что согласен с критикой, но «никаких умыслов не имел, и политической направленности в выступлении не было»[3]. Заверял, что всегда был верен «генеральной линии партии», решениям XXVII съезда: «Я абсолютно убежден в перестройке и в том, что как бы трудно она ни шла, она все равно победит. Другое дело, что она, и в этом тогда действительно у нас были разные нюансы ее оценок, она по разным регионам и даже по разным организациям идет по-разному»

Решение пленума гласило, что Ельцин освобожден от обязанностей первого секретаря и члена бюро МГК «за крупные недостатки, допущенные в руководстве Московской партийной организацией». Хотя конкретно о недостатках в ходе обсуждения почти не говорилось.

На следующий день, 12 ноября, на заседании Политбюро Горбачев поставил вопрос об освещении в печати пленума МГК. Он предлагал квалифицировать выступление Ельцина как «атаку на перестройку», «непонимание ее темпов, характера», «попытку внести сумятицу в работу Пленума». Что касается отставки Ельцина, Горбачев считал необходимым отметить, что Ельцина не поддерживают, «хотя вначале поддержка была, на начальном этапе, когда провозглашались лозунги. А когда дело дошло до выполнения, не хватило пороху». Генсеку важно было убедить всех, что никакой оппозиции нет, что Ельцин просто авантюрист.

Однако, все было уже политически бесполезно. В массовом сознании стремительно сформировался образ человека, пострадавшего за правду. По стране прошли митинги в поддержку Ельцина, особенно активны были его

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.181.
2 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн.1. С.375.
3 Стенограмму пленума см. в «Московской правде» 12 ноября 1987.

земляки. В декабре 1987 г. на несанкционированном митинге в Свердловске первому секретарю обкома КПСС Ю.В. Петрову пришлось давать собравшимся объяснения по поводу «травли Ельцина».

Следует отметить, что в общественном сознании российской провинции образ Ельцина ассоциировался с народным защитником, а вовсе не с лидером антикоммунистических сил или вождем демократических организаций[1].

[1] *Кириллов А., Кириллов Б.* Свердловский медведь // Родина 2001. №11. http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=269&n=14

Глава 5

Возвращение в большую политику

На новой службе

Должность первого заместителя председателя Госстроя в ранге министра была создана специально для Ельцина. После разноса на октябрьском пленуме ЦК и ноябрьском пленуме горкома назначение проштрафившегося руководителя, тем более критикана, на столь высокий пост в Москве, с сохранением статуса кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК выглядело нелогичным. Похоже, что решение принималось под впечатлением тяжелого депрессивного состояния Ельцина, который находился в больнице, с одной стороны, и попытки смягчения последствий снятия Ельцина из МГК. Он оставался членом ЦК КПСС, союзным министром — это должно было связывать его потенциальную оппозиционность. Ельцин узнал о новом назначении до московского пленума, и это, вероятно, повлияло, на его выступление.

Об их телефонном разговоре вспоминает Горбачев: «Ельцин старался выиграть время, лихорадочно искал какие-то запасные варианты поведения. Потом, когда мы стали обсуждать возможность его работы в Госстрое в ранге министра, беседа приняла деловой характер»[1]. По воспоминаниям А.В. Коржакова, «Ельцин ждал звонка Горбачева. И Горбачев наконец-то позвонил. Я сам тогда принес телефонный аппарат в постель к шефу и вышел. Из-за двери слышал, как Ельцин поддерживал разговор совершенно убитым голосом. Горбачев предложил ему должность заместителя председателя Госстроя в ранге министра СССР. Борис Николаевич без долгих раздумий согласился»[2]. Действительно, лучшего предложения он и не мог получить. Он возвращался в хорошо знакомую ему строительную отрасль.

8 января 1988 г. Ельцин приступил к новой работе. Л. Суханов, работавший в Госстрое старшим экспертом, а с приходом Ельцина ставший его помощником[3], вспоминал о том, какой переполох возник при появлении нового заместителя председателя. Было перекрыто движение по Пушкинской и улице Москвина, ближайшие подъезды и переулки взяты под контроль охраны, когда к зданию Госстроя (ныне в этом здании находится Совет Федерации РФ) подъехал правительственный кортеж. В сопровождении телохранителей Ельцин проследовал в свой новый кабинет. Из спецполиклиники приехали его лечащий врач, заместитель заведующего отделением и диетолог, отвечающий за

[1] Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн.1. С.374.

[2] *Коржаков А.В.* Борис Ельцин: От рассвета до заката. М. 1997. С.66.

[3] Суханов Лев Евгеньевич — (1935—1998) окончил Московский архитектурно-строительный техникум в 1955 г., МИСИ — в 1966 г.; с 1955 г. работал в Центральном научно-исследовательском институте «Проектстальконструкция» на различных должностях, 1978—1988 — старший эксперт Отдела типового проектирования; с 1988 г. работал с Б. Ельциным в качестве помощника заместителя председателя Госстроя СССР, помощника председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры (1989—1990), помощника Председателя Верховного Совета РСФСР (1990—1991); 1994—1996 — координатором Общественной палаты при Президенте РФ.

рацион питания кандидата в члены Политбюро. В кабинете была оборудована аптечка и рабочий стол с сигнализацией[1].

Госстрой, руководителем которого был в то время свердловчанин Ю. Баталин, считался богатой организацией. С середины 1980-х действовал порядок финансирования проектных работ на контрактной основе. Предприятия имели возможность использовать безналичные фонды для оплаты научных и проектных разработок, перекачивать их в наличность. Зарплаты в проектных институтах возросли в несколько раз[2].

Должность Ельцина в Госстрое вводилась специально для него, но не под конкретные задачи. Формально он курировал три управления — научно-техническое, проектирования и нормирования. Основными текущими вопросами занимался другой первый заместитель — Бибин. Новая работа была не по его характеру. Осенью 1988 г. на встрече со слушателями ВКШ, отвечая на вопрос, удовлетворен ли он работой в Госстрое. Ельцин ответил, что нет — «живую динамичную работу с людьми мне заменили кабинетом, перебираю бумажки»[3].

Как министр, первый заместитель председателя Госстроя, Ельцин должен был присутствовать на заседаниях Совета Министров, но эти заседания только раздражали его. Побывав там дважды, он решил времени зря не тратить и больше там не появлялся[4].

Появилось свободное время, что для деятельной натуры губительно. На февральском пленуме 1988 г. его освободили от обязанностей кандидата в члены Политбюро. Он оставался членом ЦК, но без служебного ЗИЛа и личной охраны. Решение было ожидаемым, принималось без обсуждения, в ряду других оргвопросов[5], но для человека, не оправившегося от депрессии, оно стало чувствительным ударом. Как вспоминает Суханов, Ельцин как человек «архивпечатлительный» первые удары судьбы воспринимал болезненно, весь январь— февраль чувствовал себя скверно»[6], а когда он пришел на работу после пленума, на нем не было лица[7].

Ельцин ощущал себя в вакууме, как будто вокруг него очертили круг, и туда никто не заходит: боятся прикоснуться. Появлялось чувство обреченности. «Ледниковый период» отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью. Он позже вспоминал: «На Пленумах ЦК, других совещаниях, когда деваться было некуда, наши лидеры здоровались со мной с опаской, какой-то осторожностью, кивком головы, давая понять, что я в общем-то, конечно, жив, но это так, номинально, политически меня уже не существует, политически я — труп»[8]. Очередной Первомай он встречал не на Мавзолее, а внизу, где стояли министры, начальники главков, секретари райкомов Москвы[9].

1 *Суханов Л.Е.* Три года с Ельциным. Записки первого помощника. Рига «Вага», 1992. С.33, 37.
2 *Воротников В.И.* Указ. соч. С.154.
3 РГАНИ. Ф.89. Оп.8. Д.29. Л.5.
4 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.142.
5 *Воротников В.И.* Указ.соч С.192.
6 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.38. 46
7 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.40.
8 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.185.
9 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.48—49.

Он потерял сон, мучили головные боли, сдавали нервы. В «Исповеди на заданную тему» он признается, что был невыдержан, иногда срывал это на семье: «Жена, дети пытались как-то успокоить меня, отвлечь. А я чувствовал это и заводился... В общем, тяжко им тогда было со мной»[1].

Спасение было в общении. В это время любой звонок, поздравление с праздником, приглашение на спектакль или концерт воспринимались с благодарностью. Звонили и приходили журналисты. Он дал интервью АПН, «Огоньку», но они не были напечатаны. Как объяснил главный редактор «Огонька» В. Коротич: не разрешено.

Обращались и иностранные журналисты, правда не напрямую, а через Гостелерадио СССР. В связи с предстоящей летом 1988 г. партконференцией ряд иностранных телекомпаний, Би-би-си, Си-би-эс, Эй-би-си попросили об интервью. Были острые вопросы. Об отношениях с Лигачевым Ельцин сказал, что они имеют единые точки зрения в стратегическом плане — по решениям съезда, по задачам перестройки, но расходятся в вопросах тактики и социальной справедливости, что ему не нравится стиль работы Лигачева. Выпуская программу в эфир, журналисты Си-Би-Эс перемонтировали один из ответов. Разразился большой скандал. На одной из пресс-конференций Горбачев сказал, что с Ельциным надо разобраться, если он забыл, что такое партийная дисциплина, что он пока еще является членом ЦК. Последовал вызов к председателю Комиссии партконтроля Соломенцеву для объяснений[2].

Оставались обязанности депутата Моссовета. В его избирательном округе, Раменках, к нему относились хорошо. Будучи секретарем горкома, он помог построить в микрорайоне универсам, поликлинику, детский сад с бассейном, школу. Но мощный общественный темперамент требовал более широкого поля деятельности, нежели Раменки. Тем более, что он чувствовал поддержку от людей, в Госстрой на его имя приходило немало писем[3].

Намеченная на лето 1988 г. XIX Всесоюзная партийная конференция была шансом напомнить о себе. Полгода, прошедшие после того разговора, показали, что Ельцин был прав, говоря о том, что перестройка буксует. Нарастали экономические трудности, вышли наружу национально-территориальные проблемы, усиливались разногласия в политическом руководстве. Требовались решительные люди, готовые взять на себя бремя ответственности. Ельцин чувствовал, что пришло его время.

XIX партийная конференция

Кандидатуру Ельцина на выборах делегатов партконференции выдвигали многие крупные промышленные предприятия. Но всякий раз ее отсеивали на уровне вышестоящих партийных органов. Особенно мощной была поддержка в Свердловске. Под давлением коллективов крупнейших заводов города, Уралмаша, Верх-Исетского, электромеханического заводов, Уралхиммаша, Пневмостроймашины и многих других, Свердловский горком принял решение

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.186—187.
2 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М. 1988. Т.2. С.55—56.
3 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.43.

о рекомендации Ельцина. На пленуме обкома партии по этому вопросу разгорелись баталии. Когда рабочие пригрозили забастовкой, а пленум все не мог принять решение, в ЦК решили отступить. Поскольку избирательная кампания в Свердловске подходила к концу, Ельцина включили список кандидатов от Карелии, где пленум еще не прошел.Так Ельцин оказался среди тринадцати делегатов XIX партконференции от Карельской партийной организации. По версии Суханова, причиной этого было то обстоятельство, что свердловская делегация должна была сидеть в первых рядах, а карельская на балконе[1].

Ельцин тщательно готовился к выступлению на конференции, текст писал сам, постоянно внося исправления. Его помощник Суханов насчитал 15 вариантов тезисов[2]. Момент для него был ответственный. После долгого «заговора молчания» он впервые появился на людях, и реакция на его появление была разной: кто-то смотрел на него с любопытством, кто-то отводил глаза, были и слова поддержки[3].

Ключевым вопросом на конференции была предстоящая реформа политической системы. Горбачев довольно оптимистично заявил о том, что сползание страны к кризису в экономической, социальной и духовной сферах удалось остановить[4]. Медленное продвижение экономической реформы он связал с консерватизмом в аппарате управления[5]. Отсюда следовал вывод: чтобы осуществить экономические преобразования надо реформировать политическую систему, сложившуюся в сталинское время. Серьезным недостатком сложившейся политической системы Горбачев назвал чрезмерное огосударствление общественной жизни. Выход генеральный секретарь видел в том, чтобы «четко разграничить функции партийных и государственных органов», сделать советы подлинными органами народовластии[6]. В то же время предлагалось объединить должности председателя Совета и первого секретаря партийного органа. Реформа политической системы предполагала создание Съезда народных депутатов как высшего органа государственной власти.

Впервые Горбачев был вынужден признать, что и в самой партии произошли «определенные деформации», приведшие к «утрате многих демократических большевистских традиций». Часть партийных работников и даже комитетов выступают с консервативных позиций. Речь шла о необходимости коренной перестройки партийной работы, демократизации внутрипартийной жизни, обновления идеологии.

Обсуждение доклада было острым. С трибуны конференции звучала критика управленческого аппарата, вплоть до ЦК, не все поддержали предложение Горбачева объединить должности руководителя Совета и партийного комитета, многие критиковали перехлесты гласности, некоторые предлагали

1 *Суханов Л.Е.* Три года с Ельциным. Записки первого помощника. 1992. С.52.
2 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С. 54.
3 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.201—202.
4 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М. 1988. Т. 1. С. 19.
5 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М. 1988. Т. 1. С. 31.
6 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М. 1988. Т. 1. С. 49.

ввести двухпартийную систему как гарантию против культа личности. По критическому накалу XIX партконференция намного превосходила то, что позволял себе Ельцин на заседаниях Политбюро и пленумах ЦК.

Ельцин послал несколько записок в президиум с просьбой предоставить ему слово, но безрезультатно. В последний день конференции он понял, что надо брать трибуну штурмом. Он поднял над головой красный мандат делегата и высокий, стройный, заметный из любой точки зала твердым шагом пошел прямо к президиуму.

О намерении Ельцина выступить на конференции было известно задолго до конференции. По свидетельству помощника Горбачева В. Болдина, Ельцин был главным объектом интереса спецслужб до избрания его в Верховный Совет СССР, и информация докладывалась непосредственно генсеку[1]. Разумеется, работа Ельцина над тезисами выступления не могла остаться незамеченной. Накануне последнего дня конференции второй секретарь МГК Ю. Беляков по поручению Л. Зайкова позвонил первому секретарю МГК Ю. Прокофьеву и попросил выступить на конференции против Ельцина, если тот получит слово[2].

«Штурм трибуны» выглядел весьма театрально. Ельцин с мандатом в поднятой руке дошел до президиума, поднялся на три ступеньки, подошел к Горбачеву и прямо с мандатом, смотря ему в глаза, твердым голосом сказал: «Я требую дать слово для выступления, или ставьте вопрос на голосование всей конференции». Из зала раздавались голоса — «дать слово Ельцину». Наконец, Горбачев проговорил: «Сядьте в первый ряд». Ельцин сел в первом ряду, рядом с проходом[3].

Свое выступление Ельцин начал с ответа на выпады против него, прозвучавшие в некоторых выступлениях, а затем перешел к главному — демократизации в партии. По существу он говорил о том же, что и на октябрьском пленуме ЦК — перестройку надо было начинать с партии, партия с точки зрения перестройки отстает. Подготовка к конференции и выборы только еще больше убедили его, что аппарат верхнего эшелона не перестраивается.

По поводу реформы политической системы он предложил создать механизм, который бы обеспечил подлинное народовластие и исключил вождизм. Предложение о совмещении функций первых секретарей парткомов и советских органов для Ельцина (как и для многих на конференции) было неожиданным и непонятным. Ельцин считал, что по этому вопросу надо провести всенародный референдум. Относительно выборов он подчеркнул, что они должны быть общими, прямыми, тайными. Ограничить пребывание на выборной должности 2 сроками. Ограничения по возрасту — 65 лет[4].

Эти предложения вполне укладывались в рамки дискуссии по вопросу о реформе политической системы. Но дальше Ельцин оседлал любимого конька — поставил вопрос об ответственности руководства за состояние страны:

1 *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачева. — М. 1995. С.334.
2 *Прокофьев Ю.* До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2005. С.133.
3 Подробнее см. *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.203—205; *Болдин В.* Крушение пьедестала. С.335—336.
4 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М. 1988. Т. 2, С. 56—57.

«Сейчас получается, в застое виноват один Брежнев. А где были те, кто по 10, 15, 20 лет и сейчас в Политбюро?»

«Почему выдвинули больного Черненко? — задавал он неудобные вопросы. — Почему Комитет Партийного Контроля, наказывая за относительно небольшие отклонения от норм партийной жизни, побоялся и сейчас боится привлечь крупных руководителей республик, областей за взятки, за миллионный ущерб государству и прочее?... Считаю, что некоторые члены Политбюро, виновные как члены коллективного органа, облеченные доверием ЦК и партии, должны ответить: почему страна и партия доведены до такого состояния?»[1]

От прошлого Ельцин перешел к настоящему: «Пока получается, что политика, проводимая руководящими органами, по существу, сохраняет свою непререкаемость, остается вне критики, вне контроля народных масс и сегодня». «... некоторые крупные партийные руководители погрязли в коррупции, взятках и приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоту, скромность, партийное товарищество. Разложение верхних слоев в брежневский период охватило многие регионы, и недооценивать, упрощать этого нельзя. Загнивание, видимо, глубже, чем предполагают, и мафия, знаю по Москве, существует определенно» [2].

Дальше — больше, Ельцин замахнулся на номенклатурные привилегии: «Надо, наконец, ликвидировать продовольственные «пайки» для, так сказать, «голодающей номенклатуры», исключить элитарность в обществе, исключить и по существу и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов». «Предлагаю сократить аппарат в обкомах в 2—3 раза, в ЦК в 6—10 раз, с ликвидацией отраслевых отделов»[3].

После этой гневной филиппики конец выступления прозвучал совершенной неожиданно. Ельцин попросил у конференции политической реабилитации после октябрьского Пленума ЦК. В зале зашумели, и он ретировался: «Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все». Но ему разрешили продолжить: «... Мое выступление на октябрьском Пленуме было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на Пленуме, неоднократно поднимались прессой.... Я считаю, что единственной моей ошибкой в выступлении было то, что выступил не вовремя — перед 70-летием Октября»[4].

После обеденного перерыва по регламенту должно было начаться обсуждение решений конференции. Но последовало повторение Октябрьского пленума. Как по команде (а скорее всего — именно по команде!), делегаты конференции набросились на Ельцина.

Усманов Г.И. (Первый секретарьТатарского обкома): «Ельцин своими действиями и поступками не работает на авторитет партии и нашей страны, на-

1 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 58.
2 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 59, 60.
3 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 61..
4 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 61..

право и налево раздавая различным иностранным агентствам свои интервью. Его пестуют, он работает на свой авторитет»[1].

Лигачев Е.К.: Коммунист Ельцин встал на неправильный путь. «Замечу, что, будучи секретарем горкома партии, он не бывал на заседаниях Секретариата... Трудно поверить, но это факт: находясь в составе Политбюро, присутствуя на его заседаниях, а заседания длятся по 8—9 и 10 часов, почти не принимал никакого участия в обсуждении жизненно важных проблем страны и в принятии решений, которых ждал весь народ. Молчал и выжидал. Чудовищно, но это факт»[2].

Единственный человек, который выступил в поддержку Ельцина был его земляк, секретарь парткома машиностроительного завода им. Калинина В.А. Волков: «Да, Ельцин очень трудный человек, у него тяжелый характер; он жесткий человек, может быть, даже жестокий. Но этот человек, работая в Свердловской областной партийной организации, очень многое сделал для авторитета партийного работника и партии, был человеком, у которого слово не расходилось с делом. Поэтому и сегодня у него остается высокий авторитет у простых людей. Я считаю, что Центральный Комитет нанес урон своему авторитету, когда не были опубликованы материалы октябрьского пленума».

Эти слова были встречены аплодисментами[3]. Но вскоре Горбачев огласил записку, пришедшую в президиум: «Делегация Свердловской областной партийной организации полностью поддерживает решения октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС по товарищу Ельцину. Товарища Волкова никто не уполномочивал выступать от имени делегатов. Его выступление получило полное осуждение. От имени делегации первый секретарь обкома партии Бобыкин»[4].

Москвичи отыгрывались за прошлые обиды. Чикирев Н.С. (Генеральный директор НПО «Станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе»): «Ельцин был у меня на заводе 6 часов, сделал единственное замечание, которое я считаю абсолютно несправедливым, некомпетентным»[5].

Лукин И.С. (Первый секретарь Пролетарского райкома Москвы): «Попытка форсирования перестройки привела в Москве буквально к ломке партийной организации.... Первые секретари Куйбышевского, Киевского, Ленинградского и многих других райкомов партии не просто ушли, а фактически были сломлены, духовно уничтожены. Ваше бездушное отношение к людям проявлялось в бесконечной замене кадров. Главное в вашем стиле — стремление понравиться массе. Метод один — вбить клин между партийным комитетом и рабочим классом, интеллигенцией»[6].

1 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 64—65.
2 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 86.
3 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 102.
4 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 105.
5 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 103.
6 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 104.

Заметим, что никто не возражал Ельцину по существу. Речь шла о старых обидах и о чертах характера. Тем обиднее Ельцину было выслушивать град упреков и обвинений.

Только Горбачев в заключительном слове признал, что выступление Ельцина в части о конкретных проблемах совпадает с докладом и прениями. Но, когда он подробно стал рассказывать историю «дела Ельцина», Ельцин не выдержал, с места подал реплику: «В целом с оценкой товарищей по ЦК согласен. Подвел ЦК и Московскую городскую организацию, выступив сегодня — это ошибка»[1].

Заседание XIX конференции Центральное телевидение транслировало на всю страну. Вопреки ожиданиям партийного руководства, публичная порка Ельцина, устроенная на конференции, имела обратный эффект. Со всей страны в Госстрой тысячами пошли телеграммы и письма в поддержку Ельцина.

«Мне предлагали мед, травы, малиновое варенье, массаж и т. д. и т. п., чтобы я подлечил себя и больше никогда не болел. Мне советовали не обращать внимания на глупости, которые на меня наговорили, поскольку все равно в них никто не верит. От меня требовали не раскисать, а продолжать борьбу за перестройку»[2].

Прорыв информационной блокады

Многие отечественные и зарубежные журналисты хотели встретиться с опальным политиком, и Ельцин охотно давал интервью. Однако в советской печати эти материалы не появлялись. Даже флагман перестроечных СМИ «Огонек» поостерегся опубликовать уже подготовленное к публикации интервью с Ельциным. Главный редактор «Огонька» Коротич объяснял причину этого иностранным корреспондентам: «В интервью было несколько мест, которые меня поставили в трудное положение.

Первое. Большое число упреков, высказанных в адрес других членов ЦК партии. По логике вещей, я должен был бы дать им интервью и попросить их написать ответ. Это было в тот момент довольно сложно.

Второе, ставит в неловкое положение самого Ельцина. Он рассказывает, как его жена ходит по магазинам, стоит в очереди, и подает это как подвиг. Напечатав такое в стране, где большинство людей стоят в очередях, мы вряд ли повысим авторитет самого Ельцина..

Я попросил его материал доработать, более подробно изложить позитивную программу — как первого заместителя Председателя Госстроя СССР. Думаю, в конце концов интервью Ельцина мы опубликуем...»[3]

Заговор молчания был прорван 4 августа 1988 г., когда в двух латвийских газетах «Советская молодежь» и «Юрмала» появилось интервью, которое Ельцин дал Александру Ольбику[4]. Его перепечатали около 140 изданий по всей

1 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. Т. 2, С. 183.

2 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.217—218.

3 Московские новости» 17 июля 1988 г.

4 Александр Ольбик — член Союза журналистов и Союза писателей Латвии. Несколько лет работал в крупнейшей русскоязычной газете «Советская молодежь», где заведовал отделом промышленности. Затем — в городском еженедельнике «Юрмала». Автор книг «Что за поворотом?» (1990) «Дикие пчелы на солнечном берегу» (1991), «Три года с Ельциным» (1992), «Агентурное дело» (1993), «Дуплет» (1993), «Крах банка «Балтия» (1995) и др.

стране. В некоторых областях по приказу обкома тиражи газет с интервью опального политика были уничтожены.

Общественный интерес к Ельцину, как к человеку, осмелившемуся бросить вызов Системе, был огромным. Поскольку интервью имело громадный резонанс, стоит остановиться подробнее на обстоятельствах его появления и его содержании. Что же такое говорил Ельцин, чтобы миллионы людей поверили ему? Каковы были взгляды и представления Ельцина о проблемах страны и о том, что надо делать, чтобы их решить?

Ольбик подробно рассказал о встрече, которая стала поворотной в его журналистской карьере. Она произошла вскоре после партконференции, когда Ельцин отдыхал в правительственном санатории «Рижский залив». 22 июля он пришел на теннисный стадион в Лиелупе, где в это время проходил розыгрыш Кубка Дэвиса между сборными СССР и Голландией. В перерыве между двумя сетами, журналист осмелился подойти к Ельцину и попросить об интервью. Утром на следующий день они встретились в санатории, где отдыхал Ельцин[1].

Разговор шел о проблемах, накопившихся в стране: о падении престижа социализма, о необходимости революционных преобразований в политической структуре общества, в экономике и в социальной сфере, о разрыве между громогласными лозунгами и реальной жизнью, о привилегиях партийной номенклатуры.

Фактически Ельцин говорил о том же, о чем почти год назад, 12 сентября 1987 г., писал в письме Горбачеву, о чем недавно говорил на XIX партконференции. О том, что перестройка идет на словах, а не на деле: «Будем честны: пока что кроме активных действий средств массовой информации, интеллигенции — других бросающихся в глаза сдвигов пока незаметно. Или во всяком случае их очень и очень мало»[2].

О том, что надо поднять уровень жизни народа: «...Я считаю, что необходимо наметить этапные два—три года, в течение которых должен быть решен ряд узловых вопросов, касающихся благосостояния населения. И во что бы то ни стало воплотить их в жизнь. Это очень поддержит, как вы выразились, дух народа, укрепит веру в перестройку. Людей надо вволю и вкусно накормить, одеть, дать им надежную крышу над головой, убедить в необратимости демократизации...».

Весомость этим словам придавало то, что, будучи руководителем Свердловского обкома, а затем Московского горкома Ельцин практически занимался обеспечением повседневных нужд населения, организовывал ярмарки выходного дня в Москве, разрабатывал программы жилищного строительства и развития транспорта в городе.

1 http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

2 Здесь и далее цитаты из интервью даны по книге: *Александр Ольбик.* Балтийский вектор Бориса Ельцина. http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

Рассказывая о своей работе в Москве, Ельцин подчеркивает, что стремился узнать жизнь горожан изнутри, встречаться с людьми в естественной обстановке.: «Пришлось поездить по поликлиникам, высиживать по несколько часов в очередях — благо тогда в лицо меня москвичи не знали — разговаривать с людьми. Засекал по часам — некоторые участковые врачи принимали одного пациента не более пяти минут. А что можно сделать за пять минут? Разве что навсегда отбить охоту доверять врачу, всему нашему здравоохранению и, в конце концов, — принципам социальной справедливости».

«Да, я ездил в общественном транспорте и скажу вам — дело это очень и очень трудоемкое. Если я, например, собирался на какой-либо завод, то я предварительно намечал маршрут, по которому обычно добираются до завода рабочие. К примеру, основной поток рабочих завода имени Хруничева направляется со стороны Строгино. В шесть часов утра я садился здесь на автобус, добирался на нем до метро, пересаживался снова на автобус и к семи оказывался у проходной предприятия. И не ждал, когда приедет директор, шел в цеха, в рабочую столовую. И когда затем разговор заходил об "адовых" сложностях транспорта, я отчетливо понимал озабоченность рабочих.»

В 1988 г. слово «популизм» еще не вошло в общественный лексикон, «хождение в народ» воспринималось за чистую монету и способствовало популярности Ельцина. Тем более, что он производил впечатление эмоционального и искреннего человека, болеющего за свое дело и за страну. Привлекали его убежденность, требовательность к себе и к окружающим: «... я никогда не забывал и о другом: чтобы требовать от другого, нужно с двойной меркой требовательности подходить к себе. Да, когда я был первым секретарем Московской парторганизации, я работал с 8 утра и до 24 часов. И требовал полной отдачи от других. Многим это было не под силу, некоторые стали роптать и обвинять меня в жестокости. Но я считал и считаю, что в период перестройки без самопожертвования не обойтись. И в этом смысле я могу признать себя в какой-то мере жестким, даже скорее чрезмерно требовательным, но никак не жестоким».

Большой отклик в массах находили выступления Ельцина против привилегий номенклатуры. Эту тему он поднял на XIX партконференции и развил в интервью: «У нас есть слои населения, между которыми нет сбалансированности в заработной плате. Один трудится больше, но получает меньше, другой же живет на «дотации» государства. Это, я считаю, несправедливо. Если у нас в обществе чего-то не хватает, то нужно, чтобы это почувствовали все. Руководитель Агропрома, которому на дом привозят изысканные продукты, никогда «грудью» не пойдет на борьбу за Продовольственную программу. Для него она уже давно решена».

Для Ельцина в 1988 г. борьба против привилегий это борьба за «социалистическую справедливость»: «Социалистическая справедливость — это отнюдь не утопия, как некоторые пытаются ее представить. Если она не будет торжествовать, это рано или поздно вызовет у народа недовольство. Недоверие к партии, советской власти. К социализму вообще».

«Социалистическая справедливость» для Ельцина не сводится к справедливой оплате труда в соответствии с социалистическим принципом распределения. Это более широкое понятие, включающее гражданские свободы: «Принципы социалистической справедливости измеряются не только рублем, дачей или престижной путевкой. И это, разумеется, важно, но я хочу сказать о другом. Мы духовно задавили человека. Он оказался под прессом дутых авторитетов, приказаний, непререкаемых распоряжений, бесконечного количества постановлений и т. д. Мы приучили людей к единоудушению, а не к единодушию. Разве это справедливо? Если мы голосуем, то непременно почти на все 100 процентов, если поднимаются руки, то все поголовно «за». Стыдно, что слово «плюрализм» пришло к нам из лексикона наших идеологических противников».

Ельцин позиционирует себя как коммунист: «А мы, коммунисты, кому служим? Народу, но никак не наоборот». Называет себя ленинцем. «Иногда меня призывали: будь спокойнее, будь сдержаннее, ведь так солидности больше. Я лично этого не понимаю. Ленин был очень эмоциональным, страстным человеком, и в то же время это не мешало ему решать грандиозные задачи. А мы ведь его ученики. Да это же абсурд — называть себя ленинцем и носить в груди ледяное сердце».

Ельцин не критикует политику партии и Горбачева и не предлагает конкретных шагов по решению проблем. Он не считает себя находящимся в оппозиции существующему политическому курсу на обновление социализма. Пафос его интервью сводится к тому, что он говорит о расхождении провозглашенных лозунгов и дела и верит, что прекрасные идеалы социализма могут быть воплощены в жизнь.

Вокруг публикации интервью Ельцина разгорелась нешуточная борьба. Редактора «Юрмалы» Авара Бауманиса вызывали в юрмальский горком партии и «настоятельно советовали» не публиковать это интервью. Когда доводы горкома были проигнорированы, уровень «уговоров» поднялся до ЦК КП Латвии. Но там уже не было единодушия: одни категорически были против интервью с опальным Ельциным, другие были не прочь попортить нервы Горбачеву.

Вечером 3 августа первым был отпечатан латышский тираж газеты «Юрмала». Газета курортного города не привлекала особого внимания, с республиканской молодежной газетой было сложнее. В 20.30 к заместителю редактора «Советской молодежи» Светлане Фесенко пришел представитель Главлита и спросил, с кем согласована публикация интервью. Это был критический момент, так как, узнав, что никакого согласования ни с кем не было, чиновник ушел, и было неизвестно, что он предпримет. Однако никаких запретов не последовало. Ночью был напечатан русский тираж «Юрмалы» и тираж «Советской молодежи»[1].

На следующий день 300 тыс. экземпляров с интервью Ельцина были мгновенно раскуплены в киосках.

Публикация интервью имела большое значение для опровержения слухов о Ельцине. Слухи ходили самые мрачные, говорили, что у Ельцина инфаркт, что он от отчаянья застрелился, или его облучили ядерными частицами агенты КГБ. Об общественной реакции на публикацию интервью свидетельствуют

[1] *Александр Ольбик.* Балтийский вектор Бориса Ельцина. http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

многочисленные письма, приходившие в редакции «Юрмалы» и «Советской молодежи».

Из письма ленинградки Элеоноры Штоф: «Хочется выразить Ельцину свою поддержку, убежденность в правоте его политических взглядов, особенно в неравной борьбе с системой вновь образовавшегося класса партийной и хозяйственной бюрократии. Я и мои друзья целиком солидарны с такой позицией: если не лишить привилегий образовавшийся класс, то перестройка задохнется, потому что люди перестанут в нее верить».

Из многотиражной газеты «Калибровщик» (г. Магнитогорск) писали: «Мы давно были наслышаны об этом интервью, а в октябре (1988 г.) одному из нас удалось побывать в Свердловске, на выставке художников-неформалов, где это интервью занимает почетное место. Его читают все. Заслуга в этом принадлежит еженедельнику «Дальневосточный ученый», который перепечатал беседу с Ельциным из газеты «Юрмала».

В декабре 1988 г., когда Горбачев готовился к поездке в США, интервью было опубликованов журнале АПН «Спутник», распространявшемся за рубежом. Материал был поставлен в сверстанный номер «срочным досылом». Понятно, что решение об этом было принято на самом верху. Горбачев никак не хотел выглядеть в глазах американской общественности зажимщиком гласности. На любой пресс-конференции его могли спросить, что с Ельциным, почему советские средства массовой информации о нем молчат.

Но все получилось не так, как планировалось. В декабре 1988 г. в Армении разразилось страшное землетрясение, Горбачев был вынужден прервать визит в США, а главной новостью мировых СМИ стала трагедия в Спитаке.

Встреча в ВКШ 12 ноября 1988 года

В ноябре 1988 г. Ельцина пригласили выступить перед слушателями Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Приглашение исходило от секретаря комитета комсомола ВКШ Юрия Раптанова, и, конечно, было согласовано с руководством школы и кураторами из ЦК ВЛКСМ. На сцене вместе с Ельциным сидели ректор и проректор ВКШ, секретари парткома и комитета ВЛКСМ школы. Такое внимание к опальному политику свидетельствовало, что комсомольская элита выходила из-под жесткой опеки партии, и искала новые ориентиры на будущее.

Ельцин вновь окунулся в свою стихию — в переполненном зале в течение четырех часов без перерыва он отвечал на вопросы аудитории[1]. Как обычно Ельцин предложил задавать ему любые вопросы на любые темы, не ограничивая время. Судя по стенограмме встречи, настрой аудитории был очень доброжелательным. Слушателей ВКШ интересовало все — от личных вкусов и пристрастий Ельцина до его мнения по вопросам строительства социализма. Большинство вопросов не были новыми и неожиданными для него, в той или иной степени они затрагивались в его прежних интервью и в выступлении на XIX партийной конференции.

Среди принципиальных тем, важных для понимания теоретических представлений Ельцина, стоит отметить вопрос о том, «какое общество мы строим

1 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.68—69.

и построили, если социализм, то какой». Ельцин ответил, что из всех составных частей социализма реализована лишь одна — обобществление собственности. Поэтому лозунг «обновления социализма» неверен, обновлять можно лишь то, что уже создано, «а мы просто строим социализм»[1]. В этом отношении Ельцин близок к той оценке стадии строительства социализма в СССР, какую в свое время давал Ю.В. Андропов.

По вопросам о многопартийности ответы Ельцина противоречивы. С одной стороны, он говорит о том, что в будущем необходимо переходить от однопартийной к двухпартийной системе, «чтобы не повторить того, что было — культа Сталина»[2]. С другой —о сложности введения многопартийности: «традиции и прочее сложилось так, что все это не так просто»[3].

Отметим: любая постановка вопроса о многопартийности, тем более публичная, была в 1988 г. настоящей крамолой.

Идеалом в политике для Ельцина безоговорочно является Ленин. Поэтому кампанию против первого руководителя социалистического государства он считает недопустимой[4].

Потом фрагменты этой встречи были опубликованы в газете ВКШ. Из других средств массовой информации только пермская газета «Молодая гвардия» опубликовала материал о встрече Ельцина в ВКШ, но под заголовком «Политик или авантюрист»[5].

Избирательная кампания 1989 года

Проект реформы политической системы, обсуждавшийся на XIX партконференции, стал воплощаться в жизнь с принятием Верховным Советом СССР двух законов — «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР». В соответствии с этими дополнениями высшим законодательным органом должен был стать Съезд народных депутатов СССР, в перерывах между съездами — Верховный Совет СССР, избиравшейся из числа депутатов и работавший на постоянной основе. Съезд создавался как прямое продолжение съездов Советов, существовавших в 1917—1936 гг. Это обстоятельство подчеркивалось особенностями формирования съезда. Одна треть депутатов (750) избирались по территориальным округам, вторая треть — по национально-территориальным округам, и еще одна треть делегировались от общесоюзных общественных организаций — КПСС, комсомола, профсоюзов, Академии наук СССР, союзов писателей, художников, дизайнеров, филателистов и др.

Депутаты от общественных организаций, как правило, избирались на безальтернативной основе. Пример этому подал сам «авангард перестройки», Центральный комитет партии. На январском пленуме 1989 г., где проходили выборы народных депутатов от КПСС, делегатам пленума был предложен список из ста человек на сто мест. Кто составлял этот список, почему в него были

1 РГАНИ Ф.89. Оп.8. Д.29. Л.7—8.
2 РГАНИ Ф.89. Оп.8. Д.29. Л.36.
3 РГАНИ Ф.89. Оп.8. Д.29. Л.64
4 РГАНИ Ф.89. Оп.8. Д.29. Л.39.
5 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.71.

включены именно те, а не иные кандидаты — все это оставалось за пределом обсуждения и вызвало раздражение даже у участников пленума[1]. Эта сотня кандидатов была заранее отобрана близким Горбачеву секретарем ЦК Г.П. Разумовским и тщательно «просеяна» самим Горбачевым, опасавшимся лично участвовать в избирательной борьбе в обычном избирательном округе[2]. В радикально-демократических кругах такая трактовка избирательного права вызвала насмешки: депутаты от КПСС сразу же были окрещены «красной сотней». Сам же Горбачев комментировал эти события иначе: «И тогда, и сейчас я убежден в правильности того, что на 100 мест от КПСС были выдвинуты ровно 100 кандидатов. Нельзя было допустить, чтобы оказались забаллотированными некоторые члены тогдашнего партийного руководства. Это сразу бы перевело их в стан скрытых или открытых противников преобразований... Наша оценка показала, что, если бы в кандидатский список было бы внесено, скажем, 103—105 фамилий, наибольшее число «черных шаров» получили бы Лигачев, Ульянов и Яковлев. Будь список увеличен на 10 кандидатов, не прошло бы большинство членов Политбюро...»[3] Бывшему Генеральному секретарю было невдомек, что к прокламируемой демократии этот подход никакого отношения не имеет.

Несмотря на все издержки, избирательная кампания стала самой демократичной за всю советскую историю. Собрания избирателей получили реальное право выдвигать своих кандидатов, шли острые предвыборные дискуссии, обсуждались предвыборные платформы кандидатов. Выборы стали мощным фактором политизации населения страны. Впервые за многие десятилетия появилась легальная возможность излагать взгляды, отличавшиеся от официально утвержденных. Значительно изменился характер писем в ЦК. Если раньше писали, как правило, о личных проблемах и просили помощи, то теперь авторы писем ставили общественно-политические проблемы[4]. Люди реально почувствовали, что могут что-то изменить.

Избирательная кампания разделила кандидатов на две большие группы. Одну из них представляли люди, за которыми стоял аппарат КПСС, другую — люди, с различными политическими взглядами: сторонники социал-демократии и экономисты-рыночники, популярные журналисты и т. д. Их противостояние партаппарату оборачивалось мощной поддержкой избирателей.

Ельцин получил извещения из нескольких десятков территориальных округов, Якутии, Свердловска, Новосибирска, Красноярска, Карелии, Дальнего Востока, Мурманска и др., о том, что его выдвинули кандидатом в народные депутаты СССР. Особенно важна была для него поддержка Москвы, где за его выдвижение проголосовали в шести районах: Кунцевском, Гагаринском, Ворошиловском, Черемушкинском, Свердловском, Октябрьском, а также Зеленоград[5].

1 *Воротников В.И.* А это было так...С. 245—246.
2 *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачева. М., 1995. С. 338—339.
3 *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 424.
4 РГАНИ. Ф.2. Оп.5. Д.227. Л.6 об.
5 *Александр Ольбик.* Балтийский вектор Бориса Ельцина. http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

Появился шанс вернуться в большую политику с парадного входа, и Ельцин принимает решение участвовать в выборах. Стала формироваться команда помощников: Музыкантский, Демидов, Шимаев, Михайлов, Гарнак. Первым официальным доверенным лицом стал А. Музыкантский. Всего было зарегистрировано 10 доверенных лиц и столько же работало на общественных началах[1]. Помогали в работе избирательного штаба В. Ланцева, Л. Суханов, журналисты М. Полторанин, П. Вощанов, В. Юмашев.

Началась работа над предвыборной программой. Эволюционировали ли взгляды Ельцина? Какие идеи он собирался предложить своим избирателям? В этом отношении большой интерес представляет второе интервью А. Ольбику, которое Ельцин дал за три месяца до выборов, 29 декабря 1988 г.[2]

Одной из тем разговора с журналистом стал вопрос о необходимости обновления идеологии. Этот вопрос уже широко обсуждался в обществе, особенно после февральского пленума ЦК 1988 г., когда Горбачев признал, что необходимо заново переосмыслить прошлое и дать теоретическое обоснование перспектив «нового этапа социалистического строительства». На XIX партийной конференции писатель Ю. Бондарев образно сравнил перестройку с самолетом, который подняли в воздух и не знают куда посадить[3]. Но дело было не только в том, что пилоты самолета не видели посадочной площадки. Было неясно, откуда летит самолет. Официальная интерпретация советского прошлого, изложенная в школьных и вузовских учебниках, трещала по швам под напором публикаций о «белых пятнах» и «черных дырах». Началось стихийное переосмысление истории, на страницах журналов и газет появились исторические рубрики, публичные лекции по советской истории собирали громадные аудитории.

Вопросы идеологии не были любимым коньком Ельцина. По натуре, образованию и характеру деятельности он — практик, а не теоретик. Но на вопрос журналиста «куда мы идем?» он отвечает очень подробно, с историческими экскурсами и эмоционально. Очевидно, что он всерьез задумывался над этими вопросами. Ельцин говорит о необходимости пересмотра идеологических догм: проходы в будущее загромождены ложью, всякой догматической рухлядью, и надо хорошенько поработать, чтобы не потеряться в завалах прошлого. Кто же нагромоздил эту «идеологическую рухлядь»? По мнению Ельцина, это — результат работы «целых институтов, огромных отделов, сочиняющих подчас всякую чепуху, за которую им хорошо платят». Ельцин находит самые нелестные эпитеты: «лысенковцы от идеологии, начетчики», «убежденные извратители идей Ленина и марксизма в целом» прекрасно знают, что все их диссертации, все монографии, все звания, вплоть до академических — сплошная липа.

Напрашивается вопрос, кто же платит этой армии «начетчиков», чьи интересы она обслуживает, но он не прозвучал.

1 *Суханов Л.Е.* Три года с Ельциным. Записки первого помощника. 1992. С.78.
2 Текст интервью см.: «Юрмала» 16 марта 1989 г., Александр Ольбик. Балтийский вектор Бориса Ельцина http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html
3 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня—1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М. 1988.

Идеалом для Ельцина по-прежнему остается «ленинский социализм», «демократический путь», который был в 1929 году «обрублен» Сталиным.Демократия была в зародыше задушена, началось насаждение политического диктата, государственно-авторитарного социализма. По мнению Ельцина, социализм в СССР не был построен. Кроме обобществления собственности никаких реальных элементов социализма нет вообще или они заретушированы до такой степени, что их просто не разглядеть. Поэтому лозунг «обновления социализма» неверен, так как обновлять можно то, что уже существует, а «мы еще только строим социализм».

Большое место в интервью заняли вопросы экономики. Ельцин считает, что нужно было четко определить место партии в обществе и ее главные «направляющие удары». А именно: торговлю и общественное питание, обеспечение страны товарами народного потребления, сферу обслуживания. Средства на создание «экономического механизма, с помощью которого можно будет регулировать соотношение предложения и спроса», Ельцин предлагает черпать понемногу из бюджетов на космическую программу, «оборонку» и промышленное строительство. При всей экономической наивности и политической несостоятельности подобного предложения (речь по сути идет о том, чтобы свести деятельность партии к решению чисто хозяйственных задач) за ним стояло понимание, что дефицит разъедает экономическую систему, и надо приложить все силы, чтобы его преодолеть.

Ельцин говорил о том, что находило непосредственный отклик в сердцах читателей, о бедности народа, нищете пенсионеров, нехватке лекарств в аптеках, низком качестве и дефиците продуктов питания. Эмоциональность, преувеличения придавали его словам еще большую убедительность: «мы прозябаем в беспросветной отсталости», а «вокруг нас горы алмазов и золота»; «людей фактически кормят полуотравленным картофелем, фруктами и овощами»; «мы вынуждены проедать наше национальное богатство: за хлеб отдаем самое ценное, что у нас есть — нефть, газ, лес, золото. А что будем делать, когда эти запасы кончатся?», «социализму противоречит нищета».

Какие же меры надо предпринять, чтобы решить эти проблемы? Ельцин критически оценивает результаты первых шагов экономической реформы. Введение хозрасчета и самофинансирования привело только к росту цен — предприятия стали выпускать то, что им выгодно, с прилавков исчезли необходимые в быту дешевые вещи, поскольку их невыгодно производить. Кооперативы при всем их положительном значении создали дополнительные трудности с потребительскими товарами.

Перспективы экономической реформы Ельцин связывает с переходом к рыночной экономике: «ничего нового, кроме нормальных товарно-денежных отношений, мы не придумаем». По его мнению, рыночная экономика не противоречит социализму.

В рассуждениях Ельцина можно увидеть немало противоречий, за ними не просматривается четкая обдуманная программы действий. Социализм для него — обобществление собственности и в то же время товарно-денежные отношения. Он говорит о «ленинском социализм» как о неком идеале, и в то же

время о том, что мы слишком долго обожествляли образ Ленина. Он осторожен в вопросе о многопартийности: «Я не говорю, что мы готовы к созданию другой партии, но вместе с тем наивно и такое утверждение: зачем, мол, нам вторая партия, если у нас существуют критика и самокритика?» Он «за создание народных фронтов, но при условии, что они действительно ставят перед собой цель бороться за перестройку, и что методы их борьбы не противоречат их программам».

Критически оценивая ситуацию в стране и ход перестройки, Ельцин не хочет окончательно поссориться с Горбачевым. Он признает свои ошибки и промахи: «Я не в полной мере воспользовался помощью, которую мог оказать Горбачев и Политбюро в целом. Я имею в виду помощь по проблемам Москвы».

Идеи и размышления Ельцина нашли отражение в его предвыборной программе. Ее основные положения сводились к следующему:

— высший законодательный орган страны должен выражать волю народа в решении всех принципиальных вопросов и препятствовать принятию ненужных, а порой и вредных решений и постановлений. Ему должны быть законодательно подотчетны все без исключения политические, правительственные и общественные организации, в том числе партия;

— рядом законодательных актов укрепить веру народа в победу над бюрократией, коррупцией и социальной несправедливостью;

— нравственными критериями депутатов должны быть: честность, порядочность, работа без страха и равнодушия, принципиальность и бескорыстное служение народу. Для этого в Верховном Совете СССР необходимо создать механизм, гарантирующий обществу невозможность таких рецидивов прошлого, как авторитарная форма правления и культ личности;

— ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан (от рабочего до главы государства) в приобретении услуг, народного образования и медицинского обслуживания;

— в связи с этим переориентировать Четвертое Главное управление Минздрава СССР, обслуживающее номенклатуру, на наиболее слабо защищенную часть общества;

— ликвидировать различные спецпайки, спецраспределители, спецобслуживание. Разный вклад в общество регулировать только заработной платой, рублем, имеющим одинаковую покупательную способность для всех слоев общества;

— самая большая опасность — сложившийся элитарный и бюрократический слой, побороть который можно путем децентрализации политической и хозяйственной системы и лишения элиты привилегий;

— в обществе налицо все признаки глубочайшего кризиса в партии, экономике, духовной сфере, отсутствие социальной справедливости. За ошибки перед народом должны нести ответственность конкретные виновники;

— необходим контроль вновь формируемого сегодня нового высшего органа народовластия (который должен быть глубоко принципиальным и демократичным) над партией, спрос с ее руководящего ядра за допущенные про-

валы и привлечение к ответственности. Только таким путем можно обеспечить обновление общества, истинную власть народа[1].

Б.Н. Ельцин провел мощную избирательную кампанию. Многочисленные встречи и митинги нашли отражение в фильме о Ельцине, который снимался Центральной студией документальных фильмов по сценарию В. Юмашева. Весной 1989 г. был подписан контракт на издание автобиографической книги «Исповедь на заданную тему» через литературного агента Нюрнберга[2]. Рукопись должна быть готова к октябрю. Популярность Ельцина росла. Каждое его выступление собирало тысячи людей, его встреча в Свердловске транслировалась прямо на площадь для собравшихся перед огромным Дворцом культуры людей.

Как всегда было много вопросов. В ответах Ельцин был более осторожен, чем в интервью. Он говорит, что не противопоставляет себя Горбачеву, что полностью поддерживает генсека в стратегических вопросах внутренней и внешней политики[3]. Что касается многопартийности, по его мнению, в законе о молодежи надо предусмотреть возможность создания организаций параллельных ВЛКСМ, но создание партий преждевременно, «мы не готовы не организационно, ни психологически»[4]. Он отрицательно относится к попытке прибалтийских республик выйти из состава СССР[5]. На вопрос о свободе въезда и выезда из СССР отвечает очень невнятно —«по каждой личности вопрос рассматривается отдельно»[6]. Не видит необходимости введения частной собственности при наличии аренды[7].

Из двухсот официальных предложений выставить свою кандидатуру на выборах народных депутатов, поступавших из многих городов страны, он выбрал Москву, самый большой по количеству избирателей и важный по месту в стране. Быть избранным в Москве, там, где сильнее всего должно было чувствоваться влияние ЦК и КГБ СССР, значит бросить открытый вызов системе.

По Московскому национально-территориальному округу было зарегистрировано 32 кандидата, среди которых были сильные конкуренты — певица Л. Зыкина, космонавт Г. Гречко, директор ЗИЛа Браков. Первый бой он выдержал на окружном собрании 21 февраля в Колонном зале Дома Союзов, на котором выступили 10 кандидатов каждый со своей платформой. Победили двое: Генеральный директор ЗИЛа Е. Браков (577 голосов) и министр Госстроя СССР Борис Ельцин (532 голоса). Космонавт Г. Гречко свою кандидатуру отозвал в пользу Ельцина.

Партийная номенклатура использовала все возможные средства, чтобы не допустить победы Ельцина на выборах. Теперь против него выступил рабочий московского завода им. Владимира Ильича В.П. Тихомиров. Это был один из представителей народа в составе ЦК, выбранный для новой атаки на Ельцина для большего эффекта. На мартовском пленуме ЦК 1989 г., посвященном выборам народных депутатов от КПСС, Тихомиров обвинил Ельцина в том, что некоторые его высказывания порочат советскую власть и государство. Он сослался на митинг «Демократического Союза», прошедший 12 марта в Москве, на котором были лозунги «Октябрьский переворот был контрреволюцией. Отняли у народа свободу», «Не верьте лидерам государства»[1]. «Как понять Вас, Борис Николаевич, — вопрошал Тихомиров, — когда Вы высказываетесь за многопартийность, подчинение партии Советам, организацию новой молодежной организации в противовес нашей комсомольской организации». Горбачев отозвался репликой: «Дрейфует политическая позиция товарища Ельцина, наверное, не туда, куда надо»[2]. Этот упрек он мог адресовать в равной степени и себе, его позиция тоже «дрейфовала», и вряд ли он сам мог ответить на вопрос, «куда надо».

1 ЦАОПИМ. Ф. 4, Оп. 220. Д. 1790. Л. 34—43.
2 *Суханов Л.Е.*. Указ. соч. С.184.
3 ЦАОПИМ. Ф. 4, Оп. 220. Д. 1790. Л.45.
4 ЦАОПИМ. Ф. 4, Оп. 220. Д. 1790. Л. 47.
5 ЦАОПИМ. Ф. 4, Оп. 220. Д. 1790. Л. 56.
6 ЦАОПИМ. Ф. 4, Оп. 220. Д. 1790. Л. 57.
7 ЦАОПИМ. Ф. 4, Оп. 220. Д. 1790. Л. 61.

В каком направлении дрейфовать — не знал и сам Ельцин. Перед ним стояла задача — выиграть выборы вопреки воле генсека, преодолеть все препоны и преграды, которые строили на его пути.

Встречаясь с избирателями, выступая на митингах перед многотысячной толпой, он должен был говорить то, что от него хотели услышать люди. Такие встречи накануне выборов длились иногда до 5 часов, и Ельцину приходилось отвечать на 300—400 вопросов.Он умел прекрасно улавливать настроения аудитории, а поскольку идея многопартийности уже витала в воздухе, обойти эту тему он не мог.

Отвечая на нападки Тихомирова, Ельцин сразу и решительно отмел обвинения в связях с Демократическим Союзом: «Вообще не знаю, что это за организация, ни устава, ни чем она занимается». И это было похоже на правду.

Излагая свою позицию по поводу многопартийности, Ельцин выглядел куда менее убедительно. Вот цитата из его выступления: «Я никогда не призывал к многопартийности... я четко говорил, что, да, кое-кто в обществе начал говорить о том, что, может быть, иметь другую, вторую партию. Я отвечал, что сейчас, конечно, для создания второй партии, вообще нет никаких оснований и никакой основы. Но раз такие вопросы возникают, то я высказывал свое мнение в отношении того, что надо, чтобы средства массовой информации в пределах нашей гласности не считали эту тему запретной. (Шум в зале)».

Горбачев М.С.: «В Кунцевском районе 11 марта товарищ Ельцин сказал "Аппарат ЦК держится за власть, чтобы не потерять привилегии. Многопартийная система в настоящее время невозможна, но в принципе необходима". Это так или нет?»

Ельцин: «Нет»

Голоса: «Так. Как нет, когда так? Запись есть»[3].

1 В дневнике В. Воротникова Демократический Союз ошибочно назван Демократической Россией (см.: *Воротников В.И.* А это было так... С.251). В действительности Демократическая Россия как объединение политических сил для проведения реформ в России была создана только в 1990 г. Ничего общего с Демократическим Союзом (один из лидеров — В. Новодворская) Демократическая Россия не имела.
2 РГАНИ. Ф. 2. Оп.5. Д. 227. Л. 6
3 РГАНИ. Ф. 2. Оп.5. Д. 227. Л. 9.

Делегатам пленума понятно, что Ельцин отрицает очевидное. У Горбачева прекрасный повод устроить очередной публичный разнос ослушнику, осмелившемуся вопреки его запрету претендовать на возвращение в большую политику. Но Горбачев не решается использовать компромат. Очевидно потому, что его критика Ельцина оборачивалась поддержкой Ельцину в широких слоях населения. Пленум продолжается своим чередом.

Казалось бы, вопрос был исчерпан, но на второй день работы пленума в президиум стали поступать записки с требованиями дать политическую оценку выступлениям Ельцина. В президиуме мнения разделились. Высказывались предложения продолжить работу пленума, обсудить выступления Ельцина, принять решение. Однако было решено не раздувать скандала, а создать комиссию для изучения вопроса.В комиссию вошли В.А. Медведев (председатель), Г.П. Разумовский, Б.К. Пуго и В.А. Затворницкий.

Комиссия пришла к единодушному выводу, что, несмотря на субъективность некоторых оценок, в целом высказывания Ельцина не противоречат политической линии партии. Это заключение было направлено генсеку, но до пленума ЦК не дошло[1]. Медведев объясняет это тем, что нахлынули другие события и заботы. Действительно, в мае начал работу Первый Съезд народных депутатов, принесший немало неожиданностей. Но, видимо, была и другая причина. Каждое новое осуждение Ельцина на партийных форумах только прибавляло ему популярности в народе и поддерживало ореол преследуемого, но несгибаемого борца.

Все попытки публично дискредитировать Ельцина имели обратный эффект. 19 марта 1989 г. «Московская правда» напечатала открытое письмо рабочего Тихомирова «Считаю своим партийным долгом». Автор обличал двуличность Ельцина: борется с привилегиями, а сам пользуется услугами 4-го главного управления Минздрава; приехал на завод трамваем, но сел на него за одну остановку до проходной. В этот же день перед зданием редакции прошел митинг протеста, и редакции пришлось опубликовать ответ Ельцина.

Итоги выборов по Московскому национально-территориальному округу были сокрушительны в своей однозначности: 5 миллионов 117 тысяч 745 москвичей проголосовали за Ельцина. Это составляло 89,6% избирателей. Поскольку в Законе о выборах, говорилось о том, что руководители ведомств не могут быть одновременно народными депутатами, сразу после избрания Ельцин написал заявление на имя Н. Рыжкова с просьбой освободить от должности заместителя председателя Госстроя. Став народным депутатом, он отказался от положенных члену ЦК привилегий — дачи в Успенском, поликлиники 4-го управления, пайков. Со служебной машины пересел на «Ниву» А. Коржакова.

Итоги первых, хотя бы отчасти демократических выборов народных депутатов СССР оказались совсем не такими, как надеялось партийное руководство. КПСС не смогла эффективно провести избирательную кампанию. Это было тем более удивительно, что в ее распоряжении находился многочисленный аппарат, доходивший до любого населенного пункта, каждого промышленного, учебного, административного учреждения, была партийная пресса, ресурсы.

1 *Медведев В.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М.. 1993. С.89—91.

Но не было доверия к ним. Недавний энтузиазм вокруг «обновленного социализма», «ускорения», «перестройки всех сторон общественной жизни» выдохся, оставив после себя разочарование, талоны на большинство продуктов питания, огромные очереди за водкой, бесконечные разговоры о коррумпированности партийного аппарата и его безграничных, истинных и мнимых, привилегиях. Публикации в прессе дискредитировали КПСС, представляли ее историю как череду насилий, преступлений, обмана. Единственным анекдотически-рациональным аргументом за сохранение однопартийной системы в стране служила шутка, что «больше одной партии страна прокормить не сможет». Выборы оказались тяжким испытанием для партии, провозглашавшей себя «ядром политической системы СССР».

В депутаты прошли люди, неведомые прежде, выбранные именно потому, что они противостояли партийному аппарату. Так депутатами стали Г. Бурбулис, А. Собчак, Ю. Болдырев, А. Казанник, Ю. Крайко, С. Станкевич и др. Стали народными депутатами и люди очень известные, получившие свои мандаты через ряд общественных и творческих организаций: академики А.Д. Сахаров и Д.С. Лихачев, поэт Е. Евтушенко, экономист Г.Х. Попов. В то же время не были избраны около 30 секретарей обкомов и горкомов КПСС. В Ленинграде оказались забаллотированными все партийные и советские руководители, а также командующий военным округом. В Москве почти все партийные работники потерпели поражение[1].

Через два дня после выборов 26 марта 1989 г. состоялось заседание Политбюро, на котором давалась оценка их итогов. «Настроение у большинства было угнетенное, в воздухе висело — провал», вспоминал об этом заседании М.С. Горбачев[2]. Тем не менее, Генсек попытался доказать, что КПСС не проиграла, так как 85% депутатов — коммунисты, что партия победила там, где люди увидели реальные изменения в результате перестройки. Традиционно много критиковали прессу, обвиняя ее в том, что вся она, в том числе и партийная, во главе с «Правдой», «формирует отрицательное отношение к партийным кадрам».

В защиту итогов выборов высказалось меньшинство членов Политбюро: А.Н. Яковлев, утверждавший, что выборы стали референдумом в защиту перестройки. В.А. Медведев отводил обвинение от прессы, сказав, что дело в том, что многие партийные комитеты пустили выборы на самотек[3].

Полным ходом шла подготовка к приближающему съезду народных депутатов. Горбачев заранее готовился к избранию на должность председателя ВС СССР. Этот статус придавал ему необходимый вес на международной арене, кроме этого, в условиях перемещения власти в сторону съезда народных депутатов, должность председателя Верховного Совета, к тому же принадлежащая человеку, являющемуся Генеральным секретарем ЦК КПСС, становилась ключевой в системе власти в стране.

В результате переговоров с первыми секретарями обкомов Горбачев получил заверения в поддержке его выдвижения на этот пост[4]. На пленуме ЦК

1 В Политбюро КПСС... С.474.
2 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 427.
3 В Политбюро КПСС... С.477, 478.
4 *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. С. 342—344.

КПСС 22 мая 1989 г. Горбачев в духе давней традиции предложил утвердить кандидатов на важнейшие государственные должности, которые должны были утверждаться съездом: председателем ВС — себя, совместив ее с должностью Генерального секретаря, заместителем председателя — А.И. Лукьянова, председателем СМ СССР — Н.И. Рыжкова и т. д. Единственным возражавшим против того, чтобы пленум партии предопределял назначение на государственные должности, был Б.Н. Ельцин[1].

С человеком, за которого проголосовало почти 90% избирателей Москвы, нельзя было не считаться, тем более, что пошли активные слухи, что на Съезде народных депутатов Ельцин собирается бороться с Горбачевым за должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Примерно за неделю до открытия съезда Горбачев предложил Ельцину встретиться. По воспоминаниям Ельцина, разговор был напряженный, нервный, чем больше говорили, тем мощнее вставала между нами стена непонимания. Горбачев интересовался планами Ельцина, спросил, как он смотрит на хозяйственную работу, может быть, в Совмине. Но Ельцин не хотел связывать себя никакими договоренностями[2].

Готовились к съезду и оппоненты. Накануне в Доме политического просвещения, где собиралась Московская дискуссионная трибуна, был предложен альтернативный вариант регламента съезда, его программа. Она стала достоянием всей страны после того, как сведения о ней были опубликованы в журнале «Огонек»[3].

Первый съезд народных депутатов СССР

Первый съезд народных депутатов СССР открылся в Москве 25 мая 1989 г. Съезд сразу же пошел не так, как предполагали его организаторы. Не успел председатель Центральной избирательной комиссии В.П. Орлов закончить свое выступление, как, не спросив ни у кого, на глазах изумленного зала и потрясенной страны, на трибуну вылетел никому до этого не ведомый рижский врач В.Ф. Толпежников и предложил делегатам почтить память погибших при разгоне демонстрации в Тбилиси. Только огласили заготовленные заранее списки участников президиума съезда и предложения к повестке дня, как на трибуне оказался человек, имя которого знала вся страна: академик А.Д. Сахаров. Его знали в течение десятилетий как диссидента, сосланного в Горький, как создателя водородной бомбы, лишенного трех звезд Героя социалистического труда за свою правозащитную деятельность. Знать-то знали, но абсолютное большинство видело и слышало его впервые. Тем более важным представлялось то, что он говорил.

А говорил Сахаров следующее: «Я предлагаю принять в качестве одного из первых пунктов повестки дня декрет съезда народных депутатов СССР. Мы переживаем революцию, перестройка — это революция, и слово "декрет" является самым подходящим в этом случае. Исключительным правом съезда народных депутатов СССР является принятие законов СССР, назначение высших

1 *Воротников В.И.* Указ. соч. С. 269—271.
2 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.222.
3 *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 293.

должностных лиц... В соответствии с этим должны быть внесены изменения в те статьи Конституции СССР, которые касаются прав Верховного Совета СССР... Второй принципиальный вопрос, который стоит перед нами — это вопрос о том, можем ли мы, имеем ли мы право избрать главу государства — председателя Верховного Совета СССР до обсуждения, до дискуссии по всему кругу вопросов, определяющих судьбу нашей страны...»

Сахаров заявил, что он поддерживает кандидатуру Горбачева на этот пост, но поддержка эта носила, по его словам, «условный характер». Он настаивал на альтернативности при избрании председателя Верховного Совета, на обязательном обсуждении политической программы кандидатов[1].

Его выступление не было речью опытного оратора. У него не было «командирского голоса» или эффектно выстроенных фраз. Было другое — поразительная смелость и ответственность, превышающая политические расчеты. Он обращался не только к съезду, но и к стране. Она узнала его и запомнила.

Страна услышала и голоса депутатов от прибалтийских республик. Их выступления касались, на первый взгляд, вопросов техники парламентских процедур. Среди них — о праве депутатов от республик добиваться обсуждения вопроса на заседании съезда, если это предложение поддерживает до двух третей республиканских депутатов, о незамедлительном принятии регламента съезда, и лишь после этого обсуждения других вопросов. Их поддержали и некоторые российские депутаты. И, когда председательствовавший на съезде Горбачев зачитывал записку, что «попытки некоторых депутатов увести съезд на обсуждение процедурных вопросов — очень вредное дело», то для тех, кто следил за ходом заседания, становилось понятно: процедурные вопросы — дело важное, это то, что отличает заседание парламента (хотя само слово «парламент» сначала боялись употреблять) от партийного съезда, где все заранее согласовано, решено, и делегатам остается лишь единогласно проголосовать.

Уже в первый день работы съезда обозначились острейшие национальные проблемы. Депутаты от Грузии настаивали на расследовании событий в Тбилиси, депутаты от Армении и Азербайджана обращались с взаимными обвинениями по поводу событий в Сумгаите и Карабахе; подполковник В.И. Алкснис обвинял руководство Латвийской ССР в дискриминации русскоязычного населения в республике, депутат П.П. Фальк говорил о необходимости восстановления немецкой автономии (АССР Немцев Поволжья была ликвидирована в годы войны).

Явным и бесспорным фаворитом на пост председателя Верховного совета СССР был Горбачев. Замечания в его адрес касались целесообразности совмещения постов Генерального секретаря и председателя Верховного Совета, просили дать объяснение о строительстве его дачи в Крыму, давали «наказы» на будущее.

Дважды выдвигалась кандидатура Б.Н. Ельцина на этот пост: в первый раз ее предложил В.А. Бирюков, второй — Г.Э. Бурбулис, оба — из Свердловской области. Ельцин отказался выдвигать свою кандидатуру. Некоторую интригу в

1 Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 1. С. 9—11.

ход съезда внесло самовыдвижение А.М. Оболенского, инженера из г. Апатиты. Но он даже не был включен в список для голосования. По итогам голосования Горбачев получил абсолютное большинство. «За» — 2123 голосов, «против» — 87.

Особую остроту съезду придавала прямая телевизионная трансляция всех заседаний. В течение нескольких дней мало кому известные прежде люди, избранные депутатами, становились знаменитыми на всю страну, их узнавали не только «в лицо», но и по голосу. Телевидение убило «священную тайну» власти. Возникла возможность сравнивать, оценивать, соглашаться или возражать. Трансляция заседаний съезда стала мощным, не имевшим прежде аналогов, катализатором политических настроений.

Съезд народных депутатов впервые дал всесоюзную трибуну для выражения различных взглядов и позиций. За дни работы съезда республики на деле становились тем, чем они были только формально по Конституции — субъектами СССР. Были открыто названы те проблемы, которые волновали население каждой их них. Делегации республик Прибалтики настаивали на расследовании обстоятельств заключения и оценке последствий пакта «Риббентроп-Молотов», на введении республиканского хозрасчета, предлагали проект закона об экономической самостоятельности республик. Украинская и белорусская делегации имели свое особое мнение при разработке бюджета СССР с учетом последствий Чернобыльской катастрофы. Узбекские делегаты протестовали против деятельности следственной группы Гдляна.

При выборах депутатов в состав ВС СССР — постоянно действовавший орган власти — произошел неизбежный раскол. В тщательно аппаратно подготовленный состав кандидатов в Верховный Совет не были включены люди, которые стали лидерами оппозиции. Это дало основание Ю.Н. Афанасьеву обвинить и депутатов съезда, и председательствующего М.С. Горбачевав том, что Верховный Совет формируется как «сталинско-брежневский», и назвать делегатов съезда «агрессивно-послушным большинством»[1].

Не был избран и Ельцин. РСФСР имела в Совете национальностей 11 мест. По итогам голосования Ельцин набрал более половины голосов, но оказался 12-м. Неожиданно депутат из Омска А. Казанник, избранный в состав Верховного Совета, попросил самоотвод с условием, что его место займет Ельцин. Это был уникальный прецедент. Регламент работы съезда не предусматривал, что самоотвод может оговариваться какими-либо условиями. Самоотвод мог быть принят съездом, но безо всяких условий. Всеобщее замешательство разрядил Собчак. Из его рассуждений о мировой юридической практике и различных вариантах решения сложившегося юридического казуса следовало, что надо удовлетворить самоотвод Казанника с тем, чтобы его место занял тот, кто набрал следующие количество голосов[2]. Эта процедура и была утверждена съездом. Так Ельцин вошел в состав Верховного Совета СССР.

На съезде Ельцин был в центре внимания журналистов, но на трибуну не рвался. Он выступал всего два раза, и далеко не так дерзко как А. Сахаров, А. Собчак, Г. Попов или С. Станкевич.

1 Там же. С. 223—224.
2 Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1989.

В последний день работы Г.Х. Попов объявил о создании «межрегиональной депутатской группы» (МДГ), которая, по сути, стала политической оппозицией в составе съезда народных депутатов. У истоков МДГ стоял клуб московских депутатов. Заявление об образовании МДГ на съезде подписали 157 депутатов[1]. Потом их число выросло.

В ходе избирательной кампании Ельцин держался в стороне от демократического движения московской интеллигенции. Критикуя ход перестройки, он старался не перехлестывать, не замахивался на авторитеты, постоянно подчеркивал, что его предвыборная программа не противоречит партийной, что он поддерживает стратегический курс партии, расходясь лишь в вопросах тактики.

Невнятность политических взглядов Ельцина отмечали как его противники, так и сторонники. В. Федоров (Сахалинский)[2], комментируя интервью Ельцина от 19 октября 1989 г. журналу «Родина», писал: «...изучение программы и последующих выступлений Ельцина не оставляет впечатления о наличии целостной концепции общего развития советского государства». «Борис Николаевич не раз демонстрировал смелость своего мышления, на благо демократии нарушал многие табу, полученные нами с молоком матери. И все-таки не вполне ясно по сей день его политическое кредо. То, что мы слышим из его уст, скорее отрывочно и не взаимоувязано между собой, чем просто недоговорено»[3].

Для демократов член ЦК КПСС, министр Ельцин оставался чужим, представителем партийной элиты, хотя и опальным. Приведем лишь два мнения о нем, относящихся к апрелю 1989 г. Сергей Митрофанов: «Но за что все-таки борется с аппаратом Ельцин? Что если он всего лишь борется за новый аппарат, пытаясь спасти то, что еще можно спасти, и на самом деле не ниспровергатель основ, а представитель нового поколения руководителей, понявших, что они рубят сук, на котором сидят?»

Павел Фельгенгауер: «Феномен Ельцина не имеет аналогий в истории современной России. Поверенный партийный функционер возвращается в центр политической жизни не посредством аппаратных интриг, а опираясь на ясно высказанную народную волю, на глазах приобретая черты былинного героя. Либерально-радикальная оппозиция безнадежно разобщена. Нет возможности объединиться на какой-либо идейной платформе, но можно объединиться вокруг харизматической личности. Вокруг Ельцина могут объединиться все»[4].

Первое выступление Ельцина на собрании МДГ не было удачным. Его обвиняли, что он говорил, как секретарь обкома. У многих организаторов МДГ были сомнения, приглашать ли Ельцина. При всех его конфликтах с партийной номенклатурой, он не выходил за рамки продиктованных Системой правил игры.

1 *Логунов В.* Межрегиональная депутатская группа: год в оппозиции //Народный депутат. 1990, №12. С.21.
2 В.Федоров-Сахалинский — в 1990 г. председатель Сахалинского облисполкома, после выборов приглашен в высший консультативно—координационный совет Президиума ВС РСФСР, затем преобразованный в президентский совет.
3 Родина. 1990. №1. Цит.по: Федоров (Сахалинский) В. Ельцин. Очерк. — М., 1995. С.14, 18—19.
4 Референдум. Журнал независимых мнений 1987—1990. Избр.мат—лы. М., 1990. С. 166—167.

Г. Шахназаров вспоминал о своем разговоре с Г. Поповым по поводу Ельцина. На вопрос, что демократы нашли в Ельцине, Попов ответил: «Народу нравится... Смел, круче всех рубит систему». Шахназаров: «Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик». Попов: «А ему и не нужно особенно утверждать себя, это уж наша забота». Шахназаров: «Гавриил Харитонович, ну а если он, что называется, решит пойти своим путем?». Попов: «Э, голубчик, мы его в таком случает просто сбросим, и все тут»[1]. Более прозорливым оказался А. Сахаров, которому приписывают слова: «у нас у всех есть свое дело, на которое можно переключиться — наука, преподавание, искусство. У Ельцина нет ничего, кроме политического будущего. Он пойдет с нами до конца». Как отмечает С.С. Алексеев, Ельцину отводилась определенная роль — не духовного сподвижника, а ударной силы, вождя[2].

Как бы то ни было, Ельцин не просто вошел в состав МДГ, но и был избран одним из пяти ее сопредседателей. Сопредседателями стали также Ю.Н. Афанасьев, В.А. Пальм, Г.Х. Попов и А.Д. Сахаров. Принципиальными положениями платформы МДГ стали: признание частной собственности, в том числе на землю; децентрализация власти; экономическая самостоятельность республик, повышение их суверенитета[3].

В Верховном Совете СССР Ельцин был избран председателем комитета по строительству и архитектуре, в связи с этим единственный из состава МДГ, вошел в состав Президиума Верховного Совета СССР. Этот комитет, сформированный по отраслевому принципу, был создан по предложению Горбачева специально под Ельцина. Другие комитеты и комиссии ВС должны формироваться по проблемам. В организации работы Комитета были большие трудности. Все исполнительные органы управления капитальным строительством в стране были ликвидированы, в результате реорганизации у Госстроя СССР не осталось распорядительных функций. Комитет оказался завален бумажной работой, штатов и средств не хватало.

Теперь кабинет Ельцина располагался в гостинице «Москва», где люксовые номера были отведены для работы комитетов Верховного Совета. По воспоминаниям Ольбика, в его кабинете стояли два небольших Т—образных стола, три стула зеленой бархатной обивки, два таких же кресла, небольшой журнальный столик, на дверях светлые портьеры, паркетный, до блеска начищенный пол и один обыкновенный телефонный аппарат. На столе журналист заметил книгу «Россия Горбачева и американская внешняя политика» Северина Бялера и Майкла Менденбаума, издательства «Прогресс». На полке — несколько книг и в их числе «Архитектура советской Грузии», книга о Горбачеве на английском языке, «Бюллетень парламентской группы СССР», каталог «Новые книги за рубежом» и др. Рядом с рабочим кабинетом располагалась довольно обширная приемная, где работали помощники Л. Суханов и А. Коржаков[4].

1 *Шахназаров Г.* Цена свободы. М., 1993, с.157.
2 *Алексеев, С.С.* Горбачев и Ельцин : Торжество и драма // Изв. Урал. гос. ун-та. — Екатеринбург, 2003. №25. С.92.
3 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 12. См. также: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 309.
4 *Александр Ольбик.* Балтийский вектор Бориса Ельцина. http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

Поездка в США 9—17 сентября 1989 года и после

1989 г. стал годом рождения международного политика Ельцина, и немаловажную роль в этом сыграла его поездка в США в сентябре 1989 г. Это была не первая его поездка за границу, но до этого он выезжал или в составе делегации, как это было в 1966 г. в Париже, или как представитель советского партийного руководства, как в 1986 г. в Гамбурге.

В США он впервые представлял самого себя, а не советских строителей или руководителей КПСС. Его новая политическая карьера была на подъеме, за него проголосовало более 5 миллионов человек на выборах в народные депутаты, и теперь он опирался на эту поддержку, не зависел от партийного ареопага. Отсюда уверенность в себе, внутренняя свобода, раскованность. Он смотрел на Америку без шор, и новые впечатления окончательно разбивали усвоенные идеологические стереотипы.

По мнению первых биографов Ельцина В.Соловьева и Е.Клепиковой, «еще до своей первой американской поездки Ельцин был уже заядлым американофилом, «поучиться у американцев» — стало не просто девизом, но конструктивной частью его политической программы»[1]. Явно, что это ничем не подкрепленное утверждение рассчитано на американского читателя. В его многочисленных предвыборных выступлениях и интервью американская тема не звучала. Скорее можно сказать, что он открыл для себя Америку во время своей первой поездки и воспринял увиденное с наивным восхищением. Его потрясение от посещения американского супермаркета было сродни чувствам, которые испытывал любой советской человек на его месте.

Интерес к событиям, происходившим в СССР, во всем мире был огромный, что обеспечивало внимание американской прессы к визиту Ельцина. Однако реформы в СССР в западном общественном сознании связывались с Горбачевым, который в глазах Запада, заболевшего горбиманией, был символом и гарантом необратимости перемен. Отношение к человеку, выступившему в конфликт с Горбачевым, было настороженным. Респектабельная американская пресса восприняла Ельцина не как лидера оппозиции, а как оппонента Горбачева. Предвзятость журналистов была связана еще и с тем, что в это время шла подготовка к советско-американской встрече на высшем уровне.

Вместе с Ельциным в США летели его помощник Л. Суханов, обозреватель «Комсомольской правды» П. Вощанов и народный депутат СССР В. Ярошенко[2]. Фактически эта поездка была организована Ярошенко и Вощановым с целью убедить Ельцина в перспективах рыночной экономики. Ярошенко и Вощанов побывали в США в начале 1989 г. Через американского журналиста Джека Андерсена они организовали приглашение от членов Сената и Палаты представителей США, Фонда братьев Рокфеллеров, Фонда Форда, колледжа Оберлин, ун-та Джона Хопкинса и Института Эсален. Исполнительный директор Институ-

1 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М., 1992. С.221.
2 В. Ярошенко — кандидат экономических наук, зам. директора НПО по экономике, самовыдвиженец на выборах народных депутатов СССР. После избрания Ельцина Председателем верховного Совета РСФСР — министр внешних эк.связей РСФСР. С февраля 1992 — торговый представитель России во Франции.

та «Эсален» Джеймс Гаррисон лично привез приглашение в Москву. Визит был рассчитан на две недели, но визу дали только на неделю, поэтому программа оказалась сверхнапряженной[1].

Уже на следующий день после прилета Ельцин дал интервью Си-би-эс в программе «Лицом к стране», потом последовал завтрак у миллионера Боба Шварца, полет на вертолете над Нью—Йрком, посещение музея Метрополитен, прогулка по Центральному парку, пресс-конференция в доме Шварца, встреча с председателем Комитета по внешним сношениям Сената Клейборном Пэллом. Третий день также начался с телевизионного интервью в программе «Доброе утро, Америка!», транслировавшейся на 84 страны, затем встреча с деловой элитой на Уолл-стрит, лекция в Совете по внешним сношениям, прямая телепередача «Час новостей ведущих Макнила и Лерера», лекция в институте Гарримана Колумбийского университета, поздно вечером переезд в Балтимор.

В Балтиморе в Университете Дж. Гопкинса и состоялась злополучная лекция, которую потом показали по советскому телевидению. После напряжения первых дней американской поездки, ночного застолья в Балтиморе, бессонницы, приема транквилизаторов Ельцин был физически не в состоянии выступать. Но отменить назначенную лекцию было невозможно.

На следующий день в «Вашингтон пост» разделе «Стиль» появилась заметка Пола Хендриксена «Пьяный медведь обнимает капитализм». От Ельцина это скрыли[2].

Из Балтимора отправились в Вашингтон, где в Белом доме была назначена встреча с советником по национальной безопасности генералом Брентоном Скоукрофтом. Ельцин очень хотел встретиться с президентом и еще в Москве просил посла Мэтлока содействовать такой встрече. По свидетельству Суханова, по дороге в Вашингтон Ельцин вдруг заявил, что не поедет на встречу, не тот уровень[3].

У боковых дверей в Белый дом его встретила Кондолиза Райс. При входе произошла заминка. Ельцин, скрестил руки на груди и объявил: «Я не сдвинусь с места, пока не получу заверения, что встречусь с президентом!» Райс, говорившая по-русски, попыталась убедить Ельцина войти в здание, но он продолжал неподвижно стоять. Наконец она сказала: «К сожалению, генерал Скоукрофт — человек очень занятой, и если мы не собираемся к нему идти, надо об этом сообщить».

Ельцин сдался[4]. Вместе с тем настойчивость Ельцина возымела действие. Возможно, сказалась политическая дальновидность и чисто человеческое любопытство американского президента. Ему было интересно взглянуть, что представляет собой человек, бросивший вызов Горбачеву и стремительно набиравший политической вес в своей стране, и при этом он не хотел нарушить субординацию.Во время встречи Ельцина со Скоукрофтом в кабинет как бы невзначай вошел Буш, разговор продолжался 12 минут, затем зашел вице-президент Д. Куэйл. В этот же день состоялась встреча с сенаторами и полуторачасовой разговор с Госсекретарем США Бейкером.

1 *Ярошенко В.* Ельцин: Я отвечу за все. М., 1997. С. 17.
2 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М., 1992. С. 228.
3 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С.122.
4 См.: М. Бешлюсс, С. Тэлбот, Андриянов и Черняк

Ельцин выступал в Чикаго, Далласе, Майями, встречался с университетской аудиторией, политиками, бизнесменами, навестил в больнице Р. Рейгана, осматривал ферму, дал множество пресс-конференций. «Я спал по два-три часа в сутки, перелетал из одного штата в другой, за день проходило по пять-семь встреч и выступлений, и так всю неделю без остановки», — писал он в «Исповеди на заданную тему»[1]. Купание поздним вечером в Майями чуть не закончилось трагически. Утром оказалось, что на пляже висело грозное предупреждение: «Купаться запрещено — акулы»[2].

Выступления Ельцина хорошо, а по советским меркам — просто баснословно, оплачивались. За вычетом расходов на пребывание доход составил 100 тыс. долларов. В «Исповеди на заданную тему» Ельцин пишет, что в рамках акции АнтиСПИД он приобрел миллион одноразовых шприцев, и уже через неделю первая партия в сто тысяч поступила в Москву, в одну из детских больниц[3].

Ельцин произвел яркое впечатление на американскую публику. Университетские аудитории были переполнены. По контрасту с застегнутыми на все пуговицы советскими руководителями, он вел себя нарочито расковано, всем своим поведением стараясь подчеркнуть, что он другой. СМИ смаковали подробности его нестандартного поведения и неожиданных высказываний. Он выступал эмоционально, не оглядываясь на авторитеты. Говорил об углубляющемся кризисе в Советском Союзе, о том, что 48 миллионов советских людей живут ниже уровня бедности, о том, что коммунизм — это утопия. Его восторженные отзывы об Америке в газете появились под заголовком «Ваши трущобы нам кажутся мечтой». Впервые представитель высшего советского руководства, член ЦК КПСС, член Верховного Совета СССР мог позволить такие заявления. В отношении Прибалтийских республик Ельцин сказал, что Верховному Совету СССР следует внести ясность в вопрос о законности возможного выхода их из состава Советского Союза. И это после предупреждения ЦК КПСС в отношении Прибалтийских республик, сделанного 26 августа. На вопрос, считаете ли вы себя, господин Ельцин, коммунистом, последовал ответ: «Ну... Я не знаю, что произойдет после моего приезда из Америки».

После возвращения домой начались неприятности. Противники Ельцина получили хороший материал для очередной разоблачительной кампании. Рассказывали о баснословных расходах Ельцина во время поездки. 18 сентября «Правда» перепечатала статью Витторио Дзукконы из итальянской газеты «Реппублика», в которой живописались «похождения» Ельцина в Америке и количество выпитого им спиртного. 1 октября по первой программе показали полуторачасовой фильм о поездке Ельцина в США. Центральным эпизодом была лекция в университете Гопкинса.Телезрители увидели человека, который

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 232.
2 *Суханов Л.Е.* Указ. соч. С. 156.
3 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 222—233. По данным Л.Е. Суханова, американская сторона выслала только 10 тысяч одноразовых шприцев. См. Суханов Л.Е. Указ. соч. С. 157.

нетвердо держался на ногах, говорил замедленно, растягивая слова. Создавалось полное впечатление, что Ельцин был пьян[1].

Однако все попытки дискредитации Ельцина имели прямо противоположный эффект. Около редакции «Правды» выстраивались пикеты с плакатами «На каждую провокационную статью в прессе ответим выступлениями на митингах!» «У "Униты" с "Республикой" прямо кампания — шельмуют, порочат, кричат! Из этой кампании — люди, внимание! — егоровы уши торчат!». В редакцию газеты присылали решения партсобраний с осуждением публикации, порочащей члена ЦК, члена ВС СССР Бориса Николаевича Ельцина[2].

Возмущение статьей Дзукконы было настолько велико, что 21 сентября «Правда» была вынуждена извиниться перед Ельциным и признать, что итальянский журналист описывал то, чего сам не видел. А телезрители готовы были поверить в фальсификацию видеозаписи, в недобросовестность звукоинженеров, нарочито замедливших звукозапись, но не тому, что видели на экране. 15 октября в интервью «Комсомольской правде» Ельцин объяснил, что выступал по действием транквилизаторов, что простудился в поездке по Америке и заболел.

Он лукавил. Простуду он подхватил, нечаянно искупавшись в холодный сентябрьский вечер в подмосковном водоеме. Это загадочное происшествие произошло через 11 дней после возвращения из Америки, 28 сентября. Днем он провел встречу со своими избирателями в Раменках. Затем на служебной Волге отправился к друзьям на дачу в подмосковный поселок Успенское. Водитель довез его до дач, дальше Ельцин пошел пешком в сторону дачи бывшего председателя Госстроя Башилова. Поскольку свидетелей происшествия не было, предоставим слово самому Ельцину: «Недалеко от дома я отпустил водителя, так я делаю почти всегда, чтобы пройти несколько сот метров пешком. "Волга" уехала, я прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке. Я здесь не вдаюсь в эмоции, то, что в эти минуты я пережил, совсем другая история.

Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега, хотя до него всего несколько метров. Выбравшись на берег, повалился на землю и пролежал на ней какое-то время, приходя в себя. Потом встал, от холода меня трясло, температура воздуха, по-моему, была около нуля. Я понял, что самому мне до дома не добраться, и побрел к посту милиции»[3].

Это был КПП правительственных дач, где дежурили два милиционера.Позвонили Наине Иосифовне, которая вскоре приехала с зятем и А. Коржаковым.

1 По мнению сотрудника московского отделениея американской телекомпании Си-би-эс Джонатана Сандерса: «Борис Ельцин выглядел намного раскованнее, чем большинство советских политических деятелей. С его стороны была предпринята попытка «вписаться» в неформальный американский стиль, проповедуемый данной телекомпанией. Нужно еще учесть, что Ельцин, будучи очень усталым после полета на самолете, принял транквилизатор, из-за чего, очевидно, в комбинации с обстановкой телевидения, он был несколько возбужден. Был ли он нетрезв? Наверняка нет!» — см.: Александр Ольбик. Балтийский вектор Бориса Ельцина http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

2 Подробнее см.: Губарев В.С. «Президент или Уотергейт по-русски» МНО «Форум ученых и специалистов за советско-американский диалог» секция прогностики. М., 1990. С.32—41. Автор — сотрудник «Правды», подписавший номер со статьей Дзукконы в печать.

3 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.235.

Пострадавший просил не сообщать никому о происшедшем, однако покушение на члена Верховного Совета не могло остаться без внимания. 16 октября на заседании Президиума Верховного Совета министр внутренних дел В.В. Бакатин доложил, что расследование показало, что версия Ельцина не подтверждается. В тот же день эта информация была заслушана на заседании Верховного Совета. В.И. Воротников в своем дневнике записал слова Ельцина: «Претензий к МВД у меня нет. Никакого нападения не было. Никаких заявлений я не делал. Это частное дело»[1].

Заседание Верховного Совета транслировалось по телевидению, и на следующий день стенограмма была опубликована в «Известиях». Дело принимало огласку, и это возмутило Ельцина. Он подготовил заявление для СМИ.

Вот этот текст:

«16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М.С. Горбачева был обнародован инцидент, затрагивающий мои честь и достоинство. Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр МВД СССР товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет. Новый политический фарс, разыгранный М.С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой, как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание Межрегиональной группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно-командной системы, и даже моя частная поездка в Соединенные Штаты Америки — все это вызывает яростное озлобление аппарата. По его команде была состряпана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, в передачах Центрального телевидения, распускались среди населения самые невероятные слухи о моем поведении и частной жизни. В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1. Все это является звеньями одной цепи акции травли меня и творится это под руководством товарища Горбачева М.С.

2. Вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и должны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе со стороны партийного руководства.

3. В случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринять соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мои честь и достоинство, как гражданина и депутата.

1 *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С.309

4. Считаю неприемлемым и опасным перенос акцентов с методов политической борьбы на безнравственные, беспринципные методы морального и психологического уничтожения оппонента. Это ведет к полному краху морально-этических установок, к демонтажу демократических начал перестройки и в конечном итоге — к жесткому тоталитарному диктату.

Народный депутат СССР Б.Н.Ельцин.

17.10.89 Москва»[1].

По сведениям Ольбика, Главлит препятствовал публикации этого заявления. 19 октября, когда номер республиканской латвийской газеты «Советская молодежь» был подписан к печати, дежурный по номеру сообщил о том, что на публикацию наложен запрет со ссылкой на циркуляр из Москвы[2]. Редколлегии удалось отстоять свое решение — немаловажное свидетельство того, что времена неудержимо менялись.

Однако эти события были сущими мелочами по сравнению с надвигавшимися выборами на съезд народных депутатов РСФСР. Власть в стране постепенно скатывалась с союзного на республиканский уровень. Судьба Союза ССР оказывалась в прямой зависимости от итогов выборов в России.

Это прекрасно понимали и Ельцин, и Горбачев.

Приближалась главная схватка.

1 *Александр Ольбик.* Балтийский вектор Бориса Ельцина. http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

2 *Александр Ольбик.* Балтийский вектор Бориса Ельцина. http://bookz.ru/authors/ol_bik—aleksandr/ebn/1—ebn.html

Часть 3

КРЕМЛЬ

Глава 6

Председатель Верховного Совета РСФСР

Подготовка к российским выборам 1990 года

Центр политической жизни в СССР все увереннее смещался в сторону выборов народных депутатов на Съезд народных депутатов РСФСР. В соответствии с Законом СССР от 1 декабря 1988 г. одиннадцатая сессия Верховного Совета РСФСР XI созыва 27 октября 1989 г. приняла Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона РСФСР в Российской Федерации). Он предусматривал создание Съезда народных депутатов РСФСР и проведение выборов народных депутатов РСФСР. Российский закон «О выборах народных депутатов РСФСР» был более демократичным, так как не давал (в отличие от союзного законодательства) квот для общественных организаций, отменялась норма о проведение окружных предвыборных собраний, разрешался общественный контроль за проведением выборов.

Официальная партийная идеология «прозевала» и недооценила важность российского фактора. Близкий соратник Горбачева, член Политбюро В.А. Медведев писал: «Первые признаки активизации российского фактора появились примерно за год до этого или несколько раньше в публикациях, заявлениях, исходящих от гуманитарной интеллигенции и, прежде всего от писателей, придерживающихся так называемой русофильской ориентации. Крайние выходки со стороны общества «Память» воспринимались тогда, как нечто одиозное, не отражающее сколько-нибудь глубоких процессов в обществе. По мере оживления национальных движений в республиках внимание к российской теме стало возрастать, хотя еще в течение какого-то времени к этому не относились серьезно. И когда Валентин Распутин в одном из своих выступлений «пригрозил» выходом России из Советского Союза, это было воспринято, как каламбур.

Ситуация, однако, коренным образом изменилась, когда в повестку дня встал вопрос о выборах народных депутатов и создании новых органов государственной власти в республиках, в том числе и Российской Федерации. Российский фактор стал приобретать более реальные очертания, выдвигаться в центр политической борьбы. Одна за другой выявлялись сложные грани российской проблематики — политические, экономические, социальные, экологические, что вполне естественно: ведь РСФСР, будучи ядром Союза, несла на себе и главную тяжесть возникших в стране проблем. Пожалуй, быстрее, чем руководство КПСС, уловили это оппозиционные силы, превращая российские проблемы в козырную карту в политической игре»[1].

Избирательная кампания в России уже с первых шагов отличалась ожесточенностью и политической заостренностью. В рядах руководства КПСС оказалось немало сторонников создания самостоятельной российской компартии — как своего рода противовеса Горбачеву. В конце концов и среди сторон-

[1] *Медведев В.А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994, С. 135—136.

ников Горбачева пришли к мнению о целесообразности воссоздания Компартии РСФСР.

Уже на первом заседании Российского Бюро ЦК КПСС под председательством Горбачева, где главной темой стало воссоздание Компартии РСФСР, были рассмотрены еще два важнейших вопроса, непосредственно касавшиеся выборов в России. Вторым пунктом стало обсуждение Концепции экономического суверенитета России. Третьим — о ходе избирательной кампании в РСФСР по выборам народных депутатов в республиканские и местные Советы[1].

Итак, готовясь к выборам, КПСС заранее подготавливала в качестве сильных агитационных факторов не только воссоздание Компартии РСФСР, но и расширение экономических прав республики. Идея экономического суверенитета, позже объявленная в том же ЦК сепаратистской, родом со Старой площади! Предлагался и другой, в равной мере и неожиданный, и вынужденный ход Горбачева — укрепление центральной власти в СССР путем введения института Президента. Горбачев публично «озвучил» это предложение на Пленуме ЦК 5 февраля 1990 г. По его словам, «возникает необходимость перегруппировки сил в верхнем эшелоне власти. Ставится вопрос об институте президентства»[2].

Межрегиональная депутатская группа и российские выборы

Серьезной силой в политической борьбе стали сторонники Межрегиональной депутатской группы, объединившиеся (сначала — фактически, а затем и формально) в движение «Демократическая Россия». 21 декабря 1989 г., вечером, на заседании Второго Съезда народных депутатов СССР, в ходе обсуждения вопроса о статусе народного депутата и проекта закона о конституционном надзоре, выступил с программным заявлением от имени МРДГ Ю.Н. Афанасьев. В этом заявлении, подписанным 140 народными депутатами, Межрегиональная депутатская группа объявила себя оппозицией по отношению к большинству Съезда. Основные программные положения оппозиции сводились к следующему:

«Мы против декретированной руководящей роли КПСС, то есть монопольной власти партии, власти, приведшей страну к неслыханным бедствиям.

Мы против непосредственного и прямого вмешательства партийного аппарата, Политбюро и ЦК КПСС в государственные, экономические и другие сферы общества, которые должны подлежать исключительно компетенции Советов и регулироваться только законом. ...

Мы за свободу объединения граждан в политические организации и за равенство этих организаций перед законом.

Мы против огосударствленной экономики и не считаем возможным остановить развал народного хозяйства при помощи одних лишь административных запретов и приказов. Крайне опасна попытка отсрочить переход к подлинно рыночному хозяйствованию и к самостоятельности предприятий еще на несколько лет...

1 Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС». Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС». Новосибирск, 1995, С.215.

2 *Воротников В.И.* А было это так ...., С. 348

Мы считаем необходимым немедленно разрешить крестьянам самим выбирать любые формы хозяйствования, включая беспрепятственный выход из совхозов и колхозов со своей долей земли и имущества. ...

Мы против подчинения национальных республик сильному центру, то есть против унитарного, имперского государства, созданного Сталиным и сохраняющегося поныне. Мы считаем необходимым скорейшую выработку нового договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик по формуле «сильные республики и созданный ими центр»[1].

Выступая против монополии КПСС, демократы, большинство из которых были членами партии, не отказывались от работы внутри партии. Ставилась задача демократизации КПСС. Еще летом 1989 г. на базе Севастопольского райкома Москвы был создан Московский городской партийный клуб «Коммунисты за перестройку». 2 августа 1989 впервые на заседании клуба прозвучало предложение о создании «Демократической платформы в КПСС», а 28 октября 1989 было объявлено о создании «Движения коммунистов—реформаторов за демократическую платформу в КПСС»[2].

Идеи, провозглашенные Межрегиональной депутатской группой, стали основой для предвыборной программы Ельцина. Он шел на выборы народных депутатов РСФСР от родного Свердловска, округ № 74. Комитет по подготовке к выборам возглавил преподаватель Уральского политехнического института А.Н. Урманов. Доверенными лицами стали Дмитрий Сергеев (зам.секретаря парткома), Геннадий Харин (доцент кафедры истории КПСС УПИ), Владимир Малов, Артур Ежов (зам.начальника проектно-строительного объединения Свердловского домостроительного комбината). В избирательную кампанию активно включились люди из ближайшего окружения Ельцина — Суханов, Илюшин, Коржаков.

28 января 1990 Ельцин поехал в Свердловск, 30-го состоялась встреча в горкоме КПСС с руководителями крупных партийных организаций[3].

Руководители обкома партии уклонились от активного противодействия Ельцину, лишь в местной прессе появлялись статьи о его популизме, о его «ударах ножом в спину партии». Партийные организации, где были сторонники «Демплатформы в КПСС», поддержали Ельцина[4]...

В ходе избирательной кампании формировался интеллектуальный штаб Ельцина. В него вошли преподаватели Уральского политехнического института — кандидаты исторических наук Л. Пихоя и Г. Харин, кандидат философских наук А. Ильин. Каждое выступление кандидата анализировалось, оттачивались положения и формулировки программы.

Так по итогам выступления во дворце культуры «Урал» группа аналитиков сделала следующие замечания:

1 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990—1991 гг.. Екатеринбург, 1997. С.97.

2 Эпоха Ельцина Очерки политической истории. М., 2001. С.72.

3 *Суханов Л.* Указ. соч. С.242—244.

4 Эпоха Ельцина Очерки политической истории. М., 2001. С.78—79. Стенограмма одного из предвыборных выступлений и ответов на вопросы см.: Наука Урала. 1990. 15 февраля.

1. Более четко раскрыть положение об образовании самостоятельной Российской партии на основе «безаппаратной» структуры и показать ее преимущества...

2. Зал не воспринял идею об образовании русских республик, в составе РСФСР, многие утверждали, что Ельцин «оговорился и имел в виду социально-экономические территории. Словосочетание «русские республики» режет слух, и создает впечатление надуманности термина.

3. В разделе о государственном и экономическом суверенитете республики хотелось бы усилить аргументацию и доказательства: как это сделать, что это даст России, подчеркнуть необходимость освобождения России от колониального состояния, в особенности Уральского и Сибирского регионов. Надо, наверное, указать и пути формирования местного, федерального и союзного бюджета — «снизу — вверх».

4. Опустить число подготовки специалистов за границей (1000 человек). Думается для политика нельзя ограничивать себя частностями. Жизнь покажет сколько и где в будущем будем готовить специалистов.

5. Спорным является положение программы о народном ополчении. Россия — ядерная республика и опорная в этом отношении в СССР и, наверное, надо оставить сильный посыл о профессиональной армии. Окружающие — не поняли об ополчении. Усилить момент ненужности посылки армии на подавление народа, тем более русских ребят против национальных республик.

6. Более аргументировано доказать, как будут создаваться счета наличных (обратимых) денег. А главное — «что это даст конкретному человеку (были доказательства и глубокие и не очень — на разных встречах, наверное, надо этой идее уделять серьезное внимание).

7. Рассказать, что даст перевод учебных заведений на самоуправление. Дать механизм финансирования образования от школы до ВУЗа, подчеркнуть, что системе образования и воспитания в программе придается первостепенное внимание как важного рычага формирования национального духа, без него нация — мертва (при изложении программы — это было слабым местом).

8. Целесообразно убрать повторы.

9. Может, снять прессинг с Горбачева М.С. Показать, где Вы его поддерживаете, а в чем не согласны. Отделить, наверное, Горбачева от Лигачева. Подчеркивать, что Горбачев где-то, в чем-то заложник консервативного ЦК, которое формировал Лигачев. Лучше не заострять внимание на личной жизни Горбачева.

...

11. Всегда надо помнить, что Вас уже воспринимают как претендента на пост Президента России, а не просто кандидата на пост сенатора.

12. В ответах на вопросы о поездке в Японию и США подчеркивайте, что Вы не «распродаете Россию», как утверждают некоторые Ваши оппоненты, а устанавливаете контакты для расширения рамок экономического, научно-технического сотрудничества, поскольку оно нам более нужно сегодня, чем им. Центр фактически изолировал Россию от внешнего мира — все взял себе.

13. В центре политики, через всю программу нужно провести идею Человека. Что все это даст России и россиянину. А пока человек вновь остается на периферии сознания и политики».

Программа, с которой Ельцин шел на российские выборы, представляла собой существенный шаг вперед по сравнению с его программой 1989 г. Если в программе кандидата в народные депутаты СССР речь шла в общем о перестройке и демократизации, то теперь Ельцин предлагал конкретные шаги, направленные на обновление России.

В области политической предусматривалось:

— Принять Конституцию России путем референдума, преобразовав существующую экономическую и политическую систему;

— Всю полноту власти — Советам и народу. Ликвидировать монополию КПСС на власть. В рамках многопартийности коммунистам образовать самостоятельную Российскую компартию на основе «безаппаратной» структуры, ориентированную на гуманистический и демократический социализм;

— Государственное устройство России — президентская республика. Выборы президента — народом. Президент приостанавливает (членство в любых партиях и общественных организациях;

— Конституционный суд России — гарант соблюдения прав и свобод личности.

Ельцин предлагал реформировать армию и перевести ее на профессиональную основу, резко сократить срок службы в армии, довести его до 10 месяцев; сократить численность КГБ, упразднить 9-е Управление, занимавшееся охраной высших лиц в партии и государстве, представителей на предприятиях и в организациях.

Он предлагал прекратить дискриминацию верующих, обеспечить свободу совести, законодательно предоставить церкви права юридического лица.

В области национально-государственного строительства он предлагал подписать новый союзный договор и провести реформу национально-государственного устройства РСФСР, расширив права народов России на самоопределение. По его предложению, в составе РСФСР после референдума могут образоваться самоуправляемые социально-экономические территории и регионы: Центральная Россия, Север, Юг, Урал, Сибирь, Дальний Восток, защищать права граждан России в других республиках. Принять закон о статусе беженцев.

В экономической сфере Ельцин предлагал программу управляемого перехода к рыночной экономике и развитию многообразных форм собственности. В развитие этого он призывал отделить Госбанк РСФСР от правительства, развивать коммерческие банки, создать биржи, обеспечить конвертируемость рубля, обуздать инфляцию. Создать счета наличных (обратимых) денег предприятий за счет увеличения выпуска товаров народного потребления, производства продукции сверх госзаказа и продажи ее.

Уже традиционно звучали призывы Ельцина отказаться от перекачивания средств, заработанных РСФСР, в союзный бюджет и другим республикам, а также требование законодательно закрепить республиканскую собственность, в необходимых случаях передаваемую Союзу.

Для повышения роли государственного суверенитета РСФСР были призывы повысить роль республики в международных отношениях. Ельцин предлагал заключать прямые договоры республики с США, Японией, Англией и другими развитыми странами об экономическом, научном сотрудничестве, строительстве дорог и жилья, поставках продовольствия, товаров народного потребления и подготовке кадров.

Важное место в предвыборной программе занимала социальная программа, включавшая:

— расширение жилищного строительства;

— создание общероссийских программ: детство, стимулирование рождаемости, борьба с бедностью, возрождение русской культуры, помощь молодым семьям, здравоохранение, экология, образование;

— обеспечение твердых по размерам зарплат, стипендий, пособий, пенсий на основе их ежегодного повышения с изменением роста цен;

— законодательное ограничение роста цен на продукты и товары первой необходимости.

Популярные лозунги политической борьбы в конце 80-х гг. также нашли свое отражение в ельцинской предвыборной программе. Среди них:

экологию — под контроль народа;

законодательно отменить все привилегии, передать все государственные дачи, особняки и другие социальные объекты для детей и наименее социально защищенных слоев населения[1].

Подробно процитированная программа Ельцина — это своего рода программа «Демократической России», той части политической оппозиции, которая вступила в борьбу с союзным руководством. Требования оппозиции, если суммировать, сводились: к повышению политического и экономического статуса России в СССР, путем подписания нового Союзного договора; (отметим: требований о выходе России из СССР не звучало!); к расширению самоуправления субъектов РСФСР; к радикальному реформированию экономики страны на рыночных основаниях; к улучшению условий жизни большинства избирателей; обещания, что реформирование экономики не должно снизить уровня жизни граждан РСФСР. Все эти положения сочетались с резкой критикой центральных властей и руководства КПСС.

Выборы шли в качественно новых условиях. В 1068 округах России баллотировалось 6705 претендентов. В абсолютном большинстве округов выборы шли на альтернативной основе. Только в 33 округах выборы были безальтернативными. В среднем за одно место боролось шесть претендентов[2].

Результаты выборов оказались следующими: депутатский корпус обновился практически полностью. 93,9% депутатов были избраны впервые. Делегаты Съезда были сравнительно молоды. Только 16 депутатов были старше 60 лет. Мало избрали женщин — только 5,3%. Мало было рабочих — 5,6%, рядовых колхозников — 6 человек. Самыми крупными профессиональными группами среди депутатов были: представители партийных, советских и общественных

1 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990—1991. Екатеринбург, 1997. С. 107—109.

2 ГАРФ. Ф. 10026, Оп.1, Д.3, Л. 3—5.

организаций — 24,8%; работники промышленных предприятий и строительства — 23,2%; научная и творческая интеллигенция — 19,5 %; представители агропромышленного комплекса — 12%. Правоохранительные органы (милиция, КГБ, прокуратура) представляли 5,6% депутатов, военные — 4,3%. Члены КПСС составили 86,3% депутатского корпуса[1]. 75% первых секретарей обкомов (крайкомов) КПСС и председателей обл(край) исполкомов получили депутатские мандаты[2]. За Ельцина проголосовало 85% избирателей Свердловска.

Выборы в РСФСР прошли 4 марта, а 12 марта открылся Третий внеочередной съезд народных депутатов СССР, на котором были приняты судьбоносные решения — внесены поправки в Конституцию, отменяющие положение КПСС как «руководящей и организующей» силы советского общества; введен пост Президента СССР, на который был избран М.С. Горбачев.

Подготовка к Первому съезду народных депутатов РСФСР, открытие которого было назначено на 16 мая 1990 г., шла в условиях обострения политической ситуации в стране и радикализации общественных настроений. Глубокий раскол наметился в партии, где впервые после 20-х гг. появились течения и платформы. Подготовка к созданию Компартии РСФСР и к очередному съезду КПСС только углубляла разногласия. В Москве проходили митинги под антикоммунистическими лозунгами. Во время первомайской демонстрации, тысячи людей шли с плакатами «Политбюро в отставку», «Долой КПСС», «Долой марксизм-ленинизм», скандируя требование: «Горбачева — в отставку», вместо красных флагов над колоннами развевались запрещенные после революции 1917 г. исторические трехцветные флаги России. Оскорбления в адрес КПСС, Политбюро, лично Горбачева вынудили его уйти с трибуны мавзолея.

Все более реальной становилась угроза распада СССР. Весной 1990 г. Верховные Советы Эстонии и Латвии своими решениями отменили документы 1940 г. о вхождении республик в состав СССР. 26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами Федерации», который гарантировал автономным республикам статус членов федерации СССР. Это постановление закладывало противоречия в отношения между руководством Российской Федерации с автономными республиками в составе РСФСР.

«Исповедь на заданную тему». Приключения с презентацией

Сразу после выборов Ельцин поехал в европейское турне на презентацию своей автобиографической книги «Исповедь на заданную тему». Издательства ряда стран (Швеция, Норвегия, Италия, Франция, Франция, Великобритания, США) пригласили народного депутата Ельцина присутствовать на презентации его автобиографической книги. Все расходы приглашающая сторона брала на себя[3].

В связи с этой поездкой была подготовлена записка Заместителя заведующего отделом партийного строительства и кадровой работы ЦК Ю. Рыжова:

1 ГАРФ. Ф. 10026, Оп. 1, Д. 3, Л. 3—5, 195.

2 ГАРФ. Ф. 10026, Оп.1, Д.3, Л.8.

3 РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.26. Л.4.

«Хотя поездка предполагается в дни работы Верховного Совета СССР, а книга, по поступающим сведениям, носит очернительный характер, полагали бы возможным не препятствовать Б.Н. Ельцину в этой поездке, чтобы не давать ему повода нагнетать обстановку вокруг своей персоны»[1].

С 4 по10 марта он посетил Амстердам, Стокгольм, Осло, Гамбург, Мюнхен, Милан, Париж. 27 апреля презентация прошла в Лондоне, 28 апреля он вылетел в Испанию, где в Кордове проходила конференция «Европа без границ и новый гуманизм». Присутствовали А. Дубчек, В. Брандт, А. Михник, В-Ж. д'Эстен. Ельцин выступил с докладом «Перестройка и гласность в СССР»[2].

Перелет из Кордовы в Барселону на шестиместном спортивном моноплане, частном самолете-такси, зафрахтованном телевидением, едва не закончился трагически. Верный помощник Ельцина Л. Суханов, находившийся с ним на борту, вспоминал, что электропитание на борту внезапно отключилось, приборы вышли из строя, пришлось в аварийном режиме возвращаться обратно. С трудом удалось отпустить шасси, посадка оказалась жесткой. Через два часа вылетели в Барселону на реактивном самолете. Но и здесь не повезло — самолет попал в грозовую облачность, началась тряска. Ельцин почувствовал острую боль в спине, которая ночью стала невыносимой, почти парализовало ногу. Врачи поставили диагноз — застарелая межпозвонковая грыжа защемила нерв. 30 апреля Ельцину сделали операцию. Уже через несколько дней, 5 мая, он вернулся домой[3]. А 7 мая принял участие в совещании в Приозерске (160 км от Ленинграда), созванном Ленинградской организацией «Демократической России», чтобы обсудить стратегию и тактику на предстоящем съезде[4].

К съезду готовились и в ЦК КПСС. За день до его открытия депутаты-коммунисты были приглашены в ЦК. Как вспоминает С. Алексеев, встреча не получилась. Депутатов открыто призывали создавать антиельцинский настрой на съезде, и не доверять высший пост Ельцину[5]. ЦК поддерживали кандидатуру А.В. Власова на пост Председателя Верховного Совета РСФСР[6].

Выборы Председателя Верховного Совета РСФСР

Впервые о Ельцине как о будущем Председателе Верховного Совета РСФСР заговорили сразу после выборов народных депутатов, когда сформировался штаб подготовки к Первому съезду. Штаб расположился в помещениях Комитета по строительству и архитектуре, который возглавлял Борис Николаевич в Верховном Совете СССР.

В период подготовки к съезду Борис Николаевич какое-то время находился в отпуске — отдыхал с Наиной Иосифовной в Кисловодске. По воспоминаниям С. Филатова, появление Ельцина в начале апреля 1990 года на Новом Арбате,

1 РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.26. Л.1
2 *Суханов Л.* Указ. соч. С. 281.
3 Подробнее см.: *Суханов Л.* Указ. соч. С. 283—294.
4 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990—1991. Екатеринбург, 1997. С.103—104. .
5 *Алексеев С.С.* Горбачев и Ельцин: Торжество и драма // Изв. Урал. гос. ун-та. — Екатеринбург, 2003. — N 25. — С. 93.
6 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990—1991. Екатеринбург, 1997. С. 114.

в небольшом, всего человек на триста—четыреста, зале встретили бурно, с цветами, с улыбкой, с надеждой на успех[1].

В тот раз на собрании депутатов от «Демократической России» присутствующие большинством дружно поддержали Ельцина и настоятельно советовали ему всерьез готовиться к главному выступлению — с программой и ответами на возможные вопросы.

Подготовка к съезду продолжилась. С. Филатов вспоминает: «Сам Борис Николаевич не принимал участия в наших тусовках, в работе комиссий, но мы постоянно чувствовали его присутствие и влияние. Не могу сказать, как это происходило, но чувствовали, часто слыша его точку зрения по тому или иному вопросу. Дальнейшая работа с Ельциным шла примерно в таком же плане — он как бы дистанцируется от подготовки вопроса, но всегда мы знаем его точку зрения, поэтому всегда есть ощущение, что он рядом»[2].

16 мая 1990 г. начал свою работу I Съезд народных депутатов РСФСР. Дискуссии и борьба на съезде разгорались практически по всем вопросам, начиная с повестки дня. Спор вокруг повестки продолжился и на следующий день работы Съезда — 17 мая. Важной новостью второго дня съезда стал начавшийся процесс создания парламентских групп и фракций, в большей или меньшей степени примыкавших к крупным политическим блокам — «Демократическая Россия» и «Коммунисты России». По количеству обе группировки не имели устойчивого большинства голосов (у каждой было по 400—450 голосов), поэтому борьба шла за нейтральную часть депутатов, из-за чего разгорались яростные споры.

Появились депутатские группы: «Смена», независимых профсоюзов РСФСР, медицинских работников, по вопросам воспитания, образования и культуры, продовольствия и здоровья, депутатов — военнослужащих, группы «Север», «Чернобыль», автономий.

18 мая 1990 г. на съезде удалось утвердить временный регламент Съезда, ставший, скорее, победой сторонников «Демократической России». В повестку включили:

— избрание мандатной комиссии;
— о проекте временного регламента;
— о социально-экономическом положении РСФСР (доклад А.В. Власова);
— о суверенитете РСФСР, новом Союзном договоре и механизме народовластия (доклад В.И. Воротникова);
— избрание Председателя Верховного Совета РСФСР;
— избрание заместителей Председателя Верховного Совета РСФСР;
— о порядке формирования Верховного Совета РСФСР и избрание Верховного Совета РСФСР;
— об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР и образовании Конституционной комиссии;
— о положении в сельском хозяйстве и развитии агропромышленного комплекса;
— утверждение Председателя Совета Министров РСФСР;

1 *С. Филатов.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 40.
2 *С. Филатов.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 41.

— утверждение Председателя Верховного Суда РСФСР и Главного государственного арбитра РСФСР;

— о комитете народного контроля РСФСР;

— о разработке первоочередных законов РСФСР и поручениях Верховному Совету РСФСР;

— о средствах массовой информации РСФСР;

— о статусе народного депутата РСФСР;

— разное[1].

Серьезным соперником на пост Председателя Верховного Совета РСФСР был кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Совмина СССР председатель Совета Министров РСФСР А.В. Власов. В докладе на съезде он выступил с весьма радикальных позиций, стараясь превзойти своих оппонентов: «Жизнь подвела нас к твердому, выстраданному убеждению: радикальное решение стоящих перед республикой проблем может быть найдено только в ее полноценном экономическом и политическом суверенитете». Власов призывал к разделению полномочий между СССР и субъектами Федерации, с тем, чтобы Россия обладала исключительным правом владеть и распоряжаться всеми своими природными богатствами, всем накопленным экономическим, научно-техническим, интеллектуальным потенциалом[2].

«Наша позиция, — призывал Власов депутатов, — все, что находится на территории России, целиком и полностью должно принадлежать ее народам. (Аплодисменты). Необходимо уже в ближайшее время принять Закон РСФСР, выработать механизм поэтапной передачи предприятий союзного подчинения в ведение республики».

Как сторонник становления суверенитета России выступил В.И. Воротников. По его мнению, принципы новых отношений с союзными республиками должны строиться на основе эквивалентного обмена, взаимной выгоды, уважения суверенитета[3]. «Я, — обращаясь к депутатам, говорил Воротников, — предлагаю Съезду принять Декларацию о суверенитете Российской Федерации, которая провозгласила бы не только свои принципы, но и стала бы отправным государственным документом, определяющим основные направления деятельности Верховного Совета и Правительства России»[4].

Хорошо скоординированные выступления Власова и Воротникова должны были перехватить у радикально настроенных депутатов идею государственного суверенитета России. Именно в их выступлениях на Съезде были сформулированы все основные, принципиальные положения государственного суверенитета.

С альтернативным докладом по вопросу суверенитета России выступил Б.Н. Ельцин. В его выступлении было гораздо меньше конкретики, чем у Власова и Воротникова, но он более резко и последовательно критиковал центр «Многолетняя имперская политика центра, — начал Ельцин, — привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их

1 ГАРФ. Ф.10026. Ф.1. Д.7. Л.28.
2 ГАРФ. Ф. 10026, Ф. 1, Д. 7, Л. 151.
3 ГАРФ. Ф. 10026, Оп. 1, Д. 8, Л. 78.
4 ГАРФ. Ф. 10026, Оп. 1, Д. 8, Л. 96.

прав, обязанностей и ответственности. Прежде всего, это относится к России, которая понесла наибольший ущерб от изжившей себя, но все еще цепляющейся за жизнь, административно-командной системы.

Нельзя мириться с положением, когда по производительности труда республика находится на первом месте в стране, а по удельному весу расходов на социальные нужды — на последнем, пятнадцатом»[1].

Ельцин говорил о необходимости обеспечения реального народовластия в России. Средством достижения этой цели является обеспечение реального суверенитета России, равной среди равных союзных республик.

Он провозгласил принципы, на которых должен был быть основан суверенитет России:

«1. Российская республика — суверенное демократическое правовое государство добровольно объединившихся в нем равноправных народов.

2. Вся власть в республике принадлежит народу, который осуществляет ее непосредственно и через Советы народных депутатов.

3. Отношения России с другими союзными республиками регулируются отдельными договорами, отношения с Союзом также регулируются специальным отдельным договором. … Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие оставить себе. Не пора ли поставить вопрос и о том, а какой центр нужен России и другим республикам Союза. (Аплодисменты.)

4. Акты, принимаемые Союзом, не должны противоречить новой Конституции России и договору с Союзом.

5. Вне делегируемых Союзу полномочий республика самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику.

6. Отношения между субъектами федерации внутри России регулируются на основе федеративного договора, по которому им гарантируются суверенитет, экономическая самостоятельность автономий, их культурная, национальная самобытность, право на справедливое и равноправное представительство во всех органах федерации.

7. В России устанавливается единое республиканское гражданство. Никто не может быть лишен этого гражданства.

8. Конституция республики гарантирует политический плюрализм, многопартийную систему, действующую в рамках парламентской демократии. Исключается монополия любой партии на власть. Партии и общественные организации действуют в рамках специального закона. (Аплодисменты.)

9. Гражданам России, гражданам других союзных республик, проживающим на ее территории, гарантированы все гражданские, политические и имущественные права.

10. Все формы собственности граждан России защищаются законом.

11. В республике осуществляется полное и безусловное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей.

12. Выборы в представительные органы государственной власти являются всеобщими, равными, прямыми и тайными.

1 ГАРФ. Ф. 10026, Оп. 1, Д. 8, Л.108.

13. Пересмотреть атрибутику России, предусмотрев, в частности, создание республиканского гимна.

Экономический суверенитет России возможен лишь при условии формирования республиканской собственности, основу которой должны составить земля, ее недра, воздушный бассейн, лесные, водные и другие природные ресурсы, предприятия, вся производимая продукция, весь научно-технический и интеллектуальный потенциал. Необходимо законодательно обеспечить их использование исключительно в интересах России.

Передача принадлежащих республике природных и других ресурсов в пользование Союзу, другим союзным республикам может производиться на возмездной, выгодной для республики основе только парламентом России»[1].

Ельцин говорил о необходимости иметь свой Государственный банк, свое внешнеэкономическое ведомство. Заключая свое выступление, он подчеркнул, что все эти предложения преследуют одну цель — укрепление СССР.

Воротников, оценивая выступление своего оппонента, записал в своем дневнике: «Б.Н. Ельцин, по существу, представил заранее подготовленный вариант декларации, который по ряду положений совпадал с нашим проектом. В то же время им были выдвинуты принципиальные, ультимативные требования политического и экономического характера. Обвинялся Центр в многолетней имперской политике по отношению к союзным республикам, в том числе и России. Ставились условия принятия новой Конституции России прежде, чем Конституции СССР. Говорил, что вся власть в Российской Федерации принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы, что акты, принимаемые Союзом ССР, не должны противоречить Конституции России и Договору с Союзом»[2].

Выступление на съезде М.С. Горбачева неожиданно сыграло на руку Ельцину и его сторонникам. Отчаянная попытка Президента СССР переломить ход российского съезда, перетянуть на свою сторону колеблющихся имело обратный эффект. Чем больше и раздраженнее он критиковал лично Ельцина, тем более значимой становилась политическая программа Ельцина. Как заметил наблюдательный В.И. Воротников, «в начале 1990 года его (Горбачева) авторитет уже был сильно подорван, отношение к нему резко изменилось по сравнению с прошедшими годами. А рейтинг Ельцина рос, поэтому критика в его адрес воспринималась негативно»[3]. Общий итог выступления Горбачева был таков: он против суверенитета и против Ельцина. Так как идея суверенитета пользовалась абсолютной поддержкой большинства депутатов Съезда — от коммунистов до «Демократической России», то Ельцин должен был быть благодарен Горбачеву, который явно добавил ему сторонников.

24 мая 1990 г. на трибуну Верховного Совета РСФСР вышел депутат А.В. Дерягин, начальник отдела Всесоюзного научно-исследовательского института материалов электронной техники: «Уважаемые товарищи депутаты, я в жизни никогда не думал, что мне придется выступать с этой трибуны, выдвигать кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета РФ.

1 ГАРФ. Ф. 10026, Оп. 1, Д. 8, .Л. 109—112.
2 *Воротников В.И.* А было это так..., С. 382.
3 *Воротников В.И.* А было это так... С. 383—384.

Вы, наверное, понимаете, мои чувства и то волнение, которое охватывает меня. (*Шум в зале*). Я хочу предложить на пост Председателя Верховного Совета Российской Федерации кандидатуру Бориса Николаевича Ельцина. (*Аплодисменты*)[1].

Я — калужанин, но долгое время жил и работал в Свердловске и знаю Бориса Николаевича по Свердловску, а также по его депутатской деятельности в настоящее время. Это — удивительно работоспособный человек. Если говорить о перестройке, особенно по части ее демократизации и гласности, то, насколько понимаю, в Свердловске она началась гораздо раньше. В этом заслуга Бориса Николаевича Ельцина. <...> Вы видите, что не смотря на трудности, которые мы испытываем, избиратели Свердловска, промышленного Урала, и сейчас, при большом количестве альтернативных кандидатур, отдали в первом же туре подавляющее большинство голосов за Б.Н. Ельцина. Я выражу мнение моих избирателей, которые уже сегодня с 7 часов утра бомбардировали мой телефон. Их мнение совершенно однозначно — они просят, чтобы я выразил их мнение и поддержал как депутат кандидатуру Бориса Николаевича Ельцина.

Я хотел бы обратить внимание на один важный факт. Все мы очень дружно голосовали за суверенитет России, вернее, за включение вопроса в повестку дня. Мы дружно его обсуждали. Это тот вариант повестки дня, который консолидировал всех нас. И выступление Бориса Николаевича Ельцина по вопросу о суверенитете России еще раз убедило меня в том, что это тот человек, который, будучи на посту Председателя Верховного Совета РСФСР, защитит наш суверенитет и обновленную российскую Конституцию.

И последнее. Впереди у нас очень трудные и тяжелые времена — переход на рыночную экономику. И не исключена возможность, а скорее, так оно и будет, что и мы с вами все и наши избиратели почувствуют снижение уровня нашей жизни. И потому на посту председателя должен быть человек, который мог бы открыть свое сердце, которому народ действительно поверит и может пойти на временные затруднения.

Спасибо большое за внимание. Я прошу вас поддержать кандидатуру и убежден, что Первый российский Съезд народных депутатов не ошибется, если выберет на пост Председателя Верховного Совета Российской Федерации Б.Н. Ельцина. Спасибо за внимание». (*Аплодисменты*)[2].

На выборах Председателя Верховного Совета РСФСР в списке кандидатов оказались Б.Н. Ельцин, И.К. Полозков, В.И. Морокин. Политическое руководство СССР склонялось к тому, чтобы поддержать кандидатуру И.К. Полозкова[3]. Он был тогда первым секретарем Краснодарского обкома КПСС, был известен рядом остро критических выступлений в адрес союзного Правительства на Съезде народных депутатов СССР, его готовили к должности главы компартии РСФСР.

Ельцин, излагая свою программу, заявил: «Россия больна. И сегодня нам, как никогда, нужна решительная, смелая и главное — опережающая политика, с помощью которой, действуя энергично, можно будет выйти из кризиса.

1 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 10. Л. 173.
2 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 10. Л. 173 — 176.
3 *Воротников В.И.* А было это так... С. 384.

Что для этого нужно сделать? Не ломая систему сразу, строить рядом новое здание, отказываясь на деле от монополии партии на власть, передав власть народу и Советам, переход к рынку сделает ненужным всю административно-командную систему. И она будет реально отмирать...»[1].

Ельцин заявлял о необходимости конституционных реформ, о том, что следует принять не только декларацию, но и Закон о суверенитете России в составе обновленного Союза, подготовить проект федеративного договора, регулирующего отношения внутри федерации. По его мнению, следовало принять законы об аграрной политике, о Конституционном комитете (или суде) России, о свободе слова и печати, о свободе совести. По его мнению, суды и вся система судопроизводства должны быть деполитизированы и полностью освобождены от контроля со стороны исполнительной власти.

Первоочередной задачей в экономической сфере должно стать предотвращение надвигающего экономического кризиса. По его мнению, необходимо было «предпринять экстренные меры для спасения потребительского рынка. Его развал и вследствие этого неизбежный социальный срыв приведут к краху не только хозяйственных, но и общественно-политических структур. Главное для нас — решить сейчас вопрос о том, как перейти к рынку? «Считаю, — говорил Ельцин, — что сделать это надо ненасильственно и не за счет снижения уровня жизни населения»[2]. Заканчивал свое выступление Ельцин следующими словами: «Именно от того, как мы объединимся, как завоюем доверие людей, как принципиально и конструктивно отстоим нашу республиканскую самостоятельность, беря на себя дополнительную ношу от центра, зависит судьба России, судьба каждого человека. Я готов нести всю полноту ответственности и вместе с вами взяться за дело. Спасибо». (*Бурные, продолжительные аплодисменты*)[3].

26 мая сообщили результаты голосования. Для выборов надо было набрать, как минимум, 531+ 1 голос.

Б.Н. Ельцин получил «за» 497, «против» — 535;

В.И. Морокин «за» — 32, «против» — 1002;

И.К. Полозков «за» — 473, «против» — 559

По итогам голосования в списке на второй тур осталось два человека — Ельцин и Полозков.

Итоги второго тура голосования:

Б.Н. Ельцин «за» 503, «против» — 529;

И.К. Полозков «за» 458, «против» — 574

Ельцин получил больше, а Полозков — меньше. Однако никто не прошел. Так как выборы не дали положительного результата, то на повестку дня вышла задача выдвижения новых кандидатов.

В воскресенье, 27 мая, на совещании в ЦК было принято решение — вернуться к кандидатуре Власова на пост Председателя Верховного Совета.

28 мая на Съезде началось новое выдвижение кандидатов. После самоотводов в списке остались Власов, Ельцин, Цой.

1 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
2 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.
3 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

Член Политбюро ЦК КПСС В.А. Медведев, «отвечавший» за выборы российского Председателя Верховного Совета, записал в своих мемуарах: «Конечно, назавтра при изложении программного выступления Полозков выглядел слабее Ельцина, хотя его ответы на вопросы были довольно бойкими. А ночью стали известны результаты голосования. Ни один кандидат не набрал необходимого количества голосов...

Во втором туре Ельцин увеличил число голосов на 6, а Полозков 15 потерял. Решили еще раз все взвесить, поработать с депутациями, узнать их настроения и собраться на следующий день, в воскресенье»[1].

Выборы провалились во второй раз. Следовало начинать все сначала: выдвигать новых кандидатов. В.А. Медведев пишет в своих мемуарах: «Воскресное совещание секретарей ЦК с участием Воротникова, а также Капто, Бабичева, Дегтярева, Шенина, пришло к выводу, что у Полозкова шансов на продвижение вперед нет. Если даже к голосам, полученным Полозковым во втором туре, прибавить оставшийся 71 голос, не поданный ни за того, ни за другого, все равно он не наберет необходимого минимума в 531 голос, а Ельцину нужно добавить всего 28 голосов.

Несомненно, Полозков отшатнул от себя своим консерватизмом колеблющийся центр. В то же время после снятия Власовым своей кандидатуры его рейтинг заметно повысился. Поэтому решено было переориентироваться на Власова. Наше мнение тут же было доложено Генсеку. Он был несколько удивлен таким предложением, но принял его к сведению»[2].

Власову было рекомендовано выступать крайне резко, не останавливаться на критике союзного руководства. Как отмечал В.А. Медведев, «Неплохая получилась и программа, кое в чем — на грани допустимого».

Продолжим цитировать Медведева: «Вечером того же дня в зале Пленумов ЦК собрали коммунистов, руководителей депутаций, плюс тех, кому они доверяют. Было человек 450. В зале, как я заметил, оказались и некоторые «демроссы». Это было трудно предотвратить, да, собственно, и незачем. Горбачев в это время готовился к визиту в США и находился за городом. Но он приехал и недвусмысленно высказался в пользу Власова»[3].

29 мая на Съезде состоялось очередное голосование. В список были включены Б.Н. Ельцин, А.Н. Власов, В. Цой.

Итоги голосования:

Власов — «за» — 467, «против» — 570

Ельцин — «за» — 535, «против» — 502

Цой — «за» — 11, «против» — 10026[4].

Четырьмя голосами Ельцин «перешел барьер» избрания. Он стал Председателем Верховного Совета РСФСР[5]. Из парламентских дневников В.Исакова:

1 *Медведев В.И.* В команде Президента... С. 137.
2 Там же. С.139.
3 Там же. С. 139—140.
4 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.
5 В.А. Медведеву пришлось звонить на борт самолета Президента СССР и сообщить Горбачеву, улетавшему с визитом в Канаду и США, что Ельцин все-таки избран на пост Председателя Верховного Совета России.

«... Когда табло высветило результаты по постановлению об избрании (оно утверждалось открытым голосованием) раздался гром оваций и десятки телекамер, сотни глаз обратились на Ельцина. Он встал с места — две-три секунды растерянности — и, сопровождаемый аплодисментами, прошел в президиум и занял кресло председательствующего»[1].

В первом своем выступлении в качестве Председателя Верховного Совета РСФСР, Б.Н. Ельцин призвал делегатов образовать согласительную комиссию, для того, чтобы определить кандидатов для занятия ключевых постов в Президиуме Верховного Совета, для комитетов и комиссий Верховного Совета, на важнейшие должности в Правительстве. Для этого он предложил объявить в работе съезда перерыв на полтора дня, и за это время всем зарегистрированным группам депутатов, делегировать в состав согласительной комиссии человек по пять[2].

Создание согласительной комиссии позволяло «структурировать» состав съезда по политическим группам и, в конечном счете, повысить эффективность его работы. Согласительные процедуры дали свои положительные результаты. Удалось достигнуть компромисса даже с фракцией «коммунисты России». 1 июня были избраны заместители Председателя Верховного Совета — близкий к фракции «Коммунисты России» Б.М. Исаев и С.П. Горячева, выступавшая как открытый противник сторонников «Демократической России». 5 июня избрали первого заместителя Председателя Верховного Совета — Р.И. Хасбулатова. 11 июня, после споров о численности состава Верховного Совета, состоялись выборы в двухпалатный Верховный Совет.

Договоренности, выработанные на согласительной комиссии, отразились и на составе руководства палат. Председателем Совета Республики стал В.Б. Исаков, считавшийся ярким представителем «Демократической России». Его заместителем был избран В.А. Вешняков, близкий в то время к фракции «Коммунисты России». Председателем Совета Национальностей был избран Р.Г. Абдулатипов, работавший в аппарате ЦК КПСС, его заместителем — Д.А. Волкогонов, принимавший участие в работе фракции «Смена», занимавшей в ряде случаев радикально-демократические позиции.

Сложная борьба развернулась и при выборах заместителей Председателя Верховного Совета — одного первого и трех «простых». По сложившейся еще в советское время традиции первым замом избирался представитель национальных автономий. Предлагались кандидатуры Р. Абдулатипова, Т. Мухамадиева и В. Штыгашева. Ни один из них не смог набрать необходимого количества голосов. Воспользовавшись этой ситуацией, демократическое крыло предложило на этот пост С. Шахрая. Но и он не смог победить, хотя был близок к этому.

Чтобы каким-то образом выйти из тупика, пришлось создать согласительную комиссию. После длительных дебатов Б. Ельцин вновь предложил в свои заместители С.Шахрая и новую, компромиссную фигуру — Р. Хасбулатова. Представляя последнего, он так характеризовал претендента:

1 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990—1991. Екатеринбург, 1997. С. 125.
2 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 14. Лл.12—15.

«Я пришел к выводу, что это как раз тот человек, который нужен для руководства Верховным Советом. Это экономист. Специалист по переходу к рыночной экономике, с которой мы столкнемся в самые ближайшие дни. Это экономист, который знает вопросы перевода автономий и регионов на экономическую самостоятельность. Это ученый, и, конечно, человек с таким уровнем интеллекта очень нужен в руководстве Верховным Советом»[1].

Хасбулатов все же был избран после очередного внесения его кандидатуры, а вот Шахрая так и не удалось отстоять. По воспоминаниям С. Филатова, Хасбулатов тогда произвел на всех большое впечатление своим остроумием, глубиной суждений, умением заставить себя слушать. Возможно, помог Хасбулатову профессорско-лекторский опыт. С первых дней своего избрания Хасбулатов всегда приходил на выручку Ельцину, часто подвергавшемуся нападкам то со стороны Горбачева, то со стороны Янаева, то со стороны номенклатурных журналистов[2].

Декларация о государственном суверенитете РСФСР

Кульминацией Съезда народных депутатов РСФСР стало утверждение абсолютным большинством депутатов Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г. Этот день стал государственным праздником России.

Проблема обеспечения экономического суверенитета России как основы для ее политического суверенитета стала основной в ходе избрания Председателя Совета Министров РСФСР. 18 июня 1990 г. им стал И.С. Силаев, опытнейший руководитель авиационной промышленности, Герой Социалистического труда. Прежде он работал министром станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, министром авиационной промышленности СССР, заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем Бюро Совета Министров СССР по машиностроению (1985—1990 гг.). Его кандидатура была явно компромиссной — с одной стороны, он выступил как сторонник идеи российского суверенитета, к тому же заявивший о своем намерении работать вместе со Съездом народных депутатов РСФСР и Председателем Верховного Совета; с другой — он, безусловно, был авторитетен и для коммунистической фракции Съезда — он был членом ЦК КПСС еще с 1981 г.[3]

Несколько раньше, 15 июня, Съезд народных депутатов назначил Главного государственного арбитра РСФСР Н.П. Зарубина. 16 июня на Съезде была образована Конституционная комиссия (председатель — Б.Н. Ельцин, заместитель — Р.И. Хасбулатов, секретарь комиссии — О.Г. Румянцев).

В тот же день было принято принципиальное Постановление «Об изменениях и дополнениях Конституции — Основного закона РСФСР». Эти изменения меняли роль КПСС в России. Статья 6 в новой редакции Конституции устанавливала, что политические партии, молодежные и иные общественные организации участвуют в выработке политики государства, в управлении государственными и общественными делами через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов. 7 статья Конституции провозглашала,

1 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С.85.
2 *С. Филатов.* Совершенно несекретно. М., 2000. С.67.
3 Кто есть кто в России и в ближнем зарубежье. Справочник. М., 1993. С. 593—594.

что «все политические партии ... действуют в рамках Конституции СССР, Конституции РСФСР и Конституций автономных республик»[1]. КПСС, таким образом, устранялась из государственного управления, уравнивалась с иными партиями и общественными организациями.

Победа на выборах Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР стала новой вершиной в политической карьере Б.Н. Ельцина.

Ельцин окончательно вышел из тени партийного аппарата. Он стал самостоятельной политической фигурой. Отметим — впервые за многие десятилетия истории России XX века.

Его программа была «на вырост», на будущее политическое развитие страны. Уже там была заложена идея суверенитета России, необходимость многопартийности, неизбежность перехода к рыночным отношениям. Уже тогда всем стало ясно: Ельцин будет бороться за пост Президента России.

Ельцин и КПСС: начало департизации

19 июня 1990 г. начала работу Российская партийная конференция. 20 июня партконференция преобразовала себя в учредительный съезд компартии РСФСР. Первым секретарем ЦК компартии РСФСР был избран И.К. Полозков. В те дни, когда Российская партконференция объявила об образовании компартии РСФСР, Съезд народных депутатов принял Постановление «О механизме народовластия в РСФСР», в котором было провозглашено, что вся власть в РСФСР принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы народных депутатов, а также в формах непосредственной демократии[2]...

Своего рода рубежом в отношениях между Верховным Советом РСФСР и КПСС стало заявление Б. Н. Ельцина на XXVIII съезде КПСС 12 июля 1990 г.

«В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом России, — обратился Ельцин к делегатам, — с учетом перехода общества к многопартийности, я не смогу выполнять только решения КПСС. Как глава высшей законодательной власти республики, я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я, в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своем выходе из КПСС, чтобы иметь большую возможность эффективно влиять на деятельность Советов. Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республик»[3].

Сделав это заявление, Ельцин демонстративно покинул зал заседания.

Заявление Ельцина стало свидетельством начала принципиально нового явления в послеоктябрьской истории России — фактического устранения компартии из высших звеньев государственной власти и управления в республике.

Итоги российского съезда

Основными итогами I Съезда народных депутатов РСФСР стали:

— курс на воссоздание и наполнение реальным содержанием институтов государственности России;

1 Советская Россия, 17 июня 1990.
2 Советская Россия, 22 июня 1990.
3 Известия, 13 июля 1990.

— принятие Декларации о государственном суверенитете России, как средства повышения статуса республики в СССР;

— изменения в действующей Конституции РСФСР и принятие решения о создании новой Конституции;

— исключение КПСС из создаваемой в соответствие с решениями I Съезда системы государственного управления;

— съезд упразднил органы народного контроля и госприемки в РСФСР, принял постановление о механизме народовластия и запретил совмещение партийных и государственных должностей;

— съезд отразил возраставший радикализм в настроениях россиян, стремление к переменам, критическое осмысление прошлой советской жизни;

— на Съезде было установлено разделение полномочий союзных и республиканских органов власти, действовавших на территории России.

«Программа 500 дней»

14 июля 1990 г., был принят Закон: «О собственности на территории РСФСР». Курс нового правительства стал явно реформистским, в особенности на фоне деятельности союзного Совмина, возглавляемого тогда Н.И. Рыжковым. Свидетельством тому стало назначение заместителем председателя российского правительства — председателем Государственной комиссии по экономической реформе Г. Явлинского, прежде — сотрудника аппарата Совета Министров СССР, назначение на пост министра финансов молодого честолюбивого Б.Федорова, за спиной которого был опыт работы не только в союзных органах власти, но и в международных финансовых организациях, в правительстве существовало несомненное понимание необходимости проведения аграрных реформ. Летом 1990 г. в России началась интенсивная работа по подготовке к проведению экономической реформы.

Концепция скорого реформирования экономики страны встретила поддержку значительной части депутатского корпуса России и в прессе. Необходимость реформы осознавалась и союзным руководством, и республиками. Началось снижение объемов производства, нарастали инфляционные тенденции, нарастал дефицит государственного бюджета, стремительно сокращались золотовалютные ресурсы страны. Не хватало продовольствия, время — от времени вспыхивали табачные, водочные бунты, охватывавшие крупнейшие города страны — Свердловск, Челябинск. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б.В. Гидаспов прямо говорил на заседании Политбюро ЦК КПСС осенью 1990 г.: «Я утром еду на работу, — смотрю на хвосты (очереди за продуктами.) в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине — и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну»[1].

Для серьезных экономистов было ясно, что требовались срочные меры по изменению экономической политики, что необходима реформа цен, сокращение государственных дотаций в неэффективные сферы производства.

В ходе подготовки к экономической реформе наметилось сближение союзного и нового российского руководства. В июле 1990 г. состоялась пятичасо-

1 Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти... С.608.

вая встреча Горбачева и Ельцина. Горбачев пишет в своих мемуарах, что Ельцин «признал, что руководство Российской Федерации после предпринятой попытки создать собственную российскую программу перехода к рынку убедилось, что реализовать ее в рамках одной республики невозможно. Ельцин выразил уверенность, что Верховный Совет России одобрит эту программу, предусматривающую заключение экономического союза между республиками, определит и свое отношение к союзному правительству. Но реализовывать совместную программу, по мнению российского лидера, должен был специальный комитет при президенте, а не правительство Союза»[1].

Договоренность Ельцина и Горбачева была оформлена специальным соглашением. Рыжков датировал этот документ 27 июлем 1990 г.[2] Несколькими днями позже, 2 августа 1990 г., появилось Распоряжение Президента СССР М.С. Горбачева «О подготовке концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы Союзного договора». Была образована комиссия в составе С.С. Шаталина, Н. Петракова, Л.И. Абалкина, Г. А. Явлинского, А.П. Вавилова, Л.М. Григорьева, М.М. Задорнова. В.А. Мартынова, В.М. Мащица, А.Ю. Михайлова, Б.Г. Федорова, Н.П. Шмелева и Е.Г.Ясина. В комиссию должны были быть включены полномочные представители правительств союзных республик. Проект концепции перехода к рынку должен был быть представлен к 1 сентября 1990 г.

Это означало формальный отказ от уже предъявленной Верховному Совету СССР концепции экономической реформы, концепции «Рыжкова—Абалкина».

Необходимо отметить личное мужество и Горбачева, и Ельцина, оказавшихся способными к совместной работе после острейшей конфронтации, характеризовавшей их отношения в течение нескольких лет — с октября 1987 г. Казалось, что конфронтация между ними уходила в прошлое. Они часто звонили друг другу, информировали о результатах договоренностей свое окружение.

Л.А. Пономарев, один и руководителей московской организации «Демократическая Россия», человек, в эту пору близкий Ельцину, рассказывал одному из авторов этой книги, что Борис Николаевич в эти месяцы 1990 г. с явным удовлетворением говорил об улучшении отношений с Горбачевым, об их совместной заинтересованности в успешном завершении доработки программы «500 дней». И Горбачев, по воспоминаниям его помощника А.Черняева, с энтузиазмом рассказывал: «Начинается самое главное. Это — уже окончательный прорыв к новому этапу перестройки. ... Подводим под нее адекватный базис...». На эту тему, — писал в своих мемуарах А.Черняев, — он (М.С. Горбачев. — *Авт.*) соскальзывал, о чем бы не шла речь»[3].

Идея перехода к экономическим реформам в рамках всех союзных республик, высказывавших намерение остаться в СССР, получила поддержку у руководителей этих республик. Совет Федерации и Президентский совет на своем

1 *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., Кн. 1. С.574.
2 *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений, С. 431—433; Горбачев М.С.Жизнь и реформы. Кн.1, С. 572.
3 *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993, С. 365.

заседании 30—31 августа 1990 г. поддержали программу Шаталина—Явлинского, программу «500 дней».

Об успешности сотрудничества с Ельциным и больших надеждах, связанных с принятием программы «500 дней», и о намерениях начать реальную экономическую реформу уже в ближайшие месяцы Горбачев говорил своим западным партнерам — М. Койвисто, Дж. Андреотти, Дж. Бушу, Дж. Бейкеру, Д. Херду[1].

Поддержка Горбачева программы перехода к рынку обеспечивала ему поддержку со стороны значительной части прессы, а также в кругах радикально настроенной интеллигенции, давало надежду на преодоление экономического кризиса в стране, создавало предпосылки для успешного проведения переговоров с республиками о заключении нового Союзного договора.

Был заинтересован в союзе с Горбачевым и Ельцин. Программа «500 дней» концептуально исходила из проведения единой, скоординированной экономической политики в рамках всего СССР. Уже поэтому необходимо было нормализовать отношения с союзным центром — в данном случае — с Президентом СССР. Экономика России теснейшим образом была интегрирована в экономику Союза. Во многих случаях Россия выступала как начальное звено в технологической цепочке производства продукции, обеспечивала Союз металлом, лесом, нефтью и газом, а заключительные стадии производства осуществлялись в других союзных республиках — на Украине, в Белоруссии и др. Разрыв экономических связей с союзными республиками и с союзными ведомствами был чреват ухудшением экономического положения России.

Сближение с Горбачевым укрепляло политические позиции Ельцина, опровергало расхожее обвинение его противников о «неспособности договориться» с Горбачевым, способствовало нормализации его отношений с многочисленной коммунистической фракцией Съезда и Верховного Совета РСФСР.

Однако с началом работы выявились серьезные противоречия между двумя «командами» — реформистской, куда вошли члены российского правительства и ряд экономистов Академии наук — С.С. Шаталин, Н. Петраков А. Аганбегян — и союзной властью, представленной премьером Н.И. Рыжковым и его заместителем, академиком Л.И. Абалкиным.

Принципиальным противником программы стал заместитель Рыжкова — академик Абалкин, убежденный сторонник «стабилизации перед реформой». Практически одновременно с достижением договоренности между Горбачевым и Ельциным началась атака на позиции Ельцина, посыпались обвинения в его адрес и адрес его сторонников.

Законодательная власть РСФСР заняла по-своему двойственную и противоречивую позицию — с одной стороны, концептуально программа «500 дней» предполагала проведение экономических реформ синхронно во всех республиках СССР; с другой стороны, объективная логика осуществления в жизнь «Декларации о государственном суверенитете России» требовала повышения статуса республики в СССР, приводила к противопоставлению экономических интересов РСФСР — интересам союзного правительства.

1 Там же, С. 366—367.

Верховный Совет РСФСР и Президиум Верховного Совета летом и осенью 1990 г. интенсивно работали над повышением государственного статуса России в СССР и созданием юридической базы для перехода России к рыночным отношениям.

13 июля 1990 г. Верховным Советом было принято Постановление «О Государственном банке РСФСР и о банках на территории республики», положившее начало созданию российской банковской системы.

14 июля 1990 г. было принято Постановление Президиума «Об основных принципах осуществления внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», которым устанавливалось, что «... все юридические лица и отдельные граждане независимо от формы собственности, действующие на территории РСФСР, имеют право участия во внешнеэкономической деятельности и прямого выхода на внешний рынок»[1]. Этим Постановлением отменялась монополия государства в сфере внешней торговли, многие десятилетия служившая одним из отличительных признаков советской экономической системы.

Начинался конфликт российского и союзного законодательства. Параллельно с этим возникали реальные конфликты в области реализации прав России и Союза ССР в сфере управления экономикой. Союзные органы спешили заключить крупные контракты с зарубежными корпорациями, основным плательщиком по которым объективно должна была быть Россия.

Начался процесс акционирования и приватизации предприятий союзного подчинения, расположенных на территории России. Все это наносило прямой ущерб экономическим интересам, и суверенитету России. Разногласия между российским и союзным руководством нарастали.

31 августа на очередном заседании Президиума Верховного Совета РСФСР Ельцин выступил с информацией о ходе переговоров с союзным руководством по программам экономической реформы. «Тов. Горбачев М.С. предложил две программы слить, — говорил Ельцин. — Это то же самое, как соединить амперы и километры. Это невозможно. Совершенно другие принципы заложены». Концептуальное различие между двумя программами Ельцин видел в том, что группа Шаталина — Явлинского предлагает, чтобы экономическая политика осуществлялась через суверенные республики в составе СССР, «а правительственная программа — она опять-таки насильственная программа сверху: вот мы вам диктуем, а вы исполняйте, и все»[2].

В этом эмоциональном высказывании Ельцина — ключ к пониманию конфликта вокруг программы «500 дней». В спорах на первый план выходили не экономические аспекты — они представляли в то время интерес только для немногочисленных специалистов[3]. Общий смысл необходимости перехода к рыночным отношениям был очевиден для большинства тогдашних политиков.

1 ГАРФ. Ф. 10026. Оп.1. Д. 1247.
2 Там же. Л. 8.
3 Важно отметить, что противниками некоторых аспектов экономической концепции программы «500 дней» выступили не только «союзные» экономисты, (Л.И. Абалкин, В.А.Медведев и ряд других), но и близкие к руководству Верховного Совета доктора экономических наук И.В. Нит, советник Председателя Верховного Совета РСФСР, и доктор экономических наук, народный депутат РСФСР П.А. Медведев.

Спор шел о будущей политической организации Союза: должно ли остаться унитарное государство, что вытекало из концепции Рыжкова, или его сменит конфедерация республик, как это следовало из программы «500 дней». В этом смысле симпатии Горбачева должны были в конце-концов склониться на сторону Рыжкова.

Ельцин решительно и однозначно поддерживал программу Шаталина — Явлинского. Об этом он еще раз заявил 1 сентября на пресс-конференции, посвященной итогам его месячной поездки по стране — за 22 дня он посетил Кузбасс, Воркуту, Татарию, Башкирию, Сахалин, Приморье, встречался и разговаривал с людьми[1]... Он собственными глазами увидел, что терпение народа на исходе.

Экономический кризис привел к бунту в Челябинске, в городе несколько дней продолжались беспорядки, был разгромлен Курчатовский райисполком областного города. «Многочасовые очереди и бесконечные дефициты, поиск самых необходимых вещей и продуктов доводят людей до отчаяния, вынуждают выходить на улицы и площади городов», — писал челябинский корреспондент «Советской России» А. Усольцев[2]. Огромные очереди за хлебом стояли в Новгороде, пропал хлеб в булочных Ленинграда, в Свердловске исчез табак, проблемой стала покупка мыла, стирального порошка и других самых необходимых вещей[3].

11 сентября, когда программа перехода к рынку Шаталина—Явлинского была принята Верховным Советом РСФСР, а Верховный Совет СССР приступил к обсуждению доклада Рыжкова об экономической реформе, на Москву были двинуты десантные армейские части. Ельцин не скрывал своих опасений в этой связи. «Нам пытаются доказать, — говорил он, выступая на заседании Верховного Совета РСФСР, — что это мирное мероприятие, связанное с подготовкой к параду, однако есть сильное сомнение в этом».

В ответ с яростным опровержением выступил в «Известиях» командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник В. Ачалов, заявивший, что войска прибыли в Москву для подготовки к параду, а другие воинские части десантников направлены для уборки картошки. Странные и страшноватые военные маневры шли на фоне борьбы вокруг будущего экономических и политических реформ в СССР и воспринимались, конечно, в этом контексте.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 13 сентября звучали голоса о том, что Ельцин под шумок переговоров о единстве действий готовит свержение Горбачева. Сам Горбачев пошел по существу на разрыв прежних договоренностей о совместном осуществлении «программы Явлинского—Шаталина». Верховный Совет СССР принял внешне нейтральное, по сути — концептуальное решение: поручить Рыжкову объединить свою программу и программу Шаталина — Явлинского. Так элегантно убиралась возможность обсуждать впредь на уровне союзного руководства «неразбавленную» программу «500 дней». Человеку, принципиально отвергавшему эту программу, предлагалось ее «доработать».

1 Советская Россия. 1990, 2 сентября.
2 Советская Россия. 1990, 26 августа.
3 Советская Россия. 1990. 5, 6 августа.

21 сентября в 8 часов 25 минут утра в Москве, на пересечении улицы Горького и переулка Александра Невского водитель Жигулей ВАЗ 2102 врезался в автомобиль Волга—ГАЗ 3102, в котором следовал Б.Н. Ельцин. Удар пришелся на переднюю правую дверь, за которой был Ельцин. Обе двери автомобиля заклинило, Ельцин получил сотрясение мозга. Удар пришелся в височную часть головы и в бедро. Был травмирован позвоночник. В этой истории было много непонятного — американский публицист И. Валента уверяет, что столкновение произошло на следующий день после встречи Ельцина с делегацией, в которую входил С. Фойо, человек, близкий к президенту США Д. Бушу, входивший в штаб его избирательной кампании. На этой встрече, 20 сентября, Ельцин попросил С. Фойо организовать встречу с президентом США. На следующий день Ельцин попал в автомобильную катастрофу, ответственность за которую И. Валента возлагал на КГБ[1]. Сам Б.Н. Ельцин считал произошедшее обычной автомобильной аварией, дорожно-транспортным происшествием[2]. Но в контексте сентябрьских событий авария воспринималась однозначно — Ельцина хотели убить.

Позиции российского и союзного руководства все больше расходились. 21 сентября 1990 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, Президент СССР потребовал предоставлять ему чрезвычайные полномочия, включая право введения президентского правления в союзных республиках и роспуска их высших органов государственной власти.

В российском руководстве это заявление было расценено как прямая угроза и посягательство на права республики, и уже на следующий день, 22 сентября, Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановление, где было заявлено, что в сложившейся ситуации предоставление Президенту СССР запрошенных им чрезвычайных полномочий недопустимо; что в случае представления чрезвычайных полномочий Президиум Верховного Совета РСФСР примет все необходимые меры для защиты конституционного строя. В тот же день Президиум утвердил состав делегации Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР для ведения переговоров с союзными республиками[3].

24 сентября 1990 г. вышел Закон Союза ССР «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни», которым Президенту СССР предоставлялись запрошенные им полномочия на период до 31 марта 1992 г. Он имел право издавать указы, которые получали силу законов, «... если Верховный Совет СССР не признает необходимым установить иные правила», создавать органы власти и государственные структуры, необходимые для проведения реформ.

24 сентября 1990 г. вышло Постановление ВС СССР «О неотложных мерах по стабилизации народного хозяйства и программе перехода к рыночной экономике», где признавалось необходимым «на базе проекта программы, представленной Советом Министров СССР, подготовить единую программу перехода к рынку»[4].

1 *Валента И.* Мои встречи с Ельциным в США и в России // АиФ, № 25 (818), июнь 1996 г.
2 *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994, с.45—46.
3 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1261 Л. 1—4.
4 Советская Россия, 1990, 25 сентября.

Российский суверенитет. Экономический аспект

В свою очередь, Верховный Совет РСФСР явно демонстрировал нежелание мириться с курсом союзного руководства, а проводить реформы самостоятельно. Верховный Совет РСФСР 9 октября обратился к гражданам России с призывом поддержать программу «500 дней». 16 октября 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР с большой, в полной мере программной речью выступил Председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин. «В эти дни решается главный вопрос; сумеем ли мы осуществить то, ради чего стали депутатами: продолжить созидательную работу по возрождению России, — заявил он, — или смириться с трудностями, с жестким противодействием со стороны Центра, оправдывая свою нерешительность неблагоприятной политической обстановкой».

Необходимо, — призывал Ельцин депутатов, — определить позиции и сделать выбор. «Вся работа Верховного Совета России определяется принятой Съездом народных депутатов РСФСР «Декларацией о суверенитете». ... В своей работе мы придерживаемся убеждения, что наши действия не должны наносить ущерб другим республикам, народам СССР. Именно поэтому мы считаем важнейшим разработку и заключение двусторонних договоров с союзными республиками... Система договоров обеспечит не искусственное единство республик, навязанное извне, а поставит Союз на экономическую основу интересов каждой республики. ...

Самый крупный результат нашей работы — создание в кратчайшие сроки программы радикальной экономической реформы. Инициатива по ее разработке принадлежит России. ... Но ситуация в республике не улучшается. Главная причина, — отметил Ельцин, — экономическая необеспеченность нашего суверенитета».

Характеризуя экономическое положение России, Ельцин указал, что в промышленности на предприятия союзного подчинения приходится 70% объема производства, 73% численности промышленно-производственного потенциала, 87% основных промышленно-производственных фондов. Россия получает чрезвычайно мало от ежегодного экспорта российских предприятий — от 40 млрд. долларов. В бюджет России не производятся отчисления от валютной выручки по поставкам основной экспортной продукции (нефть, газ, нефтепродукты и т. д.).

Ельцин обвинил союзные ведомства в «откровенном саботаже» в вопросах разграничения союзной и республиканской собственности. «Центральные органы стремятся любой ценой сохранить власть над материально-техническими ресурсами и продовольствием, чтобы продолжать распоряжаться ими. Корпоративный интерес чиновников оказывается выше интересов России. ... Сегодня очевидно, что главные усилия Центра направлены на то, чтобы не допустить укрепления экономической основы нашего суверенитета».

По словам Ельцина, Верховный Совет РСФСР, высказавшийся за отставку Союзного правительства, выразил свое отношение к его программе, оценил деятельность кабинета Н.И. Рыжкова за предыдущие 5 лет, возложив на него ответственность за катастрофическое положение в экономике.

Ельцин, резко раскритиковав действия Рыжкова, занял гораздо более осторожную позицию по отношению к Горбачеву. «Заявляю, что по принципиальным вопросам мы с Президентом идем в одном направлении, но привержены разным темпам движения вперед, разным методам. Расходимся преимущественно по тактическим вопросам. Поэтому мы оба — и Горбачев, и я — открыты к диалогу. События последнего времени показали, что, когда такой диалог становится реальностью, от этого сразу выигрывает дело. Но очевидно это не всем по вкусу. ... Хочу повторить, что готов к конструктивному диалогу, но не в ущерб интересам народов России».

Председатель Верховного Совета РСФСР охарактеризовал ситуацию с программой «500 дней». Он напомнил, что Президент СССР поддержал создание этой программы. «Во время нашей беседы, — сказал Ельцин, — Президент сказал, что будет поддерживать только эту программу.

Реально было начать отсчет с 1 октября, мы к этому были готовы. Но тонущее союзное правительство нажало на Президента, и он в очередной раз меняет свое решение. Появляется программа с поправками академика А.Г. Аганбегяна. Можно было бы с некоторыми поправками и ее принять. Но Н.И. Рыжкова она не устраивает. Опять нажим. И вот появляется реферат еще одной союзной программы, как программы Президента, где сделана попытка механически объединить программы группы Шаталина и Правительства. Делается очередная попытка сохранить ставшую ненавистной народу системы, одновременно, еще до решения этого вопроса Верховным советом СССР издаются указы Президента, направленные по существу на реализацию программы правительства Н. Рыжкова — правительства, которое завело страну в тупик, а сейчас ведет к хаосу».

«Что же делать? — спрашивал Ельцин у Верховного Совета. — Какую позицию занять России в этих условиях?

Обреченная на провал "Программа Президента СССР", видимо, будет одобрена парламентом страны. В любом случае она фактически уже осуществляется. Руководство республики может выбрать в этих условиях один из трех вариантов своих действий. ...

Первый вариант. Россия объявляет о неучастии в исполнении Программы Президента. Делит бюджет, собственность и все структуры. Осуществляет свою Программу "500 дней" независимо. В этом случае придется вводить свою валюту, устанавливать таможни на всех границах республики, организовать независимую банковскую систему и внешнеэкономическую деятельность, делить армию и вооружения. ...

Второй вариант. В его основе — реальная коалиция. Новый кабинет министров (исполнительные союзные структуры) должны формироваться на паритетных началах. Часть кандидатур предлагает Президент, часть — мы, сторонники радикальных реформ. Этот вариант позволит изменить безнадежно устаревшую структуру Союзного Правительства, станут ненужными часть министерств. Деятельность Центра будет более эффективной, способной осуществить радикальную экономическую реформу с учетом сложившихся реальностей (суверенитет республик, новая роль Центра и т. д.).

И, наконец, третий вариант. Если Союзным Парламентом принимается сегодняшняя бесперспективная Программа, то потребуется не более полугода для того, чтобы убедиться в очередной ошибке избранного пути. Мы все равно будем вновь и вновь предлагать экономические шаги для всего Союза».

... Какова бы ни была позиция Верховного Совета, Правительства СССР, Россия начнет радикальную экономическую реформу в 1990 году, и пусть не говорят, что это амбиции. Если еще тянуть и откладывать — нечего будет реформировать — экономика просто развалится».

В отношениях с союзным центром Ельцин призвал «каждый Указ, Закон Верховного Совета СССР ратифицировать Верховным Советом России, а каждое постановление Совмина СССР — Президиумом Совета Министров РСФСР».

Главная задача социальной политики на время реформ, по словам Ельцина, удержать падение уровня жизни населения. Ельцин предупреждал, что «в самом тяжелом положении окажутся малообеспеченные слои общества — пенсионеры (несмотря на повышение пенсий), инвалиды, многодетные семьи и т. д. Живущим за чертой бедности будет оказана специальная помощь. Необходимо также разработать комплекс мер по фактической помощи им; от целенаправленного распределения продуктов, товаров, дешевых лекарств до непосредственного ухода за этими людьми».

Реформы неизбежно должны привести к безработице и связанных с ней проблемам.

«Иначе говоря, когда будет абсолютно ясно, что провалится очередная предлагаемая программа, Российская федерация должна быть готова к реализации своей Программы стабилизации экономики и перехода к рынку, может быть, уже не "500 дней", а столько, сколько нам даст наш народ» — заключил Ельцин[1].

Итак — на повестку дня был поставлен «третий вариант» осуществления реформы, на практике мало чем отличавшийся от первого. Главное, что его осуществление могло происходить отдельно от союзной экономической политики. Из реформы «500 дней» уходило ее «союзное» содержание.

Это выступление Ельцина 16 октября 1990 г. стало своего рода поворотным пунктом во всей его политике.

Поворот был, без сомнения, вынужденным, не сулил скорых выгод. Но он стал неизбежным тогда, когда стало ясно: союзный центр намерен игнорировать Декларацию о государственном суверенитете России.

Российскому руководству приходилось решать: как строить экономические и политические отношения в политических рамках СССР.

Ельцин откровенно и прямо заявил, что в случае игнорирования союзными ведомствами интересов России, республика будет вынуждена добиваться и реализовать на практике идеи экономического суверенитета.

Это угрожало разрушить единое союзное экономическое пространство, которое и так, к 1990 году, рассыпалось, таяло как снег под дождем.

Резкое по тону выступление Ельцина перед союзными депутатами, облегчило позицию Горбачева. Он смог получить почти полную поддержку союзной программы у депутатов СССР[2].

1 Ельцин, Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба. М. 1994. С. 48 — 51.
2 Советская Россия. 1990, 20 октября

25 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР выступил со специальным обращением к Верховному Совету СССР, Верховным Советам союзных республик, Президенту СССР. «Учитывая сложившуюся в стране сложную обстановку и исходя из стремления создать реальные условия для обеспечения процесса стабилизации экономики и перехода к рынку, проведения радикальных структурных преобразований в системе управления, эффективной социальной защиты интересов граждан, Верховный Совет РСФСР обращается к Вам с предложениями:

Параллельно с разработкой и реализацией программ перехода к рынку и законодательных актов, обеспечивающих эти программы, незамедлительно начать прямые переговоры представительных делегаций республик и Союза ССР для решения вопросов разграничения компетенции союзных и республиканских органов власти и управления, разграничения собственности, координации действия законов и других нормативных актов, выработки и осуществления антикризисных мер, защиты прав граждан.

Принять меры по безотлагательному формированию на основе консультаций между союзными республиками Межреспубликанского экономического комитета, наделенного широкими полномочиями органа, который мог бы стать основой правительства народного и национального доверия.

Начать прямые переговоры между союзными республиками с целью заключения двусторонних и многосторонних соглашений по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

В этот трудный для наших государств и народов период Верховный Совет РСФСР надеется на взаимопонимание и твердую волю в отстаивании интересов сограждан»[1].

Однако восстановить уровень отношений, существовавших прежде, в июле-августе, уже не удалось. Экономические концепции, логика экономического поведения союзного и российского руководства все дальше уходили друг от друга.

Политическим итогом разрыва союза Горбачева и Ельцина стала невозможность совместных действий республик и союзного центра.

Как не приняли новую Конституцию РСФСР

Состав народных депутатов РСФСР отражал политическую структуру расколотого российского общества. Два крупнейших политических блока — «Демократическая Россия» и «Коммунисты России» — имели примерно равное количество сторонников — по 400-450 голосов. Между ними велась яростная борьба за нейтральную часть депутатов[2].

Между ними существовали принципиальные расхождения в целях будущего России, о судьбе социалистического наследия, концептуальные различия в проведении внутренней политики, в отношениях с Союзным центром. Позиция «Демократической России» была усилена тем, что Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин был сторонником этого политического движения. Однако его противники в Верховном Совете и на съездах были не только многочисленны, но и связаны с руководством Союза ССР, с аппаратом ЦК КПСС

1 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990, № 25.
2 *Филатов С.А.* На пути к демократии. М., 1995.

в центре и на местах. Не будет преувеличением считать, что против Ельцина и «Демократической России» велась своего рода позиционная война, то стихавшая, то усиливавшаяся, то тайная, скрывавшаяся за занавесом парламентских процедур и консультаций с союзными ведомствами, то явная, реализовавшаяся в указах Президента СССР, в шумных политических скандалах.

Первым политическим конфликтом, практически оказавшимся вне поля зрения не только исследователей, но и тогдашней прессы, стал конфликт вокруг проекта новой Конституции России[1].

В соответствии с решением Съезда 22 июня 1990 г. вышло распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР «О порядке деятельности Конституционной комиссии». Этим распоряжением была создана рабочая группа Конституционной комиссии из состава депутатов — ученых и практиков. Группа должна работать на постоянной основе. В нее вошли: Хасбулатов Р.И, Румянцев О.Г., Адров В.М., Амбарцумов Е.А., Арсланова Ф.Ш., Бабурин С.Н., Баловнев В.П., Безруков И.А., Бигнов Р.И., Варов В.К, Ведерников Н.Т., Волков Л.Б., Захаров М.Л., Золотухин Б.А., Кадышев В.Д., Клювгант В.В., Ковалев С.А., Кожокин Е.М., Лукин В.П., Мазаев В.Д., Макаркин Н.П., Медведев П.А., Митюков М.А., Пименов Р.И., Подопригора В.Н., Рыжов Ю.А., Тиунов О.И., Цанн-Кай-Си Ф.В., Шахрай С.М., Шейнис В.Л., Шелов-Коведяев Ф.В. Председателем Конституционной комиссии стал Ельцин, его заместителем — Хасбулатов, секретарем — О.Г. Румянцев.

На конкурс проектов Конституции России в Президиум российского парламента было представлено 39 авторских текстов, 18 из которых отобраны для дальнейшего рассмотрения. 21 ноября 1990 г. на заседании Президиума секретарь Конституционной комиссии О.Г. Румянцев сообщил, что работа над проектом Конституции завершена, и проект может быть опубликован для обсуждения и последующего принятия на втором съезде.

Уже на следующий день — 22 ноября 1990 г. — проект новой Конституции России был опубликован в «Российской газете», а 24 ноября — в «Советской России». Однако вскоре в процессе принятия Конституции произошел крутой поворот.

23 ноября 1990 года на заседании Президиума выступил Б.Н. Ельцин. «Короткий вопрос: об изменении повестки Съезда с учетом того, что идет уже открытая война с еще только-что представленным публике опубликованным проектом Конституции, с учетом того, что ... должно сложиться какое-то общественное мнение и народ должен ее почитать, вчитаться и как-то воспринять или не воспринимать. Чтобы нам в этой борьбе, которая уже планируется на Съезде не потерять вопрос продовольствия, агропромышленный вопрос — то есть предложение вопрос о новой Конституции снять, а только о поправках к Конституции, которые в соответствии с законами у нас возникли.

Проект Конституции напечатан, пусть идет обсуждение, изучение, будем проводить пропагандистскую работу, семинары различные, изучение и т. д. А, скажем, на очередном мартовском Съезде народных депутатов вынесем этот вопрос.

1 В фонде 10026 сохранился очень значительный фонд Конституционной комиссии.

Члены Президиума: Надо проголосовать.

Ельцин Б.Н.: Зачем каждый раз голосовать? Я бы мог спросить, кто против? Один против.

Я говорил и с рабочей группой, действительно нас могут обвинить в поспешности. Только опубликовали и сразу — на Съезд. Могут быть спекулятивные выступления, как "народ не поймет", "народ не примет", они могут, безусловно, раздаваться. А когда накопим какой-то позитивный материал за это время, действительные отклики народа, как народ думает о Конституции на самом деле, а мы за три месяца его порядочно соберем, тогда у нас будут основания сказать, что "нет". Я так понял, с этим согласны»[1].

Аргументы Ельцина — «все-таки тот вопрос, который и на Съезде был определен, что на внеочередном II-м съезде обсудить продовольственный аграрный вопрос. С него будем начинать. ... И люди это поймут, они увидят, что съезд начнет с очень делового острого вопроса это обсуждение» — не должны вводить нас в заблуждение. Отказ от обсуждения на Съезде проекта новой Конституции означал политическое поражение Председателя Верховного Совета. Ельцин не рискнул вынести этот вопрос на Съезд, так как существовала реальная угроза провала этого проекта.

Позиция Ельцина понятна. Для него — практика управления, ещё только овладевавшего арсеналом политического управления — был ближе продовольственный аграрный вопрос. Накормить людей было первостепенной задачей в Свердловске. Сейчас он отвечал за всю Россию. Решение продовольственного, аграрного вопроса казалась важнее. Кстати, она была ближе и избирателям.

Другое дело — юрист, профессор, председатель Совета Республики В.Б. Исаков. Он резко возражал против принятия новой Конституции. В.Б. Исаков еще 22 октября 1990 г. обратился к Б.Н. Ельцину и членам Президиума Верховного Совета РСФСР с предложением отказаться от принятия новой Конституции[2]. По его мнению, проект Конституции был ещё сырым, нуждался в доработке.

Позиция Исакова тактически совпадала с требованиями фракции «Коммунисты России», вообще не заинтересованным в изменении Конституции.

Провал планов обсуждения проектов Конституции на II-м Съезде народных депутатов и последующего утверждения Конституции на общероссийском референдуме был серьезнее, чем представлялось в тот момент Ельцину. На II-м Съезде Ельцину и его сторонникам удавалось получить поддержку большинства депутатов. Удалось провести ряд принципиальных поправок в действующую Конституцию. Среди них — закон РСФСР от 15 декабря 1990 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР», который закрепил, что законы и иные акты Союза ССР, указы и другие акты Президента СССР, принятые в пределах полномочий, переданных Россией Союзу ССР, действуют на территории РСФСР непосредственно. Действие актов Союза

1 ГАРФ. Ф. 10026. Д. 1289. Л. 1—2.

2 *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990—1991. Екатеринбург, 1997. С. 151—152.

ССР на территории РСФСР, ущемляющих суверенные права РСФСР, приостанавливается РСФСР» (ст. 76).

После II-го Съезда социально-политическая обстановка в стране существенно осложнилась, а вместе с этим — стали уходить в небытие надежды на возможность утвердить проект новой Конституции на очередных съездах, как надеялся Ельцин.

«Восстание заместителей»

Открытое столкновение в руководстве Верховного Совета РСФСР произошло на сессии, созванной в связи с событиями в Литве 13 — 15 января 1991 г., когда в Вильнюс были введены войска и состоялись столкновения со сторонниками «народного фронта». Ельцин решительно выступил на стороне демократических движений Литвы. Исаков заявил, что усилению хаоса, нарастанию и обострению кризисных явлений в немалой степени способствует российское руководство. Это было уже открытым объявлением войны Ельцину.

В конце января столкнулись два взаимно исключавших политических процесса. Первый был связан с требованиями организаций «Демократической России» включить в текст союзного референдума второй, российский вопрос — о введении поста Президента РСФСР. В случае поддержки этого вопроса можно было проводить выборы Президента, что входило в политическую программу Ельцина. Однако одновременно с этим фракция «Коммунисты России» при мощной поддержке союзных властей начала кампанию по досрочному созыву III-го, внеочередного Съезда народных депутатов, где планировалось отстранить Ельцина от поста Председателя Верховного Совета РСФСР и тем самым сорвать вопрос о введении поста Президента России.

15 февраля 270 депутатов РСФСР прокоммунистической ориентации потребовали срочно собрать III Съезд народных депутатов и поставить на съезде отчет Ельцина. Уже на этом этапе ясно определились противоречия Председателя Верховного Совета с большинством его заместителей.

В условиях реального ослабления своих позиций в руководстве Верховного Совета, Ельцин в полной мере воспользовался тем, чем он владел в то время лучше всех в стране — прямым диалогом с избирателями, открытой публичной полемике со своими противниками. 19 февраля Ельцин выступил в прямом эфире по телевидению. В его 40-минутном выступлении содержалась резкая критика союзных властей и лично Горбачева, обвинив их в трагических событиях в Вильнюсе. Ельцин требовал отставки Президента СССР.

Выступление Ельцина повысило его рейтинг в России, но осложнило его положение в Верховном Совете РСФСР.

21 февраля все руководители палат Верховного Совета, их заместители и заместители Председателя Верховного Совета РСФСР, кроме Хасбулатова, выступили на Верховном Совете с политическим заявлением. Его зачитала С. Горячева от своего имени и от имени Б. Исаева, Р. Абдулатипова, В. Исакова, А. Вешнякова, В. Сыроватко. В заявлении содержались резкие нападки на Ельцина. Его обвиняли в крайне непоследовательной позиции в экономических вопросах, в том, что «значительная часть депутатского корпуса» не разделяла

его оценок событий в Прибалтике. «Со всей ответственностью заявляем, — утверждали заместители, — что эти политические акции были предприняты без согласования с Верховным Советом РСФСР и его Президиумом».

Едва ли не ключевым положением в «заявлении заместителей» было утверждение, что «стремительно теряя авторитет и поддержку в депутатском корпусе России, Председатель Верховного Совета РСФСР предпринял попытку опереться на российский референдум, назначенный некорректно, с многочисленными нарушениями». Дальше следовали внушительные подписи: «Заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР С. Горячева, Заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Исаев, Председатель палаты Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Абдулатипов, Председатель палаты Совета Республики Верховного Совета РСФСР Б. Исаков, Заместитель Председателя палаты Совета Республики Верховного Совета РСФСР А. Вешняков, Заместитель Председателя палаты Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР В. Сыроватко» [1].

На этой сессии уже 272 депутата потребовали созыва внеочередного съезда. Внеочередной съезд становился неизбежным. Борьба велась только вокруг вопроса о том, когда съезд откроется. Коммунисты требовали, чтобы он начал работу уже 5 марта, их оппоненты пытались отнести срок его созыва позже — на конец марта —начало апреля. Съезд был назначен на 27 марта 1991 г.

Противники Ельцина в руководстве Верховного Совета РСФСР рассчитывали и получили поддержку ЦК КПСС. В последний день февраля — 28 — в ЦК КПСС состоялось совместное собрание депутатских групп коммунистов Верховных Советов СССР и РСФСР. Вели его секретари ЦК КПСС А.Н. Гиренко и В.М. Фалин, секретарь ЦК КП РСФСР А.С. Соколов. Среди многих вопросов, задававшихся на этой встрече, были и такие: « Когда же, наконец, ЦК КПСС разберется со средствами массовой информации?», «Ельцин сумел объединить вокруг себя различных умных людей. Но почему этого нет в ЦК КПСС, кто-то же должен оперативно отслеживать и реагировать на действия "демократов", и требование защитить "отдельных народных депутатов РСФСР"».

23 февраля состоялся митинг коммунистических сторонников и военнослужащих на Манежной площади. На следующий день, там же, на Манежной площади, состоялся многотысячный митинг сторонников Ельцина.

На пресс-конференции противников Ельцина из руководства Верховного Совета, состоявшейся 5 марта, — С.П. Горячевой, Б.М. Исаева, В.Б. Исакова, Р.Г. Абдулатипова, В.С. Сыроватко, А.А. Вешнякова, — звучал призыв к союзным властям вмешаться в ситуацию, связанную с подготовкой к съезду. Они призывали власти «защитить их от терроризма».

Между 10 и 17 марта состоялось очередное совещание в ЦК КПСС. На нем выступал сам М.С. Горбачев. Процитируем рукописные заметки его выступления, сделанные Гиренко. «Дело идет к развязке, — заявлял Горбачев.— Мы должны выиграть российский съезд. Жестко контролировать телевидение. Более 50% выступлений там — еврейская кампания. Наполнить эфир нашими

[1] Цит. по: *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. С. 241—242.

точками зрения. Выиграть референдум и съезд. Приняли решение по Москве. Надо в Москве готовить митинг на 23 марта».

Заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко, судя по тем же записям, заявлял: «Призыв к действиям. К Российскому съезду нужно готовиться к административным мерам. Надо оградить депутатов от терроризма».

Эта фраза — защитить депутатов от терроризма — стала для союзных властей ключом, открывавшим путь для применения административных мер.

Ответным ходом Ельцина стала его речь 9 марта 1991 г. в «Доме кино». Его 25-минутное выступление 20 раз прерывалось овациями. Ельцин призывал своих сторонников, что в ответ на усиление коммунистического реванша «Нам пора переходить в наступление... Пришло время создавать на базе "Дем. России" мощную политическую партию. Мы видим, как на глазах организовывается КПСС, мы должны понять: они идут организованным фронтом. ... А март и вообще этот год будет решающим, обращался он к аудитории: или демократию задушат, или мы — демократы — не только выживем, но и обязательно победим в этом году.

Нас обвиняют в развале Союза. Кто развалил Союз, кто оттолкнул семь республик? Демократы? Российский парламент? Его руководство? Российское правительство? Семь республик из Союза вытолкнул президент со своей политикой. Нам не нужен Союз в таком виде, в котором существует сейчас. Нам не нужен такой центр — огромный, бюрократический. Нам не нужны министерства, нам не нужна вся эта бюрократическая крупная машина, которая жестко все диктует сверху вниз уже 70 с лишним лет. Мы должны от этого избавиться.

... Сегодня напечатан проект Союзного договора. В очередной раз выступая на сессии Верховного Совета Союза, Президент обманул, когда сказал, что на девять десятых это все согласовано. Со стороны России руководитель рабочей группы Хасбулатов не подписал....

Я за то, чтобы Президента избирали всенародно. Это я говорил и перед выборами. Но я за то, чтобы тогда вся структура власти была таким же образом подкреплена народом. То есть тогда бы все председатели Советов избирались всенародно. Во-первых, тогда туда предателей не пропустят, народ их видит насквозь. Во-вторых, это, будет сильная исполнительная и законодательная власть на местах. Мы будем знать, через кого действовать»[1].

Вечером того же дня в программе «Время» на Центральном телевидении выступил Лукьянов и оценил речь Ельцина как стремление накалить обстановку в обществе, вызвать конфронтацию, возбудить народ против законно избранных органов власти.

10 марта в Москве на Манежной площади прошел многотысячный митинг в поддержку Ельцина и «защиту» демократических завоеваний. Митинг, организованный координационным советом движения «Дем. Россия», собрал рекордное количество участников[2]. Вел митинг — Ю.Н. Афанасьев. Выступали: Г. Попов (председатель Моссовета), В. Аксючиц (лидер РХДД), Н. Травкин (председатель ДПР), Т. Гдлян (депутат СССР), А. Малыхин, В. Кузин, Б. Денисенко и

[1] Ельцин—Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба. М., 1994, с. 67—69.
[2] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 59. Л. 5.

др. Выступающие требовали отставки Президента СССР, Верховного Совета и Правительства СССР, запрета КПСС и суда над ней.

15 марта М.С. Горбачев обратился по телевидению с призывом голосовать на референдуме за сохранение СССР. На следующий день было опубликовано обращение ЦК и ЦКК Компартии РСФСР к народам Российской Федерации с призывом сохранить СССР и отвергнуть вопрос российского референдума.

17 марта референдум состоялся. 76% населения страны высказались за сохранение Союза ССР. В голосовании о судьбе Союза не участвовали большинство жителей Грузии, Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии. Предложение о введении поста Президента России поддержало 70,88% избирателей[1].

Такой результат голосования по российскому вопросу референдума был очевидным поражением «заместителей». Однако главные события должны были развернуться на III-м съезде народных депутатов РСФСР. В начале марта 1990 г. в аппарате ЦК КПСС был создан детальный план подготовки к съезду, названный его создателями «План действий-28» (третий съезд народных депутатов РСФСР был назначен на 28 марта 1991 г). «План действий-28» был сценарием будущего съезда, включавшим прогноз возможных действий сторонников Ельцина, и меры, которые коммунисты должны были принять, чтобы добиться отставки Ельцина с поста председателя Верховного Совета РСФСР.

Участникам коммунистической фракции предписывалось: «дать отпор от микрофонов, через процедуру, порядок ведения и т. д. (Отдельный план — 10—15 чел.)». Здесь же определялись ответственные: те из депутатов, которым надо было лично выступать на съезде или руководить группой своих коммунистических соратников.

Процитируем еще несколько фрагментов этого документа: «внести предложение о поочередном ведении съезда председателем и заместителями. Вести строго по регламенту, прекратить комментирование выступлений депутатов (Хасбулатов) вплоть до лишения возможности вести съезд Хасбулатовым. (готовить 12—15 чел. по отдельному плану).

отв. Калашников В.В.

...

— настаивать на отчете, а не докладе Председателя,

— стоять на том, что 300 депутатов требовали созвать внеочередной чрезвычайный съезд только по одному вопросу — отчет Председателя. Другие вопросы не рассматривать, отнести их на очередной съезд. Аргументировано отвести вопросы о союзном договоре и федерации.

— твердо отстаивать недопущения включения других вопросов

отв. Захаров М.М. ...

VI. Доклад Председателя

— подготовить вопросы и настоять на ответах после доклада:

от микрофонов — 45 мин.

в письменном виде на все полученные вопросы (готовить отдельную группу — 40 чел.)

[1] См.*Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. С.626—628.

отв. Рыбкин И.П.

Саенко Г.В.

Братищев И.М.

Тарасов Б.В.

...

IX. Прения по докладу ...

— сориентировать выступающих, чтобы каждый второй, третий выходили на аргументированный отзыв Председателя. (как вариант и его заместителей)

— в случае, если в ходе прений, ставится вопрос об отставке Правительства — поддержать. Жестко критиковать Правительство, но самим вопрос не инициировать, в выступлениях не поднимать. Строго держать курс на отставку Председателя ВС.

— отв. руководители территориальных депутатских групп

X. К вопросу об отзыве Председателя

— на основании предложений выступающих по окончании прений, до принятия постановления добиться включения в повестку дня съезда вопроса об отзыве Председателя. (по отдельному плану, группа 15—20 чел.)

отв. Саенко Г.В.

Калашников В.В.

— обеспечить принятие нормы отзыва Председателя простым большинством голосов. Иметь подготовленный проект постановления съезда по этому вопросу. (по отдельному плану, группа 15—20 чел.)

отв. Саенко Г.В.

Калашников В.В.»[1]

Результатом должна была стать непременная отставка Б.Н. Ельцина с поста Председателя Верховного Совета СССР, отставка правительства И.С. Силаева. Для этого предусматривалась тщательно прописанная «партитура» действий каждого из депутатов-коммунистов — доверенных лиц. Они были разбиты по группам, перед каждой из которых ставились конкретные задачи.

20 марта в ЦК КПСС состоялось совещание, которое проводил будущий активный участник августовского путча, секретарь ЦК КПСС О.С. Шенин. Он утверждал, что с 23 марта ситуация в России будет обостряться, снова ставились задачи на III съезд народных депутатов РСФСР — потребовать отчет Председателя ВС РСФСР Ельцина, организовать запросы прокурора СССР по поводу действий российского правительства, оградить депутатов-коммунистов от возможных противоправных действий сторонников «Демократической России».

25 марта было принято Постановление Кабинета Министров СССР «О временном приостановлении в г. Москве проведения митингов, уличных шествий и демонстраций». За этим последовала просьба 29 народных депутатов РСФСР — коммунистов, потребовавших от премьер-министра СССР В.С. Павлова защиты от сторонников «Демократической России». Это был заранее заготовленный шаг, о котором уже неоднократно говорили на заседаниях в ЦК КПСС.

[1] Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. С.629—632.

Премьер-министр обратился по телевидению к населению страны и объявил, что в Москве запрещено проводить с 26 марта по 15 апреля 1991 митинги, пикеты, уличные шествия и демонстрации. В.С. Павлов обещал гарантии народным депутатам-коммунистам, обязывался «оградить от диких выходок и откровенного глумления».

26 марта был принят Указ президента СССР «О создании Главного управления Министерства внутренних дел СССР по городу Москве и Московской области». Московская милиция была выведена из подчинения города и России и непосредственно подчинена министру внутренних дел СССР.

Третий внеочередной Съезд народных депутатов

Газетный магнат Рупперт Мердок, посетивший Москву в 20-е числа марта 1991 г., сообщил читателям английской «Санди Таймс» о своей встрече с президентом СССР М.С. Горбачевым. Впрочем, его статья началась с цитирования высказывания супруги президента. «Сейчас пик напряжения достиг кульминационной точки, — заявила Раиса Максимовна. — Буря грядет, и Михаил Сергеевич пристально наблюдает за этим»[1].

И Михаил Сергеевич, и руководимый им ЦК КПСС не только пристально наблюдали, но и готовились к грядущей буре. Первым этапом подготовки к ней был, конечно, референдум. Поддержка большинства населения страны идеи сохранения СССР должна была, по мнению инициаторов референдума, ослабить позиции республиканских лидеров, создать качественно новую основу для борьбы с национальным сепаратизмом. При известных условиях эту задачу можно было считать решенной удовлетворительно. Вторым же этапом должен был стать разгром того политического направления, которое ассоциировалось с именем и действиями Ельцина — председателя Верховного Совета РСФСР. Устранение его из политической жизни, недопущение его к выборам на пост президента России должно было решить многие задачи: сломив его, союзный центр демонстрировал свою способность управиться с оппозицией в других союзных республиках. Кроме этого, исключалась возможность сохранения и распространения практики заключения двухсторонних договоров между республиками, которые предлагало и осуществляло российское руководство, тех договоров, которые ослабляли роль союзных органов. Устранялась альтернативность политического развития СССР, которая во многом определялась противостоянием и личностей, и программ Горбачева и Ельцина.

Утром 27 марта 1991 г. — дня начала съезда — сотни военных грузовиков стояли вдоль московских улиц.

Зал Съезда — длинный, узкий зал Кремлевского дворца гудел. Депутаты, приехавшие на съезд и жившие, в большинстве своем, в гостинице «Россия», неподалеку от Кремля, шли на заседание «сквозь строй» сторонников «Демократической России» и их противников из компартии, усиленных милицией. Войска дополняли картину чрезвычайных мер. Буквально с первых минут депутаты-коммунисты попытались следовать сценарию — «Плану—28». Звучали требования «заменить счетную комиссию», «потребовать отчета председателя

[1] Цит. по: *Замятин Л.М.* Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках — Михаиле Горбачеве и Маргарет Тетчер. М., 1995, с. 140—142.

Верховного Совета». Успеха организаторам этого действа не принесло. Но осуществление этого плана начало захлебываться. В зале бушевало возмущение против того, что съезд проводится фактически в условиях чрезвычайного положения. Значительная часть депутатов категорически потребовала от президента СССР вывести войска из Москвы. По этому поводу зачитывается обращение 220 депутатов к президенту СССР.

Для переговоров с Горбачевым был направлен заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов. Съезд пошел совсем не так, как планировали сценаристы из ЦК КПСС.

Возвратившись, Хасбулатов сообщил, что Президент «выражает уважение к Съезду, но не отменяет свое решение». Такие слова Горбачева вызвали новый взрыв возмущения среди значительной части депутатов. Депутаты требовали прекратить съезд, всерьез рассматривался вариант перенесения работы съезда в Ленинград. В конце концов победила точка зрения — прервать съезд, настаивать на выводе войск, собраться на следующий день, 29 марта.

Вечером того же дня — 28 марта — в Москве, вопреки запрещению союзного правительства, прошла мощная демонстрация, в которой приняли участие многие десятки тысяч людей. Демонстрация обошлась без провокаций, хотя каждый из ее участников отдавал себе отчет, что власти в любой момент могли применить силу. Но этого не случилось.

Первый день Съезда стал ясным свидетельством неудачи союзного руководства. Во-первых, не удалось тщательно подготовленное устранение Ельцина с поста Председателя Верховного Совета СССР руками коммунистической фракции съезда. Во-вторых, фактически провалилась попытка ввести чрезвычайное положение в Москве. Войска ввели, правовую основу для их действий подготовили, но применить их перед лицом мощной оппозиции не решились. В-третьих, «московские маневры» Горбачева вызвали нежелательный для него резонанс.

В «...самый напряженный момент, когда открылось заседание парламента России и парламент потребовал убрать войска из города, — пишет в своих мемуарах В.В. Замятин, тогда — посол в Лондоне, — со стороны Соединенных Штатов публично прозвучало недвусмысленное заявление в адрес Горбачева. Пресс-секретарь Государственного департамента Маргарет Тутвилер зачитала заявление, в котором Госдепартамент США призывает Советский Союз «не препятствовать свободе слова и волеизъявлению народа». Администрация США, говорилось в заявлении, озабочена появлением в столице танков и механизированных воинских частей и внимательно следит за развитием ситуации в Москве. «Я думаю, что в Советском Союзе отдают ясно себе отчет относительно наших убеждений по поводу применения силы»[1].

Вечером того же дня состоялось совещание у Горбачева, в котором приняли участие будущие деятели ГКЧП — вице-президент Г. Янаев, председатель КГБ В. Крючков, министр МВД Б. Пуго. На следующий день войска были выведены из Москвы. Сценарий «чрезвычайных мер» отменен. Позволим высказать утверждение, что именно вследствие этих событий произошло окончательное

[1] *Замятин Л.М.* Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках — Михаиле Горбачеве и Маргарет Тетчер. 1995, с.140—142.

размежевание Горбачева со своим ближайшим окружением, пришедшим к высотам политической власти в конце 1990—начале 1991 гг., тогда, когда президент СССР определил свой курс на сохранение СССР политическими средствами. Горбачев остановился перед чертой применения силовых методов, не взял на себя лично ответственность за их возможное применение.

Недавние соратники Горбачева оказывались в этой ситуации лишними. Они поняли это.

29 марта Съезд продолжил свою работу. Демократической частью съезда уже была одержана первая важная победа — инициатива оказалась в ее руках. Попытки следовать «Плану—28» уже были лишены наступательности. Откровенно неудачными оказались два ключевых доклада от коммунистической фракции — по политическим и правовым вопросам — В. Исакова и по экономической политике — Ю. Воронина.

Подлинной сенсацией стало выступление на Съезде участника афганской войны, полковника, Героя Советского Союза, боевого летчика, члена ЦК РКП А.С. Руцкого. В яркой, темпераментной речи он заявил, что Российская компартия не понимает, что происходит в стране, что цели РКП разошлись с целями народа. Он заявил о выходе из фракции «Коммунисты России» и о создании своей парламентской группы — «Коммунисты за демократию», куда вошли 95 делегатов съезда, в том числе часть участников фракции «Коммунисты России»[1]. По существу это означало раскол компартии России.

Реальными результатами Съезда стали:

— раскол фракции «Коммунисты России» и выход из нее группы «Коммунисты за демократию» во главе с А.В. Руцким;

— принятие Постановления Съезда с поручением Верховному Совету РСФСР разработать и утвердить Закон о Президенте РСФСР, который и утвержден Верховным Советом 24 апреля 1991 г.[2];

— фактическое начало избирательной кампании по выборам Президента РСФСР;

— принятие Постановления Съезда «Об основных началах национально-государственного устройства РСФСР (о Федеративном договоре)»[3];

— укрепление политических позиций Председателя Верховного Совета РСФСР.

На путях к Новоогаревскому соглашению

Ельцин не только сохранил на Съезде свой пост Председателя Верховного Совета РСФСР, но и добился дополнительных полномочий Съезда для осуществления реформ. Выступая на Съезде, Ельцин сформулировал свою политическую программу в условиях тех изменений, которые происходили в Советском Союзе. Говоря о необходимости подготовки нового Союзного договора, он отметил:

«На союзном и республиканском уровнях необходимо выполнение следующих политических условий.

1 Неизвестный Руцкой: политический портрет. М., 1994, с.25.
2 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991, № 17.
3 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991, № 16.

Первое. Немедленное начало диалога всех политических сил и профессиональных объединений всех республик на принципах «круглого стола».

Второе. Формирование широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений, включая прогрессивно мыслящих членов КПСС.

Третье. Официальный отказ от применения силы, в том числе военной как средства политической борьбы.

Четвертое. Развитие системы прямого народовластия, реализация решений союзного и республиканского референдумов.

Пятое. Реальная департизация органов прокуратуры, юстиции, КГБ, армии, государственного аппарата; запрет на совмещение партийных должностей с руководящими должностями в органах власти и управления, в том числе и для Президента страны.

Шестое. Введение системы разделения властей как начала строительства правового государства. Немедленный мораторий на несогласованное законотворчество разных уровней законодательной власти.

Седьмое. Отмена всех неконституционных решений союзных и республиканских органов, ущемляющих политические, экономические, социальные и личные права и свободы граждан, создание эффективной системы гарантий их обеспечения.

Восьмое. Реальное обеспечение политического плюрализма, гарантии многопартийности.

Девятое. Создание условий для реализации конституционного права граждан на достоверную информацию, обеспечение независимости средств массовой информации».

Ельцин настаивал на немедленном создании коалиционного правительства народного доверия и национального согласия, на скорейшем подписании открытого для присоединения Договора о Союзе суверенных государств как федеративного добровольного и равноправного объединения и незамедлительном формировании новых органов Союза. Он говорил о необходимости «быстро, решительно ... осуществлять перевод экономики на рыночные отношения, иначе будут развиваться процессы не просто распада, процессы дивергенции. И не от хорошей жизни пытаются республики и области замыкаться в себе, а от экономической нестабильности, от разрухи, от социальной апатии, связанных как раз с нерешенностью социальных проблем. Поэтому очень быстрое и уверенное движение к рыночным отношениям способно — единственно способно! — экономически связать наши области, наши республики, все наши регионы в единое целое — то, что мы с вами называем РСФСР»[1].

Политические следствия событий конца марта 1991 г. известны. Для М. Горбачева стало ясно, что испытанными, партийно-аппаратными методами не обойтись. Возникла необходимость компромисса. Началось удивившее многих сближение двух, казалось, непримиримых противников — Президента СССР и Председателя Верховного Совета РСФСР. Начинался Ново-Огаревский процесс, реальные попытки обновить СССР. Но началось и другое — утрата до-

1 Ельцин—Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. М., 1994, с.70—73.

верия к Горбачеву со стороны той части «советского руководства», которое готовило «окончательную победу» в конце марта 1991 г.

В этих условиях Горбачев сделал резкий маневр: пошел на сотрудничество с теми республиканскими лидерами, которые были заинтересованы в подписании нового Союзного договора, но настаивавших на повышении уровня суверенитета республик, намеренных войти в этот Союз. Для этого необходимы были договоренности Горбачева и Ельцина. 16 апреля 1991 г. Б.Н. Ельцин выступал на заседании европейского парламента. Говоря о судьбе СССР, он заявлял: «Хочу сказать прямо и откровенно: обновленная Россия ни в коей мере не выступает за прекращение существования Советского Союза. Наоборот — мы видим будущее всей страны именно как свободного добровольного союза — Союза суверенных государств, которые находятся в четкой системе договорных связей между собой. Они сами определяют совместно те функции, которые должны осуществляться от их имени на центральном уровне. ... Новый Союз должен быть построен снизу, усилиями самих республик». Ясно высказанное желание к заключению нового союзного договора становилось платформой для сотрудничества, для будущих договоренностей.

Предварительные договоренности были достигнуты, и 23 апреля, в загородной правительственной резиденции Ново-Огарево, в старинной усадьбе, расположенной в 35 километрах от Москвы, где прежде была дача Ворошилова, потом — Хрущева, Черненко, а при Горбачеве — для его личных встреч с Р. Рейганом и другими лидерами западных стран[1]. Там и состоялась встреча президента СССР с руководителями РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении. Встреча, как и ряд других, состоявшихся в таком же составе, получила название «9+1» — девять союзных республик СССР и президент СССР, олицетворявший союзный центр.

В итоге долгих и сложных переговоров, длившихся 9 часов, было подписано «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». В этом документе было заявлено о необходимости «заключения нового договора суверенных государств с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума», принятии новой Конституции Союза, проведении, после принятия новой Конституции, перевыборов органов власти Союза. Кроме этого, в Заявлении содержался призыв к совместному проведению антикризисных мер, к соблюдению, впредь до принятия новой, норм старой Конституции, осуществлению ряда социальных мер, отказу от забастовок[2].

Это «Совместное заявление» стало очень сильным политическим шагом Горбачева, так как буквально за день до апрельского пленума он заручился поддержкой лидеров союзных республик, и его — Горбачева — деятельность на посту президента СССР становилась условием возможности подписания нового Союзного договора. Но была у «Совместного заявления» и другая грань, свидетельствовавшая о больших, принципиальных уступках, на которые должен был пойти президент СССР. Прежде всего, союзные республики в ближайшем будущем должны были стать «суверенными государствами», нигде в тексте этого документа не применяется понятие «СССР» к будущему Союзу. Его политическая организация оставалась намеренно неясной. Нигде не было заявлено, что новый Союз будет социалистическим. Из этого нетрудно было заключить, что участники ново-огаревской встречи пересмотрели ряд положений недавнего референдума 17 марта 1991 г. и в них отразилась позиция российского руководства. Несомненную угрозу для союзных органов власти представляло положение, что после принятия новой Конституции должны произойти перевыборы высших органов власти СССР.

Ельцин, ставший в это время союзником Горбачева, ясно показал, что он — Председатель Верховного Совета РСФСР — сторонник сохранения единства Союза, Союза, построенного на принципиально новых основах, но сохраняющего то лучшее, что сложилось за века и десятилетия единой истории народов, входивших в состав Российской империи и Советского Союза.

1 *Болдин В.* Крушение пьедестала, с.395—396

2 Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995, с.153—157.

Глава 7
Президент РСФСР

Выборы Президента России

III внеочередной Съезд народных депутатов дал сигнал к проведению выборов Президента России на основе прямых, всеобщих выборов. Очередной, IV съезд определил дату их проведения. Выборы были назначены на 12 июня 1991 г. Политические силы готовились к проведению кампании. Был ясен один кандидат — Б.Н. Ельцин, пользовавшийся поддержкой движения «Демократическая Россия» и новых партий, возникших в 1990 г. Ельцину противостояли мощные партийные организации КПСС и Российской компартии и ряд союзных государственных структур — КГБ, Министерство обороны. Другое дело, что прежнее единомыслие в них уже ушло в прошлое, позиции их руководителей значительно отличались от мнения многих сотрудников этих учреждений.

Накануне IV Съезда сектор политического анализа и прогноза Гуманитарного отдела ЦК КПСС подготовил обстоятельную аналитическую записку «Президентские выборы в РСФСР (цели и тактика КПСС)[1].

Прогноз аналитиков ЦК КПСС не отличался особым оптимизмом. «Можно предположить, писали авторы записки, — следующие варианты основных целей:

1) предотвратить избрание на пост Президента РСФСР Б. Ельцина и добиться избрания кандидата от Коммунистической партии;

2) предотвратить избрание Б. Ельцина, не задаваясь целью обязательно провести своего кандидата на пост Президента;

3) признав невозможность воспрепятствовать избранию на пост Президента России Б. Ельцина, постараться максимально использовать избирательную кампанию для того, чтобы ослабить позиции Б. Ельцина как Президента и укрепить позиции Коммунистической партии»[2].

Первый, наиболее желательный для КПСС вариант развития оценивался авторами как нереалистический. Причин было определено несколько: в обществе сформировалось «мнение об исторической вине КПСС за все происходящее и неспособности ее предотвратить сползание страны в пропасть».

В КПСС не существовало в это время лидера, который бы смог противостоять своим авторитетом Ельцину, хотя в качестве возможных оппонентов Ельцину от Коммунистической партии были возможны, по мнению авторов, первый секретарь Московского горкома Ю. Прокофьев, председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов, член Совета безопасности при президенте СССР В. Бакатин, народный депутат РСФСР, одна из руководителей Верховного Совета РСФСР С. Горячева, возглавившая зимой—весной 1991 г. восстание против

[1] Записка подготовлена до 17 мая 1991 г., до начала работы 1У съезда народных депутатов РСФСР. Датируется по содержанию. — Авт.

[2] *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 285.

Председателя Верховного Совета России Б.Н. Ельцина. Кроме того, КПСС не в состоянии осуществить активное противостояние Ельцину и его сторонникам.

«Сегодня партия деморализована, — писали аналитики ЦК КПСС. — Растерянность, пассивность и апатия, непонимание того, что делают центральные органы и делают ли они вообще что-либо — вот характерные признаки состояния первичных организаций»[1].

Второй вариант предполагал возможность избрать на пост президента России человека, формально независимого от КПСС, но пользующегося поддержкой партии. Этот вариант оценивался как более реалистичный. Такими внешне независимыми кандидатами могли быть Н.И. Рыжков, бывший председатель Совета Министров СССР, человек, который считался «жертвой» Горбачева (Он должен был уйти в отставку, но еще раньше оказался с инфарктом на больничной койке) и В.В. Бакатин, имевший репутацию либерала и снятый с поста министра внутренних дел (хотя и получивший пост в Совете безопасности при президенте СССР).

На пост вице-президента в этом случае рекомендовались лидеры антиельцинской оппозиции в Верховном Совете РСФСР — С. Горячева, С. Бабурин, В. Исаков. Этот вариант рассматривался как более реалистичный. «Он, — по словам авторов записки, — позволяет избежать полностью или в значительной степени розыгрыш оппозиционными силами антикоммунистической карты. При этом не исключается возможность проведения на пост Президента коммуниста, но не как прямого кандидата от Коммунистической партии. Более того, возможно и в этом случае выдвинуть своего кандидата, но основные усилия сосредоточить на реализации второго варианта, продумав вопрос о тех организациях, которые могли бы выдвинуть кандидата как "независимого"».

Однако практически неизбежным аналитикам представлялся третий вариант — будет избран Ельцин. «В данном случае, — рекомендовали они, — следует предпринять серию эффективных и серьезных шагов в духе политического сотрудничества, общественного консенсуса именно с руководством Верховного Совета РСФСР и лично Б. Ельциным. ... "Согласившись" на избрание Б. Ельцина на условиях взаимовыгодного компромисса, Коммунистическая партия переносит основной акцент на второе направление на борьбу за выборы руководителей местных органов власти. Именно здесь у компартии больше возможностей и больше шансов на успех. Сторонники Б. Ельцина в настоящее время все свои не столь многочисленные как у КПСС силы бросают на победу в президентских выборах. Компартия в это время должна сделать максимально для своей победы на местных выборах».

Кандидатам от КПСС или поддерживаемым КПСС аппарат ЦК КПСС давал следующие рекомендации:

«1. Критика деятельности Союзного центра, ошибок Кабинета Министров и т. д.

2. Критика бездеятельности и непоследовательности Президента СССР.

3. Разоблачение практических действий «демократов» на примере городских Советов Москвы и Ленинграда, аферы «140 миллиардов» и т. д.

[1] *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 286.

4. Непредсказуемость, марионеточность и низкие личностные качества Б.Н. Ельцина»[1].

По крайней мере два из четырех направлений свидетельствовали о глубоком кризисе КПСС, ее расколе, так как Гуманитарный отдел ЦК КПСС, еще недавно именовавшийся идеологическим, рекомендовал публично критиковать «Союзный центр» (куда, заметим входил и ЦК КПСС), и президента СССР, являвшегося Генеральным секретарем ЦК КПСС.

18 мая 1991 г. руководство компартии РСФСР официально поддержало кандидатуру Н.И. Рыжкова на пост Президента России и указало на необходимость парторганизациям поддержать его на выборах.

20 мая 1991 г. Центральная избирательная комиссия зарегистрировала кандидатов в президенты — Бориса Николаевича Ельцина, Председателя Верховного Совета РСФСР, Вадима Викторовича Бакатина, члена совета безопасности СССР, Николая Ивановича Рыжкова, народного депутата СССР, Аман-Гельды Молдагазыевича Тулеева, народного депутата РСФСР, Альберта Михайловича Макашова, командующего Приволжско-Уральским военным округом. Позже к ним присоединился Владимир Вольфович Жириновский, председатель незадолго до этого образовавшейся Либерально-демократической партии.

В острой предвыборной борьбе особую роль приобретали кандидаты на пост вице-президентов. Их популярность должна была помочь претендентам на пост президента набрать максимум голосов.

Генерал Макашов, провозглашавший Россию республикой рабочих и крестьян, яростно выступавший против частной собственности, за сохранение России в границах 1945 г.[2] пригласил в качестве своего кандидата на пост вице-президента члена ЦК компартии РСФСР профессора А. Сергеева.

В. Бакатин пригласил к себе Р. Абдулатипова, одного из руководителей Верховного Совета РСФСР, философа, прежде работавшего в отделе межнациональных отношений в ЦК КПСС, человека, критиковавшего Ельцина, но сохранившего репутацию «центриста», к тому же пользовавшегося, как считали, поддержкой в национальных регионах России.

Н.И. Рыжков выступал в паре с генералом Б. Громовым, одним из самых известных военных в СССР, уже потому, что он командовал 40-й армией в Афганистане и вывел ее из Афганистана.

В. Жириновский выступил в паре с А. Завидия, коммерсантом и предпринимателем, связанным в своей коммерческой деятельности с Управлением делами ЦК КПСС. В данном случае проявилась черта, ставшая вообще характерной для Жириновского как политика: он вел выборы как свою персональную кампанию, и А. Завидия был нужен ему прежде всего как спонсор.

Сложнее была ситуация у Б.Н. Ельцина. По существу, все кандидаты в президенты вели свою избирательную кампанию против него. Ясно было и то, что побеждать на выборах следовало убедительно, так как в противоположном

1 *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С.287.

2 Это означало, в частности, требования России на Крым, переданный Хрущевым Украине, а также на ряд территорий Казахстана, присоединенных к этой республике из РСФСР во время освоения целины.

случае эти результаты могли быть оспорены. Победа была желательна в первом туре, так как в обществе витало ощущение беспокойства. Законодательство о выборах президента, принятое IV съездом народных депутатов РСФСР, было несовершенным. Предполагалось, в частности, что президент должен был быть избран большинством **зарегистрированных в списках** избирателей. Это было много сложнее, чем получить большинство избирателей, **участвовавших в выборах**. Поэтому задача — максимально мобилизовать сторонников на выборах — принимала первостепенное значение. Этой цели должна была служить и кандидатура вице-президента, который должен был добавить голосов кандидату в президенты.

Возможным кандидатом на пост вице-президента рассматривался Г.Э. Бурбулис, народный депутат СССР, философ, сформировавшийся как политик в родном Ельцину Свердловске. В нем замечательным образом сочетались системное мышление, талант аналитика, способность стратегического планирования (он руководил избирательными кампаниями Ельцина в 1990 и 1991 гг.) и организационная неумелость, возможность и способность влиять на политическое развитие страны и «антихаризма» в общении с людьми. Слишком ученый, излишне рациональный Г. Бурбулис, при всех его достоинствах, добавить голосов Ельцину в качестве вице-президента не смог бы.

Другим кандидатом на этот пост считался Р.И. Хасбулатов, экономист, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР, проявивший себя в бурных событиях конца 1990—первой половины 1991 г. как верный сторонник Ельцина. Он был одним из немногих представителей руководства Верховного Совета, которые не приняли участие в нападках на Ельцина накануне III съезда. Однако Ельцин колебался. Он пишет в своих мемуарах, что его смущало отсутствие и у Бурбулиса, и у Хасбулатова способности нравиться людям, их неспособность снизойти до рядового избирателя. «Я кожей чувствовал, как напряженно ждут моего решения два человека: Геннадий Бурбулис и Руслан Хасбулатов, — писал Ельцин позже в своих мемуарах. — Но ни один из них меня не устраивал»[1].

Политической сенсацией стало то, что Ельцин определил в качестве своего кандидата в вице-президенты полковника, Героя Советского Союза А.В. Руцкого, народного депутата РСФСР и лидера группы «Коммунисты за демократию», не входившего прежде в круг людей, близких Ельцину. По его словам, предложение о выдвижении на пост вице-президента А. Руцкого поступило ему от его спичрайтеров Л.Г. Пихоя и Г.Н. Харина[2].

Кандидатура Руцкого была неожиданной, однако очень полезной для избирательной кампании. А. Руцкой имел репутацию храброго солдата, в полной мере глотнувшего тягот войны (он был ранен, его самолет был сбит и он находился в плену у муджахедов), он пользовался популярностью и в армии, и в обществе. В свое время, участвуя в выборах в числt народных депутатов СССР, он позволял себе резкую критику в адрес «Демократической России» её лидеров — академика А. Сахарова и Б. Ельцина. Депутатом СССР он не стал, и вновь участвовал, на этот раз удачно, в выборах народных депутатов РСФСР. Его позиция изменилась. Он, оставаясь членом ЦК компартии РСФСР, выступил на III Съезде

1 *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 2006. С. 54—55.

2 *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 2006. С. 55.

против партийного руководства и повел за собой часть коммунистов, а это означало, что за связку Ельцин—Руцкой будет голосовать часть коммунистического электората; наконец, существовали представления об офицерской чести Руцкого и нравственной недопустимости интриговать против будущего президента.

Начало избирательной кампании свидетельствовало об удачности этого хода Ельцина. Привлечение Ельциным Руцкого вызвало замешательство в лагере коммунистических функционеров. Газета «Советская Россия», рупор антиельцинских сил, писала, что за этим выбором просматривается далеко идущая политическая интрига. Возможно, Руцкой нужен Ельцину как надежный партнер в жесткой бескомпромиссной игре, как тогда, когда Руцкой расколол на Съезде парламентскую фракцию коммунистов и спас Ельцина от возможной отставки. А может, как троянский конь в рядах полевевшей партии — чтобы ее расколоть и уничтожить. А на ее обломках Ельцин воссоздаст свою собственную партию, так как пока нет серьезной политической силы, способной на равных с коммунистами претендовать на власть.

Другие газеты — («Независимая газета», «Российская газета») — писали, что кандидатура Руцкого выбрана политически безошибочно: как ответный шаг на выдвижение Рыжковым генерала Громова, как стремление использовать «афганский эффект», как расчет на привлечение в ряды сторонников Ельцина армии, МВД, КГБ. Руцкой, по мнению многих средств массовой информации, мог привлечь голоса множества коммунистов и военных, ветеранов Великой Отечественной войны и войны в Афганистане. Он сможет стать своеобразным «детонатором» раскола КПСС (газета «Россия»). Кроме того, приглашение прогрессивно настроенного коммуниста — это демонстрация Ельциным своих примирительных конструктивных намерений («Рабочая трибуна»).

Вторым по влиянию после Ельцина и Руцкого был тандем Рыжков—Громов. «Независимая газета» давала очень лестные характеристики этому союзу — Громов дополнит Рыжкова твердостью и решительностью, расширит круг избирателей Рыжкова. Этим Рыжков отводил мифы о своей «нерешительности»; поддерживал одну из главных программных линий — борьбу за стабильность, законность и порядок в республике. Оппоненты Рыжкова выдвигали тезис о том, что это союз военных и консервативно настроенных политиков. («Российская газета», «Рабочая трибуна»).

Бакатин оценивался по-преимуществу как продолжатель либеральных тенденций Горбачева. Отмечалось, что он исповедует «философию здравого смысла», сознает свою ответственность, честен, ему противопоказаны сенсационность, популизм, пустое прожектерство, раздача несбыточных обещаний («Известия»).

Меньше всего писали о кандидатах, которых считали явными аутсайдерами — о генерале Макашове, А. Тулееве и, первое время — о Жириновском. К последнему пресса относилась иронически, определяла его как анекдотического персонажа, обвиняла его в «хлестаковщине», отказывала ему в будущей поддержке избирателей.

Исключение из общих оценок давала «Рабочая трибуна», которая отмечала ораторское искусство Жириновского, завидную таранную силу, сверхэнергичность. «Возникает предчувствие, что вокруг этой фигуры, отнюдь не случайной в политике, могут завертеться события. Если дать Жириновскому эфирное время, он может лишить Ельцина нескольких очень важных процентов. Успех Жириновского в том, что он предложил сменить вехи, выдвинуть новые приоритеты. Сказал много полезного и верного в частности о величии державы и возвращении себе чувства гордости»[1].

Новые обзоры прессы подтверждали успешность избирательной кампании Ельцина. «Правда» констатировала, что Ельцин, предложив Руцкого, увел добрую часть российских коммунистов. «Московские новости» по этому поводу давали следующий прогноз: выбор Ельциным своего «вице-» многое предопределил в раскладке сил. Ельцин обречен на сотрудничество с реформистским крылом коммунистической партии. Кандидатура Руцкого весьма удачна, и этот тандем приговорен к победе. Мотивами выбора эксперты «Московских новостей» считали:

1) демонстрацию политики гражданского согласия;
2) гарантию дополнительных голосов на выборах;
3) возможно, честное выполнение условий соглашения «9 + 1».

Ельцин показал, — считали эксперты «Московских новостей», — что он не антикоммунист и бороться с коммунистами не станет, и этим отнял важный козырь у своих главных оппонентов. Как тактический ход — это весьма остроумный шаг. Правда, — предупреждали эксперты, — по поводу роли Руцкого после победы есть некоторые сомнения. Станет ли Руцкой коллегой по реформам? Будет ли он в роли дипломатического посредника между двумя политическими лагерями? Или окажется «троянским конем» переменчивых партийно-союзных структур? Вряд ли «вице-» будет настоящим вторым лицом в России. Ельцин полностью уверен в его демократической благонадежности и предсказуемости поведения? В противном случае могут возникнуть большие проблемы[2].

12 июня 1991 г. состоялись первые в истории России выборы ее президента. Его итоги были следующими: Б.Н. Ельцин получил 57,3% голосов; на втором месте с огромным отрывом шел Н.И. Рыжков — 16.85%, на третьем (и это стало тоже полной неожиданностью) — В.В. Жириновский — 7,81%. Пресса пророчила ему около одного процента голосов, а он смог обойти людей, считавшихся опытными политиками — А.М. Тулеева с 6,81%, А.М. Макашова с 3,75% и В.В. Бакатина с 3,42%[3]. Особенно заметно было поражение Бакатина, которого расценивали как выразителя курса Горбачева.

В 22-х регионах Ельцин набрал меньше 50 % голосов: Амурская, Калининградская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Новгородская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Краснодарский и Ставропольский края, Башкирская, Бурятская, Калмыцкая и ряда других районов[4].

1 Обзор материалов десяти центральных газет за период 20—25 мая 1991 г. относительно претендентов на пост президента РСФСР.
2 Обзор прессы (десяти центральных газет) за 27 мая — 1 июня 1991 г. относительно претендентов на пост Президента РСФСР.
3 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 81. Л. 5.
4 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 81. Л. 6.

В городах и промышленных центрах лидировал Ельцин:

Свердловская область — 85,06%;

Челябинск — 77,15%;

Москва — 71,96%.

Ельцину также отдали свои голоса большинство женщин. В сельской местности наибольшее количество голосов набрал Рыжков.

Надежда на решение проблем реабилитации репрессированных народов, обеспечила Ельцину поддержку в Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Карачаево-Черкесии[1].

Необходимо отметить еще одну особенность: голосуя за Ельцина, избиратели голосовали и за его программу и за него — как человека[2].

Большое значение для победы имела и тотальная поддержка Ельцина средствами массовой информации[3].

В течение месяца после выборов должна была пройти инаугурация, то есть торжественное вхождение президента в должность. Никто еще не знал, как проводить в России процедуру, которая должна положить начало новой традиции. Борис Николаевич большое значение придавал новой атрибутике, необходимо было предусмотреть все до мелочей, включая и размер российского флага, который отныне станет развеваться на флагштоке в Кремле, и высоту самого флагштока, и конструкцию трибуны по типу той, за которой выступает американский президент и которую впоследствии можно было бы брать в президентские поездки.

Требовалось подумать и о том, как рассадить приглашенных на торжество глав союзных республик. Первоначально предполагалось — в президиуме, на сцене. Потом отказались от этой мысли — слишком живы еще были у всех в памяти недавние партийно-номенклатурные президиумы.

Всё в организации этого дня было внове для его устроителей, но его сценарий постепенно выстраивался, обретая логичность и законченность. Сначала — российский гимн, затем — слово президента. Для выступления был приглашен Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, известный артист Олег Басилашвили, выделявшийся демократическими взглядами и вызывающий особое уважение депутатского корпуса.

Переговоры о выступлении велись и с М.С. Горбачевым. Договорились, что он выступит по сценарию вслед за Патриархом. И вдруг поздно вечером 9 июля, в самый канун инаугурации, Михаил Сергеевич, получив сценарий торжества, передал через своих людей, что придет не на открытие, а несколько позже и выступит в самом конце процедуры, то есть последним, за рамками официальной части. В то же время его сотрудники и руководство Верховного Совета СССР накануне заказали очень большое количество билетов — на всю ложу правого крыла в Кремлевском дворце съездов, которые в день инаугурации остались абсолютно пустыми и скорее всего, это было не случайно — вполне вероятно, делался расчет на то, что пустые ряды произведут подобающее

1 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 81. Л. 7.
2 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 81. Л. 8.
3 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 81. Л. 12.

моральное воздействие и на присутствующих, и на телезрителей[1]. Правда, желающих занять свободные места и без того оказалось предостаточно.

10 июля 1991 г. в древнем московском Кремле, в Кремлевском дворце съездов, специально построенном при Хрущеве для проведения съездов КПСС, впервые в истории России состоялась процедура вступления в должность президента России. Масштаб события прекрасно осознавался всеми участниками этой процедуры, как и миллионами людей, наблюдавших за ней по телевидению. Центральной темой происходившего стала тема исторической преемственности в развитии России. В фойе Дворца съездов, под гербами советских республик, были развернуты выставки государственных наград России и СССР с XVI до XX вв., священных реликвий — книг всех конфессий страны — православия, мусульманства, буддизма, иудаизма, католицизма и протестантизма. Впервые звучал незадолго перед этим утвержденный Верховным Советом России новый гимн страны, основанный на мелодии «Патриотической песни» современника А.С. Пушкина, одного из родоначальников русской классической музыки М.И. Глинки.

Председательствовал первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов:

«Уважаемые народные депутаты и гости съезда! Соотечественники! Сегодня открывается новая страница в истории государства Российского. Здесь, в историческом центре Российского государства, в Кремле, определена резиденция Президента Российской Федерации. *(Аплодисменты.)* В момент принесения присяги над ней будет водружен флаг республики. *(Аплодисменты.)»*

Далее Руслан Имранович начал приветствовать гостей — президента страны Михаила Сергеевича Горбачева *(аплодисменты, в зале отсутствует),* Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова (*аплодисменты, в зале отсутствует),* премьер-министра Валентина Сергеевича Павлова *(аплодисменты, в зале отсутствует)*[2].

После выступления Олега Басилашвили к трибуне поднялся Борис Николаевич Ельцин *(Аплодисменты. Звучат фанфары).* Он очень волновался — это чувствовалось и по его голосу, и по той скованности, с которой он держался. Положив левую руку на Конституцию, а правую на сердце, Президент Б.Н. Ельцин принес присягу:

«Граждане Российской Федерации!

Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики соблюдать Конституцию РСФСР и законы РСФСР, защищать ее суверенитет, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, права народов РСФСР и добросовестно исполнять возложенные на меня народом обязанности»[3].

Прозвучала мелодия Государственного гимна России. На экранах телевидеолы появилось изображение — поднятие Государственного флага РСФСР над резиденцией первого Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в Кремле[4].

1 *С. Филатов.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 85.
2 *С. Филатов.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 85.
3 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.
4 Там же.

С приветствием выступил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Впервые за 74 года глава государства получил благословение патриарха всея Руси.

После этого состоялось выступление Президента РСФСР Ельцина. Ельцин говорил о пути, который предстоит пройти России, пути демократии и реформ. О радикальном обновлении, в основе которой — укрепление суверенитета России, реальные права народа, республики граждан любой национальности. Об особом месте религии в России[1].

«Я с оптимизмом смотрю в будущее и готов к энергичным действиям, рассчитываю на поддержку народных депутатов, Верховного Совета, Совета Министров РСФСР, своих сторонников и, конечно, первого вице-президента России Александра Владимировича Руцкого.

Великая Россия поднимается с колен. Мы обязательно превратим ее в процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство. Уже началась многотрудная для всех нас работа. Пройдя через столько испытаний, ясно представляя свои цели, мы можем быть твердо уверены — Россия возродится! *(Все встают. Звучит «Славься» М. Глинки в исполнении хора и оркестра. Бурные аплодисменты)*[2]. Президента РФ Ельцина поздравил президент СССР Горбачев[3].

Все эти красивые и торжественные процедуры свидетельствовали об одном: на глазах людей восстанавливалась Россия, осознающая себя как преемник и наследник своей многовековой истории.

Ельцин был первым главой Российского государства, кому эту должность вручил сам народ на прямых выборах. И он старался продемонстрировать это даже в деталях. Многие помнят такой эпизод: после выступления президенты двинулись навстречу друг другу, чтобы пожать руки. Через несколько лет Борис Николаевич рассказывал в приватной беседе о некоторых подробностях: «Помните, как Горбачев поздравлял меня с избранием Президентом?.. Я долго думал, как сделать так, чтобы не я, а он подошел ко мне для рукопожатия. Я все рассчитал и, сделав несколько шагов по сцене, остановился. Ему пришлось самому подойти ко мне»[4].

Итак, избрание Б. Ельцина Президентом РСФСР (пусть и в составе Союза Советских Социалистических Республик) показало всем, кто в стране лидер номер один. Со свойственным ему напором Борис Николаевич потребовал, чтобы его главная резиденция располагалась в Кремле. Горбачев вынужден был согласиться. Возникла парадоксальная ситуация: в Кремле находились главы как бы двух государств, и над ним должны были бы развеваться два флага. Но, чтобы не накалять еще больше обстановку, Ельцин не стал настаивать на формальностях. Ему отвели кабинет в менее престижном, 14-м корпусе, построенном уже в советское время. Правда, до конца года там он почти не бывал, работая по-прежнему в Белом доме на Краснопресненской набережной.

1 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 114. Л. 4.
2 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.
3 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 114. Л. 3—7.
4 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С.122.

Августовский путч 1991 года

Главным ожидаемым политическим событием лета 1991 г. должно было стать подписание нового Союзного договора. Дело шло к обсуждению уже того периода развития нового Союза, который должен был начаться после подписания Союзного договора. Обсуждению этих вопросов была посвящена встреча Горбачева с Ельциным и Назарбаевым 29 июля в Ново-Огареве. Встреча носила конфиденциальный характер. На ней были достигнуты важнейшие договоренности — из руководства нового Союза будут убраны вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго, министр обороны Язов, руководитель Гостелерадио Кравченко. По предложению Ельцина, договорились о том, что новым премьер-министром Союза будет Н.А. Назарбаев. Было также решено выдвинуть на пост президента Союза Суверенных Государств Горбачева.

В разгар разговора Ельцин забеспокоился — «нас подслушивают». Его опасение оправдалось. «Записали и этот разговор, может быть, эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года», — записал он в своих мемуарах[1].

2 августа Президент СССР выступил по телевидению и сообщил, что проект нового Союзного договора готов и 20 августа начнется его подписание. 4 августа он отправился на отдых, в Крым. Его ждала правительственная дача в Форосе.

В истории возникновения путча и сейчас остаются загадочные места, которые пока не прояснены в огромном потоке мемуарных и документальных публикаций.

Сама возможность введения чрезвычайного положения была законодательно предусмотрена, как и механизм его объявления. Они были изложены в законе «О правовом режиме чрезвычайного положения», принятом Верховным Советом СССР в 1990 г. Согласно этому закону режим чрезвычайного положения в стране может быть введен Верховным Советом или президентом, но обязательно по просьбе или при согласии Президиума Верховного Совета или высшего органа власти соответствующей республики.

Подготовка к возможности введения чрезвычайного положения осуществлялась в марте 1991 г., накануне III Съезда народных депутатов РСФСР. После провала попытки ввести ЧП в апреле Совет безопасности вновь вернулся к разработке документов о нем. Горбачев сам нередко говорил о необходимости «чрезвычайных мер». В частности, 3 августа 1991 г., за день до своего отъезда в Форос, он заявил на заседании Кабинета министров СССР, что в стране существует «чрезвычайная ситуация» и необходимы «чрезвычайные меры»[2].

13 августа состоялся долгий разговор Председателя Верховного Совета СССР Лукьянова и Горбачева по телефону. Лукьянов сообщал о позиции Ельцина по Совету Федерации, о ситуации в стране. На следующий день уже сам Горбачев звонил Ельцину. Горбачев получил информацию, что против договора выступают не только «союзники»[3] в Верховном Совете СССР, но и радикалы из

1 *Ельцин Б.Н.* Записки президента. С. 56.
2 *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 303.
3 «Союзники» — группа «Союз» в Верховном Совете и Съезде народных депутатов СССР, фактическим лидером которой был А.И. Лукьянов.

«Демократической России» — Ю. Афанасьев, Е. Боннер, Г. Старовойтова. Горбачеву показалось, что Ельцин колеблется, что у него появились сомнения. «В общем, мы попрощались на хорошей ноте. Хотя у меня остался осадок, не ушло ощущение, что Ельцин что-то недоговаривает»[1]. Можно констатировать — информация Лукьянова дошла. Опытнейший аппаратный деятель, прекрасно знавший характер Горбачева, он смог сыграть на подозрительности союзного президента, с новой силой спровоцировал его недоверие к Ельцину.

14 августа председатель КГБ Крючков объявил помощнику своего первого заместителя Егорову, что у Горбачева психическое расстройство и он не может работать. Поэтому необходимо готовить документы для введения чрезвычайного положения. На следующий день, 15 августа, уже были готовы основные документы о введении чрезвычайного положения. 15 или 16 августа Крючков дал указание прослушивать все разговоры Б.Н. Ельцина, И.С. Силаева — Председателя Совета Министров России, Г. Бурбулиса — государственного секретаря России[2].

Горбачеву ежедневно высылали негативную информацию, которая должна была убедить его, что положение в стране резко ухудшается. Ему намекали, что Ельцин неспроста уехал на встречу с Назарбаевым в Алма-Ату. Горбачев, по словам руководителя его аппарата В. Болдина, был очень раздражен, когда узнал о совещании в Алма-Ате руководителей ряда союзных республик.

17 августа, в секретном особняке КГБ, расположенном на окраине Москвы, встретились председатель КГБ Крючков, премьер-министр Павлов, министр обороны Язов, руководитель аппарата Президента СССР Болдин, секретарь ЦК КПСС Шенин, секретарь ЦК КПСС Бакланов, заместители министра обороны генералы Варенников и Ачалов, заместитель председателя КГБ генерал Грушко. По словам Крючкова, все они были едины в своем несогласии с тем внутри- и внешнеэкономическим курсом, который проводился под руководством Горбачева в последние годы[3].

16 августа Ельцин посетил Алма-Ату с официальным визитом — подписывалось соглашение между Россией и Казахстаном. На пресс-конференции в Алма-Ате Президент Казахстана Н. Назарбаев заявил, что 20 августа Союзный договор подпишут, кроме объявленных ранее России, Казахстана и Узбекистана, Белоруссия и Таджикистан. На следующих этапах, в сентябре—октябре, к договору примкнут Азербайджан, Туркмения, Кыргызстан и Украина.

18 августа, в воскресенье, завершался визит Ельцина в Алма-Ате. Вечером Ельцин вылетел в Москву[4].

Понедельник 19 августа 1991 г. стал тяжелым днем для всей страны. По радио и телевизионным приемникам советских граждан информировали: председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов считает, что подготовленный к подписанию проект нового Союзного договора не соответствует Конституции

1 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 553.
2 *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 306.
3 *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 307.
4 *Суханов Л.* Три года с Ельциным. Записки первого помощника. Рига, 1992. С. 14—15.

СССР, чаяниям миллионов советских граждан, высказанным на референдуме 17 марта 1991 г. Дикторы радио и телевидения сообщали о тяжелой болезни Горбачева, а также что появился новый президент — Янаев, что в стране создан Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, который намерен навести в стране порядок, обеспечить уборку урожая, восстановить связи между промышленными предприятиями и выдать каждому из граждан СССР по 15 соток земли.

Всем было ясно — в стране переворот, Горбачева сняли, как это проделали намного лет раньше с Хрущевым, а ГКЧП создан, чтобы расправиться с российским президентом Ельциным и его сторонниками.

Центром политической жизни становился Белый дом, как в Москве прозвали здание Верховного Совета и Правительства Российской Федерации, расположившееся на Пресне, недалеко от Москвы-реки.

По приказу Язова в Москву были выдвинуты Таманская мотострелковая дивизия в составе трех мотострелковых полков, одного танкового полка и разведывательного батальона, Кантемировская танковая дивизия в составе трех танковых полков, одного мотострелкового и разведбатальона. В распоряжении ГКЧП было элитное подразделение «Альфа» и группа «Б», именовавшаяся «Отдельным учебным центром КГБ», на самом деле — воинское подразделение диверсантов. Министерство внутренних дел располагало отрядами милиции особого назначения (ОМОН) и отдельной мотострелковой дивизией особого назначения имени Дзержинского (ОМСДОН).

Все эти громадные силы должны были продемонстрировать решимость ГКЧП сломить волю противников, заставить их подчиниться.

Вместе с тем, накануне, в жаркое воскресенье 18 августа многие высшие руководители России находились в загородном дачном поселке Совета Министров России «Архангельское». Туда же вернулся из Алма-Аты президент Ельцин. 19 августа, через десять минут после первого телевизионного сообщения к Ельцину примчался начальник его охраны А. Коржаков и стал расставлять посты. Ельцин стал обзванивать всех, кто был поблизости и мог понадобиться для работы, помогала ему супруга Наина. Уже ранним утром в доме у Ельцина собрались премьер-министр И. Силаев, исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатов, государственный секретарь Г. Бурбулис, народный депутат России, юрист С. Шахрай, прибыли вице-мэр Москвы Ю. Лужков и мэр Петербурга А. Собчак. Там, утром, было написано обращение «К гражданам России». Текст от руки записывал Хасбулатов, а диктовали, формулировали все, кто был рядом, Шахрай, Бурбулис, Силаев, Полторанин, Ярошенко[1]. «В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. отстранен от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом», — сообщалось в этом обращении. Там указывалось, что создалась угроза срыва подписания Союзного договора. Обращение определяло введение чрезвычайного положения как государственный переворот, имевший своей целью реставрацию коммунистических порядков. Оно было

1 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 95.

подписано Ельциным, Силаевым и Хасбулатовым. Уже оттуда, с дачи Ельцина, текст обращения начал рассылаться по факсу в редакции газет, в информационные агентства, его копировали, рассылали по всей стране и миру. Если у членов ГКЧП и была надежда договориться с российским руководством, то после опубликования этого обращения это стало невозможно.

Уже в первые часы действия чрезвычайного положения произошло событие, существенно повлиявшее на исход переворота. Незадолго до путча, летом 1991 г. Ельцин был в Туле, где его познакомили с Тульской воздушно-десантной дивизией. Дивизией командовал генерал Лебедь. А предъявлял дивизию Ельцину командующий воздушно-десантными войсками Герой Советского Союза генерал П. Грачев — тот самый Грачев, которому позже Крючков и Язов поручили вместе с двумя руководителями КГБ готовить планы ГКЧП. Еще на той встрече Ельцин обратил на Грачева внимание и задал ему вопрос: «Павел Сергеевич, вот случись такая ситуация, что нашей законно-избранной власти в России будет угрожать опасность — какой-то террор, заговор, попытаются арестовать... Можно положиться на военных, можно положиться на вас?». Он ответил: «Да, можно»[1].

Оказавшись в отчаянном положении, Ельцин утром позвонил прямо Грачеву. Он напомнил ему о том, что тот обещал оказывать помощь законным властям России. Грачев, по словам Ельцина, «взял долгую паузу». Грачев выбирал. Выбирать было из чего. В одном случае он оставался на своей прежней роли, добавив к своей репутации боевого генерала сомнительную славу участника путча, причем необязательно успешного. В другом — открывалась карьера в России, та карьера, которую стремительно сделал полковник, Герой Советского Союза, тоже «афганец», Руцкой, ставший вице-президентом России. Грачев попытался в этой ситуации занять нейтральную позицию, не отказывать никому — ни своим союзным начальникам, ни российским властям.

Грачев пообещал выслать на охрану Ельцину в «Архангельское» разведроту (что, кстати, не понадобилось, так как из «Архангельского» высшие руководители России уже уехали в Белый дом), затем он взялся «охранять» и Белый дом. Это позволяло Грачеву быть хорошим перед всеми — перед Ельциным, которого он охранял, и перед Язовым, которому можно было сказать, что он караулил мятежников.

На допросе в прокуратуре, уже после провала путча, Грачев рассказывал следующее: «19.08.91 мне позвонил Ельцин и спросил меня, что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение и что войска идут в Москву. Я его спросил: что мне делать? Он ответил, чтобы я выделил личный состав воздушно-десантных войск для охраны Белого дома. Я пообещал. В 8 часов ко мне приехал советник президента Портнов, и мы договорились о взаимодействии. Я поставил задачу Лебедю выделить батальон для охраны Белого дома, лично его вывести и доложить Президенту России. Лебедь привел один батальон к Белому дому, где поставил танки кормой вплотную к зданию, обеспечив тем самым его охрану»[2].

1 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 96.

2 Цит по: *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 318.

Командир группы «Альфа», генерал Карпухин, получивший ранним утром 19 августа приказ следить за дачей Ельцина, а позже — распоряжение по радиотелефону — арестовать Ельцина и интернировать его в Завидово, в одну из дальних правительственных резиденций, приказ не выполнил. Сам он объяснял свои действия тем, что не захотел выполнить этот приказ. Но не случайно Карпухин обращал внимание на то, что приказ он получил в устной форме. Это значило, что в случае неудачи он, Карпухин, будет отвечать за все. Брать на себя ответственность он не хотел. Возможно и другое: спецгруппа просто проглядела кортеж правительственных автомобилей, на предельной скорости вырвавшихся из «Архангельского» и стремительно ушедших в Москву. Колонна из четырех машин шла на такой скорости, что у машин сопровождения были разбиты фары мелкими камушками, вырывавшимися из-под колес летевших впереди автомобилей.

В Белом доме в половине девятого было тихо. Все как всегда. Работают буфеты, киоскеры продают свежие газеты. Единственная новость — у милиции, охранявшей здание, появились автоматы. В зале заседания Верховного Совета потихоньку собирались сотрудники аппарата — по большей части еще старые, много лет отработавшие номенклатурные сотрудники. Они тихо обменивались новостями, и заметно было, что перспектива «наведения порядка в стране» их вполне устраивала[1].

В 10 часов утра были прекращены телевизионные передачи на всех каналах телевидения в Москве, кроме первого канала.

Картина, открывавшаяся из окон Белого дома, была устрашающей. По Кутузовскому проспекту, по широкому Калининскому мосту двигалась, ревела танковыми двигателями колонна бронетехники, конца которой не было видно. Передние машины направились к Белому дому и начали кружить вокруг здания.

Однако Ельцин сразу начал перехватывать инициативу. В Белый дом были приглашены представители дипломатического корпуса, иностранные и российские журналисты, к которым в 10.30 вышел премьер-министр И. Силаев и зачитал текст обращения «К гражданам России». Во время его выступления на трибуну быстро взошел Ельцин. Сразу после обращения он стал говорить, но говорил немного, попросил дипломатов и журналистов довести до мирового сообщества и граждан нашей страны мнение российского руководства, так как других способов сделать это, к сожалению, не остается. Закончил тем, что посоветовал дипломатам уйти из Белого дома, так как здание уже начали окружать танки. То, как говорил Ельцин, та уверенность и невероятная в его положении способность шутить заставляла поверить: у ГКЧП будут большие проблемы.

В эти трагические дни и ночи кабинет Ельцина был очень доступен. Никакой замкнутости, общение было практически постоянным[2]. Он принял единственно правильное решение — не выжидать, а действовать. Обращение к народу, к армии — указы следовали один за другим. Россия должна была знать, что Президент не сломлен: он в Белом доме, он выполняет свои обязанности.

1 *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 320.

2 *Попцов О.* Хроника времен «Царя Бориса». Россия, Кремль. 1991—1995. С. 53.

У российского руководства в этот момент не было ничего, кроме права. И этим оно смогло воспользоваться в полной мере. Сотрудники аппарата Президента подготовили текст указа № 59, который президент подписал в 12 часов 10 минут, за несколько минут до его знаменитого выступления с брони танка у Белого дома. Указ содержал юридическую квалификацию происходящего и определял ее в нормах Уголовного кодекса. В указе сообщалось: «В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

Все решения, принимаемые от имени так называемого Комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице президента, Верховного Совета и председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного Комитета, подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. Ельцин».

Сразу же после завершения пресс-конференции, практически одновременно, собирается Президиум Верховного Совета РСФСР и заседание Совета Министров РСФСР. Президиум Верховного Совета в абсолютном своем большинстве поддержал обращение Ельцина, Хасбулатова и Силаева «К гражданам России» и квалифицировал создание ГКЧП как государственный переворот. Было принято важнейшее решение — уже 21 августа собрать внеочередную сессию высшего законодательного органа республики — Верховного Совета. Против проголосовали только два человека — Исаков и Исаев[1].

На заседании Совета Министров РСФСР было удивительное единодушие. На заседании присутствовал и руководитель крупнейшего профсоюза России — Клочков. Образование ГКЧП сразу же было квалифицировано как государственный переворот, Совет Министров также поддержал обращение «К гражданам России» и указ № 59, призвал ответить на действия ГКЧП забастовками. В те минуты, когда шло заседание Совета Министров, танки кружили под окнами Белого дома. Во время заседания Силаев сообщил, что он вместе с Б.Н. Ельциным пойдет на встречу с солдатами. Танковая колонна встала непосредственно у парадного входа в здание. Ельцин вместе с Силаевым в окружении нескольких телохранителей вышел к танкистам, поднялся на броню и прочитал солдатам и людям, постепенно собиравшимся у здания Белого дома, свое обращение и указ. В тот момент в его действиях не было ничего нарочито театрального: просто с танка обращаться к солдатам-танкистам было проще. «А за окном стоял танк. Абсурдный и в то же время такой реальный... Бронемашину окружила толпа», — напишет позже он в своих мемуарах. «Я решительно спускаюсь вниз, к людям. Взобрался на броню, выпрямился. Может быть, в этот момент ясно почувствовал, что мы выиграем, мы не можем проиграть»[1]. Этот жест стал знаменитым, кажется, благодаря телеоператорам Си-эн-эн, а в СССР — из-за вечерней телевизионной программы «Время», куда был включен этот кадр из западной хроники.

1 *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 321.

Силаев вернулся на заседание Совета Министров. Заседание завершилось единогласным принятием заявления правительства. В заявлении не только поддерживались указ президента и требование ко всем государственным органам России неукоснительно его соблюдать, но и призыв к правительствам других союзных республик «объединить усилия по защите конституционного порядка на всей территории СССР»[2].

Вскоре заседание закончилось. Последним на нем выступил генерал-полковник К. Кобец, руководивший Государственным комитетом по оборонным вопросам. Он предложил членам правительства, если они хотят принять участие в обороне Белого дома, получить оружие в оружейной комнате охраны. Оружия было мало. Несколько десятков автоматов и пистолетов были розданы. Вряд ли от этого повысилась обороноспособность Белого дома.

Другое дело — то, что происходило вокруг Белого дома. Указы, заявления российского руководства стали стремительно распространяться по Москве. В ход шли телефаксы, ксероксы, телефоны. В фойе метро появились копии указов, приклеенные к стенам. К Белому дому шли люди. Вокруг Белого дома стали возводиться заграждения, баррикады. В городе шли митинги. Толпы людей блокировали продвижение бронетехники. Разговаривали с солдатами и офицерами, объясняли им, что армию снова втягивают в грязное дело. Появились карикатуры на Язова, Крючкова, Янаева, Пуго. Стремительно нарастало гражданское неповиновение. В эти часы на сторону Ельцина перешла и осталась с ним до конца танковая рота майора С. Емельянова. Шесть его танков, лишенные боеприпасов, были единственным воинским подразделением Советской армии, перешедшим на сторону Президента России.

19 утром прибыли делегации для подписания Союзного договора. Договор должны были подписать 20 августа. Руководители «ряда республик» обратились к руководству СССР с просьбой дать разъяснения по поводу ГКЧП, Янаев и Лукьянов сообщили им, что демократические процессы будут продолжаться. Заявлено, что ГКЧП будет действовать в рамках Конституции СССР. Руководителями республик была выражена надежда, что бывшие автономные республики перестанут быть разменной монетой в политической борьбе центра и республик.

В стане Государственного комитета по чрезвычайному положению нарастало беспокойство. Уже вечером 19 августа стало ясно, что свой первый день ГКЧП проиграл. Надежда запугать своих политических противников и сохранить видимость легитимности в переходе власти от Горбачева к «советскому руководству» провалилась. Стремительно нарастала волна поддержки российскому президенту и неприятия ГКЧП. В этих условиях в ГКЧП наметились

1 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 107.

2 *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 322.

противоречия. Из ГКЧП тихо побежали его наиболее сообразительные члены. Утром 19-го в больницу ушел руководитель аппарата Президента СССР В. Болдин. Днем 19-го в больницу ушел В. Павлов. Больше их в ГКЧП уже не видели. Попытался дистанцироваться от ГКЧП А. Лукьянов.

Возмущенное письмо в ГКЧП направил главнокомандующий Сухопутными войсками В. Варенников. Он писал из Киева: «Оценивая первые сутки, пришел к выводу, что большинство исполнительных структур действуют крайне нерешительно и неорганизованно. Правоохранительные органы фактически вообще не выполнили никаких задач. Это чревато тяжелыми итогами. ...Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы все убедительно просим принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н. Здание правительства РСФСР необходимо немедленно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т. д. Сегодня судьба государства именно в разрешении этой проблемы, поэтому никто и ничто не должно остановить нас при достижении намеченной цели. Нерешительность и полумеры только подтолкнут экстремистов и псевдодемократов к еще более жестким и решительным действиям»[1].

Утром 20 августа всем стало ясно — решительная схватка приближается, становится почти неизбежной. К вечеру напряжение достигло высшей точки. Все понимали, что предстоящая ночь — решающая, ведь предыдущую, с 19 на 20, путчисты упустили. По воспоминаниям О. Попцова: «Вообще, и в ночь предыдущую, и в предвечерние часы следующего дня, сообщения о предполагаемости штурма были главной, по сути единственной, темой всех разговоров в человечьем многолюдье, окружавшем Белый дом, да и в самом Белом доме.

В президентском крыле здания до непривычности шумно. Кабинет Бурбулиса определен в качестве штаба. Три ночи и три дня были насыщены драматизмом, тревогой, неразберихой и в то же время удивительным взаимопониманием между демократами, центристами, полудемократами. Объединила беда, угроза, нависшая над надеждой. При всей разнице убеждений все рассчитывали на жизнь в другой России. Еще не понять в какой, но другой. Баррикадная атмосфера пришла сюда, внутрь Белого дома: спальные мешки, чай в термосах, обилие спецназовской пятнистой формы, противогазы, сваленные в кучу, непривычное множество небритых лиц, мятой одежды, красных, измученных бессонницей глаз»[2]. В Белый дом продолжали приходить люди. В эти самые рискованные, самые непредсказуемые часы они посчитали своим долгом оказаться здесь, вместе с Президентом. Среди них был и Мстислав Ростропович. Он рассказывал, как скрывал от жены свой отъезд в Москву: «Я приехал сюда, — говорил Ростропович, — и если Богу будет угодно, я разделю с вами судьбу России. Здесь, сегодня, решается ее судьба»[3].

А главные события сторонников ГКЧП разворачивались в здании Генерального штаба. В совещании у заместителя министра В. Ачалова участвовали начальник Генерального штаба Моисеев, личный советник Президента СССР по военным вопросам маршал Ахромеев, главнокомандующий Сухопутными

1 *Степанков В., Лисов Е.* Кремлевский заговор. Версия следствия. М., 1992. С. 149—150.
2 *Попцов О.* Хроника времен «Царя Бориса». Россия, Кремль. 1991—1995. С. 53.
3 *Попцов О.* Хроника времен «Царя Бориса». Россия, Кремль. 1991—1995. С. 54.

войсками В. Варенников, вернувшийся из Киева в Москву, командующий Воздушно-десантными войсками П. Грачев, начальник группы «Альфа» В. Карпухин, начальник группы «Б» Б. Бесков, заместитель министра внутренних дел Б. Громов, первый заместитель председателя КГБ Г. Агеев — всего человек 20—25. Туда же прибыл и А. Лебедь.

Им предстояло добиться того, чего ГКЧП не смогло достичь путем военно-политической демонстрации — сломить сопротивление российского руководства. Обсуждался план штурма Белого дома. Армейским подразделениям десантников под командованием А. Лебедя совместно с дивизией им. Дзержинского, подчиненной МВД, поручалось блокировать Белый дом, вытеснить людей, окружавших здание, в сторону Краснопресненской набережной; отряду милиции особого назначения (ОМОНу) при помощи танков ставилась задача прорвать баррикады, построенные вокруг здания; следом в прорыв должны были войти группы «Альфа» и «Б». «Альфа» должна была пробиться в здание, арестовать Президента России Ельцина. Другое спецподразделение КГБ — группа «Б» должна была уничтожить очаги сопротивления в здании, применив специальные средства. Атаку сверху должны были поддерживать вертолеты прикрытия. Общая координация операции «Гром», как назвали план штурма Белого дома, была возложена на командира группы «Альфа» генерала Карпухина. Начало штурма было назначено на 3 часа ночи 21 августа[1].

Однако на пути к реализации этого плана возникли серьезные препятствия.

На 12 часов дня движением «Демократическая Россия» был назначен митинг в поддержку российского руководства. Все пространство вокруг Белого дома было заполнено десятками тысяч людей. Над толпой, насчитывавшей до 200 тыс. человек, реяли российские национальные флаги, флаги Украины, Литвы, Грузии. Митинг длился около 5 часов. Вместе с Ельциным с балкона Белого дома выступали Председатель Совета Министров России И. Силаев, исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатов, вице-президент А. Руцкой, мэр Москвы Г. Попов, «отец перестройки» А. Яковлев, бывший министр иностранных дел Э. Шеварднадзе и многие другие. Их речи восторженно воспринимались демонстрантами.

Десятки и сотни тысяч людей стали, по сути, живым щитом Белого дома. Видимо, поэтому операцию по захвату Белого дом военные планировали именно на 3 часа ночи, на то время, когда вокруг здания останется мало его защитников.

20 августа изменилась и ситуация с обороной здания правительства и Верховного Совета России. Усилиями генерал-полковника Кобца, вице-президента А. Руцкого, начальника созданного штаба обороны Белого дома полковника А. Стерлигова разрозненные толпы людей, собравшихся защищать законную власть, превращаются в подобие воинских соединений. В их распоряжении оказались «коктейли Молотова» — бутылки с бензином, прутья арматуры, которыми можно было остановить гусеничную технику. Возникли импровизированные лазареты, дежурили врачи-добровольцы.

1 *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 329.

Изменилась — и радикально — ситуация внутри Белого дома. По-прежнему там находились многочисленные журналисты. В охране здания участвовали профессиональные военные, отставные офицеры спецслужб. Появилось оружие, практически отсутствовавшее в первый день. Внутренняя оборона здания обеспечивалась службой безопасности президента под руководством А. Коржакова. На крыше здания построили защитные заграждения из бетонных плит, за которыми скрывались снайперы, готовые открыть огонь в случае появления вертолетов. Во всех многочисленных коридорах стояли наряды хорошо вооруженных людей. Были приняты меры, которые должны были затруднить действия атакующих. Громадное здание Белого дома, при его внешней простоте, для незнакомого с ним человека превращалось в лабиринт, чему способствовали отключенные лифты, сооруженные заграждения. Деловитые, сохранявшие внешнее спокойствие сотрудники службы охраны президента попытались ограничить доступ в здание по его подземным коммуникациям, непосредственно примыкавшим к линиям метро. На этих подступах были установлены мины. Активно велась разведка. Никто из людей, оставшихся в здании, не питал иллюзий по поводу итогов штурма. Было ясно, что если бы штурм состоялся, мало кому из обитателей Белого дома удалось бы остаться в живых.

Вместе с тем политическое руководство России продолжало принимать меры, исключавшие возможность кровопролития и восстанавливающие конституционный строй. В 10 часов утра российская делегация, куда вошли А. Руцкой, И. Силаев и Р. Хасбулатов, передала А. Лукьянову требования в течение 24 часов организовать встречу с Президентом СССР М. Горбачевым; провести независимое обследование его состояния здоровья с участием специалистов Всемирной организации здравоохранения; отменить действие чрезвычайного положения; отвести войска на место их прежней дислокации; объявить о роспуске незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению. Лукьянов попытался отмежеваться от ГКЧП, говорил о необходимости дополнительно изучить ситуацию, настаивал, чтобы Ельцин отказался от призыва к всеобщей забастовке. По существу требований Лукьянов ответа не дал.

По мере появления сведений о готовящемся штурме президентом Ельциным был издан указ об управлении Вооруженными Силами СССР на территории России. В этом указе Ельцин объявил, что впредь до восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов и институтов государственной власти и Управления Союза ССР он принял на себя командование Вооруженными Силами на территории РСФСР, начиная с 17 часов 20 августа 1991 г. Ельцин отменил все приказы Язова и Крючкова, принятые ими начиная с 18 августа, и приказал командующему Войсками московского военного округа вернуть войска на места их прежней дислокации.

В то же время российским руководством принимались меры по созданию запасного места управления Россией. Давний соратник Ельцина, вице-премьер Правительства России О. Лобов с рядом сотрудников тайно выехал в район Свердловска, где находился командный пункт, приспособленный для условий военного времени. Министр иностранных дел А. Козырев вылетел в

Западную Европу, получив полномочия представлять за границей Президента России. Министр внутренних дел РСФСР В. Баранников потребовал от начальников высших и средних учебных заведений МВД выслать курсантов для обороны законной власти республики[1].

Конфронтация нарастала. Становилось ясно, что штурм Белого дома, при любом его исходе, станет прологом гражданской войны в стране.

Планы ГКЧП начинали разваливаться. Первым ударом по планам ГКЧП был категорический отказ офицеров «Альфы» (в этой части служили только офицеры) от участия в штурме. Профессионалы «Альфы» потребовали ответа от своего командира Карпухина: есть ли письменный приказ на штурм. Карпухин отвечал, что приказ есть, но устный. Для сотрудников «Альфы» было ясно, что планировалась опасная авантюра. Вопреки давлению своего командира генерала Карпухина офицеры группы «Альфа» категорически отказались выполнять приказ о штурме. Отказались участвовать в штурме и сотрудники группы «Б».

Возникли противоречия и в высшем руководстве ГКЧП. Г. Янаев откровенно опасался последствий штурма здания, вокруг которого стояли тысячи человек. На заседании ГКЧП 20 августа в 20 часов он заявил, что слухи о планируемом штурме Белого дома не имеют под собой основания.

Военным комендантом Москвы генералом Калининым был введен комендантский час в городе начиная с 23 часов. Это должно было лишить Белый дом кольца его защитников, воспрепятствовать подходу к зданию. Среди защитников здания распространились слухи о неизбежном штурме. В 20 часов началась стрельба в районе Белорусского вокзала, очереди трассирующих пуль прошили небо над гостиницей «Украина», стоявшей напротив Белого дома, на другом берегу реки Москвы. Нарастало беспокойство. Из разных источников в Белый дом поступали сведения о том, что штурм начнется в 2—3 часа ночи. Возникла прямая угроза для президента Ельцина. Ему было предложено укрыться в здании американского посольства, расположенного в нескольких сотнях метров от Белого дома. Но Ельцин категорически отказался выходить из здания. «С точки зрения безопасности этот вариант, конечно, был стопроцентно правильным. А с точки зрения политики — стопроцентно провальным... Это фактически эмиграция в миниатюре», — писал он позже в своих мемуарах[2].

Около 12 часов ночи Ельцин вместе с мэром Москвы Поповым, вице-мэром Лужковым, несколькими сотрудниками своей администрации и личной охраной спустился в бункер в здании Белого дома. Это помещение было предназначено для нужд гражданской обороны. Сейчас он должен был стать последним рубежом защиты президента. Бункер этот представлял собой несколько помещений: относительно небольших — для высшего руководства, большой комнаты, снабженной деревянными нарами, и относительно большого зала, непосредственно примыкавшего к лестнице. В зале расположилась охрана, в соседней комнате Ю. Лужков обзванивал по телефону директоров заводов стройматериалов, автокомбинатов, требовал от них, чтобы они высылали к Белому дому стеновые панели, строительные конструкции, устанав-

1 *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 331.

2 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 136.

ливали на потенциально опасных направлениях тяжело груженные грузовики, которые должны были воспрепятствовать танкам и бронетранспортерам приблизиться к зданию[1].

В кабинете Ельцина были другие звонки. Драматические события вытолкнули Россию на мировую арену. Президент разговаривал с главами государств мира, о чем время от времени становилось известно от сотрудников его аппарата. Позже, 21 августа, Ельцину позвонил Президент США Дж. Буш: «Мой друг, — сказал Буш, — ваши ставки здесь выросли до небес. Вы проявили уважение к закону и отстояли демократические принципы. Мои поздравления. Это вы были на передовой, стояли на баррикадах — мы лишь поддержали вас. Вы вернули Горбачева невредимым. Вы восстановили его на посту. Вы завоевали множество друзей во всем мире. Мы поддерживаем вас, восхищаемся вашим мужеством и тем, что вы совершили»[2].

После введения комендантского часа напряженность противостояния достигла высшего уровня. Белый дом, по существу, оставался блокированным. Любое продвижение техники могло означать начало штурма.

Взвод боевых машин пехоты, осуществлявший патрулирование, приблизился к пересечению Калининского проспекта и Садового кольца. На пути БМП оказались баррикады. Тогда эти машины повернули в тоннель под Садовым кольцом. На выходе из тоннеля БМП вновь столкнулись с баррикадой. БМП попытались прорваться, но против бронированных машин бросились люди, пытавшиеся остановить их, проникнуть внутрь. В машины полетели камни, куски арматуры. Из машины началась стрельба. Погибли три человека. Ответственность за смерть этих людей легла на ГКЧП, который ввел в город войска. Непосредственная ответственность за это событие была возложена на маршала Д. Язова. И он отдал команду «Стой», отменив запланированную операцию. Штурм не начался. К утру 21 августа стало ясно, что начался отвод воинских частей от Белого дома.

В 6 часов утра 21 августа состоялось заседание коллегии Министерства обороны, на котором большинство генералов высказались за необходимость вывода войск из Москвы, перевода Вооруженных Сил из повышенной боеготовности в постоянную. Военная активность ГКЧП захлебнулась. Армия фактически отказалась повиноваться «советскому руководству».

В стенах Белого Дома развернулось главное событие, собрался Верховный Совет Российской Федерации. В 10 часов утра открылось внеочередное заседание Верховного Совета Российской Федерации. Депутаты, собравшиеся со всей страны, пробирались в здание, преодолевая завалы и баррикады, доходя через непрекращавшийся митинг в поддержку Ельцина. Российских депутатов толпа встречала восторженно.

Верховный Совет России поддержал все указы, принятые президентом Ельциным, и придал силу закона тем из них, которые требовали одобрения законодательной власти. Начало же телевизионной трансляции заседания российского Верховного Совета означало полный провал ГКЧП.

1 *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 334.

2 Цит по: Союз можно было сохранить. М., 2007. С. 304.

Лидеры ГКЧП побежали, направившись в правительственный аэропорт Внуково, а оттуда — в Форос, к Горбачеву. Около 16 часов туда прибыли лидеры ГКЧП. Около 20 часов вечера в Форос прибыли и представители российских властей. Освобождать, как выяснилось, было уже некого: Горбачев уже действительно «контролировал ситуацию». Горбачев, как гостеприимный хозяин, предложил российской делегации переночевать на даче в Форосе, а уж утром всем лететь в Москву. Но Руцкой торопился выполнить поручение — срочно эвакуировать Президента СССР и его семью, арестовать лидеров ГКЧП, которые находились там же, на даче.

Горбачев выразил желание лететь в Москву в одном самолете с Лукьяновым, Крючковым, Язовым и иже с ними. Российская делегация твердо настояла — Горбачев должен лететь в Москву вместе с ней. Ровно в полночь самолет с семьей Горбачева и российскими посланцами вылетел в Москву. В той же машине находился председатель КГБ Крючков, что, по мнению Руцкого, должно было служить гарантией, что КГБ не уничтожит самолет в воздухе. Во втором самолете летели другие участники ГКЧП с конвоем.

В два часа ночи Горбачев прилетел в Москву. Тут же, в аэропорту, российская прокуратура арестовала пассажиров второго самолета.

После путча. Запрет КПСС

23 августа Горбачев прибыл на заседание Верховного Совета Российской Федерации. Заседание было очень важным. Ельцин и Верховный Совет России были триумфаторами. Горбачев фактически оказался в положении ответчика. Он выступил с объяснениями о том, как развивались события 18—21 августа. Поблагодарил руководство РСФСР за поддержку. Обстановка на сессии была крайне нервная, порою истеричная. Депутаты не были удовлетворены объяснениями, забрасывали Горбачева вопросами, выдвигали обвинения, в зале стоял шум, крик...[1]

Президент России зачитал Президенту СССР выписку из стенограммы союзного Кабинета министров, большинство членов которого поддержали гэкачепистов и изменили союзному президенту. Из зала звучали требования — запретить КПСС, ставшую, по существу, идеологом переворота.

Руководство КПСС оказалось глубоко вовлеченным в подготовку заговора. Позднее высшее руководство партии пыталось всячески дистанцироваться от действий гэкачепистов, однако ни у кого не было сомнений, кто истинный вдохновитель переворота. Это обстоятельство, в сущности, предопределило последующие шаги Б.Н. Ельцина — на заседании Верховного Совета России 23 августа 1991 г. Ельцин потребовал от М. Горбачева осудить КПСС. Тот, застигнутый врасплох, вяло сопротивлялся. И тогда Ельцин на глазах у всех демонстративно подписал Указ о приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР. На следующий день М. Горбачев сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС.

Нужно сказать, что и у Ельцина, и у его ближайшего окружения не было полной уверенности, что реализация Указа пройдет без осложнений. Трудно

1 *Воротников В.И.* А было это так... М., 1995. С. 442.

было предположить, что партия без боя сдаст свои позиции. Поэтому пришлось принять ряд упреждающих мер, которые одновременно были и психологической подготовкой к ликвидации КПСС[1].

На протяжении десятилетий символом власти и могущества являлось здание ЦК на Старой площади, неподалеку от Кремля. Здесь находились кабинеты генеральных секретарей, здесь проходили заседания Политбюро, принимались все основные решения. В сущности, это был главный узел управления страной, важнейший центр связи. В огромных, тщательно охраняемых подземных помещениях размещалась система управления обороной. Здесь имелась система секретных подземных транспортных коммуникаций с Кремлем. Ельцин понимал, что необходимо установить контроль над штаб-квартирой. Формальное разрешение занять комплекс дал Г. Бурбулис, в то время Государственный секретарь РСФСР. Самой операцией руководил префект Центрального округа А.Н. Музыкантский. Сложность состояла в том, чтобы убедить охрану не оказывать сопротивления. Но этого не понадобилось — та сама покинула объекты, пользуясь подземными коммуникациями. Эвакуация многочисленного персонала прошла без осложнений. Но партийных боссов во избежание самосуда пришлось вывозить через секретную линию метро[2].

Все это совпало по времени со встречей депутатов Верховного Совета России с М. Горбачевым. Рядом с Б. Ельциным находился телефон связи со Старой площадью. Он с нетерпением ждал звонка. Наконец из приемной М. Горбачева доложили — операция завершена, здание под контролем московской милиции. Получив это сообщение, Ельцин подписал тот самый Указ — о приостановлении деятельности компартии РСФСР[3].

6 ноября, накануне годовщины Октябрьской революции, Указом российского Президента распускались все организационные структуры КПСС на территории России, а ее имущество переходило в собственность государства.

Беловежское соглашение

Сразу же после подавления путча стали появляться проблемы, которых не ожидали. Совместная борьба депутатов «демократической ориентации» всех республик СССР против засилья ЦК КПСС и союзных ведомств, казалось, должна была обеспечить гарантии взаимопонимания и сотрудничества между Россией и воссозданными государствами Прибалтики. Но этого не произошло. Проблемы стали быстро нарастать. Вдруг возникли осложнения вокруг границ, разделявших союзные республики. Возникли споры о праве на союзную собственность, культурное достояние.

Стремительно возникала проблема русских за границами России, людей, которые в одночасье стали «некоренным населением», «носителями имперского сознания», «оккупантами», людьми, которым следовало доказывать свое право жить там, где они уже прожили не один десяток лет.

Тем важнее становилась проблема создания нормальных отношений между республиками Союза. Средством для достижения этой цели стала деятельность Государственного совета СССР, работавшего под председательством Президента СССР при участии руководителей союзных республик. Первое заседание этого органа состоялось 11 октября 1991 г.

1 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 157.
2 *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 491—492.
3 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 157.

Выступая на этом заседании, Горбачев настаивал на возобновлении подготовки Договора о Союзе Суверенных Государств, заключении экономического соглашения, сохранении единых Вооруженных Сил. Подготовка экономического соглашения была возложена на Г. Явлинского, оказавшегося сейчас «в команде Горбачева». Предложения Горбачева вызвали у участников встречи неоднозначную реакцию. Ельцин, согласившись в принципе с предложениями Явлинского, заявил, что Россия отказывается финансировать те союзные органы, которые не будут предусмотрены Договором[1].

Сложнее была позиция Кравчука. Объявленный референдум на Украине и избирательная кампания на пост первого президента Украины вынуждала его дистанцироваться от союзного руководства. Поэтому Кравчук предупредил, что он не может принимать участие в подготовке Союзного договора впредь до проведения референдума. Важным итогом первого заседания Государственного совета СССР была договоренность подписать в Москве 18 октября экономическое соглашение. По точному замечанию пресс-секретаря Президента СССР А. Грачева, это соглашение стало последним успехом политического курса, который проводился в СССР с 1985 г.[2]

28 октября Ельцин выступил на V съезде народных депутатов России со своим программным заявлением. Доклад в основном был посвящен проблемам экономической политики и был позитивно воспринят большинством депутатов. Более того, депутаты поддержали основные идеи Президента по осуществлению политики реформ и наделили его дополнительными полномочиями[3].

4 ноября состоялось второе заседание Государственного совета. Ельцин на заседание опоздал. Горбачев начал заседание с критики выступления российского президента, сделанного 28 октября. Именно тогда было заявлено, что Россия начнет осуществление экономических реформ самостоятельно. Сразу же после этого вышла серия указов Президента России, направленных на непосредственную подготовку к проведению реформы. Горбачев говорил: «Мы не можем допустить, чтобы разрушался рынок... несогласованно вводились цены и так далее. Я должен прямо сказать: окукливание никого не спасет»[4]. Но слова Горбачева заставили вспомнить и о провале программы «500 дней», и о том, что Горбачев несколько лет грозился осуществить реформы экономики, да так и не смог решиться на эту заведомо непопулярную меру.

Появившись на заседании, Ельцин отказался выносить российскую программу на обсуждение республиканских лидеров. Он критиковал союзный центр за то, что тот пытается не замечать тех изменений, которые происходят в республиках в последние месяцы, и предупредил, что Россия пойдет на резкое сокращение финансирования союзных ведомств, так, объемы финансирова-

1 *Грачев А.С.* Дальше без меня...: Уход президента. М., 1994. С. 48—51.
2 Там же. С. 64.
3 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 177.
4 *Грачев А.С.* Дальше без меня...: Уход президента. М., 1994. С. 120.

ния союзного Министерства иностранных дел будут уменьшены в 10 раз. Вместе с тем Ельцин настаивал, чтобы сохранилось единое управление Вооруженными Силами разваливавшегося СССР. Он заявил, что Россия не станет ни первой, ни второй, ни третьей, ни четвертой среди республик СССР, вступившей на путь создания собственной армии.

Россия все явственнее претендовала на роль правопреемника СССР. Еще 2 октября государственный секретарь РСФСР Г. Бурбулис заявил на встрече с российскими парламентариями, что Россия — единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур[1]. Это положение было сформулировано позже в так называемом «Меморандуме Г. Бурбулиса». Наступление на союзную собственность, находившуюся на территории РСФСР, ничем не отличалось от такого же процесса на Украине и в других союзных республиках. Другое дело, что союзный центр был в России, и борьба за «союзную собственность» отнюдь не сводилась к декларациям Горбачева: если Россия — правопреемник СССР, «что же тогда другие члены Союза, чьи они дети? Сироты?»[2]. Дело было в другом: Россия лишала союзные органы объектов управления, а следовательно — и смысла их существования.

14 ноября на заседании Государственного совета состоялось бурное обсуждение проекта Союзного договора. Развернулся спор вокруг вопроса: союзное конфедеративное государство или конфедерация союзных государств. Горбачев настаивал на союзном государстве, а когда не встретил поддержки, то пригрозил уходом. Его оппоненты — Ельцин, Шушкевич — предлагали другой вариант — конфедерацию государств, которая могла бы иметь единые вооруженные силы. Ельцин дополнял Шушкевича: не только вооруженные силы, но и общий транспорт, исследования космоса, единая политика в области экологии[3]. Ельцин выразил обеспокоенность: «Надо сделать так, чтобы Украина не ушла». Шушкевич выразил надежду, что «в конфедерацию они пойдут»[4].

Конфедерация воспринималась как последний шанс сохранить единое политическое пространство на месте стремительно разваливавшегося Советского Союза. Но Горбачева беспокоило другое — мысль о необходимости единого государства, единой, союзной системы управления. Он не осознавал реальности: он повременно позволял себе говорить в адрес Ельцина: «Удивлен я Борис Николаевич, как ты меня подвел»[5], обращаться к нему, как к школьнику, и тут же уговаривать Ельцина продлить жизнь, продолжить финансирование нескольких союзных министерств, в том числе Министерства финансов и Министерства экономики.

Неспособность Горбачева увидеть перспективу, «работать на опережение» в конце концов становилась политическим фактором, ускорявшим процессы дезинтеграции.

Горбачев недооценил и не понял роль Украины в судьбе Союза. Хорошо знавший Горбачева А.С. Черняев отмечал слишком личное отношение президента СССР к этой республике, стремление ухватиться за любую убаюкивающую информацию[1]. Он до конца не осознавал грядущих последствий референдума 1 декабря 1991 г. Между тем стремление Горбачева до конца драться за союзное государство, неприятие идеи конфедерации государств лишало его союзников в Государственном совете СССР.

1 *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994. С. 135.
2 *Грачев А.С.* Дальше без меня... С. 105.
3 *Грачев А.С.*. Дальше без меня... С. 145.
4 Союз можно было сохранить. С. 246.
5 *Грачев А.С.* Дальше без меня... С. 147.

25 ноября состоялось очередное заседание Госсовета. Горбачев предложил парафировать проект Союзного договора. Это предложение было отклонено Ельциным, заявившим, что в российской позиции появились «новые моменты», которые не позволяют ему парафировать договор в прежнем виде[2], так как речь идет о парафировании союзного государства, а не конфедерации государств[3]. Парафировать документ накануне референдума на Украине можно было лишь в том случае, если заранее распрощаться с участием Украины в будущем сообществе. Но без Украины это сообщество во многом теряло свой смысл. 1 декабря референдум на Украине состоялся. За независимость Украины проголосовали 90,32% населения. Идею независимости поддержало все население Украины, в том числе и жители Крыма, востока и юга Украины, где находится многочисленное русское население. Президентом Украины был избран Л. Кравчук.

Выборы президента состоялись в этот день и в Казахстане. Назарбаев получил 98,8% голосов и стал избранным Президентом Казахстана.

В «клубе президентов» в СССР только один не прошел процедуры всенародных выборов. Им был основатель клуба М.С. Горбачев. Право быть президентом он получил от съезда народных депутатов СССР, того политического института, который перестал существовать при его же участии.

2 декабря Россия признала итоги украинского референдума.

5 декабря президент Кравчук объявил, что Украина выходит из Союзного договора 1922 г., того самого, которым был образован Союз Советских Социалистических республик. Украина была тогда, в 1922 г., одним из создателей СССР. Сейчас Украина денонсировала этот договор.

В новых и существенно более сложных условиях политическое руководство России, Белоруссии и Украины сделало решительный шаг навстречу друг другу. Президенты России, Украины и Председатель Верховного Совета Белоруссии Шушкевич собрались в Белоруссии, в старинном заповеднике и охотничьем хозяйстве в Беловежской Пуще, знаменитой тем, что там сохранялась единственная в Европе популяция зубров. Три «беловежских зубра», как их немедленно окрестила пресса, 7 и 8 декабря подготовили соглашение, которым создавалось Содружество Независимых государств и заявлялось о прекращении существования СССР.

Позиция Горбачева, категорически не принимавшего идею конфедерации, была учтена. Его просто исключили из процесса подготовки нового соглашения. Встреча российской, украинской и белорусской делегаций состоялась в Минске.

«У нас, россиян, — говорил Ельцин на встрече с депутатской группой "Смена — новая политика" 14 декабря 1991 г. по горячим следам заключенно-

1 *Черняев А.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 494.
2 *Грачев А.С.* Дальше без меня... С. 160.
3 Союз можно было сохранить... М., 1995. С. 258.

го Беловежского соглашения, — была, как говорят оборонщики, официальная легенда: обмен ратификационными грамотами с Беларусью. ...Это у нас был первый, так сказать, официальный повод. На самом деле мы это провели. И второе официальное — это экономическое соглашение на 1992 год. И мы тоже подписали эти Документы в Минске. То есть мы туда ехали совершенно официально по этому вопросу. Одновременно, конечно, мы договорились выяснить с Украиной, если Украина еще не успела уйти настолько далеко, чтобы ее в последний момент как-то все-таки удержать хоть в каком-то сообществе, содружестве»[1].

Ельцин сообщил парламентариям, что у него были предварительные консультации и с Назарбаевым. «С Назарбаевым я говорил до поездки в Минск, — сообщил президент России. — Он воспринял это нормально, но, учитывая, что они в этом году заключили Договор "пяти", то есть Казахстан и четыре среднеазиатских республики, он говорит, что мне надо посоветоваться с ними и после этого примем решение, как быть. Я еще второй раз позвонил ему в воскресенье уже из Минска и ему прочитал весь текст этого Соглашения, то есть после его согласования. ...Нашел его, когда он прилетел в Москву, в Домодедово... Он сказал, что принципиально согласен»[2].

Назарбаев не прибыл в Минск, возможно, потому, что приглашение на встречу поступило ему поздно, уже на пути в Алма-Ату. Не исключено, что это было сделано организаторами встречи сознательно.

И все-таки позиция Горбачева была рассмотрена на этой встрече. Президент Украины Кравчук 11 декабря 1991 г. рассказывал журналистам: «Ельцин привез с собой горбачевский текст о создании Союза. Горбачев делал нам следующее предложение: Украина вправе внести любое изменение, пересмотреть целые параграфы, даже составить новую редакцию при единственном условии — она должна обязательно подписать договор. Ельцин положил текст на стол и передал вопрос Горбачева: "Подпишете ли вы этот документ, будь то с изменениями или без них?" Сам он сказал, что подпишет только после меня. Таким образом, судьба договора целиком зависела от Украины. Я ответил: "Нет". Сразу встал вопрос о подготовке нового документа. Специалисты работали всю ночь».

Кравчук добавил: «Оказывается, все можно решать оперативно, если на дороге нет "бревна", которое называется центром»[3].

8 декабря 1991 г. Президенты России и Украины и Председатель Верховного Совета Белоруссии приняли заявление об образовании Содружества Независимых Государств.

Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

1 Цит по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 367.

2 Цит по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 367.

3 Рабочая газета. Киев. 1991. 11 декабря. Цит. по: Цит по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 367.

Уже 10 декабря Беловежское соглашение было ратифицировано парламентами Украины и Белоруссии.

12 декабря Верховный Совет России абсолютным большинством («за» — 188, «против» — 6, «воздержались» — 7 человек), под аплодисменты, ратифицировал это соглашение.

14 декабря 1991 г. состоялась встреча Б.Н. Ельцина с координаторами парламентской фракции «Смена — новая политика». Ельцин сообщил им, что 21 декабря в Алма-Ате должно состояться подписание Соглашения о присоединении к СНГ ряда государств — бывших республик СССР. Он подчеркнул: «Мы в этом отношении очень аккуратно соблюдаем вопросы в отношении равенства. То есть нет старших братьев, младших братьев, чтобы ни в коем случае Россия не претендовала на какое-то лидерство, мы все равны»[1].

Он проинформировал депутатов, что готовы подписать это соглашение 10 государств, образовавшихся на территории бывшего Союза. Он отметил, что к СНГ намерены присоединиться Армения и Молдавия, отказавшиеся от сотрудничества в рамках Государственного совета СССР.

Ельцин сообщил, что Россия настаивает на сохранении единого Министерства обороны до тех пор, пока «мы не подпишем Договор об Оборонном союзе, Совете обороны и Главном командовании вооруженными стратегическими войсками». И в дальнейшем Россия была намерена сохранять единое управление стратегическими силами. «Мы договорились так: стратегические вооруженные силы — это единое командование. Это авиация, морской флот, ракетное, ядерное оружие и тактическое ядерное оружие, разведка. Вот эти пять элементов, которые входят в стратегические вооруженные силы как единый организм. Вот это будет единое и с единого центра будет управляться».

Но выяснились и разногласия. Украина решила подчинить себе сухопутные силы и претендует на часть Черноморского флота. «Наша с вами точка зрения, — сказал президент, обращаясь к депутатам, — пока армию не брать, но одновременно быть начеку в любой момент».

Президенту возразили, сослались на то, что армия оказывается бесхозной. Он пытался обосновать, что для России важнее наличие единого управления стратегическими силами. Он был убежденным сторонником заключения специальных соглашений, которые бы, с одной стороны, гарантировали безопасность России, а с другой — позволили избежать излишних трат на сохранение всего громадного военного комплекса СССР. «Что касается Прибалтики, — сообщил он, — то с ними, с каждым договоренность у нас сейчас есть, ПВО остается, потому что слишком дорогое удовольствие их сейчас перебазировать с севера прибалтийских государств... а там все наши очень тяжелые, самые современные стоят установки ПВО, и их перебазировать на границу с Россией — это многие миллиарды рублей, да и в общем-то много лет»[2].

21 декабря во встрече в Алма-Ате участвовали главы всех республик, входивших в СССР, за исключением трех государств Прибалтики и Грузии (Грузия

1 Цит по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 370.

2 Цит по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 371.

присоединилась позднее). В подписании Декларации приняли участие главы 11 государств, поставившие свою подпись в поддержку Беловежского соглашения. «С образованием Содружества Независимых Государств, — заявили они, — Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование».

25 декабря 1991 г. Горбачев подписал указ о сложении с себя полномочий Президента СССР и сделал об этом телевизионное заявление.

25 декабря 1991 г. в 19 часов 38 минут над Кремлем спущен красный флаг СССР и поднят трехцветный флаг России.

Глава 8

Президент в условиях политико-конституционного кризиса

1992 год. Начало воссоздания государственности России

После поражения августовского путча сложно и противоречиво развивалась ситуация в руководстве России. Чем больше прав получало российское руководство, тем выше поднималась планка ответственности. Россия оказалась в отчаянно тяжелом экономическом положении. На заседаниях правительства едва ли не еженедельно заслушивались отчеты о состоянии завоза хлеба, по преимуществу полученного по импорту. Задачи стратегического развития России перемежались с острейшими оперативными проблемами.

Отметим важное обстоятельство — на этом этапе, в условиях глубочайшего экономического кризиса, чреватого социальными потрясениями, резко сократилось число желающих принять на себя ответственность, работая в правительстве. Апостолы рыночных реформ в СССР, громогласно объявлявшие, что они точно знают путь в светлое рыночное будущее, с несвойственной прежде скромностью отошли в сторону. Пропали и представители славного директорского корпуса, претендовавшие на министерские портфели. Тем ответственнее было решение президента Ельцина лично возглавить правительство в период реформ. 28 октября президент Ельцин выступил в Верховном Совете России и объявил, что в России начнется программа глубоких экономических преобразований, предполагающая отпуск цен на большинство видов продукции, приватизацию, ослабление государственного контроля над экономикой. Это была программа «шоковой терапии», та программа, которая, как известно, не приносит лавров ее проводникам. «Популист» Ельцин опять сделал то, что от него не ожидали. Он принял на себя всю полноту ответственности.

Команда Президента

В октябре начала формироваться новая управленческая структура России, оформленная позже указом Президента России от 6 ноября 1991 г.

Костяк президентской команды Б. Ельцин сформировал традиционным способом — взял туда тех, кого хорошо знал по Свердловску, Госстрою, Московскому горкому. Это была небольшая по численности группа людей, которых он знал лично и на которых мог положиться. Наиболее близкими к нему стали недавние свердловчане Г. Бурбулис, Ю. Петров, В. Илюшин, А. Царегородцев и москвичи Л. Суханов, М. Полторанин, А. Коржаков. Потом Ельцин не раз практически полностью менял людей в своем ближайшем окружении. Обычно не объяснял причины увольнения, очень редко встречался с тем, с кем расстался[1].

После президентских выборов 1991 года Г.Э. Бурбулис был назначен на специально учрежденный для него пост Государственного секретаря

[1] Эпоха Ельцина... С. 202.

Российской Федерации и возглавил Государственный совет. Затем он занял должность первого вице-премьера российского Правительства.

В августе 1991 года, незадолго до путча, была создана Администрация Президента РСФСР. Ее руководителем стал Ю.В. Петров, сменивший Б. Ельцина в Свердловском обкоме КПСС, а после работавший послом СССР на Кубе.

Руководителем Секретариата Президента стал В.В. Илюшин, длительное время являвшийся помощником Б. Ельцина в бытность его первым секретарем в Свердловске и Москве. Помощником Президента стал Л. Суханов, с которым он работал еще в Госстрое.

Группу референтов, занимавшуюся наряду с подготовкой выступлений Президента и аналитической работой, составили сотрудники Уральского политехнического института Г. Харин, Л. Пихоя, А. Ильин. Позже, в 1992 г., к ним присоединились историки из Москвы В. Кадацкий и К. Никифоров.

Руководителем президентской Службы безопасности стал А. Коржаков.

Таким образом, около Б. Ельцина оказались люди, которых по взглядам и подходам трудно назвать единомышленниками и соратниками. Г. Бурбулис имел репутацию радикального демократа, сторонника коренной ломки политических, экономических, кадровых структур. Ю. Петров воспринимался как консерватор. В. Илюшин чрезвычайно осторожно проявлял свои взгляды и оставался для многих загадочной фигурой, в результате чего ни демократы, ни консерваторы не считали его полностью своим[1]. В сочетании людей разных взглядов просматривалось желание Ельцина уравновесить в своей команде крайности, подстраховаться от возможных перегибов. Этому принципу он старался следовать и в дальнейшем.

В России стали складываться два аппарата управления. Прежде всего правительство. Главой правительства стал Президент Ельцин. Первым заместителем главы правительства был назначен государственный секретарь Российской Федерации Г.Э. Бурбулис. Заместителями председателя правительства были назначены Е.Т. Гайдар, отвечавший за экономическую политику, и А.Н. Шохин — за социальную политику. Впервые в правительство пришла «команда», группа молодых, прекрасно образованных честолюбивых специалистов, «академическая» подготовка которых была заметно лучше их практического управленческого опыта.

В декабре 1991 г. Ельцин, отвечая на вопросы депутатов Верховного Совета — почему в правительство вошли люди, не имеющие опыта? — сказал: «Конечно, выбор был такой — или ориентироваться опять на перетасовку всех старых тех же кадров, которые с одной обоймой переходят в другую обойму. Этот опыт Политбюро настолько богатый, что нам все ясно было. ...Тут надо было чем-то жертвовать — или молодостью, или опытом. Такого идейного сочетания, конечно, не получается»[2].

Для проведения реформ на первый, самый трудный период Президент запросил и получил от съезда полномочия для издания в течение года указов по вопросам банковской, биржевой, валютно-финансовой, инвестиционной и ряда других сфер деятельности. Если указ противоречил действовавшему тогда законодательству, Верховный Совет мог отменить его в течение 7 дней. Если этого не происходило, то указ вступал в законную силу. Для ведения реформ была радикально изменена структура управления на местах и самого правительства. Президент получил право назначать глав местных администраций. Число министерств было сокращено. Старые отраслевые схемы управления были сознательно проигнорированы. Возникли принципиально новые органы управления — Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом[1]. Появились объединенные министерства — промышленности, экономики и финансов, транспорта, торговли и материальных ресурсов.

1 Эпоха Ельцина... С. 202.
2 Цит по: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти... С. 700.

Предстоявшая реформа основывалась на применении методов макроэкономической стабилизации. Важнейшей ее частью на первом этапе реформы была задача приведения в соответствие спроса и предложения. Средствами для решения этой задачи должны были стать:

— переход на применение свободных (рыночных) цен и тарифов, складывающихся под влиянием спроса и предложения;

— отмена ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление;

— разрешение всем предприятиям, независимо от форм собственности, осуществлять внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации.

Планировалась также приватизация государственной собственности, существовала надежда на привлечение в российскую приватизацию иностранных инвесторов.

Существенным элементом начинавшихся реформ было то обстоятельство, что президент Ельцин как глава правительства располагал поддержкой большинства депутатов Верховного Совета, имел достаточно высокий уровень поддержки и у граждан страны.

Возникали и специфические структуры управления в аппарате Президента России. Появился институт государственных советников РСФСР. Формально они не имели права вмешиваться в деятельность органов исполнительной власти, издавать решения и приказы, обязательные для выполнения органами власти. Однако они имели право участвовать в заседаниях правительства, обращаться с предложениями к президенту[2]. В числе советников оказались К. Кобец, Н. Малышев, Ю. Скоков, С. Станкевич, А. Гранберг, С. Шахрай, А. Яблоков. Государственные советники в своей повседневной деятельности были связаны с государственным секретарем РСФСР, первым заместителем председателя правительства Г. Бурбулисом, хотя, это положение не было закреплено нормативными актами.

Таким образом, Г. Бурбулис стал политической фигурой, объединявшей ряд функций и правительства, и администрации президента.

Возникает вопрос: а какие же обязанности были у человека, формально считавшегося «вторым лицом» в государстве, — у вице-президента А. Руцкого?

1 Сборник указов и распоряжений президента Российской Федерации. Октябрь—декабрь 1991 г. С. 63—67.
2 Там же. С. 244.

Очевидно, что с подачи его соперника Г. Бурбулиса они были невелики. В указе «Об организации работы правительства в условиях экономической реформы», изданном 6 ноября 1991 г., вице-президенту посвящено несколько строк: он имел право участвовать в работе коллегии правительства, а также «вице-президент РСФСР осуществляет взаимодействие Правительства РСФСР со структурами управления при Президенте РСФСР, выполняет по поручению Президента РСФСР иные организационные и контрольные функции в рамках представленных Президентом РСФСР полномочий»[1].

Рядом с вице-президентом права первого заместителя председателя правительства, госсекретаря РСФСР были просто несопоставимы. Г. Бурбулис получил право назначать заместителей министров, организовывать работу заместителей председателя правительства, издавать обязательные для исполнения распоряжения и т. д.

Руцкого постепенно и последовательно вытесняли на периферию политической жизни. Понятно, что такое положение его не устраивало. В конце ноября — начале декабря 1991 г. Руцкой совершил поездку в Западную Сибирь. В Новосибирске и Барнауле он обрушился с резкой критикой на концепцию предстоявших экономических реформ и на своих соперников в российском руководстве. Он упрекал президента, что в правительстве «избыток ученых, недостаток специалистов-практиков», что он не доверяет «мальчикам в розовых штанишках», «не хочет быть китайским болванчиком президента»[2]. Руцкой не учел, что все его выражения попадут в прессу. Разразился скандал.

Третий центр политических интересов складывался в Верховном Совете. Р. Хасбулатов относительно поздно вступил на путь самостоятельной политической деятельности. Он с большим трудом шел к, казалось, близкому посту Председателя Верховного Совета. Процесс выборов заместителя Председателя Верховного Совета на председательский пост растянулся с июля до конца октября 1991 г. Только 28 октября при поддержке фракций «Коммунисты за демократию», «Демократическая Россия», «Рабочий союз» и «Беспартийные» он был избран на этот пост. Некоторое время он находился в тени своего предшественника — Б.Н. Ельцина. Верховный Совет дружно поддерживал все радикальные предложения, наделил президента дополнительными полномочиями для проведения экономических реформ, законодательно утвердил восстановление исторического трехцветного флага в качестве государственного. Трудно было вообразить, что Верховный Совет может стать оппонентом президентской власти. Но это будет позже, в 1992—1993 гг.

Шел трудный, кропотливый, со многими ошибками, но и находками «инкубационный» период радикальных экономических реформ, которые начались с первых дней нового, 1992 г.

Менялась власть. 25 декабря Верховный Совет изменил название страны — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — РСФСР стала называться Российской Федерацией — Россией. Из названия страны ушли

[1] Сборник указов и распоряжений Президента Российской Федерации. Октябрь—декабрь 1991 г. С. 24, 26.

[2] *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 360

два ее определения — социалистическая и советская. Если с первым — социалистическая — было все более или менее ясно, то утрата второго определения — советская — заставляла задуматься. Депутаты сгоряча выбросили из названия государства определение формы политической власти — советской!

Изменились адреса высших органов власти. С 13 января 1992 г. администрацию президента перевели в Кремль, там же обосновался и президент Ельцин. Правительство перевели в комплекс зданий бывшего ЦК КПСС на Старой площади. Белый дом — здание бывшего Совмина и Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной — стал местом органа законодательной власти — съезда и Верховного Совета.

Смена адресов принимала символический смысл. То, что Президент России обосновался в Кремле, воспринималось как восстановление исторической традиции. Однако среди ряда ярых сторонников Б.Н. Ельцина уход из Белого дома, освященного событиями августа 1991 г., символа нарождавшейся российской демократии, стал не слишком приятной новостью, знаком усиления роли традиционной отечественной бюрократии.

Вся страна с тревогой и надеждой дожидалась «отпуска цен» с начала января 1992 г.

Б.Н. Ельцин стал не только Президентом России. Он фактически оказался лидером страны, за которым стояла массовая поддержка граждан. Ему удалось невероятное: сокрушить всевластие КПСС, устоять в жестоком конфликте с КГБ и Министерством обороны в августе 1991 г.

Ему поверили. Он дал надежду. Впереди было самое трудное. Реформы. Они с неизбежностью должны были принести трудности, недовольство людей.

Это должно было обрушить его популярность. Ельцин знал и понимал цену будущих решений. Поэтому он принял опасное для себя, но необходимое для страны решение — лично возглавить Правительство, принять на себя всю тяжесть ответственности. Ельцин перестал быть популистом.

2 января 1992 г. в стране были введены свободные цены. В условиях стремительно нараставшей инфляции зарплата выросла в номинальном исчислении с января 1992 по декабрь 1992 г. в 11, 5 раза. Однако реальная заработная плата за 1992 г. сократилась по отношению к концу 1991 г. более чем в два раза и составила около 40% по отношению к декабрьской зарплате 1991 г.[1]

Нужна ли новая конституция?

В октябре 1991 г. на V Съезде народных депутатов России Ельцин заявил о необходимости начать радикальную экономическую реформу. Для этого он запросил у Съезда право издавать указы, которые становились законами, если Верховный Совет в течение недели не оспаривал их. Съезд предоставил эти полномочия президенту на год — до декабря 1992 г. На год исполнительная власть вторгалась (впрочем, с согласия съезда народных депутатов) в компетенцию власти законодательной.

Резкая критика деятельности правительства, готовившего и начавшего реформы, стала раздаваться уже в конце 1991 г. Однако в начале 1992 г. Предсе-

[1] Цены в России: Статистический сборник. М., 1996. С. 124.

датель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов, не упускавший случая «поправить» правительство, решительно отмежевывался от критики самого Президента. «Если у меня появится соблазн критиковать Президента, я лучше уйду из парламента», — заявлял он в начале 1992 г.[1] Тогда же, в начале 1992 г., Хасбулатов призывал принять новую Конституцию.

Существующий в тот момент текст Конституции, нередко являлся правовой основой существующих политических конфликтов. В период с 1989 по 1992 гг. внесение поправок в Конституцию страны было несложным, будничным делом, потому что изменения Конституции могли происходить по решению съезда народных депутатов. В 1989 г. в Конституцию РСФСР было внесено сразу 25 поправок. С мая 1990 г. по декабрь 1992 г. съезд народных депутатов РСФСР принял 8 законов об изменениях и дополнениях Основного Закона, внеся более 300 поправок[2].

27 октября 1989 г. одиннадцатая сессия Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва приняла закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР», в соответствии с которым единую систему представительных органов государственной власти РСФСР составляют Советы народных депутатов — Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР, Съезды народных депутатов и Верховные Советы автономных республик, местные Советы народных депутатов[3].

Задача подготовки новой Российской Конституции была поставлена I Съездом народных депутатов РСФСР в 1990 г. К этому времени стало ясно, что без кардинального обновления старой Конституции РСФСР 1978 г., без ее замены не обойтись. Для подготовки новой Конституции России постановлением I Съезда народных депутатов РСФСР от 16 июля 1990 г. была образована Конституционная комиссия. Председателем Конституционной комиссии был избран Б. Ельцин, в то время он был Председателем Верховного Совета РСФСР. В составе комиссии была создана Рабочая группа под руководством Р. Хасбулатова[4] — заместителя Председателя Верховного Совета, которая летом 1990 г. приступила к написанию проекта новой Конституции России.

В ноябре 1991 г. проект новой Конституции в уточненной редакции по решению Конституционной комиссии и Совета Республики Верховного Совета РФ был представлен Президентом РФ Б. Ельциным V Съезду народных депутатов РФ и принят к сведению Съездом[5].

6 апреля 1992 г. открылся VI Съезд народных депутатов РСФСР. Еще накануне открытия Съезда, в интервью «Российской газете» 19 марта 1992 г., заместитель Председателя Верховного Совета С. Филатов сказал, что «самый главный вопрос компетенции VI Съезда — принятие Конституции», а все остальное может решать Верховный Совет.

1 Ельцин—Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 120.
2 См.: *Пихоя Р.Г.* Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментарий историка// Отечественная история. 2002. № 4. С. 64.
3 Г АРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Л. 1.
4 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 170. Л. 9.
5 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 323. Л. 4.

VI Съезд народных депутатов

Но на VI Съезде народных депутатов, в апреле 1992 г., главной темой стала не Конституция, а отношение к правительству. Хотя программа радикальных реформ была изложена Б. Ельциным, всем было известно, что ее авторами являются ведущие министры российского правительства: Е. Гайдар, А. Шохин, А. Чубайс и другие. Шел четвертый месяц радикальной реформы, цены взлетели резко вверх, поэтому критика Гайдара стала политически выгодной. Депутаты страстно обвиняли «монетаристов», разоривших, продавших и погубивших Россию...

Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов открыто говорил о том, что Верховный Совет «в некотором смысле возглавил течение, оппозиционное осуществлению экономических реформ». Особенностью политической борьбы на этом этапе было то, что основным объектом критики было правительство и его вице-премьеры — Е.Т. Гайдар, Г.Э. Бурбулис, М.Н. Полторанин. В числе решительных критиков правительства был вице-президент А.В. Руцкой. Однако и он, и Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов «выводили из-под критики» самого президента. В свою очередь, Б.Н. Ельцин решительно встал на Съезде в защиту «правительства реформ».

Для сохранения курса правительства решающее значение имела поддержка его Б. Ельциным. В своем выступлении на Съезде 7 апреля (Б. Ельцин хотел, чтобы с докладом выступил Е. Гайдар, первый вице-премьер правительства, но Съезд потребовал, чтобы докладывал Ельцин) Президент признал, что не все благополучно, особую тревогу вызывает срыв программы социальной защиты населения и финансирование бюджетных сфер, что в критическом положении оказалась медицина. Тем не менее, Президент был уверен в том, что он и правительство выбрали правильный курс экономических преобразований. «Глубоко убежден, что и на V Съезде народных депутатов, и после него были приняты правильные решения, в том числе и по дополнительным полномочиям, и по главе правительства. <...> За три месяца правительство показало, что может работать, оно способно, не впадая в панику, последовательно проводить избранный курс, держать удары жесткой и не всегда справедливой критики» — говорил Ельцин в своем докладе[1].

На следующий день, после выступления Б. Ельцина на Съезде, газета «Московский комсомолец» писала: «после выступления Б. Ельцина, у депутатов не вызывает особых разногласий будущий курс экономической реформы. По сути, смысл спора гораздо глубже: вопрос стоит о власти. К нему вплотную примыкает и будущий предмет баталий — новая Конституция. Ельцин и блок демократических фракций — за президентскую республику. Президенту нужно оставаться на посту премьера, чтобы избавить правительство от влияния подверженного смене парламента. На их взгляд, выбраться сегодня без сильной исполнительной власти республике невозможно.

Логика законодателей тоже понятна: они считают свое собрание не в меньшей мере ответственным за успех реформы и потому хотят контролировать все и вся»[2].

1 Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчет. М., 1992 Т. 1 С. 120—121.
2 Московский комсомолец. 1992. 9 апреля.

Это столкновение двух противоположных мнений о природе государственной власти в России, о том, какая должна быть новая Конституция страны, происходило на фоне бурных споров в стране о ходе экономических реформ.

Необходимо отметить, что своей поддержкой гайдаровских реформ Б. Ельцин растратил немалую часть своего политического авторитета, ведь непопулярное правительство воспринималось как правительство Ельцина—Гайдара. Ельцин, привыкший к популярности, оказался не только в политически, но и психологически сложной ситуации, и это он почувствовал на VI Съезде народных депутатов России. На этом Съезде Б. Ельцин столкнулся с жестким отторжением своей политики, обвинения сыпались на него с трибуны Съезда как из рога изобилия. Ельцина обвинили даже в том, что он подорвал деторождаемость в стране и Россию ждет демографическая катастрофа.

Уже в самом начале VI Съезда народных депутатов оппозиция решила нанести решительный удар по Гайдару и его курсу. На Съезде был одобрен проект постановления о деятельности правительства, в котором говорилось: «Признать ход экономической реформы неудовлетворительным». Президенту предлагалось в месячный срок представить в Верховный Совет проект закона о правительстве и новую кандидатуру его руководителя. В ответ на это члены правительства во главе с Гайдаром подали заявление о коллективной отставке, обвинив законодательную власть в «безответственном популизме». Такого никто не ожидал, об этом не знал даже Ельцин[1]. И Съезд отступил — проголосовал за «Декларацию о поддержке экономической реформы в Российской Федерации».

Отставка Гайдара и его министров не принята.

В этой ситуации Президент сумел спасти свой политический курс, пойдя на некоторые уступки законодателям. «Итак, пользуясь военной терминологией, — пишет Е. Гайдар, — можно сказать, что в мае—августе 1992 г. правительство под натиском превосходящих сил отступало, ведя арьергардные бои и стараясь, по мере возможностей, удерживать важнейшие направления, а на некоторых участках продолжало наступление»[2]. Позже, в своих мемуарах Б. Ельцин писал, что он не разочаровался в Гайдаре «и я уверен, что его команде поработать еще год — и экономика ушла бы вперед, начались бы нормальные процессы в промышленности, пошли бы те самые западные инвестиции, о которых мечтало любое наше правительство»[3].

Несмотря на разногласия, на VI Съезде народных депутатов Верховный Совет еще не был готов к прямой конфронтации с Президентом, основной удар пришелся на правительство. Президент также продолжал придерживаться поиска путей согласия и компромиссов. В своем выступлении на Съезде 10 апреля 1992г., Б. Ельцин говорил: «Я лично, конечно, не хотел, и не хочу, и не собираюсь вступать в конфронтацию со Съездом, тем более, что и Съезд, и вас как депутатов избирал весь народ и меня избирал весь народ, поэтому нам надо находить такие решения, которые мы вместе согласованно реализовывали, не снимая с себя, безусловно, никакой ответственности за те программные заявления, которые были сказаны перед выборами Президента Российской Федерации»[1].

1 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 288.
2 *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1996. С. 203.
3 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. М., 2000.

Федеративный договор

Важнейшим событием VI Съезда стала ратификация 10 апреля 1992 г. Федеративного договора, подписанного несколькими днями ранее — 31 марта. Федеративный договор, по словам президента Ельцина, должен был «отвести угрозу распада, которая нависла над нашей Родиной»[2]. Он регулировал отношения между центром, республиками и регионами России, закладывал основы российского федерализма. Съезд придал Федеративному договору статус неотъемлемой части Конституции России. Утверждение Федеративного договора — важнейшего документа, обеспечившего сохранение единства России в сложные 1990-е гг., — стало, пожалуй, последней совместной акцией Съезда и Верховного Совета, с одной стороны, и президента — с другой. Этот документ должен был стать, по словам президента, составной частью будущей Конституции России.

В своем выступлении по итогам VI Съезда народных депутатов 21 апреля 1992 года. Б. Ельцин отметил, что главный итог VI Съезда состоит в том, что удалось сохранить стратегический курс на радикальные реформы, но в то же время Съезд не принес удовлетворения, так как ряд крайне важных вопросов не нашли решения[3].

«Не нашли разрешения проблемы, которые осложняют становление российской государственности. Уже в ближайшее время мы можем столкнуться с крайне острыми проблемами в сфере отношений между государственными институтами. Главная причина этого — продолжающийся конституционный кризис, который все более приобретает хронический характер. Действующий Основной Закон бесконечно отстал от жизни. Заметно сократить этот разрыв за счет поправок все же не удалось. Наверное, всем нам уже ясно, что путь обновления Конституции через частичные поправки давно изжил себя»[4].

Президент говорил, что отсутствие четкого и стабильного разграничения полномочий между институтами законодательной и исполнительной власти провоцирует стремление к доминированию и искусственной конкуренции между ними. А это подрывает принцип разделения властей и затрудняет их взаимодействие.

Борьба двух центров власти, Верховного Совета и Президента, носила принципиальный характер: речь шла о столкновении двух концепций политических преобразований, формы организации власти, а также методов проведения реформ.

1 Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчет. Т. 2. М., 1992. С. 17.
2 Цит по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 414.
3 Шестой Съезд народных депутатов. Стенографический отчет. Т. 5. М., 1992. С. 431.
4 Шестой Съезд народных депутатов. Стенографический отчет. Т. 5. М., 1992. С. 431.

Оппозиция

В мае 1992 г. газета «Известия», ссылаясь на «компетентные источники», сообщила, что президент Ельцин принял решение о проведении референдума. 14 мая на Съезде Российского движения демократических реформ ряд выступавших обвинили Советы в том, что они стали тормозом на пути реформ, что необходима борьба с Советами и порожденным им двоевластием. Г.Х. Попов, выступая на этом Съезде, утверждал, что такое отношение к Советам разделяет и президент Ельцин[1].

Однако президент был осторожнее, не собирался действовать «по подсказке», демонстрировал стремление остаться «над схваткой», или, по крайней мере, не торопился что-либо предпринимать. Сложность положения Ельцина состояла в том, что на этот раз ему противостояли «свои». Тот самый Съезд и Верховный Совет, которыми он руководил в 1990—1991 гг., депутаты, значительная часть которых была вместе с ним в тяжелые дни августа 1991 г. Накануне Съезда народных депутатов Ельцин заявлял: «России нужна передышка от совершенно бесплодной политической конфронтации. Нужно политическое перемирие на стабилизационный период, который должен составить год-полтора. ...Необходимо четкое разграничение их функций, полномочий и ответственности за последствия принимаемых решений». Президент заявлял, что «ни на какую отмену конституционных органов власти он не пойдет»[2].

Менялась и расстановка сил в Верховном Совете. Многие активные сторонники президента ушли оттуда и пополнили президентские структуры власти. Менялось и руководство Верховного Совета. Оттуда последовательно ушли заместители Хасбулатова — сторонники президента С.А. Филатов, В.Ф. Шумейко, Ю. Яров. Их заменили сторонники компартии Ю. Воронин, В. Сыроватко.

Внутри Верховного Совета стала формироваться открытая и радикальная оппозиция президенту, которая начала применять не только «парламентские» методы борьбы, но и стала призывать к прямому неповиновению власти. Лидерами объединенной оппозиции были депутаты С. Бабурин, Н. Павлов, В. Исаков, генералы А. Макашов и А. Стерлигов, лидер российских коммунистов Г. Зюганов.

Объединенная оппозиция требовала:

отставки правительства Ельцина—Гайдара;

отказа президента от дополнительных полномочий и всякого вмешательства в экономику;

формирование правительства народного доверия, которому будут предоставлены чрезвычайные полномочия для выведения народного хозяйства из кризиса[3].

Лидеры объединенной оппозиции заявляли в конце июня 1992 г.: «Режим Ельцина в нынешнем его виде доживает последние месяцы или даже недели. Чтобы спасти себя, он начинает менять декорации и выводить на поверхность

1 *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 415.

2 Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 199.

3 *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007. С. 416.

новых, как бы не замаранных политиков... Б. Ельцин не может даже прибегнуть к чрезвычайным мерам, поскольку фактически не имеет поддержки армии и правоохранительных органов... Возможна попытка диктаторского переворота, разгон съезда, арест лидеров патриотического движения. Но это лишь ненадолго продлит агонию режима, которая уже началась»[1]. Они требовали созыва внеочередного съезда, на котором рассчитывали отправить правительство в отставку и объявить президенту импичмент.

Действия объединенной оппозиции становились все более радикальными. В июне 1992 г. началось пикетирование государственного телевидения в Останкине, вокруг телецентра был создан палаточный городок, где тон задавали открытые и решительные противники президента. 24 октября 1992 г. состоялся учредительный конгресс Фронта национального спасения (ФНС), ставшего «ударной силой» оппозиции.

Давление на Президента со стороны оппозиции усиливалось, она хотела смести всю команду реформаторов. Ельцин проводит «символические» кадровые рокировки. В июле 1992 г. на должность председателя Центрального банка России утвердили Виктора Геращенко, возглавлявшего раньше Госбанк СССР. Геращенко, умелый управленец, весьма скептически относился к либеральным идеям и не скрывал этого. Впоследствии Ельцин признавался, что это назначение было ошибкой.

Из Правительства был удален П. Авен, министр внешнеэкономических связей и один из ближайших соратников Е. Гайдара. Ельцин ввел в Правительство несколько человек, которых он называл «крепкими хозяйственниками» — В. Черномырдин, В. Шумейко, Г. Хижа.

Несмотря на то, что реформаторы восприняли это как катастрофу, а пресса предрекала конец реформ, большинство пришедших в Правительство людей, быстро освоились с новыми экономическими инструментами и влились в команду Гайдара.

В июне 1992 г. Ельцин, возглавлявший Правительство, предложил эту должность Гайдару. Но, понимая, что Верховный Совет не утвердит эту кандидатуру на пост премьер-министра, назначил его «исполняющим обязанности» премьера.

Государственный секретарь Г. Бурбулис олицетворял в глазах общества идеологию политических реформ. Оппозиция считала его своим заклятым врагом и требовала отставки. В преддверии VII съезда народных депутатов, чтобы частично удовлетворить требования оппозиции, Ельцин подписал Указ об освобождении от должности Государственного секретаря при Президенте Г. Бурбулиса. Сама должность Государственного секретаря упразднялась.

В отставку был также отправлен министр печати и информации М. Полторанин.

В преддверии VII Съезда народных депутатов руководство Верховного Совета заранее попыталось укрепить свои позиции в регионах страны. 2 ноября сессия Новосибирского областного Совета приняла рекомендацию VII Съезду отменить дополнительные полномочия Президента РФ.

1 Там же.

Политический конфликт на VII съезде народных депутатов Российской Федерации

1 декабря 1992 г., когда истек срок дополнительных полномочий Президента, данных ему V Съездом, начал работу VII Съезд народных депутатов России. Теперь Президент был «на поле» законодателей.

На VII Съезде, в декабре 1992 г., предстояло решить вопрос о руководителе российского правительства, кандидатуру которого должен был предложить Президент. Борьба шла очень серьезная и Президент, помимо работы на заседаниях, проводил встречи, беседовал с представителями фракций и отдельными депутатами, с главами администраций. «Сил на седьмом Съезде было угрохано масса. И все с одной только целью — уговорить», — пишет Б. Ельцин[1].

Накануне Съезда демократическая часть депутатского корпуса и Президент внесли ряд предложений по сотрудничеству между исполнительной и законодательной ветвями власти[2].

За неделю до начала VII Съезда парламент рассматривал программу неотложных мер по выводу экономики страны из кризиса. Именно здесь развернулась непримиримая борьба мнений по первому вопросу повестки дня Съезда, противостоящие стороны отрабатывали тактику, нанося друг другу удары различной тяжести.

К Съезду сформировались крупные парламентские блоки — «Российское единство» (около 40% голосов от числа депутатов), «Созидательные силы» (около 20%), «Демократический центр» (25%), «Коалиция реформ» (15%)[3].

Два самых крайних, противостоявших друг другу, депутатских блока — это «Российское единство» и «Коалиция реформ». Первые не шли ни на какие компромиссы, требования одни: правительство — в отставку, Президенту — импичмент, реформы — под государственный контроль. Главный его оппонент — «Коалиция реформ». На совещании коалиции один из координаторов В. Волков заявил: «Мы победим в любом случае»[4]. Достигнуть этого предполагалось блокировкой подготовленной оппозицией поправок к Конституции.

Но эти две крайние силы напрямую зависели прежде всего от действий депутатов, входящих в два других блока: «Созидательные силы» и «Демократический центр», которые по отношению к Президенту находились, по их выражению, «в конструктивной оппозиции». Но если «Смена — новая политика» из «Созидательных сил» еще с VI Съезда отвергали правительственный курс реформ, то четыре фракции «Демократического центра» говорили о необходимости перемен в кабинете министров и корректировке курса реформ.

Около двухсот депутатов не входили ни в какие фракции, и какую кнопку — «за» или «против» — они нажмут, невозможно было предугадать. На выбор их решения могло повлиять выступление Президента, чьи шаги последнее время воспринимались депутатами неоднозначно. «Многое будет зависеть от большой и достаточно аморфной группы депутатов, ее некоторые именуют

1 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 1994. С. 289.
2 *Филатов А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 205.
3 См.: Российская газета. 1992. 1 декабря.
4 Там же.

"болотом", другие помягче — "колеблющимися". В какую сторону они качнутся?» — вопрошала газета «Советская Россия»[1].

Атмосферу Съезда Президент «подогрел» еще и тем, что возвратил в парламент не подписанный им закон о правительстве, заявив при этом, что назовет имя председателя правительства после переработки закона.

Открытие VII Съезда прошло в спокойной рабочей обстановке. В своем вступительном слове Хасбулатов заметил, что «новое никогда не утверждалось без противоречий, без временных осложнений, особенно когда осуществляются политические и экономические преобразования, сравнимые лишь со сменами геологических эпох»[2]. Он обрисовал основные проблемы, стоящие перед обществом и Съездом. В целом начало Съезда было довольно мирным.

В повестку дня VII Съезда народных депутатов РФ были включены следующие вопросы:

О ходе экономической реформы в Российской Федерации;

О проекте закона Российской Федерации, о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Российской Федерации;

О Председателе совета министров Российской Федерации;

Информация о работе над проектом новой Конституции Российской Федерации;

Об обновлении (ротации) части состава Верховного Совета Российской Федерации. Избрание заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации;

Избрание судей Конституционного суда Российской Федерации;

О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией;

О положении в Вооруженных Силах и военной политике;

О Законе Российской Федерации «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации».

После принятия повестки дня VII Съезда Председатель Верховного Совета объявил перерыв на 30 минут.

После перерыва на трибуну поднялся Президент. Речь свою он начал призывом к единству: «Отмечу особо, что за все время работы не было ни одного решения Съезда, которое создало бы угрозу гражданскому миру в стране. Надеюсь, что и впредь депутатский корпус ни в коем случае не переступит эту грань».

Здесь же Президент высказал и свое неудовольствие деятельностью части депутатского корпуса: «Порой слишком комфортно чувствуют себя те, кому демагогия, интриги, дешевые политические эффекты, собственная карьера дороже истины, интересов граждан государства»[3].

По его мнению, отсутствие «взаимопонимания и конструктивного сотрудничества» между Верховным Советом и правительством являются сильнейшим тормозом реформ. Стране нужна «передышка хотя бы на год—полтора»,

1 Советская Россия. 1992. 1 декабря.
2 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т.1. М., 1993. С.5.
3 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Выступления. М., 1993, С. 5.

когда «приоритет должна, наконец, получить нормальная созидательная работа». Президент предложил депутатам принять решение о введении «стабилизационного периода» [1].

«Сегодня раздаются призывы к отставке правительства, роспуску Съезда, "перетряске" Верховного Совета и так далее. Выскажу свою позицию. Начинать стабилизационный период с разрушения любого из высших институтов власти — просто абсурдно. Это еще больше обострит ситуацию, вызовет усиление конфронтации. Сегодня нужно не разрушать, а укреплять наметившийся баланс власти. Нужен мораторий на любые действия, дестабилизирующие институты государства в этот период»[2].

Ельцин предложил Съезду принять срочные меры по решению наиболее острых вопросов государственной жизни, без которых выполнение задач стабилизации будет просто невозможным. Какие меры? На период стабилизации Съезду народных депутатов сосредоточиться исключительно на внесение изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации. Принятие иных законодательных актов возложить на Верховный Совет, работающий на профессиональной основе. Вся исполнительно-распорядительная деятельность на федеральном уровне возлагается на правительство, которое подотчетно Съезду и Президенту. Решения правительства Верховный Совет может оспаривать как в Конституционном суде, так и у Президента.

Президент принимает и несет ответственность за важнейшие решения в сфере экономики в пределах компетенции исполнительной власти.

Если предшествующие предложения будут приняты, Президент отказывается от продления дополнительных полномочий в сфере законодательного регулирования экономической реформы. Закон о правительстве до принятия новой Конституции необходимо отложить. Правительство, на период стабилизации, формируется в соответствии с предусмотренным Конституцией порядком, в соответствии с которым председатель правительства по представлению Президента утверждается Съездом, а члены правительства по представлению премьер-министра — Президентом.

При рассмотрении законодательных вопросов о федеративном устройстве России решение Совета Национальностей должно быть приоритетным. Президент заявлял о необходимости учреждения Государственного комитета по делам Федерации и территорий. «Наша задача, — говорил Б. Ельцин, — создать качественно иное по своей природе государство, в основе которого лежит договорный принцип»[3].

Выступление Президента было принято депутатами недоброжелательно, «в зале стоял враждебный гул, просто физически ощущалась разлитая в воздухе неприязнь»[4]. За время выступления Ельцина лишь несколько раз раздались жидкие аплодисменты, со скамей, где сидели депутаты от демократических фракций, в то время как последующее выступление Р. Хасбулатова было

1 См.: Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Выступления. М. 1993. С. 5.
2 Там же.
3 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Выступления. М., 1993. С. 16.
4 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 246.

принято «на ура» и многократно прерывалось одобрительными аплодисментами.

Хасбулатов, в своем докладе, обозначил линию расхождения депутатов и президентской команды: одни за социально ориентированное рыночное хозяйство, другие за полную частную капитализацию. «В рамках какого рыночного направления развивался законодательный процесс весь этот период? Ответ однозначный: в рамках социально-ориентированного рынка, в то время как правительственная политика покоится на парадигме совершенно иной модели. Вот здесь главное противоречие»[1].

Итак, противоречия на Съезде обозначились.

Предложение Президента о стабилизационном периоде было явно не по душе спикеру, но и предложение о сотрудничестве он не отверг: «Конечно, нужен очень серьезный переходный, можно его назвать стабилизационным, период. <...> Но вряд ли будет правильным даже в этот период допускать отход от Конституции и законов».

После этого выступил Председатель Конституционного суда В. Зорькин с критикой нарастающего конфликта между властями.

На следующий день, 2 декабря, перед депутатами выступил и.о. Председателя правительства Е. Гайдар. В начале своего выступления он отметил, что правительство представляет себе, какой огромный груз ответственности ложится на его плечи. Именно страх перед этой ответственностью сковал энергию последних союзных правительств, и в конце концов привел к краху Союза. Нынешнее же правительство сделало главное — сдвинуло реформы с мертвой точки, запустило рыночный механизм. Далее Гайдар говорит о своих разногласиях с Верховным Советом.

«Естественно, что, во-первых, они возникают в связи с утверждением бюджета на 1992 г. Верховный Совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 млрд. рублей. Что это — социально ориентированная политика и рыночная экономика? Результатом является резкое обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, резкое увеличение денежной массы с июля—августа и ускорение инфляции начиная со второй половины августа. Если это социально ориентированная рыночная экономика, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу»[2].

Президент надеялся, что своим выступлением Гайдар переломит настроение Съезда, которое было настроено враждебно. Однако «чересчур умное» выступление премьера лишь усилило раздражение депутатов.

На второй день Съезда состоялась конфиденциальная встреча Б. Ельцина с главами российских регионов. Президент заручился поддержкой региональных лидеров в выдвижении кандидатуры Е. Гайдара на пост премьер-министра. Мэр Москвы Ю. Лужков, присутствовавший на этом совещании, горячо поддержал кандидатуру Гайдара, заметив, что «Россия больше не выдержит растить еще одного премьера». Если кандидатура Гайдара не пройдет, то некоторые из глав республик склонны были голосовать за Ю. Скокова.

1 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Выступления. М., 1993. С. 24.
2 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Выступления. М., 1993. С. 30.

Все ожидали, что на VII Съезде будет обсуждаться проект новой Конституции, однако этого не произошло. Опять, в который раз, началось обсуждение поправок к старой, действующей Конституции. Этот процесс расшатывания Конституции ни с юридической, ни с политической точки зрения не мог быть бесконечным. Рост поправок начал принимать бесконтрольный характер, они противоречили друг другу, что могло привести к законодательной анархии.

Нарушая принцип разделения властей, Верховный Совет требовал, чтобы все основные политические и экономические действия совершались под его контролем. Съезд навязал Президенту невыгодную для него дискуссию о конституционных поправках, которые позволяли Верховному Совету формировать и расформировывать правительство. Возражения Ельцина, что правительство в таком случае будет слабым, депутатами не принимались. Правительство, в соответствии с этими поправками, было подотчетно не только Президенту, но и Съезду и Верховному Совету, причем Президент в соответствующей строке стоял на третьем месте. К назначению председателя правительства Съездом добавлялось и назначение всех заместителей председателя правительства, силовых и ключевых министров лишь с одобрения Верховного Совета.

Президент уступал: «Я не против того, чтобы на какие-то ключевые посты министры утверждались Верховным Советом». Все министерства и ведомства, согласно тем же поправкам, должны были образовываться и ликвидироваться Верховным Советом по представлению Президента. И, наконец, всех членов правительства, всех министров и руководителей исполнительных органов субъектов Федерации предполагалось лишить депутатских мандатов.

Основную часть поправок, которые предлагал Президент, Съезд отклонил. Политика правительства, а, следовательно, и самого Ельцина была признана «не соответствующей интересам большинства граждан».

Первый «взрыв» произошел вечером, 3 декабря. Обсуждался вопрос: как голосовать за поправки к Конституции, узаконивающие принятый Верховным Советом статус совета министров, — тайным или поименным голосованием? Парламентаристы требовали тайного голосования, при этом противники Ельцина сохранили бы анонимность. Пропрезидентские депутаты Г. Якунин, А. Шабад, Ю. Сергеев, В. Варов настаивали на поименном голосовании. Началась драка. Впервые Хасбулатов утратил контроль над депутатами. Свалка росла[1].

Фоторепортеры и телеоператоры снимали драку депутатов. После потасовки Хасбулатов объявил перерыв. После бурной сцены депутаты все-таки проголосовали и приняли решение проводить тайное голосование. Так как урны и кабины к вечернему заседанию не были готовы, голосование перенесли на утро.

В утвержденных Съездом бюллетенях — семь текстов, касающихся Конституции: о полномочиях Президента, Верховного Совета, правительства, о гербе, земле и др. Пока шла подготовка бюллетеней, перед депутатами выступил ответственный Секретарь Конституционной комиссии О. Румянцев. Он доложил, что постановления VI Съезда народных депутатов в основном выполнены. Над проектом Конституции работают институты, субъекты Федерации, видные юристы. За это время пришло около 6 тысяч поправок, из них 650 пришли от субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. Конституционная комиссия предложила следующий механизм обеспечения конституционного строя, который нуждался в поддержке всего Съезда — по нему Конституция разделялась как бы на две части. Основы конституционного строя предлагалось определить посредством референдума, через всенародное голосование.

1 См.: Московский комсомолец. 4 декабря, 1992. № 237.

Комиссия предлагает, как заметил Румянцев, до 1 марта 1993 г. провести широкое согласование основ конституционного строя со всеми республиками, областями, со всеми заинтересованными сторонами, а затем провести «круглый стол». Лишь после этого проект предполагалось вынести на референдум[1]. Из выступления О. Румянцева стало ясно, что комиссия видит конституционную реформу как весьма длительный процесс, находящийся в прямой зависимости от Съезда народных депутатов.

В течение нескольких дней Съезд рассматривал многочисленные поправки к Конституции. На восьмой день Съезда возник следующий конфликт. К статье 121(6), в которой говорилось о том, что Президент не имеет права распускать парламент и другие законно избранные органы власти, предлагалась поправка. Предлагаемая поправка состояла в том, что в этом случае полномочия Президента прекращаются немедленно.

Депутаты поправку отклонили (кворум для принятия решения 692, «за» проголосовало 648, «против» 183). Вслед за этим выступил депутат О. Плотников («Смена — Новая политика») и попросил вернуться к рассмотрению этого вопроса. «Я убедительнейшим образом прошу Съезд вернуться к рассмотрению этого вопроса. В связи с чем? В связи с тем, что данное положение законопроекта регулирует те случаи, когда Съезд или Конституционный суд оказываются не в состоянии в установленном порядке произвести возврат к нормальному государственному устройству, возврат к основам законности»[2].

Если Президент нарушит законодательство, в случае роспуска им Съезда, Верховного Совета или Конституционного суда механизм процедуры импичмента Президента не удастся задействовать. При принятии же этой поправки, в таком случае, полномочия Президента прекращаются немедленно.

Депутаты решили вернуться к рассмотрению этого вопроса. В. Шумейко выступил против поправки: «После страстного выступления депутата Плотникова послушайте, что записано в действующей Конституции: "Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства..." и далее по тексту. Повторяю: "не могут быть". И если дописать: "В противном случае они прекращаются", то получается каша масляная и маслом мазанная. Президент сколько раз говорил о том, что он не собирается ни распускать Съезд, ни что-либо подобное делать. И эти слова здесь совершенно лишние»[3].

1 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т. 1. М., 1993. С. 372.

2 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т. 2. М., 1993. С. 194.

3 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т. 2. М., 1993. С. 196.

Р. Хасбулатов поддержал Шумейко: «Прошу меня не ругать, но я согласен с Шумейко, что наш Президент не собирается всего этого делать»[1].

8 декабря состоялась встреча Б. Ельцина с координаторами парламентских фракций. После обмена мнениями был достигнут компромисс: Президент в качестве законодательной инициативы предлагает Съезду включить в Конституцию пункт об обязательном согласии Верховного Совета при назначении на должность и снятии с должности министров внутренних дел, безопасности и обороны.

Часом позже Б. Ельцин объявил свою кандидатуру в премьеры — Е. Гайдара, которого в своей небольшой речи назвал «просто умным человеком»[2]. Вероятно, Президент хотел вызвать своим «компромиссом» ответную реакцию депутатов — чтобы те проголосовали за Гайдара.

9 декабря, после выступления Гайдара как кандидата на пост премьера, последовала дискуссия по его кандидатуре. На заседании выступали как сторонники, так и противники Гайдара. Для избрания премьером Гайдару было необходимо набрать не менее 521 голоса, голосование, проведенное в конце дня, дало следующие результаты: за — 467 депутатов, против — 486. Таким образом, кандидатура Гайдара была отвергнута Съездом.

Необходимо упомянуть, что в среде оппозиции существовало мнение, что Хасбулатов — главная опора Ельцина, который нарочно притворяется оппозиционером. Такого мнения придерживались депутаты Бабурин, Астафьев. Многие депутаты были не довольны работой Р. Хасбулатова, считали, что он заваливает в парламенте важные вопросы или, наоборот, «протаскивает преступные», что он зарекомендовал себя верным союзником Президента.

На VII Съезде ситуация несколько поменялась. «На нынешнем Съезде иллюзии относительно сговора Ельцина с Хасбулатовым растаяли. И не потому, что речь спикера была содержательнее, выразительнее, больше отвечала настрою оппозиции и требованиям времени. В данном случае в выступлении более обнаруживался ученый-рыночник, чем политик»[3].

Действительно, авторитет Хасбулатова среди депутатов не был бесспорным. Обстоятельства, реалии политической борьбы, отсутствие у оппозиции единого лидера — вот что заставляло объединяться депутатов вокруг Хасбулатова.

Престиж же Президента за время Съезда среди демократов стал падать. Демократическая пресса негативно реагировала на колебания Президента. «Говорят, что взрывоопасный Ельцин ведет себя на VII Съезде чересчур мирно, пассивно и даже вяло. Где же непредсказуемость? Ждали другого: решительных ходов, жестких ультиматумов, заявлений о разгоне всем надоевшего депутатского форума, прямого обращения к народу, даже хрущевского барабанного боя ботинком по трибуне — все могли предсказать. Ельцинского спокойствия предсказать не могли»[4].

Независимая газета писала: «Неделя Съезда принесла новые открытия. Оказалось, что Президента можно заставить смириться не только с давлением, но и с игнорированием его точки зрения. И это игнорирование остается безнаказанным».

1 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т. 2. М., 1993. С. 196.
2 Московский комсомолец. 1992. 9 декабря.
3 *Грешневиков А.* Расстрелянный парламент. Рыбинск. 1994. С. 15.
4 Московский комсомолец. 1992. 10 декабря.

Газеты «Правда», «Советская Россия» были полны злорадных выпадов против Гайдара и демократов.

Терпение Ельцина лопнуло лишь на десятый день Съезда. «Когда я смог обдумать случившееся, то понял: это — коллективное безумие. Не может такой орган руководить страной. Тут уже пахнет революционной ситуацией. А в запахе революции доминирует запах крови»[1].

В воспоминаниях Президента о тех днях преобладают драматические эмоции: «Я приехал со Съезда на дачу в полном трансе. Наверное, такое со мной случилось впервые за пять лет, с 1987 года...»[2].

«В тот вечер, 9 декабря, после очередного заседания я вернулся на дачу не поздно. Увидел глаза жены и детей. Рванул в баню. Заперся. Лег на спину. Закрыл глаза. Мысли, честно говоря, всякие. Нехорошо... Очень нехорошо»[3].

Вывел Ельцина из этого состояния начальник его Службы безопасности Коржаков — взломал дверь в баню и уговорил вернуться в дом.

В тупике отношений между Съездом и Президентом был лишь один, хотя и не простой выход. Референдум. Обращение ко всем гражданам страны позволяло получить ответ: кто — Съезд или Президент пользуется доверием народа. Воля народа могла стать основанием для принятия новой Конституции.

Идею референдума команда Президента рассматривала и раньше, но в другой постановке вопроса — распускать Съезд или не распускать. А здесь совершенно другая постановка вопроса.

Ельцин попросил соединить его со своим помощником Илюшиным. Затем ночью к работе присоединился Шахрай и спичрайтеры Президента. К утру подготовили текст выступления.

«Обращение к гражданам России»

Утром 10 декабря 1992 г. Президент выступил на Съезде с «Обращением к гражданам России». Ельцин обвинил Съезд в срыве реформаторского курса и попытке наделить Верховный Совет всеми правами и полномочиями, но только не ответственностью.

«Ельцин Б.Н. Граждане России! Народные депутаты!

Развитие событий на VII Съезде народных депутатов заставляет обратиться меня напрямую к народу.

Реформы, которые уже в течение года проводятся в России, находятся в опасности. На Съезде развернуто мощное наступление на курс, проводимый Президентом и правительством, на те реальные преобразования, которые удерживали страну все последние месяцы от экономической катастрофы. То, что не удалось сделать в августе 1991 г., решили повторить сейчас и осуществить ползучий переворот. (*Шум в зале.*)

Председательствующий. Я прошу внимательно выслушать Президента.

Ельцин Б.Н. Цепь действий уже выстроена. Вот она.

1 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 328.
2 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 330.
3 *Ельцин Б.* Записки Президента. М., 2006. С. 331.

Первое. Здесь, на VII Съезде, создать невыносимые условия для работы правительства и Президента, практически деморализовать их.

Второе. Любой ценой внести в Конституцию поправки, которые наделяют Верховный Совет, ставший оплотом консервативных сил и реакции, огромными полномочиями и правами, но по-прежнему оградить его от какой-либо ответственности.

Третье. Заблокировать реформу. Разрушить все позитивные процессы, не дать стабилизировать ситуацию.

И, наконец, четвертое. Провести в апреле 1993 г. VIII Съезд народных депутатов. Расправиться на нем и с правительством, и с Президентом, и с реформами и с демократией, тем самым совершить крутой поворот назад»[1].

Ельцин отметил, что не призывает распустить Съезд, а просит граждан определиться какой курс они поддерживают: курс преобразований Президента или курс Съезда? Президент предлагает провести референдум, для прекращения двоевластия в стране. «Вижу выход из глубочайшего кризиса власти в одном — во всенародном референдуме. Я не призываю распустить Съезд, а прошу граждан России определиться, с кем вы»[2].

Выступление Ельцина транслировалось в прямом эфире и фактически было обращено через головы депутатов к гражданам России. Обращение Президента было полной неожиданностью для Съезда и его спикера. Подготовка к режиму прямой трансляции из зала Съезда велась в обстановке глубочайшей секретности. Благодаря солидарности телеоператоров, работающих в зале, тайну удалось сохранить до самого момента включения[3].

Хасбулатов заявил о своей отставке и, передав председательство Ю. Ярову, вышел из зала, но немного позже вернулся. Президент призвал покинуть зал своих сторонников и собраться в Грановитой палате. Таким образом Ельцин рассчитывал сорвать Съезд — расчленить Съезд на две части, ни одна из которых не имела бы кворума, а следовательно, и полномочий. Но для успеха этого плана требовалась серьезная предварительная работа с депутатами, а они не предупреждены, колебались, из зала ушла лишь очень малая часть.

Пресс-секретарь Президента В. Костиков вспоминает: «Дело в том (и тут явная недоработка тогдашней команды Президента), что даже лояльные к Ельцину депутаты не были предупреждены о таком ходе. Многие просто не поняли, что же происходит, не сумели быстро сориентироваться»[4].

Кворум сорван не был, Съезд остался легитимным и он продолжил свою работу. Это был полный конфуз. Президент был в замешательстве.

Депутаты вернули в зал Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова. Он сказал, что для него «сегодняшнее выступление Президента (вы, наверное, обратили внимание) было большой неожиданностью еще и в силу того, что вчера вечером я звонил Президенту, сообщил ему о наших решениях, сообщил также, что сегодня мы намерены принять закон о правительстве и,

1 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т. 1. М., 1993. С. 127.
2 Там же.
3 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 250.
4 *Костиков В.* Роман с Президентом. М., 1997. С. 150.

если он желает утвердить исполняющим обязанности Гайдара, Съезд препятствовать этому не будет. Он выразил удовлетворение этими решениями. Договорились о дальнейшем сотрудничестве. Никаких отрицательных моментов в отношении ни себя, ни Съезда я не почувствовал. Мы расстались достаточно доброжелательно. Но, к сожалению, это не впервые, когда мы о чем-то договариваемся, а потом на другой день происходят совершенно иные действия»[1].

В конце своего выступления Хасбулатов призвал Съезд продолжить работу и быстро завершить подготовку обращения Съезда к российскому народу.

В зале друг за другом появились министр безопасности, министр обороны, министр внутренних дел. На Съезде последовательно выступили: Генеральный прокурор В. Степанков, вице-президент А. Руцкой, министр безопасности В. Баранников, министр внутренних дел В. Ерин, министр обороны П. Грачев. Все они заявили о том, что будут соблюдать Конституцию, законы.

Их появление и выступление вселило в большинство Съезда уверенность, создавалось ощущение, что за Президентом нет реальной силы, реальной поддержки.

По словам Руцкого, он еще за 15 минут до выступления убеждал Президента воздержаться от призыва к референдуму. «Общество может не выдержать перенапряжения», — пояснял он. В тот же день Руцкой сделал свой выбор. Он остается со Съездом. «Как вице-президент, заявил он, — хочу однозначно заявить: для меня высший указ — Конституция, закон, Съезд, российский народ»[2]. Съезд продолжил свою работу и принимает новые поправки к Конституции.

В этот же день Съезд подготовил «Обращение VII Съезда народных депутатов Российской Федерации к российскому народу». В нем Съезд обвинил Президента в попытке «нарушить конституционный баланс исполнительной и законодательной властей, сорвать работу высшего органа законодательной власти». Заявление Президента, «инспирированное его ближайшим окружением, направлено на дестабилизацию политического и социально-экономического положения в стране». Съезд призывал всех не поддаваться провокациям, не допускать конфронтации в обществе и активно содействовать сотрудничеству президента РФ и Съезда народных депутатов РФ[3].

Тем временем Ельцин поехал на автозавод — АЗЛК, за поддержкой в рабочий коллектив. Это был ход, навеянный практикой советского времени — в трудные минуты «советоваться с рабочим классом». Ельцин не получил желаемой поддержки. Рабочие встретили его молча, не было ни одобрительных возгласов, ни плакатов со словами поддержки, раздавались лишь жидкие хлопки, что было для него совершенно не привычно. Он любил и умел выступать. По воспоминаниям близких к нему людей, сдержанный и молчаливый со своими помощниками, здесь он преображался. Его заключительные слова «Верю в

1 См.: Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. Т. 3. М., 1993. С. 157.
2 Неизвестный Руцкой. М., 1994. С. 36.
3 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации (Выступления, обращение, постановление) 10 декабря 1992. М., 1993.

вашу поддержку» были приняты без особого энтузиазма. Ельцин понял — выстрел оказался холостым[1].

Очевидно, что людям надоела затянувшаяся «склока» властей и они мало склонны были разбираться, кто прав, кто виноват. Для них и Ельцин, и Хасбулатов были новой властью, при которой жить стало намного трудней.

Обстановка на Съезде обострялась с каждым днем, сложившуюся ситуацию взялся разрешить председатель Конституционного суда В. Зорькин. В своем выступлении на Съезде он призвал к переговорам исполнительную и законодательную власти, и хотя его вмешательство многим показалось неуместным, обе стороны обрадовались появлению нежданного арбитра. В результате переговоров начала вырисовываться формула соглашения. Его основные пункты выглядели так:

Съезд отменяет наиболее неприемлемые из принятых поправок к Конституции России.

Будет проведен официально назначенный референдум по вопросу о доверии президенту и Съезду, который разрешит вопрос о двоевластии и откроет дорогу досрочным выборам.

Президент после анализа предложений фракций, представит Съезду несколько кандидатур на пост премьера, из которых рейтинговым голосованием будет выбрано три, получивших наибольшую поддержку. Затем одну из этих кандидатур Президент представит Съезду на утверждение.

Для сложившейся тогда ситуации это был максимально возможный компромисс. Президент сохранял лицо, не отказывался от референдума, получал свободу маневра в выборе премьера.

12 декабря 1992 г. Съездом было принято постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»[2]. Первым пунктом в постановлении стояло «Назначить на 11 апреля 1993 г. проведение всероссийского референдума по основным положениям новой Конституции (Основного Закона) Российской Федерации». Текст выносимого на референдум проекта основных положений Конституции должен был утвердить Верховный Совет по согласованию с Президентом и Конституционным судом. В случае недостижения согласия по отдельным формулировкам на голосование могли быть вынесены альтернативные варианты. Федеративный договор подлежал включению в новую Конституцию. Проект основных положений предполагалось направить субъектам Федерации и опубликовать не позднее 31 марта 1993 г.

Внесение поправок, существенно ущемлявших полномочия Президента, приостанавливалось до проведения референдума по основным положениям новой Конституции. Верховному Совету предписывалось не принимать к рассмотрению поправки к Конституции и законам Российской Федерации, представленные в качестве законодательной инициативы, которые нарушают сложившийся баланс законодательной, исполнительной и судебной властей. До принятия новой Конституции не должны были заполняться вакансии в составе Конституционного суда[3].

1 *Костиков В.* Роман с Президентом. М., 1997. С. 150.
2 ГАРФ. Ф.10026. Оп.1, Д. 1582, Л. 186.
3 См.: *Варламова Н.В.* Конституционный процесс в России (1990—1993) М., 1998. С. 31.

Данное постановление восстанавливало баланс властей, и хотя это был не мир, но необходимое в тот момент перемирие. Оставалось решить вопрос о кандидатуре премьера. Напомним, что свое понимание «стабилизационного периода», Президент излагал в выступлении на открытии VII Съезда, которое состояло в том, что Съезд народных депутатов концентрировался исключительно на внесение изменений и дополнений в Конституцию РФ. Верховный Совет, работающий на профессиональной основе, занимался принятием иных законодательных актов. Вся исполнительно-распорядительная деятельность на федеральном уровне возлагалось на правительство которое подотчетно Съезду и Президенту. Все важнейшие решения в сфере экономики в пределах компетенции исполнительной власти Президент принимал на себя.

Отставка Е.Т. Гайдара
Председатель Совета министров — В.С. Черномырдин

Депутатские фракции выдвинули 18 кандидатур на пост премьера, из которых Ельцин выставил на «рейтинговое голосование» пять человек[1]. Ряд предложенных фракциями неприемлемых кандидатов Президент отклонил. В первоначальный список для голосования были включены кандидатуры секретаря Совета безопасности Ю. Скокова, первого вице-премьера В. Шумейко, вице-премьера В. Черномырдина, директора ВАЗа из Тольятти В. Каданникова и Е. Гайдара.

За Гайдара Ельцин боролся до конца. Даже когда расклад голосов на Съезде стал известен, и судьба Гайдара была фактически предрешена, Ельцин прилагал усилия, чтобы что-то сделать. На закрытом совещании Совета глав республик в «Президент-отеле» утром 14 декабря Б. Ельцин сказал главам республик: «Если у Гайдара будет приличный рейтинг, я его предложу. Если он не пройдет, я все равно его предложу на исполняющего обязанности».

Вероятно, Б. Ельцину импонировала решительность, с которой Гайдар проводил хозяйственные изменения в стране. Решительность — та черта, которая отличала курс Е. Гайдара «в переходе от горбачевских разговоров к конкретным практическим шагам»[2].

Во время рейтингового голосования на Съезде депутаты отдали предпочтение Ю. Скокову, он получил 638 голосов, за ним шел Черномырдин — 621 голос. Гайдар получил на 200 голосов меньше и предлагать его Съезду даже на исполняющего обязанности премьера было бессмысленно. Несмотря на то, что Съезд отдал большинство голосов Ю. Скокову, Б. Ельцин предложил кандидатуру Черномырдина. Против кандидатуры Скокова решительно возражал Гайдар, считая, что его взгляды расходятся с курсом реформ. «Да и, честно говоря, у меня не было уверенности, что в критических ситуациях он твердо встанет на сторону Президента, а не начнет суетиться, маневрировать. Все это я высказал Борису Ельцину», — писал позже Гайдар[3].

В прошлом Виктор Степанович Черномырдин занимал должность министра газовой промышленности СССР. После того как на основе этого министер-

1 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 253.
2 Российская газета. 1993. 9 апреля.
3 *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1996. С. 234.

ства был создан газовый концерн «Газпром», он стал его руководителем. С мая 1992 г. работал в правительстве Гайдара, где занимался топливно-энергетическим комплексом. Предлагая кандидатуру В. Черномырдина, Ельцин учитывал и то, что тот уже работал с Гайдаром и вольно или невольно проникся идеями реформы.

Съезд проголосовал за В. Черномырдина, («за» проголосовало 835 человек, «против» — 31) так как рассматривал его как крепкого хозяйственника, типичного для советской экономики. Депутатов воодушевила благодарственная речь Черномырдина, где он пообещал работать со Съездом и оправдать его высокое доверие, построить рынок без базара и провести реформу без обнищания народа.

Демократы восприняли замену Гайдара на Черномырдина настороженно, особенно сложное впечатление произвело высказывание Черномырдина о том, что он будет выполнять волю Съезда. Российские средства массовой информации расценили избрание Черномырдина чуть ли ни как крах реформ.

Но мрачные опасения демократов в отношении Черномырдина не оправдались.

14 декабря VII Съезд народных депутатов РФ подошел к концу. В своей заключительной речи по итогам работы Съезда Р. Хасбулатов сказал: «глубокий анализ итогов Съезда впереди. Но уже сейчас можно сказать, что именно здесь, на этом Съезде, Съезд реально утвердил себя как высший орган государственной власти, как конструктивная и созидательная сила»[2].

После VII Съезда в руководстве Верховного Совета наметился раскол. Первый заместитель Председателя Верховного Совета С. Филатов, и раньше не одобрявший позиции спикера, поддержав идею референдума окончательно разошелся с Р. Хасбулатовым. Филатов пишет, что когда VII Съезд подходил к концу Хасбулатов наедине ему предложил подать заявление и уйти подоброму[1]. Филатов отказался. В дальнейшем конфликт между Председателем Верховного Совета и его заместителем стал нарастать.

В январе 1993 г. С. Филатов ушел из Верховного Совета и вместо Ю. Петрова возглавил Администрацию Президента.

После VII Съезда между властями установилось странное равновесие. После назначения Е. Гайдара в мае 1992 г. и.о. премьера фактически возникла ситуация двоевластия: исполнительная и законодательная власти стали действовать самостоятельно, не обращая внимания друг на друга. Все большее влияние приобретал Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов. Представляется, что в политической иерархии Председатель Верховного Совета ставил себя на одну ступень с Президентом, возникала ситуация, словно в государстве два главных лица. Член-корреспондент РАН С. Алексеев обращал внимание, что дело не в Съезде и не в политических и нравственных изъянах Хасбулатова, а в изначальной порочности системы Советов. «Советы сегодня из того государства, которого нет» и пока эта система не преодолена мир в стране невозможен. Историческая миссия Президента — перевести Россию из коммунистической системы Советов на проверенный историей путь европейского парламентаризма[1].

1 *Филатов С.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 212.

Совершенно очевидно, что в основе конфронтации сторон лежала неспособность найти консенсус относительно процедур взаимодействия властей. Каждый новый компромисс был попыткой разделить сферы ответственности, что лишало различные политические институты, принадлежащие разным ветвям власти, общей реальности. В отсутствие четких процедур, регулирующих взаимоотношение властей, каждая из сторон стремилась наклонить «чашу весов» в свою сторону.

Спор о референдуме о принятии Конституции: Президент и Съезд

После завершения VII Съезда народных депутатов структура политических проблем в стране изменилась. Раздражавший парламент «и.о. премьера» Е. Гайдар ушел, с избранием премьером Черномырдина вопрос об экономических реформах отошел на второй план. Основным вопросом, вокруг которого стали концентрироваться главные проблемы российской политики, стала новая Конституция. Довольно быстро выяснилось, что соглашение между властями, достигнутое на VII Съезде, по существу является победой Президента[2]. Согласившись на выборы премьера, он лишь выполнил то, что и так обязан был сделать согласно Конституции, парламент же был поставлен в весьма сложное положение, лишившись ряда конституционных прав. Верховный Совет Российской Федерации принял постановление от 14 января 1993 г. «О мерах по обеспечению проведения всероссийского референдума 11 апреля 1993 года», которое в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов от 12 декабря 1992 г. «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» и на основании закона о референдуме объявляло на всей территории Российской Федерации 11 апреля 1993 г. референдум[3].

26 января 1993 г. Центральная избирательная комиссия Всероссийского референдума приняла постановление об образовании округов референдума. Было образовано 89 округов.

Послесъездовская идиллия длилась недолго — сразу после завершения новогодних и рождественских каникул начались бурные консультации по вопросам проведения общероссийского референдума 11 апреля 1993 г.

В начале 1993 г. референдум приобрел в российском обществе ключевое значение, став границей размежевания политических сил. Президент Б. Ельцин, рассчитывал, что референдум раз и навсегда утвердит принцип разделения властей. Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. Хасбулатов после недолгих размышлений отмежевался от референдума, признав, что плебисцит развалит Россию.

5 февраля 1993 г. начал работу «Круглый стол», образованный по решению VII Съезда народных депутатов РФ. В состав «Круглого стола» вошли пред-

1 Цит по: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 312.

2 См.: *Бирюков Н.К., Сергеев В.В.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 401.

3 См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. М., 1993. № 4.

ставители законодательной и исполнительной властей, различных политических сил, науки, деловых и предпринимательских кругов. Открыли его Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов, Председатель Совета министров В. Черномырдин, вице-президент А. Руцкой. Было единодушно отмечено, что «Круглый стол» — это путь достижения гражданского согласия в условиях общественно-политического и экономического кризиса государства[1].

На заседании «Круглого стола» отражая мнение сторонников референдума, первый заместитель Председателя правительства В. Шумейко подчеркнул, что исполнительная власть готовится к нему со всей ответственностью.

Противоположную точку зрения высказал заместитель Председателя Верховного Совета Н. Рябов. Поддержав мысль о расколе общества, он призвал участников круглого стола не усугублять его, а консолидироваться.

В той или иной мере участники круглого стола пришли к мнению о нецелесообразности проведения референдума, назначенного на 11 апреля. Сложным моментом оказался поиск конституционного решения — как узаконить перенос референдума решением депутатов. Одни предлагали определить все путем опроса, другие — созвать депутатов только на один день для решения вопроса плебисцита.

Здесь важно отметить, что речь шла об отмене решения Съезда. Круглый стол, созванный по решению VII Съезда, отменял его же решения!

В итоге, участники «Круглого стола» определили главные идеи возможного конституционного соглашения. Основной его целью единодушно обозначили: объявить 1993 г. годом национального согласия и достижения стабильности. Первым шагом к этому может стать годовой запрет в стране всех политических акций[2].

В начале 1993 года конфликт между законодательной и исполнительной властями начал обостряться с новой силой. Тема принятия новой Конституции постепенно ушла из выступлений лидеров Съезда. И в самом деле, зачем принимать новую, если можно перекроить старую в духе времени. Депутаты оказались в затруднительной ситуации: принять новую Конституцию значит идти на выборы. Но большинству депутатов так и не удалось создать себе никакой поддержки у избирателей. Так как шансы быть переизбранными в новый парламент были минимальными, депутатский корпус тянул с принятием до окончания сроков полномочий парламента. Таких сомневающихся в собственном переизбрании депутатов оказалось достаточно, чтобы заблокировать принятие новой Конституции.

Заявления Ельцина, что он не присягал Конституции с нынешними поправками, интерпретировались сторонниками Верховного Совета как «антиконституционные». Единственный реальный ресурс, который оставался тогда у Президента, это относительно высокий уровень его поддержки населением страны. Именно поэтому Ельцин настаивал на референдуме. Именно поэтому Съезд народных депутатов и Верховный Совет противились референдуму.

Вокруг референдума разгорелась острейшая борьба. Результаты референдума определяли вопрос, какой будет Россия — президентской или парла-

1 См.: Российская газета. 1993. 17 февраля.
2 См.: Российская газета. 1993. 17 февраля.

ментской республикой, сохранится ли в стране власть Советов. Верховный Совет противился проведению референдума, аргументируя свою позицию тем, что он расколет российское общество, увеличит опасность гражданской войны. По мнению депутата В. Исакова, никакой референдум Президенту не нужен, «нужна политическая компания, которая позволит разжечь политические страсти, столкнуть лбами политических противников, отвлечь людей от катастрофического провала в экономике и завершить начатый им неконституционный захват власти»[1]. Президент же настаивал на референдуме, понимая, что речь идет не только о судьбе реформ и политическом строе, но и о его собственной судьбе. Депутатский корпус был настроен крайне агрессивно, любой просчет, политический промах мог привести к импичменту.

В подконтрольных Верховному Совету СМИ развернулась компания по дискредитации идеи референдума, внушалась мысль, что референдум приведет к дестабилизации в обществе. Тогда Ельцин, впервые за время существования президентской пресс-службы, попросил провести мониторинг информационных программ Российского телевидения. Результаты оказались неутешительными для Президента. Выпуски «Вестей» сообщали о деятельности оппозиции, в рубрике «Парламентский вестник», который шел в 19 часов, в «прайм-тайм», также фигурировали главным образом лидеры оппозиции. Российское телевидение посвящало ежедневно 15—20 минут работе Верховного Совета. В день, когда был проведен мониторинг, Президент не был ни разу упомянут в выпусках новостей. Ельцин был настолько обескуражен, что потребовал организовать встречу с руководителями радио и телевидения[2].

После прихода в Администрацию Президента С. Филатова, у которого были хорошие личные отношения с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II, установились более или менее регулярные встречи Президента с главой Русской православной Церкви и он до последних дней своего президентства с удовольствием с ним встречался. Вместе с тем, следует отметить, что Патриарх для Ельцина, воспитанного в атеизме, был скорее олицетворением культуры и традиций России, нежели духовным пастырем.

Для разрешения вопроса о проведении референдума, Ельцин обратился к Патриарху и попросил его поддержать идею референдума. 6 февраля 1993 года состоялась встреча Президента с Алексием II, после которой Патриарх заявил, что «в трудные моменты истории обращения за советом к народу является полезным и желательным»[3].

Неожиданную поддержку Ельцин получил от знаменитого писателя, проживающего в США, А.И. Солженицына, который написал письмо тогдашнему послу России в США В. Лукину. Письмо было опубликовано в газете «Комсомольская правда» и получило широкую огласку: «Российская Федерация, при ее размерах и многообразии, не может существовать без сильной президентской власти, никак не слабей, чем в Соединенных Штатах. Опыт государства

1 См.: *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997. С. 294.
2 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 264.
3 Там же. С. 270.

парламентского на Западе достигался веками. Сегодня у нас его и близко нет»[1]. Высказывание Солженицына в пользу президентской республики стало существенной моральной поддержкой для Ельцина.

Несостоявшийся импичмент

Руководство Верховного Совета усиливало свои позиции. Появлялась уверенность, что действия руководимого Хасбулатовым Верховного Совета в очередной раз будут поддержаны Конституционным Судом. Ирония конституционной юриспруденции состояла в том, что «мерительный инструмент» — Конституция — оказывалась безразмерной, а если точнее — точно того размера, который в данный момент был необходим Съезду и Верховному Совету. Президент возражал, пытался протестовать. «Я не присягал Конституции с нынешними поправками», — заявлял Ельцин 2 марта 1993 г., однако эти заявления интерпретировались как «антиконституционные».

Определилась роль Руцкого как оппонента, если не прямого противника Президента. Бедствовавшие и деморализованные силовые структуры тоже не торопились демонстрировать верность Президенту. Единственный реальный ресурс, который оставался тогда у Президента, это относительно высокий уровень его поддержки среди населения страны. Именно поэтому Президент и настаивал на референдуме. Именно поэтому Съезд и Верховный Совет противились референдуму. В окружении Президента бродила шутка, что единственной силовой структурой Ельцина являлся его пресс-секретарь В.В. Костиков, яростно и язвительно отстаивавший позиции Президента в бесчисленных конфликтах с руководством Верховного Совета.

После заявления Хасбулатова в Новосибирске, пресс-секретарь Ельцина В.В. Костиков обвинил Председателя Верховного Совета в том, что тот «при каждом удобном случае ... в нарочитой и все более вызывающей форме стремится вступить в личную конфронтацию с Президентом, что ни в какой мере не согласуется ни с мерой его легитимности в сравнении с всенародно избранным Президентом, ни с политическим рейтингом председателя Верховного Совета в обществе. Создается впечатление, — продолжал Костиков, — что, "опровергая" на каждом шагу Президента, Р.И. Хасбулатов стремится набить себе цену в глазах самых крайних консервативных сил. При этом в политической игре спикера интересы России, стабильности, национального единения все более отходят на второй и третий план, уступая место эгоистическим интересам борьбы за личную власть»[2].

В свою очередь, Хасбулатов успешно привлек на свою сторону руководителей местных Советов. Накануне открытия VIII-го Съезда, 6 марта 1993 г. было опубликовано заявление 73 руководителей Советов субъектов Федерации, фактически обвинивших Президента в попытке нарушить Конституцию. Обращаясь к депутатам Съезда они заявляли:

«Экономическое и социальное положение России продолжает ухудшаться, финансы расстроены, страну захлестнула преступность, растут обнищание и массовое недовольство людей».

1 Комсомольская правда. 1993. 10 марта.
2 Ельцин—Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 271—274.

Руководители Советов угрожали, что «немедленно используют все законные способы для пресечения любых попыток нарушения Конституции Российской Федерации, от кого бы они не исходили», предупреждали «о конституционной ответственности высших должностных лиц за нарушение Конституции, законов Российской Федерации, а равно и действия, провоцирующие это», что «если референдум будет назначен по чьей-либо инициативе, но не состоится по причине неявки граждан..., инициаторы референдума должны уйти в отставку»[1].

Последнее замечание имело особый смысл. Местная власть могла реально влиять на выборы, могла, до известной степени, способствовать или ограничить явку избирателей на референдум. По сути, именно Президенту, настаивавшему на референдуме, была адресована эта угроза — отставки из-за неявки на референдум.

Накануне Съезда, 7 марта 1993 г., Президент направил в Верховный Совет четыре вопроса, которые должны были быть вынесены на референдум:

«1. Согласны или вы с тем, чтобы Российская Федерация была Президентской республикой?

2. Согласны ли вы с тем, чтобы высшим законодательным органом Российской Федерации был двухпалатный парламент?

3. Согласны ли вы с тем, что новая Конституция Российской Федерации должна быть принята Конституционным собранием, представляющим многонациональный народ Российской Федерации?

4. Согласны ли вы с тем, что каждый гражданин Российской Федерации вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве собственника?»

VIII-й Съезд, начавший свою работу 10 марта 1993 г., проигнорировал предложения Президента. В повестку Съезда были включены совсем другие вопросы:

«1. О постановлении Съезда народных депутатов Российской Федерации от 12 декабря 1992 г. "О стабилизации конституционного строя Российской Федерации".

2. О соблюдении Конституции (Основного Закона) Российской Федерации высшими органами государственной власти и должностными лицами.

3. Информация Совета Министров — Правительства Российской Федерации и Центрального банка России о ходе экономической реформы»[2].

Съезд шел по прописям Хасбулатова. Докладчик — Н.Г. Рябов — заместитель председателя Верховного Совета, объявил, что договоренности, достигнутые на VII-м Съезде в декабре 1992 г. были ошибкой; что уступки, сделанные Президенту, были нарушением Конституции, что референдум не нужен, что в федеративных государствах референдумы вообще не проводятся(!).

Депутаты поддержали предложения Верховного Совета. На Съезде по существу произошел конституционный переворот: в Конституцию были включены поправки, подготовленные еще VII-м Съездом. Согласно этим поправкам,

1 *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997. С. 266—267.
2 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 277.

Правительство должно было быть подчинено Съезду и Верховному Совету. Законодательная власть — в лице Советов

Главная задача антиельцинской оппозиции заключалась в том, чтобы не допустить проведения референдума и отменить декабрьское постановление о соглашении, достигнутом на VII Съезде. Ведь это сняло бы ограничения на использование поправок к Конституции, существенно урезающих полномочия Президента. Для достижения этой стратегической цели в качестве отвлекающей мишени Съезду был предложен второй вопрос. Формальным поводом для этого послужило послание Конституционного Суда Российской Федерации Верховному Совету «О состоянии конституционной законности в Российской Федерации», полученное за несколько дней до Съезда. Третий вопрос (к этому моменту Правительство Черномырдина еще не проработало и трех месяцев) позволял внести раскол между Ельциным и премьер-министром[1].

Провалились попытки Президента изменить повестку Съезда, вернуться к обсуждению его повестки. Не были приняты поправки Президента к проекту постановления о стабилизации конституционного положения. 13 марта 1993 г. VIII-й Съезд завершил работу. В последний день депутаты запретили проводить референдум о доверии Президенту и Съезду. Издевательски прозвучало решение направить 20 миллиардов рублей, предназначенных прежде для проведения референдума, на нужды социальной защиты и обустройства военнослужащих. Были нарушены старые договоренности, достигнутые в декабре 1992 г. Хасбулатовым и Ельциным, при участии председателя Конституционного суда Зорькина. Поправки в Конституции, подчинявшие Правительство Съезду и Верховному Совету, были введены в действие, а референдум проводить было запрещено. Хасбулатов вчистую обыграл и обманул Ельцина.

Объективно соучастником обмана вместе с Хасбулатовым стал Зорькин. Иного и не могло быть. Если Съезд мог изменять Конституцию несколько раз в год, то председатель Конституционного суда был обречен идти в фарватере Верховного Совета.

Важнейшим политическим итогом этого скоропостижного Съезда стало реальное подчинение всех ветвей власти в России — Съезду и Верховному Совету. Русским политическим феноменом стало то, что кризис приобрел не столько конституционный характер, так как не было стабильного текста Конституции и, следовательно, не могло быть конституционно организованного политического процесса. Кризис превращался в структурно-политический.

Его признаками становились попытки борющихся политических сил найти «островки легитимности». Сам факт выборов не являлся здесь серьезным аргументом — и Президент, и депутаты были избраны и равны в правах, хотя Президентская сторона всячески подчеркивала общенародный характер Президентских выборов.

В поисках легитимности Верховный Совет и Съезд апеллировали к Конституции. Формально эта аргументация была почти безукоризненной. На стороне Съезда был и закон, и обычай, прецедент, с особой ясностью проявившийся в

[1] Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 294.

событиях августа 1991 г., когда подавление путча шло под лозунгами восстановления попранных путчистами конституционных норм.

Президент апеллировал к воле народов России, как высшему аргументу. Инструментом выявления воли народов долен был стать референдум. Именно референдум должен был ответить: должна ли Россия стать Президентской республикой? Должен ли сохраниться советский строй? Именно на референдуме, по мнению Президента, общенародно должна быть утверждена и новая Конституция. Так как Верховный Совет фактически отказался сотрудничать с Президентом в деле подготовки новой Конституции[1], то эту работу должно было выполнить Конституционное совещание, созванное по инициативе Президента.

Очевидно и то, что каждая из сторон, отстаивая свою законность, с большей или меньшей убедительностью опровергала законность другой стороны. Обе стороны явственно отказывались от компромиссов, поле для которых стремительно сокращалось.

Отмечу и еще одну, специфически российскую черту этого конфликта: он был, по крупному счету внепартийным или, точнее, надпартийным. Своего рода маргинализация политического процесса воздействовала и на субъектов политического процесса, и на формы его разрешения. Политические партии играли в этом конфликте явно подчиненную роль. Раскол политически активных слоев российского общества прошел по линии отношения к Президенту и Верховному Совету. У каждой из этих сил были свои сторонники.

20 марта Ельцин обратился к гражданам России по двум каналам телевидения. Он говорил: «VIII Съезд по сути дела стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры. Народ попросту хотят обмануть. Мы слышим ложь в постоянных клятвах верности Конституции, от Съезда к Съезду ее корежат и перекраивают в угоду собственным интересам, наносят удар за ударом по самой основе конституционного строя народовластия. … Народу было высокомерно отказано в праве самому определять свою судьбу. … Трагическим итогом Съезда стало ослабление власти, ослабление России, разделение властей как принцип Конституции фактически ликвидируется. Сняты последние барьеры на пути всевластия Съезда, Советов и парламента. Любое свое решение и Съезд, и Верховный Совет объявляют законным и конституционным, их некому остановить, некому удержать от произвола.

Конституционный суд в этой критической ситуации до сих пор не занял принципиальной позиции. Расправа над основами конституционного строя проходит у него на глазах и пока не получает отпора».

Президент заявил, что «VIII Съезд позволил руководству Верховного Совета фактически запустить маховик антиконституционного переворота». В этих условиях, по его словам, «Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны». Ельцин объявил том, что он «подписал Указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. В соответствии с Указом на 25 апреля 1993 г. назначается голосование о доверии Президенту и вице-президенту Российской Федерации. Будут приняты особые указы и распоряжения

[1] Историческая ирония состояла в том, что именно Президент был председателем Конституционной комиссии.

по всему кругу вопросов его организации. Пошел на этот шаг потому, что меня избирал не Съезд, не Верховный Совет, а народ, ему и решать — должен ли я дальше выполнять свои обязанности и кому руководить страной: Президенту и вице-президенту или Съезду народных депутатов»[1].

Не успела отзвучать в эфире телевидения запись выступления Президента, как появилась информация, что программа передач будет нарушена. На экранах появились председатель Конституционного суда Зорькин, первый вице-спикер Верховного Совета Воронин[2], генеральный прокурор Степанков и вице-президент Руцкой. Они публично осудили, как антиконституционное, заявление и Указ Президента, обвинили его в совершении государственного переворота[3].

Уже на следующий день, 21 марта 1993 г., Президиум Верховного Совета постановил созвать заседание Верховного Совета принял Обращение «К гражданам Российской Федерации» и направил его субъектам Федерации. В тот же день собрался Верховный Совет и оценил Обращение Президента к гражданам России как покушение на конституционные основы российской государственности, постановил обратиться в соответствии со статьей 74 Закона Российской Федерации «О Конституционном суде РСФСР» в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности действий Президента в связи с его Обращением от 20 марта 1993 г., а также к Генеральному прокурору России с предложением рассмотреть вопрос об ответственности всех должностных лиц, принимавших участие в подготовке «Обращения Президента Российской Федерации».

Хасбулатов, издевательски провоцируя Президента, обозвал предложенный им особый порядок управления страной — ОПУСом и объявил, что «случилось худшее: Президент, подталкиваемый своим окружением, избрал курс прямолинейной, грубой и жесткой конфронтации, разрыва с представительной и судебной ветвями власти, путь крайних мер, выводящий его из конституционно-правового пространства»[4].

Тогда же было принято решение о срочном созыве внеочередного — IX-го Съезда народных депутатов.

Конституционный суд не заставил себя долго ждать — уже 22 марта 1993 г. он рассмотрел Обращение Президента к гражданам России 20 марта 1993 г. и признал его неконституционным по многим пунктам[5].

1 См.: Ельцин—Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 306—309.

2 Хасбулатова не было в эти часы в Москве. Он находился в Алма-Ате и вылетел в Москву в ночь с 20 на 21 марта. См.: *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994. Т. 1. С. 101—102.

3 Позиция Руцкого и Воронина была понятна и логична. Они давали свою политическую оценку. Странной и, по меньшей мере, непрофессиональной была позиция Зорькина и Степанкова. Им, как юристам, полагалось дать юридическую оценку, для чего, как минимум, требовался официальный письменный текст обращения Президента.

4 *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994. Т. 1. С. 102—103.

5 Хитрость президентской команды состояла в том, что Указ Президента, «озвученный» 20 марта, был опубликован только 24 марта 1993 г. Ряд пунктов, осужденных Конституционным судом, просто отсутствовали (были сознательно убраны) из окончательного текста Указа.

26 марта 1993 г. начал свою работу IX-й Съезд. Его главной целью стала отставка (импичмент) Президента на основании обвинения в совершении государственного переворота. Главным действующим лицом для предъявления обвинений и запуска процедуры импичмента становился председатель Конституционного суда. Зорькин, выступая на Съезде, стал защищать решение Конституционного суда, обвинявшее Президента. Зорькин подчеркнул, что Конституционный суд свой вердикт вынес, и теперь вопрос об отрешении Президента от должности за нарушение Конституции должен решать в соответствии с конституцией только Съезд[1].

Попытки Ельцина пойти на частичные уступки, внести изменения в состав Правительства, в социально-экономическую политику, при сохранении главного требования — проведении референдума — только раззадорили оппозиционно настроенных депутатов, были оценены ими как проявление слабости Президента. На Ельцине торопились отыграться за шок, испытанный «левыми» после подавления августовского путча 1991 г. Член фракции КПРФ Ю.М. Слободкин заявил, что «уже не один Съезд занимается умиротворением Бориса Николаевича Ельцина. Но ... нынешнего Президента нельзя умиротворить, что он не успокоится до тех пор, пока не установит личную диктатуру или не взберется еще раз на один танк». Ему вторил член Политсовета Фронта национального спасения А.М. Тулеев: «После так называемого августовского путча, на Съездах, сессиях Верховного Совета депутаты четырежды наделяли Ельцина чрезвычайными полномочиями, суперполномочиями... Для чего Президенту понадобилась диктатура? Для того, чтобы, невзирая на недовольство людей, не обращая внимания на падение жизненного уровня, развал экономики, невиданный разгул преступности и насилия, продолжать неверный экономический курс за счет обнищания основной массы населения...». Тулеев внес предложение отрешить Президента от должности, использовав для этого тайное голосование.

Для того, чтобы отправить Президента в отставку, требовалось, чтобы за отрешение проголосовали ¾ депутатов Съезда. Одновременно Хасбулатов фактически спровоцировал вопрос о доверии к самому себе со стороны депутатов. Для отставки Председателя Верховного Совета должны были проголосовать ½ депутатов + 1 голос. При внешней невыгодности такого расклада сил, своего рода «жертвенности» Хасбулатова, за этим шагом стоял точный политический расчет. Хасбулатов еще в декабре 1992 г. убедился, что его поддерживает большинство депутатов. В свою очередь, у него возникала эффектная возможность сравнить уровень поддержки Председателя Верховного Совета и Президента в депутатском корпусе[2]. Среди депутатов Съезда появилась своего рода эйфория, уверенность в неизбежной победе, в своей способности управлять всеми и всегда.

Внезапная запинка возникла после того, как челябинский учитель истории, народный депутат А. Бароненко потребовал от народных депутатов отрешить

1 *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994. Т. 1. С. 109.

2 Подробный анализ политической борьбы на IX-м Съезде и «подковерную борьбу» вокруг Съезда в изложении Р.И. Хасбулатова см.: *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994. Т. 1. С. 106— 120; его политических оппонентов из числа помощников Президента — см.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 304—310.

Ю.М. Лужкова от должности мэра Москвы.Тогда на трибуну Съезда поднялся Лужков и под телевизионными камерами за несколько минут стал не только и не столько хозяйственником, как он аттестовал себя раньше, а политической фигурой российского масштаба. Он, перебивая разбушевавшийся депутатский корпус, с уверенностью в своей силе и с нескрываемым ехидством объявил, что «ничего у вас (депутатов — *Авт.*) не получится. Мэр избран москвичами, и москвичи вправе это сделать, но, простите, не Съезд».

Однако кульминацией Съезда стали подготовка и проведение тайного голосования по вопросу об отрешении от должности Президента и о доверии Председателю Верховного Совета поздним вечером 28 марта 1993 г. Телевидение транслировало обсуждение на Съезде, подготовку кабин к голосованию, нагнеталось ожидание голосования и его итогов... На глазах у всей страны разыгрывались сцены, похожие на подготовку к публичной казни.

Президент, не собираясь стать «агнцем на заклании», и не будучи уверен в благополучном исходе этой процедуры, был готов применить крайние меры. Начальник его службы безопасности А.В. Коржаков написал позже в своих мемуарах, что такие меры (силовой разгон Съезда, или арест — блокирование депутатов) были подготовлены. В Кремле была подготовлена телестудия, откуда Ельцин смог бы объявить о роспуске Съезда и проведении референдума.

Тогда, в марте, пронесло... Когда были подведены итоги голосования, то выяснилось, что против Ельцина, за его отрешение от власти проголосовали 617 депутатов. Противники Ельцина недобрали около 30 голосов. Ельцин остался Президентом.

Против Хасбулатова проголосовали 268 депутатов. Хасбулатов остался Председателем Верховного Совета.

В Москве прошли демонстрации в поддержку Президента.

Работа IX-го Съезда продолжилась. Съезд объявил о проведении 25 апреля на всей территорию России всенародного референдума по четырем вопросам. После долгих споров депутаты утвердили следующие:

1. Доверяете ли вы Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?

2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Расчет был на то, что население страны ни при каких условиях не поддержит социально-экономический курс реформ, которые привели к очевидному понижению уровня жизни большинства населения страны. Вторая «мина замедленного действия» состояла в том, что досрочные выборы не были предусмотрены Конституцией. Отсюда возникала возможность политического маневра, уже опробованного несколько раз. Если большинство населения проголосует за досрочные выборы депутатов, то это мнение можно будет проигнорировать как антиконституционное. Если за досрочные выборы Президента — то

это могло считаться выражением воли народа. Арбитром оставались все тот же Съезд и Конституционный суд.

25 апреля состоялся референдум. Его результаты стали неожиданными для всех. В голосовании приняли участие 69 млн. человек, или 64,2% от всех, имевших право голоса. Политической сенсацией стала не только поддержка Президента, но и одобрение его социально-экономического курса!

По итогам референдума, доверяли Президенту 58,7%, не доверяли — 39,2%;

одобряли социально-экономическую политику Президента и правительства 53%, не одобряли — 44,6%;

считали необходимым досрочные выборы Президента 31,7%;

досрочные выборы народных депутатов считали необходимыми 43,1% избирателей, принявших участие в референдуме.

Президент одержал победу, так как согласно принятому решению он получил поддержку больше половины участвовавших в опросе.

Не успели опубликовать данные референдума, как сразу начались споры об интерпретации его результатов. Президент и его сторонники оценивали его итоги как безусловную свою победу и свидетельство поддержки курса Президента гражданами страны. Верховный Совет «отошел на заранее подготовленные позиции» и стал доказывать, что хотя Президента и его политику поддержали, но эта поддержка была от числа проголосовавших, а не от всех избирателей, имевших право участвовать в выборах. Это было мошенничество. Даже Конституционный суд 21 апреля 1993 г. принял решение, что первый и второй вопросы референдума должны голосоваться простым большинством, то есть от числа проголосовавших. В.Б. Исаков, ставший упорным и последовательным противником Президента, подсчитывал: «за» Президента проголосовали только 37,7% от общего списка избирателей[1].

Общий вывод лидеров Верховного Совета —«конституционного большинства» Президент на референдуме не получил, и поэтому все конституционные изменения могут осуществляться только через Съезд.

А пока политическая оппозиция решила использовать внепарламентские формы борьбы. 1 мая 1993 г. состоялась многочисленная демонстрация под антипрезидентскими лозунгами. Ее участники под красными знаменами начали жестокую драку с милицией. Драка была спровоцирована организаторами демонстрации, которые, вместо отведенной для манифестации площади на Крымском валу, около Дома художников, направили людей по Ленинскому проспекту. На площади Гагарина начались жестокие стычки с милицией. Было много раненых, горели милицейские машины.

Вечером Белый дом был окружен сторонниками парламента, вооруженными палками, арматурой. Около здания стояли армейские или милицейские «Уралы» с пустыми кабинами и проколотыми шинами. И.В. Константинов, член Верховного Совета и председатель исполкома Фронта национального спасения, прямо призвал своих сторонников к методам уличной борьбы с властью. «Ситуация сейчас такова, что силовые методы ее разрешения стали просто не-

[1] *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997. С. 329.

избежны». «Представительные органы власти защищать выйдут дружины непримиримой оппозиции и народное ополчение. Они выйдут не потому, что очень любят Съезд или Хасбулатова; просто в этот момент центр борьбы против ельцинского режима будет находиться у "Белого дома"»[1].

События 1 мая 1993 г. объективно стали репетицией применения силовых действий — для Верховного Совета — путем использования своих сторонников в качестве инструмента непарламентского давления на власть, для власти — необходимости применять милицию, силовые структуры для подавления политических противников.

Конституционное совещание: подготовка президентского варианта Конституции

29 апреля 1993 г. Б. Ельцин выступил в Кремле на совещании руководителей республик в составе Российской Федерации, глав администраций краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга. На этом совещании Президент предложил подготовить к концу мая — началу июня согласованный проект Конституции РФ и созвать Конституционное совещание для рассмотрения этого проекта[2].

В тот же день Верховный Совет оперативно принял постановление «О завершении работы над проектом Конституции Российской Федерации», в котором предложил Конституционной комиссии совместно с палатами завершить до 20 мая 1993 г. доработку и согласование с Президентом основных положений новой Конституции РФ и направить их на согласование субъектам Российской Федерации. Имелся в виду проект, разрабатывавшийся Конституционной комиссией.

Двусмысленность ситуации была в том, что председателем Конституционной комиссии тоже был Б. Ельцин. Представительные органы власти субъектов должны были рассмотреть на сессиях проект основных положений и до 10 июня направить в Конституционную комиссию свои замечания и предложения. 25 мая надлежало провести парламентские слушания по проекту основных положений новой Конституции с приглашением представителей органов государственной власти, субъектов РФ и ученых-юристов. До 10 октября 1993 г. Верховный Совет должен был завершить постатейное рассмотрение проекта, представленного Конституционной комиссией. А 17 ноября 1993 г. созывался Съезд народных депутатов РФ «для рассмотрения и принятия новой Конституции Российской Федерации»[3].

Однако Президент явно принял другой темп и на следующий день, 30 апреля, в газете «Известия» опубликовал свой проект Конституции[4]. Ясно, что проект Конституции нельзя было подготовить за неделю после референдума. Следовательно, параллельно с работой по проведению референдума, шла подготовка текста Конституции.

1 *Константинов И.* На насилие народ ответит силой//Народная правда. 1993. № 19. Замечу: или за его словами стоял точный политический прогноз, или уже начавшееся планироваание скорого конфликта. Последнее вполне вероятно.

2 См.: *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 113..

3 См.: *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 113.

4 Известия. 1993, 8 мая.

После опубликования проект произвел ошеломляющее впечатление в стране. Жестко скрестились шпаги между сторонниками Президента и оппозицией. Пропрезидентски настроенная пресса — «Известия», «Российские вести», «Куранты» — увидели в ней панацею от всех бед. Другие — «Российская газета», «Независимая газета», «Советская Россия», «Правда» — посчитали, что это Конституция монарха.

Инициативу выхода с собственным проектом Конституции Президент Б. Ельцин обосновал в указе от 12 мая 1993 г. «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации». Преодоление конституционного кризиса и осуществление демократических реформ возможно только путем скорейшего принятия новой Конституции. Президент постановил созвать 5 июня 1993 г. Конституционное совещание для завершения подготовки проекта Конституции России.

В тот же день распоряжением Президента был утвержден состав рабочей комиссии Конституционного совещания по доработке проекта Конституции из 42 человек под председательством самого Б. Ельцина.

В связи с созывом Конституционного совещания возник ряд вопросов. Какова роль этого совещания? Не готовится ли подспудно Конституционному совещанию роль будущей Конституционной ассамблеи?

Очевидно, что к этому моменту и Президент и Съезд четко определили свои подходы к принятию новой Конституции. Президент — через Конституционное совещание и референдум, (основываясь на прямом волеизъявлении народа). Съезд — в сохранении и уточнении старой Конституции.

Итак, столкнулись два разных представления, две концепции легитимации.

Выступая 12 мая 1993 г. на совещании руководителей Советов республик, краев, областей Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов вновь повторил тезис о том, что референдум осложнил ситуацию в стране, и невозможно, «если не терять рассудок», говорить о победе какой-то из сторон[1]. Тезис о невозможности принять новый Основной Закон Съездом народных депутатов Р. Хасбулатов назвал мифом, однако впервые в его словах прозвучала возможность, что Съезд действительно может Конституцию не принять, но тогда, по мнению спикера, это может сделать Верховный Совет нового созыва. Учитывая, что речь о досрочных выборах народных депутатов не шла, можно предположить, что Хасбулатов считал возможным отложить принятие новой Конституции до очередных выборов 1995 г.

К этому времени заместитель Председателя Верховного Совета Н. Рябов изменил свою позицию и перешел из сторонников Верховного Совета в сторонники Президента. На встрече с журналистами 18 мая 1993 г. Н. Рябов заявил, что сейчас необходима консолидация парламента, Президента и субъектов Федерации для преодоления как политического, так и конституционного кризиса. По мнению заместителя Председателя Верховного Совета Н. Рябова, после апрельского референдума продлевать конфронтацию с Президентом, а значит с большей частью народа, оказавшего ему поддержку, является безумием и мо-

1 См.: Российские вести. 1993. 13 мая.

жет привести к тому, что парламент превратится в фикцию[1]. Рябов поддержал идею Конституционного совещания.

«Российские вести» так комментировали ситуацию в Верховном Совете: «Сегодня парламентское руководство как никогда близко к компромиссу. Между Президентом и Президиумом Верховного Совета стоит одна лишь преграда — Р. Хасбулатов. Все его замы и спикеры обеих палат фактически объединились против него под лозунгом участия Верховного Совета в работе созываемого Президентом Конституционного совещания».

Идея Учредительного собрания потеряла своих приверженцев. Причиной являлось то, что всякая попытка московских политиков созвать форум более представительный, чем Съезд народных депутатов, наталкивалась на хотя бы и мягкое, но решительное сопротивление большинства субъектов Федерации, ведь для субъектов Съезд — это «круглый стол» больших начальников, первых лиц регионов[2].

Учредительное собрание еще больше затянуло бы период конфронтации с законодательной властью. Было очевидно, что Съезд народных депутатов и Верховный Совет такой вариант принятия Конституции не устроит. Наконец, две избирательные кампании подряд — в Учредительное собрание и новый парламент — могли бы просто не состояться. Чтобы минимизировать неизбежные политические издержки, Учредительное собрание было подменено Конституционным совещанием.

20 мая 1993 г., был принят новый указ Президента Ельцина «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции Российской Федерации», в котором уточнялся ряд положений предыдущего акта относительно Конституционного совещания. Устанавливалось, что Конституционное совещание включало представителей:

— федеральных органов власти Российской Федерации;

— органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

— местного самоуправления;

— политических партий, профсоюзных, молодежных, иных общественных организаций, массовых движений религиозных конфессий;

— товаропроизводителей и предпринимателей.

Группа представителей федеральных органов государственной власти формировалась из народных депутатов из числа членов Конституционной комиссии, представителей от каждой фракции плюс 50 представителей Президента и правительства.

Группа представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации формировалась делегированием по одному человеку от представительной и исполнительной власти от каждого субъекта Федерации.

Представителям местного самоуправления, политическим партиям и движениям, профсоюзам, товаропроизводителям и предпринимателям, религиозным конфессиям и Академии наук выделялось в совещании 250 мест.

В работе Конституционного совещания, согласно указу, могли принимать участие представители Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, а также представители Генеральной прокуратуры РФ.

1 См.: Российские вести. 1993. 19 мая.
2 См.: Российские вести. 1993. 20 мая.

26 мая 1993 г. в Москве, в Президент-отеле, состоялось совещание глав республик в составе Российской Федерации, в котором также приняли участие руководители региональных ассоциаций[1]. Пресс-секретарь Президента В. Костиков сообщил, что цель этого совещания — объяснить главам республик России цели и пути конституционного процесса в России. И это событие являлось последней крупной консультацией Ельцина с главами республик и субъектами Федерации перед открытием 5 июня Конституционного совещания. Это давало возможность, с одной стороны, Президенту изложить свою точку зрения на представленный им проект, показать главам республик, как их интересы учтены в новой Конституции, каким образом Федеративный Договор интегрируется в новую Конституцию. А с другой стороны, почувствовать и понять настроение субъектов Федерации, глав республик.

Верховный Совет РФ постановлением от 3 июня 1993 г. «Об участии официального представителя Верховного Совета Российской Федерации в работе Конституционного совещания» своим официальным представителем избрал Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова[2].

Конституционное совещание открылось 5 июня 1993 г. Из 762 заявленных в списках участников утром прибыли 692. С докладом выступил Президент Б. Ельцин. В своем выступлении Президент отметил, что с принятием Конституции завершится учреждение подлинной демократической республики в России. По мнению Ельцина, конструкция власти в России по своей сути не изменилась, осталась прежней, в нее были встроены лишь отдельные, хотя и важные, элементы. И в конце концов стало очевидно, «что советский тип власти не поддается реформированию. Советы и демократия несовместимы»[3]. По представлению Президента, потому и пришлось созвать Конституционное совещание, что действующими институтами власти для завершения работы над проектом Конституции нельзя воспользоваться: «Представительная власть, оставленная нам советским строем, не способна найти так необходимое сегодня согласие. Она без него не может предложить Конституцию, которая внесет в общество стабильность и обеспечит его динамичное продвижение вперед»[4].

Во второй части доклада Ельцин говорил о достоинствах своего проекта Конституции: «Его подготовила группа ведущих юристов страны. Перед ними была поставлена задача объединить все лучшие из наиболее известных проектов последнего времени. Считаю, что создан достаточно лаконичный, понятный и гибкий текст, в основе которого единая концепция»[5].

Президент предложил следующую процедуру принятия новой Конституции:

— В ходе Конституционного совещания согласовать текст проекта;

1 См.: Российские вести. 1993. 27 мая.
2 См: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 24. Ст. 866.
3 См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля—10 ноября 1993 г. Т. 2. М., 1995. С. 6.
4 См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля—10 ноября 1993 г. Т. 2. М., 1995. С. 7.
5 См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля—10 ноября 1993 г. Т. 2. М., 1995. С. 10.

— Полномочные представители субъектов РФ парафируют проект;

— Субъекты РФ предлагают Съезду народных депутатов утвердить согласованный проект Конституции в цело.

«Если представительная власть отклонит наши предложения, нам придется воспользоваться другими возможностями. Именно об этом вам нужно подумать, сформулировать свою позицию, подкрепить своими решениями готовность Президента последовательно проводить политическую реформу» — подчеркнул Б. Ельцин[1].

На такой ноте был выдержан весь доклад. По его мнению в «противоборстве находятся не разные ветви власти, а по существу две самостоятельные политические системы».

Вряд ли выбранный Президентом темп принятия новой Конституции был реален. Процесс согласования проекта с субъектами Федерации не мог быть, да и не был, как показали дальнейшие события, простым. Текст конституционного проекта заметно ограничивал полномочия субъектов Федерации, на что те, естественно, не могли согласиться. Позиция же Съезда уже была определена.

Следом за Президентом председательствующий В. Черномырдин предоставил слово А. Алексееву. Но одновременно с ним к трибуне направился Р. Хасбулатов и потребовал предоставить ему слово. Так как большинство участников Конституционного совещания были настроены по отношению к Верховному Совету и к нему лично недружелюбно, в зале раздались недовольные выкрики с требованием не давать ему слова. Председательствующий слово дал, но сторонники Президента захлопали выступление спикера парламента. В итоге Председатель Верховного Совета, большинство руководителей Советов, краев и областей, Генеральный прокурор, судьи Конституционного суда, многие депутаты покинули Конституционное совещание[2].

На заседании произошел еще один конфуз. Во время выступления Б. Ельцина к трибуне бросился его ярый противник депутат Ю. Слободкин и начал скандалить. В итоге автора одного из альтернативных проектов Конституции, депутата Ю. Слободкина охрана просто вынесла на руках из зала.

Первые же дни Конституционного совещания подтвердили, что наиболее дискуссионными вопросами будут те, что касаются полномочий федеральной власти, особенно Президента и парламента, взаимоотношений центра и субъектов Федерации, а также между самими субъектами Российской Федерации: республиками, с одной стороны, краями и областями с другой и порядок принятия Конституции.

Б. Ельцин продолжал активно консультироваться с участниками Конституционного совещания. Президент провел переговоры с главами республик, встретился с членами Президиума Верховного Совета, направил народным депутатам, руководителям комитетов и комиссий телеграмму с просьбой принять участие в продолжающем свою работу Конституционном совещании[3]. Ак-

1 Там же. С. 14.

2 См.: *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997. С. 360.

3 См.: Российские вести 1993. 10 июня.

тивный, наступательный стиль политики Ельцина в этот период был своевременным, учитывая, что в рядах депутатского корпуса наметился довольно таки глубокий раскол, да и в руководстве Верховного Совета было не все гладко. Не было взаимопонимания и среди субъектов Федерации. Многие из ушедших в субботу с Конституционного совещания представителей и депутатов уже в понедельник пришли в Кремль.

9 июня Верховный Совет принял специальное постановление «Об участии Верховного Совета Российской Федерации в Конституционном совещании, созванном Президентом Российской Федерации»[1], в котором делегировал Р. Хасбулатова для работы в Конституционном совещании в качестве официального представителя Верховного Совета РФ. Официальному представителю в своей работе Верховный Совет определил руководствоваться следующими принципами:

— выработка единого проекта новой Конституции на основе проекта, разработанного Конституционной комиссией, проекта, предоставленного Президентом РФ, и других проектов;

— отказ от тезиса Президента Российской Федерации: «Советы и демократия несовместимы», прозвучавшего в его докладе 5 июня 1993 г.;

— решения Конституционного суда носят рекомендательный характер;

— конституционные процедуры принятия новой Конституции устанавливаются Верховным Советом и Съездом народных депутатов РФ[2].

Именно в последнем пункте был ключ к позиции Верховного Совета РФ: Съезд принимает Конституцию, а планы Президента — антиконституционны.

Б. Ельцин не мог согласиться с такими условиями полностью, ведь основополагающее — это процедура принятия Конституции и тип государства. Но все же общество надеялось на примирение сторон и не хотело углубления конфронтации. Поэтому Президент не мог пренебречь существующими реалиями и оставаться на жестких позициях, изложенных им в докладе 5 июня. На следующий день, 10 июня, выступая на Конституционном совещании Президент дезавуировал тезис о Советах как антиподе демократии: «Я не сторонник каких то революционных действий по отношению к Советам... Главное, что я имел в виду: Советы как инструмент бывших структур КПСС, как единая корпорация по замыслу ее создателей соединяли и соединяют в своей деятельности и нормотворчество, и контроль, и исполнительно-распорядительные функции. Именно отсюда их постоянное стремление подменять исполнительные органы власти, именно отсюда неприятие принципа разделения властей»[3].

В начале пленарного заседания Ельцин подытожил результаты проделанной работы. По его мнению, шел нормальный процесс, рассматривались оба проекта, на их основе разрабатывался проект новой Конституции РФ. На заседании намечалось выступление Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова, но Президент проинформировал, что руководитель парламента болеет. На пленарном заседании выступил заместитель Председателя Верховного Совета

1 См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — М., 1993. № 25. Ст. 913.

2 Там же.

3 Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. Т. 5. М., 1995. С. 367.

Н. Рябов. В своем выступлении он остановился на предварительных итогах работы секций, основное внимание им было уделено устройству Федеративного государства[2].

Коротко доложили итоги работы руководители групп: В. Черномырдин, С. Шахрай, В. Яров, А. Собчак, В. Шумейко. Общее мнение — идет творческая совместная работа над двумя проектами, но вполне возможно, времени отдельным группам не хватит, чтобы рассмотреть все в отведенные дни. С. Шахрай предложил 16 июня Конституционное совещание не закрывать, а объявить перерыв и сохранить его на будущее как своеобразный «круглый стол»[1].

Подводя итог пленарному заседанию, Ельцин согласился с предложением не закрывать Конституционное совещание 16 июня и дать ему возможность работать и дальше. Президент также предложил создать две межсекционные рабочие группы, которые займутся доработкой закона о выборах и механизмом принятия новой Конституции. Указом от 16 июня 1993 г. «Об организации дальнейшей работы Конституционного совещания» Ельцин принял решение о продолжении работы Конституционного совещания в период с 17 по 25 июня 1993 г. Реально работа Конституционного совещания продолжалась и в начале июля.

В дальнейшем инициированный Президентом и одобренный Конституционным совещанием проект Конституции был направлен в субъекты Российской Федерации. Президентом планировалось, что до конца августа — начала сентября он будет обсужден или одобрен, однако этого не произошло. Высшие представительные органы власти в большинстве своем ориентировались на Верховный Совет и Съезд народных депутатов, но несмотря на это, они все-таки хотели единый согласованный проект, поэтому уклонились от четкой поддержки одной из сторон. Действующей Конституцией было предусмотрено принятие Конституции и назначение референдума для принятия Конституции Съездом народных депутатов. Поэтому игнорирование Съезда, а именно этот курс выбрал Президент, представительные органы многих субъектов РФ не считали приемлемым. Президентский вариант Конституции мог быть принят только вопреки Верховному Совету и Съезду, а парламентский вариант только вопреки Президенту. Мосты к компромиссу были подожжены с обеих сторон. Конституционный кризис приобрел все признаки борьбы за власть, борьбы за взаимное уничтожение.

Значимо последнее заявление Р. Хасбулатова, сделанное им на пресс-конференции 18 августа 1993-го года: «Авторитет парламента сегодня, — сказал Хасбулатов, — никак не меньше авторитета Президента»[2]. И дело было не в том, что авторитет парламента возрос, но Хасбулатов был прав в другом: авторитет Президента пошел по нисходящей и, по сути, сравнялся с парламентским.

Параллельно с этими событиями в России разразился коррупционный скандал. За пять месяцев до октября 1993 г. всю Россию сотрясала так называемая «битва компроматов». На телеэкранах, и газетах, на столичных пресс-конференциях и в стенах парламента враги и приверженцы Ельцина ожесточенно уличали друг друга в позорной коррупции. Инициатором скандала явился вице-президент А. Руцкой, который заявил о коррупции в высших эшелонах

1 Российская газета. 1993. 11 июня.
2 *Попцов О.* Хроника времен «Царя Бориса». Россия, Кремль 1991—1995. М., 1995. С.306.

власти и имеющихся у него 11 чемоданов компромата. Полтора часа А. Руцкой, стоя на трибуне, обличал в коррупции вице-премьеров, министров, ближайших сотрудников Президента и обвинял Ельцина за потворство им.

24 июня перед депутатами на заседании Верховного Совета выступил первый заместитель Генерального прокурора РФ, руководитель специальной комиссии по расследованию материалов связанных с коррупцией должностных лиц Н.Макаров. Он проинформировал парламентариев о ходе расследования фактов, приведенных в выступлении вице-президента А. Руцкого. Были обнаружены серьезные нарушения в приватизации предприятий, выдаче экспортных лицензий на вывоз золота, драгоценных металлов, энергоносителей. Заканчивая свое выступление, Н. Макаров предложил парламенту рекомендовать Президенту России отстранить от должности первого вице-премьера В. Шумейко и В. Полторанина в интересах проведения следствия[1]. Верховный Совет специальным решением от 24 июня отказался сотрудничать с Конституционным совещанием из-за обвинений некоторых его участников в коррупции.

Июль месяц был отмечен еще двумя важными событиями. Центральный банк Российской Федерации прекратил с 26 июля 1993 г. обращение на всей территории России государственных казначейских билетов СССР, банкнот банка России образца 1961 — 1992 гг. В течении двух недель граждане России должны были произвести обмен денежных билетов на сумму до 35 тысяч рублей, а превышающие эту сумму вклады замораживались сроком до 6 месяцев[2].

Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов выступил с заявлением, что проводимое Центральным банком и правительством мероприятие не согласовано с Верховным Советом, а замораживание денежных вкладов на 6 месяцев, по его мнению, является конфискационной мерой и нарушением прав человека.

Вторым событием стал указ Президента об освобождении от должности министра безопасности Российской Федерации В. Баранникова. Верховный Совет признал указ об отставке Баранникова не имеющим юридической силы, так как по закону, в соответствии со статьей 1218 Конституции, Президент может отправить в отставку министра безопасности только по представлению Верховного Совета.

Таким образом, созванное в июне 1993 г. Конституционное совещание стало «промежуточной» стадией конституционного процесса, попыткой легитимации президентского проекта. Вопрос о способе принятия Конституции формально остался открытым, хотя исполнительная власть уже окончательно сделала выбор в пользу референдума.

Указ 1400. Попытка силового преодоления политико-конституционного кризиса

В августе 1993 г., Б. Ельцин прервал отпуск, который проводил на Валдае и вернулся в Москву. 12 августа в Петрозаводске Президент собрал Совет глав республик. В заседании Совета приняли участие заместитель Председателя

1 См.: Российская газета. 1993. 25 июля.
2 См.: Российская газета. 1993. 27 июля.

Верховного Совета Н. Рябов, вице-премьер России С. Шахрай, а также главы всех регионов Российской Федерации, кроме Чечни, и руководители межрегиональных ассоциаций[1]. В повестке дня заседания стояло два вопроса: о механизме реализации Федеративного договора и о дальнейших шагах по обсуждению и принятию Конституции РФ.

Президент Б. Ельцин, выступая на открытии заседания Совета глав республик Российской Федерации, предложил создать новый орган — Совет Федерации. В него вошли бы по два человека от 88 субъектов Федерации, всего 176 человек. «На Совете Федерации мы легитимно смогли бы решить многие вопросы. И никто бы тогда не упрекнул, что какое-то совещание собирается. Это уже не совещание — это орган власти», — сказал он[2]. Президент остановился также на вопросе о работе над новой Конституцией. Он подчеркнул, что ее принятие и реализация Федеративного договора неразрывно связаны между собой. Разработанный и одобренный Конституционным совещанием проект Основного Закона должен теперь пройти согласование с представительными органами власти и главами исполнительной власти всех субъектов Федерации. «Не исключаю и вариант принятия Конституционного закона переходного периода. Через него мы могли бы выйти на новые выборы и тем самым решить ситуацию двоевластия, пока она не парализовала всю страну», — заявил Президент[3].

В ходе обсуждения выступлений Б. Ельцина и С. Шахрая родилось еще одно предложение — провести в сентябре совместное заседание Конституционного совещания и Конституционной комиссии. Президент, прежде не одобрявший эту идею, на этот раз поддержал предложение глав республик с одним условием: замечания к проекту Конституции субъекты Федерации должны представить в Москву не позднее 15 сентября, иначе они не будут учтены.

В Петрозаводске также состоялась встреча Президента с представителями государственных телерадиокомпаний России и руководителями СМИ. Президент объявил об ужесточении своей позиции в отношениях с Верховным Советом и о начале осеннего политического наступления. «Решительная политическая схватка в России наступит в сентябре, а август надо использовать для артподготовки, — заявил Ельцин. — Сентябрь будет месяцем сверхбоевым: предстоит решить коренной вопрос — вопрос о власти, то есть о Конституции, о выборах»[4].

Эти слова Президента о горячем сентябре и августовской артподготовке, произнесенные в ответ на вопрос журналиста, выделяются всеми изданиями, цитировались по радио и телевидению. Никто не склонен считать эти слова экспромтом Президента, его приверженностью к образным выражениям. Инспекционный выезд Президента в воинские части немедленно был расценен как шаг к подготовке чрезвычайного положения.

Президент провел совещание в Петрозаводске для того, чтобы прозондировать мнение руководителей республик, внести ясность по поводу под-

1 См.: Российская газета. 1993. 14 августа.
2 Там же.
3 См.: Российская газета. 1993. 14 августа.
4 Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. 1985—2005. М., 2007. С. 439.

держки ими своих решительных действий. Несмотря на официальную тему совещания — обсуждение «механизма реализации Федеративного договора», участники совещания понимали, что в условиях острого противостояния исполнительной и законодательной властей заниматься дележом полномочий и сфер влияния между центром и республиками бессмысленно, и все будет зависеть от того, чем кончится «осеннее наступление» Президента[1].

Выступления глав республик были сдержанными, они выжидали и не хотели занимать однозначную позицию в чисто «московском споре». Оказывало влияние и то, что ряд республиканских лидеров (М. Рахимов, М. Магомедов, В. Степанов, Ю. Спиридонов, А. Галазов) еще не обрели статуса республиканских президентов и, пребывая в должности председателей Верховных Советов, не хотели портить отношения с вышестоящим Верховным Советом РФ и Р. Хасбулатовым.

Встреча в Петрозаводске показала Б. Ельцину, что он может рассчитывать в лучшем случае лишь на нейтралитет республиканских лидеров и в предстоящих битвах придется полагаться на собственный политический ресурс.

1 сентября Президент, воспользовавшись коррупционным скандалом, затеянным Руцким, и аналогичными обвинениями в адрес самого Руцкого, временно отстранил от исполнения своих обязанностей первого вице-премьера В. Шумейко и вице-президента А. Руцкого. В указе говорилось, что «обстановка, сложившаяся в результате взаимных обвинений в коррупции и судебных претензий должностных лиц системы исполнительной власти друг к другу, серьезно подрывает авторитет государственной власти Российской Федерации», поэтому, в связи с проводимым расследованием и отсутствием поручений вице-президенту, А. Руцкой и первый вице-премьер В. Шумейко были временно отстранены от должности[2].

Председатель Верховного Совета РФ Р. Хасбулатов объявил указ незаконным, так как согласно Конституции РФ, устранить Президента и вице-президента может только Верховный Совет и Съезд народных депутатов РФ при наличии в их действиях нарушений, предусмотренных статьями Конституции РФ и подготовил проект постановления об обращении в Конституционный суд о проверке конституционности указа Президента РФ[3].

В ответ газета «Российские вести» опубликовала письмо Б. Ельцина Верховному Совету, в котором он написал, что «избранная форма указа основана на праве Президента опираться в своих решениях на совокупность норм и принципов действующего конституционного законодательства. Указ не содержит прямых противоречий с действующей Конституцией и действующим законодательством»[4].

30 августа состоялась встреча С. Филатова с секретарем Конституционной комиссии О. Румянцевым, после которой на заседание Верховного Совета 3 сентября был вынесен проект постановления, в котором Р. Хасбулатову пору-

1 См.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 348—349.
2 См.: Российская газета. 1993. 2 сентября.
3 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д 35. Л. 5
4 Президент — парламенту: Указ положит конец политической перепалке и восстановит авторитет власти.// Российские вести. 1993. № 171.

чалось провести с Президентом консультации по продвижению конституционной реформы. Президенту предлагалось провести консультации и с делегацией Верховного Совета.

В понедельник, 6 сентября, Ю. Батурин доложил Президенту ситуацию и рекомендовал согласиться на консультации о порядке и сроках завершения работы над новой Конституцией и ее принятии, о совместном заседании Конституционного совещания и Конституционной комиссии, о выборах. На следующий день Ельцин прочитал записку и написал в углу: «Переговорить»[1]. Следовательно, он уже сильно сомневался, стоит ли идти с Верховным Советом на мировую.

В сложившейся к тому времени ситуации требовались значительные усилия, чтобы наладить отношения Президента с Верховным Советом. К этому моменту Президент однозначно ответил себе на вопрос — до тех пор, пока во главе Верховного Совета стоит Р. Хасбулатов, сотрудничество с парламентом для Президента немыслимо. Характеризуя отношения Президента Б. Ельцина и председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова, в своей книге О. Попцов пишет: «Их отношения (Хасбулатов — Ельцин) трудно назвать даже тупиковыми. Оказавшись в тупике, возможно отойти назад, начать двигаться повторно с исходной точки. Отличительной чертой этого конфликта можно считать принцип: каждый, следуя своей линии поведения, предполагает поведение другого как неминуемо враждебное. При этом для Хасбулатова определяющим являлся факт личных встреч «один на один» с Президентом, контакты иного рода его не устраивали. Встречи «тет-а-тет» ставили Председателя Верховного Совета на одну ступень с Президентом в общественном восприятии»[2].

В своих мемуарах Президент пишет, что в начале сентября 1993 г. он поручил своему первому помощнику В. В. Илюшину начать подготовку указа о проведении Конституционной реформы и роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов[3]. Проект указа о роспуске Верховного Совета впервые обсуждали 12 сентября в подмосковной усадьбе Старо-Огареве. Начальник Службы безопасности Президента А. Коржаков вспоминает: «Туда Борис Николаевич пригласил Козырева, Грачева, Ерина, Черномырдина и Голушко. Мы с Барсуковым на совещание не пошли, а сидели в соседней комнате, готовые в любой момент войти и поддержать Ельцина. Указ одобрили все. Спорили лишь о дате роспуска. Хотели 19 сентября распустить парламент, но, подумав, решили это сделать на день раньше, 18-го»[4].

Черномырдин на этом совещании не присутствовал, он в это время был в командировке. Ельцин сообщил о своих планах премьер-министру Черномырдину и главе Администрации Президента Филатову на следующий день, 13 сентября. Вся подготовка шла в режиме строжайшей секретности. Окружение Президента настаивало на переносе времени объявления указа на более поздний срок, для более основательной подготовки и Президент утвердил новую дату — 21 сентября.

1 См.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 352.
2 *Попцов О.* Хроника времен «Царя Бориса». Россия, Кремль 1991—1995. М., 1995. С.335.
3 См.: *Ельцин Б.Н.* Записки Президента. М., 2006. С. 393—394.
4 *Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997.

14 сентября Б. Ельцин провел заседание Президентского Совета. Президент пригласил на Совет в Большой Кремлевский дворец представителей политических партий и движений, народных депутатов, видных ученых. Открывая заседание, Б. Ельцин поздравил членов Президентского Совета с началом нового политического года, хотя перерыва практически не было, отметил он. В ближайшее время, в сентябре — октябре, наметил Президент, нужно переломить ход этих негативных событий и, прежде всего, устранить разрушительное воздействие двоевластия в России. Нужно выйти из этого состояния, это надоело уже всем, нужен мирный, цивилизованный путь преодоления двоевластия, подчеркнул Президент. Это важнейшее условие для оздоровления экономического, укрепления правопорядка и даже нравственного возрождения страны[1].

15 сентября Президент провел заседание Совета безопасности, официально — по осетино-ингушскому конфликту. Заседание было закрытым, Президент попросил не вести стенограмму[2]. Сразу по его окончании Президент пригласил к себе Черномырдина, Грачева, Ерина и Голушко[3]. Вероятно для обсуждения предстоящего указа о роспуске Верховного Совета.

Тогда же, 15 сентября 1993 г., рабочая группа Конституционной комиссии завершила свою работу. Члены Рабочей группы Конституционной комиссии подготовили документ, в котором признали необходимость создания на основе двух проектов, с учетом поступивших предложений и замечаний, единого согласованного. Сделать это предстояло рабочей группе из членов Конституционной комиссии и Конституционного совещания, которая с 16 сентября 1993 г. должна была приступить к согласованию формулировок двух проектов.

16 сентября состоялась рабочая встреча членов Правительства с народными депутатами России. Главной темой разговоров стала экономическая ситуация в стране и рабочая программа совета министров по стабилизации экономики. Исполнительная и законодательная власти должны работать вместе, сообща сказал, открывая встречу, премьер-министр В. Черномырдин. Он остановился на состоянии российской экономики, отметив, что на сложную экономическую ситуацию накладывается «раковая опухоль» двоевластия. Объясняя позицию правительства по конкретным вопросам, В. Черномырдин обратил особое внимание на «ужасающий вред», который приносит экономике страны противостояние властей, то противодействие, которое встречает в парламенте едва ли не каждый шаг правительства. Премьер-министр призвал народных депутатов к конструктивному сотрудничеству, выразил готовность правительства принять любое дельное предложение народных депутатов, работать сообща. Депутаты выразили премьеру пожелание чаще встречаться, особенно с теми из них, кто не работает в Верховном Совете[4].

В тот же день Президент Б. Ельцин посетил дивизию им. Дзержинского, там, выступая перед журналистами, он сказал, что, по его мнению, выборы в новый федеральный парламент состоятся этой осенью.

1 См.: Российские вести. 1993. 15 сентября.
2 См.: *Ельцин Б.Н.* Записки Президента. М., 2006. С. 401.
3 См.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С.355.
4 См.: Российские вести. 1993. 17 сентября.

В пятницу, 17 сентября, Президент провел заключительное совещание Совета безопасности, на котором должны были оговорить последние детали. Вдруг, неожиданно для Ельцина, силовые министры один за другим стали предлагать отложить намеченное на воскресенье обращение к народу и соответственно введение с этого же момента в действие указа о роспуске парламента[1].

Назывались такие основные причины. На 24 сентября назначено совещание глав государств СНГ в Москве. В связи с введением указа оно может сорваться, руководители республик в Москву не приедут и это сильно ударит по авторитету Президента. Второе. Произошла явная утечка информации, Хасбулатову и Руцкому известно, что подготовлен указ о роспуске парламента и в воскресенье будет объявлено о введении его в действие. Поэтому тот план, который предполагал взятие в воскресный день пустого, неработающего, без сотрудников и депутатов Белого дома, теперь необходимо менять. В воскресенье Хасбулатов приведет туда всех своих сторонников, Белый дом превратится в центр сопротивления. Необходимо поставить их в глупое положение, они собрались сопротивляться и бороться, а сопротивляться и бороться не с чем[2].

На этом же совещании прозвучало, что 19 сентября не лучшая дата для объявлений такого рода — слишком прямые аналогии с 19 августа. Лучше перенести все на 26-е. Ельцин согласился с переносом, но не на неделю, а на два дня, 21-го сентября он выступит с телеобращением.

21 сентября на пять часов вечера была назначена запись телевизионного обращения Президента. Группа телевизионных работников, которая прибыла в Кремль, не знала, что именно она будет снимать. По мере того как Ельцин произносил текст, лица телевизионщиков вытягивались[3]. После записи пресс-секретарь Президента предложил им перейти в комнату без телефонов и скоротать там время до 20 часов за чаем с бутербродами. Журналисты не возражали.

После записи, примерно около семи часов, Ельцин вызвал машину и уехал домой, где и смотрел свое выступление.

21 сентября 1993 г. в 20.00 часов с телеэкрана прозвучало «Обращение к гражданам России» и оглашен Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В указе говорилось, что «сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны». «В сложившихся условиях, — говорится далее, — единственным, соответствующим принципу народовластия средством прекращения противостояния Съезда, Верховного Совета, с одной стороны, Президента и правительства, а с другой, также преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента Российской Федерации».

Президент постановил прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольных функций съезда народных депутатов и Верховного Совета. До начала работы нового двухпалатного парламента — Федерального собрания РФ — и принятия им на себя соответствующих полномочий надлежало руководствоваться указами Президента и постановлениями правительства РФ.

1 См.: *Ельцин Б.Н.* Записки Президента. М., 2006. С. 401.
2 Там же.
3 См.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С.357.

Конституция РФ, законодательство РФ и субъектов РФ, говорилось в указе, продолжают действовать в части не противоречащей указу. Временно, до принятия Конституции РФ и закона о выборах в Федеральное собрание РФ и проведения на этой основе новых выборов, Президент ввел в действие положение «О федеральных органах власти на переходный период», подготовленное на основе проекта Конституции, одобренного Конституционным совещанием 12 июля 1993 г. Новым парламентом становилось Федеральное собрание, состоящее из Государственной думы, избираемой населением и Совета Федерации, формируемого из руководителей законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Данным указом Президент также утвердил положение о выборах в Государственную думу, которые им были назначены на 11—12 декабря 1993 г. Федеральное собрание должно было рассмотреть вопрос о выборах Президента Российской Федерации. Конституционному суду РФ, Президент предложил в указе не созывать заседание до начала работы Федерального собрания РФ[1].

Конституционный суд не согласился с этой «рекомендацией» и на заседании, которое состоялось практически сразу же после выступления Президента, поздно вечером 21 сентября 1993 г., сформулировал заключение о том, что Указ № 1400 и «Обращение Президента к гражданам России» от 21 сентября 1993 г. не соответствуют многим статьям Конституции РФ и служат основанием для отрешения Президента от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в соответствии со статьей 121.10 или 121.6 Конституции РФ.

Отказались подчиниться указу в большинстве своем и народные депутаты РФ. Начавшаяся ровно в полночь чрезвычайная сессия Верховного Совета РФ постановила на основании статьи 121.6 Конституции считать полномочия Президента Б. Н. Ельцина прекращенными с момента подписания Указа № 1400[2]. Вице-президент Руцкой был назначен исполняющим обязанности Президента и приведен к присяге на основании статьи 121.11 Конституции. Сразу после принятия присяги он сел за отдельный президентский стол. А. Руцкой подписал свой Указ №1, по которому принял всю полноту ответственности на себя и отменил указ Ельцина №1400[3].

X Чрезвычайный съезд народных депутатов

В конце работы сессии Верховного Совета было принято решение о немедленном созыве X Чрезвычайного съезда народных депутатов с повесткой дня «О политической ситуации в Российской Федерации, сложившейся в результате антиконституционного переворота, осуществленного Ельциным»[4]. Съезд начал свою работу 23 сентября в 22 часа. Первый вопрос, который рас-

1 См.: Российская газета. 1993. 23 сентября.
2 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 36. Л. 1.
3 См.: *Иванов И.* Анафема. Хроника государственного переворота. Записки разведчика. СПб., 1995. С. 26.
4 См.: *Хасбулатов Р.И.* Великая Российская трагедия. Т.1 . М., 1994. С. 208.

сматривал съезд — о политическом положении в стране в связи с государственным переворотом, совершенным Президентом Ельциным. На эту тему Хасбулатов сделал получасовой доклад, а затем в том же ключе состоялось 15-минутное выступление Руцкого. Оба оратора продолжили критику «антинародного» и «антинационального» курса Ельцина — Черномырдина и дали обоснование альтернативному курсу Верховного Совета и съезда народных депутатов[1].

24 сентября 1993 г. московское отделение ВЦИОМ провело экспресс—опрос 1245 жителей столицы. Согласно данным опроса, 41% москвичей считало, что в конфликтной ситуации, сложившейся в стране, «закон на стороне Ельцина»; 18% — на стороне Верховного Совета; 28% полагало, что деятельность и той и другой стороны незаконны[2].

Из 87 субъектов Федерации на 13.00 22 сентября — 21 поддержали решения Верховного Совета РФ[3], на 7.00 23 сентября — 53 Совета народных депутатов не поддержали указ Ельцина. Из всех глав администрации областей и краев поддержали Верховный Совет только главы Белгородской и Брянской областей (В. Берестовой и Ю. Лодкин), Амурской и Новосибирской областей (А. Сурат и В. Муха). Сурат и Муха оказались единственными главами администрации, которые заявили, что на территории их областей действует Конституция РФ и нарушившие ее, будут привлекаться к уголовной ответственности[4].

Однако реальная сила была полностью в руках Б.Н. Ельцина — милиция, армия, внутренние войска, служба безопасности и другие. От решений Верховного Совета и съезда народных депутатов он попросту отмахнулся, а возложение полномочий Президента на А.В. Руцкого своим указом от 22 сентября охарактеризовал как «присвоение» полномочий Президента А. Руцким, назвал это «незаконным» и «недействительным»[5]. Когда депутаты отказались покинуть Дом Советов, здание было окружено милицией и военными, плотным заграждением из автомашин, а затем и колючей проволокой. Отключили энергоснабжение, водоснабжение. Не было нормального питания.

В тот период многие Советы народных депутатов и руководители субъектов Федерации, общественные объединения выступили с инициативой немедленно начать переговоры. К 25—26 сентября сформировались основные направления проведения возможных переговоров.

С посреднической инициативой выступил Председатель Конституционного суда В. Зорькин. Суть его предложения — «нулевой вариант». То есть отменяются все указы Б. Ельцина после 20 часов 21 сентября; затем до конца 1993 года одновременно проводятся выборы как Верховного Совета России, так и Президента РФ; правомочия законодательной власти до начала работы вновь избранного парламента передаются Совету Федерации.

Ельцин не возражал против «нулевого варианта», но при условии, что такие выборы пройдут с интервалом в полгода, иначе возникнет «вакуум власти»

1 См.: *Бабаев Б.Д.* Расстрел «Белого Дома». Свидетельства очевидца. С.31.
2 ГАРФ, Ф. 10026. Оп. 2. Д. 66. Л .33.
3 ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 56. Л. 3.
4 См.: *Руцкой А.* Кровавая осень. С. 55.
5 См.: *Авакъян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 128.

в переходный период. Руцкой поддержал предложение Председателя Конституционного суда, но Хасбулатова эти условия не устраивали. «У нас есть два выхода: либо одновременное переизбрание парламента и Президента, либо нас просто физически устранят, чего и добивается окружение Ельцина», — сказал он своему заместителю Ю. Воронину[1].

25—27 сентября к поиску компромисса присоединились руководители ряда партий и союзов. Появились модификации «нулевого варианта»: до одновременного избрания Президента и нового парламента полномочия государственной власти возложить на правительство. С таким предложением от имени партий и союзов выступил В. Липицкий. Но и этот вариант вызвал острые возражения. Особенно горячо возражал Руцкой, ведь В. Липицкий, как и Руцкой был сопредседателем партии «Свободная Россия» и, по мнению, и.о. Президента, «соглашательская, пораженческая позиция одного из сопредседателей бросала тень на всю партию»[2].

Обеспокоенный обстановкой в стране, Патриарх Алексий II принял решение прервать свой визит в США и вернулся в Москву. Обстановка накалилась, и многие теперь видели в Патриархе единственного миротворца—посредника. 29 сентября с посланием к Верховному Совету о необходимости политического диалога обратился Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. 30 сентября он встретился с Б. Ельциным. Готовность к диалогу была подтверждена обеими сторонами конфликта. Своими представителями на переговорах Президент назначил руководителя Администрации С. Филатова, первого вице-премьера О. Сосковца и московского мэра Ю. Лужкова.

К половине третьего ночи, уже 1 октября, был, наконец, согласован и подписан Протокол № 1, согласно которому провозглашалось, что, «в целях снятия остроты противостояния, стороны согласились реализовать следующие меры:

1. В целях обеспечения безопасности, сбора и складирования внештатного оружия, находящегося в Доме Советов, осуществить его сбор, складирование в Доме Советов и взятие под охрану совместных контрольных групп, организованных из сотрудников ГУВД г. Москвы; департамента охраны Дома Советов. Для этого незамедлительно включается электроэнергия, теплоснабжение, а также необходимое количество городских телефонов для оперативной связи. Одновременно реализуются согласованные меры по сокращению потенциала сил и средств наружной охраны Дома Советов.

2. После реализации первого этапа стороны приступают к полному снятию вооруженного противостояния, заключающемуся в одновременном выводе из Дома Советов всех охранных формирований и снятию наружной охраны ГУВД. Одновременно окончательно решаются вопросы вывоза нештатного орудия из Дома Советов. Исполнение задач второго этапа происходит при согласовании и выполнении правовых и политических гарантий».

Как вспоминает Филатов, взаимно довольные сторонники переговоров «поздравили друг друга с этой маленькой, но очень важной победой»[3].

1 См.: *Воронин Ю.М.* Стреноженная Россия. М., 2003. С. 477.
2 Там же. С. 479.
3 *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 292.

Утром в «Белом доме» включили телефоны, свет и воду, блокада вокруг здания была ослаблена, информационные агентства объявили о скором отводе войск МВД из Москвы.

Но не тут-то было! «Протокол № 1» реально означал больше, чем было записано в этих двух пунктах. Отметим, что Соколов и Абдулатипов к этому времени уже проявили себя как сторонники разрешения конфликта по предложениям региональных лидеров. Если оружие в «Белом доме» ставилось под контроль, если конфликтная ситуация разряжалась, блокада и силовое противостояние уходило в прошлое, то конфликт развивался дальше в предсказуемом направлении — то есть так, как следовало из требований субъектов Федерации. В таком случае «третья сила» — военные, сторонники А. Руцкого, министра обороны, назначенного X съездом В. Ачалова, генерал-полковника Макашова — становились здесь просто не нужны. Это — во-первых. Во-вторых, такое развитие событий не устраивало и Хасбулатова с Руцким. В таком раскладе политических сил их будущее место было весьма проблематичным.

«Военный совет обороны Дома Советов» оценил «Протокол № 1» следующим образом: «1. Комиссия в составе Соколова В.С. и Абдулатипова Р.Г. превысила полномочия, данные ей X чрезвычайным Съездом народных депутатов РФ в части подписания 1.10.93 г. протокола N 1 ... без предварительного согласования его со Съездом.

2. Подписание протокола N 1 является ошибочным, так как предварительно не были выработаны условия вхождения в конституционное поле в соответствии с решением X Съезда народных депутатов.

3. Для обеспечения вхождения в конституционное поле необходимо;

а) до 8.00 01.10.93 г. денонсировать вышеупомянутый протокол N 1;

б) до 10.00 01.10.93 г. провести руководству Верховного Совета РФ пресс-конференцию об ошибочной позиции, занятой делегацией Съезда на переговорах с Правительством Черномырдина В.С.;

в) на утреннем заседании 01.10.93 г. Съезду назначить комиссию по выработке тактики и стратегии ведения переговоров с Правительством Черномырдина В.С.

Условием начала переговоров является безусловное выполнение следующих требований:

— обеспечение широких возможностей по изложению позиции Съезда народных депутатов РФ в средствах массовой информации;

— подключение всех систем снабжения Дома Советов;

— восстановление издания незаконно закрытых газет и соответствующих программ телевидения;

— снятие вооруженной блокады здания на ближних и дальних подступах;

— вступление в должность министров, назначенных Съездом.

Постановка вопроса о нештатном оружии, находящемся в Доме Советов России, неправомочна, так как все имеющееся оружие — штатное и принадлежит Департаменту охраны Верховного Совета РФ».

Решение Военного Совета было подписано министрами обороны, безопасности, внутренних дел Баранниковым, Ачаловым и Дунаевым.

По сути, это был призыв к продолжению и обострению конфликта. Военный совет диктовал свою волю руководству Верховного Совета. Он исключал любую возможность компромисса.

Переговоры в этом случае утрачивали всякий смысл. Программа, предложенная Хасбулатовым и Руцким под давлением военных, сторонников В. Ачалова и В. Макашова означала, с одной стороны, отказ от признания правомочности Президента Ельцина и Правительства, с другой — полный и демонстративный разрыв с предложениями регионов, требовавших возвращения к «нулевому варианту» — состоянию до 21 сентября, подготовке и проведении выборов под контролем Совета Федерации, а не Верховного Совета.

Программа Хасбулатова—Руцкого объективно была провокацией, направленной на обострение конфликта, переводе его в силовую плоскость, в авантюру.

На встрече участников переговоров в Свято-Даниловом монастыре, в присутствии патриарха, Воронин объявил, что «Протокол № 1» дезавуирован, что проблема оружия — только частный случай общей проблемы неконституционных действий «бывшего Президента», что никакого лишнего и неучтенного оружия в «Белом доме» нет, так как «у нас все оружие штатное, а Руцкой как президент может создавать любые формирования и раздавать любое оружие»[1]. Переговоры были сорваны. Конфликт вступил в новую, опасную, неконтролируемую фазу.

2 октября, в субботу, в центре Москвы был устроен праздник знаменитой московской улицы — Арбата. На торжестве присутствовал Президент Ельцин. Когда он появился на старом Арбате, на противоположном конце улицы, который выходил на Бульварное кольцо, оказались другие «выступающие».

Они стали строить баррикады, подожгли откуда-то взявшиеся автомобильные покрышки, разломали металлические конструкции эстрады для выступления артистов. Начались ожесточенные столкновения с милицией. Против милиционеров были применены металлические палки, в них летели бутылки с бензином. Из газосварочного аппарата было сделано подобие огнемета, который применили против милиции. Милиция отвечала дубинками, пластиковыми и боевыми пулями. В ходе беспорядков на несколько часов оказалось перекрытым Садовое кольцо у Министерства иностранных дел. С обеих сторон были многочисленные раненые. Были и убитые.

Действия оппозиции были неплохо просчитаны. Телевидение вело на всю страну передачу протокольной съемки Президента на старом Арбате, а на телевизионной «картинке» были видны клубы черного дыма, баррикады, окровавленные люди... Это была реклама оппозиции, и реклама действенная. Она свидетельствовала: оппозиция берет верх в открытых столкновениях с властью, растерявшейся, не ожидавшей выступления своих противников.

Вместе с тем, вечером не было сделано никаких заявлений от имени Президента. Похоже, что такое развитие событий оказалось для него неожиданным, застало врасплох, вызвало растерянность.

[1] *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 301.

На следующий день, 3 октября, конфликт приобрел лавинообразный характер. Днем должен был состояться митинг оппозиции на Октябрьской площади. Там собралось несколько десятков тысяч людей. Руководил митингом И.В. Константинов, председатель исполкома Фронта национального спасения. В 14 часов толпа двинулась по Крымскому мосту в сторону Садового кольца. По пути она смела заслоны милиции у Крымского моста, закидала его камнями, кусками асфальта, у милиционеров отбирали щиты, резиновые дубинки, словом, все, что было. Многотысячная толпа прорвала оцепление на Зубовской площади, сокрушила все заслоны на Смоленской, двинулась по Новому Арбату. Трофеями стали уже военные грузовики, стрелковое оружие.

К половине четвертого толпа оказалась уже перед зданиями Белого дома и московской мэрии. За минуты были раскиданы проволочные заграждения, и толпа двинулась на мэрию. Оттуда раздались выстрелы милиции, охранявшей здание. Захват высотного здания мэрии был произведен стремительно. Автомобилями разбили стеклянные двери и ворвались внутрь здания. Немногочисленная охрана была разоружена и взята в плен. Непосредственным участником захвата был «министр обороны» Ачалов.

Затем была захвачена гостиница «Мир», стоявшая рядом с мэрией. Там находился штаб МВД по блокаде «Белого дома». Документация, оружие, автомобили достались восставшим.

В Верховном Совете — эйфория, переходящая в истерию. С балкона «Белого дома» выступали Руцкой, Макашов, материвший «всех этих мэров, пэров и...». Хасбулатов звал «наших доблестных воинов привести сюда войска, танки для того, чтобы штурмом взять Кремль и узурпатора бывшего — преступника Ельцина». По призыву Руцкого, у «Белого дома» были сформированы колонны захваченных грузовиков и автобусов, на которых, под красными флагами, сотни людей, вооруженных чем попало, под командованием депутата генерал-полковника Макашова двинулись освобождать «империю лжи», как они именовали Останкино. В 17 часов в сторону Останкино двинулось 15 автомашин и автобусов с вооруженными людьми. Туда же направились экстремистски настроенные Ампилов, Уражцев, Константинов. Около 10 тысяч человек сформировали колонну и направились к телецентру.

Все эти события происходили в центре десятимиллионного города, столицы государства. Казалось, за два-три часа любая власть куда-то пропала, растворилась. В ясный воскресный день разыгрывалось что-то фантасмагорическое.

В 6 часов вечера в зале Верховного Совета вновь был собран Съезд. Хасбулатов, демонстрировавший уверенность в победе, говорит депутатам и журналистам: «Наконец, наметился перелом в той ситуации, которая длится 12 дней... События показывают, что люди инстинктивно отвергают тиранию... Сейчас субъекты федерации должны заседать в Конституционном суде, я пригласил их сюда... Сейчас сюда движутся войска. Я не знаю, по чьему приказу. Но я убежден, что войска не будут открывать огонь по защитникам демократии... Я считаю, что сегодня надо взять Кремль. «Останкино» взято. Взята мэрия. Руководителем администрации Москвы назначен Краснов (председатель

Краснопресненского Совета. — *Р.П.*) ... Сейчас надо определиться, чтобы иметь план действий на ночь и до утра — до полной победы... Почтим память погибших за правое дело...»[1].

В обстановке очевидного вакуума власти захват Останкино означал распространение начинавшейся гражданской войны на всю Россию.

Оппозиция понесла у Останкино два тяжелых поражения. Первое было пропагандистским, идеологическим. Нападение на Останкино в минуты сделало тележурналистов непримиримыми, бескомпромиссными врагами Верховного Совета и его сторонников. С колебаниями было покончено. Мощная, искренняя ненависть обрушилась на Верховный Совет и его сторонников, которых с этого времени стали именовать путчистами.

Второе поражение было военным. Попытка Макашова захватить телецентр угрозами — «Мы не будем первыми стрелять. Если найдутся придурки, которые будут стрелять, мы сделаем так, что им останется только: чемодан-вокзал-Израиль»[2] — не напугали. Толпа попыталась повторить опыт мэрии. Тяжелый грузовик начал ломать стеклянную стену первого этажа. Но опыт мэрии учло и командование МВД. Телецентр охранял спецназ дивизии Дзержинского, у зданий телецентра стояли БТРы. Они ответил огнем на поражение. Первый выстрел был сделан в парня из толпы, приготовившегося стрелять из гранатомета по зданию телецентра. Во вспыхнувшей перестрелке погибли многие люди, пришедшие «освобождать Останкино».

Журналистка Вероника Куцылло, находившаяся в Верховном Совете в этот день, записала: «Белый дом затих. В коридорах сменился воздух. Люди ходят медленно, разговаривают вполголоса. Руководство затаилось. Все пропитано тягостным ожиданием. Пару часов назад стали возвращаться автобусы с «Останкино». Есть раненые. Убитые остались там. Вернувшиеся подавлены и потрясены. Они растекаются по Белому дому, добавляя привкус безнадежности и, частью, отчаянной решимости»[3].

Захват мэрии, гостиницы «Мир», попытки штурма Останкино и захвата здания ИТАР—ТАСС, Краснопресненского УВД, Тимирязевского телефонного узла, а также блокировать здания Министерства обороны поставили Президента в положение, когда нельзя было не принимать силовые меры.

Президент ночью встретился с руководством министерства обороны. В ответ на прямой вопрос — будут ли выполняться его приказы — Грачев крутил, пытаясь отсидеться, ссылался на мнение коллегии, просил письменный приказ. Но отсидеться ему не удалось. Черномырдин, бывший на коллегии, кратко и красочно высказал свое мнение по этому поводу, а Президент сказал, что письменный приказ — будет[4].

В 5 часов утра 4 октября был подписан Указ Президента «О неотложных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве», по которому министру внутренних дел Ерину, министру безопасности Голушко,

1 *Куцылло В.* Записки из Белого дома. 21 сентября—4 октября. М., 1993. С. 117.
2 *Иванов И.* Анафема. Хроника государственного переворота. Записки разведчика. СПб., 1995. С. 244—245.
3 *Куцылло В.* Записки из Белого дома. 21 сентября—4 октября. М., 1993. С. 120.
4 *Ельцин Б.Н.* Записки Президента. М., 1994. С. 385—386.

министру обороны Российской Федерации Грачеву к 10 часам утра 4 октября 1993 г. было приказано «создать объединенный оперативный штаб по руководству воинскими формированиями и другими силами, предназначенными для обеспечения чрезвычайного положения в г. Москве».

Комендант района чрезвычайного положения в Москве должен был «незамедлительно принять меры по освобождению и разблокированию объектов, захваченных преступными элементами в г. Москве, разоружению незаконных вооруженных формирований и изъятию оружия».

В Москву были введены десантные части. С 6 часов 45 минут начался обстрел «Белого дома», сначала из легкого стрелкового оружия, потом на Кутузовском проспекте перед зданием Верховного Совета встали пять танков Кантемировской дивизии. Снаряд за снарядом влетал в окна верхних этажей здания, там начался пожар. Страшная в своей детальности картина, неправдоподобной четкости, когда на фоне ярко-синего неба, в беломраморное здание, всаживались снаряды, а из окон выбивался черно-красный дым — транслировалась по CNN на весь мир.

Около четырех часов пополудни в здание «Белого дома» проникли сотрудники спецподразделения «Альфа» и потребовали прекратить сопротивление. Стрельба была остановлена. В половине пятого начался выход из здания более 1500 его «сидельцев». Часть активных участников Верховного Совета во главе с Хасбулатовым и Руцким была немедленно арестована. Стрельба в Москве продолжалась еще несколько дней.

По данным Генеральной прокуратуры, погибло 148 человек. Оппозиция говорила о значительно большем числе убитых и раненых, называлось до полутора тысяч погибших.

Гражданская война, начинавшаяся вокруг отдельно взятого дома, — «Белого дома» — была пресечена. Пресечена жестоко. Но гражданская война не расползлась по стране.

Принятие Конституции 1993 года

Указом от 7 октября 1993 г. «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации» на период до начала работы Федерального собрания Президент принял на себя все полномочия по правовому регулированию вопросов финансов, бюджета, собственности и других, принадлежащих ранее съезду и Верховному Совету РФ.

Другим указом от 7 октября «О Конституционном суде Российской Федерации»[1] Президент обвинил Конституционный суд в том, что тот «дважды в течение 1993 г. своими поспешными действиями и решениями ставил страну на грань гражданской войны. Но когда угроза гражданской войны стала реальной, Конституционный суд бездействовал». Далее, Конституционный суд обвинялся в том, что, приняв одностороннее решение в отношении Указа № 1400, не дав незамедлительной оценки антиконституционным насильственным действиям экстремистских сил, не рассмотрев вопрос о конституционности актов бывшего Верховного Совета, Съезда народных депутатов после прекращения их полномочий, сыграл негативную, в сущности, пособническую роль в трагическом развитии событий 3—4 октября 1993 г. в Москве[1].

[1] См.: Российская газета. 1993. 9 октября.

В принципе, Конституционный суд и его Председатель в целом действовали в рамках дозволенного этому органу. Как известно, Конституционный суд по закону того времени давал оценку не каким-то неведомым «экстремистским силам», а актам органов и действиям высших должностных лиц государства. Поскольку Конституционный суд признал Указ № 1400 и действия Президента противоречащими Конституции, из этого вытекала конституционность деятельности Верховного Совета и Съезда народных депутатов, соответствующая их полномочиям. Над Конституционным судом нависла угроза ликвидации. Председатель Конституционного суда В. Зорькин подал в отставку, работа самого Конституционного суда была приостановлена.

Кроме того, Президент издал ряд указов по прекращению деятельности представительных органов власти субъектов РФ и представительных органов местного самоуправления. Повсеместно была прекращена деятельность Советов народных депутатов — сельских, поселковых, районных, городских, областных, краевых и других.

Одержав победу, Б. Ельцин все сделал для того, чтобы его вариант Конституции был принят. Так как проводить выборы депутатов, а затем ждать от них принятия Конституции было делом рискованным (ведь в парламент могут прийти прежние оппозиционеры), для Ельцина стало очевидным то, что Конституцию надо выносить на референдум. Это выглядело бы демократично. Работа над проектом Конституции возобновляется. Возобновилась и деятельность Конституционного совещания. За основу был взят проект Конституционного совещания. Но, необходимо заметить, он уже не соответствовал ситуации сложившейся в России после октябрьского путча. Его компромиссность, половинчатость объяснялись стремлением учесть позиции и президентской стороны, и съезда и лидеров региона. Поэтому на завершающем этапе работы в нее были внесены серьезные коррективы.

Указом от 15 октября 1993 г. «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» было назначено голосование на тот же день 12 декабря, когда должны быть выборы депутатов федерального парламента[2]. В бюллетень включалась формулировка: «Принимаете ли Вы Конституцию Российской Федерации?» — «да» или «нет».

Утверждалось положение о всенародном голосовании по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 г.

Было установлено, что, в случае принятия Конституции, она вступает в силу с момента опубликования результатов всенародного голосования. Однако многие конституционные начала новой организации власти вводились уже актами Президента. Согласно положению от 21 сентября 1993 г. о федеральных органах власти, на переходный период, законодательным и представительным органом РФ становилось Федеральное собрание, состоящее из двух палат — Государственной думы и Совета Федерации.

[1] См.: Российская газета. 1993. 9 октября.
[2] См.: Российская газета. 1993. 19 октября.

Проект Конституции, выносимый на всенародное голосование, был готов в начале ноября 1993 г. Проект был опубликован 10 ноября 1993 г.

На референдуме Конституция получила требуемое большинство голосов. В голосовании приняли участие 58 187 755 зарегистрированных избирателей (54,8%) из общего числа 107 миллионов. Итак, 49 миллионов вообще не пришли голосовать. За принятие проекта Конституции России проголосовало 32 927 630 избирателей (58,4%), против — 23 431 333 человека (41,6%)[1]. Такое голосование отражало состояние российского общества начала 90-х, его правовое сознание.

Официальная дата вступления в силу Конституции России 25 декабря 1993 г. Указом от 19 сентября 1994 г. Президент объявил 12 декабря 1993 г. государственным праздником — Днем Конституции Российской Федерации.

Случилось так, что инициатором осеннего противостояния стал Б. Ельцин. Но, так или иначе, обе ветви власти рассчитывали, что первый шаг сделает Президент.

Оппозиция, судя по всему, втайне желала того же, к чему стремился сам Б.Н. Ельцин: начнет именно он. Но, по мнению противников Президента, этим самым он обречет себя на политическое поражение. Сторонники Верховного Совета надеялись на активную поддержку довольно значительных слоев недовольного и разочаровавшегося в реформах населения.

Президентская же сторона руководствовалась осознанием правового тупика в развитии страны. Конституционный кризис заводил страну в тупик, кровавое болото гражданской войны. Президент пошёл, и пошёл сознательно, на нарушение права действовавшей Конституции 1978 г. с её бесчисленными поправками, с тем, чтобы создать принципиально иную конституционную основу страны. В сущности, это была революция, приведшая к ликвидации советского строя в стране и появлению конституции, основанной на принципе разделения властей.

Драма октября 1993 г. углубила раскол в обществе. Особенно ярко проявилось это в резком размежевании внутри интеллигенции. Большая группа ее видных представителей, известных и почитаемых всей страной — среди них В. Астафьев, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов, В. Быков, Б. Васильев, Ю. Нагибин, Б. Окуджава, Р. Рождественский — оценивая случившуюся ситуацию, требовали приостановить деятельность органов Советской власти[2].

Другая группа не менее известных и почитаемых представителей творческой интеллигенции, в том числе Ю. Бондарев, В. Белов, В. Распутин, А. Шилов, Т. Доронина, С. Говорухин, С. Бондарчук. Г. Свиридов, призывали Ельцина и Хасбулатова перевернуть назад «страницу в книге русской беды», сделать так, чтобы высший закон страны немедленно вернулся к исполнению[3].

1 См.: Адвокат. 2003. № 12.
2 См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 353—354.
3 См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 354.

Глава 9
Между битвами: 1994—1995 годы

Обманчивое затишье

После политических бурь 1993 г. наступило затишье. Ельцин считал, что с принятием Конституции все должно измениться. Как вспоминают его помощники, Президент воспринимал новый, 1994 год, как начало жизни с нового листа. «Он серьезно надеялся, что теперь можно будет жить по-другому, без таких жестких конфликтов, рассчитывал на конструктивное взаимодействие с новым депутатским корпусом»[1]. Учитывая состав Государственной Думы, надежда была иллюзорной, и свидетельствовала лишь об усталости Ельцина.

По натуре он был скорее спортсменом, в том числе и в политике. Он был особенно хорош на коротких дистанциях, ему был нужен быстрый результат, ради достижения которого он был способен выкладываться полностью. Если результата не было, как это произошло в его бытность первым секретарем московского горкома, наступало разочарование, спад, что обычно приводило и к физическим недомоганиям. Но и победа отнимала силы, и он нуждался в отдыхе. А в политике нельзя терять темп. Победу, вырванную в острой борьбе надо закреплять.

С конца 1993 г. активность Президента резко падает, что свидетельствовало об усталости, проблемах со здоровьем, и, возможно, психологическом надломе. Он понимал, что победа над оппозиционным Верховным Советом оказалась пирровой, экономическая ситуация тяжелой, народ устал. Требовалась повседневная кропотливая изнурительная работа, к которой он не был готов. Помощники президента, работавшие с ним в тот период, прямо пишут о том, что Ельцин переживал затяжную полосу кризиса[2]. Причины крылись в особенностях психологического склада личности. Как писал С.А. Филатов, «Ельцин — политик не для спокойной стабильной ситуации. Он хорош, активен, здоров в периоды обострений ситуации, в период "бури и натиска". Такое впечатление, что ему просто необходимо все время с кем-то сражаться»[3].

План действий президента на 1994 год в общих чертах был готов лишь к концу апреля, и в мае продолжал вяло дорабатываться. Число мероприятий, в которых он принимал участие, постоянно сокращалось. Ельцин часто отсутствовал[4]. Политическое затишье было обманчивым. В тиши кремлевских и думских кабинетов обсуждались далеко идущие планы действий, подспудно шли процессы, которые могли в одночасье взорвать относительную стабильность.

16 февраля 1994 г. Государственная дума приняла постановление «Об утверждении состава комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 г. В нее вошли противники Президента, и было очевидно, что

1 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 402.
2 Эпоха Ельцина. С. 505.
3 *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 429.
4 Эпоха Ельцина. С. 511.

результаты расследования будут не в его пользу. Другим таким событием стало постановление Государственной Думы «Об объявлении политической и экономической амнистии», принятое 23 февраля 1994 г. Согласно этому постановлению были выпущены на свободу участники ГКЧП и защитники Белого дома в октябре 1993 г. Уже на третий день, 26 февраля, Р. Хасбулатов, А. Макашов, А. Руцкой, а за ними и другие противники Ельцина выходят из тюрьмы.

Это был прямой вызов Президенту, Ельцин был взбешен. Он тщетно пытался остановить реализацию постановления об амнистии. Однако, несмотря на распоряжение Ельцина и давление Администрации Президента, генеральный прокурор А.И. Казанник отказался противодействовать амнистии и подал в отставку[1]. По его словам, менее чем за пять месяцев работы Генеральным Прокурором он убедился, что «в деятельность прокуратуры пытался вмешиваться не только Ельцин, но и его советники, помощники, вплоть до чиновников, которые считали себя вправе позвонить мне»[2].

Ельцин был настроен очень решительно и отдал приказ министру внутренних дел В.Ф. Ерину немедленно арестовать выпущенных по амнистии. Срочно был вызван исполняющий обязанности Генерального прокурора Ильюшенко, чтобы дать официальное согласие на распоряжение президента[3]. Однако, поостыв, Ельцин пошел на компромисс. Генерального прокурора можно было уволить, а с избранной Думой надо было уживаться. Тем более, что Дума приняла решение о ликвидации комиссии по расследованию октябрьских событий. В этом вопросе интересы Президента и депутатского корпуса совпадали. Каковы бы ни были результаты расследования, они могли лишь разрушить хрупкий мир в высших эшелонах власти и привести к новому витку противостояния в обществе.

В Послании к Федеральному собранию, с которым Президент выступил 24 февраля 1994 г., Ельцин призывал к общественному согласию, к конструктивному взаимодействию различных политических сил. Акцент был сделан на первоочередных мерах в области государственного строительства. Послание так и называлось «Об укреплении российского государства». Ставилась цель «сделать Россию процветающей страной, в которой живут свободные люди, ..., в которой власть основана на праве и не подавляет гражданина; страной с эффективной экономикой...».

Для определения стратегии развития страны и подготовке ежегодного послания Президента была привлечена большая группа экспертов и помощников. Они получили от Президента лишь самые общие указания. Ельцин перенес грипп, плохо себя чувствовал и ограничился лишь самыми общими замечаниями, никаких поправок в готовый текст не внес[4].

1 А.И.Казанник был назначен Генеральным прокурором РФ указом Президента 5 октября 1994 г. вместо сотрудничавшего с Верховным Советом В.Г. Степанкова.
2 Независимая газета 12 апреля 1994.
3 Подробнее см.: *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 288—294.
4 *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 286.

Президентская команда: новые люди

Президентская команда пыталась преодолеть и отчасти компенсировать своей активностью вялость президента. Ельцин всегда искал людей со свежими идеями, и постепенно вокруг него сложилась группа демократически настроенных представителей интеллигенции. По свидетельству В.Н. Шевченко, «к 1992 году Б.Н. Ельцину удалось собрать свою команду, состав которой почти не менялся до выборов 1996 года. Основа этой команды — помощники президента, которые и сформировали администрацию как орган, обеспечивающий планирование перспективной деятельности и подготовку проектов решений, направляемых ему на подпись, контроль за их выполнением, а также всю текущую работу по выполнению конституционных полномочий президента»[1].

Наряду с Л. Сухановым, В. Илюшиным, А. Корабельщиковым, Д. Рюриковым, Л. Пихоя, В. Семенченко, работавшими с момента избрания Ельцина Президентом, в команду влились Ю. Батурин, Г. Сатаров, А. Лифшиц, М. Краснов, Е. Шапошников, Б. Кузык.

В ближайшее окружение Ельцина приходило все больше людей, которые хотели служить демократической идее, а не только лично президенту. Как писал пресс-секретарь Президента В.В. Костиков, «для меня и многих моих друзей "бороться" за Ельцина значило бороться за демократию... Это значило поддерживать его демократические навыки, приобретенные во время работы в Межрегиональной депутатской группе. Это значило противодействовать его старым партийным привычкам, куда более сильным, чем вновь приобретенные. ... В моей работе пресс-секретаря это и было некоей сверхзадачей»[2].

В 1993 г., после того, как администрацию Президента возглавил С.А. Филатов[3], ее полномочия расширились. Она отвечала за вопросы национальной безопасности, связь с парламентом, правовые вопросы, военно-техническое сотрудничество, экономику. Как постоянно действующий консультативный орган при Президенте был сформирован Президентский совет, в который вошли Д. Волкогонов, Е.Т. Гайдар, С. Ковалев, Ю. Лужков, А. Собчак, А. Емельянов, С. Караганов, А. Мигранян и др.

В апреле 1994 г. была проведена реорганизация информационно-аналитической деятельности администрации президента. Вместо двух аналитических центров по общей политике и по социально-экономической политике был создан Аналитический центр при Президенте Российской Федерации (в апреле 1995 г. переименован в Аналитическое управление Президента РФ) и консультативно-совещательный орган Экспертно-аналитический совет под председательством руководителя администрации С.А. Филатова. К сотрудничеству привлекались ученые, специалисты, известные своими демократическими взглядами, Е.Г. Ясин, Д.А. Волкогонов, Э.Д. Днепров, М. Урнов, А.Н. Яковлев, Э.А. Паин, А.Я. Лифшиц, Ю.А. Левада, О.Р. Лацис и др.

Президентский совет играл чисто формальную роль, собирался не регулярно. Но экспертно-аналитический отдел при Президенте заседал почти каждую

1 *Шевченко В.Н.* Повседневная жизнь Кремля при Президентах. М., 2005. С. 161.
2 *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 44.
3 С.А. Филатов сменил на этом посту Ю.В. Петрова, который работал с Ельциным еще в Свердловском обкоме КПСС.

неделю, обсуждая стратегические вопросы внутренней и внешней политики. Другое дело, что их наработки оказались мало востребованными Президентом, порой помощникам было трудно даже встретиться с президентом по служебным делам. Отношения внутри президентской команды были сложные. Сказывалось соперничество за близость к «хозяину» и влияние на него между группой А. Коржакова и группой помощников. О характере взаимоотношений в окружении Ельцина свидетельствует такая красочная деталь: «...все помощники президента исходили из представления, что нас слушают, и, если нам нужно было сказать друг другу нечто, не предназначенное для "больших ушей" Кремля, мы просто при разговоре обменивались записочками, которые потом уничтожали»[1].

В сентябре 1995 г., протестуя против опасного усиления влияния Службы безопасности президента, С.А. Филатов направил Ельцину докладную записку, написанную в необычно резкой манере. Он писал, что после октябрьских событий 1993 года «СБП особенно активизировала свою деятельность, усиливая влияние на расстановку кадров и подготовку аналитических материалов, а значит, на выражение своего видения основных направлений внешней и внутренней политики... Тут — однозначно появление еще одного центра политического влияния на государственную и кадровую политику, не предусмотренного ни Конституцией, ни законом»[2]. Руководитель Администрации считал, что такое развитие событий опасно для демократического государства и в корне меняет лицо президента Б.Н. Ельцина. Однако никакой реакции от президента не последовало, за исключением того, что вскоре Филатов вынужден был оставить свой пост.

Стабильной работе президентской команды мешали постоянные перетряски руководящих кадров в Кремле. «В вопросе о кадрах, об отношении к ним, об их частой сменяемости ситуация, к сожалению, напоминала времена работы Ельцина в МГК КПСС: тогда на пленуме его ругали за кадровую чехарду, — писал С.А. Филатов. — Видимо, в его характере — постоянная потребность, какой-то зуд замены людей, магическая вера, что таким образом все сразу изменится к лучшему... И еще — паническая боязнь, что кто-то сможет слишком близко подступиться к нему»[3].

Стиль работы Ельцина наглядно характеризует такой эпизод. После отставки А. Казанника на пост генерального прокурора Коржаков предложил А. Ильюшенко, который работал в Администрации президента начальником контрольного управления. В аппаратном противостоянии Ильюшенко ориентировался на Коржакова, поэтому с точки зрения помощников был неудачной кандидатурой. Против назначения Ильюшенко был и С.А. Филатов. Именно ему президент поручил представлять новую кандидатуру в Совете Федерации. Ельцину говорили, что появление Филатова в Совете Федерации резко снижало шансы на утверждение Ильюшенко, предлагали поручить представление Черномырдину, выступление которого было бы воспринято более благосклонно. Но был послан Филатов. Одно из возможных объяснений — президент не очень хотел утверждения Ильюшенко, а соответственно усиления Коржакова[4].

1 *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 11.
2 *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С 242.
3 *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 241.
4 Эпоха Ельцина. С. 408.

Вероятна и другая версия — Ельцин демонстрировал власть. Президент принимает решение, и оно должно быть выполнено, согласен ты с ним или нет.

Для неформального общения и отдыха существовал так называемый «Президентский клуб». Кроме Ельцина, который считался председателем, входили М. Барсуков, П. Грачев, В. Ерин, В. Илюшин, А. Козырев, Ш. Тарпищев, В. Черномырдин, В. Шумейко, В. Юмашев, Б. Березовский, П. Бородин, Ю. Лужков, О. Сосковец. Г. Хазанов, И. Рыбкин[1].

Трудный путь к согласию и взаимодействию

Тем временем по заданию Администрации независимая экспертная группа проанализировала официальные данные Центральной и ряда окружных избирательных комиссий по выборам в Государственную Думу. Выводы, представленные в конце марта 1994 г., были неутешительными — эксперты обнаружили массу фальсификаций как на уровне отдельных избирательных участков, так и окружных комиссий. «Очищенная» от фальсификации оценка результатов голосования заметно отличалась от официальной:

Всего в голосованиях 2 декабря реально приняли участие 49 млн избирателей из 106,2 млн или 46,1%. По официальным данным 58,2 млн или 54,8%.

За «Выбор России» было отдано 10, 34 млн голосов (официально 8, 34 млн)
ЛДПР — 6,32 млн (официально 12,32 млн),
КПРФ — 4,90 млн (официально 6,67 млн)
«Яблоко» — 4,02 млн (официально 4,22 млн)
«Женщины России» — 3,37 млн (официально 4,37 млн)
ПРЕС — 3,12 млн (официально 3,62 млн)
ДПР — 2,93 млн (официально 4,97 млн)
АПР — 2,55 млн (официально 4,29 млн)
«Против всех» — 2,36 млн (официально 2,27 млн)
РДДР — 2,19 млн (официально 2,19 млн)

Руководители экспертной группы А.А. Собянин и В.Г. Добровольский считали, что Президент должен действовать. Предлагалось на самом высоком уровне начать масштабную кампанию по пересмотру результатов выборов, что логично вело к роспуску только что избранной Думы. В Администрации эта идея не получила поддержки по одной простой причине — сама методика пересчета выглядела сомнительной, а отсюда и результаты пересчета были неубедительными. Можно представить, к каким новым политическим потрясениям мог привести пересмотр результатов выборов. Когда материалы проверки просочились в прессу[2], это вызвало такой общественный резонанс, что Администрация была вынуждена открещиваться от мнения экспертов.

Было понятно, что конфронтационные сценарии не проходят. Президенту надо было налаживать взаимодействие с различными политическими силами, уживаться с Государственной Думой, какой бы оппозиционной она не была. Для принятия политических решений и законодательной работы нужен был механизм согласительных процедур. 10 марта начались консультации о подго-

1 Эпоха Ельцина. С. 528.
2 См.: *Выжутович В.* «Центризбирком превращается в политическое ведомство»// Известия 4 мая 1994.

товке меморандума о гражданском мире в России. Стали регулярно проходить встречи представителей Президента, Государственной Думы, Совета Федерации и правительства.

В сложившейся ситуации отсутствие Президента на своем рабочем месте грозило обострением политической обстановки. 14 марта Ельцин неожиданно отправился на отдых в Сочи. Внеурочный отъезд в плохую погоду вызвал множество слухов и предположений. 16 марта в ряде московских газет появился анонимный документ под названием «Версия № 1», а через несколько дней уточненная «Версия № 2». Неизвестные авторы прогнозировали государственный переворот, который подготовлен некоей «группой высокопоставленных государственных лиц» в сговоре с силовыми министрами, П. Грачевым, В. Ериным, С. Степашиным. Предполагаемый сценарий был аналогичен августовскому путчу 1991 г.: ссылаясь на ухудшение состояния здоровья и физическую неспособность руководить страной, президента отстраняют от власти, полномочия Президента передаются В. Черномырдину.

В Федеральной службе контрразведки этим публикациям не придали значения в силу вздорности измышлений[1].

Серьезного расследования не было и анонимщики остались неизвестными. Ельцин отреагировал на слухи с большим опозданием. Только 25 марта он дал интервью по телефону главному редактору «Известий», а через два дня прервал отпуск и вернулся в Москву. Причина этого могла крыться в том, что, находясь на отдыхе, он не получал информацию в полном объеме. Как пишут помощники, его не принято было беспокоить. Кроме того, долгое молчание, возможно, объяснялось тем, что у него «было неплохое чутье относительно того, где пустые домыслы, а где действительно "пахло жареным", и он руководствовался правилом — не реагировать на многочисленные слухи о его здоровье»[2].

Слухи о возможных сценариях государственного переворота и опасность, что они обернутся реальностью, стимулировали работу над Договором об общественном согласии. 28 апреля он был подписан высшими федеральными органами государственной власти, субъектами Российской Федерации, политическими партиями и общественными движениями. От участия в Договоре об общественном согласии отказалась только Коммунистическая партия РФ, а позже из него вышла ранее подписавшая договор Либерально-демократическая партия России. Президент очень серьезно относился к Договору, рассчитывая снизить накал противостояния в обществе. Однако сколько-нибудь значительных результатов этот Договор не дал, в частности потому, что обозначенный в нем период — 2 года — совпал с двумя избирательными кампаниями.

По предложению Президента была создана Объединенная конституционная комиссия под его руководством с участием председателей палат и высших судов и объединенная рабочая группа из представителей всех ветвей власти, чтобы координировать планы законодательной работы. Но добиться согласия и полного взаимодействия не удалось.

На практическом уровне поддержание стабильности на политическом олимпе потребовало создания сложной системы «сдержек и противовесов».

1 Комментарий см.: Известия 25 марта 1994 г. Коммерсант-дейли. 23 марта.
2 Эпоха Ельцина. С. 508.

В декабре 1993 г. Президент писал своим помощникам: «Нужна в рамках президентского аппарата особая структура, достаточно сильная, чтобы быть противовесом Правительству. Хотя бы потому, что помощи от Думы ждать нечего. Нужна четкая договоренность между Президентом и председателем Правительства насчет этой структуры. Делают одно дело. Не надо ревности. Везде пускать, все давать на экспертизу. Это — не надзор, а новые функции президента по новой Конституции»[1].

Ельцин ввел за правило еженедельно встречаться с премьером с глазу на глаз. Как отмечали помощники, «он контролировал Правительство не потому, что хотел (наоборот, порой даже тяготился), а потому, что считал это своим долгом. Поскольку детальной регламентации не было, он выполнял свою работу, как умел»[2]. Значимость таких встреч определялась тем, что устные задания, которые получал премьер во время таких бесед, выполнялись неукоснительно, чего нельзя сказать об указах или даже письменных поручениях Президента.

Характерный пример отношения исполнительной власти к поручениям Президента приводят помощники Президента. В 1994 г. в первом послании Федеральному собранию Президент поручал Минюсту разработать проект Административного кодекса, документ, который должен был регламентировать процедуры управленческой деятельности, ответственность чиновников перед гражданами. Только в 1997 г. Минюст доложил о выполнении поручения. Но оказалось, что был подготовлен совсем другой кодекс — кодекс об административных правонарушениях[3].

Регулярно проводились встречи Президента с силовиками, губернаторами, министрами, банкирами, представителями политических партий. Встречи эти были важны для Президента, и он, по отзывам помощников, никогда не приходил неподготовленным. Присматривался к людям, искал кадровый резерв. Часто ломал сценарии, любил принимать решения немедленно, на месте, ни с кем не советуясь, неожиданно мог отчитать не по делу. Считал, что человека надо поставить в тяжелую ситуацию, чтобы его понять. Если начинали каяться, вычеркивал его из кадровой обоймы. «Он не любил "ломких" людей, мгновенно меняющих свои позиции»[4].

На уровне аппарата в правительстве были сильные тенденции уйти из-под Президента. Как отмечал С.А. Филатов, президентские указы, переданные на согласование в правительство, задерживались, а в это время выпускались постановления правительства. Президенту не раз приходилось жестко говорить об этом и с руководителем аппарата правительства и с Премьером. Правительство перетягивало одеяло на себя в разработке и принятии перспективных программ. С января по май 1994 г. 27 программ приняло правительство и 6 — Президент, который по Конституции должен был определять основные направления развития государства. Только летом 1994 г. был издан указ, устанавливающий механизм президентского контроля за наиболее важными решениями правительства.

1 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 425.
2 Эпоха Ельцина. С. 424.
3 Эпоха Ельцина. С. 391.
4 Эпоха Ельцина. С. 435.

Взаимоотношения Президента с различными группами политической элиты строились преимущественно на компромиссе. Опасность обострения отношений с регионами, Ельцин зачастую в обмен на лояльность или нейтралитет региональных властей предоставлял губернаторам свободу рук. Нередко поддерживал просьбы о выделении дополнительных бюджетных средств, чем раздражал реформаторов в правительстве. Не желая ссориться с руководителями регионов, президент откладывал реформу местного самоуправления. Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» был подписан только в конце лета 1995 г.

На принципах торга строились отношения с Думой. Отсутствие пропрезидентского большинства заставляло исполнительную власть продавливать свои решения через раздачу льгот для коммерческих структур, стоявших за депутатскими группами. Чем дальше, тем дороже стоили депутатские услуги. В конце 1993 г. президент подписал льготы по налоговым и таможенным платежам организациям ветеранов Афганистана, инвалидов, спортсменов. Под прикрытием этих организаций фактически действовали крупные коммерческие структуры, получавшие громадные прибыли на беспошлинном импорте.

Экономические реформы на словах и на деле

Президент на словах не отказывался от продолжения экономических реформ, но реальные возможности для осуществления жесткого курса на финансовую стабилизацию сокращались. В первых числах января 1994 года премьер-министр В. Черномырдин объявляет о своих экономических решениях, связанных с новым увеличением бюджетных расходов и риском инфляции. Знаковым событием стала отставка Е.Т. Гайдара, которому Президент предложил занять пост вице-премьера в правительстве Черномырдина. В письме на имя Президента Гайдар мотивировал свой отказ тем, что «в последнее время все чаще принимаются решения, в подготовке которых я не участвовал и с которыми выражал категорическое несогласие»[1].

Через несколько дней после отставки Гайдара аналогические заявления подали вице-премьер и министр финансов Б. Федоров и министр социального обеспечения Э. Памфилова. Это стало неприятным сюрпризом для Президента. В «Известиях» была опубликована многозначительная карикатура: Черномырдин вскарабкался на плечи Ельцина и пытается прикрыть ему глаза, а Президент ходит по кругу, повторяя: «С пути реформ не сойдем»[2].

С июля 1994 г. начался второй — денежный этап приватизации. Суть его состояла в стремлении привлечь средства для финансирования промышленности. На новом этапе приватизации деньги, уплаченные за приобретение предприятий, должны были инвестироваться в реальный сектор экономики. Однако эта задача осталась не выполненной. Из-за хронического отсутствия средств в бюджете, государство стало использовать денежную приватизацию для того, чтобы привлечь деньги для нужд бюджета.

Продажа крупнейших промышленных или добывающих предприятий зачастую шла «к случаю», для того, чтобы срочно найти для бюджета деньги для

1 *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. С. 501.
2 *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 283.

выплаты пенсий, решения каких-то проблем казны. Предприятия продавались по минимальной стоимости.

Поскольку реализация приватизации шла по указам, Президенту приходилось принимать в ней участие в качестве третейского судьи. Вместе с тем, как отмечают помощники Президента, к экономическим вопросам он относился неровно, волны острого интереса сменялись штилем равнодушия[1].

Резкий обвал рубля 11 октября 1994 г. застал Президента врасплох. Подписывая указы о выделении дополнительных средств регионам, о предоставлении льгот различным организациям, он решал политические задачи, не задумываясь об экономических последствиях. В аппаратной борьбе за влияние на Президента верх одерживала Служба безопасности, убеждавшая, что ему позволено все, включая прямое вмешательство в бюджетный процесс.

«Черный вторник» был неизбежным следствием дефицитного бюджета, установившейся порочной практики решения бюджетных проблем с помощью кредитов ЦБ. Избыточная рублевая масса обрушила курс рубля. Ельцин был не на шутку рассержен. По его распоряжению была создана комиссия во главе с О. Лобовым. Последовали отставки. Был снят председатель Центробанка В. Геращенко, исполняющий обязанности С. Дубинин и заместитель председателя правительства А. Шохин. Первым вице-премьером по экономике был назначен А. Чубайс. В марте 1995 г. — началась борьба со льготами. Это давалось Президенту непросто, так как он не любил менять свои решения. Кроме того, ему приходилось выдерживать давление со стороны своего спортивно-силового окружения.

Ельцин сам стал всерьез интересоваться проблемами валютного рынка и неплохо разобрался в них. На совещании руководителей правительства и ЦБ 5 июля 1995 г., когда решался вопрос о введении валютного коридора экспериментально на 3 месяца, Президент обнаружил такое знание всех деталей валютной политики, что участники были поражены[2].

С 1995 г. Россия вступила в фазу депрессии. Эта фаза, пришедшая на смену кризису, характеризовалась усилением государственного контроля над финансами, отказом Центробанка России от финансирования дефицита государственного бюджета за счет льготных кредитов. На этом этапе, продолжавшемся до лета 1998 г. — удавалось поддерживать стабильный курс рубля относительно доллара. Была подавлена высокая инфляция. Это достигалось жестким контролем над денежной массой. Обратным результатом этих мер стали многомесячные задержки заработной платы бюджетникам и пенсий для пенсионеров, недофинансирование государственных расходов.

Чтобы обеспечить поступление денег в казну, был изобретен механизм залоговых аукционов (автор идеи — президент ОНЭКСИМ-банка В. Потанин). 31 августа 1995 Президент встретился с представительной делегацией московских и провинциальных банкиров, среди которых были В. Гусинский (Мост), Я. Дубенецкий (Промстройбанк), Н. Раевская (Автобанк), С. Родионов (Империал), Г. Тосунян (Технобанк), М. Ходорковский (Менатеп), В. Хохлов (Токобанк), С. Егоров (АРБ), А. Козырева (Тверьуниверсалбанк), Е. Колуга (Сибторгбанк),

1 Эпоха Ельцина. С. 422.
2 Эпоха Ельцина. С. 444.

В. Попков (Уралвнешторгбанк). В тот же день был подписан указ об аукционах на право заключения договоров банковского кредита правительству. В результате значительные госпакеты акций крупных промышленных предприятий оказались в залоге у банков, которые в 1997, после невозврата государством кредитов, выкупили их на повторных аукционах у самих себя[1].

Как вернуть «прежнего Ельцина»?

Передел собственности, считавшейся когда-то общенародной, практически не затронул тех, кто этот народ представлял. Общество резко атомизировалось. Люди выживали, кто как мог — занимались мелкой торговлей, искали дополнительные приработки, кормились за счет шестисоточных дачных участков. Нарастало ощущение хаоса — предприятия могли месяцами не платить зарплату, плохо работали коммунальные службы, росла преступность. Милиция не защищала от преступников, а зачастую действовала с ними заодно. Многочисленные «инвестиционные фонды» и частные банки, обещавшие баснословные проценты, оказались финансовыми пирамидами, и в 1994 г. стали лопаться как мыльные пузыри. Власть не защищала, а Президент был олицетворением государственной власти. Доверие к нему падало. По данным на март 1994 г. лишь 19% населения считали, что Президент справляется со своими обязанностями[2]. Когда Ельцин шел к власти, он говорил о том, что волновало людей — о социальной несправедливости, о привилегиях номенклатуры. Его выступления находили эмоциональный отклик и обеспечивали популярность. Когда он стал Президентом, от него ждали, чтобы слова подкреплялись делами. А этого не было.

Ельцин терял поддержку демократического лагеря. Демократы еще надеялись, как сказал Е. Гайдар, «вернуть Ельцину прежнего Ельцина». В августе 1994 «Известия» опубликовали письмо представителей интеллигенции с призывом к Б.Н. Ельцину, Е.Т. Гайдару и Г.А. Явлинскому предпринять усилия для согласования действий центров демократических — президентской власти, «Демократического выбора России», «Яблока», «Демократической России» и других организаций[3]. Пресс-служба президента подготовила обзор прессы, аннотацию письма с резюме пресс-секретаря: «Нынешнее состояние демократического лагеря заставляет сомневаться в том, что президент правильно избрал позицию стороннего наблюдателя за становлением демократических партий и движений. Похоже, что тактика ожидания, что демократы объединятся, и только после этого президент должен протянуть им руку помощи и опереться на них, не оправдалась. Возможно, на этапе борьбы за общественное согласие такая тактика была необходима. Но сегодня, похоже, настало время корректировки взаимоотношений Президента с демократами... Президент должен выступить с политической инициативой консолидации демократических сил. Сделать это нужно сильно и ярко, в духе "настоящего Ельцина"»[4].

1 http://rustrana.ru/print.php?nid=9651
2 Материалы экспертно-аналитического совета при Президенте РФ.
3 Известия 30 августа 1994 г.
4 Эпоха Ельцина С. 514.

В личном письме, переданном Ельцину в конце августа, В. Костиков писал о нарастающей критике Президента в прессе: «...Начинает проскальзывать мысль о том, что имеет место имитация политики, что на самом деле президент с опозданием реагирует на самотек событий и явлений. Имитацией политики называют поездки по стране, многие из которых не несут серьезной политической нагрузки и быстро забываются.... Неудовлетворительность политического планирования во внутренних делах, по мнению прессы, все чаще компенсируется переносом акцентов на внешнюю политику. Отмечается перебор в количестве поездок за границу... Общественность начинает критически присматриваться к чрезмерностям внешней ритуальной стороны "явлений президента народу"...»[1]. Реакции на это не последовало. Вместо «настоящего», «прежнего» Ельцина люди все чаще видели усталого больного человека, подверженного известной русской болезни.

Неадекватное поведение Президента во время торжественных мероприятий в Берлине, посвященных выводу последних российских войск из объединенной Германии, шокировало многих. Обычно Ельцин очень тщательно готовился к зарубежным визитам, вникал в нюансы протокола, изучал характеры партнеров по переговорам, по многу раз заставлял переделывать тексты устных выступлений. Подготовка к поездке в Германию не была исключением.

Событие было неординарным, имело большой международный резонанс, болезненно воспринималось внутри страны как сдача российских позиций. Проводились консультации с экспертами, отрабатывались тексты выступлений. Ельцин волновался, накануне мучился бессонницей, и чтобы скоротать время пригласил к себе в номер П. Грачева и А. Коржакова. Выступая на следующий день на церемонии, он почему-то не воспользовался подготовленным текстом, а стал импровизировать и допустил ляп, заявив, что «в войне России с Германией не было ни победителей, ни побежденных». После официального завтрака, где подавали спиртное, Президент отбросил протокольные формальности и взялся дирижировать оркестром.

Руководитель президентского протокола В. Шевченко вспоминал: «Когда в Германии эта нештатная ситуация случилась, я рванулся президента остановить. И его охрана также среагировала. Но все остальные члены нашей делегации в это время аплодировали и показывали большой палец. Это его, конечно, раззадорило. Борис Николаевич — человек эмоциональный. А тут со всех сторон доносились приветствия»[2].

Этот эпизод прошел в новостях всех телевизионных кампаний. Реакция российских СМИ была резкой. Газеты писали о «чувстве изумления и стыда», охватившем граждан России. На следующий день после возвращения Президента в Москву обзор российских СМИ об итогах визита в Германию лег ему на стол. Пресс-секретарь В.В. Костиков сопроводил обзор запиской: «...прямая телевизионная трансляция мероприятия в Германии, и последующие телевизионные выпуски выявили целый ряд внешних аспектов, связанных с появлением Президента на публике.

1 *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 314—315.
2 *Шевченко В.Н.* Повседневная жизнь Кремля при Президентах. М., 2005. С. 217.

В пресс-службу Президента поступает огромное количество телефонных звонков с требованием объяснить «поведение» Президента. Высказывается мнение, что Президент в ряде эпизодов программы проводов (войск) был "неадекватен". Многие граждане, звонящие в пресс-службу, прямо и с возмущением говорят о том, что ... это было для них оскорбительным шоком и унижением для России»[1].

Получив обзор прессы, Президент появился в Кремле мрачнее тучи и против обыкновения не подал Костикову руки. Помощники Ельцина обсуждали возможность коллективной отставки, но идея была отвергнута из-за категорического несогласия Филатова, который считал, что ситуация только ухудшится[2]. Решили обратиться к Президенту с коллективным письмом. Его подписали как «силовики», так и «демократы», — В. Илюшин, В. Костиков, Л. Пихоя, Д. Рюриков, А. Коржаков, М. Барсуков, В. Шевченко[3].

Писали о наболевшем: о снижении активности Президента, замкнутости, утрате его контактов с политической средой, с общественностью, журналистами, читательской и телевизионной аудиторией. Писали откровенно и прямо об «известном русском бытовом злоупотреблении», об успокоенности, высокомерии, нетерпимости, капризности, иногда оскорбительном поведении в отношении людей. Эти упреки не моги не задеть Ельцина за живое.

Вместе с тем письмо было проникнуто глубоким уважением к Президенту и надеждой на возможность скорректировать стиль и методы работы. Помощники писали о необходимости пересмотреть отношение Президента к собственному здоровью и вредным привычкам, восстановить стабильность рабочего режима и плотность трудового графика, обеспечить личное и постоянное участие в политическом планировании, возобновить все формы политических контактов и консультаций, встречаться с лидерами общественного мнения, интеллектуалами, независимыми аналитиками, восстановить контакты с населением через телевидение, радио, изживать и не позволять навязывать себе «царские» привычки, чаще бывать в театре, на концертах, выставках, на стадионах[4].

Фактически речь шла о возвращении «прежнего» Ельцина, политического лидера, за которого в 1990 году голосовали миллионы российских граждан, вручая ему свою судьбу и будущее страны. Но Президент этого не понял, он расценил сам факт написания письма как предательство. По воспоминаниям Л.Г. Пихоя, он не брал трубку, когда ему звонил кто-то из подписавших письмо. Лишь через полгода, 1 февраля 1995 г., когда Пихоя позвонила, чтобы поздравить Президента с днем рождения, он подошел к телефону. Но, не дослушав поздравления, спросил: «Почему вы подписали это письмо? Зачем? Этой такой удар для меня. Мне так больно». Он не смог переступить через обиду и боль и услышать голос разума. Все оставалось по-прежнему.

Состояние здоровья и злоупотребления алкоголем превратились в первостепенную проблему российской политики. По словам С.А. Филатова, в таком

1 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 517—518.
2 Эпоха Ельцина. С. 518.
3 См.: Известия. 27 сентября 1994. *В. Кононенко* «Раскол в президентской команде увеличивает шансы оппозиции».
4 Полный текст письма см.: Эпоха Ельцина. С. 521—523.

состоянии президент стал более «внушаем» и «управляем»[1]. Во время поездки в Казахстан в феврале 1995 г., как видно из телекадров, президент чувствовал себя неважно — речь была невнятной, его приходилось поддерживать. Реванш ему удалось взять несколько месяцев спустя в ходе поездки в Липецк, где Ельцин выглядел намного лучше. Он почти четыре часа ходил по городу и общался с народом, раздавая оптимистичные обещания относительно скорого роста благосостояния. Однако к его посулам люди уже относились с изрядной долей скептицизма.

В июле 1995 г. Ельцин вновь на некоторое время исчез из политической жизни. Он был госпитализирован с первым инфарктом, что тогда скрывалось его окружением. Согласно ст. 92—3 Конституции, в случае невозможности Президента исполнять свои обязанности, они временно передаются премьеру, являющемуся вторым лицом государства. Однако этого не произошло. 17 июля 1995 г. журналист «Литературной газеты» Олег Мороз запишет по горячим следам событий свои тревожные размышления: «...Чиновничье окружение президента, а, возможно, и он сам, опасаются не столько за жизнь, сколько за власть. С маниакальной навязчивостью из сообщения в сообщение [президентской пресс-службы] повторяется, что президент способен выполнять свои конституционные обязанности, что он подписывает срочные бумаги, что настроение у него рабочее...»[2]. (Находясь в больнице, Ельцин назначил на 17 декабря 1995 г. новые парламентские выборы. Они должны были стать важной пробой сил перед президентской гонкой в июне 1996 г.)

В сентябре 1995 г. во время остановки российской делегации в Шенноне на пути из США в Россию произошел неприятный инцидент. Президент не смог выйти из самолета, чтобы провести запланированные переговоры с премьер-министром Ирландии. Позже на вопросы журналистов он объяснял это тем, что уснул в самолете, а охрана не разрешила его разбудить. Объяснение выглядело глупо. Как пишут помощники Ельцина, были две главные причины скандала. Первая — чрезвычайная перегруженность поездки. Она началась с Нью-Йорка, где Ельцин выступал на сессии ООН, затем последовал официальный визит в США, переговоры с Клинтоном в Вашингтоне, затем перелет в Сиэтл, планировалось возвращение в Москву через Петропавловск-Камчатский. По инициативе Козырева в последний момент возникла идея остановки в Ирландии. Президент, любивший демонстрировать чудеса выносливости и совмещать визиты, согласился. Пришлось лететь обратно через Атлантику. Вторая причина крылась в неумеренных застольях[3].

В октябре 1995 г., после лечения и отдыха в Сочи, Ельцин побывал в США на праздновании 50-летия ООН, где общался с лидерами ведущих стран мира. Однако по возвращению в Москву 26 октября 1995 г. он был госпитализирован с диагнозом обострение ишемической болезни сердца. При этом информация о реальном состоянии здоровья Президента отсутствовала, что напоминало советские времена. «Начал формироваться механизм имитации президентства. Заработала пропагандистская машина... Время от времени посещавшие

1 *Филатов С.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 80.
2 Цит. по: *Мороз О.* 1996: Как Зюганов не стал президентом. М., 2006. С. 19.
3 Эпоха Ельцина. С. 477—478.

Ельцина близкие к нему политики доказывали, что Президент вот-вот начнет играть в теннис», — пишет по этому поводу Л. Шевцова[1]. Только в начале декабря 1995 г. Ельцин почувствовал улучшение и был переведен в санаторий, где находился во время парламентских выборов и который покинул только накануне нового 1996 г.

К концу 1995 г. зарубежные СМИ уже открыто писали и о том, что, по данным ЦРУ, Ельцину требуется серьезная операция на сердце (окружением Ельцина это было названо провокацией), и о том, что в России складывается крайне опасная, ставящая страну на грань новой катастрофы ситуация закулисного правления от имени недееспособного вождя.

Испытание Чечней

Серьезным испытанием для Президента Ельцина стала война в Чечне, начавшаяся в декабре 1994 г. Она нанесла ощутимый удар задачам политической и экономической стабилизации, способствовала резкой поляризации политических настроений, снижению доверия к власти, а также потребовала от российской экономики непомерных материальных затрат в ущерб экономическим реформам, решению социальных проблем, инвестиционным проектам, мерам по борьбе с инфляцией и проч.

Война в Чечне стала результатом, с одной стороны — давних и не очень давних событий политической истории края (глубокой вовлеченности Чечни в события Кавказской войны XIX в., неприятие политики коллективизации, а затем высылки чеченцев с клеймом «пособников фашистов» в Казахстан), так и серьезных просчетов в национально-государственной политике уже нового российского руководства. Когда в 1991 г. генерал Советской армии Джохар Дудаев возглавил Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), российское руководство восприняло его как «чеченского Ельцина». Комиссия Верховного Совета РСФСР, направленная в республику по поручению Ельцина и Хасбулатова после августовского путча 1991 г. пришла к выводу, что «требования демократических сил обоснованы, и дальнейшая затяжка в их решении может привести к гражданской и межродовой войне в регионе».

5 сентября 1991 г. Ельцин выступил с обращением к чеченскому народу с призывом «воздерживаться от необдуманных действий и непоправимых поступков, попирающих многовековые культурные традиции кавказских горцев..., использовать механизм цивилизованных переговоров между представителями разных общественных движений и законно избранным руководством республики...»[2]. Однако его призыв не был услышан. Под прикрытием демократических лозунгов в республике фактически произошел вооруженный захват власти.

19 октября 1991 г. последовало второе обращение Президента, в котором предлагалось освободить все захваченные помещения, принадлежащие государственным органам и общественным организациям, сдать оружие, распустить незаконно созданные вооруженные формирования, провести референдум и выборы. Никаких последствий это обращение не имело. 27 октября

1 *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 227—228.
2 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 584.

в Чечне были проведены выборы Исполкома ОКЧН, президента и парламента, признанные Москвой незаконными. 7 ноября 1991 указом Президента Ельцина в Чечено-Ингушетии было введено чрезвычайное положение. Но никаких действий не последовало.

Разваливался Советский Союз, шел раздел общесоюзной собственности и перетягивание под юрисдикцию России союзных органов управления, углублялся экономический кризис, российской власти было не до маленькой беспокойной Чечни. Потом началась экономическая реформа, разразился политический кризис. Тем временем режим Дудаева укреплялся, объявил о своей независимости от Москвы, не платил налогов в казну, не принимал участия в общероссийских выборах, готовился к введению собственной валюты. Ситуация усугублялась тем, что при выводе из Чечни российской армии в конце 1991 — начале 1992 г. в республике было оставлено огромное количество оружия и боеприпасов, которые стали добычей Дудаева.

Чечня превратилась в рассадник криминала. Мафиозные группировки, базирующиеся в Чечне, занимались изготовлением фальшивых денег, торговлей наркотиками, похищением людей с целью выкупа, нападением на поезда.

После принятия Конституции 1993 г. в Москве стали рассматриваться различные варианты решения чеченской проблемы от мягких, как проведение переговоров и организация встречи президентов Ельцина и Дудаева, до жестких, как окружения Чечни чем-то наподобие берлинской стены.

Летом 1994 г. в Кремле было принято решение воспользоваться недовольством чеченцев экономическими трудностями и усилением в Чечне антидудаевской оппозиции, чтобы с ее помощью привести к власти лояльные Москве силы. Вооруженные отряды чеченцев во главе с поссорившимися с Дудаевым полевыми командирами Р. Лабазановым и Б. Гантемировым были усилены российской техникой и военнослужащими, негласно завербованными спецслужбами. Расчет делался на быструю победу, а в качестве меры устрашения на столицу Чечни были направлены танки, управлявшиеся контрактниками. Однако поход на Грозный 26 ноября 1994 г. закончился победой Дудаева и гибелью российских военнослужащих, что вызвало большой резонанс в России и в мире.

С 27 ноября вопрос о ситуации в Чечне стал ежедневным в рабочем графике Президента. 29 ноября Ельцин выступил с обращением к участникам вооруженного конфликта в Чечне и потребовал в течении 48 часов прекратить огонь, сложить оружие, распустить вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан (было захвачено около 70 российских военнослужащих[1]). Это был ультиматум. В обращении говорилось: «Если в течение установленного срока это требование не будет выполнено на территории Чеченской республики будут использованы все имеющиеся в распоряжении государства силы и средства для прекращения кровопролития, защиты жизни, прав и свобод граждан России, восстановления в Чеченской республики конституционной законности, правопорядка и мира»[2].

1 *Филатов С.* Совершенно несекретно. С. 254.
2 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 597.

В тот же день Совет безопасности под председательством Ельцина принял решение создать Группу руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований в Чечне под руководством министра обороны П. Грачева[1].

Ельцин пишет в своих воспоминаниях об этом заседании Совета безопасности: «У меня на столе лежали справки (таких справок, подготовленных разными ведомствами, было тогда десятки) с мотивировками, почему нужно начинать операцию. Были и другие аналитические материалы, говорившие о том, что вмешиваться в дела Чечни нельзя. Я изложил аргументы и сказал: какие мнения "за" и "против"? Что нас ждет? И общая позиция была одна: мы не можем безучастно наблюдать, как отваливается кусок России, это станет началом распада страны. Одним из тех, кто твердо верил в "молниеносный" характер военной операции, был Павел Сергеевич Грачев, министр обороны России с 1992 по 1996 год»[2].

Отметим, во-первых, что, по словам Ельцина, обсуждался вопрос начинать или не начинать военную операции, а не о том, как урегулировать ситуацию в Чечне. То есть фактически других вариантов решения проблемы не было. Во-вторых, Ельцин подчеркивает, что была уверенность в быстром успехе военной операции, перспектива превращения ее в затяжную кровопролитную войну не рассматривалась. Предполагалось, что, разоружив дудаевскую армию, федеральные войска сыграют роль миротворцев в гражданской войне в Чечне. В-третьих, версию Ельцина опровергает П. Грачев. В интервью газете «Труд» он заявил, что выступал против введения войск, тем более в декабре, но его не поддержали. По его мнению, войска вводить следовало не раньше весны, а до этого времени оказывать экономическое давление на Чечню[3].

Президент явно склонялся к варианту решения проблемы, который представлялся ему самым простым и быстрым. На таком решении настаивал человек, который, как считали, хорошо знает Северный Кавказ — Н.Д. Егоров — бывший глава Краснодарского края, в это время — министр по делам национальностей и региональной политики, убежденно доказовавший, что он понимает ситуацию в Чечне и уверен, что войска будут встречать едва ли не цветами.

Не случайно от обсуждений чеченского вопроса были отстранены руководитель Администрации С. Филатов и помощник по национальной безопасности Ю. Батурин, которые настаивали на комплексном подходе к проблеме с учетом всех ее внутриполитических и международных аспектов и возможных последствий.

1 Кроме Ельцина в Совет Безопасности на тот момент входили: министр обороны П.С. Грачев, министр внутренних дел В.Ф. Ерин, министр юстиции Ю.Х. Калмыков, министр иностранных дел А.В. Козырев, секретарь Совета О.И. Лобов, директор Федеральной пограничной службы А.И. Николаев, директор Службы внешней разведки Е.М. Примаков, председатель Государственной Думы РФ И.П. Рыбкин, директор Федеральной службы контрразведки С.В. Степашин, вице-премьер С.М. Шахрай, министр по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу, председатель Совета Федерации Федерального Собрания В.Ф. Шумейко. Ю.Х. Калмыков вскоре покинул пост министра юстиции, будучи не согласен с силовым решением чеченского кризиса.

2 *Ельцин Б.* Президентский марафон.

3 Труд 15 марта 2001.

Протокол на заседании Совета безопасности не вели, решение было секретным, как и Указ президента, подписанный на следующий день, 30 ноября, «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Указ предусматривал осуществление мер чрезвычайного положения в Чечне, предоставлял особые — в том числе и не предусмотренные Конституцией и законами РФ — полномочия группе руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований. В другом президентском указе от 1 декабря 1994 г. «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе» была обещана амнистия тем, кто не причастен к тяжким преступлениям и добровольно до 15 декабря 1994 года сложит оружие[1].

Военная машина была запущена. На границе с Чечней сосредотачивались боевые части Российской армии. 2 декабря 1994 г. начались авианалеты на территорию республики. Ноябрьский ультиматум о сдаче оружия и обещание амнистии, также как и попытки прямых контактов с Дудаевым и организации переговоров лишь оттягивали начало операции, но не могли ее предотвратить. Основанием для ее начала стал Указ президента от 9 декабря «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории ЧР и в зоне осетино-ингушского конфликта», в котором правительству РФ поручалось «использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных вооруженных формирований».

11 декабря федеральные войска вошли в Чечню. В тот же день Президент подписал Указ № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики», отменяющий указ от 30 ноября. Согласно этому указу, группа руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований должна была теперь действовать вне режима чрезвычайного положения в течение неопределенного времени.

В тот же день Ельцин выступил с коротким обращением к гражданам России, в котором объяснял, с какой целью на территорию ЧР вводятся федеральные войска: «Наша цель состоит в том, чтобы найти политическое решение проблем одного из субъектов Российской Федерации — Чеченской Республики, защитить ее граждан от вооруженного экстремизма. Но сейчас мирным переговорам, свободному волеизъявлению чеченского народа препятствует нависшая опасность полномасштабной гражданской войны в Чеченской Республике. На 12 декабря намечены переговоры между представителями России и Чечни. Мы должны предотвратить их срыв».

15 декабря Ельцин в обращении к жителям Чечни в очередной раз продлил срок добровольного сложения оружия и прекращения сопротивления федеральным силам на 48 часов[2]. В Кремле еще не теряли надежду на возможность решения проблемы «малой кровью», используя антидудаевскую оппозицию. 16 декабря Ельцин получил письмо Я. Мамодаева с программой

1 «Собрание законодательства РФ», 1994, N 32, ст. 3334.

2 Эпоха Ельцина. С. 612.

урегулирования ситуации в Чечне. В письме содержались и прямые выпады в адрес российского президента. Мамодаев писал: «На сегодня очевидно, что антинародный режим Дудаева, который потерял всякую поддержку народа, неожиданно получил ее. И это происходит каждый раз, когда Вы пытаетесь что-то лично предпринять в "чеченском вопросе", — поверьте, это не случайно...». Обычно обидчивый Ельцин переступил через свои эмоции и начертал резолюцию: «О.Н. Сосковцу, О.И. Лобову, Н.Д. Егорову, С.М. Шахраю. Прошу срочно рассмотреть предложения Я. Мамодаева. Насколько они отвечают складывающейся обстановке»[1].

17 декабря Ельцин направил Дудаеву телеграмму, в которой предлагалось явиться в Моздок к полномочному представителю президента РФ в Чечне, министру по делам национальностей и региональной политике Н.Д. Егорову и директору ФСБ С.В. Степашину и подписать документ о сдаче оружия и прекращении огня.

Но события развивались совсем не так, как предусматривалось в указах и в обращениях Президента. Переговоры были сорваны, Дудаев не явился в Моздок, его войска и не собирались сдавать оружие. Напротив, введение федеральных сил в республику встретило ожесточенное сопротивление. Военная операция федеральных сил превращается в затяжную войну.

В разгар военных действий в Чечне Ельцин ложится в больницу, чтобы сделать операцию на носовой перегородке. Из больницы он еще дает по телефону распоряжения. В частности, 18 декабря, когда срок ультиматума о прекращении сопротивления и сдаче оружия истекает, звонит П. Грачеву[2]. Но его исчезновение из Кремля больше похоже на бегство. Коррекция носовой перегородки вряд ли требовала срочного хирургического вмешательства. Как свидетельствуют помощники Президента, после выхода из больницы 20 декабря Ельцин не приезжал в Кремль, а находился в загородной резиденции, где и проходили рабочие встречи. Пробиться к Президенту в это время было невозможно, личный доступ был закрыт, до него доходили только те документы, которые он сам поручал подготовить. Нормальное взаимодействие помощников с президентом возобновилось только в феврале—марте 1995 г.[3]

Помощник Ельцина Г. Сатаров писал 24 декабря 1994 г. в записке на имя Президента: «Начиная с 10 декабря я постоянно убеждаюсь в одном: ввод войск был неподготовленной и непродуманной импровизацией, без всякого нормального планирования и с абсолютно беспомощной реализацией любых разумных целей», нет координации между Москвой и Кавказом, политиками и военными, между правительством и президентскими структурами. Нет эффективной технологии власти[4].

Высказывания Ельцина о ситуации в Чечне свидетельствовали, что до конца декабря сам Президент плохо понимал, что там происходит. 26 декабря на заседании Совета безопасности он поблагодарил правительство и миграционные службы, выразил удовлетворение действиями российских военных и по-

1 Эпоха Ельцина. С. 612—613.
2 Там же. С. 615.
3 Там же. С. 635.
4 Там же. С. 637.

граничников в Чеченской республике и уверенность, что обстановка в Чечне скоро нормализуется[1].

Похоже, что он пытался успокоить, прежде всего, самого себя. Неудача новогоднего штурма Грозного заставила взглянуть правде в глаза. 1—3 января Президент никого не принимал, по его распоряжению к нему присылали только доклады Ю. Батурина. 4 января Ельцин провел в Кремле совещание с военными по Чечне. Жестко ставил вопросы по организации военной операции, на которые не было внятных ответов. В своих воспоминаниях Ельцин резко написал о первых месяцах чеченской войны: «Чудовищная неподготовленность армии. Полный разлад в действиях силовых министерств. Жесточайшая обструкция, непонимание наших действий со стороны журналистов, резкая реакция общественного мнения»[2].

Хотя после ожесточенных боев федеральным войскам удалось взять Грозный, война в Чечне затягивалась. Чеченское сопротивление оказалось вытеснено в горы и перешло к партизанским методам борьбы. Военные действия стали выходить за границы республики, когда чеченские боевики стали прибегать к террористическим акциям с захватом заложников. Под угрозой оказалось население близлежащих областей.

Чеченская война с самого начала была непопулярна в обществе. В январе 1995 г. 54% опрошенных выступали за ее прекращение, и лишь 27% поддерживали эти меры (остальные не определились)[3]. Авторитет Ельцина, и без того низкий, падал. «Введя войска в Чечню, Ельцин, по существу, совершил политическое самоубийство. Он поставил крест на том Ельцине, за которого голосовала страна 12 июня 1991 г.», — записал в то время журналист О. Мороз[4].

Негативное впечатление оставляло поведение Президента в чрезвычайных ситуациях, когда террористы захватывали большие группы заложников, как это было в июне 1995 г. в Буденновске Ставропольского края, где около 120 чеченских боевиков под руководством Ш. Басаева оккупировали здание больницы и захватили в заложники более 1 тыс. человек больных и персонала. В обмен на освобождение людей террористы потребовали вывести российские войска из Чечни и признать ее независимость. Тогда Ельцин, отдав приказ о проведении спецоперации по уничтожению боевиков, улетел в Канаду на встречу «большой семерки». Штурм здания больницы привел к большим жертвам и был остановлен. Из Управления правительственной информации сообщили, что приказ о штурме не поступал. Ельцин из Галифакса подтвердил, что решение было принято им вместе с министром внутренних дел Ериным[5]. Чтобы спасти заложников В.С. Черномырдин все же пошел на переговоры с Басаевым, пообещав приостановление боевых действий в Чечне и начало мирных переговоров. В обмен на жизни заложников Басаеву позволили уйти со своим отрядом в Чечню.

Рейтинг Президента еще больше упал в январе 1996 г. после неудачного штурма федеральными войсками дагестанского села Первомайское, занятого

1 Эпоха Ельцина. С. 621.
2 *Ельцин Б.* Президентский марафон.
3 *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 184.
4 *Мороз О.* 1996: Как Зюганов не стал президентом. М., 2006. С. 120.
5 Эпоха Ельцина. С. 674.

отрядом чеченских боевиков под командованием Салмана Радуева. В своем выступлении по телевидению Ельцин пообещал россиянам, что операция будет «точечной» и заложники останутся живы. Затем он в красках рассказал, с удовольствием повторив чей-то недавний доклад, как блестяще подготовлена операция спецслужб, и даже раскрыл секрет, что боевиков цепко держат под прицелом 38 снайперов. Практически все, что Президент говорил в эти дни, не соответствовало действительности, а в самый разгар событий он полетел на похороны французского лидера Ф. Миттерана. Федеральные войска провели обычную войсковую операцию с применением артиллерии и авиации. Погибло много мирных жителей, а Радуеву с группой сообщников и с заложниками удалось вырваться из окружения. Это вызвало волну возмущения в Дагестане.

В конце июня 1995 г. начались обещанные Черномырдиным переговоры с представителями Дудаева при содействии ОБСЕ. В ночь с 29 на 30 июля было подписано Соглашение по мирному урегулированию ситуации в Чеченской республике по блоку военных вопросов, политические и экономические переносились на будущее. Вопрос о статусе Чечни остался открытым. В рамках подписанного военного соглашения Россия выводила большую часть войск из Чечни, а Дудаев разоружал свои формирования, оставляя только отряды самообороны в населенных пунктах. Но вскоре выяснилось, что Дудаев использовал мирную передышку для передислокации своих подразделений, многие из которых к началу переговоров были загнаны в горы или находились в окружении федеральных войск.

Состоятся ли новые выборы?

Тему следующих президентских выборов Ельцин не поднимал даже в самом узком кругу. Помощникам приходилось только догадываться о его намерениях по нюансам и косвенным признакам. Тем не менее, к лету 1994 г. сложилось консолидированное мнение, что Ельцин для себя уже принял решение идти на второй срок[1]. Помощники президента, хорошо понимавшие его психологию, знали, что он не уйдет из Кремля, если его не вынудят к тому сугубо личные обстоятельства.

29 марта 1994 г. в «Известиях» появился комментарий, в котором говорилось, что Президент «намерен участвовать в выборах лишь в качестве избирателя». Ельцину эта фраза очень не понравилась, он позвонил пресс-секретарю, стал сетовать, что его опять переврали и предложил этот тезис аккуратно, намеком, дезавуировать. Намеком. Через 3 дня в Известиях была опубликована редакционная статья «Ельцин может выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 1996 года». В ней говорилось: «Аналитики, прогнозирующие уход Ельцина с политической арены в 1996 году, строят схему, исходя из условной партийной структуры нынешнего российского общества. При этом они абстрагируются от главного — от населения, избирателей. Можно ли исключить, что выдвижение Ельцина в президенты на новый срок будет инициировано большими группами россиян? В этом случае Ельцину, естественно, придется

1 Эпоха Ельцина. С. 529.

принимать решение. И оно будет зависеть от его личных желаний, понятия долга, политической ответственности...»[1].

Тема предстоящих выборов постоянно присутствует в работе Экспертно-аналитического совета при Президенте с весны 1994 г. Речь шла главным образом о расширении социальной базы поддержки президента, улучшении его имиджа. Проблема заключалась в том, что наработки и рекомендации экспертов оставались невостребованными самим президентом.

Поскольку рейтинг Президента неумолимо падал (на заседании Экспертно-аналитического совета 24 мая 1994 г. приводились данные о том, что две трети избирателей против выдвижения кандидатуры Ельцина на новый срок), встал вопрос о возможности переноса выборов. Идею переноса выборов Государственной Думы и Президента высказал председатель Совета Федерации В. Шумейко в беседе с журналистами 21 июня 1994 г. Шумейко мотивировал это тем, что депутаты больше будут думать о выборах, если они скоро, а не о разработке законов. По мнению С. Шахрая, также высказавшегося на эту тему, перенос выборов будет способствовать стабилизации в обществе. Одновременное выступление двух политиков, входящих в число сторонников Ельцина не оставляло сомнения, что этот вопрос согласован с Президентом. Идею переноса выборов поддержал и Г. Бурбулис, который предлагал продлить срок полномочий Президента до 1998 г. (вариант «плюс 2») с тем, чтобы Ельцин не выдвигал свою кандидатуру на новый срок.

Сам Ельцин высказался на тему переноса выборов кратко, но неопределенно. На вопрос И. Хакамады он ответил: «Выборы 1996 года не трогать»[2]. За этими словами могло стоять как нежелание обсуждать эту тему, так и уверенность, что выборы должны состоятся в срок. Сам Рыбкин тоже напустил тумана: «...считаю, что народ от выборного марафона устал — все время выбираем, выбираем. Однако прежде чем говорить о продлении депутатских полномочий, надо заработать доверие людей принятием таких законов, которые хоть на немножко улучшили бы жизнь каждого...»[3].

С. Филатов убеждал Президента дистанцироваться от идеи переноса выборов. 27 июня после разговора с руководителем Администрации Ельцин попросил своего пресс-секретаря сделать заявление, что он не поддерживает идею Шумейко. Но близкие к президенту люди очень хорошо улавливали малейшие оттенки его настроения. Поскольку в тоне Ельцина не было обычной уверенности, пресс-секретарь решил потянуть и высказаться обтекаемо[4].

Тем временем в Экспертно-аналитическом совете при Администрации Президента вырабатывалась стратегия будущих выборов. Отсутствие сильной партии власти сколько-нибудь консолидированной социальной опоры диктовало стратегию «Президент — отец нации». Создание образа «отца нации» требовало усилий, прежде всего, от самого Президента. Анализ общественных настроений показывал преобладание негативного восприятия Ельцина: «ста-

1 Цит по: Эпоха Ельцина. С. 526.
2 Эти слова цитирует Председатель Государственной Думы И.Рыбкин, отвечая на аналогичный вопрос. См.: *Рыбкин И.П.* Россия обретает согласие. М., 1997. С. 110.
3 Там же.
4 Эпоха Ельцина. С. 528.

рый» «больной», «обещает, но не выполняет обещаний», «не контролирует выполнения законов и указов», «имеет вредные привычки». В аналитической записке члена экспертно-аналитического совета Л. Гозмана отмечалось, что политическая демобилизация тех, кто поддерживал Ельцина на прошлых выборах, связана с переменами в личности и поведении Президента. Остаточная поддержка обосновывалась «наименьшим злом». Эксперты предлагали формировать образ «проснувшегося льва»[1]. Но очередная болезнь Президента сводила на нет все усилия.

Серьезный удар по авторитету власти нанесла чеченская война. В ответ на неудачные действия федеральных войск во время захвата чеченскими боевиками больницы в Буденновске летом 1995 г. коммунисты попытались организовать процедуру импичмента президента. Госдума инициировала рассмотрение в Конституционном суде вопроса о правомерности начала военных действий в Чечне, что могло бы стать основанием для импичмента. Но Конституционный суд оправдал действия Ельцина. Правда, вслед за этим пятеро членов суда огласили свое особое мнение, из которого следовало, что большинство указов президента по Чечне все же не в полной мере соответствовали требованиям Конституции.

Предложение о создании специальной комиссии по импичменту не набрало достаточного количества голосов. Вместе с тем, Дума приняла резолюцию о недоверии правительству. В итоге стороны пошли на компромисс: в обмен на то, чтобы оставить Черномырдина, Ельцин согласился с требованием Госдумы об увольнении «силовых» министров, ответственных за позор в Буденновске — Степашина (ФСБ) и Ерина (МВД). Место Степашина занял бывший комендант Кремля и соратник Коржакова М. Барсуков, а МВД возглавил бывший командующий внутренними войсками А. Куликов.

Парламентские выборы 1995 года

Одновременно шла подготовка к парламентским выборам 1995 г. По предложению Шахрая было решено пойти по пути формирования двух крупных избирательных движений, внешне конкурирующих, но внутренне совместимых. Как писал Шахрай в своей записке в конце марта 1995, стратегия «двух ног» позволит сформировать в новой Думе надежное парламентское большинство для президента и правительства и выжмет крайне левых и крайне правых на обочину политического процесса. На выборах 1996 г. два крупных избирательных движения станут мощной опорой для Президента России, а в перспективе станут основой для двухпартийной системы[2]. Планировалось, что левоцентристский блок возглавит спикер Госдумы И. Рыбкин, а правоцентристский — премьер В. Черномырдин.

Ельцин сознательно дистанцировался от политической борьбы на парламентских выборах. На пресс-конференции 8 сентября 1995 он заявил: «Меня, конечно, могут спросить, какие мои личные симпатии, какое отношение президента к этим выборам, какое его участие в выборах в Государственную думу. Во-первых, политически я никакого участия принимать не буду. Как Президент,

1 Эпоха Ельцина. С. 547.
2 Цит. по: Эпоха Ельцина. С.536.

я являюсь гарантом выполнения Конституции по выборам в Государственную Думу, чтобы они прошли в равных правах для всех движений, партий, избирателей ....»[1].

В предвыборной гонке приняло участие беспрецедентное количество партий и объединений — 43, среди которых лидировали 6 — КПРФ, ЛДПР, аграрии, «Яблоко», «Наш дом — Россия» и «Конгресс русских общин». Попытка создания левоцентристского блока в противовес коммунистам не удалась, и КПРФ выбивалась в лидеры.

Позиции пропрезидентского НДР, возглавляемого В. Черномырдиным, были весьма шаткими, чему способствовали непопулярные меры правительства. Волну недовольства вызывала опубликованная осенью 1995 г. концепция пенсионной реформы, объявление о готовящемся референдуме по земельному вопросу. Отсутствие поддержки НДР со стороны Президента дезориентировало руководителей регионов. Тем более, что охлаждение отношений Ельцина и Черномырдина после событий в Буденновске было заметно. Тогда премьер в отсутствии президента взял на себя переговоры с террористами и фактически спас жизни заложников. А Ельцин был ревнив. Его демонстративный нейтралитет в ходе парламентской избирательной кампании означал, что он не хотел способствовать укреплению потенциального конкурента в предстоящей президентской гонке. С другой стороны, негласное соперничество президента и премьера подрывало позиции Кремля в целом.

Симптомом слабости «партии власти» стало избрание в августе 1995 г. губернатором Свердловской области Э. Росселя, который за два года до этого был снят Ельциным в связи с попыткой провозглашения Уральской республики. Россель обошел на выборах руководителя Свердловского отделения «Наш дом — Россия» А.Страхова, возглавлявшего к тому же местную администрацию.

В Экспертно-аналитическом совете Администрации президента рассматривалась возможность проведения Конгресса демократических сил, на котором президент выступил бы с идеей сплочения всех демократических сил, в противовес оппозиции. Ельцин согласился, но здоровье в очередной раз подвело. В конце октября 1995 Президент был срочно госпитализирован с диагнозом обострение ишемической болезни сердца. Он слег до конца года. Наблюдая из больничной и санаторной палаты за политической ситуацией накануне выборов в Государственную Думу, он жил иллюзиями. Когда за три дня до выборов В.В. Илюшин и Г.А. Сатаров приехали к нему в санаторий «Барвиха» с последним прогнозом результатов выборов, подготовленным Аналитическим управлением Администрации, президент зачеркнул цифры и вписал свои. Оказалось, что он крупно ошибся. Результаты выборов оказались еще хуже, чем прогноз аналитиков.

По результатам выборов 17 декабря 1995 г. в парламент прошли 4 объединения. Уверенную победу одержала КПРФ, за которую проголосовало 22,3% избирателей или почти 15,5 млн. чел. Если суммировать депутатские мандаты, полученные по партийным спискам и одномандатным округам, то коммуни-

1 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 541.

сты получили в новой Думе 157 мест (34,9%), а вместе с союзниками-аграриями 177 мест. Далее с трехкратным отрывом следовали «Наш дом — Россия» — 55 мандатов, ЛДПР — 51 место и «Яблоко» — 45. По одномандатному округу впервые в Госдуму был избран генерал А. Лебедь.

Парламентские выборы отразили тенденцию полевения настроений избирателей. Электорат ЛДПР сократился вдвое по сравнению с 1993 г. Коммунисты, напротив, за два года более чем вдвое увеличили численность своих сторонников (на выборах 1993 г. за них голосовало только 6,7 млн. чел.). Результаты голосования избирателей за НДР — единственную партию власти, прошедшую в новый парламент по партийным спискам, были расценены Кремлем как поражение.

Глава 10

Президентские выборы 1996 года

Выдвижение кандидатов

1996-ой стал годом серьезной проверки на прочность государственной модели, определенной Конституцией 1993 г., и лично президента Ельцина. Коммунистическая оппозиция, набравшая в декабре 1995 г. 22,3% голосов на выборах в Государственную Думу, готовилась взять реванш на президентских выборах, назначенных на июнь. Рост популярности коммунистов наблюдался и в некоторых других бывших социалистических странах, переживавших резкое падение уровня жизни населения. Но в Литве, Польше, Молдавии, где представители компартий выигрывали парламентские и президентские выборы, речь шла о корректировке курса реформ, а не о возвращении в социалистическое прошлое. Иной была ситуация в России, где приход к власти коммунистов грозил новыми социальными потрясениями, связанными с переделом собственности, и с попыткой реставрации государственности советского типа.

КПРФ удалось объединить в предвыборную коалицию такие организации как «Трудовая Россия» (В.И. Анпилов), «Держава» (А.В. Руцкой), «Аграрная партия» (М.И. Лапшин), «Российский общенародный союз» (С.Н. Бабурин) и выдвинуть единого кандидата. Им стал лидер КПРФ Г.А. Зюганов. По опросам общественного мнения в начале 1996 г. он считался наиболее вероятным победителем предстоящих президентских выборов.

Популярность Зюганова росла на фоне разочарования в «демократической»[1] власти. Установление конституционного порядка в Чечне силовыми методами, начатое в декабре 1994 г., вылилось в кровавую затянувшуюся войну. Нарастание финансового кризиса, низкая собираемость налогов, нехватка денежной массы вели к задержкам в выплате заработной платы, пенсий и социальных пособий. Преодолеть бюджетный кризис было невозможно, пока более 40% предприятий в стране были убыточными. (На 1 июля 1996 г. 41,3% убыточных предприятий)[2].

В декабре 1995 года при ответе на вопрос «За кого Вы бы проголосовали, если бы выборы состоялись сегодня?» Б. Ельцина называли 5% респондентов, тогда как Г. Зюганова — 13%, А. Лебедя — 10%, Г. Явлинского — 9%, В. Черномырдина — 7%[3]. Многие были уверены, что в таких условиях Ельцин не будет выставлять свою кандидатуру на второй срок, а если выставит, то его ждет неминуемое поражение.

[1] Именно в этот период появилось оскорбительно-уничижительное употребление понятия «демократическое». В такой трактовке объединились критики Правительства и Президента из лагеря коммунистов, либерал-демократов Жириновского, сторонников Явлинского и деятелей из упраздненного Верховного Совета, перешедших в оппозицию.

[2] http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/179/index.html

[3] *Ослон А.* Как в 1996 году Аналитическая группа сделала опросы социальным фактом //Социальная реальность. 2006. № 6.

Что же предлагали коммунисты для выхода из кризиса? В избирательной платформе Зюганова стратегическая цель была сформулирована достаточно обтекаемо, чтобы не оттолкнуть никого из потенциальных сторонников: «Это не дорога в прошлое, как пытаются вас уверить те, кто сегодня правит в России. Это путь России к самой себе, путь к духовности, благополучию, достатку и достоинству. Именно по этому пути прошли те страны, по которым сегодня равняется весь остальной мир. Эти государства живут по простому правилу: благо их граждан — превыше всего»[1]. Выступая в начале февраля 1996 г. в Давосе на Всемирном экономическом форуме, Зюганов пытался убедить западную элиту, что как наиболее вероятный кандидат в президенты он разделяет западные ценности, ратовал за многоукладную экономику и политический плюрализм, подчеркивал, что между КПРФ и КПСС огромные различия в программе и тактике. Однако эти заявления противоречили партийным документам. В программе КПРФ, принятой в январе 1995 г., говорилось о необходимости возвратить народу и взять под контроль государства имущество, присвоенное вопреки общественным интересам. В последний день форума А.Б. Чубайс устроил пресс-конференцию, на которой уличил Зюганова в «классической коммунистической лжи». Зачитав документы компартии, Чубайс показал, что есть два Зюганова, один для иностранцев, другой — для внутреннего употребления, и в случае его победы на выборах Россию «ждет большая кровь», а крупный бизнес вынужден будет покинуть Россию[2].

Там же в Давосе российские бизнесмены договорились о поддержке Ельцина на президентских выборах[3].

Таким образом, на президентских выборах решался вопрос не только о том, кто займет высший пост в Российской Федерации, но и о судьбе страны. Исход выборов во многом зависел от способности правящей элиты сплотиться в поддержке единого кандидата. В начале 1996 г. рейтинг президента Ельцина колебался между 4—8%. Помимо долговременных причин низкой популярности в обществе — очевидные проблемы со здоровьем, задержки с выплатой зарплат и пенсий, нарастание преступности — на рейтинг президента повлияла неудачная операции по освобождению заложников в дагестанском селе Первомайское.

Решение идти на выборы было для Ельцина непростым. В конце 1995 г. он перенес инфаркт. Как он признавал в своих воспоминаниях, он чувствовал себя измотанным, ощущал почти полную политическую изоляцию, и, наконец, немаловажным фактором было мнение жены — она была против[4]. Что же побудило Ельцина вступить в изнурительный «президентский марафон»? Сам он объяснял это прозрением: он вдруг увидел опасность прихода к власти «полувоенной команды постсоветских генералов: начальник службы безопасности Александр Коржаков, директор ФСБ Михаил Барсуков, которых прикрывает

1 Правда. 1996. 1 июля.
2 Независимая газета. 1996. 6 февраля.
3 Подробнее см.: *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. Пер. с англ. М., 2010. С. 460—462.
4 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления... М., 2006. С. 23.

своим могучим телом первый вице-премьер Олег Сосковец»[1]. Опасность такая существовала, но осознание ее скорее пришло в период написания мемуаров, а не тогда, когда принималось решение. В воспоминаниях говорится и об опасности прихода к власти коммунистов.

Думается, что решающим фактором в решении Ельцина сыграло то обстоятельство, что он не любил проигрывать. А неучастие в выборах для него было именно проигрышем с непредсказуемыми последствиями. Да, силы были на исходе, но оставалась воля к сопротивлению и уверенность в победе. Свою роль сыграла и неадекватная оценка ситуации. В памяти были свежи многотысячные толпы людей, скандировавшие «Ельцин — Россия!», выборы 1991 г., которые он выиграл, несмотря на сопротивление мощной партийной машины, победа над оппозицией в 1993 г. Он верил, что народ поддержит его и в этот раз.

Ельцин не спешил публично объявить о своем желании идти на выборы. Но для ближайшего окружения тайны из этого не делал. Сразу после новогодних праздников, 4 января, руководитель администрации президента С. Филатов неожиданно узнал о своей отставке и новом назначении в Штаб по выборам президента. Слова Ельцина Филатов запомнил надолго: «Выборы в Госдуму просрали — там теперь засилие коммунистов... Я не хотел идти на выборы, долго думал, колебался, но ситуация так складывается, что я принял решение баллотироваться в президенты на второй срок». Филатов пишет, что впервые услышал от президента скверное ругательное слово: «Оно неприятно и неожиданно резануло ухо, потому что Борис Николаевич никогда так не выражался и не терпел подобного в своем присутствии»[2].

Вместо Филатова был назначен Н.Д. Егоров[3], работавший советником Президента. Отставка Филатова, известного своими демократическими взглядами, была воспринята как знаковая. Тем более, что вскоре Ельцин произвел некоторые перестановки в правительстве, свидетельствующие о корректировке курса как во внешней, так и во внутренней политике. Вместо А.В. Козырева, олицетворявшего прозападную направленность российской внешней политики, министром иностранных дел был назначен Е.М. Примаков, который с советских времен зарекомендовал себя профессионалом в области международных отношений. Новое назначение Ельцина оказалось очень удачным, и было поддержано основными политическими силами.

Последний в правительстве Черномырдина член гайдаровской команды А.Б.Чубайс был освобожден от должности первого заместителя председателя, на этот пост был назначен «хозяйственник» генеральный директор-президент ОАО «АВТОВАЗ» В.В. Каданников. Ельцин подверг Чубайса публичной критике, обвинив в провале НДР на парламентских выборах 1995 г. и в массовых задержках выплат зарплат и пенсий в стране. В сатирической телепередаче «Куклы» в уста президента была вложена фраза, ставшая крылатой —«Во всем виноват Чубайс».

В январе 1996 г. из Президентского совета вышли Е.Т. Гайдар, С.А. Ковалев, О.Р. Лацис, С.С. Алексеев, выразившие свое несогласие с отставкой Чубайса и

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С.24.
2 *Филатов С.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 373.
3 Он пробыл на этом посту всего полгода и был снят накануне выборов — 15 июля 1996 г.

обвинениями его в ошибках, которые он не совершал, в частности в провале на выборах прокремлевской партии «Наш дом Россия». Демократический лагерь раскололся (впрочем, единым он никогда и не был). Как пишет С.А. Филатов, «у демократов был довольно большой разброс мнений: от А. Чубайса ("Ельцин нужен как гарант продолжения реформ") и В. Никонова ("избрание Ельцина — это меньшее из зол") до Е. Гайдара ("выдвижение Ельцина — это лучший подарок коммунистам")»[1]. Рассматривался даже вариант переноса выборов. 13 января в «Известиях» появилась статья М. Захарова «Нам не нужны судьбоносные выборы», в которой говорилось: «Общенародный референдум о продлении полномочий президента до двухтысячного года или какая-либо иная форма легитимизации его деятельности, включая прямое президентское правление на четыре переходных года, могли бы вывести наше многострадальное государство к берегам стабильности уже возникшей на горизонте»[2]. Очевидно, что автор выражал не только личное мнение.

Однако возможность переноса выборов не предусматривалась Конституцией и существующим законодательством. Президент не мог пойти на нарушение норм своей же конституции через два года после ее принятия. Память о событиях 1993 года была еще слишком свежа.

17 января было объявлено о создании Общероссийского штаба по выборам Президента России во главе с первым вице-премьером О. Сосковцом. Сосковец считался человеком Коржакова и, по воспоминаниям самого Ельцина, главным претендентом на пост премьера вместо Черномырдина. Работа с интеллигенцией и общественностью поручалась С.А. Филатову, который назначался заместителем руководителя штаба. Состав штаба был пестрый, в него вошли также Б.А. Березовский, Т.Б. Дьяченко, М.А. Захаров, В.Н. Игнатенко, В.Г. Кинилев, А.И. Корабельщиков, В.А. Петренко, В.И. Ресин, Ш.А. Тарпищев и др. Всего 43 человека.

Начиналась кампания по сбору подписей за выдвижение Ельцина и работа по подготовке общественного мнения. Один за другим президент подписывает указы о выделении бюджетных средств на социальные нужды. 22 января —указ «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат», 25 января — указы о компенсационных выплатах пенсионерам и увеличении стипендий студентам и аспирантам на 20%. 2 февраля была достигнута договоренность о выплате задолженности по зарплате, льготном налогообложении и субсидиях угольной отрасли, что позволило остановить забастовку шахтеров.

Большим подспорьем стало выделение МВФ в конце февраля 1996 г. кредита России в 10 млрд. долларов. Этим Запад дал ясно понять, на чьей стороне его симпатии.

Чтобы заручиться поддержкой региональных элит Ельцин пошел на расширение полномочий регионов. 12 января 1996 г. такое соглашение было подписано со Свердловской областью. Тогда же большей независимости от Москвы добилась и Калининградская область. Всего в период подготовки к выборам было подписано 10 договоров о разграничении полномочий центра и регионов.

1 *Филатов С.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 378.
2 Цит. по: От Ельцина к ... Ельцину: президентская гонка-96. М., 1997. С. 28.

Проводятся встречи с высшим генералитетом и руководителями силовых структур, награждения личного состава элитных частей — Таманской и Кантемировской дивизий, а также 27-й отдельной бригады спецназа, которые сыграли решающую роль в событиях октября 1993 г. вокруг Белого дома.

В то время как Ельцин начал активную работу по подготовке к выборам, демократическая общественность еще продолжала обсуждать вопрос о том, стоит ли его поддерживать. Рассматривалась возможность выдвижения В.С. Черномырдина в качестве альтернативы. В интервью 2006 г. В. Никонов, работавший в избирательном штабе в ходе президентской кампании, заявил, что «никакие опросы и исследования не давали Черномырдину возможности занять это кресло. К тому же победа была возможна только как результат полной консолидации элит, которую мог обеспечить только Ельцин. Премьеру это было абсолютно не под силу, что, кстати, Черномырдин продемонстрировал на выборах в качестве лидера партии «Наш дом — Россия»: он не смог консолидировать элиты. А президент смог это сделать: консолидировать элиты, напуганные возможностью прихода коммунистов к власти»[1].

Эти слова известного политолога произнесены по случаю «юбилея» президентских выборов, с дистанции в десять лет. Если же обратиться к газетам за январь—февраль 1996 г., то не трудно убедиться, что кандидатура Черномырдина рассматривалась всерьез, если не как альтернатива Ельцину, то в качестве дублера. Об этом писали, в частности, «Известия»[2]. Появлялись сообщения, что в Санкт-Петербурге, Оренбурге и других городах создаются инициативные группы по выдвижению Черномырдина. Однако Черномырдин открещивался от этих предложений, а 3 февраля неожиданно отправился в двухнедельный отпуск. Высказывались предположения, что отпуск был следствием разговора, состоявшегося между президентом и премьер-министром, в ходе которого премьеру было рекомендовано на время уехать, чтобы не смущать своим присутствием демократов.

«Перед лицом большевистской угрозы» демократическая интеллигенция стала склоняться в пользу Ельцина. В письме членов Президентского совета, опубликованном в «Известиях», говорилось, что Ельцин остается главнейшей опорой демократии в России и гарантом ее Конституции, что необходимо «совместно и конструктивно содействовать президенту, невзирая на те или иные, в том числе существенные, разногласия с ним и друг с другом». Под текстом стояли подписи известных в стране писателей и ученых — Д.А. Гранина, А.М. Емельянова, М.А. Захарова, С.А. Караганова, А.М. Миграняна, Э.А. Паина, Л.В. Смирнягина, М.О. Чудаковой и др[3].

После бесплодных поисков альтернативной фигуры партия Гайдара также заявила о своей поддержке Ельцина. Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Ельцин сумел в критический момент мобилизоваться. Впоследствии Гайдар вспоминал о встрече с президентом 29 февраля 1996 г.: «В ходе разговора неожиданно поймал себя на мысли, что вижу перед собой отнюдь не того Ельцина, который буквально месяц тому назад говорил

1 Московские новости. 6 июля, 2006.
2 См.: Известия. 30 января, 1996.
3 Известия. 7 февраля, 1996.

с телеэкрана что-то невнятное о тридцати восьми снайперах и укрепрайоне в Первомайском. Он четок, собран, энергичен, на лету ловит мысль собеседника. Такое ощущение, что не было этих пяти лет, как будто мы снова в октябре 1991 года... После разговора, впервые за последние месяцы зарождается надежда, что, может быть, сейчас, в ключевой для России момент, Ельцин сумеет резко измениться, набрать былую энергию и восстановить контакт с избирателями... В марте 1996 года народ вдруг видит перед собой совершенно другого, уже забытого президента: Ельцина образца 1991 года, с его уникальным умением разговаривать с людьми, привлекать симпатию энергией, напором»[1].

15 февраля Ельцин объявил о решении баллотироваться на второй срок. Это произошло в его родном Екатеринбурге. С самого начала предвыборная кампания строилась на идее «консолидации здоровых сил общества» для предотвращения возможных потрясений. С первого своего выступления в качестве кандидата он не уставал говорить об опасности коммунистического реванша и постоянно подчеркивал, что, выбирая президента, народ выбирает судьбу России.

Всего на должность президента было выдвинуто 78 кандидатов, и 11 из них были включены в избирательный бюллетень для голосования 16 июня 1996 г.[2] Был принят принципиально новый порядок финансирования избирательной кампании по сравнению с действовавшим на выборах 1991 г. Финансирование мероприятий связанных с подготовкой и проведением выборов шло из средств Федерального бюджета. Для финансирования агитации в свою пользу кандидаты на должность президента создавали свои собственные избирательные фонды, в которые наряду с бюджетными привлекались денежные средства юридических и физических лиц, собственные средства кандидатов, средства избирательных объединений. Федеральный Закон о выборах Президента устанавливал предельные размеры избирательных фондов и максимально возможные суммы поступлений.

Мартовский кризис

Начавшая набирать обороты избирательная кампания чуть было не завершилась в середине марта 1996 г., когда Государственная Дума отменила решение Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. о денонсации Договора об образовании СССР. Постановление Думы носило явно популистский характер, отвечая ностальгическим чувствам большинства людей, сожалевших о распаде СССР. Но законодатели не учитывали неизбежных правовых и политических последствий своего решения. Ведь советских республик, подписавших договор в 1922 г., уже не существовало, а новые государства, возникшие на постсоветском пространстве, вовсе не хотели отказываться от приобретенной независимости. Вероятно, что фракция коммунистов в Госдуме, инициировавшая это постановление, сознательно стремилась к конфронтации с президентом в период предвыборной кампании.

Действительно, реакция Ельцина была очень острой. 14 марта, накануне думского голосования, Президент в телеинтервью в угрожающем тоне заявил,

1 *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. С. 549—550.
2 Выборы в Российской Федерации. М., 1998. С. 95.

что в случае денонсации Беловежских соглашений он «примет крайние меры», поскольку воспринимает это как угрозу конституционному строю России. Однако Дума не вняла его предупреждениям и проголосовала за восстановление СССР.

Впоследствии, вспоминая об этих событиях, он писал: «Чего греха таить: я всегда был склонен к простым решениям. Всегда мне казалось, что разрубить гордиев узел легче, чем распутывать его годами. На каком-то этапе, сравнивая две стратегии, предложенные мне разными по менталитету и подходу к ситуации командами, я почувствовал: ждать результатов выборов в июне нельзя... Действовать надо сейчас! ... Был подготовлен ряд указов: в частности, о запрещении компартии, о роспуске Думы, о переносе выборов президента на более поздние сроки. За этими формулировками — приговор: в рамках действующей Конституции я с кризисом не справился»[1].

По воспоминаниям министра внутренних дел А. Куликова, 17 марта он был приглашен к Ельцину и получил распоряжение подготовить расчет сил и средств для реализации решения президента о роспуске Государственной Думы, запрете КПРФ и переносе выборов. Как человек военный он должен был подчиниться и отдал соответствующий приказ своему министерству.

В тот же день Ельцин поручил подготовить соответствующий указ и обращение к народу. Однако вместо этого помощники составили документ под названием «Контрдоводы и альтернативы», в котором попытались переубедить Ельцина идти напролом. Помощникам президента В. Илюшину, Г. Сатарову, М. Краснову, Ю. Батурину и депутату Государственной Думы С. Шахраю удалось убедить Ельцина отказаться от силового варианта. Они справедливо считали, что неадекватная реакция на решение Думы может привести к социальным потрясениям, и предлагали, чтобы президент обратился в Совет Федерации и Конституционный суд[2].

Уже запущенная силовая машина чудом была остановлена. 17 марта к вечеру под предлогом, что был звонок о минировании здания, Государственная Дума была занята подразделениями ОМОНа и ГУО (главное управление охраны)[3]. Но на следующий день утром депутатов стали пускать в здание.

Вспоминая эти события, Ельцин писал, что против его планов выступили Куликов и Черномырдин, а большинство участников совещания поддержали идею переноса выборов. Решающую роль в перемене его позиции сыграл разговор с А. Чубайсом: «...Мы разговаривали около часа. Я возражал. Повышал голос. Практически кричал, чего вообще никогда не делаю. И все-таки отменил уже почти принятое решение»[4].

Тема отмены или переноса выборов еще несколько дней поднималась в прессе и в публичных выступлениях, но силовой вариант развития событий удалось предотвратить. Постановление Государственной Думы от 15 марта после обсуждения в Совете Федерации было возвращено в нижнюю палату, где к нему больше не возвращались. Мартовский кризис обнажил хрупкость рос-

1 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 31—32.
2 Подробнее см.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 558—563.
3 *Мороз О.* 1996: Как Зюганов не стал президентом. — М., 2006. С. 181.
4 *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 33.

сийской демократии, показал, как легко можно склонить президента к силовым решениям с далеко идущими последствиями.

Вскоре после этих событий был распущен предвыборный штаб Сосковца. Поводом послужила просочившаяся в СМИ информация о том, что на некоторых предприятиях рабочим выдавали зарплату только после того, как они соглашались поставить подпись в подписном листе за выдвижение Ельцина. Понятно, что подобная «агитация» за президента могла иметь только обратный эффект. Служба помощников Ельцина еще в январе 1996 г. подготовила на имя президента аналитическую записку, в которой говорилось: «Нельзя в необходимом количестве получить голоса без демократического электората, который невозможно привлечь без помощи демократической прессы и элиты. Нельзя рассчитывать на коммунистические и патриотические голоса. Нельзя одержать победу на выборах руками министров и глав администраций, оперируя административными рычагами, — кампания НДР это показала более чем убедительно»[1].

Рассчитывая на административный ресурс, в штабе Сосковца не придавали большого значения данным опросов общественного мнения, считали, что во время выборов все встанет на свои места. Услужливые консультанты из штаба убеждали Ельцина, что люди любят его, но стесняются в этом признаваться. Другого мнения были эксперты аналитического отдела Администрации. 14 марта 1996 г. экспертно-аналитическая группа обратилась к президенту с письмом, в котором говорилось, что избирательную кампанию может спасти только немедленное отстранение Сосковца от руководства штабом.

В конце концов президент согласился с предложением полностью изменить структуру управления избирательной кампанией. 19 марта состоялась организованная А. Чубайсом встреча Ельцина с руководителями крупнейших банковских и медиа-групп: В. Гусинским, М. Ходорковским, В. Потаниным, Б. Березовским, М. Фридманом и др.[2] В этот же день был создан Совет избирательной кампанией под председательством самого Ельцина в составе В. Илюшина (заместитель председателя), В. Черномырдина, Ю. Ярова, С. Филатова, А. Чубайса, И. Малашенко, Н. Егорова, Ю. Лужкова, О. Сосковца, М. Барсукова, А. Коржакова, Т. Дьяченко Главным центром принятия политических решений стала созданная Чубайсом аналитическая группа в составе А. Чубайса, Г. Сатарова, Б. Березовского, С. Шахрая, Т. Дьяченко, И. Малашенко, Н. Гончара, В. Шахновского, А. Ослона, В. Никонова и С. Зверева[3].

По словам А. Ослона, одного из членов Аналитической группы, в нее вошли «прагматики, нацеленные исключительно на решение поставленной задачи и благодаря предоставленному карт-бланшу получившие возможность заниматься этой задачей без оглядки на всякого рода формальные согласования с какими бы то ни было инстанциями. Даже до кандидата предлагаемые решения доводились как уже принятые и подлежащие реализации. Это происходило как на общих встречах (особенно в начале работы, когда надо

1 Цит по: Эпоха Ельцина. С. 549.
2 См. подробнее: *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 29—30. Интервью Чубайса — см.: Коммерсант и Труд. 26.03.96.
3 Эпоха Ельцина. С. 556—557.

было "сверить часы" и "договориться на берегу"), так и через Т. Дьяченко, дочь Б. Ельцина и активного участника Аналитической группы. Наличие такого "моста" быстро привело к тому, что кандидат понял и принял исходные идеи кампании, поверил в них и сам почувствовал азартное желание их реализовать»[1].

Ослону, как новому человеку в окружении президента казалось, что участники предвыборного процесса работает на редкость слажено: «При всем разнообразии мотиваций — как в Аналитической группе, так и среди тех, кто работал около нее (а это были сотни людей самых разных профессий), — в той ситуации весны 1996 года возникла общая установка на максимально активные действия для переизбрания Б. Ельцина»[2]. Однако кремлевские старожилы видели, что прежние разногласия в президентской команде в ходе предвыборного марафона только обострились.

Как вспоминает С. Филатов, постоянно происходили стычки между Коржаковым и Малашенко, работавшим со средствами массовой информации[3]. Коржаков, которого Ельцин в воспоминаниях назвал неформальным лидером своего ближайшего окружения, пользуясь своим положением, постоянно «накручивал» президента против других членов команды. Филатову, по его словам, не просто было найти общий язык с Т. Дьяченко[4].

Проблема урегулирования чеченского кризиса

В борьбе за голоса избирателей действующий президент находился в более сложной ситуации, чем его конкуренты. Он должен был не только давать обещания, но и выполнять их. И здесь самой острой и сложной проблемой было окончание войны в Чечне. Неспособность федеральной власти прекратить кровопролитие, остановить войну, которая фактически вышла за границы Чеченской республики и перекинулась на соседний Дагестан, вызывала недовольство в обществе. Продолжение войны давало возможность сепаратистам террористическими акциями сорвать выборы или повлиять на их исход. Значение чеченской проблемы, разумеется, выходило за рамки задач избирательной кампании. Не касаясь международного аспекта этого вопроса, отметим важность прекращения войны и урегулирования статуса Чеченской Республики в составе Российской Федерации с точки зрения укрепления российской государственности.

В феврале 1996 г. для разработки плана по мирному урегулированию ситуации в Чечне были созданы комиссия при правительстве и рабочая группа Администрации Президента под руководством Э.А. Паина (зам. начальника аналитического центра Администрации). В появлении двух групп, занимавшихся решением одной проблемы, можно увидеть негласное соперничество Правительства и Администрации, а также Черномырдина и Ельцина, тем более, если учитывать, что премьер мог рассматриваться как кандидат на пост президента. Но к этому времени Черномырдин неоднократно и определенно

1 *Ослон А.* Как в 1996 году Аналитическая группа сделала опросы социальным фактом //Социальная реальность. 2006. № 6.
2 *Ослон А.* Указ соч.
3 *Филатов С.А.*Совершенно несекретно. С. 399.
4 *Филатов С.А.* Указ. соч. С. 394.

заявлял о том, что не собирается принимать участие в президентских выборах. Скорее «мозговая атака» двух параллельных групп нужна была, чтобы найти оптимальное решение. В конце февраля предложения были готовы, а в начале марта Ельцин встречался и подробно обсуждал их с руководителями групп, а также с Н. Егоровым и Д. Завгаевым.

Программа урегулирования чеченского кризиса была предложена Ельциным 31 марта в телевизионном обращении к гражданам России. Планировалось с 24 часов 31 марта прекратить войсковые операции на территории мятежной республики и начать поэтапный вывод федеральных войск из спокойных районов Чечни. Вторым пунктом предложенной президентом программы было проведение свободных демократических выборов в парламент Чеченской республики, воссоздание органов государственной власти, к которым по мере их укрепления перейдут ответственность и полномочия по окончательному урегулированию ситуации. Согласование вопроса о статусе Чеченской республики откладывалось до полной нормализации обстановки.

Программа носила достаточно компромиссный характер. Государственной Думе предлагалось объявить амнистию участникам вооруженных действий в Чечне, кроме уголовных преступников. Ельцин выражал готовность пойти на переговоры с дудаевской стороной, правда через посредников.

Процесс мирного урегулирования начался с подписания тройственных мирных соглашений между представителями федеральных войск, представителями правительства Доку Завгаева и местной администрацией: военные брали обязательства не обстреливать населенные пункты, начать разминирование, а жители — не пускать боевиков. Однако сепаратисты не признавали этих договоренностей, что имело трагические последствия. 15 апреля начался первый этап вывода войск, а буквально на следующий день колонна федеральных войск попала в засаду и была практически полностью уничтожена на горной дороге между селениями Дачу-Борзой и Ярыш-Марды, с которыми было подписано мирное соглашение. РИА «Новости» 19 апреля сообщило о 92 погибших, 56 раненых и уничтожении 21 единицы бронетехники. Лишь 12 человек остались невредимыми[1].

После гибели президента Чеченской республики Ичкерия Джохара Дудаева ситуация осложнилась. 23 апреля по каналам ИТАР ТАСС было распространено заявление правительства Ичкерии о том, что в связи с гибелью Дудаева оно отвергает план мирного урегулирования, предложенный Ельциным.

И все-таки через месяц, 27 мая, в кремлевской резиденции президента переговоры Ельцина с преемником Дудаева Зелимханом Яндарбиевым состоялись. Итоговый документ, подписанный в результате этой встречи, предусматривал:

— полное прекращение боевых действий в Чечне в 0 часов 1 июня;

— в течение 2 недель освобождение всех, кто насильственно удерживался;

— переговоры на уровне специальных комиссий для выработки конкретных механизмов.

1 *Мороз О.* 1996: Как Зюганов не стал президентом. М., 2006. С. 264.

На следующий день, 28 мая, Ельцин неожиданно вылетел в Чечню. Поездка готовилась в глубокой тайне. Яндарбиев и члены его делегации узнали о поездке Ельцина из телевизионных новостей. Этот день они провели в загородной подмосковной резиденции, по сути в качестве заложников.

Это была самая эффектная и самая опасная из 30 поездок по стране, совершенных Ельциным в ходе избирательной кампании. На броне бронетранспортера он подписал указ о повсеместном переходе военных на контрактную службу с 2000 г.[1] Во время поездки он распорядился подготовить досрочную демобилизация призывников, прослуживших 1,5 года, из которых полгода пришлось на горячие точки.

Кремлевские договоренности были подкреплены подписанными в Назрани 10 июня протоколами о прекращении всех боевых действий, выводе федеральных войски освобождении пленных. 25 июня Ельцин подписал Указ № 985 о поэтапном до 1 сентября выводе войск из Чечни. На постоянной основе в Чечне оставались 205-я мотострелковая бригада (8 тыс.чел.) и 101-я бригада внутренних войск (4 тыс.)

Предвыборная кампания

Тем временем избирательная кампания набирала обороты. Это было заметно по социальной направленности президентских указов. Помимо ликвидации задолженности по зарплатам, повышения социальных выплат был принят указ «О реализации конституционных прав граждан на землю», в котором давалось поручение правительству внести в Думу закон о бесплатном закреплении в собственности граждан земельных участков, используемых для личного подсобного хозяйства, садоводства, жилищного или дачного строительства[2]. В другом указе, чтобы обеспечить снижение стоимости и обеспечить доступность жилья, президент инициировал разработку Федеральной целевой программы «Свой дом»[3].

Чтобы перехватить инициативу у оппозиционных фракций Государственной Думы, спекулирующих на ностальгии по Союзу, президентская сторона предпринимает меры по укреплению СНГ. 29 марта 1996 г. Ельцин наряду с президентами Белоруссии, Казахстана и Киргизии подписывает четырехсторонний договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях[4]. Через три дня, 2 апреля подписывается Договор о создании Сообщества Белоруссии и России[5].

В апреле был созван съезд сторонников Президента, подготовленный Общероссийским движением общественной поддержки Б. Ельцина на выборах Президента Российской Федерации (ОДОП)[6]. Выступая на съезде, Ельцин

1 По этому поводу помощник по национальной безопасности Ю. Батурин направил Ельцину докладную записку, в которой говорилось о невозможности перехода на контрактную систему. См.: Эпоха Ельцина. С. 462.

2 http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_57804.html

3 http://www.tehlit.ru/1lib_norma_doc/1/1692/

4 http://www.evrazes.com/print/docs/34

5 http://www.sngcom.ru/belarus/legislation/commonwealth Через год на базе Сообщества был создан Союз Беларуси и России.

6 Общероссийское движение общественной поддержки Б. Ельцина на выборах Президента Российской Федерации. Материалы съезда 6 апреля 1996 г. М., 1996.

сформулировал десять главных направлений своей президентской программы: борьба с бедностью, защита семьи, материнства и детства, развитие культуры, образования и науки, борьба с преступностью и коррупцией, проведение правовой и военной реформ и другие.

Как показывали социологические опросы, действия президента в борьбе за голоса избирателей давали заметный эффект. *(См. табл. 1.)*

Таблица 1. Влияние на электорат политических мероприятий марта—апреля 1996 г. (в %)[1]

Политические события и мероприятия	Повлияло в пользу Б.Н. Ельцина	Повлияло в пользу Г.А. Зюганова
Постановление Думы о пересмотре Беловежских соглашений	15,0	20,6
Программа урегулирования кризиса в Чечне, объявленная Ельциным	25,3	8,9
Четырехсторонний договор об углублении интеграции между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией	26,4	7,6
Образование Сообщества России и Белоруссии	28,5	7,3
Указ президента РФ о реализации конституционных прав граждан на землю	26,8	8,1
Указ президента РФ о разработке федеральной целевой программы «Свой дом»	30,4	3,5
Мероприятия центральной власти по выплате долгов по зарплате	37,7	5,4

Громадную роль в избирательной кампании сыграли новые политические технологии. Это и не скрывалось. Сразу после второго тура выборов Независимая газета опубликовала большую статью Л. Ионина «Технология успеха» с подзаголовком «Без политических аналитиков и консультантов выборы теперь не выиграть». Автор прямо писал, что «именно гигантским усилиям и средствам потраченным на интеллектуальное и технологическое обеспечение предвыборной кампании и обязан Борис Ельцин своей победой. Это первый такой случай в истории российской политики»[2].

Избирательная кампания строилась на идее возвращения «прежнего Ельцина». Президент должен был предстать перед избирателями таким, каким они его знали в 1990—1991 гг., энергичным, решительным лидером, понимавшим чаяния людей, умевшим говорить с ними на одном языке. Указы президента готовились на основе анализа опросов в расчете на максимальный электоральный эффект в разных социальных группах. С начала апреля Б. Ельцин стал говорить простыми, неказенными словами о проблемах женщин, пенсионеров, детей, о массовом обнищании и т. д. с выражением искреннего сочувствия.

1 *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000. С. 147.

2 Независимая газета. 1996. 5 июля.

«Московский комсомолец» подробно рассказывал, как проводилась рекламная кампания с ключевыми слоганами «Выбирай сердцем!» и «Верю! Люблю! Надеюсь!» Главной ее целью стало привлечение на сторону Ельцина тех 30% избирателей, которые не определились, за кого они — за коммунистов или за демократов. В серии роликов «Верю! Люблю! Надеюсь!» в поддержку Ельцина высказывались простые люди с улицы. На поиски персонажей по всей стране разъехались пять съемочных групп. Отснятые ролики показывали фокус-группам, потом с учетом замечаний зрителей дорабатывали и пускали по телевидению. На экране самые разные случайные люди в естественных условиях говорили о выборах и о кандидате на своем языке. Они не хвалили кандидата и не агитировали голосовать за него, а просто рассуждали, что «коней на переправе не меняют»[1].

Чтобы привлечь на избирательные участки ту часть электората, которая традиционно была пассивной — молодежь, использовался опыт избирательной кампании президента США Б. Клинтона 1992 года (Choose or lose — «Выбирай или проиграешь»), адаптированная к российским условиям[2]. Основным средством воздействия на молодежь было избрано телевидение, основными действующими лицами — звёзды эстрады, рока, кино[3]. Агитация за Ельцина не была прямой. Кампания «Голосуй или проиграешь» строилась на визуальных образах символизировавших с одной стороны мрачное советское прошлое, а с другой светлое настоящее. Молодежные предвыборные собрания, даже такие как форум демократической молодежи, состоявшийся в Высшей комсомольской школе 2 июня, проводились в духе молодежной тусовки. В фойе раздавали бейсболки, футболки, плакаты с предвыборными лозунгами, компакт-диски, в зале группа «фанатов» встречала выступления ораторов одобрительным улюлюканьем и скандировала «Ель—цин!»[4].

Кампания в поддержку действующего президента включала в себя демонизацию его основного соперника — Г. А. Зюганова. По словам Г. Павловского, руководителя Фонда эффективной политики, который по контракту со штабом Ельцина проводил «контрпропагандистскую работу в региональных СМИ»: «Запускание откровенной "дезы" никого не смущало. Шла гражданская война в информационном пространстве (...). Избирателю внушали: коммунисты хотят что-то отнять лично у тебя: квартиру, участок, 500 долларов, зашитые в чулке»[5]. Основным психологическим доводом агитации стало противопоставление «свободы и демократии с Ельциным» и «голода, гражданской войны и

1 Московский комсомолец. 1996. 31 июля.

2 Избирательная кампания полностью проводилась российскими политтехнологами. Аналитическая группа не использовала и не рассматривала материалы и советы американских консультантов, работавших в Москве. История о том, как американцы «сделали» победу Ельцину, показанная в фильме «Проект "Ельцин" не соответствует действительности. Подробнее см.: *Ослон А.* Как в 1996 году Аналитическая группа сделала опросы социальным фактом //Социальная реальность. 2006. № 6.

3 Подробнее см.: *Лисовский С., Евстафьев В.* Избирательные технологии: история, теория, практика. М., 2000.

4 Коммерсант. 1996. 4 июня .

5 Цит.по: *Авченко В.* Теория и практика политических манипуляций в современной России // http://psyfactor.org/polman6.htm

лагерей с Зюгановым». Таким образом, создавалось убеждение в безальтернативности кандидатуры Ельцина.

Важную роль играли поездки Ельцина по стране и встречи с избирателями. После создания Чубайсом аналитической группы их сценарии резко изменились. Ельцин вспоминал, как Игорь Малашенко проделал эксперимент, положив перед ним фотографии двух предвыборных кампаний: «На первой фотографии, нынешней, 96-го года, — толпа начальников и ожидающий их "за санитарным кордоном" испуганный люд (по-моему, в Краснодаре). На второй, старой, 91-го года, — огромная масса людей, оживленные лица, сияющие глаза. Я увидел счастливое лицо женщины, которая тянет руку ко мне, к другому Ельцину, и чуть не заревел от боли. Впечатление было сильное. Ведь это было всего пять лет назад! Я вспомнил ощущения от встреч с людьми, и все сразу встало на свои места»[1].

Во всех городах, куда ездил Ельцин (а их за два с половиной месяца было не меньше полутора десятков), до и после его визита проводились опросы, чтобы понять, какова степень эффективности поездок и какие допущены ошибки. Так, после первой же поездки президента на юг страны опросы показали, что она пошла во вред и ухудшила отношение людей к Ельцину. В городе перекрывались дороги, многочисленная охрана жестко ограждала главу государства от населения, сценарий поездки был казенным. Такая схема была немедленно сломана, возникла целая творческая бригада для планирования и даже театрализации «живых» мероприятий и человеческого общения. Ельцин вошел во вкус, сам придумывал неожиданные «ходы» и получал от них искреннее удовольствие. Его личный драйв чувствовали миллионы телезрителей, но этого, разумеется, не могла программировать Аналитическая группа — просто ей удалось активизировать в Ельцине какие-то подспудные ресурсы, и они тоже стали работать на главную цель кампании — «вызывать у избирателей одобрительное удивление»[2].

Напряженный ритм предвыборной гонки давался Ельцину с трудом, что не могло не беспокоить его ближайшее окружение. Один из помощников сообщал В. Илюшину: «Мероприятие 15 апреля (юбилей Н.Н. Семенова) убедило меня в том, что, возможно, график Президента (численно и содержательно) до 16 июня надо корректировать. Шеф выступал очень вяло (возможно, из-за того, что накануне простудил горло), не отвлекался от текста. Короче, без своего обычного в последние недели вдохновения. Было такое ощущение, что он жутко устал...»[3].

Врачи президента били тревогу. Весной на имя А. Коржакова поступило коллективное письмо за подписями десяти медиков, в котором они прямо указывали, что, «за последние две недели в состоянии здоровья Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина произошли изменения отрицательного характера. Все эти изменения напрямую связаны с резко возросшим уровнем нагрузок, как в физическом, так и в эмоциональном плане. Существенную роль играет частая смена климатических и часовых поясов при перелетах на большие расстояния. Время сна сокращено до предела — около 3—4 часов в сутки. Подобный режим работы представляет реальную угрозу

1 *Ельцин Б.* Президентский марафон. С. 34.
2 *Ослон А.* Как в 1996 году Аналитическая группа сделала опросы социальным фактом// Социальная реальность. 2006. № 6.
3 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 571.

здоровью и жизни президента»[1]. Фактически на карту была поставлена жизнь, и Ельцин понимал это. Но сойти с дистанции для него значило проиграть, а этого он не мог себе позволить.

Состоятся ли выборы?

Рейтинг Ельцина рос, однако уверенности в его победе на выборах не было. Очередную попытку перенести выборы предприняли бизнесмены из группы поддержки Ельцина. 27 апреля в российских газетах появилось обращение к кандидатам в президенты «Выйти из тупика!», подписанное президентом «ЛогоВАЗа» Б. Березовским, председателем правления Сибирской нефтяной компании Виктором Городиловым, председателем совета директоров Группы «Мост» В. Гусинским, президентом КБ им. Яковлева Александром Дундуковым, президентом Межгосударственной акционерной компании «Вымпел» Николаем Михайловым, президентом нефтяной компании «ЮКОС» Сергеем Муравленко, президентом компании «Роспром» Л. Невзлиным, гендиректором «АвтоВАЗа» Алексеем Николаевым, председателем правления банка «Возрождение» Дмитрием Орловым, президентом «ОНЕКСИМбанка» В. Потаниным, президентом «Столичного банка сбережений» А. Смоленским, председателем совета директоров консорциума «Альфа-групп» М. Фридманом, председателем совета директоров банка «Менатеп» М. Ходорковским.

В обращении 13-ти говорилось: «В этот ответственный час мы, предприниматели России, предлагаем интеллектуалам, военным, представителям исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов и средств массовой информации, всем тем, в чьих руках сегодня сосредоточена реальная власть и от кого зависит судьба России, объединить усилия для поиска политического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие основным интересам России, самой ее государственности ... »[2]

Опасаясь победы Зюганова, предприниматели предлагали перенести выборы. Как позже писал М. Ходорковский, «идея письма была очень проста, и, самое главное, мы в нее верили. Президентом России должен оставаться Борис Ельцин — как гарант гражданских свобод и человеческих прав. Но премьер-министром, причем, несомненно, с расширенными полномочиями, должен стать глава КПРФ ... Нужен левый поворот, чтобы примирить свободу и справедливость, немногих выигравших и многих, ощущающих себя проигравшими от всеобщей либерализации[3]. Условия компромиссного соглашения обсуждались на встрече предпринимателей с лидером КПРФ. Зюганов в качестве компромисса видел ограничение полномочий президента и наделение Государственной Думы правом формировать правительство.

В поддержку переноса выбором вновь выступил Коржаков, заявивший в интервью лондонской газете «The Observer», что президентские выборы следует отложить, чтобы избежать беспорядков при любом их исходе[4].

1 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 49.
2 http://www.politika.su/raznoe/pismo13.html
3 М. Ходорковский: «Левый поворот»// «Ведомости» 01.08.2005 http://lib.rus.ec/b/132588/read#t1
4 Фрагменты из этого интервью были опубликованы в газете «Сегодня». 1996. 6 мая. Цит. по: От Ельцина к ... Ельцину: президентская гонка-96. М., 1997. С. 279.

Страхи нагнетала и пресса. 8 июня в «Независимой газете» был напечатан анонимный аналитический доклад о намерениях коммунистов резко обострить политическую ситуацию в случае неблагоприятного для них голосования в первом туре. В публикации цитировались материалы закрытого пленума ЦК КПРФ, состоявшегося 18 мая: «относительно демократический период борьбы КПРФ за власть подошел к концу... На повестке дня вопрос о переходе к новой стратегии и тактике, в основе которой — активные массовые действия и внепарламентские методы борьбы с антинародным режимом». Отмечалось, что в КПРФ возросло влияние радикальной группировки. Автор публикации отмечал, что из внутренних документов КПРФ следует, что партия ведет подготовку к тому, чтобы отказаться признать результаты народного волеизъявления в случае своего поражения на выборах. Именно этой цели служит провокационная пропагандистская кампания КПРФ о якобы неизбежной фальсификации итогов выборов Центризбиркомом по указке властей... Разрабатываемые КПРФ сценарии «перехвата власти» предусматривают крайне авантюристические действия, способные втянуть страну в гражданскую войну и поставить ее на грань национальной катастрофы. «Политический и военный союз радикал-коммунистов и национал-патриотов уже проявил себя в кровавых событиях октября 1993 года... Эти люди уже показали, что они готовы на все и что прошлое их ничему не научило. Сейчас они готовятся, но уже с гораздо большим размахом, к новой попытке вооруженного мятежа»[1].

Арестов зачинщиков мятежа не последовало. А значит, доказательств подготовки мятежа не существовало. Очевидно, что люди, стоявшие за этой публикацией, были сторонниками отмены выборов.

«Коробка из-под ксерокса» и цена победы

Самым главным в президентских выборах 1996 г. было то, что они вообще состоялись, и что удалось избежать социальных и политических потрясений. Итоги первого тура, прошедшего 16 июня, принесли Ельцину 35,28% голосов, Зюганову — 32,03%. На третье место вышел генерал А. Лебедь набравший 14,52%. Началась работа по подготовке ко второму туру. Их исход зависел, за кого проголосуют избиратели, не голосовавшие за главных фаворитов избирательной гонки в первом туре. Чтобы привлечь на свою сторону электорат Лебедя через два дня после первого тура генерал был назначен секретарем Совета Безопасности и помощником президента по национальной безопасности. Одновременно был уволен министр обороны П. Грачев. Ельцин стал говорить о генерале как о возможном преемнике на следующих выборах 2000 года.

Однако второй тур выборов оказался под угрозой срыва. 19 июня по распоряжению М. Барсукова и А. Коржакова были задержаны С. Лисовский и А. Евстафьев, работавшие в команде А. Чубайса. В коробке из-под ксерокса, которую нес Лисовский, находилось 500 тысяч долларов США. Как отмечают помощники президента и активные участники предвыборной кампании, «несоответствие между требованиями Закона о выборах, задававшим верхнюю планку расходов на избирательную кампанию, и реальными расходами всегда приводило к тому, что расчеты за проведение кампании в существенной части

1 Независимая газета. 1996. 8 июня.

проводились "черным налом" Это практиковали все, именно поэтому противоборствующие стороны никогда не обвиняли в этом друг друга»[1].

Целью Коржакова было скомпрометировать А. Чубайса и отстранить его от руководства избирательной кампанией Ельцина в преддверии второго тура. Борьба между двумя группами в команде президента закончилась отставкой Коржакова, Барсукова и Сосковца. 25 июня был подписан Указ Президента № 986 об освобождении от занимаемых должностей 7 генералов.

Уже на следующий день, 26 июня, состояния здоровья Ельцина резко ухудшилось, и второй тур выборов, состоявшийся 3 июля, он встретил в санатории[2]. Но это было государственной тайной. По итогам второго тура Ельцин убедительно победил: за него проголосовало 53,83% (40 203 948 чел), за Зюганова 40,3% (30 102 288 чел.)[3]. В выборах участвовало 68,89% избирателей. Эти результаты были близки к прогнозам социологов ВЦИОМ.

Несмотря на победу на выборах, торжественное вступление в должность Президента на второй срок, состоявшееся 9 августа 1996 г., не стало триумфом Ельцина. Он плохо себя чувствовал и с трудом выдержал предельно сокращенную церемонию инаугурации. Кроме того, оказалось, что все усилия по установлению мира в Чечне пошли прахом. 6 августа Грозный был захвачен отрядами чеченских боевиков, было много жертв. На следующий день после инаугурации в стране был объявлен траур.

В августе основные полномочия по достижению мира в Чечне были возложены на Совет Безопасности и его секретаря генерала Лебедя. Государственная комиссия по урегулированию кризиса в Чечне во главе с Черномырдиным была расформирована. 22 августа Лебедь подписал с Масхадовым «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в городе Грозном и на территории Чеченской Республики». 31 августа в Хасавюрте (Дагестан) были подписаны два документа, которые положили конец первой чеченской войне: «Совместное заявление» и «Принципы определения основ взаимоотношений между российской Федерацией и Чеченской Республикой». По поручению президента Ельцина их подписал Лебедь, по поручению президента республики Ичкерия З. Яндарбиева — А. Масхадов. Чечня оставалась в рамках Российской Федерации с отложенным статусом. Предусматривалось, что соглашение об основах взаимоотношений Российской Федерации и Чечни должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 г. Планировалось до 1 октября сформировать Объединенную комиссию из представителей государственной власти России и Чечни для контроля за выполнением Указа № 985, обеспечения населения продуктами и медикаментами и подготовки программ восстановления республики.

23 ноября был подписан Указ Президента № 1590 о выводе из Чечни последних российских воинских частей (205-я армейская бригада и 101-я бригада внутренних войск). 12 мая 1997 Ельцин и Масхадов подписали «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». Как вскоре стало ясно, проблема Чечни не была решена, а лишь отложена.

1 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 572.
2 Подробнее см.: *Ельцин Б.* Указ соч. С. 44—48.
3 Выборы в Российской Федерации. М., 1998. С. 104.

Глава 11

«Осень патриарха». Второй срок Президента

После выборов: болезнь и перестановки в команде

Второй президентский срок Б.Н. Ельцина отличался от первого. Если в первые годы деятельности Ельцина в качестве Президента это был деятельный, активный человек, то после победы на выборах 1996 г. Ельцин был вынужден значительную часть времени проводить вне Кремля, «работать с документами» в своей загородной резиденции. Здоровье президента стало серьезным фактором политической жизни страны. Созданная в декабре 1993 г. политическая система не имела эффективных страховочных механизмов, и периоды длительного отсутствия Ельцина в Кремле приводили к перманентному параличу власти.

В этих условиях возросла роль Администрации Президента и Правительства в управлении страной. Серьезной проблемой для Президента и Правительства было отсутствие сколько-нибудь постоянной поддержки в Государственной Думе. Большинство в ней принадлежало сторонникам компартии и их союзникам. За Ельциным не стояла сколько-нибудь влиятельная политическая партия. Попытки создать пропрезидентскую, проправительственную партию «Наш дом — Россия», лидером которой стал Председатель Правительства В.С. Черномырдин, оказались неэффективными. Любая «партия власти», рекрутируемая главным образом из чиновной и околочиновной среды, служит символу власти — главе государства — ровно до тех пор, пока тот крепко стоитна ногах, имеет политическое будущее. Есть будущее у лидера — значит, есть будущее у «партии власти». Если нет, то такая партия начинает тихо рассыпаться. Не стала исключением партия «Наш дом — Россия».

После выборов: болезнь и перестановки в команде.

Избирательная кампания, как и предупреждали врачи, оказалась чрезмерной нагрузкой для человека, перенесшего не один инфаркт. Тем более, что в борьбе за президентское кресло Ельцин не щадил себя. Он смолоду не привык беречь здоровье, переоценивал свои силы. Сбегал из больницы не долечившись, купался в ледяной воде, злоупотреблял алкоголем. С годами проблемы накапливались, сказывался и возраст. После выборов встал вопрос об операции на сердце «по жизненным показаниям», что в переводе с медицинского языка означило, что операцию нельзя не делать. Но операция откладывалась из-за ухудшения состояния. Ельцин практически не бывал в Кремле, и это надо было как-то объяснять народу. Перенесенные президентом инфаркты оставались государственной тайной, но его появления на телеэкране во время выборов, на инаугурации и нечастые в теленовостях говорили больше, чем любые медицинские сводки. По сообщениям, что президент «работает с документами», нетрудно было догадаться, что Ельцин болен, и если и работает, то дома.

Вместе с тем Президент не собирался выпускать бразды правления из своих рук. О предстоящей операции он объявил сам в телевизионном обращении. На время, когда президент находился под наркозом, требовалась передача его полномочий премьер-министру, и это его беспокоило. Было подготовлено и подписано два указа о передаче президентских полномочий от Ельцина Черномырдину и наоборот. Операция 5 ноября прошла успешно, и как только Ельцин вышел из наркоза, он проставил время на указе о возвращении себе президентских полномочий. Он не исполнял обязанности президента чуть меньше суток, 23 часа.

Уже через полтора месяца, 23 декабря, он вышел на работу в Кремль. «Судя по внешнему виду и словам, обращенным к журналистам, — писал корреспондент "Независимой газеты" — президент в добром здравии, боевитом настроении и готов к энергичной работе»[1]. В первом же обращении к народу Президент поспешил показать, что он владеет ситуацией и будет строго спрашивать с нерадивых чиновников. Он потребовал от правительства решить вопрос с задолженностью по пенсиям и зарплатам, а затем твердо пообещал, что наступающий новый [1997] год будет лучшим для России. Однако вскоре после Нового года Президент вновь оказался в больнице с осложнением. Причина была все та же — несоблюдение режима. Болезнь в общей сложности затянулась более, чем на полгода, до марта 1997 г.

Продолжительное отсутствие президента, сообщения и слухи о его болезнях создавали ситуацию крайней неопределенности в стране. Резко возросла роль Администрации президента, которая готовила президентские указы и осуществляла его контакты с миром, находящимся за стенами больниц и санаториев.

Состав, структура и характер работы Администрации изменились после того, как 16 июля 1996 г. ее возглавил А. Чубайс. Первым его заместителем стал Ю. Яров, возглавлявший аппарат штаба избирательной кампании, заместителями М. Бойко, Е. Савостьянов. Должность пресс-секретаря занял С. Ястржембский, сменивший С. Медведева. А. Кудрин возглавил Контрольное управление Администрации. Как пишет В.Н. Шевченко, «в нее вошли те, кто участвовал в президентской кампании и активно работал в предвыборном штабе. То есть можно сказать, что была применена западная схема прихода к власти президентской команды. Структура администрации была преобразована. Раньше основная ставка делалась на группу помощников, которые непосредственно работали на президента. Чубайс предложил вообще отказаться от института помощников. Приостановил свою работу и Президентский совет. Весь центр сфокусировался вокруг главы администрации и его заместителей, которые отвечали за конкретные направления»[2].

Служба помощников была ликвидирована, сужались их функции и понижался статус, ликвидировались аналитические службы, вместо них создавались подразделения для решения агитационно-рекламных задач. Повседневная политическая работа Администрации стала фактически подменяться технологическими приемами, опробованными во время избирательной кампании. Вместо президентского совета стала работать маленькая группа, которая

1 Независимая газета. 1996. 24 декабря.

2 *Шевченко В.Н.* Повседневная жизнь Кремля при Президентах. М., 2005. С. 162.

занималась поддержанием положительного имиджа Президента. В нее вошли Т. Дьяченко, В. Юмашев, М. Бойко, С. Ястржембский, А. Ослон, Г. Павловский и др.

По мнению Е.М. Примакова Администрация Президента «стала чуть ли не самым главным органом власти, определяя стратегию, тактику, назначения на буквально все мало-мальски значимые должности, вмешиваясь в дела правительства, парламента, регионов. Это ненормальное явление имело частично своим объяснением не лучшую, к сожалению, «форму» президента в связи с его здоровьем. Но существование такого центра — могущественного и одновременно ни за что не отвечающего конкретно — было крайне выгодно и вовсю поддерживалось отдельными группами олигархов, пробивавших на руководящие посты администрации своих людей»[1].

Другим центром власти было правительство Черномырдина, состав которого обновился после выборов Президента. В благодарность за помощь во время избирательной кампании Ельцин ввел в правительство своего многолетнего первого помощника В.В. Илюшина, которому было поручено в должности вице-премьера курировать социальные вопросы. Переход Илюшина в правительство был связан также с реорганизацией Администрации, и с желанием Чубайса избавиться от влиятельного помощника, долгие годы проработавшего с Ельциным. Пост вице-премьера по экономическим вопросам получил председатель ОНЕКСИМ-банка В.О. Потанин, один из олигархов, поддержавших Ельцина на выборах. Министром финансов был назначен помощник президента по экономическим вопросам А.Я. Лифшиц. Некоторые ключевые перестановки в правительстве были произведены Ельциным буквально накануне выборов, и он не собирался от них отказываться. Среди них отставка О.Н. Сосковца от обязанностей Первого заместителя Председателя Правительства, отставка П.С. Грачева с поста министра обороны и назначение на его место И.Е. Родионова.

Новому правительству досталась нелегкая задача. Избирательная кампания 1996 г. истощила казну. Правительству удалось погасить долги по пенсиям и зарплатам, но это обострило бюджетный дефицит. Накануне выборов большим тиражом была опубликована программа действий президента Ельцина на 1996—2000 годы[2], на основе которой была принята среднесрочная программа правительства. Ее содержание сводилось к необходимости перехода к экономическому росту и структурной перестройке экономики. Говорилось об активной роли государства в осуществлении институциональных изменений и поддержке обрабатывающей промышленности, особенно в высокотехнологичных производствах. Декларировалась необходимость сокращения бюджетного дефицита.

Все это осталось благими пожеланиями. Правительственная программа, как впрочем, и президентская, остались невыполненными. Причин тому несколько. Серьезные просчеты были заложены в самом содержании програм-

1 *Примаков Е.* Восемь месяцев плюс... М., 2001. С. 88.

2 См.: *Ельцин Б.Н.* Россия: человек, семья, общество, государство. Программа действий на 1996—2000 годы. М., 1996.

мы. Стоит отметить, что она предлагалась еще до окончания срока действия старой, которая была полностью провалена. Хотя в новой программе давалась достаточно объективная картина состояния экономики, выводы делались необоснованно оптимистичные. Программа базировалась на посылке, что российская экономика уже стала преимущественно рыночной. Расчет был на то, что экономика и дальше будет «саморазвиваться» в заданном направлении, а правительство брало на себя обязанность фактически лишь «объявлять условия» а не реально создавать их.

В стране не было создано работающего механизма реализации программ и решений, принимаемых властью. Принимались законы, которые не исполнялись самими органами государственного управления. Не работала налоговая система.

По данным налоговых органов, в 1996 г. в стране насчитывалось 2,6 млн. предприятий и организаций, из которых реально действовали 1,7 млн. На 1 июля 1996 г. 41,3% работавших предприятий были убыточными[1]. Те, которые работали с прибылью, всеми правдами и неправдами пытались сократить налоговые выплаты в казну. В ходе избирательной кампании Президент щедро предоставлял всевозможные налоговые льготы. Так, в январе 1996 г. был подписан указ «О предоставлении предприятиям и организациям отсрочки по уплате задолженности по налогам, пеням и штрафам за нарушение налогового законодательства, образовавшейся до 1 января 1996 г.». В составе крупнейших должников бюджету оказались практически все нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия страны. Именно на этих предприятиях в апреле 1996 г. был обнаружен новый вид финансовых злоупотреблений за счет казначейских налоговых освобождений (КНО). Все эти предприятия (а они были главными плательщиками бюджета) в 1996 г. рассчитывались с бюджетом не деньгами, а поставками нефти и нефтепродуктов для нужд силовых структур (армии, МВД и т. д.) и сельского хозяйства. Такая схема расчета создавала возможности значительных злоупотреблений.

Экономическая ситуация осложнялась острой борьбой олигархических группировок между собой и с властью. Российский капитал вложился в победу Ельцина и теперь хотел получить от государства дивиденды в виде высоких постов и собственности.

В условиях спада производства и бюджетного кризиса рост государственного долга и расходов на его обслуживание принял неуправляемый характер.

Политические баталии в отсутствии «хозяина»

В кругах политической элиты шла напряженная подспудная борьба, отголоски которой попадали в прессу в виде скандалов и отставок. Активную деятельность развил генерал А.И. Лебедь, назначенный Ельциным на должность секретаря Совета безопасности в обмен за поддержку во втором туре президентских выборов. Лебедь возглавил также комиссию по высшим воинским должностям, высшим воинским и высшим специальным званиям, т.е.

1 Аппарат СФ Федерального собрания РФ Информационно-Аналитическое управление. Аналитический вестник. № 20 (44) Ноябрь, 1996 (далее Аналитический вестник). http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/1996/index.html

получил в свои руки важный кадровый рычаг для обеспечения поддержки в армии. Популярность решительного энергичного генерала на фоне больного президента росла. Если на президентских выборах он получил чуть более 14%, то к осени его рейтинг приближался к 30%. Выступая в прессе, он не стеснялся говорить о том, что от имени больного президента руководят другие люди. Так в одном из интервью он советовал Ельцину на время болезни передать власть премьеру Черномырдину, как это положено по Конституции: «Иначе создается опасный прецедент, когда можно руководить страной от имени президента. Вот это меня не устраивает. Я предпочел бы иметь дело хоть с временным, но начальником»[1].

Лебедь стал заниматься некоторыми внешнеполитическими вопросами, посетил штаб-квартиры НАТО и Западно-Европейского союза. Он принял участие в избирательной кампании бывшего начальника Службы безопасности А. Коржакова на освободившееся место в Государственной Думе. Выступление в поддержку бывшего начальника службы безопасности президента не могло понравиться Ельцину. Одним из поступков Лебедя, переполнивших чашу терпения Президента, было его выступление 15 октября на военном совете ВДВ против переподчинения частей ВДВ командующим военных округов. Лебедь заявил, что директива Министра обороны РФ И.С. Родионова о переподчинении «граничит с преступлением» и не должна выполняться. Выступление Лебедя на совете было встречено вставанием и возгласами «Слава армии! Слава России!».

На следующий день министр внутренних дел А. Куликов обвинил А. Лебедя в стремлении захватить власть вооруженным путем. По словам Куликова, еще в августе Лебедь направил силовым министрам для обсуждения предложение создать «Российский легион» численностью в 50 тысяч человек с прямым подчинением секретарю Совета Безопасности. «Легион» должен был действовать для «локализации политической и военной конфронтации, ликвидации лидеров политических, сепаратистских и иных организаций, деятельность которых будет нести угрозу национальной безопасности». По словам Куликова, этим планам воспротивились Министр обороны Родионов и сам Куликов. Среди обвинений в адрес Лебедя было и утверждение, что «чеченцы обещали Лебедю полторы тысячи боевиков для прихода к власти в Москве»[2].

Оставлять такого непредсказуемого человека в Кремле, тем более в преддверии операции президента, было опасно. 3 октября Ельцин подписал указ, лишавший Лебедя рычагов влияния на военных. Руководство комиссией по высшим воинским званиям и должностям было поручено секретарю Совета обороны Ю. Батурину. 17 октября Лебедь был уволен с поста секретаря Совета безопасности. Ельцин озвучил указ о снятии Лебедя в прямом эфире. Хотя, как писал Ельцин в своих воспоминаниях, в Администрации всерьез обсуждалась возможность вооруженного захвата власти Лебедем — высадка в Москве десантников, захват зданий силовых министерств и пр.[3], эти обвинения не были выдвинуты. Не было доказательств. Президент мотивировал свое решение

1 Московский комсомолец 1996. 28 сентября.
2 Независимая газета. 1996. 17 октября.
3 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 75.

тем, что Лебедь не научился работать без ссор с другими руководителями, занимается «предвыборной гонкой» за 4 года до выборов, а также участвует в предвыборной кампании в Думу отставленного генерала Коржакова. Любопытно, что, вспоминая обо всех «художествах» генерала, Ельцин замечает: «...как ни странно, Александр Иванович чем-то напомнил мне меня самого. Только в карикатурном виде. Как будто глядишься в мутное зеркало»[1].

Новым секретарем Совбеза стал бывший спикер Госдумы И. Рыбкин, а одним из его заместителей был назначен Б. Березовский, принимавший участие в финансировании президентской кампании Ельцина. Один из богатейших людей страны, ловкий и влиятельный закулисный политики, вышел из тени и впервые занял высокий государственный пост. В Совбезе он стал заниматься восстановлением Чечни, куда направлялись огромные бюджетные деньги. (Как не вспомнить известную русскую поговорку о козле, пущенном в огород!)

Важным событием осени 1996 г., стали региональные выборы, в ходе которых главы исполнительных и законодательных органов впервые не назначались Кремлем, а избирались местным населением. Всего к концу года предстояло избрать 47 глав администраций (губернаторов) в тех субъектах, где правили президентские назначенцы. На этот же период пришлись перевыборы 3 глав республик. Система выборов в каждом регионе устанавливается самостоятельно.

За губернаторские посты развернулась острая борьба, основными участниками которой стали политические коалиции, сложившиеся еще в ходе президентской кампании. На базе блока, поддержавшего кандидата Зюганова на выборах 16 июня, был создан Народно-патриотический союз России (НПСР) во главе с Г. Зюгановым. На основе ОДОПП — Общероссийского движения общественной поддержки Президента — Ельцинского блока на президентских выборах-96, сформировался Общероссийский координационный совет (ОКС) во главе с С. Филатовым.

ОКС поддерживал преимущественно действующих губернаторов, с которыми Кремль уже «сработался». Однако при больном президенте и общей неопределенности возможности влияния на ситуацию на местах были крайне малы. В октябре ОКС чуть было не распался, а в середине ноября решил в трех областях (Рязанской, Волгоградской, Ивановской) сделать ставку сразу на двух кандидатов. НПСР вначале предложил свои списки кандидатов, однако быстро переориентировался и передал инициативу в регионы. В результате региональных выборов 1996 г. свои полномочия подтвердили 22 из 49 баллотировавшихся руководителей[2]. Эти итоги отражали общие настроения в стране — ослабление центральной власти, падение авторитета действующего президента.

Вместе с тем в Администрации президента довольно оптимистично оценивали результаты выборов. Приемлемыми для Кремля считали всех, кто не входил в оппозиционные партии, и даже некоторых коммунистов. На 25 декабря «черный список» Администрации состоял из 8 фамилий, среди которых был бывший вице-президент, непримиримый противник Ельцина во время

1 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 77.
2 http://www.politika.su/vybory/rre96t.html. См. также: Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995—1997. Электоральная статистика. М., 1997.

кризиса 1993 г. А.В. Руцкой, избранный главой Администрации Курской области. К осени 1997 г. в России не осталось ни одного главы региона назначенного Центром. Это имело серьезные политические последствия. Все главы регионов обрели легитимность и стали полноправными и не зависящими от кадровой политики Центра руководителями. Региональные органы власти получили независимый правовой статус. Для Центра это существенно осложняло управляемость регионами.

Ситуация обострилась в начале 1997 г., когда президент был в очередной раз госпитализирован с пневмонией. 17 января оппозиционные фракции в Государственной Думе включили в повестку дня вопрос об отставке президента по состоянию здоровья. Это вызвало новую волну тревожных ожиданий. В Конституции не было четко прописано, в каком случае можно считать президента недееспособным. Пользуясь этим, коммунисты в Думе пытались провести закон о медицинской комиссии, которая должна была определить состояние здоровья президента. Однако предложение не было принято.

«Младореформаторы» в правительстве

В начале марта 1997 г. Ельцин вернулся к исполнению своих обязанностей. Казалось, что активизация противников его подхлестывала, заставляла мобилизоваться. Он выглядел энергичным и деятельным, почти как в лучшие времена. Очередное послание президента Федеральному собранию было озаглавлено «Порядок во власти — порядок в стране». Ельцин резко критиковал правительство: «Недоволен Правительством. Исполнительная власть оказалась неспособной работать без президентского окрика. Большинство обещаний, которые давались людям, и прежде всего по социальным вопросам, не выполнены»[1].

Сразу последовали перестановки в правительстве: А.Б. Чубайс был назначен первым заместителем премьер-министра с полномочиями министра финансов, первым заместителем премьера был назначен также Б.Н. Немцов. Заместителями председателя правительства стали А.Р. Кох, Я.М. Уринсон и О.Н. Сысуев. Из правительства вышли В.О. Потанин, А. Большаков, В. Илюшин, О. Давыдов, А. Заверюха, В. Игнатенко, А. Лифшиц.

Правительство выдвинуло программу «Семь главных дел», среди которых были такие задачи как проведение налоговой реформы, принятие Бюджетного кодекса, меры по формированию слоя эффективных собственников через приватизацию и процедуру банкротств, снижение темпа роста цен, земельная реформа, реформирование жилищно-коммунальной системы, реформирование социальной сферы.

Новому составу было трудно сработаться, команды единомышленников не получалось. Ельцин видел это, и, чувствуя ответственность за правительство, старался поддержать «молодых реформаторов» и смягчить разногласия. 12 мая 1997 г. выступая на заседание правительства, он прямо сказал: «Пора прекратить выяснения отношений, попытки забрать себе побольше полномочий. Каждый должен заниматься своим делом»[2].

1 Цит. по: Эпоха Ельцина. С. 727.
2 Эпоха Ельцина. С. 729.

Защищать правительство пришлось и от Госдумы, которая осенью 1997 г. весьма критически оценила проект бюджета на 1998 г., а также высказала принципиальные замечания в адрес законодательных инициатив «младореформаторов» — нового Налогового кодекса, реформы ЖКХ и ряда других. 21 октября 1997 г. руководители думских фракций встретились с президентом, в результате стороны пришли к компромиссу. Ельцин отозвал Налоговый кодекс и согласился с требованием доработать детище Немцова — коммунальную реформу. Он также признал необходимость проводить регулярные встречи с руководителями палат Федерального Собрания. На телевидении появился «парламентский час», создавалась парламентская газета, финансируемая за счет госбюджета. Кроме того, президент согласился с созданием общественных наблюдательных советов с участием депутатов на двух государственных телеканалах — ОРТ и РТР. В ответ парламент отказался от вотума недоверия правительству. Стали практиковаться регулярные встречи президента с премьер-министром и председателями обеих палат для обсуждения важных текущих проблем.

Прозванные «младореформаторами» новые заместители премьера объявили о начале политики активного вмешательства государства в экономику. Б. Немцов неоднократно говорил о необходимости покончить с «бандитским капитализмом». Фактически речь шла о том, чтобы поставить под контроль крупный капитал, который в свою очередь стремился использовать в своих интересах государство. В одном из интервью 1997 г. А. Чубайс сказал: «Представьте ситуацию, при которой человек, заработавший много денег и считающий себя хозяином страны, рассуждает так: президента избрал я, правительство назначил я, теперь пора получить причитающиеся мне дивиденды. Эта позиция для меня отвратительна и неприемлема»[1].

Правительство объявило войну «семибанкирщине», и первой решающей схваткой стало проведение аукциона по продаже госпакета акций корпорации «Связьинвест» — монополиста на российском рынке телефонной связи и телекоммуникаций. На покупку «Связьинвеста» претендовала группа Березовского—Гусинского, однако правительство не пошло им навстречу, как это было в 1996 г. На аукционе, прошедшем 25 июля 1997 г., «Связьинвест» достался В. Потанину, предложившему большую цену за компанию. Немцов и Чубайс стали мишенью для нападок телевидения и прессы, находившихся в руках Б. Березовского и В. Гусинского.

Ельцин посчитал нужным лично вмешаться в конфликт. 15 сентября 1997 г. он пригласил в Кремль Потанина, Гусинского, Ходорковского, Смоленского, Фридмана.

Скандал в СМИ разгорался. По настоянию вице-премьеров 4 ноября 1997 г. Березовский был уволен с поста заместителя председателя Совета безопасности, который занимал с 29 октября 1996 г. Через неделю он нанес ответный удар Чубайсу. А. Минкин в интервью радиостанции «Эхо Москвы», принадлежавшей Гусинскому, рассказал, что Чубайс и четверо его заместителей получили за книгу о приватизации беспрецедентный гонорар — 450 тыс. долларов. Произошло это накануне аукциона по «Связьинвесту», а деньги за

1 Аргументы и факты. 1997. № 47. С. 3.

еще не написанную рукопись были выплачены бизнес-структурой, близкой к группе ОНЭКСИМ В. Потанина. Фактически это было обвинениев получении взятки под видом гонорара[1]. Информация о ненаписанной еще книге легла на стол министру внутренних дел А. Куликову.

«"Книжное дело" было той самой арбузной коркой, на которой поскользнулась команда молодых реформаторов», писал позже Ельцин[2]. Чубайс лишился портфеля министра финансов, Немцов был отстранен с поста министра топлива и энергетики, но оба оставались в ранге вице-премьеров.

Пока шла борьба за «Связьинвест», в Азии разразился финансовый кризис. Не осталась в стороне и Россия. Осенью темпы экономического роста России замедлились. 27 октября произошло резкое падение цен на фондовых рынках. Это было следствием неустойчивости российского денежного рынка, который поддерживался главным образом за счет увеличения государственного внутреннего долга. В 1997 г. текущие расходы на обслуживание только внутреннего государственного долга уже более чем вдвое превышали текущие налоговые поступления в федеральный бюджет[3]. Доходность государственных обязательств существенно превышала рентабельность производственной сферы, что вело к оттоку капитала из производственной сферы.

Особенно в тяжелом положении оказалась оборонная промышленность. Финансирование оборонного заказа не превышало 40—45%, на конверсию выделялось всего около 34% от намеченных сумм, финансирование научно-технического потенциала оборонных отраслей производилось в размере не более 5%. Отсутствие у предприятий финансовых средств продлило цепную реакцию неплатежей. По оценкам экспертов, кризис оборонной промышленности достиг такой стадии, когда стал реально угрожать всей отечественной экономике и национальной безопасности государства.

Правительство РФ неоднократно пыталось предпринимать меры по ужесточению платежной дисциплины и реструктуризации долгов предприятий, чтобы улучшить поступление налогов в федеральный бюджет. Но из этого ничего не получалось. Правительство, в котором работали как сторонники курса либеральных реформ, так и противники оказалось неэффективным. Как вспоминает Ельцин, в конце 1997 г. обострились отношения между Чубайсом и Куликовым, который был активным противником приватизации и всей либеральной экономики. На заседаниях правительства Куликов неоднократно обвинял молодых реформаторов, что их политика «способствует злоупотреблениям, разваливает страну, плодит нищих и преступников»[4].

Выход из сложившейся ситуации Президент видел в отставке правительства Черномырдина. Тем более, что он был озабочен вопросом о преемнике, который смог бы возглавить страну в 2000 г. после окончания срока его полномочий. В этой связи особое значение приобретал пост премьер-министра: согласно Конституции в случае невозможности исполнения президентом своих

1 Независимая газета. 1997. 13 ноября.
2 *Ельцин Б.Н.* Указ. Соч. С. 112.
3 Аналитический вестник. № 20 (65). Декабрь. М., 1997. http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/179/index.html
4 *Ельцин Б.Н.* Указ. Соч. С. 114.

обязанностей они возлагались на главу правительства. Черномырдин, возглавляя правительство на протяжении пяти лет, приобрел политический вес, что воспринималось Ельциным как угроза.

Стремление самоутвердиться перед Черномырдиным иногда выглядело по-детски. Помощники Ельцина приводят в своей книге один забавный разговор Ельцина с Черномырдиным. Ельцин тогда всерьез интересовался финансовыми рынками. Однажды он позвонил премьеру и спросил: «Виктор Степанович, а какая сейчас динамика на рынке коротких бумаг?». Премьер смешался и попросил время для подготовки ответа. «Ну вот, премьер, а не знает. А я знаю», — заметил президент, положив трубку. Он сиял, он во всем хотел быть первым[1].

26 февраля 1998 г. в кратком выступлении на расширенном заседании правительства Президент объявил, что намерен отправить в отставку трех членов кабинета. Неделей позже последовали обещанные отставки. Тем временем, готовилась отставка всего правительства. О ней было объявлено 23 марта 1998 г. Позже Ельцин написал в своих воспоминаниях «... в этот момент я расставался с двумя наиболее сильными и верными своими союзниками — Черномырдиным и Чубайсом. И оказывался, таким образом, почти в полной политической изоляции»[2].

В тот же день исполнение обязанностей Председателя Правительства было поручено С.В. Кириенко. Кириенко пришел в правительство из бизнеса в 1997 г. в качестве заместителя министра топлива и энергетики и к 1998 г. успел дорасти до министра. Когда Ельцин принял решение о его назначении он еще не был вице-премьером, и чтобы соблюсти иерархию, его назначили сперва первым заместителем председателя правительства, и тут же и.о. председателя. Появление во главе правительства молодого и мало кому известного 35-летнего Кириенко, которого в народе метко окрестили «киндер-сюрпризом», было абсолютно неожиданным и меняло расстановку политических сил. Наряду со слабым Президентом появился слабый премьер. На новое правительство Ельцин возлагал большие надежды, связанные с новым рывком в осуществлении реформ. Как отмечали помощники Президента, он перенес на нового избранника теплые чувства, которые обычно испытывал к молодым фаворитам, говорил о Кириенко в теплом отеческом тоне, который трудно симулировать[3].

Утверждение нового председателя правительства заняло около месяца. 27 марта представление на нового премьера было направлено в Государственную Думу. Ельцин выступил на заседании Думы с настоятельной рекомендацией утвердить предложенную кандидатуру, намекнув на возможность роспуска нижней палаты, если та трижды отклонит предложение Президента. Депутаты намек поняли. Дважды они отклоняли Кириенко, причем число голосов «против» увеличилось на втором голосовании. Но Президент был настроен решительно, и депутаты перед угрозой роспуска Думы на третий раз утвердили нового премьера[4]. В тот же день Президент издал указ о назначении Кириенко Председателем Правительства РФ.

1 Эпоха Ельцина. С. 734.
2 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 124.
3 Эпоха Ельцина. С. 732.
4 Итоги голосования см.: http://www.politika.su/prav/pr6.html

Заместителями Председателя Правительства были назначены Б.Е. Немцов, В.Б. Христенко и О.Н. Сысуев. В состав правительства вошли Е.М. Примаков (министр иностранных дел), И.Д. Сергеев (министр обороны), С.В. Степашин (министр внутренних дел), М.М. Задорнов (министр финансов). Из 26 назначенных членов Правительства 15 входили в состав кабинета В.С.Черномырдина. 29 мая 1998 на новую должность Министра РФ — руководителя Госналогслужбы РФ был назначен Б.Г. Федоров (с 17 августа заместитель председателя правительства). Таким образом, новое правительство стало более либеральным, чем прежнее.

Согласившись на либеральное правительство, Дума была унижена. Тем более, что Президент не скрывал, что купил депутатов. Выступая по телевидению, Ельцин заявил, что дал указание управляющему делами президента П.П. Бородину «решить после голосования проблемы депутатов». Единственной уступкой оппозиционным фракциям Думы стало назначение министром промышленности и торговли в июле 1998 члена ЦК КПРФ Ю.Д. Маслюкова. По этому поводу последовала переписка нового министра с ЦК компартии, в ходе которой Маслюков сообщил об обязательствах, которые дал председатель Правительства в обмен на согласие стать министром[1].

На пути к финансовому банкротству

В начале 1998 г. Госкомстат России представил в Правительство информацию о социально-экономическом положении России. Едва ли не впервые с 1990 г. там содержались сдержанно-оптимистические оценки состояния экономики. Наметился небольшой рост ВВП — 101,3% к январю 1997 г. Статистики зафиксировали рост отдельных отраслей промышленности: черная металлургия выросла за год на 104,7%, цветная — на 117,4%. Существенно, что рост происходил и в тех отраслях промышленности, которые были ориентированы не на экспорт, а на внутреннее потребления: в легкой промышленности — (109,5%), а также в медицинской и полиграфической отраслях[2].

Однако небольшое оживление промышленности не переломило в целом негативных тенденции в российской экономике. В течение всего 1997 г. снижались цены на нефть — важный источник пополнения государственного бюджета. Они упали с 23 долларов за баррель в октябре 1996 г. до 16 — в конце 1997 г.[3]

Государственные инвестиции в 1997 году были профинансированы в размере 27,7% к утвержденному бюджету, что говорило о срыве государственной инвестиционной программы. О тяжелом бюджетном кризисе в правительстве и Центробанке заговорили с осени 1997 г. Чтобы предотвратить его предлагались различные меры, вплоть до получения на Западе у стратегических инвесторов около 2 млрд. долларов в качестве предоплаты за участие в конкурсах по приватизации российских предприятий. Конкурсы планировалось прово-

1 Тексты документов см.: http://www.politika.su/prav/pr6.html

2 Социально-экономическое положение России. Январь 1998 года. Госкомстат, М., 1998. С. 10—11.

3 Подробнее см.: *Жиляев К.В.* Анализ структуры и динамики российского экспорта в 1994—2000 гг.// Сб. науч.трудов ИНП РАН. М., 2003.

дить, потом Ельцин отверг эту идею как незаконную. Выступая на заседании правительства в декабре 1997 г. он говорил о собственных просчетах: «Вы все объясняете мировым финансовым кризисом. Конечно, "финансовый ураган" не обошел стороной Россию. И зародился он не в Москве. Но есть и другая причина — плачевное состояние российского бюджета. А вот здесь пенять можно только на себя»[1].

Тем не менее, выход был один — искать деньги на Западе, если не под приватизационные конкурсы, то в долг. Эмиссары от правительства и Центробанка отправились в Вашингтон, чтобы прозондировать возможность предоставления России экстренной помощи МВФ в случае серьезного ухудшения финансовой ситуации. В феврале 1998 Ельцин встретился с исполнительным директором главой МВФ М. Камдессю и договорился о кредите, но получение его затягивалось.

В 1998 г. российская экономика быстро сползала к кризису. 9 января 1998 г. котировки февральских контрактов на сырую нефть на NYMEX резко упали и достигли значения $6,63 за баррель. Одновременно с этим упали цены и на газ — другую важную статью русского экспорта[2].

Ухудшилась собираемость налогов. В первом квартале 1998 г. план сбора налогов оказался сорванным. В феврале налогов собрали почти на 20% меньше, чем за тот же период 1997 года. Это, в свою очередь, било по всей системе финансирования государственных расходов. При расчетных 20 млрд. рублей в месяц в марте бюджет получил меньше 12 млрд. В апреле собрали 12,5 млрд. рублей по сравнению с 14 млрд. рублей в апреле 1997 года.

На этом фоне росла скрытая безработица, теневая экономика и нелегальная занятость. Тяжелым было положение в социальной сфере. Эффективность программ социальной поддержки была крайне низкой. Известно, что оптимальное соотношение доходов наиболее бедных и наиболее богатых слоев населения (десятипроцентный слой) в развитых странах с рыночной экономикой не превышает 1:4 или 1:5. В России же это соотношение достигло 1:12—13.

Начало работы правительства С.В. Кириенко совпало с многочисленными внешними и внутренними проблемами, главной из которых был дефицит бюджета. Программные заявления нового премьера не отличались от программы правительства Черномырдина. Кириенко вновь акцентировал внимание на необходимости проводить взвешенную финансовую политику не только в центре, но и на местах. О введении запрета на принятие решений, не подкрепленных финансами, о необходимости сбора налогов, изменении характера приватизации.

Одним из ключевых моментов стало расширение аппаратных возможностей — правительство было избавлено от обязанности согласовывать свои решения (за исключением стратегических решений в экономике) с Администрацией Президента. Это свидетельствовало о полном доверии со стороны Президента. С другой стороны, это было связано с реорганизацией Администрации, которую провел ее новый руководитель В.Б. Юмашев, сменивший на этом посту А.Б. Чубайса.

1 Цит. по Эпоха Ельцина. С.737—738.

2 *Шахова Е.* Ирак возобновляет поставки//Русский телеграф, 13 января 1998. С. 9.

В центре внимания правительства была работа, направленная на финансовую стабилизацию и наведение налогового порядка. Усилилась работа с должниками. Кириенко неоднократно подчеркивал, что не боится передела собственности, задача состоит в том, чтобы предприятие от неэффективного собственника перешло к эффективному. Сообразно доходам рассматривался и вопрос о расходах. Серьезное внимание было уделено сокращению прямых расходов государственного аппарата, усилению влияния государства в естественных монополиях.

Несмотря на все усилия правительства, хронический дефицит бюджета привел к разрастанию государственного долга, как внутреннего, так и внешнего. Расходы на его обслуживание росли и в 1998 г. превысили величину налоговых доходов бюджета. В мае 1998 г. в Бюджетном послании Президент говорил о налоговой реформе как о первоочередной задаче правительства. Слишком тяжелые для честных плательщиков налоги делали невозможным развитие производства, а зачастую и были разорительны в буквальном смысле. Значительная часть предприятий всеми правдами и неправдами уходила от налогов. Легальным путем для этого было получение льгот от государства, что расширяло поле для коррупции. Налоговая система провоцировала рост «теневой экономики» и «бегство капитала» из страны, создавала основу для коррупции.

Искусственное деление на регионы доноры и дотационные не соответствовало рыночным принципам экономики: налоги платили не регионы, а хозяйствующие субъекты. Центр и регионы делили между собой одни и те же налоговые источники, что создавало постоянное напряжение во всей системе федеративных отношений.

Реформа налоговой системы, предложенная правительством, усиливала налоговую нагрузку на доходы населения. Предполагалось увеличить налог с продаж, обложить подоходным налогом страховые выплаты и проценты по вкладам населения, расширить налогооблагаемую базу для взносов в государственные внебюджетные фонды за счет страховых выплат. В условиях развивающегося экономического кризиса такие меры вели к еще большему падению платежеспособного спроса.

Реализация финансовой программы проходила под жестким социальным давлением. В мае 1998 года в стране развернулась «рельсовая война» — недовольные невыплатами зарплаты шахтеры в целом ряде регионов (Кемеровская, Ростовская области, Республика Коми) перекрыли железнодорожные пути. Погасить конфликт удалось через неделю. Ответственность за выплаты зарплат правительство обязало разделить и регионы. В частности, был подписан указ Президента РФ «О дополнительных мерах по обеспечению выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы и оздоровлению государственных финансов», согласно которому правительство оказывало помощь регионам в выплате зарплаты только в случае проведения на местах мер по финансовой стабилизации. Это усилило напряженные отношения Кремля с регионами. Совет Федерации, в котором были представлены главы регионов, настаивал на неотложных мерах по повышению роли государства в регулировании рыночной экономики, что противоречило линии правительства.

Стремясь найти средства в бюджет, Банк России в начале 1998 г. стал привлекать рублевые ресурсы коммерческих банков на краткосрочные депозиты. Ставка привлечения повысилась до 22% годовых, увеличивая нижнюю границу стоимости рублей на кредитном рынке. В преддверии аукционов по гособлигациям ставки по сверхкоротким кредитам доходили до 40—45% годовых[1]. Начался выпуск государственных краткосрочных обязательств — ГКО—ОФЗ. Высокая доходность ГКО, достигавшаяся за счет все возраставших процентов по выплатам, превращала эти финансовые инструменты в собственную противоположность. Вместо того, чтобы обеспечить поступление средств в бюджет, ГКО превращались в средство получения денег из бюджета. Доходность на рынке ГКО—ОФЗ не опускалась ниже 40%[2]. Нередко доходность ценных государственных бумаг взлетала до 100 и даже 300% годовых. Курс рубля удерживался неимоверными усилиями Центробанка, который для этой цели тратил из своих валютных резервов более 1 млрд. долл. в неделю.

Нарастанию экономического кризиса способствовала политическая нестабильность внутри страны и неблагоприятная внешнеэкономическая ситуация. Во многом неожиданная отставка Черномырдина и назначение нового премьера — Кириенко — нагнетали опасения участников рынка и инфляционные ожидания. Попытки получить заимствования на внешнем рынке западные инвесторы расценивали как признак приближающейся катастрофы, что приводило к оттоку капиталов.

Президент нервничал, постоянно спрашивал, чего не хватает, чтобы исключить финансовый кризис. 2 июня он встретился с лидерами российского бизнеса. Ельцин был откровенен — назвал ситуацию крайне тяжелой, рассказал, что делают правительство и Центробанк. Финансисты вежливо выслушали. В интервью «Независимой газете» один из участников этой встречи, М. Ходорковский, отказался раскрыть суть переговоров с президентом[3].

В своих воспоминаниях Ельцин подробно рассказывает о встрече Кириенко с крупнейшими представителями российского бизнеса в старом правительственном пансионате «Волынское». По воспоминаниям Ельцина, бизнесмены дали достаточно жесткую оценку правительству. Надеяться на финансовую помощь Запада ему не приходится. Кто в мире будет разговаривать с малоизвестным вице-премьером Христенко, с другими молодыми людьми из правительства Кириенко? На этой встрече было решено создать что-то типа экономического совета при правительстве, куда должны были войти все представители крупнейших банков и компаний. Было предложено назначить Чубайса спецпредставителем России на переговорах с международными финансовыми организациями. Ельцин пишет об этом, как о компромиссе Кириенко, который не хотел контактировать с экономистами гайдаровской школы и с «олигархами»[4]. Но фактически это он сам шел на компромиссы.

Ельцин не мог не осознавать надвигающейся опасности, и делал, что мог, чтобы ее предотвратить. Прежде всего, ему пришлось защищать перед Думой

1 Социально-экономическое положение России. Январь. 1998. М., 1998. С. 189.
2 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 735—746.
3 Независимая газета. 1998. 3 июня.
4 *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 209—210.

правительство. Получение кредитов было обусловлено проведением жестких мер по стабилизации бюджета. В соответствии с требованием МВФ была срочно подготовлена Антикризисная программа правительства и 23 июня представлена на собравшейся по инициативе Ельцина сессии Госдумы. Однако депутаты раскритиковали Антикризисную программу как «навязанную Западом» и ведущую к ухудшению и без того напряженной социальной ситуации в стране.

В середине июля 1998 г. стало известно, что МВФ, Всемирный банк и Япония выделяют России стабилизационный кредит в 22 млрд. долл. Поскольку его получение было оговорено теми же условиями, Ельцин вновь поставил перед Госдумой вопрос о срочном принятии Антикризисной программы. Однако депутаты согласились одобрить лишь некоторые меры, категорически отказавшись поддержать, в частности, увеличение налогов на граждан, на чем настаивал МВФ. В этих условиях Ельцин, вопреки сопротивлению Госдумы, подписал президентские указы, увеличивавшие налоги с физических лиц. Формально это было нарушением закона, поскольку федеральные налоги не могли быть изменены без одобрения Госдумы и ратификации Совета Федерации.

Тем не менее, благодаря волевому решению Ельцина Россия получила обещанный первый транш МВФ в размере 4,8 млрд. долл. Несмотря на это вся первая половина августа прошла под знаком обвалов, которые периодически сотрясали различные сегменты финансового рынка. Ситуацию подогревали слухи о неминуемом обвале рубля.

В пятницу 14 августа в ответ на вопрос агентства «Интерфакс» Ельцин неожиданно в телеэфире заявил, что никаких оснований для паники нет и нет необходимости президенту прерывать отпуск и возвращаться в Кремль: «Твердо и четко. Девальвации рубля в России не будет, и это не просто я придумываю, или это мои фантазии. Это просчитано, это моя работа и мой контроль»[1].

Что за этим стояло? Неадекватная оценка ситуации? Вряд ли. Президент вникал в финансовые вопросы, был в курсе последних событий на финансовых рынках. Желание успокоить, развеять слухи, которые сами по себе могли ускорить финансовый кризис? Возможно. И, наверное, еще вера в чудо, надежда, что пронесет. Как бы то ни было, это выступление 14 августа было воспринято как прямой обман и уж, конечно, доверия к президенту не прибавило. Напротив, стоя в очередях в банки в надежде вернуть свои сбережения, люди вспоминали его недобрым словом.

Уже на следующий день, 15 августа 1998 г. было принято принципиальное решение об объявлении дефолта. 16 августа во второй половине дня к Ельцину приехали руководители правительства и ЦБ утвердить мероприятия, которые они собирались провести на следующий день. Президент согласился.

Дефолт и его последствия

17 августа 1998 г. было объявлено о фактическом банкротстве страны. Центральный банк отказывался выполнять обязательства по ГКО. Торги по государственным ценным бумагам были остановлены. Были введены ограничения на осуществление валютных операций для отечественных инвесторов. Иностранцам было запрещено вкладывать средства в рублевые активы со сроком погашения до 1 года. Был объявлен мораторий на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, том числе от иностранных кредиторов, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам. Одновременно с этим Центробанк отказывался поддерживать прежний курс рубля. Была поднята верхняя планка «валютного коридора» — с 6 рублей до 9,5 рубля за доллар. Однако удержать рубль от дальнейшего падения не удалось.

[1] Независимая газета. 1998. 15 августа.

Августовский дефолт повлек за собой серьезные политические и экономические последствия. Правительство было отправлено в отставку, ушли со своих постов советник Ельцина по экономическим вопросам А. Лифшиц и председатель Центрбанка С. Дубинин. Резко обострились отношения Президента и Думы. Государственная Дума выступила против предложения Ельцина назначить Черномырдина премьер-министром и потребовала отставки самого президента. За резолюцию, призывающую президента уйти в отставку, проголосовало 248 депутатов. Это было больше половины всего депутатского корпуса, но недостаточно, чтобы она была принята. Когда Дума дважды отклонила кандидатуру Черномырдина, президент оказался перед выбором: назначить Черномырдина, но тогда следовало распустить Думу и провести новые выборы. В условиях стремительно нараставшего экономического кризиса легко было предположить, что новая Дума будет много хуже старой.

Ельцин в очередной раз круто повернул политический штурвал. Думе была предложена кандидатура Е.М. Примакова. Примаков, занимавший пост министра иностранных дел с января 1996 г., успел завоевать доверие в обществе и поддержку оппозиционных фракций. 11 сентября 1998 г. он был утвержден.Пост первого вице-премьера получил коммунист Ю.Д. Маслюков, министра финансов — «яблочник» М.М. Задорнов; в качестве консультантов Правительства оказались академики-экономисты, резко критиковавшие экономический курс Ельцина—Гайдара—Черномырдина — Л.И. Абалкин, О.Т. Богомолов, Н.Я. Петраков, Д.С. Львов. Министром иностранных дел был назначен И.С. Иванов, министром обороны — И.Д. Сергеев, министром внутренних дел — С.В. Степашин.

Председателем Центробанка, после отставки С.К. Дубинина, был назначен В.В. Геращенко, никогда не скрывавший своего неприятия «монетаристской политики» своего предшественника. Из выступлений Примакова, Геращенко, а также министра финансов Задорнова следовало, что денежными источниками правительство считает золото, ожившую экономику, печатный станок и борьбу с правонарушениями[1].

В то время как правительственный кризис был преодолен, банковский кризис только набирал обороты. Многие частные банки, в том числе крупнейшие — Инкомбанк, СБС-агро, Мост, Онэксим и ряд других, державших значительные средства в ГКО, стали, следом за государством, отказывать своим клиентам в выплатах их собственных средств. Некоторые банки передали свои обязательства перед частными вкладчиками в принадлежащий государству

[1] http://www.vybory.ru/sociology/polit_2half1998_vlast.php3

Сбербанк. Крах системы частных банков в свою очередь нанес удар по функционированию платежных систем в стране.

Паника усиливалась, курс доллара в обменных пунктах доходил до 20 рублей, что привело к росту цен на импортные товары и к их временному исчезновению из магазинов. Население отреагировало на неожиданно возникший дефицит усиленным спросом на товары. В сентябре оно израсходовало на приобретение товаров и оплату услуг почти все денежные доходы. В результате цены возросли в том же месяце на 38,4 процента при том, что денежная масса сокращалась в течение года и к началу сентября уменьшилась на 10 процентов по сравнению с уровнем начала года. К концу 1998 г. задолженность по заработной плате работников бюджетной сферы, находившихся на содержании региональных и местных властей, составляла 16 млрд. руб. Выплата задерживалась в среднем по стране на 2,6 мес. На Алтае — 7,8 мес., на Чукотке — 4,5 мес.[1]

Однако в обстановке нараставшего экономического кризиса появился и «свет в конце туннеля», а если быть точным, то сошлись два фактора, которые стали локомотивом развития отечественной экономики. Пожалуй, впервые с 1985 г. стала складываться исключительно благоприятная экономическая конъюнктура для страны.

Обвал рубля привел, по крайней мере, к двум ближайшим результатам. Во-первых, резко снизилась себестоимость производства, прежде всего за счет понижения удельного веса заработной платы. Поэтому падение курса рубля объективно стимулировало промышленность страны, сделало ее более конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Второй результат — это снижение импортных поставок. Импортные товары в одночасье стали дорогими и неконкурентоспособными по отношению к товарам отечественным. Импорт товаров сократился и составил в 1999 г. только 66,2% к 1998 г.[2] Зато появились покупатели у отечественной продукции. Снижение себестоимости продукции, как следствие девальвации рубля, сделало российские товары — сталь, трубы, цветные металлы и др. покупаемыми на мировом рынке. Это стимулировало производство и впервые обеспечило рост промышленности. Объем промышленной продукции вырос за год — с конца 1998 до конца 1999 года — на 108,1%. Это были поистине небывалые темпы роста за последние четверть века, даже учитывая последствия обвала производства за предыдущие десять лет. Свидетельством оживления экономической жизни стало увеличение железнодорожных перевозок — за год — на 118,1%[3]. В конце 1998 и в начале 1999 гг. наметился подъем в машиностроительной отрасли, в переработке сельскохозяйственного сырья. Приостановилось сокращение валового внутреннего продукта.

Правительство Примакова внесло в Думу бюджет на 1999 г., в котором были значительно сокращены все государственные расходы и предусмотрен профицит — превышение доходов над расходами. Это стало принципиально новым в экономической истории новой России. Появление профицита должно способствовать организации работы по выплате долгов России, составляющих около 170 млрд. долларов, включая долги бывшего СССР.

1 *Примаков Е.* Восемь месяцев плюс... М., 2001. С. 50.
2 http://www.gks.ru/script/free/1c.exe?xxxx514F.2.1.1/13000R
3 http://old.polit.ru/documents/96808.htm

Хуже было с социальными характеристиками жизни людей. Реальная заработная плата к концу 1999 г. составила 76,8% от прошлогоднего уровня, люди стали тратить меньше денег на покупки (объем розничного товарооборота составил 92,3%), выросло число безработных. Оно составляло к концу 1999 г. 9,2 млн. человек, или 106,8% к прошлому году[1]. По оценкам Всемирного банка за период с 1997 по 1999 бедность в России выросла с 24,1% населения (35,3 млн. человек) до 41,5% (60,5 млн.)[2]. Причем, бедные в России — это чаще всего трудоспособные жители сёл и маленьких городов, имеющие детей. Очень высока доля проживающих ниже официальной черты бедности среди работников образования, культуры и здравоохранения.

Среди политических последствий кризиса 1998 г. следует отметить дальнейшее обострение противоречий между ветвями власти. Временная Комиссия, созданная Советом Федерации по расследованию причин, обстоятельств и последствий принятия решений от 17 августа 1998 года, пришла к заключению, что фундаментальной причиной финансового кризиса явилось крайнее несовершенство правового регулирования процессов подготовки и принятия государственных решений, изначально заложенное в Конституции. По мнению экспертов, полномочия и предметы ведения ветвей власти в основном законе чрезмерно размыты. Статус Президента Российской Федерации, возможность принятия им решений по любым вопросам жизнедеятельности государства без четкого описания процедур и ответственных органов государственной власти позволяет прикрывать именем главы государства любые решения.

По мнению сенаторов, решения 17 августа 1998 г. принимались с грубыми нарушениями принятых процедур, без экономической и юридической экспертиз, анализа вероятных последствий. Проекты решений не проходили согласования в соответствующих ведомствах, не обсуждались на заседаниях Правительства Российской Федерации и Совета директоров Центрального банка Российской Федерации. Был поставлен вопрос о персональной ответственности С.В. Кириенко, С.К. Дубинина, М.М. Задорнова, С.В. Алексашенко, А.Б. Чубайса, Е.Т. Гайдара за последствия принятых решений[3]. Совет Федерации предлагал внести поправки в Конституцию, касающиеся перераспределения полномочий между федеральными органами государственной власти, а также поправки об ответственности должностных лиц за результаты их работы.

Операция «наследник»

Дефолт 1998 г. надломил президента. Он разочаровался, замкнулся, часто болел. Его плохое физическое состояние не было секретом. Каждое появление президента в теленовостях неопровержимо свидетельствовало, что он сильно

1 См.: http://www.gks.ru/script/free/1c.exe?xxxx514F.2.1.1/13000R
2 www.ereport.ru. Эксперты Всемирного банка и российские статистики используют разные методики определения уровня бедности. Российские специалисты оценивают долю бедного населения по ежемесячным доходам. Всемирный банк считает эту методику не совсем корректной и предлагает оценивать бедность не по уровню доходов (о которых люди не всегда говорят правду), а по уровню потребления.
3 Аналитический вестник № 10 (98). Май 1999. Причины и последствия финансового кризиса в России конца 90-х гг. Материалы Временной комиссии по расследованию причин, обстоятельств и последствий принятия решений от 17 августа 1998 года.

сдал. Так, в октябре 1998 г. во время поездки в Казахстан и Узбекистан охране и руководителям этих государств во время официальных церемоний пришлось поддерживать Ельцина, который чуть не падал. В конце ноября 1998 г. президент был вновь госпитализирован в ЦКБ с воспалением легких. Там он вынужден был вместо полноценных переговоров принимать «в протокольном порядке» прибывшего в Москву с официальным визитом председателя КНР, переносить визит которого в очередной раз было неприлично. В зеркале прессы он превратился в объект постоянного вышучивания — в лучшем случае, и яростных оскорблений — в худшем.

Остро стоял вопрос о преемнике. Он должен был отвечать по крайней мере двум главным требованиям — обеспечить продолжение политического курса развития страны и гарантировать личную безопасность прежнего Президента. Последнее — не случайно. Уже с 1992 г. в оппозиционной прессе, на митингах звучал призыв — «Банду Ельцина под суд!» Немало сторонников такого лозунга было и в Думе. Задача поиска преемника была тем более актуальной, что состояние здоровья Президента было таково, что он мог неожиданно прекратить исполнение своих обязанностей. По законодательству, в этом случае его должен был заменить премьер-министр, который становился исполняющим обязанности президента до новых выборов. Таким образом, Председатель Правительства становился не только преемником Президента, но и одним из самых перспективных кандидатов на президентский пост.

Параллельно с поисками преемника Ельцин стремился укрепить собственную Администрацию. В 1997—1998 гг. под разными предлогами от него ушли Д.Б. Рюриков, Ю.М. Батурин, А.Я. Лифшиц, М.А. Краснов, Л.Г. Пихоя и другие помощники и спичрайтеры, работавшие с ним с начала 90-х гг. В Администрации усилилась позиция так называемой «семьи» — людей близких Ельцину. В их число входили дочь Президента Т.Б. Дьяченко, глава Администрации — в будущем — ее муж В.Б. Юмашев, активный участник избирательной кампании 1996 г., финансист, с успехом применявший близость к власти для реализации своих бизнес-проектов Б.А. Березовский, представители «старой» Администрации, «готовые играть по правилам "семейной" политики (как С.В. Ястржембский или А.С. Волошин)»[1]. Нужно отметить, что при всем соблазне отождествления интересов Ельцина и «семьи», президент отнюдь не стал послушной марионеткой в руках ближайшего окружения, он был склонен к неожиданным поступкам и мог проявить характер.

Верный своей политической традиции создания «сдержек и противовесов», Ельцин опирался не только на «семью», но и усиливал Администрацию выходцами из спецслужб, силовых структур, рассчитывая на их дисциплинированность, исполнительность, четкое следование указаниям старшего начальника. В декабре 1998 г. руководителем Администрации Президента вместо В.Б. Юмашева был назначен Секретарь Совета безопасности, недавний директор Федеральной пограничной службы генерал Н.Н. Бордюжа.

На новом посту Бордюжа оказался, по мнению «семьи», человеком чрезмерно самостоятельным. Он настаивал на ограничении влияния лоббистов на

[1] Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 778—779

деятельность Администрации — Б. Березовского, Р. Абрамовича и ряда других представителей крупного бизнеса. Не получив поддержки, Бордюжа подал в отставку.

На его место был назначен А.С. Волошин. За его плечами был опыт работы в коммерческих структурах, близких к Б.А. Березовскому. В Администрации он работал с 1997 г., сначала — помощником по экономическим вопросам, а затем заместителем тогдашнего руководителя В. Юмашева. Сторонник «семьи», он проявил себя как незаурядный организатор, способный налаживать отношения с фракциями Государственной Думы, манипулировать за кулисами действиями политиков, в том числе и числившихся оппозиционными.

В политическом климате висели грозовые тучи приближающихся выборов. В 1999 г. предстояли очередные выборы в Государственную Думу, которые должны были стать «политическим смотром» накануне выборов Президента в 2000 г. Ельцин несколько раз объявлял, что он не будет в них участвовать. Ему не верили. Хотя пребывание на посту президента ограничивалось двумя сроками, за ним сохранялось конституционное право еще раз вступить в избирательную борьбу. Формально, по Конституции 1993 г., он избирался только один раз — в 1996 г. А его способность побеждать в самых невероятных условиях вошла в отечественную политическую мифологию.

Премьер Примаков неоднократно заявлял об отсутствии у него президентских амбиций, но его рейтинг рос, и он стал рассматриваться как возможный кандидат на предстоящих в 2000 г. выборах. Чтобы обеспечить политическую стабильность в предвыборный период Примаков предложил президенту и председателям двух палат парламента взять на себя добровольные обязательства: до новых президентских выборов президент не распускает Думу, не использует право отставки правительства, правительство не ставит в Думе вопрос о доверии, что может повлечь роспуск Думы. Дума в свою очередь отказывается от импичмента. Премьер-министр считал необходимым принять закон о гарантиях неприкосновенности лицам, занимавшим пост Президента[1]. Однако в Кремле эта инициатива была воспринята как проявление президентских амбиций. Не вняла предложениям Примакова и Государственная Дума.

Еще в мае 1998 г. в ответ на требования бастующих шахтеров фракции коммунистов и «Яблоко» в Государственной думе приступили к сбору подписей за отрешение президента от должности. За два месяца было собрано более 225 подписей, что давало основание для начала процедуры импичмента. 19 июля 1998 года постановлением Думы была создана специальная комиссия по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинений, выдвинутых против президента РФ. Комиссию возглавил бывший член Комитета конституционного надзора СССР В. Филимонов (КПРФ), заместителем его стала Е. Мизулина («Яблоко»). Большого беспокойства у Президента и Администрации это не вызвало, т. к. нападки на президента в Думе были обычным явлением, выдвинутые обвинения политическими, а процедура импичмента сложная.

Комиссия тем временем работала и к маю 1999 года, сформулировала пять пунктов обвинения против президента: 1) разрушение Советского Союза

[1] *Примаков Е.* Восемь месяцев плюс...М., 2001. С. 179.

и ослабление Российской Федерации путем заключения и реализации Беловежских соглашений; 2) совершение государственного переворота в сентябре 1993 года; 3) развязывание и проведение военных действий в Чеченской Республике; 4) ослабление обороноспособности и безопасности РФ; 5) геноцид российского народа.

Расчет, что премьер-министр, пользовавшийся поддержкой ряда думских фракций, сможет отчасти снять проблемы в отношениях Президента и Думы, не оправдался. Примаков не смог или не захотел повлиять на депутатов, уговорить их отказаться от своего замысла. В случае отставки Ельцина с поста Президента, именно он становился наиболее реальным кандидатом на этот пост.

Но события стали развиваться по иному сценарию. Президент перехватил инициативу. 12 мая 1999 г., накануне назначенного голосования по импичменту, он неожиданно отправил Примакова в отставку. Дума оказалась в сложном положении. Предстояло утверждение нового председателя правительства, а это, в свою очередь, позволяло Президенту досрочно распустить Думу в случае, если предложенный им кандидат трижды не будет утвержден. 15 мая в ходе открытого голосования поименными бюллетенями ни один из пунктов обвинения не набрал требуемого большинства в ⅔ голосов.Результаты голосования были следующими: обвинение в государственной измене — «за» — 284, «против» — 77;

организация государственного переворота — «за» — 263, «против» — 60;

превышение власти — «за» — 284, «против» — 43;

оказание помощи иностранным государствам — «за» — 241, «против» — 78;

геноцид — «за» — 237, «против» — 89[1].

Таким образом, большинство депутатов были против президента, значительная часть воздержалась. В поддержку президента проголосовало лишь 10—20% депутатского корпуса.

19 мая 1999 г. Ельцин предложил Думе утвердить Председателем Правительства генерала С.В. Степашина, занимавшего до этого пост министра внутренних дел, а раньше — директора Федеральной службы контрразведки.

Это назначение было знаковым — Президент продолжал усиливать «силовую составляющую» в управлении страной. Генерал Степашин пришел на тот пост, который в Администрации Президента прочили министру путей сообщения Н.Е. Аксененко. Аксененко традиционно причисляли к «семье». В прессу выплеснулись сведения о противоречиях между Степашиным и Администрацией о том, что Степашин настаивал на расширении своих полномочий, в частности, в управлении экономическим блоком и промышленной политикой.

Постепенно складывалась новая расстановка сил во власти. В поле зрения Ельцина оказывались новые люди, практически неизвестные московской политической тусовке. Одним из них стал В.В. Путин. Кадровый офицер КГБ, он работал помощником мэра Петербурга А.А. Собчака, затем — председателем Комитета по внешним связям мэрии. После поражения Собчака на выборах 1996 г., ему пришлось уехать из Петербурга.

В Москве он начал работать в Управлении делами Президента, затем — в Администрации, стал в 1997 г. начальником Главного контрольного управ-

[1] Эпоха Ельцина. С. 759.

ления, в 1998 — первым заместителем главы Администрации, курировавшим регионы страны. В 1998 г. он был назначен Директором Федеральной службы безопасности и, по совместительству, секретарем Совета безопасности. Пользуясь правом и обязанностью еженедельного доклада Президенту, он оказался «в ближнем кругу» Президента.

Очередной кавказский кризис ускорил развитие событий в Москве. Летом 1999 г. влияние ваххабитов стало распространятся в Дагестане, на границах с Чечней было неспокойно. Степашин, посетив ваххабитские села, высказался вполне примирительно. Но обстановка на Северном Кавказе резко осложнилась. Возросла террористическая активность боевиков, чеченские военные формирования совершили нападения на Дагестан. Стал очевидным провал Хасавюртовских договоренностей между федеральной властью и лидером чеченских сепаратистов Масхадовым летом 1996 г.

9 августа 1999 г. Президент предложил Думе утвердить нового Председателя Правительства — В.В. Путина. Энергичные действия нового премьера и жесткие заявления в адрес террористов способствовали быстрому росту его популярности. Началось вытеснение чеченских боевиков, вторгшихся в Дагестан, федеральные войска развернули боевые действия против сепаратистов на территории Чечни.

Уже другие — политические бои развернулись на выборах в Государственную Думу. На этот раз главным претендентом на большинство в Думе и, следовательно, главным соперником на пост Президента выступал Е.М. Примаков в союзе с мэром Москвы Ю.М. Лужковым. Этому мощному блоку, не скрывавшему своих намерений — пересмотреть политическое наследство Ельцина — противостоял созданный при непосредственном участии Администрации Президента блок «Единство», лидером которого стал Председатель Правительства В.В. Путин. Старые против молодого. Это было не только и не столько борьбой программ, сколько противоборством двух политических поколений. Со времени начала перестройки прошло пятнадцать лет. Люди устали от постоянных экономических трудностей, от постоянных склок внутри власти, от того, что страна в течение этих лет все глубже погружалась в трясину региональных противоречий, местных национализмов, сепаратизмов районного и областного масштабов. С новым лидером связывались надежды на перемены к лучшему.

Вся вторая половина 1999 г. стала временем неуклонного роста рейтинга Путина, который воспринимался как человек, который сможет навести порядок в стране. Накануне выборов в Госдуму социологический центр Российской академии государственной службы провел исследование настроений избирателей. Они свидетельствовали об очевидном лидерстве В.В. Путина[1]. На вопрос: «Кому из следующих государственных и политических деятелей Вы скорее доверяете, чем не доверяете?», были получены следующие ответы.

[1] *Бойков В.Э.* Установки сознания и политические предпочтения избирателей. (Социологический анализ за три недели до выборов Государственной Думы) //Социология власти. 1999, № 4. С. 30. (Сумма ответов превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы даны в порядке убывания количества ответивших.) Лидерство Путина подтверждается данными Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), хотя в целом результаты опроса существенно различаются. См.: *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). — М., 2000. С. 337

В. Путин — 54,3%,
Е. Примаков — 34,5 %
Г. Зюганов — 24,6%
С. Шойгу— 24,2%
Г. Явлинский — 20,3%
Ю. Лужков — 20,1%
С. Кириенко — 13,8%
В. Жириновский — 11,1%
В. Черномырдин — 10,1%
Г. Селезнев — 9,1%
В. Рыжков — 8,0%
В. Анпилов — 6,4%
Е. Строев — 5,5%
Затруднились ответить — 13,3%

19 декабря состоялись очередные выборы в Государственную Думу, уже третью по счету по Конституции 1993 г. Голоса избирателей распределились следующим образом: КПРФ — 24,29%; «Единство» — неформальным лидером которого был Путин — 23,32%; «Отечество — Вся Россия» (ОВР)— (лидеры — Лужков и Примаков) — 13,33%; «Союз правых сил» — 8,52; «Блок Жириновского» — 5,98; «Яблоко» — 5,93%. Однако реальная расстановка сил в Думе оказалась еще более удачной для «Единства». Став «партией власти», она объединилась со своим недавним противником — Движением «Отечество — Вся Россия» и получила абсолютное большинство в Думе.

Такой расклад политических сил означал — коммунисты утратили большинство в Думе. Впервые Государственная Дума становилась лояльной Правительству.

В этих условиях Б.Н. Ельцин сделал, пожалуй, один из самых важных шагов последних лет своего президентства. Он тщательно продумал и блестяще выполнил задачу обеспечения преемственности власти.

Вот как рассказывал об этом Путин: «Недели за две-три до Нового года Борис Николаевич пригласил меня в свой кабинет и сказал, что принял решение уходить. Таким образом, я должен буду стать исполняющим обязанности президента. Он смотрел на меня, ждал, что я скажу. Я сидел и молчал. Он стал более подробно рассказывать — что хочет объявить о своей отставке еще в этом году... Когда он закончил говорить, я сказал: "Знаете Борис Николаевич, если честно, то не знаю, готов ли я к этому, хочу ли я, потому что это довольно тяжелая судьба". Я не был уверен, что хочу такой судьбы... А он мне тогда ответил: "Я когда сюда приехал, у меня тоже были другие планы. Так жизнь сложилась. Я тоже к этому не стремился, но получилось так, что должен был даже бороться за пост Президента в силу многих обстоятельств..."»[1].

31 декабря 1999 года Президент приехал в Кремль в 10 часов утра. Он вызвал туда Председателя Правительства. В Кремль прибыли телевизионщики для записи традиционного новогоднего поздравления Президента. В 12 часов дня по московскому времени на экранах телевизоров появился Президент.

[1] Эпоха Ельцина. С. 790.

В своем телевизионном обращении Ельцин объяснял гражданам страны о причинах, заставивших его принять — впервые за тысячелетнюю историю России — добровольное решение об уходе с высшего поста в Российском государстве. Это означало, что исполняющим обязанности Президента, до времени проведения новых выборов, становится премьер-министр В.В. Путин. Ельцин говорил о том, что Россия уже никогда не вернется в прошлое, что Путин — это «сильный человек, достойный быть Президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?»

Подводя итоги бурного десятилетия своего президентства, он просил прощения «за то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. ... Я ухожу. Я сделал все, что мог. ... Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше»[1].

[1] *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 422—424.

Глава 12

Президент на пенсии

Вечер накануне нового 2000 года Борис Николаевич Ельцин встречал в кругу своей большой семьи. Как вспоминала Наина Иосифовна, «всех переполняла радость. Сначала по-екатеринбургски проводили Новый год и встретили, потом — по-московски. Посмотрели поздравление уже нового главы государства. Подняли тост с шампанским, раздали подарки. Борис Николаевич у нас всегда был Дедом Морозом. Красная шапка, все как положено, а седина своя. Было все очень трогательно и весело. Новый год был особенным, потому что он был легким. До этого все и всегда были в постоянном, хоть и невысказанном напряжении — мало ли что может случиться. А тут можно было позволить себе расслабиться. Даже улыбки были другими. Все радовались. Было ощущение какого-то спокойствия. Что, если даже что-то и случится, не дай Бог, принимать решения уже новому лидеру страны»[1].

Новый, 2000-й год Ельцин встретил пенсионером. Он был первым главой России, избранным всенародно. Он — первый и единственный глава России, который добровольно ушел от власти.

В 80—90-е гг. не было, пожалуй, ни одного издания, ни одного политолога, который бы не писал и не говорил о «жажде власти» Ельцина, что стремление к власти составляло суть личности этого человека.

Они ошиблись. И здесь Ельцин оказался непредсказуем.

С Ельциным вновь все было впервые.

Он стал первым Президентом России, ушедшим на пенсию.

Новые перемены в его личной судьбе становились прецедентом для политической системы России. Его уход от власти заставил определить статус бывшего Президента. В день его ухода был издан Указ нового Президента В.В. Путина «О гарантиях президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Этот Указ годом спустя превратился в специальный Закон от 12 февраля 2001 г.

Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, была оставлена государственная охрана, специальная связь и транспортное обслуживание, медицинское обслуживание, неприкосновенность, право на пожизненное пользование одной из государственных дач.

Ему было разрешено содержать за счет средств федерального бюджета аппарат помощников.

Рядом с Б.Н. Ельциным остались Владимир Николаевич Шевченко, создатель президентского протокола в СССР и России, сопровождавший Президента во всех его поездках по стране и за границей, опытнейший международник и дипломат, и Анатолий Иванович Кузнецов, с июня 1996 г. — начальник Службы безопасности Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.

Начиналась новая жизнь Бориса Николаевича Ельцина — Президента на пенсии.

1 http://news.mail.ru/society/3215746

Позже журналистка «Известий» спрашивала В. Шевченко, человека, который каждый день был с Б.Н. Ельциным:

«А как строился его обычный день в последние месяцы?

— У него все строго по распорядку. Вот ушел в отставку с 1 января 2000 года, и куда бы мы с ним потом ни ездили, всегда составлялась программа и всегда в это время звучал его вопрос: а что у нас сейчас? И смотрел на часы. Обедал ровно в час. И все. Хоть потоп.

— А во сколько же он вставал?

— Он всегда вставал рано. А в последнее время очень мало спал. Но вставать рано — это привычка. Когда он еще работал, он мог позвонить мне, например, в 5 часов утра.

... А в последнее время он очень любил литературу. Просто ящиками возили ему литературу. Он читал запоем. ... Практически прочитал всю мемуарную литературу. Он досконально прочитал «Историю государства Российского» Карамзина, Соловьева. Потом про Петра — все, что только можно было. Много читал о Франции и о Наполеоне. Все проштудировал, вплоть до того, какое вино он пил»[1].

Ельцин читал Чехова, Мураками, братьев Стругацких, В. Набокова, политическую мемуаристику, воспоминания Олбрайт, Тэтчер, Клинтона, литературу по истории второй мировой войны...

Наина Иосифовна стала настойчиво приобщать своего мужа к театру. Особенной популярностью стал пользоваться «Современник», прежде всего из-за дружбы жены Президента с главным режиссером Галиной Волчек.

Появилось больше времени для спорта. Он был заядлым болельщиком. Много и с удовольствием смотрел телевизионные спортивные матчи. «У нас расписание было, какой турнир где проходит, в какое время трансляция, — рассказывал Владимир Шевченко. — И, бывало, иногда без перерыва: из Аргентины трансляция закончится, тут же Australian Open, потом еще что-то».

По его инициативе в Екатеринбурге стал ежегодно проводиться международный теннисный турнир, и он старался регулярно бывать там, лично награждать победителей. Бывал он и на международных соревнованиях за рубежом, в частности, в Париже, на стадионе Ролан Гаррос. Поддерживал свою любимую волейбольную команду — екатеринбургскую «Уралочку».

Семья, дочери, внуки, правнуки стали занимать гораздо больше времени в жизни главы семьи. «Я стал по-другому ценить дом, домашний уют, семью, наши с Наиной удивительно дружные, теплые отношения. — говорил Б.Н. Ельцин главному редактору «Известий» Владимиру Мамонтову. — Я радуюсь, когда к нам в дом приезжает Лена с Ванечкой, Таня с Машенькой. Это настоящее счастье, иногда даже не выдерживаю, звоню: "Таня, давай, захватывай Глеба с Машкой, жду вас на ужин!" Несколько дней назад еще одна радость привалила, моя внучка Маша, ей 22 года, родила правнука, назвали его Мишей. Это уже мой второй правнук. Первому, Катиному сыну Саше, уже шесть лет, интересный, талантливый мальчишка растет. Неожиданно для меня вы-

1 *Григорьева Е.* Руководитель протокола первого Президента России Владимир Шевченко: «За работу с Ельциным я благодарен судьбе»// Известия, 1 июня 2007.

яснилось, что именно моя дружная семья — это есть настоящее человеческое счастье»[1].

Из прежней жизни, когда каждый его день был под контролем и пристальным вниманием средств массовой информации, Ельцин сознательно уходил в поле тишины. Он принципиально отказывался давать оценки деятельности своего преемника, не давал никаких комментариев.

В прессе сразу же появились предположения, что такая «закрытость» Ельцина — это элемент его договорённости с Путиным.

Однако позволим не согласиться с таким утверждением. Прежде всего, Ельцин осознавал свою личную ответственность за назначение своим преемником Путина. Критиковать решения нового Президента — это обвинять самого себя в этом выборе. Ельцин прекрасно помнил начало своей политической карьеры в Москве, когда ему «ударил в спину» М.С. Горбачев, выдвинувший его в Политбюро, первым секретарем МГК КПСС. Для Ельцина «информационные залпы» по своим были неприемлемы.

Следует учитывать и то, что между Б.Н. Ельциным и В.В. Путиным сохранялись хорошие человеческие и служебные отношения. Новый Президент нередко приезжал к своему предшественнику, особенно в годы первого своего президентского срока. Они подолгу разговаривали вдвоём, без свидетелей. о чём — знали только они одни.

Вместе с тем, Ельцин выступал в прессе с серьёзным анализом собственного политического наследия. Он был готов обсуждать трудные страницы той части истории страны, где ему была отведена роль главного действующего лица.

В большом интервью, которое Б.Н. Ельцин накануне своего 75-летия дал главному редактору «Известий» Владимиру Мамонтову ему пришлось говорить не только о своей жизни после отставки, но и о своём понимании новейшего периода в истории страны[2].

Оценивая место России в современном мире, он говорил: «Мы ведь долго были единственной страной, которая предупреждала Запад об истинной угрозе сегодняшнего времени — терроризме. Но западные политики делали вид, что нас не слышат, продолжая твердить про Чечню, про право народов на самоопределение и независимость, про нарушение прав человека и прочее. Потом террористы ударили по Нью-Йорку, Мадриду, Лондону, и в мире наконец пришло понимание, что цивилизованному миру объявлена война. И только скоординировав усилия всех стран, можно бороться с этой главной угрозой человечеству нового века».

На вопрос журналиста — кого бы Ельцин включил в список пяти самых значимых политиков прошлого столетия, он ответил: «Я не люблю такие рейтинги. Они основаны не на реальной оценке роли той или иной фигуры в истории, а на интерпретациях, которые сами же средства массовой информации и создают. Единственное, что я могу точно сказать, — в моем списке не будет ни Ленина, ни Сталина, которых продолжает обожать часть наших политиков. И для меня это одна из загадок. Это же так просто — прочитать исторические

1 Известия, 2 февраля 2006.
2 Известия, 2 февраля 2006.

документы, понять, какие жертвы понесла страна, сколько миллионов жизней было унесено из-за варварства и бесчеловечности этих политиков. Но нет, Сталин по-прежнему в рейтингах, а Ленин в Мавзолее на Красной площади».

Размышляя над вопросом — какие качества, по его мнению, являются важными для политика, он спорил и дополнял сам себя. «Две вещи наиболее значительны. Ум и воля. Нет, три: ум, воля, человечность. Ум, чтобы двигаться в правильном направлении и принимать правильные решения. Воля — чтобы эти решения реализовывать. Настоящий политик не может быть слабым. Слабые политики разрушали империи, отдавали свои территории, приносили в жертву собственные народы. И когда я искал среди политиков молодого поколения человека именно с такими чертами характера, который бы смог возглавить Россию после моего ухода, я конечно же обратил внимание на Владимира Путина. У него есть и ум, и воля. И в то же время он понимает смысл и глубину человеческих отношений в политике».

Журналист затронул болезненную тему для Б.Н. Ельцина — поток критики в его адрес в зарубежной и отечественной прессе. Это дало Борису Николаевичу повод высказать своё мнение и о причинах появления потока критики в свой адрес, и о его отношению к прессе, в том числе и её критическим выступлениям.

Он вспомнил об ожидавшихся выборах 2000 г., когда «шла жестокая борьба, кто возглавит Россию после моего ухода. Кроме коммунистов, которые всегда пытались вернуться к власти, делая ставку на пожилых и недовольных, возникла еще одна мощная сила. Два пожилых политика[1], объединившись, решили возглавить страну в 2000 году. Их поддержали часть крупных бизнесменов. Этой группе принадлежали общефедеральные каналы, крупные газеты и журналы. Весь свой ресурс они бросили на дискредитацию действующего президента и, значит, всего того, что он предлагает стране. Тогда на НТВ возник этот термин — "семья", тогда же возникли все эти истории про замки во Франции, Германии, Лондоне... Чем больший бред писался и произносился с телеэкрана, тем легче в него верилось. Эти же "товарищи" финансировали подобную кампанию на Западе, с огромным бюджетом».

Здесь же Ельцин заметил, что «я сам стал жертвой свободы слова, которую отстаивал все годы президентства». Он вспомнил, что в Администрации Президента были противники передачи канала НТВ Гусинскому. Но, по мнению Ельцина, «независимое от государства телевидение — это основа гражданского общества. Что да, придется переболеть, потерпеть, помучиться, но независимые средства массовой информации мы обязаны сохранить... Поэтому ни в один суд против СМИ я не обратился, ни одного звонка, ни одной просьбы от меня ни один руководитель канала или печатного СМИ не получил».

«Свободные средства массовой информации — говорил Ельцин, — это одна из основ свободной цивилизованной страны. Я ни на секунду не жалею, что мы уничтожили цензуру».

В 2003 г. Ельцин выступил с интервью в газете «Московские Новости», с оценкой политических лидеров 90-х гг. Как писала Людмила Телень, заместитель главного редактора газеты, «мы говорили один на один условленный час

1 Это был намек на Е. Примакова и Ю. Лужкова, активно готовившихся к избирательной кампании 2000 г.

плюс еще двадцать семь минут сверх лимита. Он не потребовал исчерпывающего списка вопросов, не возражал против отступлений от заявленной темы, не просил помощников записать интервью на дублирующий диктофон. Словом, вел себя так, как будто все еще 91-й»[1].

«— Кто привел к вам Егора Гайдара? — спрашивала Ельцина Л. Телень. —

— Мне называли его имя разные люди. После этого я сам почитал его статьи. Потом пригласил его к себе. Говорили долго, о разном. Но главное — о том, как он представляет себе будущее России».

Он вспоминал, что при встречах с новыми членами Правительства «со мной все спорили. Собирался, к примеру, президентский совет, и каждый меня лупил. А я к этому спокойно: "Спасибо...". Хотя внутри все бушевало. Понимал: не надо от этого убегать.

— Ради чего?

— Ради того, чтобы не боялись высказывать свое мнение. Кое в чем, оказывалось потом, не я был прав, а те, кто со мной не соглашался. Значит, я должен был уметь слушать, чтобы потом обдумать, пропустить через себя и только после этого сделать свой выбор».

«Вы знаете, — спрашивала журналистка, — что Гайдар был против того, чтобы вы участвовали в выборах 1996 года?

— Не он один, моя семья тоже была против. Я и сам сильно сомневался. Но потом понял: рядом Зюганов, и никому кроме меня его не свалить. Представляете себе Зюганова президентом России? Я и Гайдару тогда сказал: "Кто из вас может победить Зюганова? Давайте выставляйте свои кандидатуры". Кандидатур не было. И тогда Гайдар тоже меня поддержал».

Ельцин давал оценки А. Чубайса, Б. Немцова, Н. Федорова, С. Степашина, Г. Явлинского как политиков.

Ельцин рассказал журналистке, что он часто встречается после отставки с Гайдаром, Чубайсом, Немцовым, Волошиным, Черномырдиным, Касьяновым, «со многими другими, о ком мы не успели сегодня поговорить. У меня постоянная связь с губернаторами, с президентами наших республик. И с президентами стран СНГ, конечно».

Продолжались встречи Б.Н. Ельцина с его помощниками, с которыми он прошёл труднейшие 90-е годы. Отношения между Президентом и его сотрудниками складывались не всегда просто[2]. Но добрые человеческие чувства сохранялись, как и глубокое уважение. Поэтому ежегодно на день рождения к нему приезжали Ю. Батурин, А. Ильин, В. Илюшин, А. Корабельщиков, В. Костиков, М. Краснов, Л. Пихоя, Г. Сатаров.

Встречи всегда были теплыми. Это отнюдь не исключало продолжения прежних споров, обсуждения злободневных событий. Ельцин слушал, оценивал прошлое. Но попытки вовлечь его в обсуждение «злобы дня» оказывались безуспешными. Правило — не обсуждать преемника — действовало практически без исключения.

Отвечая на вопрос — встречается ли он с В.В. Путиным, — Ельцин не только подтвердил, что встречается, но и сообщил, что он «после отставки не впра-

1 Московские новости, 21 октября 2003.
2 Подробнее см.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001.

ве оставаться публичным политиком. Дал себе зарок не комментировать то, что делает действующий президент. То, что мне нравится или не нравится, я ему высказываю один на один.

— Но высказываете?

— Но высказываю. Оппозиционные мнения всегда должны быть в обществе, без них в жизни нельзя. Об этом я тоже Владимиру Владимировичу говорил»[1].

Накануне 15-летия заключения беловежского соглашения Б.Н. Ельцин обстоятельно отвечал на вопросы «Российской газеты» по едва ли не самой драматичной проблеме истории страны второй половины XX в. — распаду СССР[2]. Он убежденно доказывал неизбежность этого процесса. По его мнению, к распаду Советского Союза подводили коллапс экономики, когда «заканчивались стратегические запасы продовольствия, стремительно надвигался крах финансовой системы государства».

Национальные движения в стране, события в Карабахе, Прибалтике, Грузии свидетельствовали, по мнению Б.Н. Ельцина, об ошибках союзной власти, которая то не признавала очевидных фактов, то применяла избыточную силу.

Попытка создать новый Союзный договор, который, по словам Ельцина, «скорее всего, и был бы подписан, если бы в августе 91-го не произошел путч, попытка переворота, который возглавили ближайшие соратники президента Советского Союза. Путч завершился провалом. Но он похоронил и все договоренности о создании нового Союза. Украина, Молдавия, Казахстан, Грузия — все республики тогда еще существовавшего Советского Союза — в считанные недели объявили о своей независимости и создании собственных государств».

Ельцин яростно возражал против утверждений, что «вдруг собрались в Беловежье руководители трех национальных республик, подписали соглашения, какие-то бумажки, и после этого могучий Советский Союз развалился. Понятно, что это бред. Но сегодня этот бред усиленно навязывается в том числе и с виду благопристойными политиками и политологами».

По его мнению, «создавая СНГ, руководители республик пытались смягчить те последствия, которые могли испытать жители бывшего Советского Союза от развала государства. Именно поэтому были провозглашены правила безвизового въезда между вновь образованными странами, отсутствие таможенных барьеров, свобода передвижения капитала и так далее. Мы пытались создать что-то вроде модели сегодняшнего Евросоюза, но с меньшей бюрократизацией и централизацией... Я вырос в Советском Союзе. Почти вся моя жизнь прошла в СССР, поэтому ностальгия в какой-то степени остается. И, я думаю, это естественно. Но в то же время я прекрасно понимаю, что распад — удел всякой империи.

Смотрите, не смогли сохраниться ни Александрия, ни Римская, ни Османская империи. Все известные истории империи прекратили свое существование. Это исторически неизбежный процесс, который был предопределен и для СССР. Другой вопрос, как это должно было произойти. Если бы процесс пошел стихийно, могла случиться гражданская война. Мы же ставили перед собой

1 Московские новости. 21 октября 2003.
2 Российская газета. 7 декабря 2006.

цель предотвратить такое развитие событий, сохранить по возможности экономические, социальные связи. И ведь сохранили. И ведь гражданской войны не допустили. А сердечная ностальгия по СССР — от нее никуда не деться».

По мнению Ельцина, проблема «непризнанных государств» — это не порождение СНГ. Это был результат национальной политики в СССР, разделившей народы страны на различные в правовом отношении уровни.

И тут же он добавил сведения, непосредственно, казалось, не связанные с темой интервью, но затрагивавшие гораздо больший круг вопросов, прямо связанный с его деятельностью как Президента. «В первые годы существования СНГ и золотого запаса у России почти не осталось, и нефть стоила от 8 до 14 долларов за баррель, и многомиллиардные кредиты на нас давили, но СНГ мы все-таки сохранили, вот уже пятнадцать лет никак "развестись" не можем».

За этими словами стояла скрытая полемика с теми, кто обвинял Ельцина в ошибках экономической политики и противопоставлял её экономическим успехам первого десятилетия XXI в. Понятно, что при цене на нефть в 70—80 долларов за баррель у Правительства России появлялись такие ресурсы для поддержания бюджета, о которых в 90-е гг. нельзя было и мечтать!

Да, Ельцин не уходил от журналистов. В ответах на их вопросы он пытался найти и для себя, и для граждан страны ответы — почему это было так. Но он последовательно уходил от оценок и критики своего преемника. Более того — в публичных выступлениях он давал, как правило, высокую оценку В.В. Путину.

Но были и нечастые исключения. В конце 2000 г. Ельцин заявил, что он «категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного. Хрущев выкинул строчки об "отце народов", а мелодию оставил. При Брежневе опять что-то заменили в стихах, а теперь, значит, будет новая текстовка? Нет, такими вещами не шутят»[1].

Ельцину суждено было создавать новое место «Президента в отставке» в политическом процессе России первого десятилетия XX в. Оно включало в себя то, что называется «протокольными мероприятиями», и то, что связано было с новой для России традиции — международной деятельности Президента в отставке.

6 января 2000 года Ельцин возглавил российскую делегацию в Вифлеем, на православное Рождество, где состоялись его встречи с израильским и палестинским руководством.

Первый Президент России был участником инаугурации Президента В.В. Путина в мае 2000 и 2004 гг.

В 2001 г., в день провозглашения государственного суверенитета России, 12 июня 2001 года Б.Н. Ельцин был награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

75-летие Б.Н. Ельцина отмечалось по государственному протоколу в Большом Кремлевском дворце. Новый Президент относился к своему предшественнику с подчёркнутым уважением.

Пресса с удовольствием писала о встречах Ельцина с его коллегами как на службе, так и в отставке — Рютаро Хасимото, премьер-министром Японии, германским канцлером Гельмутом Колем, президентом Франции Жаком Ширак

1 http://www.newsru.com/itogi/10dec2000/gimn_epoxa.html

ком, председателем КНР Цзян Цзэминем, президентами Украины — Л. Кучмой, Киргизии — А. Акаевым, Белоруссии — А. Лукашенко, Латвии — В. Вике-Фрайберге, Казахстана — Н. Назарбаевым, королём Иордании — Абдаллой... Это далеко не полный перечень контактов Б.Н. Ельцина с главами государств — как действовавшими, таки находившимися в отставке.

За рассказами журналистов о встрече сановного пенсионера с его действовавшими или отставными коллегами оставалась в тени тайная, сокровенная суть этих встреч. Нередко это были неформальные, неофициальные обсуждения сложных межгосударственных и международных отношений, за которыми должны были следовать уже официальная дипломатия. «У меня сложились близкие отношения с Гельмутом Колем, — говорил Б.Н. Ельцин журналисту. — Мы продолжаем с ним встречаться и после того, как оба покинули свои посты. ... У нас по-прежнему добрые отношения с президентом Франции Жаком Шираком. Мы встречаемся по-семейному, вспоминаем дела минувшие, естественно, обсуждаем и текущие дела»[1].

Каждая из этих встреч специально готовилась. Президенту в отставке было позволительно обсуждать то, что не мог позволить себе министр иностранных дел, ни действующий Президент. Им была придумана не лишённая элегантности формула: «Как пенсионер, я сделаю все возможное для дальнейшего сближения наших стран»[2].

Подготовить обстановку, согласовать — это неформальная, невидимая часть дипломатии, дипломатии политических элит, которые формировали условия для официальной дипломатии.

И не случайно все эти встречи готовил В.Н. Шевченко, искушенный и опытнейший дипломат.

Проблемы со здоровьем, ставшие частью политической биографии второго срока президентства Ельцина, сохранялись, естественно, и после отставки. Рассуждая о профессиональных рисках для здоровья, Ельцин говорил журналисту: «Президент — это такая работа, когда ты думаешь о навалившихся проблемах и днем, и ночью. Все время находишься в напряжении, все время анализируешь ситуацию, и цена ошибки столь велика, что может ударить и через многие годы. И это постоянное давление, конечно, подтачивают здоровье, любой самый мощный организм. Тяжелая болезнь у Рональда Рейгана, инсульт у Ариэля Шарона, операция на сердце сразу после ухода со своего поста у Билла Клинтона, долгая тяжелая болезнь французского президента Миттерана, и таких примеров множество. Про себя могу сказать, что сразу после своего ухода с поста президента будто огромная, тяжелющая ноша спала с плеч, и я смог вздохнуть спокойно»[3].

Ельцин отдохнул. Уже через год он, кажется, помолодел. Он похудел, ушла отечность. Он говорил, что начал строго контролировать свой вес, запретил себе есть после четырех часов. Ежегодно он должен был проходить обследование в Германии по поводу сделанных ему операций по шунтированию на сердце.

1 Известия, 2 февраля 2006.
2 Известия, 1 июня 2007.
3 Известия, 2 февраля 2006.

Появилась возможность ездить на отдых. Он отдыхал на Иссык-Куле в Киргизии, на Украине в Крыму, в Китае, Италии. Встречался с однокурсниками — в подмосковном санатории «Бор» в 2002 г., в Кисловодске в 2005 г.

У внешне вполне благополучной жизни Б.Н. Ельцина был второй план, который никогда не уходил. Это продолжавшаяся яростная, грубая, издевательская, часто несправедливая критика в прессе, на телевидении, упражнения в злом остроумии по поводу «лихих девяностых». Забывалось, что вся так называемая «политическая элита» была из этих самых 90-х гг., а самая критика стала возможной благодаря новым возможностям, которые появились у прессы именно при Ельцине.

Для него, всегда остро ощущавшего настроения людей, была понятна грустная истина — люди не стали счастливее от того, что реформы наполнили прилавки магазинов, что, казалось, произошло невероятное — исчезла вечная советская проблема — обеспечить людей продуктами питания, одеждой и обувью, всем тем, что недавно называли «дефицитом». Ушли в небытие очереди в магазинах и «выездные комиссии» в райкомах, и уже не смешны стали слова Жванецкого — «на пятницу, в Париж». И Париж, и Стамбул, и Каир, и Лондон стали вполне доступны людям, а путёвки в Египет и Турцию можно купить в любом районном городке.

Но эти изменения, коснувшиеся, по сути, всех и каждого, принесли с собой новые проблемы. Появилось неравенство, неравенство демонстративное. Борьба с привилегиями закончилась соревнованием в богатстве. В этом соревновании победа принадлежала немногим, а правила, по которым велось это соревнование — приватизация, залоговые аукционы — не были признаны справедливыми большинством населения страны.

Ельцин с его политической интуицией и ощущением сопричастности с людьми чувствовал и страдал от этого. Его постоянное желание — сделать жизнь счастливее, столкнулось с новыми испытаниями, которые предусмотреть было невозможно.

2006 год был непростым для Б.Н. Ельцина. Это был год его 75-летнего юбилея — а это всегда психологически непростое, хотя и радостное время. Состоялось торжественное празднование его дня рождения. Состоялся приём в Георгиевском зале Московского Кремля. На нём присутствовала вся тогдашняя российская политическая элита — министры, руководство Государственной Думы и Совета Федерации, бывшие премьер-министры Виктор Черномырдин, Сергей Кириенко и Сергей Степашин, многие губернаторы. Были приглашены в Москву президент Белоруссии Александр Лукашенко, бывший глава Украины Леонид Кучма, бывший президент Киргизии Аскар Акаев, экс-канцлер Германии Гельмут Коль, экс-президент США Билл Клинтон, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, артисты, друзья Б.Н. Ельцина Кирилл Лавров, Галина Волчек, Олег Басилашвили.

Юбилей подтолкнул новую волну споров об оценке итогов деятельности Б.Н. Ельцина. Редакция газеты «Новые известия» в канун юбилея Бориса Ельцина опубликовала данные социологов: 70% россиян видят в эпохе его правления больше вреда, чем пользы[1]. Прокомментировать эти сведения и ответить на вопрос о судьбе наследия эпохи Ельцина редакция попросила М.О. Чудакову, историка литературы, в 90-х годах член Президентского совета и Комиссии по вопросам помилования при президенте РФ.

Процитируем некоторые из её ответов. «Ельцин, — говорила она, — личность огромного исторического масштаба, потому про какие-то популистские игры здесь смешно говорить, хотя охотников снизить крупное до своего масштаба у нас больше, чем даже позволяет территория. Он понял, почувствовал исторический шанс — и не упустил его: Россия вернулась на карту мира как Россия. Второй, еще более важный шаг: опередив буквально всех тогдашних демократов, участников широкого движения, вызванного к жизни "перестройкой", Ельцин понял: социализма с человеческим лицом не бывает. За личным — острым и сыгравшим свою роль в истории страны — конфликтом с Горбачевым стояла вот эта фундаментальная разница в понимании прошлого, настоящего и будущего России. В последние полтора года правления Горбачева, всерьез рассказывавшего нам о том, что его дед выбрал колхозы, и он этому выбору никогда не изменит, страна застряла в исторической расщелине. В августе 1991-го Ельцин могучим рывком выдернул ее оттуда... ... Я видела его пытливым, любознательным, с настоящим живым интересом к ярким людям, которых он собирал вокруг себя, чтобы их послушать, а не поучать. Совершенно не советская, не номенклатурная черта. ... А сказки о том, что он был куклой в чьих-то руках, смешны: их слагают те, кто не знали в своей жизни, что такое выбор...»[2]

Но были и другие оценки. «Время президентства Ельцина было для России "временем потерь и провалов"». «Та эпоха принесла России много негативного» — говорил Лужков, возглавивший город в 1992 г.[3]

Эта, одна из многих негативных оценок, не могла не ранить Б.Н. Ельцина.

По воспоминаниям В.В. Шевченко, «в конце 2006 года на Ельцина накатила депрессия — ну все не мило. Даже ворчать перестал — все больше отмалчивался. Только плескаясь с внуками и правнуками в бассейне, отходил душой, да и то ненадолго. Чаще стал жаловаться на сердце. Пропал сон, ухудшился аппетит ... Он как бы начал подводить итоги, не забыл ли чего, — говорит Владимир Шевченко. — Вдруг вспомнил про свою книгу, написанную еще в 2000 году: всем ли подарил, кому хотел? У меня уже тогда возникло предчувствие: что-то Борис Николаевич не то думает, не очень хорошее. И все чаще стал говорить об Иордании: надо, мол, съездить...»[4].

Поездка в Иорданию носила глубоко символическое значение. Это библейские места Ближнего Востока, когда история Ветхого и Нового Завета предстает в её географической ипостаси, когда вокруг создаётся особая духовная атмосфера близости к вечности. Иерусалим, Вифлеем, Иордан, города, разделенные новыми границами, но единые в своей сакральной истории были важны и притягательны для Ельцина, проделавшего сложную духовную

1 Новые известия. 1 февраля 2006.
2 Там же
3 2006, NR2.Ru, «Новый Регион», 2.0
4 Известия. 1 июня 2007

трансформацию — от официального атеизма к признанию важности религии и, в особенности, православия, а далее — личной религиозности, осознанию себя как православного человека.

С Иорданией у Ельцина были связаны и драматические события собственной политической биографии. В 1999 году, он, больной, полетел в Иорданию на похороны короля Хусейна. Там собрались более сорока глав государств и правительств мира. Присутствие на траурной церемонии Ельцина означало не только проявление глубокого уважения к памяти короля Хусейна (что было особенно оценено его сыном — королём Абдаллой Вторым). Оно свидетельствовало, что Ельцин, несмотря на болезнь, выполнял государственные функции, вопреки сведениям, распространявшимся прессой, что власть фактически перешла премьер-министру Е. Примакову.

В первую неделю после отставки Ельцин совершил визит в Вифлеем и Иерусалим.

Весной 2007 г. он собрался поехать к реке Иордан, где, по Евангелию, Иоанн Креститель крестил Христа.

«Это была наша последняя поездка, — говорит Владимир Шевченко, проработавший с Ельциным 16 лет. — Мы вернулись 3 апреля. Несколько дней Борис Николаевич чувствовал себя неплохо. А потом все хуже и стал жаловаться на сердце»[1].

Процитирую далее эту газетную статью: «Ельцина положили в больницу, но он пробыл там два дня и сбежал. Насилу уговорили лечь снова, хотя бы на неделю — это было 16 апреля, в понедельник. А в воскресенье после обеда он снова засобирался домой: "Все, неделя прошла — я уезжаю". Жалобы на сердце и при этом нежелание находиться в больнице — плохой знак. Врачи с опытом знают: так ведут себя люди, предчувствующие близкую смерть и желающие встретить этот час не в больнице, а среди близких.

Не получилось. Ельцина уговорили остаться хотя бы до понедельника — выслушать, что скажет консилиум.

Однако врачей он не дождался. В 8.20 попросил ординарца помочь ему встать, чтобы пойти умыться, и тут же потерял сознание. Никого из близких в этот последний час рядом с ним не оказалось...» [2]

23 апреля 2007 г.

Земная жизнь Бориса Николаевича Ельцина закончилась.

1 Там же.
2 Там же.

Послесловие

Борис Николаевич Ельцин родился 1 февраля 1931 г. в селе Бутка Уральской области. Умер 23 апреля 2007 г. в Москве.

Между этими двумя датами уложилась биография крестьянского сына,

— первым в роду получившего высшее образование;

— талантливого инженера-строителя, ставшего секретарем обкома КПСС;

— оказавшегося на вершине политической власти СССР, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и первым секретарем Московского горкома;

— добровольно ушедшего из Политбюро;

— возглавившего демократическое движение, победившего на выборах, Председателя Верховного Совета РСФСР и первого всенародно избранного главы России — Президента;

— сломившего в августе 1991 г. путч казавшихся всесильными КГБ СССР, ЦК КПСС, армии и МВД и отправившего в политическое небытие КПСС и Советский Союз;

— подавившего силой оружия в октябре 1993 г. сопротивление сторонников Советской власти в Верховном Совете России и открывшего выход из политико-конституционного кризиса;

— настоявшего на проведении референдума и принятии Конституции России 1993 г.;

— разменявшего свой высочайший рейтинг поддержки населения на необходимость проведения трудных рыночных реформ, унёсших в прошлое неистребимое понятие «дефицит», но создавших новые проблемы, уже другого общества;

— избавившего народы России и бывшего Советского Союза от угрозы гражданской войны, но не избежавшего этнического конфликта в Чечне;

— опять-таки впервые в истории России добровольно ушедшего из власти и сложившего с себя должность Президента России 31 декабря 1999 г.

«У Ельцина уже и сейчас довольно хулителей. — писал его помощник В.В. Костиков. — Их будет сонмища, когда станет ослабевать его рука. Но как бы ни справедливы были упреки в его адрес, даже враги не смогут изъять из памяти того, что он действительно сделал: прошел вместе с Россией первые, самые трудные шаги к демократии»[1].

Человек перемен.

Перемен в своей личной биографии и в судьбе России и мира. Русского политического деятеля, каждый шаг которого, при уникальности его биографии, был обусловлен традициями и политическими представлениями народа, менявшимися и неизменными.

Ельцин был плоть от плоти народа. Он слышал гул времени, он понимал, чего от него ждут. Он старался этому следовать. И страдал, когда следовать этому было невозможно.

1 *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 335.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абалкин Л.И. 163, 228, 229, 230, 393
Абдулатипов Р.Г. 224, 239, 240, 252, 330
Абрамов Ф.А. 123
Абрамович Р.А. 397
Авакьян С. А. 314
Авен П.О. 289
Авченко В. 373
Аганбегян А.Г. 163, 229, 234
Агеев Г.Е. 267
Адамов Е.О. 158
Адров В.М. 237
Аксельрод Ц. 64
Аксененко Н.Е. 398
Аксенов Ф.А. 23
Аксючиц В.В. 241
Алексашенко С.В. 395
Алексеев А. 318
Алексеев С.С. 200, 216, 302, 363
Алексий II 256, 258, 305, 329
Алиев Г.А 156, 161
Амбарцумов Е.А. 237
Ампилов В. 332
Андерсен Дж. 201
Андреотти Дж. 229
Андриянов В. 145, 146
Андропов Ю.В. 126, 141, 155, 187
Анисимов В. 53, 54
Анпилов В.И. 361, 400
Антипин А.А. 49
Ардаматский В. 150
Арсеньев В.К. 42
Арсланова Ф.Ш. 237
Архипова И. 51
Астафьев В.П. 123, 296, 336
Афанасьев Ю.Н. 198, 210, 241, 260
Ахмадулина Б.А. 336
Ахромеев С.Ф. 266
Ачалов В. А. 231, 260, 266, 330, 332

Б

Бабаев Б.Д. 328
Бабенко А.А. 92
Бабурин С.Н. 237, 251, 288, 296, 361
Бабыкин К.Т. 42, 44
Баев В.Я. 78, 79, 99
Байбаков Н.К. 88
Бакатин В.В. 205, 250, 251, 252, 254, 255
Бакланов Г. 260, 336
Баловнев В.П. 237
Баранников В. 269, 299, 321, 330
Барсенков А.С. 9
Барсуков М. 324, 341, 348, 358, 362, 368, 376, 377
Барышников В. 9
Басаев Ш. 355
Басилашвили О.В. 256, 257, 410
Баталин Ю. 176
Батурин Ю.М. 8, 324, 339, 352, 355, 367, 371, 382, 396, 406
Бауманис А. 185
Бацулова М.Х. 48, 54
Башилов С.В. 82, 204
Безродный И. 51
Бейкер Дж. 203
Белавин Л.Т. 102
Белкин И.П. 26
Белов В. 123, 336
Белов М. 37
Белоглазов 19
Беляков Ю. 143, 146, 179
Белянкин Г.И. 95
Березовский Б.А. 341, 364, 368, 375, 383, 385, 396, 397
Берестова В. 328
Берия Л.П. 46, 59
Берсенев И. 15
Берюхов 19
Бесков Б. 267
Бешлюсс М. 202
Бигнов Р.И. 237
Биевец Н.Л. 75
Бирюков В.А 197
Бирюков В.П. 23
Бирюков Н.К., 303
Бирюкова А.П. 141
Блох Б. 37
Бобыкин Л.Ф. 81, 99, 100, 181

Богдашин П.М. 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 55
Богомолов О.Т. 393
Бойко М. 379, 380
Бойков В.Э. 399
Болдин В.И. 166, 170, 179, 188, 195, 248, 260
Болдырев Ю. 195
Большаков А. 384
Бондарев Ю. 149, 150, 189, 336
Бондарчук С.Ф. 336
Бонет П. 125
Боннер Е.Г. 260
Бордюжа Н.Н. 396, 397
Бородин Л.А. 168
Бородин П.П. 341, 388
Бостанджиев Е.Н. 61
Боффа Д. 9
Браков Е. 192
Брандт В. 216
Братищев И.М. 243
Брежнев Л.И. 59, 81, 94, 109, 114, 125, 126, 180
Брутенц К.Н. 7
Булганин Н.А. 59
Бурбулис Г.Э. 197, 253, 260, 261, 272, 274, 279, 280, 281, 282, 285, 289, 357
Бучельникова Р. 41
Буш Дж. 202, 229, 232, 270
Бушков В. 66
Быков В. 336
Быков Л.П. 122

В

Вавилов А.П. 228
Валента И. 232
Варенников В. 260, 266, 267
Варламова Н.В. 300
Варов В.К. 237, 294
Васильев Б. 336
Васильев В.К. 102
Ведерников Н.Т. 237
Вертинский А.Н. 51
Вешнякова А.А. 224, 239, 240
Видинеева Л.А. 54
Викс М. 51
Вилесова Н.А. 41, 45, 49
Виноградов А.И. 66
Виноградов С.А. 102
Виноградова Г. 51
Власов А.В. 216, 217, 218, 222, 223
Волков В.А. 181, 290
Волков Л.Б. 237
Волкогонов Д.А. 224, 339
Волошин А.С. 396, 397, 406
Волынский А.А. 75
Воробьёв А. 46
Воронин Ю. 246, 288, 310, 329, 331
Воронина Е.В. 42
Воротников В.И. 7, 126, 136, 139, 155, 156, 157, 164, 166, 176, 188, 193, 196, 205, 210, 217, 218, 220, 221, 223, 271
Ворошилов К.Е. 59
Вощанов П. 189, 201
Выжутович В. 341

Г

Гайдар Е.Т. 9, 280, 285, 286, 288, 289, 293, 296, 297, 299, 301, 302, 303, 339, 344, 346, 363, 364, 365, 366, 391, 393, 395, 406
Гайсин О.Д. 33
Галазов А. 323
Гантемиров Б. 351
Гарнак А.Е. 189
Гдлян Т. 135, 198, 241,
Геращенко В.В. 289, 393
Гидаспов Б.В. 227
Гиренко А.Н. 240
Гирина Н. 49, 53, 55, 56
Глебов А.А. 23
Глебов В.С. 23
Говорухин С. 149, 336
Гозман Л. 358
Голубева В.Н. 150
Голушко Н.М. 324, 325, 333
Гончар Н. 368
Горбачев М.С. 7, 9, 125, 126, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 144, 151, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 185, 186, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198,

200, 201, 202, 205, 206, 209, 210, 212, 215, 216, 220, 225, 228, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 239, 240, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 254, 255, 257, 256, 258, 259, 260, 261, 265, 268, 270, 271, 273, 272, 275, 274, 276, 278, 404, 411
Горбачева Р.М. 172
Горбунов Ю.А. 53, 55, 125
Горшков М.К. 372, 399
Горюшкин Л.М. 15
Горячева С.П. 224, 239, 240, 250, 251
Гранберг А. 281
Гранин Д.А. 365
Графов 145
Грачев А.С. 273, 274, 275
Грачев П.С. 262, 267, 299, 324, 325, 333, 334, 341, 342, 347, 352, 354, 376, 380
Гречко Г. 192
Грешневиков А. 296
Григорьев Л.М. 228
Гришин В.В. 7, 137, 136, 138, 139, 142, 144
Громов Б. 252, 254, 267
Громыко А.А. 133, 156, 161, 162
Грязнов Б.А. 144
Гуляев Ю. 51, 103
Гусинский В.А. 345, 368, 375, 385, 405
Гутионтов П. 125
Гущин Н.Я. 18

Д

д'Эстен В-Ж. 216
Давыдов О. 384
Данилов В.П. 17, 144
Дворянов В.Ф. 67
Дегтярев 223
Демидов Л. 189
Денисенко Б. 241
Джаненко Н.С. 61
Днепров Э.Д. 339
Добровольский В.Г. 341
Добрыдень А.А. 78
Добрынин А.Ф. 141
Довгий И. 37
Долгих В.И. 127, 134, 141, 156, 161
Доронина Т. 336
Доросинский Г.П. 57
Дорофеев В. 47
Дубенецкий Я. 345
Дубинин С.К. 345, 393, 395
Дубчек А. 216
Дудаев Д.М. 350, 351, 353, 354, 356, 370
Дудкин Н.М. 99
Дунаев А.Ф. 330
Дундуков А. 375
Дыбчо Г. 51
Дымшиц В.Э. 91, 92
Дьяков А. 43
Дьяченко Т.Б. 364, 368, 369, 380, 396

Е

Евстафьев А. 373, 376
Евтушенко Е. 195
Егоров Н.Д. 352, 354, 363, 368, 370
Егоров С. 345
Ежов А. 211
Ежов В.Б. 75
Елохин Ф.М. 78, 99
Ельцин А.И. 15, 25, 24, 29, 30, 34
Ельцин А.С. 16
Ельцин Б.Н. 6—9, 13—15, 17, 25, 27, 33, 35—38, 40—42, 45—49, 51—83, 85—95, 98—108, 110—117, 119—122, 125—129, 133—140, 142—194, 196—206, 211—226, 228—244, 246—277, 279—290, 292—294, 296—302, 304—312, 314, 315—329, 331—333, 335—359, 361—389, 391—393, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413
Ельцин В.П. 16
Ельцин Д.И. 15, 24, 30
Ельцин Е.И. 16
Ельцин И.Е. 14, 15, 16, 23, 24, 27, 28
Ельцин И.И. 15, 20, 24, 29, 30
Ельцин И.М. 16
Ельцин К.С. 16
Ельцин Н.И. 15, 16, 17, 23, 24, 25, 26, 29, 30, 33, 34, 35
Ельцин П.С. 14
Ельцин С.Д. 16, 20
Ельцин С.Н. 16
Ельцин Ф.В. 16, 20

Ельцин Ф.Е. 15
Ельцин Ф.С. 16
Ельцин Я.М. 16
Ельцина А.М. 27, 30
Ельцина К.В. 23, 25, 26, 29, 30
Ельцина Н.И. 25, 104,
Ельцын А.М. 14
Ельцын В.Е. 14
Ельцын Е.С. 14
Ельцын И.Е. 15
Ельцын И.Л. 14
Ельцын М.Е. 14
Ельцын М.Г. 14
Ельцын П.Л. 14
Ельцын П.М. 14
Емельянов А.М. 339, 365
Емельянов С. 265
Емельянова П. 51
Еннингер Ф. 151
Ерин В.Ф. 299, 324, 325, 333, 338, 341, 352, 355, 358
Ерина Р. 54

Ж

Жаров В.А. 173
Жданов С.А. 102
Жданович А.Г. 99
Жиляев К.В. 388
Жириновский В.В. 252, 254, 255, 361, 400
Житенев В.А. 99, 122
Жукова Р. 46, 95

З

Завгаев Д. 370
Заверткин И.С. 23
Заверюха А. 384
Завидия А. 252
Загладин В.В. 150
Задорнов М.М. 228, 388, 393, 395
Зайдель Р. 37
Зайков Л.Н. 133, 134, 141, 171, 179
Замятин В.В. 245
Замятин Л.М. 244, 245
Зарубин Н.П. 225
Засухин А. 46
Затворницкий В.А. 194
Захаров В.Г. 143
Захаров М.А. 364, 365
Захаров М.Л. 365
Захаров М.М. 242
Зверев С. 368
Земеров А.П. 23
Земеров Д.В. 23
Земеров И.Ф. 23
Зимянин М.В. 141, 158
Зиновьева С.А. 74
Золотухин Б.А. 237
Зорькин В.Д. 293, 300, 308, 310, 311, 328, 335
Зыкина Л. 192
Зырянов А.Н. 13
Зюганов Г.А. 9, 288, 349, 355, 361, 362, 367, 370, 372, 373, 374, 375, 376, 383, 383, 400, 406

И

Иванов И.И. 108, 110
Иванов И.С. 393
Ивашко В.А. 241
Игнатенко В.Н. 364, 384
Израэль Ю.А. 151
Ильин А. 8, 211, 280, 406
Ильин Б. 51
Ильюшенко А. 340
Илюшин В.В. 111, 119, 142, 211, 279, 280, 297, 324, 339, 341, 348, 359, 367, 374, 380, 384, 406
Имшенецкий В. 68
Ионин Л. 372
Исаев Б.М. 224, 239, 240, 264
Исаков В.Б. 9, 211, 214, 216, 223, 224, 238, 239, 240, 246, 251, 264, 288, 305, 307, 313, 318
Исхаков Э.Б. 102

К

Кабаков И.Д. 21
Кабалевский Д. 51, 149
Каганович Л.М. 59
Каданников В.В. 301, 363
Кадацкий В.Ф. 8, 280

Кадышев В.Д. 237
Каета Г. 115
Казанник А.И. 195, 198, 338, 340
Калашников В.В. 242, 243
Калмыков Ю.Х. 352
Камдессю М. 389
Капитонов И.В. 81
Капто А.С. 223
Карабасов Ю.С. 143, 146
Караганов С.А. 339, 365
Карасик М.Л. 45, 55
Карпухин В. 263, 267, 269
Кашпуров В.С. 99
Кинилев В.Г. 364
Кириенко С.В. 387, 389, 390, 391, 395, 400, 410
Кириленко А.П. 80, 81, 93, 94, 126
Клепикова Е. 9, 147, 159, 160, 172, 201, 202
Клювгант В.В. 237
Кобец К. 265
Ковалев С.А. 281, 237, 339, 363
Кожокин Е.М. 237
Козырев А.В. 268, 324, 341, 345, 349, 352
Козырев—Даль Ф.Ф. 173
Койвисто М. 229
Кокшаров Ф.М. 23
Колбин Г.В. 79, 80, 82, 168
Колуга Е. 345
Кондратов Ю.Н. 102, 103
Конотоп В.И. 136
Константинов И.В. 313, 314, 332
Копачев А.А. 75
Копылов Е.В. 68, 69, 75
Корабельщиков А.И. 339, 364, 406, 407
Коржаков А.В. 9, 143, 175, 194, 200, 204, 211, 261, 268, 279, 280, 297, 312, 324, 340, 347, 348, 358, 362, 364, 368, 369, 374, 376, 377, 382, 383
Коровицын А.И. 144
Королев А.М. 148
Королев О.А. 143, 148, 149
Коротич В. 177, 182
Костиков В.В. 8, 105, 298, 300, 306, 338, 339, 340, 344, 347, 348, 413
Костромин Ю.Н. 79
Косыгин А.Н. 7, 88, 94, 103, 136, 139
Кох А.Р. 384
Кравчук Л. 273, 275, 276
Крайко Ю. 195
Краснов М.А. 8, 332, 339, 367, 396, 406
Крючков В.В. 245, 259, 260, 262, 265, 268, 271
Кудрин А. 379
Кузин В. 241
Кузнецов М. 68
Кузнецов Н.И. 95
Кузнецова П.Ю. 73
Кузык Б. 339
Кукушкин В. 37
Куликов А. 358, 367, 382, 386
Кунаев Д.А. 158
Куцылло В. 333
Куэйл Д. 203

Л

Лабазанов Р. 351
Лавочкин А. 49, 51, 53
Лагунов К. 123, 124
Ланцева В. 189
Лапшин М.И. 361
Лацис О.Р. 339, 363
Лебедь А.И. 262, 262, 267, 360, 376, 377, 381, 382, 383
Левада Ю.А. 339
Левичева И.Н. 33
Лейдерман Н.Л. 122
Летов А.И. 99
Лещенко Л. 51
Лигачев Е.К. 125, 126, 127, 134, 136, 141, 157, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 177, 181, 188, 212
Липатников В. 69, 75, 74, 76
Лисовский С. 373, 376, 377
Литвин А.Л. 9, 15, 28, 29
Лифшиц А.Я. 8, 339, 380, 384, 393, 396
Лихачев Д.С. 195
Лобов О.И. 80, 81, 99, 268, 345, 352, 354
Логунов В. 199
Лодкин Ю. 328

Лужков Ю.М. 261, 269, 293, 312, 329, 368, 339, 399, 400, 405, 411
Лукин В.П. 237, 305
Лукин И.С. 181
Лукьянин В.П. 122, 123, 125
Лукьянов А.И. 7, 134, 196, 241, 250, 257, 259, 260, 266, 268
Львов Д.С. 393
Любимов И.И. 31

М

Магомедов М. 323
Мазаев В.Д. 237
Мазуров Н.Н. 42
Мазырин В.П. 99
Макаркин Н.П. 237
Макаров Н. 321
Макашов А.М. 252, 254, 255, 288, 338
Макашов В. 330, 331, 332, 333
Максимова К. 51
Малашенко И. 368, 369, 374
Маленков Г.М. 59
Малов В. 211
Малыхин А. 241
Малышев А.В. 143
Малышев Н.Г. 281
Малышкин В.В. 102
Мамодаев Я. 353, 354
Манюхин В.М. 81, 82, 100
Манякин С.И. 168
Маренич А. 51
Марков В. 78, 145
Маркушкин Б.М. 78
Мартынова В.А. 228
Маслюков Ю.Д. 388, 393
Масхадов А. 377, 377, 399
Матвеев Л.И. 143, 173
Матвеенко Н.А. 102
Матковский А. 51
Махмутов И.С. 102
Мащиц В.М. 228
Медведев В.А. 7, 141, 156, 157, 163, 164, 194, 195, 209, 223, 230
Медведев П.А. 230, 237
Медведев С. 379
Медунов С. 114
Мердок Р. 244
Месяц В.К. 168
Мехренцев А.А. 80, 88, 99, 103
Мигранян А.М. 339, 365
Мизин Р. 63
Мизулина Е. 397
Микушин Г.Х. 23
Минаев Б.Д. 9, 25, 25, 47,
Мингалёв П.Д. 102
Минкин А. 385
Митрофанов С. 199
Миттеран Ф. 356, 409
Митюков М.А. 237
Михайлов А.Ю. 189, 228
Михайлов Н. 375
Михалков Н.С. 149
Михник А. 216
Могильников А.Н. 42
Моисеев М.А. 266
Молотов В.М. 21, 46, 59
Молчанов Б. 51
Молчанов С.Ф. 37, 37, 38
Мороз О. 9, 349, 355, 367, 370
Морокин В.И. 221, 222
Морщаков Ф.М. 73
Музыкантский А.Н. 189, 272
Муравленко С. 375
Муха В. 328
Мухамадиева Т. 58
Мухамедеев К.А. 58
Мухин Г.А. 61, 62

Н

Набойченко С.С. 47, 48, 49, 56, 57
Нагибин Ю. 336
Назарбаев Н.А. 259, 260, 275, 276, 409, 410
Наседкин В. 37
Неверов И.А. 35
Невзлин Л. 375
Немцов Б.Н. 384, 385, 386, 406
Неуймин М.И. 82
Низмутдинова Л. 46
Низовцев А.А. 143, 148, 149
Никифоров К.В. 8, 280

Николаев А.И. 352, 375
Николаев К.К. 77, 79
Николин В. 37
Никонов В. 365, 364, 368
Никонов Н.Г. 123, 124
Новиков И.Т. 79, 80
Нудель В.С. 74, 75

О

Областов Ф.Н. 23
Оболенский А.М. 198
Овчинников Г.Е. 16, 82
Окуджава Б. 336
Ольбик А. 182, 183, 185, 188, 189, 200, 204, 206
Орлов В.П. 196, 375
Осинцев И.А. 99
Ослон А. 361, 368, 369, 373, 374, 380

П

Паверман М. 51
Павлов В.С. 244, 257, 260, 266
Павлов Н. 288
Павлова А.Е. 52
Павловский Г. 373, 380
Паин Э.А. 339, 365, 369
Пальм В.А. 200
Памфилов Э. 344
Панов Д.А. 14
Пастернак Б. 31
Патракеев 19
Пекарь Г.С. 75
Перетрутов С.И. 76
Пермяков Ю.А. 41, 54
Петраков Н.Я. 163, 228, 229, 393
Петренко В.А. 364
Петров Л.В. 143
Петров Ю.В. 99, 143, 174, 279, 280, 339
Петухов Д. 31
Пименов Р.И. 237
Писарев И.Д. 143, 148, 158
Пихоя Л.Г. 8, 211, 253, 280, 339, 348, 396, 406
Пихоя Р.Г. 9, 83, 227, 242, 243, 250, 251, 252, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 267, 269, 270, 276, 277, 280, 282, 284, 287, 288, 322
Плеханов Ф. 43
Подопригора В.Н. 237
Покровский Н.Н. 13
Полещук М.Д. 143
Полозков И.К. 125, 221, 222, 223
Полторанин М.Н. 145, 146, 189, 279, 285, 321
Пономарев Л.А. 228
Пономарёв Л.Н. 82
Попков В. 346
Попов Г.Х. 9, 163, 195, 198, 199, 200, 241, 267, 269
Попцов О. 263, 266, 320, 324
Поротников А.Ф. 23
Поротников М.В. 23
Потанин В.О. 345, 368, 375, 380, 384, 385, 386
Потапов И.И. 80, 82
Преображенский А.А. 13
Примаков Е.М. 352, 363, 380, 388, 393, 394, 397, 398, 399, 400, 405, 412
Прокофьев Ю.А. 7, 142, 143, 144, 145, 179, 250
Промыслов В.Ф. 143
Пуго Б.К. 194, 245, 259, 265
Путин В.В. 398, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 406, 408
Пятыгин Б.С. 113

Р

Раевская Н. 345
Раздьяконова Р. 55
Разумовский Г.П. 125, 141, 164, 169, 188, 194
Райс К. 202
Распутин В. 123, 209, 336
Рау Й. 151
Рахимов М. 323
Рейфшнейдер А. 43, 49, 55
Репенко М.П. 102
Ресин В.И. 364
Рогицкий С.А. 41
Родионов И.Е. 380

Родионов И.С. 382
Родионов С. 345
Рождественский Р. 336
Рожков Е.П. 68
Романов Г.А. 89
Романов Г.В. 133
Руцкой А.В. 143, 246, 253, 254, 255, 258, 262, 267, 271, 281, 282, 285, 299, 304, 306, 310, 320, 321, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 334, 338, 361, 384
Ручьев Б. 122
Рыбаков П.Д. 61
Рыбкин И.П. 243, 341, 352, 357, 358, 383
Рыжков И.Я. 23
Рыжков Н.И. 7, 82, 125, 134, 150, 161, 168, 194, 196, 228, 229, 231, 233, 234, 251, 252, 254, 255, 256
Рыжов Ю.А. 215, 237
Рюриков Д.Б. 396
Рябов Н.Г. 304, 307, 315, 316, 320, 322
Рябов Я.П. 70, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 87, 121, 126, 127, 168

С

Савостьянов Е. 379
Савченко А.И. 102
Саенко Г.В. 243
Сайкин В.Г. 144, 146, 159, 160
Сайкин В.Т. 143
Самохвалов С.К. 17
Самсонов Н. 46
Саночкин Ф.Е. 23
Сатаров Г.А. 8, 339, 354, 359, 406
Сахаров А.Д. 51, 195, 196, 197, 198, 200, 253
Свиридов Г. 336
Селезнев Г. 400
Семенов Н.Н. 374
Семенченко В. 339
Семухин И. 64
Сергеев А. 252
Сергеев Д. 211
Сергеев В.В. 303
Сергеев И.Д. 388, 393
Сергеев М.А. 85
Сергеев П.И. 102
Сергеев Ю. 294
Силаев И.С. 225, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 267, 268
Ситарян С.А. 163
Скоков Ю. 281, 293, 301
Скоукрофт Б. 202
Слободкин Ю. 318
Словцов П. 13
Слюньков Н.Н. 140, 158
Смирнова С.А. 143
Смирнягин Л.В. 365
Смоленский А. 375
Смольский П.А. 127
Собчак А.А. 195, 198, 261, 320, 339, 398
Собянин А.А. 341
Согрин В.В. 9
Соколов В.С. 9, 240, 330
Соловьев В., 9, 147, 159, 160, 172, 201, 202, 403
Соловьев Ю.Ф. 134, 140
Соломенцев М.С. 88, 134, 156, 161, 162, 177
Сорокин А.Ю. 23
Сосковец О.Н. 329, 341, 354, 363, 364, 368, 377
Сотников К.А. 78
Спектор С.И. 104
Спиридонов Л.Н. 143
Спиридонов Ю. 323
Сталин И.В. 18, 21, 23, 25, 46, 59, 60, 168, 190, 211, 404
Станкевич С.Б. 195, 198, 281
Старовойтова Г.В. 260
Старыгина А. 27, 30
Старыгин В.Е. 23, 27, 30
Старыгина К.В. 23
Степанков В.Г. 266, 299, 310, 338
Степанов В. 323
Степанов С.Л. 23
Степашин С.В. 342, 352, 354, 358, 388, 393, 398, 399, 406, 410
Стерлигов А. 267, 288
Страхов А. 359
Строев Е. 400

Сурат А. 328
Суслов Л. 37
Суслов М.А. 81
Сутырин В. 41, 45, 48, 49, 52, 54, 55
Суханов Л. 8, 175, 177, 178, 186, 187, 189, 192, 200, 201, 202, 203, 211, 216, 260, 279, 280, 339
Суханов С. 46
Сыроватко В.С. 239, 240, 288
Сысолятин П.З. 102
Сысуев О.Н. 384, 388
Сытников М.И. 62, 63, 66
Сытников Н.И. 61
Сюкосев В.Д. 102

Т

Талалаев Н.А. 102
Тарасов Б.В. 243
Тарпищев Ш.А 341, 364
Татьяничева Л. 122
Тельминов И.Е. 23
Тимофеев 19
Титов В.А. 37, 99
Тиунов О.И. 237
Тихомиров В.П. 192, 193, 194
Тихонов Н.А. 102, 103, 133, 134
Тихоньков 144
Тишкин Н.М. 99, 102
Токарев М. 51
Толпежников В.Ф. 196
Томашёв Ю.А. 99
Тосунян Г. 345
Травкин Н. 241
Тренихин В.Ф. 102
Тулеева А.М. 252, 255
Тутвилер М. 245
Тэлбот С. 202

У

Ульянов М. 188
Уражцев 332
Уринсон Я.М. 384
Урманов А.Н. 211
Урнов М. 339
Усманов Г.И. 180
Усманходжаев И.Б. 135
Утёсов Л. 51

Ф

Фалин В.М. 240
Фальк П.П. 197
Федоров Б.Г. 227, 228, 344, 388
Федоров В. 199
Фельгенгауер П. 199
Филатов С.А. 8, 122, 216, 217, 225, 236, 257, 284, 288, 290, 302, 305, 323, 324, 329, 331, 337, 339, 340, 343, 348, 349, 352, 357, 363, 364, 368, 369, 383
Филатова И. 52
Филимонов В. 397
Фойо С. 232
Фоминов 19
Фомичёв В. 46
Фридман М. 368, 375, 385

Х

Хабаров А.И. 102
Хазанов Г. 341
Хакамада И. 357
Харин Г.Н. 211, 253, 280
Хасбулатов Р.И. 8, 224, 225, 235, 237, 239, 241, 242, 245, 253, 257, 261, 262, 264, 267, 268, 282, 284, 285, 288, 291, 292, 293, 294, 296, 298, 299, 302, 304, 306, 307, 308, 310, 311, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 320, 321, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 334, 336, 338, 350
Хендриксен П. 202
Херд Д. 229
Ходов С. Б. 123
Ходорковский М. 345, 368, 375, 385
Хомяков М.И. 102
Хонина А.П. 37
Хоффман Д. 362
Хохлов В. 345
Христенко В.Б. 388, 391
Хрущев Н.С. 59, 60, 248, 252, 257, 261, 408

Ц

Цанн-Кай-Си Ф.В. 237

Царегородцев А.Н. 142, 273
Цепенников В.И. 99
Цой В. 222, 223
Чаковский А. 150
Чебриков В.М. 161, 168
Челноков Н.Е. 143,146
Черненко К.У. 133, 136, 141, 180, 248
Черномырдин В.С. 289, 301, 302, 303, 304, 308, 318, 320, 324, 325, 328, 330, 333, 340, 341, 342, 344, 355, 356, 358, 359, 363, 364, 365, 367, 368, 369, 377, 378, 379, 380, 382, 386, 387, 388, 389, 391, 393, 400, 406, 410
Чернушкин В.С. 75
Черняев А.С. 7, 137, 138, 142, 156, 164, 166, 169, 170, 196, 228, 272, 274, 275
Черняк А. 145, 146, 202
Чеченин Н.К. 102
Чивилихин В. 159
Чикирев Н.С. 181
Чубайс А.Б. 285, 345, 362, 363, 364, 367, 368, 374, 376, 377, 379, 380, 384, 385, 386, 387, 389, 391, 395, 406
Чудакова М.О. 365
Чураков В. 64

Ш

Шабунин Т.П. 23
Шапошников Е. 339
Шаталин С.С. 228, 229, 230, 231, 234
Шахманов И.В. 144, 145
Шахназаров Г. 7, 164, 200
Шахновский В. 368
Шахова Е. 389
Шахрай С.М. 237, 261, 281, 297, 320, 322, 352, 358
Шварц Е. 113, 202
Шеварднадзе Э.А. 133, 148, 156, 157, 168, 267
Шевцова Л.Ф. 9, 350, 355
Шевченко В.Н. 9, 339, 347, 348, 379, 402, 403, 409, 411, 412
Шейнис В.Л. 237
Шелов-Коведяев Ф.В. 237
Шенин О.С. 223, 243, 260
Шилин В.А. 102
Шилов А. 336
Шимаев Л. 189
Ширяев В.В. 143
Шмелев Н.П. 228
Шойгу С.К. 352, 400
Шохин А. Н. 285, 345
Шрёдер Г. 151
Штоколов Б. 51
Штоф Э. 186
Штыгашев В. 224
Шубин А.В. 9
Шульженко К. 51
Шумейко В.Ф. 289, 295, 296, 301, 304, 320, 321, 323, 341, 352, 357
Шушкевич С. 274, 275, 276

Щ

Щербаков В.П. 37, 158
Щербицкий В.В. 139, 156, 161

Ю

Юзефович А.Н. 41, 46, 51, 53, 55
Юмашев В.Б. 189, 192, 341, 380, 389, 397

Я

Яблоков А. 281
Явлинский Г.А. 227, 228, 230, 231, 273, 346, 361, 400, 406
Язов Д.Т. 161, 259, 260, 261, 262, 265, 268, 270, 271
Яковлев А.Н. 7, 23, 78, 141, 157, 158, 161, 162, 168, 188, 195, 267, 339, 375
Якунин Г. 294
Янаев Г. 225, 245, 259, 261, 265, 269
Яндарбиев З. 370, 371, 377
Яров Ю. 288, 320, 368, 379
Ярошенко В. 201, 202, 261
Ясин Е.Г. 228, 339
Ястржембский С.В. 380, 396

A

Aron L. 9, 29

C

Colton T. 9, 24

Научное издание

Авторский коллектив: проф., д.и.н. М.Р. Зезина, проф., д.и.н. О.Г. Малышева, к.и.н. Ф.В. Малхозова, проф., д.и.н. Р.Г. Пихоя.
Под редакцией проф., д.и.н. Р.Г. Пихоя

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕМЕН

Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Леонид Янович*
Корректоры: *Лидия Хаславская*
Михаил Янович
Верстка и оригинал-макет *Евгения Яновича*
Обложка *Антонины Байдиной*

Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры
Подписано к печати 11.01.2011
Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. печ-л.
Тираж 3000 экз. Заказ № ____

НП издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-905-739-0264
E-mail: nh@novhron.info
Информация об издательстве и Интернете: http://www.novhron.info

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

www.novhron.info

9 785948 811543

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

Ельцин Б.Н. (1931—2007)

Бутка

Родители Б.Н. Ельцина

Свердловск

ХАРАКТЕРИСТИКА

на молодого специалиста ЕЛЬЦИНА БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА
(фамилия, имя, отчество в соответствии с паспортом)

19 31 г. рождения, члена: КПСС, с 19 45 г., ВЛКСМ с 19 ___ г. б/п, оканчивающего строительный факультет Уральского политехнического института им. С. М. Кирова
во II квартале 1954 г. по специальности Промышленное и гражданское строительство
5 37
гр. гр.С-576

тов.ЕЛЬЦИН Б.Н. окончил в 1949 году среднюю школу и поступил в этом же году на первый курс строительного факультета Уральского политехнического института имени С.М.Кирова.За время своего обучения в институте имел только отличные и хорошие оценки по всем учебным дисциплинам.

тов.ЕЛЬЦИН Б.Н. активно участвовал в общественной работе и много содействовал успешному развитию спортивной работы среди студентов факультета; инициативный,серьезный и способный студент; не всегда работал систематически.

После окончания института тов.ЕЛЬЦИН Б.Н. может самостоятельно руководить производством строительно-монтажных работ при возведении гражданских и промышленных зданий.

Д Е К А Н
СТРОИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА
доцент,к.т.н. /Г.П.ДОРОСИНСКИЙ/

СЕКРЕТАРЬ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОФБЮРО ФАКУЛЬТЕТА

25 апреля 1955г.

НС 46211 Тип. УПИ, Свердловск, Втузгородок, 8 студ. корпус Тираж 3500 27. X. 1953 г. Заказ 1151

Характеристика Ельцина Б.Н.

Ельцин
Борис
Николаевич

1 от 14/VII 1949 г.

(личная подпись)

ОТМЕТКИ
о прохождении приемных экзаменов

37

Предмет и характер экзамена	Дата экзам.	Оценка	Подпись препод.
Математика письменный	3/VII 5/VII	отл. Тим	
устный	8/VII	хор Малина	
Общ. оценка		отл Малина	
Русский язык письменный	7/VIII	хор	Ельцина
устный	14/VIII	отл	
Физика устный	16/VIII	хор	Ельцин
Химия устный			
История народов СССР устный			
Иностран. язык устный	11/VIII	отл.	Ельцин
География			
...ние и рисов.	12/8	Хор.	Ельцин

Отметки о прохождении приемных экзаменов

Директору Уральского политехнического института
имени С. М. Кирова

от Ельцина Бориса Николаевича
(фамилия, имя и отчество)

окончившего в 1949 году среднюю
школу им. И.С. Пудкина
(указать название учебного заведения)
г. Березники
(указать адрес учебного заведения)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу приемную комиссию Уральского политехнического института им. С. М. Кирова ~~допустить меня к вступительным экзаменам~~ зачислить меня ~~как отличника средней школы~~ на строительный факультет по специальности ПГС

При этом прилагаю следующие документы:

аттестат об окончании _____ (в подлиннике),

автобиографию,

три фотокарточки.

Мне известно, что:

паспорт и учетно-воинский документ я должен предъявить при личной явке.

Ваше решение прошу сообщить по адресу: г. Березники Молотовской обл. 8-й квартал ул. Садовая д. №37.

Дата 25/VII-49г.

Подпись Ельцин

НС 25838 Тираж 2000 Заказ 1069
Тип УПИ, Свердловск, Втузгородок, 8 студ. корпус

Заявление Б.Н. Ельцина о зачислении на строительный факультет в уральский политехнический институт

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС
Я.П. Рябов (справа) и Б.Н. Ельцин на субботнике

Б.Н. Ельцин. Выступление
на партийном активе. 1977 г.

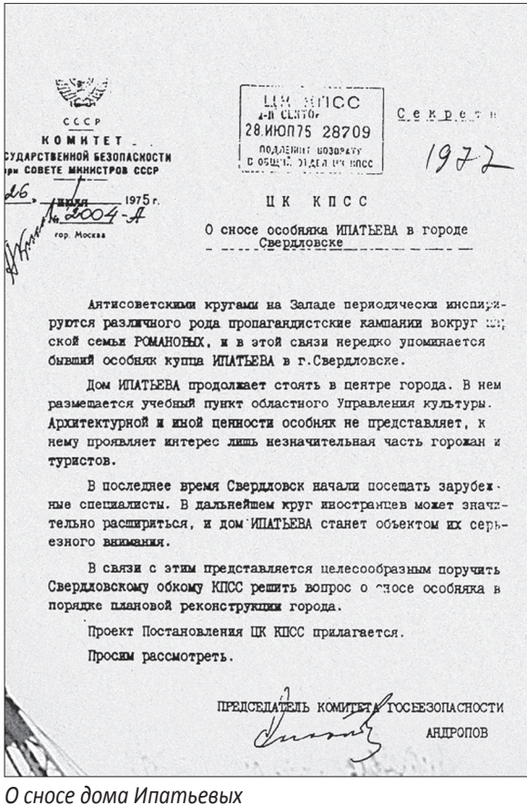
Белоярская атомная станция

Ельцин на Качканарском горнообогатительном комбинате. 1983 г.

Академики С.В. Вонсовский,
А.П. Александров и Б.Н. Ельцин 1978

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

16 июня 1975 г.
№ 2004-А
гор. Москва

ЦК КПСС
28.ИЮЛ75 28709
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в общий отдел ЦК КПСС

Секретно
1972

ЦК КПСС

О сносе особняка ИПАТЬЕВА в городе Свердловске

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспи-
руются различного рода пропагандистские кампании вокруг
ской семьи РОМАНОВЫХ, и в этой связи нередко упоминается
бывший особняк купца ИПАТЬЕВА в г.Свердловске.

Дом ИПАТЬЕВА продолжает стоять в центре города. В нем
размещается учебный пункт областного Управления культуры.
Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к
нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и
туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубеж-
ные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значи-
тельно расшириться, и дом ИПАТЬЕВА станет объектом их серь-
езного внимания.

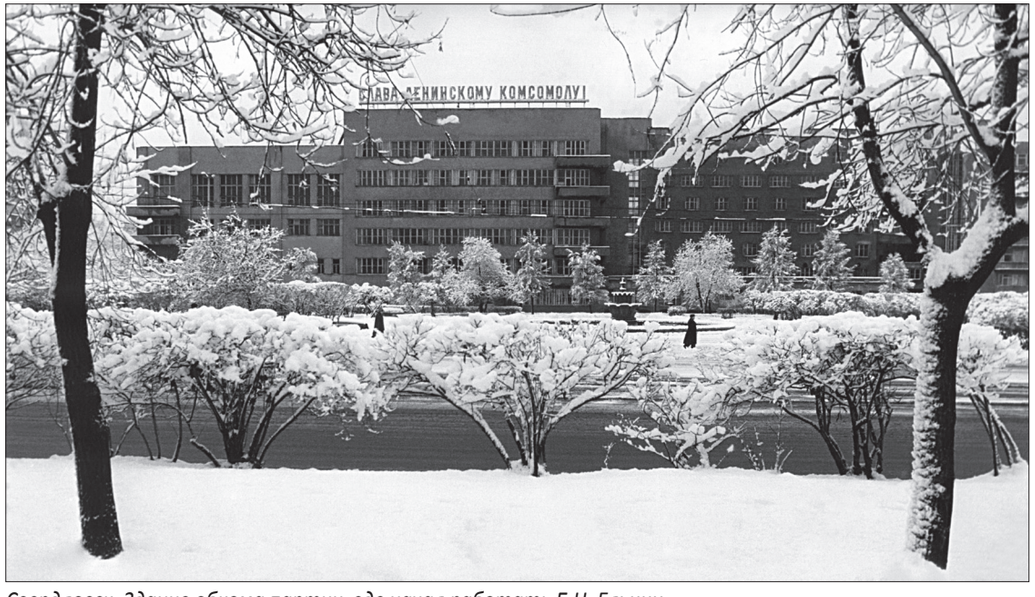
В связи с этим представляется целесообразным поручить
Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в
порядке плановой реконструкции города.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
АНДРОПОВ

О сносе дома Ипатьевых

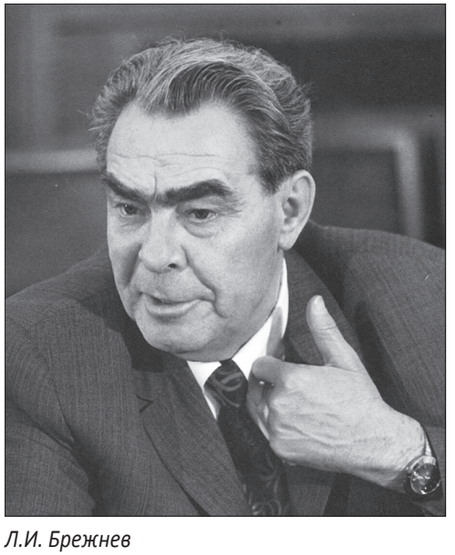

Свердловск. Здание обкома партии, где начал работать Б.Н. Ельцин

Госпиталь ветеранов войны. 1981 г.

А.П. Кириленко, кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Уралхиммаш

Л.И. Брежнев

ИНФОРМАЦИЯ

19 мая 1981 года, в 16 часов,
во дворце молодежи
СОСТОИТСЯ ВСТРЕЧА

члена Центрального Комитета КПСС, первого секретаря Свердловского обкома партии, делегата XXVI съезда КПСС
товарища

Ельцина Бориса Николаевича

со студентами высших учебных заведений области

В своем выступлении тов. ЕЛЬЦИН Б. Н. расскажет об итогах работы XXVI съезда КПСС и задачах по претворению решений съезда в жизнь
Будут даны ответы на интересующие студентов вопросы

В целях более организованного проведения этой встречи будет осуществляться предварительный сбор вопросов

Просим студентов, желающих задать вопросы тов. ЕЛЬЦИНУ Б. Н., опустить записку с текстом сформулированного вопроса в специальные ящики для сбора вопросов, которые установлены на факультетах и в фойе главного корпуса вуза

Участники встречи 19 мая смогут задать вопросы непосредственно из зала

Ректорат Партком Комитет ВЛКСМ

Афиша в Уральском университете им. А.М. Горького о встрече с Б.Н. Ельциным

ВЫБЕРЕМ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ЛУЧШИХ СЫНОВ
И ДОЧЕРЕЙ СОВЕТСКОГО НАРОДА, ДОСТОЙНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕРУШИМОГО
БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ!

ЕЛЬЦИН

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ПО ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ № 306 ГОРОДА ПОЛЕВСКОГО

Борис Николаевич Ельцин родился в 1931 году в селе Бутка Талицкого района Свердловской области в семье крестьянина.

Трудовую деятельность Б. Н. Ельцин начал в 1955 году после окончания Уральского политехнического института имени С. М. Кирова мастером Нижнесергского строительного управления треста Уралэлектротерм. Работая в строительных организациях города Свердловска, Борис Николаевич прошел путь от мастера до начальника строительного управления. Энергичный и грамотный руководитель, требовательный к себе и подчиненным, он уделял большое внимание организации строительства, качеству работ и внедрению новой техники.

В 1961 году т. Ельцин Б. Н. вступил в члены Коммунистической партии Советского Союза.

В 1963 году Б. Н. Ельцин был назначен главным инженером, а в 1965 году — начальником Свердловского домостроительного комбината. В период его деятельности коллектив комбината работал стабильно, успешно выполняя государственные планы и социалистические обязательства. Борис Николаевич внес большой личный вклад в техническое совершенствование и развитие крупнопанельного домостроения. Он умело сочетал административно-хозяйственную деятельность с воспитанием людей. В решении вопросов постоянно опирался на коллектив. Активно участвовал в общественной жизни — избирался членом Свердловского горкома партии, депутатом и членом исполкома горсовета.

Как опытный организатор и способный воспитатель, Борис Николаевич в 1968 году выдвинут на партийную работу — заведующим отделом строительства Свердловского обкома КПСС. Постоянное внимание он уделял совершенствованию работы партийных организаций предприятий строительства, развитию индустриальной базы, повышению качества и снижению себестоимости строительных работ.

В 1975 году Борис Николаевич Ельцин избран секретарем, а в 1976 году — первым секретарем Свердловского обкома КПСС.

Б. Н. Ельцин зарекомендовал себя энергичным, инициативным и принципиальным партийным руководителем, хорошим организатором, обладающим чувством нового. Его отличает высокая требовательность к себе, чуткое отношение к людям. Он часто бывает в трудовых коллективах, выступает перед рабочими, колхозниками, интеллигенцией, студентами.

Борис Николаевич повседневно оказывает практическую помощь партийным комитетам в совершенствовании стиля и методов организационно-партийной и идеологической работы. Много внимания уделяет развитию производительных сил области: своевременной сдаче в эксплуатацию важнейших народнохозяйственных пусковых объектов и освоению их мощностей, реконструкции действующих предприятий, внедрению научной организации труда, передового опыта, наиболее прогрессивных форм социалистического соревнования. Он настойчиво добивается осуществления комплексной программы развития сельскохозяйственного производства, перевода его на промышленную основу, решения социальных вопросов, улучшения культурно-бытовых условий жизни людей.

Борис Николаевич умело направляет усилия партийных и хозяйственных органов, трудовых коллективов на безусловное выполнение планов и обязательств каждым предприятием. Большую заботу проявляет об увеличении производства товаров народного потребления. В центре его внимания находятся вопросы повышения эффективности и качества работы, роста производительности труда, усиления режима экономии.

Среди коммунистов и трудящихся области Б. Н. Ельцин пользуется заслуженным авторитетом. Он является членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, областного Совета народных депутатов, членом облисполкома. Был делегатом XXVI съезда КПСС.

За активное участие в выполнении народнохозяйственных планов Б. Н. Ельцин награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», тремя медалями.

Борис Николаевич Ельцин — верный сын Коммунистической партии Советского Союза — достойный кандидат в депутаты Свердловского областного Совета народных депутатов.

ТРУДЯЩИЕСЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ!

ШИРЕ РАЗВЕРТЫВАЙТЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР!

БОРИТЕСЬ ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ 1982 ГОДА И ОДИННАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКИ В ЦЕЛОМ!

НС 17440 Май 1982 Тираж 200 Заказ № 14082
Типография издат «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Афиша по выборам в областной Совет

Торжественное собрание Уральского отделения АН СССР в честь награждения орденом Октябрьской революции

Агропром

Б.Н. Ельцин на строительстве дороги Свердловск—Серов

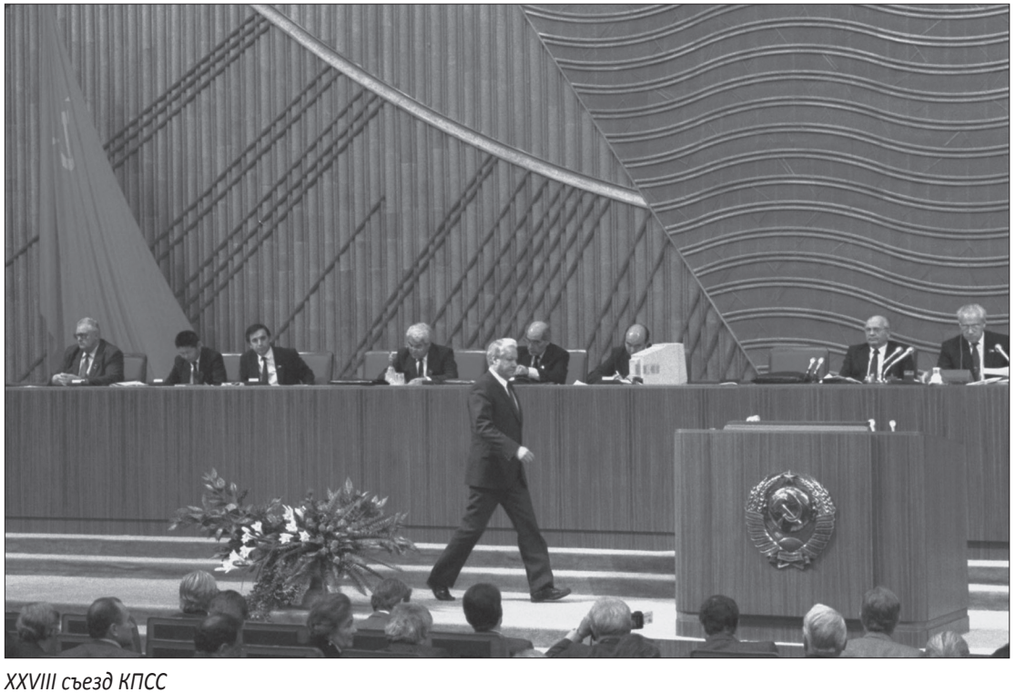
Парад

Е.К. Лигачев и Б.Н. Ельцин в свердловском магазине

На демонстрации 7 ноября

XXVIII съезд КПСС

Юбилей Москвы. 1987

Свердловск, 1987

Плакат, 1988

Агитация на улицах Москвы. 1989

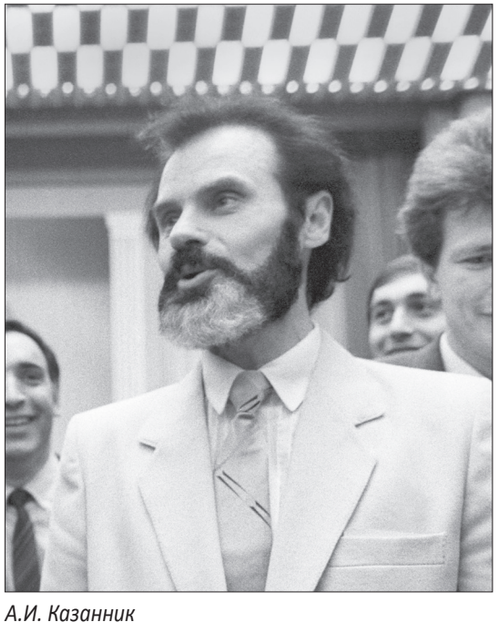

Встреча кандидатов в народные депутаты по г. Москве на I съезд народных депутатов СССР

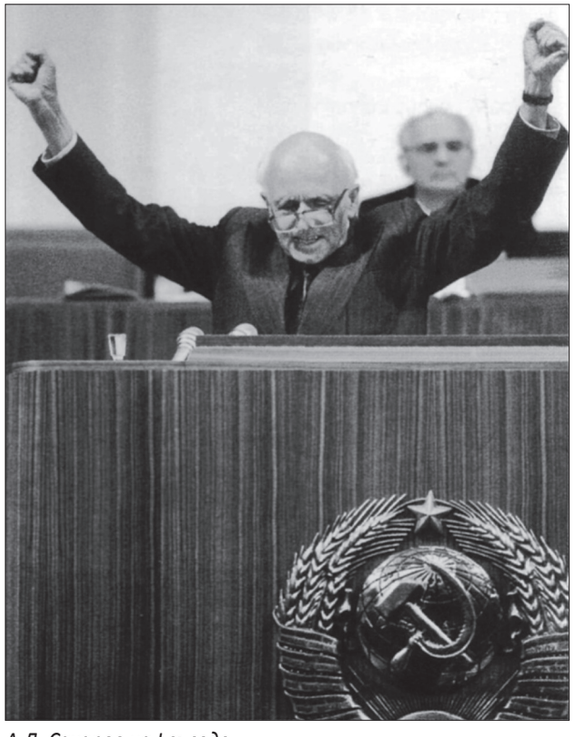

Демонстрация. 1990

Избирательная кампания Б.Н. Ельцина. 1990

А.И. Казанник

А.Д. Сахаров на I съезде

Б.Н. Ельцин и Е.К. Лигачев

Ярославль. Очередь за хлебом

V внеочередной съезд народных депутатов СССР

Встреча с шахтерами. 1991

Митинг. Февраль 1991

Антикоммунистический митинг в Москве. 1991

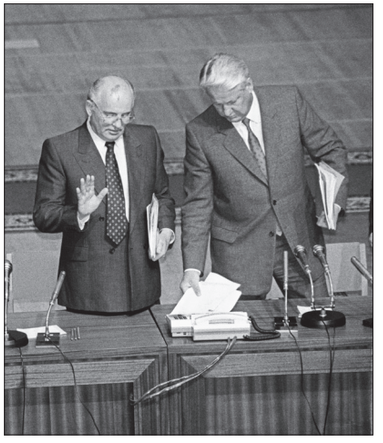
Путч. 19 августа 1991

Предвыборная президентская кампания. 1991

Инаугурация. 1991

Закрытие Компартии РСФСР. 23 августа 1991

Подготовка нового Союзного договора

Похороны А.Д. Сахарова

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Государственном гербе Российской Федерации

В целях восстановления исторической символики Российского государства и принимая во внимание, что Государственный герб Российской Советской Федеративной Социалистической Республики утратил свое символическое значение, **постановляю:**

1. Утвердить Положение о Государственном гербе Российской Федерации (приложение № 1) и рисунок Государственного герба Российской Федерации (приложения № 2 и 3).

2. Установить, что Положение о Государственном гербе Российской Федерации действует до вступления в силу соответствующего закона.

3. Установить, что воспроизведение Государственного герба Российской Федерации является обязательным:

на бланках и печатях Президента Российской Федерации, палат Федерального Собрания, Правительства Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации - с 1 января 1994 года;

на бланках и печатях центральных органов федеральной исполнительной власти, а также дипломатических представительств, консульских учреждений и иных официальных представительств Российской Федерации за границей - с 1 февраля 1994 года;

на бланках и печатях иных органов государственной власти - с 1 января 1995 года;

в иных случаях, установленных Положением о Государственном гербе Российской Федерации, - с 1 января 1996 года.

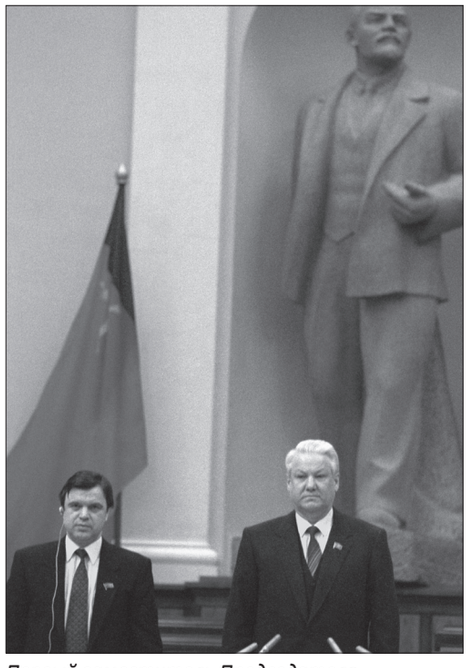
4. Признать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 января 1981 года "Об утверждении Положения о Государственном гербе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики".

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
30 ноября 1993 года
№ 2050

Указ о Государственном гербе России

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов и Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин

Рисунок герба россии

Г.Э. Бурбулис

В. Илюшин

Е.Т. Гайдар

Глава Администрации Президента С.А. Филатов

Договоренность на VI съезде народных депутатов РФ

Пикет противников запрета Верховного Совета. Сентябрь 1993

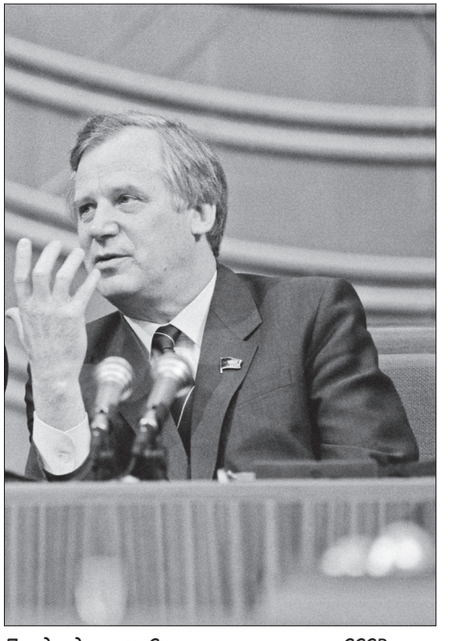

Начало 1992 г. Демонстрации против свободных цен

Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин

Р.И. Хасбулатов

Председатель Совета министров СССР Н.И. Рыжков

Вице-президент РСФСР А.В. Руцкой

Лидеры левых фракций в Государственной Думе — Г.А. Зюганов, Г.Н. Селезнев, Н.И. Рыжков

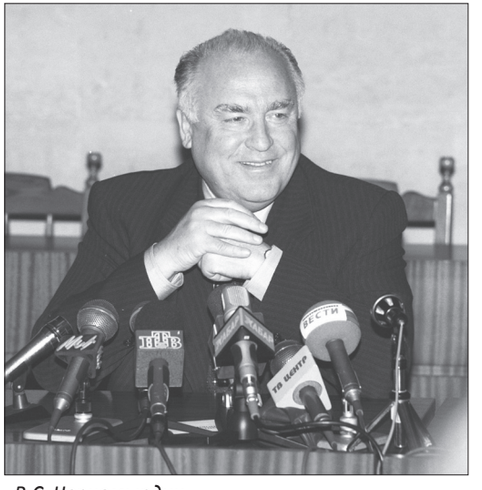
Танки у Белого дома. 1993

Председатель Государственной Думы И.П. Рыбкин и Президент Б.Н Ельцин

Штандарт президента

В.С. Черномырдин

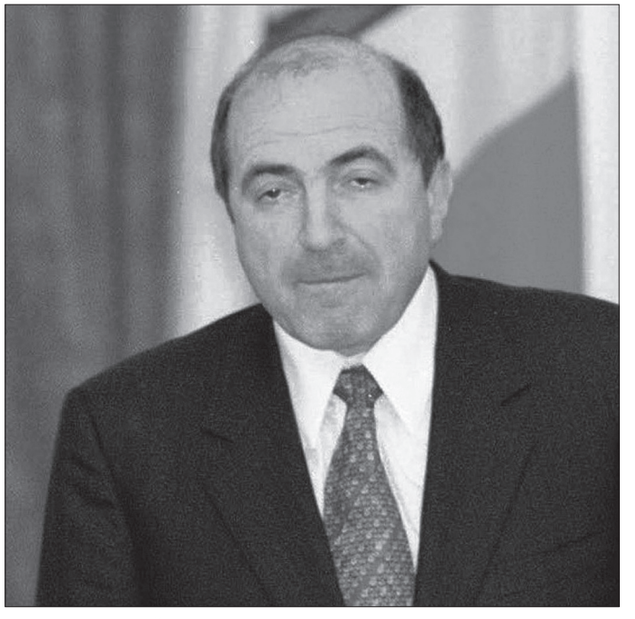
Митинг сторонников Президента. Март 1993

Чечня. Эвакуация раненных.

А.А. Масхадов и Б.Н. Ельцин. Переговоры в Кремле

Б.А. Березовский

А.И. Лебедь и Б.Н. Ельцин

Б.Н. Ельцин в избирательной кампании. 1996

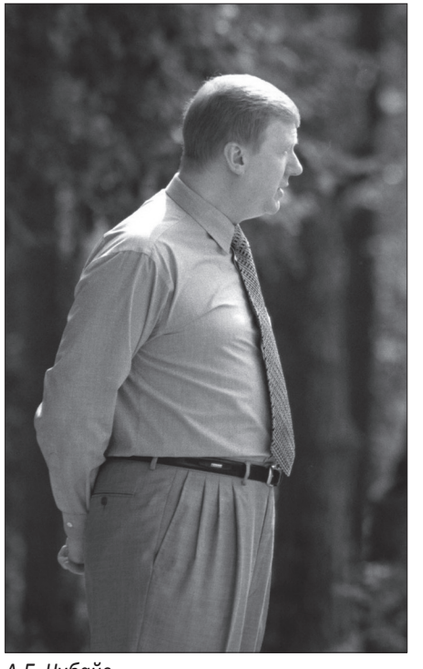

На церемонии погребения останков императора Николая II и членов его семьи

Инаугурация президента Б.Н.Ельцина. 1996

Е.М. Примаков

А.Б. Чубайс

Вице-премьер Б.Е. Немцов

Председатель Правительства С.В. Кириенко

31 декабря 1999 г. Б.Н. Ельцин уходит из Кремля

Б.Н. Ельцин, Г. Коль, Ж. Ширак

ЦКБ